This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Наблюдатель

№1

1902

1164.

1967

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
NOV 11 1969
AP50
W33
V.21

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ XXI. ЯНВАРЬ. 1902 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН.
I.	Отецъ и сынъ. Повѣсть М. Бовскаго	11
II.	Искушеніе. Стихотвореніе Л. Н. Афанасьева	129
III.	Среди эстонскихъ городовъ и курортовъ. В. Е. Бѣлинскаго.	130
IV.	Голоса ночи. Стихотвореніе Н. Хлыстова.	179
V.	Въ погонѣ за карьерой. Повѣсть Н. П. Языкова	180
VI.	Провинціальная жизнь. Х.	222
VII.	Волна. Стихотвореніе Д. Ратгауза	247
VIII.	Таинственное преступленіе. Романъ Жоржа Онэ	248
IX.	На чужбинѣ. Стихотвореніе А. Ф. Мейснера	291
X.	Типы и картинки парижской жизни. А. П. Плетнева	292
XI.	Желаніе. (Стихотвореніе *Насръ-Эддина*, персидскаго шаха). Н. Бахтина	301
XII.	Жгучій вопросъ въ нашей арміи. Б—ва.	302
XIII.	Ночь на морѣ. Стихотвореніе С.	305
XIV.	Евреи въ Царствѣ Польскомъ. (Записка бывшаго Намѣстника, фельдмаршала графа Ѳ. Ѳ. Берга, поданная имъ въ Комисію объ устройствѣ евреевъ, при Министерствѣ Вн. Дѣлъ).	306
XV.	Н. А. Добролюбовъ. (*Съ портретомъ*).	316

(См. на оборотѣ).

№ 1 „*Наблюдателя*“ вышелъ 15 января 1902 года.

В слѣдующей книгѣ будетъ напечатана статья А. П. Пятковскаго: «Государственный Совѣтъ четверть вѣка тому назадъ» (по личнымъ воспоминаніямъ).

Современное обозрѣніе.

СТРАН.

XVI. Политическая хроника 1

Политическое положеніе Европы наканунѣ 1902 г. — Заигрываніе англичанъ съ Россіей. — Англійская политика на два фронта. — Что̀ можетъ дать намъ союзъ съ Англіей?—Наши задачи въ Персидскомъ заливѣ.—Манифестаціи грековъ противъ русскихъ и славянъ.—Роль Россіи въ постройкѣ багдадской желѣзной дороги. — Дефицитъ во французскомъ бюджетѣ.—Франціи страшенъ не дефицитъ въ бюджетѣ, а жидовская финансовая кабала.—Пятый сіонистскій конгрессъ.

XVII. Новыя книги: 1) *Дм. Цвѣтаевъ.* Ординарный профессоръ императорскаго варшавскаго университета. **Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ.** II томъ. Приложенія къ историческому изслѣдованію. Книга вторая. Варшава, 1902 г. 2) *Н. Н. Сергіевскій.* **Антонъ Калюжный.** Спб., 1902 г. 3) *А. Миловидовъ.* **Государственное значеніе всероссійскихъ патріарховъ.** Публичное чтеніе. Харьковъ, 1901 г. 4) *В. Арефьевъ.* **Описаніе Сибири.** Очерки для народнаго чтенія. Вып. II. Краткое описаніе губерній и областей Сибири. Томскъ, 1901 г. 15

XVIII. Отголоски. (Корреспонденція «Наблюдателя»): 1) О потребностяхъ нашего народнаго просвѣщенія. 2) Одесскіе лицедѣи. 22

XIX. Наши внутреннія дѣла 30

Вырожденіе земства и угасаніе прежнихъ земскихъ принциповъ.—Новые типы предсѣдателей земскихъ управъ и земскихъ статистиковъ.—Поѣздка русскихъ сельскихъ хозяевъ въ Англію.—Къ вопросу о «министерствѣ народнаго здравія».—Общество скорой медицинской помощи. — Врачъ и паціентъ. — Откровенное заявленіе д-ра Вересаева.—Финляндскіе протесты противъ улучшенія быта безземельныхъ крестьянъ. — Переоцѣнка русскихъ писателей, устроенная евреемъ Волынскимъ. — Раздутый юбилей П. И. Вейнберга и его настоящее значеніе въ русской литературѣ.—Достойная скромность самого юбиляра.—Манифестаціи противъ д-ра Вергуна.

XX. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) **И смѣхъ, и горе.** (Литературныя и общественныя замѣтки). Инородческіе «націонализмы», сживающіе со свѣту русскую національность. — Глумленіе надъ нашимъ патріотизмомъ во имя «гуманности», «либерализма» и «общечеловѣческихъ идеаловъ». — Конецъ жидовско-космополитическому маскараду!—Продолжающійся расколъ между талмудистами.—Раввинъ Якринъ и его новыя разоблаченія. — Ненависть къ «гою» подъ фальшиво-гуманной фразеологіей.—Кагалъ *лансердачный* и кагалъ *фрачный*. — Который изъ нихъ хуже?—«Русское собраніе», какъ попытка сконцентрировать наши общественныя силы. — Недостатокъ иниціативы и узость программы. — Намѣреніе обойтись безъ Петра Великаго въ развитіи русскаго самосознанія. — Пресса предъ судомъ К. П. Побѣдоносцева.—«Чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись».—Необходимость поставить прессу на надлежащую высоту въ политическомъ и нравственномъ отношеніи.—Честный журнализмъ и журнальная проституція.—Привилегія для жидовскихъ изданій. **Ефима Простосердова.** 46

2) Стихотворенія: **Хмураго Барда, Невскаго Жителя и Караима.** 58

XXI. Объявленія . . . . . 1—19

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

№ 1. ЯНВАРЬ.

015440

Редакція и Главная Контора помѣщается въ Ямской улицѣ, № д. 24—9
(близъ Владимірской церкви).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1902.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, 40.

Въ главной конторѣ „НАБЛЮДАТЕЛЯ“ продаются:

1) **«Государство въ государствѣ».** (Къ исторіи еврейскаго вопроса въ Россіи и въ Западной Европѣ). Сборникъ статей **А. П. Пятковскаго.** Изд. Редакціи **«Наблюдателя».** Цѣна **1 р. 50 к.**, вѣс. **2 ф.** Отзывы: въ «Нов. Времени», «Свѣтѣ», «Виленскомъ Вѣстникѣ», «Судебной Газетѣ», «Русскомъ Паломникѣ», «Могилевскихъ Губ. Вѣдомостяхъ», «Православной Буковинѣ» (въ Австріи) и пр. Выписывающіе изъ Главной Конторы за простую пересылку не платятъ. Заказною бандеролью—**1 р. 60 к.**; наложеннымъ платежемъ—**1 р. 70 к.**

2) **«Князь В. Ѳ. Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ»,** историко-литературныя характеристики *А. П. Пятковскаго,* съ приложеніемъ 2-хъ портретовъ и писемъ къ автору: *кн. Одоевскаго,* статсъ-секретаря *барона А. Г. Жомини* и статсъ-дамы *княгини М. В. Вяземской.* Изд. 3-е, Редакціи **«Наблюдателя».** Отзывы: въ «Историческ. Вѣстникѣ», въ «Правит. Вѣстникѣ» и пр. Книга эта *одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для ученическихъ библіотекъ средн. учебн. заведеній и допущена въ безплатн. народн. читальни.* Цѣна **1 р. 50 к.**, перес. за **1 ф.** Выписывающіе изъ редакціи за простую пересылку не платятъ.

3) **Указатель статей, напечатанныхъ въ журналѣ за 12 лѣтъ (по фамиліямъ авторовъ) съ 1882 г. по 1894-й годъ.** Цѣна: безъ перес. **25 к.**; съ перес. (заказной бандеролью) **35** коп.

4) **Двадцать одинъ годъ существованія журнала: «Народная Школа».** (Историческій очеркъ). Цѣна безъ пересылки **30 к.**; съ перес. (заказною бандеролью) **40** коп.

5) Отдѣльные портреты **А. П. Пятковскаго** (на плотной бумагѣ). Цѣна за экз. безъ перес. **50** коп.; съ перес. (заказною бандеролью) **60 к.**

6) Отдѣльные портреты **В. П. Безобразова, А. И. Герцена,** князя **В. Ѳ. Одоевскаго** и **Эд. Дрюмона** продаются по той же цѣнѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, НА 1902 Г., НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Годъ XXI „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ Годъ XXI

Выходитъ ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ, въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, съ иллюстраціями.

Вступая **въ 21-й годъ** своего существованія, журналъ будетъ издаваться въ томъ же самомъ направленіи, съ которымъ хорошо знакома наша образованная публика. **«НАБЛЮДАТЕЛЬ»**, прежде всего, стремился быть *журналомъ* въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово лучшіе дѣятели нашей журналистики, и рядъ статей, въ немъ появлявшихся, не представляетъ собою сброда разныхъ направленій, пріютившихся подъ одною обложкою, *но проникнутъ и связанъ общностью одного опредѣленнаго міросозерцанія.* Общее же направленіе нашего журнала,—насколько возможно было выдержать его по всѣмъ выдающимся вопросамъ внутренней и внѣшней политики,—мы имѣемъ право назвать *прогрессивно-національнымъ.* Всегда и во всемъ, въ предѣлахъ, указанныхъ для русской свободной печати, мы стояли за *прогрессивное движеніе нашей государственной и общественной жизни*—въ сторону свѣта, правды, нравственнаго развитія и экономическаго благосостоянія, съ сохраненіемъ, притомъ, коренныхъ основъ нашего національнаго быта и характера. *Безъ внимательнаго изученія этого быта, безъ любви и уваженія къ своему народу немыслимъ никакой устойчивый прогрессъ*, а возможно только легкомысленное заимствованіе изчужа неприложимыхъ къ намъ политическихъ и соціальныхъ доктринъ.

При этомъ мы отходили одинаково далеко, съ одной стороны, отъ дикаго обскурантизма нашей якобы «охранительной» прессы, охраняющей едва ли не одни плоды татарскаго нашествія, а съ другой — отъ буржуазнаго «либерализма», весьма дружнаго съ еврействомъ и даже находящагося у него въ денежной кабалѣ. Изъ нашей прогрессивной программы *мы навсегда и рѣшительно вычеркнули всякія жидовскія симпатіи*, которыя сначала прокрались въ нашу прессу подъ

флагомъ «религіозной терпимости» (благодаря нашему полному невѣжеству относительно *антигосударственнаго* и *антисоціальнаго* смысла талмудическаго ученія), а теперь поддерживаются въ ней—либо давленіемъ еврейскаго капитала, либо грубымъ политическимъ шантажемъ и застращиваніемъ. Свой взглядъ на исторію и современное положеніе еврейскаго вопроса въ различныхъ странахъ Европы Редакція въ подробности высказала въ недавно изданной ею книгѣ: **«Государство въ государствѣ»** [1]). Съ тою же цѣлью противодѣйствовать пропагандѣ еврейской прессы, Редакція **«Наблюдателя»** познакомила читателей съ подлиннымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта по еврейскому вопросу, Высочайше утвержденнымъ 5 декабря 1870 г. для руководства по всѣмъ министерствамъ; а также съ офиціальными записками членовъ правительственной комисіи при министерствѣ вн. дѣлъ: *В. В. Григорьева* и *В. Я. Фукса*, касающимися наиболѣе важныхъ сторонъ *фарисейскаго талмудизма*, злоумышленно смѣшиваемаго съ Моисеевымъ закономъ (№№ 9, 10 и 11 (**«Наблюдателя»** за 1901 г.), правильное истолкованіе котораго исходило изъ устъ Спасителя міра.

Въ журналѣ за 1901 г. напечатаны: I) беллетристическія произведенія: 1) **Въ «чертѣ осѣдлости»**, романъ *В-ва*; 2) **«Въ далекомъ краю»**, повѣсть изъ туркестанской жизни, *Е. Безродной*; 3) **«Въ погонѣ за независимостью»** (изъ столичныхъ нравовъ) *З. Л.*; 4) **«Типы и картинки парижской жизни»**, *А. П. Плетнева*; 5) **«Безъ маски»**, разсказъ *Его же;* 6) **«На сценѣ и въ жизни»**, романъ *А. Мартынова*; 7) **«Вернулся»**! разсказъ *Н. Языкова*; 8) **«Канцелярская тайна»**, повѣсть *В. В. Уманова-Каплуновскаго*; 9) **«Сиротка Даша»** (изъ записокъ школьнаго учителя) *Н. Реморова*; 10) **«Вольный хлѣбопашецъ»** (очеркъ изъ южно-русской жизни) *Д. В. Ѳедорова;* 11) **«Радикальное средство»** (изъ семейной хроники) *Его же*; 12) **«Въ гостяхъ у кавказскаго горца»**, разсказъ *Н.;* 13) **«Оправданіе»**, разсказъ *В. Юнова*; 14) **«Во что бы то ни стало»**, романъ *С. Орлицкаго*; 15) **«Сіамскіе близнецы»**, повѣсть *С-ва*; 16)

---

[1]) Книгу эту можно выписывать изъ Главн. Конторы по *1* р. *70* к. наложеннымъ платежемъ и по 1 р. 60 к. заказною бандеролью. По той же цѣнѣ высылается и другое изданіе Редакціи: «Князь В. Ѳ. Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ» (съ 2 портр.). Литер. характеристики, *изд. 3-ье.* Изданіе это *одобрено Учен. Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебн. заведеній и допущено въ безплатныя народныя читальни.* (Отнош. Департамента въ Редакцію, за № 33,377, отъ 5 дек.).

«Указатель» статей, напечатанныхъ въ «Наблюдателѣ» за 12 л. (съ 1882 по 1894 г.) высылается заказною бандеролью по *35* к. за экз.

Всѣ прежнія изданія Редакціи распроданы.

«Безъ предразсудковъ», повѣсть *А. Молотова;* 17) «Въ сѣромъ царствѣ» (очерки деревенской жизни) **Н. Вадимова** и пр.

II) Статьи, изслѣдованія и путешествія: 1) «Идеалистическія теоріи искусства и отношеніе ихъ къ творческой практикѣ», *А. Миронова;* 2) «Голосъ жизни о крестьянскомъ неустройствѣ». (По вопросу объ упорядоченіи сельскихъ судовъ), *В. Ш.;* 3) «Во французской колоніи» (изъ путевыхъ замѣтокъ о Сайгонѣ) *П. Алексѣева;* 4) «Якутскъ и его окрестности», *Его же;* 5) «Константинополь», *Его же;* 6) «Трансвааль на Кавказѣ», *А. П. Липранди;* 7) «Въ нефтяной Калифорніи», *Его же;* 8) «Девятнадцатый вѣкъ» (культурно-историческій очеркъ) *Н. Н. Овсянникова;* 9) «Борьба русскаго правительства съ кабакомъ», *Д. П. Райскаго;* 10) «Централизмъ въ современной Франціи и борьба противъ него», *Д.;* 11) «Наблюденія надъ жизнью казанскихъ татаръ», *Салимъ-Гирея-Султанова;* 12) «Наша политическая задача», *А.;* 13) «Американцы въ началѣ новаго столѣтія», *В. Макъ-Гаханъ;* 14) «Сибирскіе сектанты». (Этнографическій очеркъ). *М. В.;* 15) «Скитальцы-горемыки» (изъ воспоминаній о холерномъ годѣ на югѣ), *А.;* 16) «Кабакъ или школа»? (мысли стараго школьнаго учителя) *Н. И. Реморова;* 17) «Наполеонъ I въ характеристикѣ англичанина», *А. А. Полотебновой;* 18) «Вольныя работы солдатъ», *И. Б-ева;* 19) «Поѣздка на кумысъ» (путевые наброски) *К. Г.;* 20) «Темныя стороны нашей сѣверной деревни», *В. Скворцова;* 21) «В. А. Манасеинъ», *А. П. Пятковскаго;* 22) «Нелегальная семья» (воспоминанія о семействѣ А. И. Герцена) *И.;* 23) «По вопросу о мѣстожительствѣ евреевъ», *В. В. Григорьева;* 24) «Объ отношеніи правительства къ религіозной жизни евреевъ»; *В. Я. Фукса;* 25) «Русскій національный флагъ», *В. Е. Бѣлинскаго;* 26) «Война и собственность», *А. С. Зыкова* и пр.

III) Переводные романы: 1) «Труженикъ», романъ *Поля Буржэ* (съ франц.); 2) «У порога счастія», романъ *Беатрисы Гарраденъ* (съ англ.). 3) «Немезида», новелла *Анны Рихтеръ* (съ нѣм.); 4) «Жена фабриканта», повѣсть *П. Моравскаго* (съ чешскаго); 5) «Провинціальный уголокъ», романъ *Анри Гревиля* (съ франц.); 6) «На каторгѣ», повѣсть *Матильды Серао* (съ итал.); 7) «Дитя природы», повѣсть *Уидà* (съ англ.); 8) «Милосердіе», романъ *Переца-Гальдоса* (съ испанскаго) и проч.

IV) Стихотворенія: *Л. Н. Афанасьева, Г. Г. Арищенки, А. Гангелина, П. В. Быкова, В. Л. Велички, А. А. Коринфскаго, А. В. Круглова, А. Лопатина, А. Мельникова, А. Ф. Мейснера, Л. Н. Трефолева, К. М. Фофанова, Н. Хлыстова, В. В. Уманова-Каплуновскаго* и др. Въ «Фонографѣ» печатались юмористическіе стихи: *Невскаго Жителя, Хмураго Барда, Ицки Соломонова, Энигмы, Стараго Капрала* и др.

V) **Провинціальная жизнь.** Подъ этимъ заглавіемъ печатался рядъ статей, посвященныхъ обозрѣнію любопытнѣйшихъ событій нашей внутренней жизни, на основаніи газетнаго матеріала и собственныхъ корреспонденцій. Въ дополненіе къ этому обзору, въ каждой книгѣ журнала печатались сообщенія разныхъ корреспондентовъ подъ рубрикой: «*Отголоски*».

VI) Въ отдѣлѣ: «**Фонографъ**», въ каждой книгѣ журнала печатались фельетоны изъ общественной и политической жизни: «**И смѣхъ, и горе**», *Ефима Простосердова*, или «**По бѣлу свѣту**», *князя Тенерифскаго*.

Въ текстѣ журнала за 1901 г. помѣщены портреты: *И. С. Никитина*, *В. А. Манасеина*, *К. П. Яновскаго*, *Г. Д. Романовскаго*, *Н. Н. Блинова* и *Эдуарда Дрюмона*.

Портреты *А. П. Пятковскаго* (къ 40-лѣтію литер. дѣятельности, на веленевой бумагѣ) высылаются заказною бандеролью по 60 к. экз. По той же цѣнѣ высылаются портреты *А. И. Герцена*, *В. П. Безобразова*, князя *В. Ѳ. Одоевскаго* и *Эд. Дрюмона*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ другія мѣста Россіи.	12 руб.	6 руб.	3 руб.
» пересылкою за границу.	14 »	7 »	4 »

Книгопродавцамъ — 50 коп. уступки съ годоваго экземпляра журнала (гербовый сборъ не включается въ уступку). *При подпискѣ полугодовой, уступки не полагается.* Гг. служащимъ—разсрочка за поручительствомъ казначеевъ. Подписка съ разсрочкою адресуется *исключительно* въ Главную Контору журнала. Плата за публикаціи: за цѣлую страницу 35 р., за ½ стр. 18 р. и за ¼ стр. 10 р. При повтореніи публикацій, уступка,—смотря по ихъ количеству и объему,—отъ 15 до 40 %.

Возобновленіе газеты «Гласность» *отложено впредь до особаго объявленія.*

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **С.-Петербургѣ** — *въ Главной Конторѣ Редакціи* (Ямская ул., № д. 24/9). *Редакція отвѣчаетъ только за подписку, принятую въ Главной Конторѣ журнала*, куда и проситъ обращаться *непосредственно, во избѣжаніе проволочекъ въ полученіи журнала.*

Адресъ для писемъ и телеграммъ: **Петербургъ, Редакція «Наблюдателя». Телефонъ № 2237.**

Редакторъ-издатель **А. П. Пятковскій.**

Ежедневная литературно-политическая газета:

„ГЛАСНОСТЬ“

Программа «ГЛАСНОСТИ» обнимаетъ собой нижеслѣдующіе отдѣлы:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Политика внутренняя. Передовыя статьи по вопросамъ общественной жизни, городскаго, земскаго и сельскаго самоуправленія. Дѣятельность частныхъ обществъ. 3) Отдѣлы: литературно-художественный (беллетристика во всѣхъ ея видахъ), критическій, научный (по всѣмъ отраслямъ знанія), судебно-юридическій (съ печатаніемъ процессовъ и обсужденіемъ судебныхъ рѣшеній), военный, церковный, торгово-промышленный, финансовый, экономическій, сельско-хозяйственный, театральный; обозрѣніе искусствъ. 4) Политика внѣшняя. Передовыя статьи. Телеграммы внѣшнія, доставляемыя агентствами, и свои собственныя. 5) Хроника внутренней и заграничной жизни. Событія дня. Русскія и иностранныя корреспонденціи. Внутреннія телеграммы. Письма въ редакцію и сторонніе сообщенія. 6) Фельетоны изъ общественной и литературной жизни. Дневникъ печати и библіографія. 7) Биржа. Курсовая таблица. 8) Смѣсь. Разныя извѣстія. Справочныя свѣдѣнія. 9) Иллюстраціи. 10) Объявленія.

Кромѣ текущихъ извѣстій и передовыхъ статей по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ внѣшней политики и нашей внутренней жизни, въ газетѣ, въ 1897 и 1898 г.г., печатались постоянно: «Парижскія письма», «Съ береговъ Темзы», «Петербургскіе наброски», «Московскія замѣтки», «Вопросы дня», «Замѣтки кстати», «Отголоски» и пр. Отдѣламъ: «Дневникъ печати» и «Наши внутреннія дѣла» придано было особенное развитіе, такъ что они представляли полный обзоръ всѣхъ выдающихся мнѣній прессы и всѣхъ крупнѣйшихъ событій провинціальной жизни. Въ текстѣ были помѣщены портреты: бывшаго военнаго министра гр. *Д. А. Милютина*, бывшаго министра нар.

просвѣщенія гр. *И. Д. Делянова*, ст.-секретаря *И. Н. Дурново*, и бывшаго редактора «Новороссійскаго Телеграфа» *М. П. Озмидова*.

Пріостанавливая нашу газету въ 1897 г., мы говорили:

«Считаемъ необходимымъ выяснить мотивы этой пріостановки. Отъ первыхъ и до послѣднихъ дней изданія «Гласности», редакція не переставала получать сочувственныя заявленія относительно симпатичнаго всѣмъ русскимъ людямъ направленія газеты; ее привѣтствовали за *смѣлую борьбу* противъ преобладанія у насъ въ жизни инородческаго—преимущественно іудейскаго—элемента, называя эту борьбу даже «гражданскимъ подвигомъ»; за отстаиванье національно-прогрессивныхъ тенденцій въ соціальной и политической сферахъ». Но тогда же выяснилось, что *навязанная намъ цѣна изданія высока*, что людей, могущихъ платить за симпатичную имъ газету по 14 р. въ годъ,—немного; что другіе издатели, безпрепятственно понизивъ цѣну за свои—тоже ежедневныя—изданія (юдофильскаго характера) до 8 и даже до 4 р. въ годъ, дѣлаютъ немыслимой борьбу съ ними... («Гласность» 1897 г., № 87).

Въ то же время, разсчитывая на скорое удовлетвореніе нашего ходатайства,—казалось бы, вполнѣ удоборазрѣшимаго,—мы выражали и такую надежду:

«По полученіи соотвѣтствующаго разрѣшенія, наши теперешніе читатели, наши союзники и единомышленники; наконецъ, всѣ русскіе люди, которымъ дорого *національно-прогрессивное* направленіе въ русской жизни,—одинаково чуждое и либеральнаго космополитизма на юдофильской подкладкѣ, и дикаго ретроградства, именующаго себя «консерватизмомъ»,—поддержатъ наше будущее видоизмѣненное изданіе «Гласности». Оставаясь вѣрными своимъ, разъ заявленнымъ принципамъ, относясь съ искреннимъ уваженіемъ къ вѣковымъ устоямъ народной жизни и не утративъ притомъ ни одного изъ тѣхъ солидныхъ качествъ, за которыя мы получали признательныя заявленія нашихъ читателей, — мы надѣемся, что дешевое изданіе «Гласности», если намъ удастся его осуществить, сдѣлается *общедоступнымъ*:—какъ и подобаетъ «гласности», оно должно проникать повсюду, чего теперь, при высокой цѣнѣ изданія, достигнуть было невозможно».

Но ходатайство наше о сбавкѣ подписной цѣны въ первый годъ не получило *никакого удовлетворенія* и только на *второй годъ* изданія газеты (въ 1898 г.) удовлетворено лишь *отчасти*, подъ тѣмъ вымышленнымъ предлогомъ, что просимая нами сбавка, въ полномъ ея размѣрѣ, должна будто бы вести за собою и сокращеніе программы газеты, хотя цензурный уставъ вовсе не требуетъ этого и такая же точно цѣна не влекла за собою изъятія нѣкоторыхъ отдѣловъ программы въ другихъ изданіяхъ...

Касаясь всѣхъ этихъ злосчастныхъ судебъ нашей газеты, «Наблюдатель» говорилъ уже въ свое время:

«Гласность», покусившаяся устроить диссонансъ въ этомъ стройномъ жидовскомъ хорѣ, немедленно подверглась на цѣлый мѣсяцъ запрещенію розничной продажи [1]), а эта мѣра для новаго изданія,—

[1]) Въ первый разъ, это запрещеніе послѣдовало, якобы, за передовую статью, въ которой предлагалось сдѣлать критскимъ генералъ-губернаторомъ

окруженнаго притомъ ненавистью кагала и нагло «бойкотируемаго» со всѣхъ сторонъ, — равнялась если не убійству, то, по крайней мѣрѣ, серьезному «членовредительству». Въ то время какъ «прокаженные» листки свободно расходились въ Петербургѣ на всѣхъ уличныхъ перекресткахъ, наполняя кассу «Всемірнаго израильскаго союза» и сотрясая воздухъ гнусными ликованіями надъ изувѣченіемъ русскихъ солдатъ,—редакція «Гласности» должна была нести однѣ нравственныя пытки и крупныя матеріальныя потери, тѣмъ болѣе, что эта мѣра противъ нея оказывалась излюбленною и практиковалась *три* раза въ теченіе *семи* мѣсяцевъ изданія газеты!! Однимъ словомъ, *газета тщательно изолировалась отъ публики*, уже привыкшей въ Петербургѣ знакомиться съ новыми неокрѣпшими изданіями по розничной покупкѣ,—и ее приходилось выпускать, въ теченіе 3 мѣсяцевъ, для однихъ только подписчиковъ. Съ сокращеніемъ же ежедневнаго тиража газеты, не могло явиться и много платныхъ публикацій, составляющихъ значительный источникъ дохода при непрерывномъ и правильномъ развитіи этого дѣла. Еслибы «Гласность» защищала еврейскія притязанія на какую-то безшабашную гегемонію въ русскомъ царствѣ, то, конечно, ея матеріальные убытки были бы охотно покрыты щедрыми жертвователями или, по крайней мѣрѣ, ей были бы предоставлены самыя легкія условія кредита,—подъ векселя съ «благонадежными надписателями», — какъ это практикуется для всѣхъ изданій, пользующихся покровительствомъ кагала. Но мы говорили уже въ «Наблюдателѣ» (№ I, 1899 г.), какимъ *змѣинымъ кольцомъ* окружена была «Гласность», когда ей приходилось пользоваться кредитомъ даже въ тѣхъ банкахъ, гдѣ на текущемъ счету и «онколѣ» перебывали сотни тысячъ нашихъ вкладовъ... Даже высокая подписная цѣна (14 руб.) была *навязана* «Гласности» помимо ея желанія, такъ какъ въ ея планы вовсе не входила конкурренція съ дорогими и прочно установившимися газетами, а имѣлось въ виду лишь дополнить «Наблюдатель» ежедневной неутомительной бесѣдой съ читателями по всѣмъ выдающимся вопросамъ текущей политики и нашей общественной жизни. Съ великимъ трудомъ удалось редакціи выхлопотать сбавку подписной цѣны до 10 р. (и то уже на второй годъ), а дальнѣйшее пониженіе встрѣтило неодолимыя препятствія,—какъ будто распространеніе идей «Наблюдателя» на газетныхъ листахъ могло вредить кому нибудь, кромѣ жидовской клики! Попавъ въ эти двухсторонніе тиски, лишенный возможности бороться съ врагами *равнымъ оружіемъ*, редакторъ-издатель «Гласности» вынужденъ былъ,—что̀ и предсказывали ему жиды въ подметныхъ письмахъ,—свернуть, до перемѣны обстоятельствъ, свое знамя и уступить мѣсто кагальнымъ рептиліямъ, на сторонѣ которыхъ временно очутились неожиданные союзники... Любо-

---

греческаго королевича,—что̀ въ скоромъ времени и осуществилось на дѣлѣ. Въ послѣдній же разъ, запрещеніе мотивировалось откровеннѣе... статьею о минскихъ жидахъ,—избившихъ воинскій патруль,—гдѣ доказывалось, что поводомъ къ избіенію послужила *племенная и религіозная вражда* евреевъ къ христіанамъ-Русскимъ. Существованіе этого повода, въ другомъ однородномъ случаѣ (въ Шкловѣ), признано и уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ сената.

пытно, что въ то время какъ «Гласность» подвергалась всяческимъ преслѣдованіямъ, доводившимъ ее до двукратной *вынужденной* пріостановки, не смотря на увеличивавшееся число подписчиковъ [1]), «Наблюдатель» стоялъ внѣ всякихъ нареканій со стороны надзирающихъ властей,—а вѣдь «Гласность» и въ редакціонномъ отношеніи, и по составу сотрудниковъ составляла только филіальное отдѣленіе того же «Наблюдателя». Но наша газета, имѣвшая возможность дѣйствовать на *тотъ именно слой публики, который находился всецѣло подъ гипнотизирующимъ вліяніемъ жидовской прессы*, возбуждала особенную, жгучую ненависть кагала, а ея пріостановки встрѣчались съ величайшею радостью въ этомъ почтенномъ сонмищѣ,—радостью, прорывавшейся и въ печати, не взирая на строго соблюдаемый обѣтъ «замалчиванія». Наглость жидовъ простиралась до того, что они громили редакцію чуть не ежедневными подметными письмами (одно изъ нихъ, за подписью: «члены Новаго Израиля», было напечатано цѣликомъ въ № 4 «Гласности» за 1898 г.), гдѣ намъ угрожали и разореніемъ редакціи, и вынужденной забастовкой всего дѣла»... («Наблюд.» № 11, 1899 г.).

Только въ концѣ прошлаго года ходатайство редакціи уважено *вполнѣ* новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и подписная цѣна на газету назначена въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ перес. иногороднымъ. . .	7 р. — к.	4 р. — к.	2 р. 50 к.	1 р. — к.
Съ пересылкою за границу . . .	15 » — »	8 » — »	4 » — »	2 » — »

Возобновленіе газеты отложено впредь до особаго объявленія. Право на ея изданіе продолжено. Подписчики удовлетворены: 1) или высылкою журнала «Наблюдатель»; или 2) другою газетою соотвѣтственной цѣны; или 3) возвращеніемъ подписной суммы изъ Главной Конторы.

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковскій.

---

[1]) Въ первый годъ, число подписчиковъ на газету не успѣло превысить 2000, но во второй уже годъ, со сбавкою цѣны, тиражъ ея превышалъ, вмѣстѣ съ розничною продажею, 6000 экз.

ОТЕЦЪ И СЫНЪ.

Повѣсть.

I.

Въ меблированныхъ комнатахъ Шарлотты Шписъ, занимавшихъ весь пятый этажъ огромнаго дома, выходившаго своимъ желтымъ казарменнымъ фасадомъ на Исакіевскую площадь, было обычное по утрамъ оживленіе. Жильцы только что вставали. Въ безконечно-длинномъ коридорѣ, освѣщавшемся и днемъ, и ночью дешевыми керосиновыми лампами и пропитанномъ удушливымъ запахомъ кухоннаго чада, то здѣсь, то тамъ пріотворялись двери, бросая на противоположную стѣну бѣлую узкую полосу дневнаго свѣта; изъ-за дверей просовывалась обнаженная рука и, схвативъ стоявшую передъ «номеромъ» пару мужскихъ сапогъ или дамскихъ ботинокъ, торопливо скрывалась за захлопывавшеюся дверью. Возлѣ комнаты, отведенной для коридорной прислуги, открывая на черной табличкѣ то тотъ, то другой номеръ, ежеминутно дребезжалъ звонокъ, на который выбѣгала горничная и, взглянувъ на табличку, быстро уходила по коридору, шурша накрахмаленными юбками и шлепая по веревочному половику своими истоптанными башмаками. Изъ-за грязныхъ, захватанныхъ пальцами, дверей номеровъ, съ одной стороны, слышался плескъ воды въ умывальной чашкѣ, а съ другой—доносился неясный гулъ голосовъ, заглушаемый по временамъ звяканьемъ ложекъ и звономъ перемываемой посуды...

Въ комнатѣ для прислуги, у одной изъ стѣнъ на деревянномъ некрашенномъ столѣ, надъ которымъ было прибито нѣсколько такихъ же полокъ, заставленныхъ чайниками, чашками и ста-

канами, было приготовлено три черныхъ лакированныхъ подноса съ однимъ или двумя стаканами и мѣдною полоскательною чашкою, а на противоположномъ концѣ комнаты, у небольшой плиты стояло на полу три самовара, около которыхъ хлопотали двѣ горничныя. Одна изъ нихъ, Груша—полная восемнадцатилѣтняя дѣвушка со вздернутымъ носомъ на улыбающемся кругломъ лицѣ, покрытомъ здоровымъ румянцемъ во всю щеку,—дѣлала свое дѣло какъ бы шутя; другая же, Даша, лѣтъ двадцати пяти, худая и блѣдная, съ тонкимъ носомъ и нахмуренными бровями, изъ-подъ которыхъ блестѣли лихорадочнымъ блескомъ черные глаза, раздувала самоваръ съ какою-то злобою, сердито ворча что-то себѣ подъ носъ.

Не обращая никакого вниманія ни на доносившійся изъ коридора шумъ, ни на возню горничныхъ, подъ окномъ сидѣлъ на табуретѣ Семенъ, лакей одного изъ жильцовъ—Горбунцова. Поставивъ свои длинныя ноги на перекладину табурета,—отчего его худыя колѣни были подняты къ верху,—и упираясь въ колѣни локтями, онъ держалъ въ рукахъ раскрытую книжку, низко наклонивъ надъ нею свою голову, покрытую рѣдкими черными волосами, среди которыхъ пробивалась замѣтная просѣдь. Книга эта была Новый завѣтъ, чтенію котораго онъ посвящалъ обыкновенно все свободное время; другихъ книгъ онъ никогда не читалъ и даже не интересовался ими, считая ихъ содержаніе «грѣховнымъ». Особенно любилъ онъ апокалипсисъ, таинственное содержаніе котораго приводило всегда въ священный трепетъ его кроткую, набожную душу, и чѣмъ туманнѣе было выраженіе, чѣмъ непонятнѣе были слова, тѣмъ бо́льшее наслажденіе онъ испытывалъ. Онъ читалъ его и теперь, по своему обыкновенію, медленно и съ разстановками. «И слышалъ я голосъ», — читалъ про себя Семенъ, беззвучно шевеля при этомъ своими блѣдными, безкровными губами,—«посреди четырехъ животныхъ, говорящій: хиниксъ пшеницы за динарій и три хиникса ячменя за динарій; елея же и вина не повреждай»... Онъ поднялъ глаза отъ страницы и, не мѣняя своего положенія, уставился ими въ одну точку на стѣнѣ, выкрашенной желтоватою клеевою краскою, слегка щурясь отъ ударявшаго ему въ лицо дневнаго свѣта, усиленнаго отблескомъ

снѣга, лежавшаго на крышѣ. «Хиниксъ... хиниксъ... динарій»... повторялъ онъ про себя, наслаждаясь звучностью этихъ непонятныхъ для него словъ, которыя представлялись ему, тѣмъ не менѣе, полными какого-то таинственнаго значенія.

Въ коридорѣ продребезжалъ звонокъ. Груша выбѣжала за дверь, но тотчасъ же вернулась.

— Даша!—быстро проговорила она, входя въ комнату—иди скорѣе: твой—пятнадцатый!

— Иди скорѣе, иди скорѣе!—передразнила ее Даша, порывисто поправляя щипцами угли въ трубѣ самовара. — Пусть-ка подождетъ; такъ вотъ я къ нему сейчасъ и поскачу!

Звонокъ протрещалъ снова.

— Ишь, чортъ проклятый! — злобно прошипѣла она—знай себѣ звонитъ. Чтобъ у тебя руки отсохли, лѣшій!—добавила она послѣ короткаго молчанія и бросила щипцы на полъ.

Семенъ вздрогнулъ. Выведенный изъ своего созерцательнаго настроенія словами Даши, онъ невольно прислушивался къ нимъ и теперь, опустивъ ноги на полъ и выпрямивши свою узкую длинную спину, медленно повернулъ свое блѣдное лицо съ пробритымъ подбородкомъ, по сторонамъ котораго висѣли длинные, наполовину сѣдые баки, и, взглянувъ на Дашу своими кроткими сѣрыми глазами, укоризненно произнесъ:

— И какъ вамъ, Дарья Ивановна, не грѣшно, право, такія скверныя слова говорить? Теперь всѣ добрые христіане въ церкви на обѣднѣ стоятъ; можетъ быть, теперь какъ разъ батюшка со святыми дарами выходитъ, а вы, прости Господи, нечистаго поминаете и ругаетесь!

— Съ мое бы помаялись, такъ не такъ бы еще ругались!—злобно возразила Даша, не глядя на него и наклоняясь надъ самоваромъ.

— Нехорошо, нехорошо! — тихо проговорилъ Семенъ, вставая и складывая книгу.—Вотъ тутъ, — сказалъ онъ, указывая на нее пальцемъ, — въ священномъ евангеліи сказано, что ежели кто скажетъ брату своему «безумный», такъ подлежитъ пламени геенны огненной. А это баринъ... вашъ господинъ значитъ...

— Баринъ!—перебила Даша, выпрямляясь и злобно смотря въ упоръ на Семена.—Который есть баринъ настоящій, а корый похуже и нашего брата будетъ! Этотъ-то въ пятнадцатомъ — туда же баринъ?! Гоняетъ, гоняетъ, форсу-то много задаетъ, а нѣтъ, чтобы тебя отблагодарить... О рождествѣ хоть бы полтинникъ далъ, а то двугривенничкомъ отдѣлался!.. Прощалыга!.. Да и развѣ тутъ у насъ есть господа настоящіе?.. Всѣ шаромыжники, какъ есть прощалыги!—И быстро повернувшись, она подняла щипцы и стала опять поправлять угли въ самоварѣ.

— Какъ это, Дарья Ивановна, всѣ прощалыги?—обидѣлся Семенъ.—Вотъ, хотя бы, напримѣръ, Павелъ Никитичъ...

— Ха, ха! Онъ нешто не прощалыга по вашему? — съ недоброю усмѣшкою возразила Даша, разгибая согнутую спину.—Который мѣсяцъ мадамѣ за квартеру не платитъ, въ булочную долженъ, въ молочную долженъ, да и вамъ, чай, жалованье развѣ черезъ три мѣсяца въ четвертый выдаетъ. Видимъ мы, какъ вы у него на пустомъ-то чаѣ отъѣдаетесь!.. Прощалыга и есть!

Все, что говорила Даша, было дѣйствительно правдой, но Семенъ не могъ допустить, чтобы объ его баринѣ Горбунцовѣ отзывались такъ непочтительно. Къ Павлу Никитичу, у котораго онъ служилъ тридцать лѣтъ, Семенъ былъ искренно привязанъ, какъ собака къ своему хозяину, радовался его радостямъ, болѣлъ его горемъ, и потому слова Даши задѣли его за живое. По мѣрѣ того, какъ она говорила, въ его душѣ подымалось чувство тяжкой обиды. Положивъ книгу на табуретъ, онъ гордо закинулъ назадъ свою голову и, засунувъ руки въ карманъ лоснившагося на локтяхъ и лопаткахъ пиджака, терпѣливо ожидалъ минуты, когда она замолчитъ.

— Вотъ что я вамъ скажу, Дарья Ивановна, — сказалъ онъ спокойно, но съ большимъ достоинствомъ,—я васъ попрошу не называть Павла Никитича такими обидными словами. Какіе у меня съ нимъ разсчеты—до того никому дѣла нѣтъ! А что мы за квартиру или тамъ кому еще должны, такъ не безпокойтесь: все до послѣдней копѣечки заплатимъ, какъ только,—вотъ скоро Богъ дастъ,—денежки получимъ... А еще я вамъ скажу—добавилъ онъ кротко и понижая голосъ—«не судите, да не судимы будете»! Осужденіе—великій грѣхъ!

Даша собиралась было что-то возразить, но въ это время звонокъ продребезжалъ опять въ коридорѣ и она вышла изъ комнаты, проворчавъ:—иду, иду, чортъ проклятый!

Семенъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ съ сожалѣніемъ и, глубоко вздохнувъ, произнесъ не то про себя, не то обращаясь къ Грушѣ, стоявшей все время молча со скрещенными на груди руками.—А все оттого, что въ Бога не вѣруетъ!..

Висѣвшіе возлѣ дверей часы съ деревяннымъ, выкрашеннымъ бѣлою краскою, циферблатомъ, на которомъ были грубо нарисованы огромныя, небывалаго вида розы, глухо пробили десять и Семенъ вспомнилъ, что ему пора идти будить Горбунцова.

— Вотъ что, Аграфена Ѳедоровна, — сказалъ онъ, обратившись къ Грушѣ, обтиравшей въ это время концомъ своего фартука закипѣвшій самоваръ, изъ подъ крышки котораго, вмѣстѣ съ клубами пара, выливалась вода, — я Павла Никитича будить пойду, а вы тутъ самоварчикъ имъ приготовьте, чтобы имъ чаю недолго дожидаться.

— Да онъ у меня готовъ, Семенъ Яковлевичъ, хоть сейчасъ подавать, — смущенно отвѣтила та съ улыбкой и густо покраснѣла.

Семенъ,—не смотря на свои сорокъ пять лѣтъ, просѣдь и морщины,—былъ предметомъ тайной любви восемнадцатилѣтней Груши, которая напрасно старалась ему понравиться. Онъ не обращалъ на нее никакого вниманія и не замѣчалъ того смущенія, которое обыкновенно овладѣвало ею, когда она разговаривала съ нимъ, особенно, если это случалось наединѣ. Такъ и теперь онъ не обратилъ на ея смущеніе никакого вниманія и медленно вышелъ изъ комнаты, поправляя съѣхавшій на бокъ галстукъ.

«Прощалыга»... припоминалъ Семенъ слова Даши, идя по коридору, и снова чувство обиды овладѣвало имъ. «Нѣтъ! несчастный, вотъ что»! произнесъ онъ вслухъ, какъ бы продолжая свой разговоръ съ Дашей. «Прощалыга»!.. подумалъ онъ опять, «эхъ, куда хватила баба!.. осуждаетъ тоже... осуждать-то легко... А ты прежде влѣзь въ душу человѣческую... авось тогда не осуждать, а жалѣть станешь... Какъ посмотришь, что былъ Павелъ Никитичъ прежде и что сталъ теперь,—такъ не осуждать, а жалѣть его надо»!.. — И

мысль Семена перенеслась за тридцать лѣтъ назадъ, когда онъ, робкимъ и неуклюжимъ пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, поступилъ на службу въ огромный барскій домъ Горбунцова, поразившій его своею, никогда не виданною имъ, роскошью. Затѣмъ припомнилось ему, какъ лѣтъ черезъ пять онъ былъ назначенъ лакеемъ, какъ хорошо и привольно ему жилось тогда и какъ потомъ, съ отъѣздомъ жены Горбунцова за границу, все измѣнилось и онъ переѣхалъ съ бариномъ въ небольшую квартирку, а затѣмъ, наконецъ, перебрался съ нимъ и сюда въ грязныя меблированныя комнаты... При этихъ воспоминаніяхъ, въ его сострадательномъ сердцѣ проснулась жалость къ своему барину, какъ это бывало съ нимъ всегда, когда онъ вспоминалъ объ его судьбѣ.

II.

Комната, которую занималъ Павелъ Никитичъ Горбунцовъ, была похожа на всѣ номера меблированныхъ комнатъ средней руки. Въ углу, справа отъ входной двери, на темно-коричневомъ фонѣ дешевенькихъ обоевъ, густо усѣянномъ желтоватыми затѣйливыми арабесками, рѣзко выдѣлялась пожелтѣвшая отъ времени и истрескавшаяся изразцовая печь, возлѣ которой возвышался неуклюжій комодъ, служившій вмѣстѣ съ тѣмъ и туалетомъ. За нимъ стоялъ окрашенный подъ орѣхъ цинковый умывальникъ съ облупившеюся во многихъ мѣстахъ краскою и когда-то позолоченнымъ, а теперь почернѣвшимъ краномъ, изображавшимъ голову дельфина. Прямо противъ двери, къ стѣнѣ была приставлена кровать, отгороженная отъ комнаты съ одной стороны тростниковыми плетеными ширмами, обтянутыми полинявшею зеленою матеріею, а съ другой стороны—платянымъ шкафомъ, приставленнымъ къ ея изголовью. Между двумя окнами, выходившими во дворъ, висѣло простѣночное зеркало съ орѣховымъ подзеркальнымъ столикомъ, возлѣ котораго помѣщался подъ окномъ письменный столъ съ изрѣзаннымъ и запачканнымъ чернилами зеленымъ сукномъ. Меблировку комнаты довершалъ стоявшій у четвертой стѣны просиженный диванъ, крытый розовымъ съ букетами кретономъ, съ двумя такими же

креслами и круглымъ столомъ, покрытымъ ковровою скатертью.

Среди этой скромной обстановки рѣзко бросались въ глаза стоявшія на комодѣ туалетныя принадлежности изъ дорогаго граненаго хрусталя съ массивными серебряными крышками, небрежно брошенный на столѣ золотой портсигаръ съ сапфиромъ, да стоявшія въ одномъ изъ угловъ шесть или семь паръ надѣтыхъ на колодки полуботинокъ съ пуговицами и безъ пуговицъ, изъ обыкновенной и изъ лакированной кожи. Все это говорило о томъ, что здѣсь помѣщался жилецъ, не похожій на тѣхъ интеллигентныхъ бѣдняковъ, которые обыкновенно ютятся въ меблированныхъ комнатахъ, подобныхъ комнатамъ Шарлотты Шписъ.

Войдя въ комнату и поднявъ на окнахъ когда-то бѣлыя, а теперь уже сѣрыя, коленкоровыя шторы, Семенъ подошелъ къ ширмамъ, за которыми слышалось ровное дыханіе спящаго.

— Павелъ Никитичъ... Павелъ Никитичъ!—произнесъ онъ довольно громко.

За ширмами слышалось по прежнему то же ровное дыханіе.

— Павелъ Никитичъ!—сказалъ Семенъ, возвышая голосъ послѣ нѣкотораго молчанія, — пора вставать... одиннадцатый часъ!

За ширмами послышалось движеніе на кровати, и громкій зѣвокъ огласилъ всю комнату. Горбунцовъ проснулся. Открывъ глаза, онъ зажмурилъ ихъ отъ дневнаго свѣта и въ теченіе нѣсколькихъ секундъ не могъ прійти въ себя, какъ человѣкъ, только что проснувшійся отъ продолжительнаго сна. Наконецъ, мысли его пришли въ порядокъ и онъ сообразилъ, что теперь утро и нужно вставать и одѣваться. «А-ха-а»! зѣвнулъ еще разъ Горбунцовъ, протирая глаза пальцами, и, увидѣвъ входившаго за ширмы Семена съ туфлями и халатомъ, быстро спросилъ:

— Есть письмо?—и, приподнявшись на локтѣ, замеръ въ ожиданіи отвѣта.

— Ничего нѣтъ-съ, — не глядя на Горбунцова, какъ-то угрюмо отвѣтилъ Семенъ, вѣшая халатъ на спинку стоявшаго около кровати стула и ставя туфли на полъ.

Горбунцовъ откинулся опять на подушку и закрылъ глаза рукою. Ему стало какъ-то больно и непріятно. Вотъ уже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль каждое утро задавалъ онъ Семену тотъ же вопросъ и, получивъ на него отрицательный отвѣтъ, испытывалъ каждый разъ то же непріятное чувство. Письмо, котораго ждалъ Павелъ Никитичъ съ такимъ нетерпѣніемъ, должно было быть отвѣтомъ отъ его сына Николая, которому онъ написалъ недѣль пять тому назадъ. Отъ этого отвѣта зависѣла вся его дальнѣйшая участь и потому такое продолжительное молчаніе сильно его безпокоило. «Отчего онъ не пишетъ»? думалъ Горбунцовъ, перебирая мысленно,— богъ знаетъ въ который разъ, — причины, которыми можно было бы объяснить неполученіе отвѣта; но не могъ остановиться ни на одномъ изъ своихъ предположеній.

— Какъ ты думаешь, Семенъ, отчего не пишетъ мнѣ Николай Павловичъ? — спросилъ онъ вдругъ, садясь въ постели.

Семенъ, приготовлявшій въ это время губку и мыло на умывальникѣ, сначала промолчалъ, — какъ будто бы не разслышавъ обращеннаго къ нему вопроса, — а затѣмъ, повернувшись лицомъ къ постели, отвѣтилъ съ какою-то безпомощною улыбкою:

— Да Господь ихъ вѣдаетъ, Павелъ Никитичъ... Развѣ я могу знать?..—добавилъ онъ потомъ тихо, какъ бы извиняясь въ томъ, что не могъ исполнить предъявленнаго къ нему требованія.

— Конечно, ты не можешь знать, но все таки что ты думаешь? Вѣдь думаешь же ты что нибудь?—продолжалъ спрашивать Горбунцовъ, какъ будто бы соображенія Семена могли разсѣять его сомнѣніе.

— Вѣдь вотъ Николай Павловичъ съ вами, чай, лѣтъ десять или пятнадцать не видались...—началъ Семенъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать?—перебилъ его Горбунцовъ, — не могъ же онъ забыть меня, своего отца, за это время? Вѣдь не забылъ же онъ меня?

— Они не забыли-съ, а только отвѣчать не торопятся, да и дѣлъ у нихъ, должно быть, теперь очень много, съ тѣхъ поръ какъ Юлія Васильевна—царство имъ небесное! — преставились... А я такъ еще думаю: письмо-то до нихъ и не

дошло, потому они, можетъ, еще въ Осиновку-то не возвращались. Или письмо пропало; всяко вѣдь на почтѣ бываетъ.

— Ну, положимъ, письмо пропасть не могло: вѣдь ты его отправилъ?

— Помилуйте-съ, въ кружку тутъ за угломъ на Морской бросилъ.

— А что Николай Павловичъ еще не возвратился изъ-за границы, такъ это весьма возможно... въ этомъ ты правъ... Такъ оно, вѣрно, и есть!—замѣтилъ Горбунцовъ, съ радостью ухватившись за поданную Семеномъ мысль, — такъ какъ ему очень хотѣлось вѣрить, что именно только неполученіе письма сыномъ было причиною его молчанія, а не что нибудь другое,—и началъ вставать.

— А что Матвѣичъ еще не приходилъ? — спросилъ онъ какъ-то нерѣшительно, спуская ноги съ кровати на полъ и ощупывая ими туфли.

— Еще не приходили-съ, — отвѣтилъ Семенъ и, вынувъ изъ кармана большіе серебряные часы, добавилъ: — теперь еще только полчаса одиннадцатаго, а они въ одиннадцать быть обѣщались.

Черезъ полчаса Горбунцовъ, вымытый, причесанный и одѣтый въ черную пиджачную пару изъ толстой матеріи съ длиннымъ ворсомъ, сидѣлъ за столомъ, прихлебывая чай и слегка раздвинувъ ноги въ колѣняхъ, что̀ онъ дѣлалъ всегда, когда сидѣлъ, такъ какъ большой и слегка отвислый животъ мѣшалъ ему придавать своимъ ногамъ другое положеніе. Горбунцову шелъ уже шестьдесятъ восьмой годъ, но на видъ никто не далъ бы ему болѣе шестидесяти: до того онъ хорошо сохранился для своихъ лѣтъ. Это былъ крѣпко сложенный, плотный старикъ высокаго роста, съ развитою выпуклою грудью и широкими плечами. Голова его необыкновенно правильной формы, — что̀ было особенно замѣтно, благодаря обстриженнымъ подъ гребенку сѣдымъ волосамъ и почти полному отсутствію растительности на темени, сливавшемся съ прямымъ высокимъ лбомъ,—была посажена на широкую мускулистую шею, которая была нѣсколько коротка, что̀, вмѣстѣ съ двойнымъ подбородкомъ, заставляло его всегда носить низкіе отложные воротнички. Его открытое овальное лицо,

оживлявшееся до сихъ поръ здоровымъ румянцемъ, съ гладкою кожею безъ всякихъ морщинъ, бросалось въ глаза своею правильностью, а тонкій, словно точеный носъ съ горбинкою, большіе, слегка голубые глаза подъ изогнутыми, еще черными бровями, и небольшой ротъ, оттѣненный небольшими сѣдыми усами, дѣлали его красивымъ и даже заставляли женщинъ заглядываться на него. Къ лицу его, носившему обыкновенно отпечатокъ веселаго добродушія, особенно шла улыбка, отъ которой слегка приподнимались кончики губъ. Всѣ движенія его,—вынималъ ли онъ платокъ изъ кармана, или, раскланиваясь, приподнималъ шляпу, были медленны, увѣренны и пластичны; ходилъ же онъ всегда, слегка откинувъ голову назадъ и держась прямо, причемъ только правая нога какъ будто плохо его слушалась, что̀ являлось послѣдствіемъ бывшаго съ нимъ, года полтора тому назадъ, легкаго удара.

III.

Допивъ небольшими глотка̀ми стаканъ чаю, Павелъ Никитичъ подошелъ къ письменному столу, чтобы закурить папиросу. Когда онъ вынималъ ее изъ портсигара, взглядъ его упалъ на стоявшую на столѣ, среди другихъ портретовъ, фотографическую карточку его единственнаго сына. Изъ узенькой рамки краснаго дерева съ бронзовыми краями на него смотрѣло задорное безусое лицо девятнадцатилѣтняго юноши, какимъ былъ Николай лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда они видѣлись въ послѣдній разъ. «Какъ много времени прошло съ тѣхъ поръ»! — подумалъ Горбунцовъ и на него вдругъ нахлынулъ цѣлый рой воспоминаній... Онъ присѣлъ машинально къ письменному столу и, подперши голову рукою, сталъ смотрѣть въ окно, за которымъ кружились въ воздухѣ густые хлопья мокраго снѣга. Его глаза слѣдили безсознательно за мельканіемъ падавшихъ снѣжинокъ, а въ мозгу вставали одна за другой картины далекаго прошлаго съ такою ясностью, какъ будто бы все это было только вчера, заставляя его вновь переживать давно забытыя ощущенія...

Ему припомнилось вдругъ утро, когда его жена,—добрая

и довѣрчивая женщина,—получила анонимное письмо, извѣщавшее о связи мужа съ ея пріятельницею Женей Волоцкой. Онъ, дѣйствительно, обманывалъ часто свою жену и раньше, но она ничего не подозрѣвала. Не узнала бы она ничего и на этотъ разъ, еслибы не письмо. «И зачѣмъ было это письмо? — подумалъ Горбунцовъ, — кому было это нужно»? И ему стало досадно, а вмѣстѣ съ тѣмъ стыдно, какъ будто бы это только что произошло теперь... Потомъ въ его памяти воскресли тяжелыя сцены объясненій съ женою и, начавшаяся послѣ того, ужасная жизнь, полная взаимныхъ упрековъ и оскорбленій, которая стала, наконецъ, невыносимою... Онъ вспомнилъ ясный апрѣльскій вечеръ. Его жена, блѣдная и сильно похудѣвшая, вошла къ нему въ кабинетъ съ заплаканными глазами и холодно объявила ему о своемъ рѣшеніи уѣхать отъ него за границу. «Это было въ субботу,—припомнилось ему,—тогда благовѣстили ко всенощной». И ему показалось, что онъ слышитъ мѣрные удары колокола, которые одни только нарушали молчаніе, пока онъ сидѣлъ, точно чѣмъ-то придавленный, не зная, что́ ему отвѣтить. Его личное имущество къ тому времени было совсѣмъ растрачено: отъѣздъ жены дѣлалъ его нищимъ, но она великодушно предложила выплачивать ему въ годъ по три тысячи и онъ согласился принять эту подачку. Горбунцовъ покраснѣлъ до корня волосъ при этомъ воспоминаніи, и что-то жгучее разлилось у него въ груди... Потомъ жена его уѣхала, взявъ съ собою сына, только что окончившаго курсъ въ одномъ изъ закрытыхъ заведеній... Сначала сынъ писалъ ему довольно часто и много; потомъ письма его стали короче и рѣже, а затѣмъ онъ сталъ получать отъ него только телеграммы на новый годъ и въ дни именинъ и рожденія. Точно также, лѣтъ пять тому назадъ, получилъ онъ отъ Николая только короткое извѣщеніе о его женитьбѣ, а затѣмъ телеграммы, сообщавшія о рожденіи сына и дочери. Послѣ этого, онъ не имѣлъ уже отъ Николая никакихъ извѣстій, а слышалъ только стороною, что тотъ сталъ хозяйничать въ имѣніи своей матери, Осиновкѣ, откуда ѣздилъ къ ней ежегодно зимою за границу...

Послѣ отъѣзда своей жены, распродавъ богатую обстановку, Горбунцовъ переселился изъ роскошнаго барскаго

дома въ небольшую квартирку, взявъ съ собою въ качествѣ прислуги одного только Семена, къ которому очень привыкъ. Все тяжелое и непріятное, что̀ пришлось ему пережить, стало постепенно изглаживаться изъ памяти, и Горбунцовъ скоро забылъ его совсѣмъ, какъ это было вообще свойственно его жизнерадостной и беззаботной натурѣ. Онъ повелъ веселую холостую жизнь въ кружкѣ нѣсколькихъ пріятелей, съ кутежами, попойками и мимолетными связями съ разными женщинами, до которыхъ всегда былъ большой охотникъ. Но время брало свое. Безпорядочная жизнь стала ему надоѣдать. Онъ началъ задумываться все чаще и чаще надъ пустотою и безсмысленностью подобнаго существованія, и невѣдомая ему до сихъ поръ тоска, вмѣстѣ съ сознаніемъ полнаго одиночества, овладѣвала имъ въ такія минуты. Ему хотѣлось близости кого нибудь любящаго, роднаго. Его тянуло къ сыну, о которомъ онъ сталъ вспоминать теперь все чаще и чаще, какъ будто бы чувство отца, заглохшее въ немъ на время, проснулось вновь и заговорило съ такою силою, какъ никогда раньше...

Около шести мѣсяцевъ тому назадъ, просматривая утромъ газету, онъ увидѣлъ на первой страницѣ объявленіе о смерти жены. Извѣстіе это, при всей его неожиданности, не особенно поразило его; онъ не почувствовалъ ни горя, ни сожалѣнія по поводу смерти когда-то близкой ему женщины, давно ставшей для него совершенно чужою. Онъ воспомнилъ, что тогда даже поймалъ себя на томъ, — какъ ни стыдно было ему сознаться!—что это извѣстіе обрадовало его, такъ какъ со смертью жены представлялась возможность увидѣться и сблизиться съ сыномъ. Онъ ждалъ отъ него извѣстій, но они не приходили. Между тѣмъ, высылка денегъ, выдававшихся женою, прекратилась. Такъ прошелъ мѣсяцъ. Онъ взялъ деньги въ долгъ, но онѣ скоро изсякли. Скрѣпя сердце, пришлось пережить новое оскорбленіе и перебраться сюда, въ эти грязныя меблированныя комнаты, куда за нимъ послѣдовалъ и Семенъ, не смотря на предупрежденіе, что пока ему нечѣмъ будетъ платить жалованье. Всѣ пріятели стали забывать его понемногу, и одиночество, при полной матеріальной необезпеченности, начало безпокоить и пугать его...

Взглядъ Горбунцова остановился случайно на приставшей

къ окну снѣжинкѣ и сталъ слѣдить за тѣмъ, какъ она, задержавшись на мгновеніе на мѣстѣ, начала затѣмъ скользить внизъ по стеклу. Какое-то смутное воспоминаніе шевельнулось у него при этомъ въ мозгу. «Тогда точно также скользила по стеклу снѣжинка»,—подумалъ Горбунцовъ.—«Когда это было?.. что дѣлалъ я тогда»? силился онъ припомнить. «Письмо... да, я писалъ тогда письмо», вспомнилось ему. Это было письмо, которое онъ отправилъ Николаю. Онъ вспомнилъ, какъ онъ долго колебался, прежде чѣмъ рѣшился написать ему. Съ одной стороны, ему казалось обиднымъ, что приходилось напоминать о себѣ сыну; съ другой же стороны обстоятельства настоятельно заставляли его прибѣгнуть къ этому. Самое письмо какъ-то не удавалось ему. Сначала онъ долго не зналъ, какъ его начать; потомъ сталъ обдумывать каждую фразу. Тогда,—точно также такъ и теперь, — онъ слѣдилъ машинально глазами за скользившими по стеклу снѣжинками, стараясь подыскать подходящее выраженіе, и когда ему казалось, что онъ находилъ его, онъ рѣшительно обмакивалъ перо въ чернильницу. Но найденное выраженіе опять не нравилось и онъ долго думалъ снова, держа въ рукѣ перо, на которомъ высыхали чернила. Письмо вышло все таки не такимъ, какъ бы ему хотѣлось. Онъ писалъ сыну, что ему больно не получать отъ него никакихъ извѣстій, которыхъ онъ поджидалъ со дня на день со времени смерти жены; говорилъ, какъ онъ соскучился по немъ, жалуясь на свое полное одиночество,—особенно тягостное на старости лѣтъ,—и высказывалъ, что его единственная мечта заключается въ томъ, чтобы провести конецъ своей уже недолгой жизни среди внуковъ въ Осиновкѣ, причемъ намекалъ въ концѣ на свое безвыходное матеріальное положеніе, въ которомъ онъ теперь очутился, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію...

Онъ оторвалъ свой взглядъ отъ окна и перевелъ его на портретъ сына, который, по прежнему, задорно смотрѣлъ на него изъ рамки. Онъ приблизилъ къ нему свое лицо. «Коля... милый... дорогой... — шептали его губы, пока онъ разсматривалъ дорогія черты.—Ты вѣдь не забылъ меня»?—произнесъ онъ вдругъ, какъ будто бы его сынъ былъ здѣсь и могъ слышать, причемъ на его рѣсницахъ заблестѣли слезинки.

Его охватилъ внезапно какой-то неудержимый стихійный порывъ любви къ этому единственному близкому и родному существу и имъ овладѣло страстное желаніе увидѣть его, обнять и крѣпко прижать къ себѣ...

Гдѣ-то въ коридорѣ хрипло пробили часы. «Одиннадцать»! — сосчиталъ Горбунцовъ, и ему стало непріятно при мысли о томъ, что къ нему долженъ прійти сейчасъ Матвѣичъ. Вчера утромъ, пересчитывая деньги, онъ замѣтилъ съ ужасомъ, что въ кошелькѣ оставалось всего двадцать рублей. Онъ пересмотрѣлъ всѣ отдѣленія своего бумажника, перерылъ всѣ ящики,—какъ это дѣлаетъ обыкновенно человѣкъ, когда у него деньги на исходѣ, въ надеждѣ найти гдѣ нибудь забытый золотой или завалившуюся бумажку,—но поиски его были напрасны. Нужно было опять раздобыть денегъ и онъ послалъ вечеромъ Семена за Матвѣичемъ, которому былъ уже долженъ полторы тысячи рублей... Кто-то постучалъ въ дверь. «Матвѣичъ», подумалъ Горбунцовъ и громко сказалъ: «войдите»! Дверь медленно отворилась и въ комнату вошелъ — Матвѣичъ. «Дастъ или не дастъ»? промелькнуло въ головѣ у Горбунцова.

IV.

Матвѣичъ, — или, собственно говоря, Илья Матвѣевичъ Буйновъ, — одѣтый въ сѣрые клѣтчатые панталоны и темно-синій пиджакъ, что̀ вмѣстѣ съ пестрымъ галстукомъ, заколотымъ аметистовою булавкою, свидѣтельствовало о его претензіяхъ на щегольство, былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти пяти, съ широкимъ, слегка вздернутымъ носомъ на кругломъ, гладко выбритомъ лицѣ и съ узенькими, заплывшими жиромъ, глазками. Состоя въ прежнее время довольно долго на службѣ у Горбунцова въ качествѣ метр-д'отеля, онъ успѣлъ скопить себѣ небольшой капиталецъ, благодаря разнаго рода небезгрѣшнымъ доходамъ, и когда тотъ, послѣ отъѣзда жены, распустилъ прислугу, онъ открылъ на Садовой, по близости Сѣнной, небольшой трактиръ, превратившійся года черезъ три въ ресторанъ. Дѣла его пошли очень бойко, появились лишнія деньги, и онъ сталъ заниматься отдачею ихъ въ ростъ подъ большіе проценты...

Не смотря на всю свою теперешнюю важность и независимое положеніе, Матвѣичъ не могъ никакъ отдѣлаться до сихъ поръ отъ того особеннаго чувства стѣсненія, которое испытываетъ обыкновенно прислуга въ присутствіи своего барина. Поэтому, войдя въ комнату, онъ остановился у дверей и, низко поклонившись Горбунцову,—отчего одна прядь его гладко причесанныхъ волосъ спустилась къ нему на лобъ,—откашлялся нѣсколько разъ, приставивъ ко рту ладонь съ короткими пухлыми пальцами.

— Здравствуй, Илья Матвѣичъ! — сказалъ Горбунцовъ, пересаживаясь съ кресла у письменнаго стола на диванъ.

— Здравствуйте, Павелъ Никитичъ! — отвѣтилъ тотъ и еще разъ поклонился.—Какъ поживать изволите?

— Вотъ какъ видишь... — возразилъ Горбунцовъ, откидываясь со вздохомъ на спинку дивана и дѣлая рукою жестъ, которымъ онъ какъ бы указывалъ на окружающую обстановку, свидѣтельствовавшую въ достаточной степени о томъ положеніи, въ которомъ онъ находился. — Присядь, пожалуйста,—добавилъ онъ,—ну, а твои дѣла какъ?

— Покорнѣйше благодарю, ничего-съ! идутъ себѣ по маленьку,—отвѣтилъ Матвѣичъ, присаживаясь изъ уваженія къ своему бывшему барину на кончикъ стула. Пока онъ садился, его маленькіе глазки успѣли осмотрѣть всю комнату, подмѣтивъ все до мельчайшихъ подробностей. «Вонъ оно, куда ужъ мы заѣхали!—подумалъ онъ при видѣ потертой и убогой мебели: — видно, дѣлишки-то очень плохи». И имъ овладѣло безпокойство при мысли о томъ, что ему, вѣроятно, уже не удастся получить своихъ полутора тысячъ съ Горбунцова; но, замѣтивъ золотой портсигаръ и часы, онъ немного успокоился, рѣшивъ, что не все еще потеряно.

«Дастъ или не дастъ»? думалъ въ это время Горбунцовъ, стараясь разгадать отвѣтъ на мучившій его вопросъ по выраженію лица Матвѣича, къ которому внимательно присматривался. «А что, если не дастъ? — промелькнуло у него въ головѣ. — Конечно, дастъ», рѣшилъ онъ, уловивъ, какъ ему показалось, что-то похожее на добродушную улыбку на лицѣ своего бывшаго метръ-д'отеля. Онъ чувствовалъ себя крайне неловко, не зная, съ чего начать разговоръ; вслѣдствіе этого въ теченіе нѣсколькихъ минутъ длилось молчаніе. Наконецъ,

онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и, какъ бы опасаясь, что у него не хватитъ рѣшимости высказать свою просьбу, быстро проговорилъ:

— Вотъ что, Матвѣичъ,—мнѣ нужно денегъ!

— Денегъ-съ?.. да кому ихъ не нужно?—сказалъ вкрадчивымъ голосомъ Матвѣичъ, какъ бы не понимая въ чемъ дѣло, и подумалъ: — «вотъ куда метнулъ! держи карманъ шире».

— Я хотѣлъ попросить у тебя еще полторы тысячи... Можешь ты дать ихъ мнѣ?—спросилъ Горбунцовъ и, въ ожиданіи отвѣта, впился глазами въ лицо Матвѣича, причемъ его сердце усиленно забилось, а подъ ложечкой появилось какое-то непріятное ощущеніе.

— Полторы тысячи — деньги не малыя-съ, — заговорилъ тѣмъ же вкрадчивымъ тономъ Матвѣичъ.—Гдѣ ихъ взять?.. У меня капиталецъ небольшой, да и весь въ оборотѣ: потому ресторанъ... а такъ гдѣ ихъ найдешь?..

— Да ты не бойся, я тебѣ вексель дамъ!—перебилъ его Горбунцовъ.

— Что̀ вексель?..—спросилъ Матвѣичъ,—что съ векселемъ, что безъ векселя, все на одно выходитъ, потому если обезпеченіе есть, вексель—документъ-съ, а если нѣтъ обезпеченія, такъ онъ пустая бумажка и никакой цѣны ему нѣтъ.

«Не дастъ», подумалъ Горбунцовъ и вспомнилъ съ ужасомъ неоплаченные счеты за комнату, портному, сапожнику, въ лавкахъ...

— Ты, что же, думаешь, что я тебѣ не заплачу, что ли?— сказалъ онъ, облокачиваясь рукою о сидѣнье дивана и поворачиваясь къ Матвѣичу всѣмъ тѣломъ.

— Помилуйте-съ, Павелъ Никитичъ, зачѣмъ же-съ?— отвѣтилъ тотъ и приложилъ къ сердцу правую руку, въ которой держалъ бобровую шапку. — Вы вотъ мнѣ векселекъ предложить изволили... я такъ къ слову вообще и сказалъ-съ... иной разъ по векселю ходишь, ходишь...

— Мнѣ только мѣсяца на два, на три, пока Николай Павловичъ пріѣдетъ... а тамъ все до копѣйки получишь,— сказалъ Горбунцовъ. — Вѣдь ты меня, слава богу, хорошо знаешь.

— Какъ не знать-съ, какъ не знать-съ! — проговорилъ

Матвѣичъ, склонивъ свою голову на̀ бокъ и придавъ своему лицу подобострастное выраженіе.—Конечно, у Николая Павловича состояніе громадное-съ, только...

— Только что?—перебилъ Горбунцовъ.

— Только они-съ по закону по чужимъ векселямъ платить не обязаны, — тихо, какъ бы нерѣшительно замѣтилъ Матвѣичъ и сталъ разглаживать рукавомъ пиджака свою бобровую шапку.

Эти слова обидѣли Горбунцова.

— Ну, знаешь, Илья Матвѣичъ, ты меня извини, но только ты глупости говоришь!—сказалъ онъ рѣзко.—Причемъ тутъ законъ и чужіе векселя?.. Я понимаю, еслибы Николай Павловичъ не былъ моимъ сыномъ... но вѣдь я ему не чужой... Вотъ что, — добавилъ онъ послѣ небольшой паузы, — скажи прямо, дашь ты мнѣ денегъ или нѣтъ?

«Нашелъ дурака! только бы съ тебя по старому-то векселю получить», подумалъ Матвѣичъ, быстро прикидывая, сколько можно было бы выручить съ имущества Горбунцова, еслибы пустить его въ продажу.

— Я вамъ, Павелъ Никитичъ, готовъ всегда служить со всѣмъ моимъ удовольствіемъ, — сказалъ онъ и приложилъ опять руку къ сердцу.

«Дастъ, дастъ»! подумалъ въ это время съ радостью Горбунцовъ.

— Только денегъ у меня такихъ нѣтъ, — добавилъ Матвѣичъ—и взять ихъ не откуда!... Дѣла̀ теперь, сами изволите знать, хуже быть не можетъ-съ!.. иной разъ самому нужно... просишь, просишь, и то пустякъ... рублей сто — никто не дастъ!.. Хоть въ петлю полѣзай. Вѣрно говорю!..—повторилъ онъ еще разъ, замѣтивъ, что Горбунцовъ собирается ему возразить.—На этотъ счетъ теперь трудно-съ, очень трудно-съ,— проговорилъ онъ со вздохомъ и, посмотрѣвъ на потолокъ, придалъ своему лицу грустное выраженіе.

— Значитъ, не дашь?—глухо спросилъ Горбунцовъ, которымъ овладѣло отчаянье.

— Что дѣлать-съ? радъ бы всей душой... да не могу-съ!— отрѣзалъ Матвѣичъ, пожавъ плечами, и сталъ опять разглаживать свою шапку.

Въ комнатѣ воцарилось неловкое молчаніе. «Господи, Гос-

поди»! думалъ Горбунцовъ, у котораго исчезла послѣдняя надежда «дожить то того, чтобы не унижаться передъ этимъ Матвѣичемъ... передъ лакеемъ»...

— Если не можешь дать полутора тысячъ, дай хоть пятьсотъ рублей!.. Это ты можешь,—быстро заговорилъ онъ вдругъ.

— Не могу-съ!

— Но я тебя прошу... я тебя умоляю,—продолжалъ Горбунцовъ и голосъ его задрожалъ. — Вспомни, какъ я выручилъ тебя, когда твоя жена была при смерти, а я далъ тебѣ пятьсотъ рублей на ея лѣченье... выручи и ты меня! я тебѣ этого никогда не забуду!

— На то была ваша добрая воля, — отвѣтилъ Матвѣичъ, вставая,—а я не могу-съ.

«Подлецъ, подлецъ», подумалъ Горбунцовъ, отворачивая свое лицо къ окну, чтобы не видѣть Матвѣича, который сталъ ему отвратителенъ.

— Я самъ, Павелъ Никитичъ, въ деньгахъ не меньше вашего нуждаюсь, — проговорилъ тотъ грубо, — и если пришелъ къ вамъ, такъ потому, что разсчитывалъ, что вы меня звать изволите, чтобы по векселькy уплатить, а тутъ...

— Пошелъ! — крикнулъ вдругъ Горбунцовъ, быстро повернувшись и вставая съ дивана, причемъ вся кровь ударила ему въ голову и залила лицо.

— Да я и самъ теперь уйду-съ, не извольте безпокоиться! все равно тутъ только время терять. А вотъ какъ векселю срокъ выдетъ, такъ другой разговоръ будетъ! — И Матвѣичъ быстро вышелъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

Въ коридорѣ онъ натолкнулся на Семена, который, стоя у дверей, слышалъ весь разговоръ.

— Грѣшно, Илья Матвѣичъ, грѣшно!—заговорилъ Семенъ обрывающимся голосомъ, загораживая ему дорогу:—нешто на васъ креста нѣтъ?

— А ты, дуракъ, молчи и не въ свое дѣло носа-то не суй!—отвѣтилъ Матвѣичъ, надѣвая шапку:—былъ дуракомъ, дуракомъ и останешься, а еще учить вздумалъ.

— Брата обидѣть—тяжкій грѣхъ!.. вѣдь деньги-то у васъ есть...—продолжалъ Семенъ шопотомъ.

— А ты ихъ считалъ?—возразилъ Матвѣичъ, приближая свое лицо къ лицу Семена,—считалъ?.. А если и есть, такъ

не про вашу честь! Съ него, братъ, и такъ взятки гладки! и то разъ маху далъ, а теперь дудки!—И, отстранивъ Семена, онъ пошелъ по коридору. — А я тебѣ еще вотъ что скажу, Семенъ Яковлевичъ,—добавилъ онъ, возвращаясь,—брось ты всѣ свои священныя книжки читать, да пораскинь умомъ! Поищи себѣ мѣсто, гдѣ тебѣ жалованье платить будутъ, а то съ нимъ совсѣмъ пропадешь.

— Что вы, Илья Матвѣичъ?.. — съ ужасомъ проговорилъ Семенъ, отступая на шагъ назадъ и широко раскрывая глаза.— Чтобъ я Павла Никитича оставилъ?!. теперь-то?.. Да Боже меня сохрани! Кто же имъ служить-то будетъ?

— Помяни мое слово, пропадешь... вѣрно говорю!—возразилъ Матвѣичъ и, махнувъ рукою, быстро зашагалъ по коридору.

V.

Послѣ ухода Матвѣича, Горбунцовъ долго не могъ успокоиться. При своей спокойной натурѣ, онъ волновался вообще очень рѣдко, но зато, если что нибудь его разстраивало, то волненіе улегалось не скоро. Въ этомъ отношеніи онъ составлялъ полную противоположность тѣмъ впечатлительнымъ людямъ, которые съ быстротою электрической искры выходятъ изъ себя изъ-за каждаго пустяка, но также быстро и успокоиваются. Такъ, чѣмъ длиннѣе и тяжелѣе маятникъ, тѣмъ больше требуется усилій, чтобы сдвинуть его съ мѣста, но зато, разъ сдвинувшись съ мѣста, онъ долго качается изъ стороны въ сторону широкими, сильными размахами; для маленькаго же маятника достаточно легкаго прикосновенія, чтобы вывести его изъ равновѣсія, но такой маятникъ быстро и останавливается...

Онъ долго ходилъ взадъ и впередъ по своей небольшой комнатѣ, отъ печки къ окну, ежеминутно оправляя рукою воротникъ, какъ будто бы отъ недостатка воздуха,—что было у него всегда признакомъ волненія,—и обдумывалъ свое положеніе, которое, дѣйствительно, становилось критическимъ. «Нужно только продержаться до полученія отвѣта отъ Коли», повторялъ онъ себѣ богъ знаетъ въ который разъ, и этотъ отвѣтъ, въ благопріятности котораго онъ ни на минуту не

сомнѣвался, былъ началомъ и концомъ его соображеній, составляя тотъ краеугольный камень, на которомъ онъ основывалъ всѣ свои надежды на свѣтлое будущее. Ноги его устали отъ долгой ходьбы и онъ сѣлъ на диванъ. «Обожду еще три дня и тогда пошлю телеграмму въ Осиновку, — рѣшилъ онъ, назначивъ себѣ почему-то трехдневный срокъ, какъ будто бы этого нельзя было сдѣлать сейчасъ.—И если Коля туда еще не возвращался, то заложу портсигаръ и часы». Мысль о закладѣ этихъ вещей приходила ему и раньше нѣсколько разъ въ голову; но онъ не хотѣлъ прибѣгать къ этому средству, во-первыхъ, потому, что находилъ это для себя унизительнымъ; а, во-вторыхъ, по той причинѣ, что до тѣхъ поръ, пока эти дорогія вещи, напоминавшія ему о прежнемъ богатствѣ, оставались еще въ его распоряженіи, онъ не считалъ себя еще вполнѣ нищимъ.

Между тѣмъ, зимнія сумерки быстро сгущались. Стало темно. Вошелъ Семенъ и началъ зажигать на письменномъ столѣ невысокую лампу съ зеленымъ стекляннымъ колпакомъ, посматривая украдкой на Горбунцова, опять зашагавшаго по комнатѣ. «Безпокоются очень, — подумалъ Семенъ, не называвшій Горбунцова даже про себя иначе, какъ «они»,—а все оттого, что Матвѣичъ имъ отказалъ. И какъ ему не грѣшно!.. видѣлъ бы ихъ теперь, такъ далъ бы: жалость бы взяла»... И, подойдя къ двери, онъ остановился на минуту, поджидая, что Горбунцовъ заговоритъ съ нимъ, но тотъ молчалъ, и преданный слуга вышелъ изъ комнаты.

Горбунцовъ подсѣлъ къ столу и началъ просматривать газету, но она не интересовала его. Нѣсколько разъ онъ откладывалъ ее въ сторону, возвращаясь къ своимъ размышленіямъ, и затѣмъ снова начиналъ ее читать.

Въ коридорѣ пробило шесть часовъ — время, когда онъ ходилъ обыкновенно обѣдать на Гороховую къ мадамъ Флёри, но сегодня ему какъ-то не хотѣлось идти, не смотря на то, что онъ отправлялся туда съ удовольствіемъ, такъ какъ это было для него единственнымъ развлеченіемъ. Тамъ, съѣвъ за семьдесятъ пять копѣекъ «домашній обѣдъ», состоявшій изъ трехъ блюдъ и чашки кофе, онъ проводилъ весело время въ болтовнѣ съ разношерстными посѣтителями мадамъ Флёри, среди которыхъ попадались и такіе же, какъ и онъ, видавшіе

лучшія времена, промотавшіеся помѣщики и отставные чиновники высшихъ степеней, а также иностранные комми-вояжеры и разныя мадмуазель Фифи, Зизи и т. п., которымъ мадамъ Флёри особенно покровительствовала.

Было уже около семи часовъ, когда Горбунцовъ вышелъ изъ дому. При видѣ его безукоризненнаго цилиндра, элегантнаго пальто съ бобровымъ воротникомъ и палки съ серебрянымъ набалдашникомъ, никому не пришло бы въ голову, что передъ нимъ человѣкъ, у котораго не тысячи, а только двадцать рублей въ карманѣ... Выдя на улицу, онъ вдохнулъ въ себя съ удовольствіемъ морозный воздухъ, въ которомъ кружились милліоны снѣжинокъ, подгоняемыхъ вѣтромъ.

— Ваше сіятельство!.. пожалте, ваше сіятельство!—заговорили вдругъ, завидѣвъ его, стоявшіе у подъѣзда извощики, среди которыхъ Горбунцовъ пользовался извѣстностью, потому что по старой привычкѣ садился обыкновенно, не торгуясь, и потомъ платилъ рубль вмѣсто четвертака или двугривеннаго.

— Ваше сіятельство, поддержите комерцію! — крикнулъ ему вслѣдъ одинъ, когда Горбунцовъ пошелъ пѣшкомъ, направляясь къ Большой Морской...

Когда Горбунцовъ вошелъ въ небольшую мрачную столовую мадамъ Флёри, — съ буфетомъ гостиннодворскаго издѣлія и разношерстными, купленными по случаю, стульями, — столовую, пропитанную запахомъ кухни и табачнымъ дымомъ, въ ней почти никого уже не было, такъ какъ всѣ давно отобѣдали. За столомъ, освѣщавшимся висячею лампою и покрытымъ несовсѣмъ свѣжею скатертью, на которой лежало нѣсколько скомканныхъ салфетокъ и валялись крошки хлѣба, сидѣла на одномъ концѣ мадамъ Флёри, полная высокая пятидесятилѣтняя женщина, съ окрашенными въ рыжій цвѣтъ волосами, собранными въ какую-то особенно затѣйливую прическу, съ нарумяненными щеками, подведенными бровями и большими мѣшками около глазъ. Рядомъ съ нею сидѣлъ бѣлокурый, худой и блѣдный мужчина съ подстриженною острымъ клиномъ бородкою, съ пенснэ, устремившій все свое вниманіе на тарелку, на которой онъ тщетно старался отдѣлить ножемъ мясо отъ кости на куриной ножкѣ; а немного поодаль, передъ тремя пивными бутылками, — изъ которыхъ одна была напо-

ловину опорожнена, а двѣ другія пустыя, — покуривалъ дешевую сигару, откинувшись на спинку стула, кругленькій, невысокаго роста человѣчекъ съ раскраснѣвшимся лицомъ, обрамленнымъ окладистою сѣдѣющею бородою, и съ лоснящеюся лысиною во всю голову.

— А, Горбунцовъ! — весело крикнулъ онъ хриплымъ голосомъ, поднявъ къ верху правую руку и замахавъ ладонью, какъ машутъ платкомъ или шляпою.—Сюда, сюда; подсаживайтесь ко мнѣ!—И онъ хлопнулъ нѣсколько разъ рукою по сидѣнью стоявшаго рядомъ съ нимъ пустаго стула.

— Bonsoir, monsieur, bonsoir!—заговорила своимъ картавымъ парижскимъ выговоромъ Флёри, закатывая глаза, что она дѣлала по старой привычкѣ всегда, когда разговаривала съ мужчинами. — Vous êtes bien en retard aujourd'hui... j'ai cru, que monsieur ne viendrait pas... j'ai déjà fait enlever votre couvert...

— Vous voudrez bien m'excuser, madame! — обратился къ ней Горбунцовъ, протягивая руку; а затѣмъ, поздоровавшись съ блондиномъ, который, послѣ молчаливаго рукопожатія, принялся опять за ножку курицы, сѣлъ рядомъ съ толстымъ господиномъ, нѣсколько разъ потрясшимъ Горбунцову руку своими обѣими руками.

Пока онъ садился, мадамъ Флёри стала распоряжаться насчетъ обѣда.

— Женіа!—крикнула она, оборачиваясь назадъ въ другую комнату, но никто не появлялся.

— Jamais sur sa place! — произнесла она со злобою и крикнула громче: — Женіа!

Въ комнату вошла немолодая горничная съ блѣднымъ измятымъ лицомъ, въ бѣлой наколкѣ и такомъ же передникѣ.

— Одинъ обіэдъ!.. клебъ!.. скарэй!..—отрывисто и строго приказала Флёри, а затѣмъ, обратившись къ Горбунцову, произнесла съ улыбкой:—Monsieur sera servi tout à l'heure!— и закатила глаза.

VI.

Онъ кивнулъ ей вмѣсто отвѣта головою и, въ ожиданіи обѣда, положивъ на колѣни салфетку, началъ сгребать крошки

со скатерти, попавшимся ему подъ руку, ножемъ. Скользя глазами по скатерти, онъ замѣтилъ на ней небольшое кофейное пятно, очертанія котораго напомнили ему чей-то знакомый профиль. «Совсѣмъ Матвѣичъ»! — подумалъ онъ, присматриваясь къ пятну, въ которомъ ему ясно видѣлись и широкій носъ, и узенькіе глазки. «Да, да, совсѣмъ онъ... и даже прядь волосъ на лбу», промелькнуло у него въ головѣ. Все то, что́ волновало его сегодня съ утра, припомнилось опять съ новою силою, и ему стало досадно, какъ будто бы кто-то сдѣлалъ это пятно нарочно и былъ виноватъ въ томъ, что оно напоминало Матвѣича.

— Что это вы сегодня, какъ въ воду опущенный?—раздался надъ его ухомъ громкій голосъ толстяка.

— Такъ что-тс невесело, — тихо проговорилъ Горбунцовъ, не подымая глазъ и продолжая сгребать крошки.

— Черная меланхолія одолѣла?.. А вы ее, подлую, по шеямъ!—крикнулъ тотъ и махнулъ энергично рукою сверху внизъ, какъ будто бы меланхолія была чѣмъ нибудь осязательнымъ и онъ, дѣйствительно, могъ ее ударить по шеѣ.

— Не такъ-то легко, Тимофей Петровичъ,—сказалъ Горбунцовъ со вздохомъ:—бываютъ такія неотвязныя мысли...

— Какія тамъ мысли? все это пустяки! — продолжалъ убѣждать толстенькій человѣчекъ, сильно жестикулируя руками.

— Нельзя же иногда не призадуматься,—возразилъ Горбунцовъ, опуская ложку въ только что поданную тарелку чуть-чуть теплаго супа.

— Да зачѣмъ призадумываться? зачѣмъ, я васъ спрашиваю?.. А пришли въ голову какія нибудь такія мысли — выпить надо! Выпилъ — и все какъ рукой сняло!.. Знаете ли что? выпьемте-ка пивца,—сказалъ Тимофей Петровичъ.—Эй! стаканъ и еще бутылку!—крикнулъ онъ затѣмъ.

— Спасибо, я не буду, — отвѣтилъ Горбунцовъ, кладя ложку и вытирая салфеткой губы.

— Не хотите?.. такъ я выпью самъ! — проговорилъ тотъ и, наливъ себѣ полный стаканъ, выпилъ его залпомъ.— А позвольте васъ спросить, надъ чѣмъ это вы такъ изволили призадуматься? — спросилъ онъ, ставя стаканъ и поворачиваясь на стулѣ всѣмъ тѣломъ къ Горбунцову.

— Да вотъ... какъ бы вамъ сказать? одиночество одолѣваетъ.

— Одиночество!—крикнулъ Тимофей Петровичъ,—одиночество! ха-ха-ха! — И, откинувшись на спинку стула, онъ залился громкимъ раскатистымъ смѣхомъ, отъ котораго заколыхалось все его круглое тѣло.

Горбунцовъ, молча, посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. «Чему онъ смѣется»?—подумалъ онъ.

— Меня, знаете, на дняхъ тоже, какъ вы говорите, это самое одиночество одолѣло, — началъ, успокоившись отъ смѣха, Тимофей Петровичъ.—Такъ я живо съ нимъ распорядился; у меня, знаете, разъ, два, три!—И онъ стукнулъ кулакомъ по столу; а затѣмъ, приблизивши свое лицо къ Горбунцову, продолжалъ: — я нашелъ такую канашку; швеечка она, блондиночка, стройненькая, молоденькая—восемнадцать лѣтъ, бутончикъ, одна прелесть!—И онъ поцѣловалъ кончики своихъ пухлыхъ пальцевъ, причемъ глаза его замаслились.—Хотите, я вамъ ее пришлю?

— Ça ne vous regarde pas, baron!.. qu'est-ce que vous écoutez-là? — проговорила строго шопотомъ мадамъ Флёри, сверкнувъ глазами на сидѣвшаго рядомъ съ нею худаго блондина, который, при послѣднихъ словахъ Тимофея Петровича, повернулъ голову въ его сторону, насторожившись, какъ охотничья собака, почуявшая близость дичи. Этотъ блондинъ—баронъ Юліусъ фонъ - Темпель, не имѣвшій ни средствъ, ни занятій, состоялъ при мадамъ Флёри въ качествѣ обожателя, получая отъ нея комнату, полный пансіонъ и даже карманныя деньги на мелкіе расходы; но зато находился подъ самымъ строгимъ ея контролемъ въ отношеніи всякихъ поползновеній къ прекрасному полу. Выслушавъ молча замѣчаніе своей деспотической сожительницы, онъ покорно опустилъ голову и началъ отхлебывать кофе изъ стоявшей передъ нимъ чашки.

— Да я не о такомъ одиночествѣ говорю,—съ волненіемъ возразилъ Тимофею Петровичу Горбунцовъ, котораго сказанныя слова задѣли за больное мѣсто. — Неужели,—спросилъ онъ послѣ короткаго молчанія, — вамъ не приходилось никогда испытывать потребности въ какомъ нибудь дорогомъ и непремѣнно родномъ вамъ существѣ,—ну, семьи, жены, дѣтей

что ли?.. Дайте вамъ тогда тысячу самыхъ преданныхъ друзей, сотню любовницъ, и вы все таки будете чувствовать себя такимъ же одинокимъ; между тѣмъ какъ, если возлѣ васъ только одинъ такой родной человѣкъ, то весь міръ покажется для васъ наполненнымъ... Неужели вы никогда не испытывали, не чувствовали этого?

— Странные вы, право, люди!.. то одно, то другое!.. Кто васъ пойметъ, кто пойметъ? — спросилъ Тимофей Петровичъ, откидываясь всѣмъ тѣломъ назадъ и вытягивая впередъ растопыренныя руки. — Вотъ я, напримѣръ, былъ всю жизнь вольною птицею и такимъ же остался, да такимъ и умру!.. А вы что? наскучило вамъ одиночество; семьи что ли вамъ тамъ захотѣлось—хлопъ! и женился. Кажись, будь доволенъ—нѣтъ, семья надоѣла, хочу свободы — бацъ! бросилъ жену и дѣтей... А получилъ свободу—опять та же пѣсня: одиночество, тоска, семьи хочу!.. Да вѣдь это сказка про бѣлаго бычка выходитъ.—И, наливъ себѣ стаканъ пива, онъ отпилъ изъ него нѣсколько глотковъ.

«А вѣдь онъ правъ, дѣйствительно правъ», — подумалъ Горбунцовъ, припоминая свое прошлое.

— Въ томъ-то и бѣда — грустно проговорилъ онъ, — что мы не хранимъ, что̀ имѣемъ, а потерявши — плачемъ. И еще какъ плачемъ! вотъ какъ я, напримѣръ... Пока мы молоды, здоровы, сильны, мы и не думаемъ о томъ, что наступитъ время, когда мы будемъ стары, больны, слабы. Мы не заботимся о томъ, что намъ будетъ нужна поддержка... А если мы нуждаемся на старости лѣтъ въ физической опорѣ вслѣдствіе наступающей слабости, то тѣмъ болѣе необходима намъ нравственная поддержка: — съ годами и душевныя силы слабѣютъ. И если мы нуждаемся въ солнцѣ и теплѣ, чтобы согрѣвать наше зябнущее старческое тѣло, то не менѣе нуждается и наше стынущее сердце въ томъ, чтобы его согрѣвали отъ проникающаго холода; а согрѣть его можетъ только одно родное, близкое ему, любящее сердце.

Горбунцовъ замолчалъ и опустилъ голову. Все, что̀ онъ высказалъ теперь, наболѣло у него въ душѣ и онъ сидѣлъ молча, весь охваченный какимъ-то болѣзненнымъ, тяжелымъ чувствомъ. Такъ, всякое прикосновеніе къ наболѣвшему мѣсту причиняетъ боль, которая заставляетъ страдать все тѣло.

— Не понимаю... не понимаю!—закричалъ, замахавъ руками, Тимофей Петровичъ съ раскраснѣвшимся лицомъ и съ посоловѣвшими глазами отъ выпитаго пива. — Стынущее сердце!.. согрѣвать стынущее сердце!.. Да на кой чортъ его согрѣвать?!. это философія какая-то, туманъ!—И онъ сдѣлалъ у себя передъ глазами нѣсколько кругообразныхъ движеній ладонью, какъ бы для того, чтобы изобразить этотъ туманъ наглядным образомъ.

— Не философія, а жизнь, сама жизнь! — возразилъ горячо Горбунцовъ, поднявъ свое лицо и отодвигая лежавшую передъ нимъ скомканную салфетку, какъ будто бы она ему мѣшала.—А я еще вотъ что скажу вамъ,—проговорилъ онъ, положивъ локоть на столъ и наклоняясь въ сторону Тимофея Петровича. — Если я, въ моемъ положеніи, еще двигаюсь, живу, существую, то только благодаря сознанію, что у меня есть на свѣтѣ такое родное существо; есть сынъ, который меня согрѣетъ, приласкаетъ... Это сознаніе вливаетъ въ меня бодрость, — въ немъ моя жизнь! Я чувствую, — продолжалъ онъ, все болѣе и болѣе воодушевляясь,—что случись съ моимъ сыномъ несчастіе, умри онъ, и я умру вмѣстѣ съ нимъ... Отнимите у растенія влагу и оно завянетъ, а для меня сынъ— та же благодатная влага.

— Благодатная влага—вотъ она!—проговорилъ Тимофей Петровичъ слегка заплетающимся языкомъ, указывая театральнымъ жестомъ на стоявшія передъ нимъ бутылки,—а остальное все—дрянь... Выпьемъ, Горбунцовъ!—И онъ сталъ наливать себѣ стаканъ, проливая пиво на скатерть, къ ужасу мадамъ Флёри, давно бросавшей на него недружелюбные взгляды.

— Одно меня пугаетъ, и эта мысль не даетъ мнѣ покоя: это — потерять его! — продолжалъ Горбунцовъ, не обращая вниманія на восклицаніе своего собесѣдника.—Это мой кошмаръ!..—Онъ замолчалъ на мгновенье, а затѣмъ добавилъ:— но я надѣюсь, что мнѣ не придется никогда испытать этого.

VII.

Въ передней раздался звонокъ. Черезъ столовую пробѣжала горничная, обдавъ Горбунцова движеніемъ воздуха. Послышалось шуршаніе юбокъ и въ комнату быстро вошла,

распространяя вокругъ себя запахъ крѣпкихъ духовъ, высокая, стройная женщина, лѣтъ двадцати пяти, въ черномъ атласномъ платьѣ, вышитомъ блестками, и огромной шляпкѣ съ длинными черными перьями, бросавшей тѣнь на ея красивое, слегка подрумяненное лицо. Кивнувъ головою Горбунцову и не обративъ никакого вниманія на Тимофея Петровича, дѣлавшаго напрасныя попытки встать, чтобы съ нею поздороваться,—такъ какъ по своей профессіи она привыкла обращать вниманіе только на мужчинъ, у которыхъ было много въ карманѣ, — она присѣла къ столу возлѣ мадамъ Флёри противъ барона, который впился было въ нее глазами, но, поймавъ направленный на него молніеносный взглядъ своей сожительницы, покорно опустилъ глаза и сталъ катать шарикъ изъ хлѣбнаго мякиша.

Быстро заговорила она по французски, жестикулируя своими маленькими, затянутыми въ черныя перчатки руками, на которыхъ при каждомъ движеніи позвякивали браслеты, и разсказала мадамъ Флёри о томъ, что «monsieur Michel lui a posé un lapin». При этомъ она спрашивала у нея совѣта, кого ей выбрать: «le comte Basile» или «le prince Nikita»? Затѣмъ, быстро повернувшись на стулѣ, — отчего на ея шляпкѣ заколыхались перья и закачались большіе солитеры въ ушахъ, — она обратилась къ Горбунцову:

— Vous savez, j'ai fait connaissance d'un des vos parents.

— Vraiement?—спросилъ онъ ее больше изъ вѣжливости; такъ какъ былъ погруженъ въ свои размышленія и не прислушивался къ ея разговору.

— Un vrai gentilhomme, immensément riche,—продолжала она скороговоркой, — j'ai soupé chez lui à la Millionnaia, 23, en grande société... un beau logement. Il est avec la belle Maniа de l'operette... maritalement... elle a de la chance!..

«Кто бы это могъ быть»?—подумалъ Горбунцовъ, у котораго не было никакихъ родственниковъ въ Петербургѣ.

— Et son nom? — спросилъ онъ равнодушно.

— Nicolas Gorbountzoff... Mais qu'avez vous?—вскрикнула она испуганно, увидѣвъ, что Горбунцовъ внезапно измѣнился въ лицѣ и, зашатавшись, схватился рукою за сердце.

«Коля здѣсь»! Эта мысль, словно молнія, пронизала мозгъ

Горбунцова. Неожиданное извѣстіе поразило его, какъ ударъ грома при безоблачномъ небѣ. На нѣсколько мгновеній,— какъ у человѣка, котораго ударили по головѣ, — мысли его спутались и онъ не могъ отдать себѣ отчета, что̀ съ нимъ происходитъ. Онъ почувствовалъ только, что сердце его сначала сжалось и перестало биться, а затѣмъ усиленно заколотилось, какъ бы желая выскочить изъ груди, такъ что онъ долженъ былъ придержать его рукою. Онъ думалъ, что умретъ, задохнется. Наконецъ, сталъ приходить въ себя. «Коля здѣсь!.. здѣсь въ Петербургѣ... Когда я такъ тосковалъ по немъ, мучился, страдалъ, онъ былъ около меня и я не зналъ этого», пронеслось у него въ головѣ. «Коля здѣсь»! думалъ онъ и эта мысль охватила его какъ-то всего цѣликомъ, поглотила всѣ остальныя мысли, овладѣла всѣми нервами, подчинила себѣ его волю... Ему стало страшно, такъ какъ онъ еще никогда не испытывалъ ничего подобнаго. «Такъ сходятъ съ ума», подумалъ онъ. «Коля здѣсь! Коля здѣсь»! неотвязчиво повторялъ онъ себѣ въ порывѣ дикой, безумной радости, и почувствовалъ, какъ будто бы что-то сильное, неотразимое, подобно вихрю, охватило его, подняло и унесло куда-то. «Къ нему, къ нему! скорѣй къ нему»! пронеслось у него вдругъ въ мозгу, и въ то же мгновенье въ немъ проснулось неотразимое, страстное желаніе какъ можно скорѣе увидѣть сына, услышать его голосъ... Не отдавая себѣ отчета, онъ быстро всталъ изъ-за стола, зацѣпивъ скатерть, которая потянулась за нимъ, отчего на полъ упала вилка, и, не обращая ни на кого вниманія, бросился въ переднюю. Онъ снялъ съ вѣшалки первое попавшееся ему пальто и сталъ надѣвать его, но оно оказалось слишкомъ узкимъ. Замѣтивъ ошибку, онъ бросилъ его на полъ и, надѣвъ шубу на одинъ рукавъ, долго не могъ попасть въ другой своею дрожавшею, какъ въ лихорадкѣ, рукою... Затѣмъ быстро открылъ дверь и выбѣжалъ на лѣстницу; но, спохватившись, что онъ безъ шляпы, вернулся въ переднюю и, схвативъ со стола цилиндръ и палку, вышелъ опять на лѣстницу, по которой сталъ быстро спускаться внизъ, ежеминутно оступаясь. Лѣстница казалась ему безконечною. Наконецъ, онъ очутился внизу и, въ разстегнутой на распашку шубѣ, быстро вышелъ на улицу мимо удивленно посмотрѣвшаго ему вслѣдъ швей-

царя въ синей затасканной ливреѣ и фуражкѣ съ оборваннымъ галуномъ.

VIII.

Выдя на улицу, Горбунцовъ направился почти бѣгомъ, насколько позволяла его больная нога, къ виднѣвшемуся невдалекѣ отъ подъѣзда единственному извощику. Стоявшая съ низко опущенною головою маленькая лохматая лошаденка, извощикъ, его сани и самъ онъ, дремавшій, на облучкѣ, были занесены снѣгомъ, падавшимъ теперь густыми, мокрыми хлопьями.

— Извощикъ, из-во-щикъ!—кричалъ Горбунцовъ на ходу, но тотъ не трогался съ мѣста.

— Извощикъ!—крикнулъ онъ еще разъ, подойдя къ санямъ и толкая возницу въ плечо концомъ своей палки. «Коля здѣсь, а онъ спитъ»! подумалъ онъ. Ему казалось, что въ эту минуту всѣ должны были знать, что его сынъ въ Петербургѣ и отецъ торопится къ нему...

Отмахнувшись раза два локтемъ во снѣ, извощикъ, наконецъ, прозрѣлъ и, повернувъ свое добродушное заспанное лицо, посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— На Милліонную!—крикнулъ Горбунцовъ.

— Пожалуйте-съ,—равнодушно отвѣтилъ тотъ и, повернувшись назадъ, началъ было, кряхтя, околачивать кнутовищемъ снѣгъ съ покрытой холстомъ суконной полости.

— Не надо, не надо. Пошелъ, пошелъ скорѣе! — торопилъ Горбунцовъ и, отстегнувъ полость, грузно опустился въ сани.

Извощикъ, чмокнувъ, задергалъ возжами, оттопыривая локти, и лошаденка тронулась мелкою лѣнивою рысцею.

«Это просто несчастіе! такъ я никогда не доѣду», промелькнуло у Горбунцова въ головѣ, причемъ онъ, волнуясь, задвигался въ саняхъ, какъ будто бы этимъ можно было заставить ихъ ѣхать скорѣе.

— Ступай, ступай! — крикнулъ онъ и въ голосѣ его послышалось нетерпѣніе.

— Ну, ты! спишь, сердечная! — проговорилъ нараспѣвъ извощикъ и хлеснулъ кнутомъ лошаденку, которая, взмах-

нувъ хвостомъ, продолжала невозмутимо бѣжать тою же рысцею.

Когда извощикъ повернулъ съ Гороховой на Морскую, Горбунцовъ подумалъ о томъ, что нужно сообщить о пріѣздѣ сына Семену и предупредить его, чтобы онъ не безпокоился его долгимъ отсутствіемъ. Къ тому же, — какъ это бываетъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, — охватившее его радостное чувство вырывалось наружу и онъ ощущалъ потребность подѣлиться имъ съ кѣмъ нибудь какъ можно скорѣе. Поэтому онъ велѣлъ извощику вести себя сначала къ Исаакію.

Подъѣхавъ къ дому и войдя въ подъѣздъ, онъ послалъ швейцара на верхъ за Семеномъ. «Il est avec la belle Mania— припомнились ему вдругъ слова красивой француженки,— maritalement»... «Что это значитъ? — думалъ онъ, шагая взадъ и впередъ по швейцарской. — Отчего же онъ съ этой Mania, а не съ женою?.. неужели разошелся? но гдѣ же дѣти»?.. Эти мысли пришли ему въ первый разъ въ голову и онъ только теперь началъ отдавать себѣ отчетъ во всемъ томъ, что́ слышалъ о пріѣздѣ сына, стараясь освѣжить въ памяти всѣ мельчайшія подробности. Ему показалось теперь страннымъ, отчего Николай, пріѣхавъ въ Петербургъ, не только не навѣстилъ его, но даже не далъ знать о своемъ прибытіи, и онъ сталъ теряться въ догадкахъ, стараясь найти этому какое нибудь объясненіе...

На верху хлопнула дверь и на лѣстницѣ послышались быстрые шаги. Онъ поднялъ голову и увидѣлъ спускавшагося Семена, который, перевѣсивъ голову черезъ перила, смотрѣлъ на него вопросительно.

— Николай Павловичъ пріѣхалъ... пріѣхалъ! — крикнулъ ему радостно Горбунцовъ, задыхаясь отъ вернувшагося къ нему радостнаго волненія.

Семенъ остановился на мгновеніе и посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ на Горбунцова, какъ бы не довѣряя себѣ въ томъ, что онъ правильно разслышалъ слова.

— Слава те, Господи!—проговорилъ онъ затѣмъ, набожно перекрестившись, причемъ на его лицѣ засіяла улыбка, и сталъ спускаться съ лѣстницы.

— Вотъ что, Семенъ, — началъ быстро Горбунцовъ, на-

правляясь къ выходу,—я сейчасъ ѣду къ нему. Ты меня не жди... я, вѣроятно, засижусь, а, можетъ быть, и совсѣмъ тамъ останусь. Тогда начни завтра съ утра укладывать вещи, чтобы все было готово, когда я пришлю... завтра же и переберемся.

— Будьте покойны, Павелъ Никитичъ, будьте покойны,— повторялъ весело Семенъ, идя вслѣдъ за Горбунцовымъ.— Услышалъ, значитъ, Господь наши молитвы... вотъ и на нашей улицѣ праздникъ! — добавилъ онъ, усаживая своего барина въ сани и, застегнувъ полость, крикнулъ извощику: «пошелъ»!—«Вотъ ты теперь и увидишь, какой онъ прощалыга,—съ гордостью подумалъ Семенъ, возвращаясь въ подъѣздъ и обращаясь мысленно къ Дашѣ, слова которой глубоко засѣли у него въ душѣ.—Все до копѣечки заплатимъ... увидите, какіе мы. Вотъ счастье Павлу Никитичу, вотъ счастье-то»!.. Онъ остановился въ дверяхъ и повернулся лицомъ къ Исаакію.

— Благодарю Тя, Господи, яко услышалъ мя еси!—прошепталъ онъ, крестясь на массивный куполъ, едва виднѣвшійся, словно гигантская шапка, сквозь густую сѣтку падавшаго снѣга.

Странное чувство испытывалъ Горбунцовъ, пока извощичья лошаденка медленно тащила его по Большой Морской. Богъ знаетъ, въ который разъ начиналъ онъ теперь думать о томъ, что ѣдетъ къ своему сыну; но до сихъ поръ все еще не могъ освоиться съ мыслью, что вотъ-вотъ черезъ нѣсколько минутъ увидится съ нимъ: до того это казалось ему невѣроятнымъ. Ему пришло даже въ голову, не видитъ ли онъ всего этого во снѣ, но испытываемый имъ холодъ отъ вѣтра, дувшаго навстрѣчу, и непріятное ощущеніе отъ таявшаго снѣга, залѣплявшаго лицо, убѣдили его въ томъ, что это было дѣйствительностью. Въ его воображеніи стала живо рисоваться картина предстоявшей встрѣчи. Онъ видѣлъ ясно, какъ подымается уже по лѣстницѣ, какъ ему отворяютъ дверь, какъ онъ входитъ въ комнату и вотъ къ нему выбѣгаетъ навстрѣчу удивленный и обрадованный Николай. Они бросаются другъ другу въ объятія и на душѣ у нихъ обоихъ такъ хорошо, такъ весело... Ему представилось безусое юношеское лицо, которое смотритъ на него также, какъ смот-

рѣло на него сегодня утромъ изъ узенькой рамки. «Вѣдь онъ теперь не такой — пронеслось у него въ головѣ. — Но какой же онъ?.. конечно, у него теперь усы»... Онъ старался представить себѣ Николая, какимъ тотъ долженъ быть теперь, и рѣшилъ, что у него должны быть не только усы, но и непремѣнно борода... Въ это время, надъ самымъ его ухомъ прогремѣлъ возгласъ: «право держи»! и его обогнала щегольская карета. Это заставило его вернуться къ дѣйствительности. Онъ оглянулся и убѣдился въ томъ, что онъ былъ все еще на улицѣ. Впереди передъ нимъ, дѣлая небольшой изгибъ влѣво, уходила вдаль линія электрическихъ фонарей, показавшаяся ему теперь безконечною. «Я никогда не доѣду», подумалъ онъ и посмотрѣлъ съ какимъ-то отвращеніемъ на торчавшую передъ нимъ занесенную снѣгомъ спину скорчившагося извощика.

— Ступай, ступай, братецъ,—произнесъ онъ съ озлобленіемъ,—какая у тебя кляча!

Извощикъ усиленно задергалъ возжами.

— Пристала она, баринъ, вотъ что! — возразилъ извощикъ. — Хозяину, хошь не хошь, два семь гривенъ отдай... хоть, говоритъ, лошадь зарѣжь, а привези. Вотъ и загоняешь ее, сердечную... А ему что? сидитъ себѣ въ трактирѣ да чай попиваетъ... а нашъ братъ хоть дохни, все ему едино. Въ обѣдъ тебѣ пустыхъ щей дастъ, грибка не поймаешь... Эхъ, жисть!—проговорилъ онъ съ отчаяніемъ и тряхнулъ головой.

Горбунцовъ не слушалъ его давно, отдавшись опять своимъ размышленіямъ. Онъ подумалъ теперь, — и это показалось ему страннымъ, — что его сынъ, тотъ самый Коля, котораго онъ помнилъ только безусымъ мальчикомъ, теперь ужь взрослый мужчина, женатъ, и самъ имѣетъ дѣтей. При этой мысли, сердце его наполнилось какою-то особенною, никогда еще не испытанною имъ до сихъ поръ гордостью, подобною той, которую испытываетъ художникъ при видѣ своего произведенія. Даже мысль о томъ, что его сынъ завелъ себѣ любовницу, показалась ему пріятною... Его взглядъ уперся въ арку Главнаго Штаба, въ которой, точно картина въ гигантской рамѣ, виднѣлась темная масса Зимняго Дворца со вздымавшеюся передъ нимъ Александровскою колонною. «Уже близко», пронеслось у него въ головѣ и имъ овладѣло

такое радостное чувство, которое испытываетъ измученный путешественникъ на кораблѣ, перенесшій много бурь и всякихъ невзгодъ, когда передъ нимъ засинѣютъ вдали неясныя очертанія берега, гдѣ его ждетъ тихая и надежная пристань, составляющая цѣль путешествія. Онъ былъ измученъ жизненными невзгодами, чувствовалъ себя усталымъ; ему хотѣлось отдохнуть и вотъ онъ приближался теперь къ своей пристани, тихой и надежной... Что̀ можетъ быть надежнѣе роднаго крова у единственнаго сына? Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ при мысли о томъ, что наступилъ конецъ его ужасному одиночеству и что послѣ пятнадцатилѣтней разлуки онъ увидится съ Николаемъ, который былъ для него теперь единственнымъ близкимъ и самымъ дорогимъ существомъ на свѣтѣ.

Онъ былъ уже на Милліонной. Замѣтивъ одинъ изъ нумеровъ съ лѣвой стороны, онъ сталъ быстро высчитывать, который изъ домовъ—№ 23. До него было уже недалеко, но чѣмъ ближе было разстояніе, тѣмъ бо̀льшее нетерпѣніе овладѣвало имъ. Сердце его усиленно билось. Ему не сидѣлось въ саняхъ. Онъ жадно всматривался впередъ, не спуская глазъ съ виднѣвшагося дома. Наконецъ, извощикъ остановился у подъѣзда.

IX.

Узнавъ у швейцара нумеръ квартиры, Горбунцовъ быстро поднялся по лѣстницѣ въ бельэтажъ и нажалъ кнопку звонка у массивныхъ дубовыхъ дверей. Его сердце билось еще сильнѣе отъ быстрой ходьбы и отъ волненья, а грудь дышала тяжело отъ одышки, которою онъ страдалъ. «Сейчасъ! сейчасъ»! думалъ онъ, внимательно прислушиваясь къ приближавшимся за дверью шагамъ. Замокъ щелкнулъ, дверь распахнулась и въ ней показался бѣлокурый лакей, который, въ своемъ безукоризненномъ фракѣ и бѣлоснѣжной манишкѣ, походилъ скорѣе на англійскаго лорда. Горбунцовъ сдѣлалъ движенье впередъ, торопливо разстегивая на себѣ шубу; но лакей, увидѣвъ незнакомое ему лицо, загородилъ ему дорогу.

— Баринъ теперь никого не принимаютъ-съ. Они очень заняты,—произнесъ онъ.

— Меня примутъ... меня примутъ! Доложи имъ, что отецъ ихъ пріѣхалъ! — проговорилъ торопливо Горбунцовъ, входя въ переднюю за пятившимся передъ нимъ лакеемъ, который, снявъ съ него шубу, проводилъ его въ гостинную и скрылся затѣмъ за тяжелою плюшевою драпировкою.

Ноги у Горбунцова подкашивались. Онъ почувствовалъ даже что-то въ родѣ головокруженія и грузно опустился въ первое попавшееся кресло.

За закрытою дверью въ сосѣдней комнатѣ слышались голоса споривших между собою мужчины и женщины, и Горбунцовъ сталъ невольно прислушиваться къ нимъ.

— Ты не думай у меня отдѣлаться какимъ-то тамъ грошевымъ браслетомъ!—говорилъ женскій голосъ. — Пятьсотъ рублей... эка невидаль какая! Ты можешь это подарить моей горничной, а не мнѣ!

— Онъ стоитъ не пятьсотъ, а—восемьсотъ!—раздраженно возразилъ мужской голосъ, въ которомъ Горбунцову послышалось что-то знакомое, и въ то же мгновеніе въ немъ проснулось воспоминаніе о давно забытомъ, далекомъ прошломъ, пріятномъ и свѣтломъ, отчего онъ почувствовалъ вдругъ себя какъ-то особенно уютно, а по всему его тѣлу разлилась какая-то нѣжущая теплота. «Это Коля говоритъ», пронеслось у него въ головѣ, пока онъ жадно прислушивался къ звуку дорогаго ему голоса.

— Ну, восемьсотъ, это все равно! развѣ это подарокъ?— продолжалъ женскій голосъ.—Я къ этому не привыкла! мнѣ князь никогда ничего дешевле чѣмъ въ тысячу рублей не дарилъ.

— Князь, князь! Да что мнѣ за дѣло до твоего князя?— рѣзко перебилъ мужской голосъ.

— А ты думаешь, я даромъ отъ него ушла что ли?.. Я не какая нибудь, ты это знаешь!—кричалъ женскій голосъ.

— Ахъ, ты считаешь, что ушла даромъ?—злобно спросилъ мужской голосъ, все возвышаясь:—пятьсотъ рублей въ мѣсяцъ—это даромъ по твоему? даромъ?.. да еще давай тебѣ тысячные подарки?..

Вдругъ въ комнатѣ все замолкло. «Лакей вошелъ», поду-

малъ Горбунцовъ съ облегченіемъ, отрывая глаза отъ двери, съ которой не спускалъ взгляда до сихъ поръ, и обвелъ любопытнымъ взглядомъ всю комнату, наполненную коврами, бронзой, фарфоровыми бездѣлушками и тѣсно заставленную дорогою мебелью, расположенною такъ, что въ комнатѣ образовывалось множество уютныхъ уголковъ.

Въ дверяхъ появился лакей.

— Они просятъ обождать. Сейчасъ выдутъ, — доложилъ онъ почтительно, слегка наклоняя свою гладко причесанную голову.

«Ждать... еще ждать»!.. подумалъ съ тоскою Горбунцовъ, оправляя свой воротникъ. Нетерпѣніе его увеличивалось. Онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ и, вставъ, зашагалъ по мягкому ковру, обходя попадавшіеся по дорогѣ стулья и табуреты. Нѣсколько разъ ему казалось, что онъ слышитъ шаги, приближающіеся къ двери, и онъ тогда останавливался и прислушивался, затаивъ дыханіе; но это былъ обманъ напряженнаго ожиданіемъ слуха. «Отчего Коля такъ долго нейдетъ? отчего»? думалъ онъ. Ему захотѣлось вдругъ открыть эту дверь и пойти самому туда къ сыну, отъ котораго его отдѣляла теперь только одна деревянная перегородка; но онъ удержалъ себя, вспомнивъ, что Николай не одинъ и что ему было бы неловко. Онъ былъ совсѣмъ измученъ и едва владѣлъ собою. Наконецъ, за дверью ясно послышались шаги. Онъ остановился, облокотившись рукою о спинку стула, чтобы не упасть отъ охватившаго его волненія, и впился глазами въ темныя дубовыя двери. Бронзовая ручка на нихъ повернулась и въ комнату вошелъ Николай.

— Коля... Коля!..—вырвалось у него какимъ-то крикомъ изъ груди, и онъ бросился къ сыну, котораго едва могъ разсмотрѣть сквозь навернувшіяся на глаза слезы, причемъ нижняя челюсть его задрожала.

— Голубчикъ... милый мой... здравствуй!—шепталъ онъ, всхлипывая, прерывающимся отъ волненія голосомъ и, обхвативъ своего сына дрожащими руками за плечи, привлекъ его къ себѣ.

— Здравствуйте!—холодно и сухо проговорилъ ровнымъ голосомъ Николай, у котораго ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на безстрастномъ лицѣ. Когда же отецъ обнялъ его и сдѣ-

лалъ движеніе поцѣловать, онъ не проявилъ съ своей стороны никакого желанія сдѣлать то же самое, а только какъ бы позволилъ отцу, совершенно пассивно, привлечь себя, подставивъ щеку для поцѣлуя, послѣ котораго сейчасъ же отстранилъ свою голову.

Это движеніе не ускользнуло отъ вниманія Горбунцова, которому даже показалось, какъ будто бы на губахъ сына промелькнуло что-то въ родѣ презрительной усмѣшки... «Что же это»? подумалъ онъ, и у него вдругъ потемнѣло въ глазахъ, причемъ его сердце болѣзненно сжалось отъ чувства горькой обиды, которое, словно острый ножъ, пронизало его. Какъ не похожа была эта встрѣча на ту, какую онъ представлялъ себѣ по дорогѣ! Не было ни бурной радости, ни ласки, ни душевной теплоты и, какъ ни старался Горбунцовъ увѣрить себя въ томъ, что все это ему только «показалось», но сердце-вѣщунъ чутко подсказывало ему, что между нимъ и сыномъ стояла какая-то непроницаемая стѣна, сдѣлавшая ихъ совершенно чуждыми другъ другу. Его радостное чувство мгновенно исчезло и смѣнилось безпокойною тревогою, подобною той, которая овладѣваетъ человѣкомъ въ ожиданіи чего нибудь страшнаго, что̀ должно съ нимъ неизбѣжно случиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему сдѣлалось стыдно за то проявленіе радости, которое вырвалось у него при встрѣчѣ съ сыномъ. Когда онъ спѣшилъ сюда, ему казалось, что онъ будетъ говорить съ Николаемъ безъ конца: до того много зародилось въ немъ тогда вопросовъ, на которые онъ искалъ отвѣта, и мыслей, которыми ему хотѣлось подѣлиться съ сыномъ. Теперь же, — какъ это бываетъ обыкновенно, когда человѣкъ находитъ не то, чего ожидалъ, — все это множество мыслей разсѣялось, и онъ напрасно напрягалъ свой мозгъ, чтобы ухватиться хоть за одну изъ нихъ. Онъ какъ будто бы забылъ сразу все то, что̀ его волновало, и чувствовалъ себя крайне неловко, не зная, что̀ ему дѣлать и о чемъ говорить. Онъ присѣлъ въ какомъ-то душевномъ изнеможеніи на стулъ, всматриваясь въ лицо Николая, который сидѣлъ теперь передъ нимъ въ креслѣ, откинувшись назадъ и вытянувъ далеко впередъ ноги въ лаковыхъ ботинкахъ съ носками какой-то необыкновенной формы.

Присматриваясь къ сыну, Горбунцовъ не вѣрилъ своимъ

глазамъ: такъ измѣнился тотъ и даже постарѣлъ, не смотря на молодые еще годы... Николай Горбунцовъ, въ противоположность своему отцу, былъ невысокаго роста, со впалою грудью и узкими плечами, на которыхъ совершенно свободно болтался безукоризненно сшитый костюмъ изъ модной клѣтчатой матеріи сѣро-зеленаго цвѣта. Небольшое, слегка овальное лицо съ довольно высокимъ и нѣсколько скошеннымъ назадъ лбомъ, — надъ которымъ гладко расчесанные въ обѣ стороны бѣлокурые волосы образовывали проходившій черезъ всю голову проборъ,—было мертвенно-блѣдно, а дряблая кожа складывалась около уголковъ глазъ въ мелкія морщинки. Только въ тонкомъ, слегка горбатомъ носѣ и узкихъ, выгнутыхъ дугою, бровяхъ можно было подмѣтить родственное сходство съ Павломъ Никитичемъ. Небольшіе жосткіе усы, съ поднятыми высоко къ верху концами, прикрывали тонкія сжатыя губы со слегка опущенными внизъ углами, что, вмѣстѣ съ выдающеюся впередъ нижнею челюстью и холоднымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ, придавало всему лицу жосткое выраженіе. Необыкновенно высокій крахмальный воротникъ, пестрый галстукъ, въ который была заколота булавка съ крупнымъ брилліантомъ, и множество колецъ съ драгоцѣнными камнями на пальцахъ правой руки свидѣтельствовали о томъ, что Николай Павловичъ обращалъ большое вниманіе на свою внѣшность, и, дѣйствительно, вся его фигура, начиная съ прически и кончая ботинками, напоминала собою модную картинку.

«Такъ вотъ онъ какой... Да развѣ это Коля»? — думалъ съ недоумѣніемъ Горбунцовъ, смотря на сына, который, вытянувъ правую руку вдоль ручки кресла и слегка перебирая пальцами, слѣдилъ глазами за игрою камней на кольцахъ, и въ то же время чувствовалъ, какъ въ немъ гдѣ-то глубоко,— какъ будто на днѣ души, — зародилась непріязнь къ сыну.

— А я совершенно случайно узналъ, что ты пріѣхалъ,— началъ онъ, чувствуя неловкое смущеніе отъ устремленнаго на него холоднаго вопросительнаго взгляда, — и вотъ сейчасъ же вечеромъ пріѣхалъ... мнѣ такъ хотѣлось тебя видѣть! столько лѣтъ не видались...

— Я очень радъ, папаша,—проговорилъ Николай равнодушнымъ тономъ, какимъ говорятъ обыкновенно, поддерживая изъ вѣжливости неинтересный разговоръ съ совершенно по-

сторонними людьми, причемъ онъ произнесъ слово «папаша» послѣ маленькой запинки, какъ будто бы ему было трудно выговорить это слово и онъ хотѣлъ добавленіемъ его только нѣсколько смягчить холодность своего обращенія съ отцомъ. «И зачѣмъ онъ пріѣхалъ?.. чего ему нужно отъ меня»?—подумалъ онъ въ то же время, причемъ ему стало досадно, что «этотъ старикъ», съ которымъ у него не было ничего общаго, появился вдругъ совершенно непрошеннымъ и, по всей вѣроятности, будетъ часто надоѣдать ему, нарушая своимъ присутствіемъ установившійся у него образъ жизни.

— Признаться, я все время поджидалъ отъ тебя отвѣта, такъ какъ писалъ уже давно въ Осиновку... Ты, вѣроятно, не получилъ моего письма? — спросилъ Горбунцовъ, доставая изъ кармана портсигаръ и закуривая папиросу.

— Письмо?—сказалъ Николай, слегка наклоняясь впередъ и поджимая подъ себя ноги, въ то время какъ придвигалъ отцу стоявшую на столѣ массивную бронзовую пепельницу.— Ахъ, да! я помню, вы мнѣ что-то писали. — И онъ опять откинулся назадъ на спинку кресла, вытянувъ впередъ ноги.

Горбунцовъ не ждалъ такого отвѣта. Небрежность, съ которою Николай отозвался объ его письмѣ, возбудила въ немъ негодованіе. Онъ изливалъ въ этомъ письмѣ всю свою наболѣвшую душу, описывалъ свои страданія въ одиночествѣ, сообщалъ о тяжеломъ матеріальномъ положеніи, просилъ дать ему пріютъ; а Николай не только не счелъ нужнымъ откликнуться на это, но даже не обратилъ на письмо никакого вниманія. И это сдѣлалъ сынъ, единственный сынъ, по отношенію къ отцу! Всѣ страданія старика-отца были для него только «что-то». «Что-то... что-то!.. хорошо что-то»! проносилось въ головѣ у Горбунцова, и каждый разъ, когда онъ повторялъ мысленно это слово, оно какъ-то болѣзненно отдавалось у него въ душѣ.

— Ты получилъ... и не отвѣтилъ?—спросилъ онъ взволнованнымъ голосомъ, въ которомъ слышалась обида, и, въ ожиданіи отвѣта, какъ бы застылъ съ вытянутою впередъ рукою, которую протянулъ въ это время къ пепельницѣ.

Этотъ вопросъ вызвалъ въ Николаѣ раздраженіе. Ему хотѣлось сказать: «Да, не отвѣтилъ! такъ что же изъ этого»?

Но, замѣтивъ сильное волненіе отца, онъ проговорилъ, небрежно цѣдя слова сквозь зубы:

— Я все собирался написать вамъ... но послѣ смерти maman у меня было столько дѣлъ, столько хлопотъ... Vous comprenez, всѣ эти формальности, утвержденіе въ правахъ наслѣдства, вводъ во владѣніе... Я совсѣмъ потерялъ голову...—И онъ провелъ рукою по лбу, какъ бы желая изобразить наглядно, насколько его голова была «потеряна» во всѣхъ этихъ дѣлахъ.

Отряхнувъ пепелъ и затянувшись папиросой, Горбунцовъ опустилъ голову и задумался. Его стала теперь тревожить мысль о томъ, что недружелюбное отношеніе къ нему со стороны сына происходило отъ того, что тотъ не могъ простить ему происшедшаго по его винѣ разрыва съ матерью, подъ впечатлѣніемъ смерти которой Николай еще и теперь находился.

— Я думаю, Коля, — началъ онъ тихо, не поднимая головы и скользя глазами по узору ковра, лежавшаго подъ ногами,—что все то, что̀ произошло когда-то между мною и твоею матерью, не послужило причиной...—онъ остановился, подыскивая подходящее выраженіе:—не могло испортить нашихъ отношеній. Я считаю,—добавилъ онъ, поднимая голову и смотря на Николая, который чистилъ въ это время ногти вынутою изъ жилетнаго кармана костяною палочкою, — что добрыя и сердечныя отношенія между родителями и дѣтьми должны оставаться неизмѣнными, не смотря на то, что́ произошло между родителями... Когда начинаешь относиться къ прошлому критически, то видишь ясно, что всѣ эти—какъ ихъ тамъ назвать? мимолетныя увлеченія, что ли?—представляютъ собою только временныя уклоненія отъ прямаго пути, за которыя приходится расплачиваться потомъ цѣлыми годами раскаянія. Простить или не простить такія ошибки можетъ только обиженная сторона: это дѣло ея совѣсти, ея убѣжденій... А дѣти... дѣти не могутъ входить въ оцѣнку этихъ отношеній, принимая сторону того или другаго, такъ какъ ихъ отношенія къ родителямъ основаны на одномъ неизмѣнномъ фактѣ рожденія, въ силу котораго отецъ остается всегда отцомъ, а мать—матерью... И этого ничто измѣнять не должно и не можетъ!

X.

Послѣднія слова Горбунцовъ произнесъ съ горячимъ воодушевленіемъ. Отдавшись, въ своемъ увлеченіи, разъясненію волновавшей его мысли, онъ былъ увѣренъ въ томъ, что его откровенныя, дышавшія искренностью, слова разрушатъ ту преграду, которая, — какъ онъ почувствовалъ въ началѣ,— отдѣляла его отъ сына. Между тѣмъ, Николай слушалъ его разсѣянно, причемъ по его лицу пробѣгала нѣсколько разъ тѣнь неудовольствія, опуская еще ниже уголки его рта и сжимая еще больше тонкія губы. «Зачѣмъ онъ мнѣ все это говоритъ?.. На что мнѣ нужно знать его убѣжденія»?—думалось ему.

— Все это очень интересно, но мнѣ какъ-то странно слышать это отъ васъ, — сказалъ онъ небрежно, опуская медленнымъ движеніемъ руки свою костяную палочку въ карманъ жилета. — Вы такъ измѣнились... а когда я васъ увидѣлъ, мнѣ показалось, что вы остались такимъ же...—Онъ замолчалъ, забарабанивъ пальцами по ручкамъ кресла, вдоль которыхъ вытянулъ свои руки. Горбунцовъ почувствовалъ опять, что между нимъ и сыномъ стояла все та же непроницаемая стѣна, и что-то смутно подсказывало ему, что ничто не будетъ въ состояніи разрушить этой преграды. Но онъ боялся прислушиваться къ этому голосу, стараясь всячески заглушить его въ себѣ, такъ какъ ему было бы слишкомъ страшно прійти къ тому убѣжденію, что предчувствіе его не обманываетъ. Убѣдиться въ этомъ значило бы потерять сына, то есть потерять все то, что́ составляло теперь его единственную надежду и было единственнымъ смысломъ, единственною цѣлью и единственною поддержкою его жизни... И онъ сталъ подыскивать доказательства тому, что ошибается, подобно человѣку, страдающему неизлѣчимою болѣзнью, который старается разувѣрить себя въ правильности діагноза, поставленнаго врачемъ, не смотря на инстинктъ, подсказывающій ему близость неминуемой смерти...

— Да, я измѣнился, но и ты измѣнился тоже!—сказалъ онъ, сдѣлавъ удареніе на словахъ «ты» и «тоже» и смотря прямо въ упоръ въ глаза Николаю.

— Мнѣ кажется, вамъ довольно трудно судить объ этомъ,— замѣтилъ Николай:—вы видѣли меня въ послѣдній разъ, когда я былъ еще мальчикомъ и еслибы не смерть мамаши...

— Ахъ, скажи мнѣ, отчего она умерла? — перебилъ его Горбунцовъ, — «зачѣмъ это я? — подумалъ онъ при этомъ:— ему, вѣроятно, тяжелы эти воспоминанія». Ему стало досадно, что у него вырвался этотъ вопросъ, такъ какъ онъ не сомнѣвался, что его сынъ любилъ свою мать, съ которою провелъ столько лѣтъ неразлучно, и потому, желая объяснить, почему онъ заговорилъ объ этомъ непріятномъ для Николая предметѣ, добавилъ тихо и какъ бы извиняясь: — я вѣдь до сихъ поръ ничего не знаю объ этомъ.

— Она умерла отъ рака, — отвѣтилъ Николай, причемъ въ его голосѣ не послышалось ни сожалѣнія, ни состраданія.

— Бѣдная! она, вѣроятно, очень страдала? — спросилъ Горбунцовъ со вздохомъ, и въ эту минуту ему стало искренно жаль этой доброй женщины, передъ которою онъ считалъ себя виноватымъ.

— Да, она помучилась немножко... кажется, года полтора,—замѣтилъ равнодушно Николай.—Впрочемъ, надо же отъ чего нибудь умереть, — добавилъ онъ философски послѣ короткаго молчанія, посмотрѣвъ на свои кольца.

Эти слова заставили болѣзненно сжаться сердце Горбунцова. Его ужаснуло такое безсердечіе. «И это — Коля?.. это Коля, мой сынъ»? проносилось у него въ головѣ. Какъ бы не вѣря тому, что́ онъ только что услышалъ, онъ слегка наклонился впередъ и, широко раскрывъ глаза, въ теченіе нѣсколькихъ секундъ присматривался внимательно къ чертамъ лица своего сына, стараясь подмѣтить въ нихъ подтвержденіе того, что́ его такъ ужаснуло. И — странная вещь — онъ обратилъ теперь въ первый разъ вниманіе и на тонкія сжатыя губы сына съ загнутыми внизъ углами, и на выдающуюся нижнюю челюсть, и на холодный взглядъ, причемъ лицо Николая показалось ему злымъ и отвратительнымъ. Онъ припомнилъ такъ хорошо знакомую ему фотографію, стоявшую у него на письменномъ столѣ, и подумалъ о томъ, что и на ней было то же непріятное выраженіе, котораго онъ, однако, до сихъ поръ почему-то не замѣчалъ. Такъ иногда, видя постоянно какую нибудь картину при одномъ и томъ же освѣщеніи, мы восхи-

щаемся ею; но стóитъ намъ перевѣсить ее на другое мѣсто и намъ сразу бросаются въ глаза такіе недостатки, которыхъ мы и не подозрѣвали прежде, и картина теряетъ для насъ сразу всякую прелесть.

Тяжелое чувство гнетущей тоски овладѣло Горбунцовымъ. Онъ почувствовалъ какую-то внутреннюю пустоту, какъ будто бы кто-то вынулъ у него изъ груди все то, что̀ ее наполняло до сихъ поръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ пробудилось съ особенною силою сознаніе своего одиночества. Онъ почувствовалъ себя теперь еще болѣе одинокимъ, чѣмъ прежде. Тогда его одиночество скрашивалось мыслью о томъ, что гдѣ-то, хотя и далеко, существуетъ сынъ, который со дня на день долженъ пріѣхать, а теперь у него уже не было этого сына, такъ какъ онъ не могъ признать своимъ сыномъ того, кто сидѣлъ теперь передъ нимъ, совершенно ему чужой, безсердечный, холодный... Горбунцову было не по себѣ. Онъ понялъ, что здѣсь ему больше нечего дѣлать. Кровь прилила ему къ головѣ и усиленно стучала въ вискахъ, къ которымъ онъ нѣсколько разъ прикладывалъ свою руку. Что-то его душило. Ему казалось, что не хватаетъ воздуха въ этой заставленной мебелью комнатѣ, и имъ овладѣло одно желаніе: какъ можно скорѣе уйти отсюда, вырваться на чистый воздухъ, бѣжать какъ можно дальше. Повинуясь этому желанію, онъ быстро всталъ со стула. Вслѣдъ за нимъ поднялся со своего мѣста и Николай.

— Мнѣ пора... я, кажется, засидѣлся,—проговорилъ онъ отрывисто.

Николай досталъ, не торопясь, золотые часы съ короткою широкою цѣпочкою, на которой болталось множество брелоковъ, и, зѣвая, посмотрѣлъ на нихъ.

— Да, уже десять часовъ,—сказалъ онъ и пошелъ, стуча каблуками по ковру, вслѣдъ за отцомъ, который, пожавъ ему наскоро руку, направился въ переднюю.

— А ты надолго сюда пріѣхалъ?—спросилъ Горбунцовъ, останавливаясь и поворачиваясь къ сыну.

— Мѣсяца на два, на три, — отвѣтилъ тотъ, снимая съ рукава своего пиджака приставшую къ нему пушинку.

— И... одинъ?—продолжалъ Горбунцовъ.

— Одинъ.

— А жена гдѣ?

— Какъ гдѣ?.. конечно, въ деревнѣ.

— И ты съ нею... не разошелся?—проговорилъ Горбунцовъ нерѣшительно.

— Нѣтъ. Но почему это васъ такъ интересуетъ? — спросилъ Николай, устремивъ на отца свой холодный взглядъ и опуская руки въ карманы.

— Потому что... видишь ли... я слышалъ, что ты живешь тутъ съ одной...—началъ Горбунцовъ, но замолчалъ, не докончивъ фразы.

— А вамъ уже и это извѣстно? — злобно спросилъ Николай и недобрая усмѣшка пробѣжала у него по губамъ.— Знаете, папаша,—добавилъ онъ, вспыхнувъ и рѣзко отчеканивая слова,—я васъ попрошу не вмѣшиваться въ мои личныя дѣла... Я нахожу это совершенно излишнимъ и... безполезнымъ!

«Это мнѣ, наконецъ, надоѣло, убирайся ты поскорѣе»! подумалъ онъ про себя съ раздраженіемъ.

— Извини, пожалуйста... я не зналъ... я думалъ, что между отцомъ и сыномъ... — проговорилъ тихо Горбунцовъ, совершенно разбитый и разстроенный, и вышелъ въ переднюю, согнувшись и наклонивъ голову впередъ, какъ будто бы кто-то собирался его ударить сзади. Просовывая торопливо руки въ рукава поданной ему лакеемъ шубы, онъ едва удерживался отъ слезъ, которыя подступали у него къ горлу. «Онъ меня ненавидитъ!.. ненавидитъ... за что?.. за что»?.. болѣзненно проносилось у него въ мозгу. «А вотъ горитъ лампа», почему-то вдругъ подумалъ онъ, взглянувъ на горѣвшую на стѣнѣ въ передней электрическую лампу съ колпакомъ въ видѣ тюльпана, и ему пришло въ голову, какъ хорошо было бы быть этою лампою, которая ничего не сознаётъ и не чувствуетъ. Застегнувъ шубу, онъ медлилъ уходить и топтался нѣсколько секундъ на мѣстѣ въ какой-то нерѣшительности, ожидая, что Николай скажетъ ему что нибудь хоть теперь на прощанье, спроситъ его адресъ, пригласитъ заходить къ себѣ... Но Николай стоялъ неподвижно, заложивъ руки въ карманы, и не проронилъ ни одного слова. Всматриваясь въ фигуру своего отца, онъ припоминалъ себѣ, какимъ видѣлъ его въ дѣтствѣ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ.

когда тотъ заглядывалъ къ нему въ дѣтскую или звалъ къ себѣ въ кабинетъ, для того чтобы сдѣлать ему выговоръ. Онъ боялся его тогда, но по мѣрѣ того, какъ онъ росъ и становился все болѣе и болѣе самостоятельнымъ, этотъ страхъ постепенно исчезалъ въ немъ, уступая мѣсто критическому отношенію къ отцу. Онъ сталъ подмѣчать теперь съ особеннымъ злорадствомъ всѣ его дурныя качества и пришелъ къ убѣжденію, что отецъ лицемѣрилъ съ нимъ, такъ какъ самъ поступалъ въ жизни совсѣмъ не по тѣмъ правиламъ, которыя проповѣдывалъ. «Значитъ, эти правила хороши только на словахъ... Зачѣмъ же онъ меня мучилъ»? спрашивалъ онъ себя тогда, и ему стало казаться, что отецъ наказывалъ его только изъ желанія показать свою власть надъ нимъ. Въ немъ зародилась ненависть къ своему отцу и эта ненависть стала быстро расти, такъ какъ она не сдерживалась ни чувствомъ уваженія, ни привязанностью, которыхъ онъ вовсе не зналъ. Точно также и въ настоящую минуту онъ не ощущалъ ничего, что́ влекло бы его къ этому чужому для него человѣку. Онъ давно уже совершенно забылъ о немъ и не могъ никакъ понять теперь, зачѣмъ тотъ не только вдругъ напомнилъ о своемъ существованіи, но явился еще надоѣдать ему своими скучными разспросами и какъ бы предъявлять снова какія-то права... Онъ зналъ, что покойная мать высылала его отцу извѣстную сумму денегъ; помнилъ, что отецъ жаловался ему въ письмѣ на стѣсненное положеніе, но его нисколько не интересовалъ вопросъ, чѣмъ и какъ существуетъ теперь этотъ отецъ. «Пожалуй, онъ еще начнетъ просить денегъ», пронеслось у него въ головѣ и эта мысль стала его тревожить, потому что, не жалѣя изъ пустаго тщеславія денегъ на траты, которыя бросались всѣмъ въ глаза, онъ былъ въ сущности очень скупъ и жаденъ по природѣ. Онъ рѣшилъ поэтому избавиться разъ навсегда отъ посѣщеній Павла Никитича и когда тотъ вышелъ, сказавъ «до свиданія», и за нимъ захлопнулась дверь, приказалъ лакею:

— Скажи швейцару, чтобы онъ сказалъ этому господину, когда онъ придетъ еще разъ, что меня нѣтъ дома. Понялъ?— спросилъ онъ отрывисто, поворачиваясь на каблукахъ и входя въ гостинную.

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ лакей. «Понялъ!.. понялъ»!..

мысленно передразнилъ онъ Николая, смотря ему вслѣдъ: «чего тутъ не понять»? и побѣжалъ исполнять полученное приказаніе. «А ловко это онъ спустилъ папеньку-то своего»... подумалъ онъ, идя по лѣстницѣ и припоминая разговоръ своего барина съ отцомъ, который, по привычкѣ, подслушалъ за дверью.

XI.

Была сильная мятель, когда Горбунцовъ вышелъ на улицу; но онъ не взялъ извощика, а пошелъ домой пѣшкомъ, подгоняемый порывистымъ вѣтромъ, дувшимъ ему теперь въ спину. Онъ ощущалъ потребность въ движеніи. Ему хотѣлось идти все впередъ и впередъ, куда нибудь далеко, далеко, безъ конца, до полнаго изнеможенія. И чѣмъ труднѣе былъ бы этотъ путь, чѣмъ ужаснѣе была бы непогода, тѣмъ было бы ему пріятнѣе. Онъ чувствовалъ потребность заглушить физическою болью свои нравственныя страданія, подобно тому, какъ хирурги, оперируя правую ногу, щиплютъ лѣвую, чтобы не дать больному сосредоточиться на болевомъ ощущеніи, производимомъ операціею. Глядя куда-то впередъ въ одну точку, онъ шелъ по занесенной снѣгомъ панели, ежеминутно скользя и спотыкаясь, и даже не поднялъ воротника, не замѣчая того, какъ снѣгъ залѣплялъ ему шею и уши. Въ головѣ его былъ какой-то хаосъ. Мысли перепутались въ какую-то безформенную массу, изъ которой безпорядочно выплывала вдругъ то одна, то другая. Онъ хватался за нее, но переходилъ сейчасъ же къ другой, ни на одной изъ нихъ не останавливаясь. «Развѣ онъ меня ненавидитъ»? спрашивалъ онъ себя. Ему припомнились до мельчайшихъ подробностей и встрѣча съ Николаемъ, и его холодность, и отталкивающее выраженіе лица, и его рѣзкость... «Я васъ попрошу не вмѣшиваться въ мои личныя дѣла»—прозвучало у него въ ушахъ. «Онъ это сказалъ, сказалъ», пронеслось у него въ головѣ... «Да, онъ меня ненавидитъ!—отвѣтилъ онъ себѣ—но за что?.. за что»? Жгучая боль отъ оскорбленнаго самолюбія и обманутаго чувства разлилась у него въ груди, а на глазахъ навернулись слезы и потекли двумя холодными струйками по щекамъ, застывая на подбородкѣ... Онъ налетѣлъ на какого-то

господина, шедшаго ему навстрѣчу въ медвѣжьей шубѣ съ поднятымъ воротникомъ, и чуть не сбилъ его съ ногъ, причемъ не обратилъ на это никакого вниманія и пошелъ дальше. «Сумашедшій»! понеслось ему вслѣдъ, но онъ этого не слышалъ... Толчокъ заставилъ его повернуть голову и взглядъ упалъ на ярко освѣщенный нумеръ дома. Это былъ тотъ самый нумеръ, отъ котораго онъ сталъ считать дома, когда торопился къ сыну. Ему припомнилось, съ какимъ восторгомъ проѣзжалъ онъ тогда мимо него, и ему показалось, что онъ былъ въ то время гдѣ-то на недосягаемой высотѣ, а теперь упалъ съ этой высоты въ какую-то пропасть и продолжалъ падать въ нее все глубже и глубже. Это было всего какой нибудь часъ тому назадъ, но ему казалось, что между этими двумя мгновеніями прошла цѣлая вѣчность: до того рѣзка была перемѣна! Ему было больно, что онъ такъ обманывалъ себя, принимая свой обманъ за дѣйствительность, и строилъ на этомъ обманѣ всѣ свои надежды. Онъ жилъ миражемъ, шелъ по пустынѣ, сожженный солнцемъ и терзаемый жаждою, а видѣлъ передъ собою тѣнистыя рощи пальмъ и блестящее зеркало озеръ... Но, пройдя дальше, онъ убѣдился съ ужасомъ, что все это существовало только въ его воображеніи, и передъ нимъ разстилалась необъятная, раскаленная пустыня. Онъ не зналъ теперь, что́ ему дѣлать, такъ какъ выбился изъ силъ, а пустынѣ конца не было. Да, весь огромный, необъятный міръ, со всѣми милліардами наполняющихъ его существъ, былъ теперь для него безлюднымъ пустыремъ. Что́ значило для него теперь все это множество людей, когда среди нихъ не было ни одного близкаго, роднаго человѣка. Онъ думалъ прежде, что у него былъ сынъ, но съ нимъ случилось то, чего онъ болѣе всего опасался: онъ потерялъ его. «Онъ ненавидитъ меня», пронеслось у него опять въ головѣ. «Онъ умеръ, умеръ... у меня нѣтъ сына»! повторялъ онъ съ отчаяніемъ и ему хотѣлось крикнуть: «у меня нѣтъ сына» такъ громко, чтобы его голосъ былъ слышенъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ земли... Ему бросились въ глаза сквозь густую сѣтку падавшаго снѣга два освѣщенныхъ окна на противоположной сторонѣ улицы. Въ одномъ изъ нихъ была видна лампа подъ широкимъ цвѣтнымъ абажуромъ, а за столомъ, на которомъ она стояла, сидѣли, повидимому, мужъ и

жена; возлѣ нихъ виднѣлось нѣсколько дѣтскихъ головокъ. «У нихъ есть дѣти... и много, много такихъ семействъ, гдѣ они есть», подумалъ онъ, смотря на тянувшіяся по обѣимъ сторонамъ улицы громады домовъ. «Отчего же у меня нѣтъ дѣтей?.. отчего мой сынъ меня ненавидитъ?.. отчего это случилось именно со мной»? И имъ овладѣла дикая зависть, зависть ко всѣмъ этимъ счастливцамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ненависть къ нимъ. Ему захотѣлось разбить всѣ эти освѣщенныя окна и перебить всѣхъ дѣтей, чтобъ всѣ эти отцы-счастливцы стали оглашать землю своими воплями, чтобы и они испытали тѣ же страданія, которыя,—какъ ему казалось,—теперь испытываетъ только онъ одинъ во всемъ мірѣ... «А, можетъ быть, эти дѣти тоже обманутъ ихъ»? подумалъ онъ. «Обманутъ... конечно, обманутъ! Пока они маленькія — ничего... а какъ станутъ взрослыми, тогда они прогонятъ, какъ и меня, своихъ родителей. Что имъ тогда родители?.. развѣ они оцѣнятъ, что родители ихъ вскормили, вспоили, выростили? Никогда!.. они выбросятъ ихъ, какъ ненужную ветошь, оттолкнутъ ихъ съ дороги, какъ обузу, которая имъ мѣшаетъ... Развѣ они сознаютъ свою обязанность, свой долгъ служить родителямъ опорой, хотя бы изъ благодарности за то, что тѣ были для нихъ такою же опорою въ ихъ дѣтствѣ»?..

Онъ шелъ, не думая о томъ, куда идетъ, машинально поворачивая изъ улицы въ улицу по знакомой дорогѣ... При переходѣ черезъ Невскій, его едва не опрокинулъ лихачъ, мчавшійся съ какимъ-то подвыпившимъ купчикомъ, обнимавшимъ за талію женщину съ накрашеннымъ лицомъ. Кучеръ едва успѣлъ свернуть въ сторону, чтобы не подмять подъ лошадь Горбунцова, который продолжалъ идти впередъ тѣмъ же шагомъ и даже не оглянулся. Не все ли ему равно, еслибы его и раздавили? Еслибы передъ нимъ была теперь пропасть, то онъ не остановился бы и тогда, не почувствовалъ бы ни страха, ни опасенія, и упалъ бы въ нее совершенно равнодушно. Жизнь потеряла для него теперь всякій смыслъ и всякое значеніе...

Онъ шелъ по Большой Морской. Опять тянулась передъ нимъ вереница мигавшихъ въ высотѣ электрическихъ фонарей. Эти яркія свѣтлыя точки представлялись ему теперь чьими-то глазами, которые безстрастно смотрятъ на него,

пронизывая грудь своимъ холоднымъ взглядомъ, причемъ ему казалось, что они проникаютъ даже въ его душу и видятъ ясно, что происходитъ въ ней. Онъ видѣлъ гдѣ-то такіе глаза, такой же холодный, безстрастный взглядъ... Да, это былъ взглядъ Николая... «Онъ меня ненавидитъ»! пронеслось у него опять въ головѣ... «Цвѣты... цвѣты»... подумалъ онъ, взглянувъ на огромное зеркальное окно цвѣточнаго магазина, мимо котораго проходилъ,—«цвѣты... зачѣмъ цвѣты?.. Женихъ подаритъ ихъ невѣстѣ... онъ женится... у нихъ будетъ сынъ такой же, какъ Николай»... Онъ переходилъ черезъ Гороховую и посмотрѣлъ налѣво въ ту сторону, куда эта улица убѣгала вдаль отъ электрическаго свѣта длиннымъ темнымъ коридоромъ, очерченнымъ двумя линіями желтыхъ точекъ газовыхъ фонарей. Ему припомнилась столовая мадамъ Флёри, шуршанье шолковыхъ юбокъ, большая шляпка съ черными перьями... «Nicolas Gorbountsoff» прозвучало у него въ ушахъ. «Это мой сынъ...—подумалъ онъ.—Она мнѣ сказала... зачѣмъ она сказала?.. я бы и не зналъ... она виновата... это она виновата, что онъ меня ненавидитъ»!.. Онъ почувствовалъ злобу къ этой женщинѣ въ черныхъ шолковыхъ юбкахъ и шляпкѣ съ колеблющимися перьями, какъ будто бы она была, дѣйствительно, причиною его страданій... Онъ повернулъ на Исакіевскую площадь и передъ нимъ показался знакомый ему подъѣздъ. «Домой?.. уже домой»? подумалось ему. Ему стало непріятно, что его путь приходилъ къ концу. Какимъ длиннымъ и безконечнымъ казался онъ ему тогда, когда онъ ѣхалъ къ Николаю, и какимъ короткимъ показался ему теперь. А ему такъ хотѣлось, чтобы именно въ настоящее время этотъ путь не имѣлъ конца и чтобы онъ могъ все идти да идти. Но идти было уже некуда: онъ былъ у цѣли. При видѣ знакомыхъ ему, слегка покосившихся, чугунныхъ столбовъ подъѣзда, что-то непріятное стало смутно припоминаться Горбунцову, подобно тому, какъ проснувшемуся утромъ человѣку припоминается иногда, что онъ видѣлъ что-то непріятное во снѣ, но что именно—онъ вспомнить не можетъ. Горбунцовъ сталъ усиленно рыться въ своей памяти. «Матвѣичъ»... пришло ему вдругъ въ голову и въ то же мгновеніе ему припомнилось, какъ онъ пересчитывалъ по нѣскольку разъ пришедшія къ концу деньги, свой

разговоръ съ Матвѣичемъ, его отказъ, долги за квартиру и въ лавкахъ, свою нищету... Въ его воображеніи нарисовалась особенно ярко и выпукло, какъ въ фокусѣ волшебнаго фонаря, ужасная картина его безвыходнаго положенія. Его бросило сначала въ жаръ, потомъ въ холодъ, отчего дрожь пробѣжала у него по спинѣ. Онъ остановился на минуту и въ отчаяніи обвелъ глазами лежавшее вокругъ него темное пространство, въ которомъ быстро мелькали густые хлопья снѣга, то останавливаясь на мгновенье въ кружившемъ ихъ вихрѣ, то быстро уносясь вдаль съ порывомъ подхватывавшаго ихъ вѣтра. И ему показалось, что, подобно этимъ снѣжинкамъ, и его подхватилъ вихрь, съ которымъ не подъ силу бороться, завертѣлъ его и несетъ куда-то по своей прихоти, причемъ ему неизвѣстно, гдѣ и какъ придется упасть. «Неужели упасть?.. да, упасть»! думалъ онъ, берясь за ручку входной двери, занесенной густымъ слоемъ снѣга. «Николай могъ бы поддержать... я бы не упалъ»... И ему опять припомнилось лицо Николая. «Онъ меня ненавидитъ ненавидитъ»! болѣзненно отдалось у него въ мозгу...

XII.

Поднявшись медленно на верхъ и пройдя по коридору, гдѣ передъ нѣкоторыми изъ дверей были уже выставлены сапоги, Горбунцовъ подошелъ къ своей комнатѣ и, замѣтивъ торчавшій въ дверяхъ ключъ, толкнулъ ихъ. Дверь широко распахнулась, открывая, точно отверстіе черной ямы, темное пространство неосвѣщенной комнаты. «Могила», подумалъ онъ, останавливаясь на порогѣ, и почувствовалъ, какъ будто бы оттуда, изъ этой тьмы, на него пахнуло промзглою сыростью. Онъ былъ увѣренъ два часа тому назадъ, что сюда уже не вернется, и вотъ теперь входилъ опять въ свою комнату, которая показалась ему на этотъ разъ еще болѣе непривѣтливою, чѣмъ прежде, пустая, неосвѣщенная. «Могила... я умеръ»... проносилось у него въ головѣ. Онъ чувствовалъ теперь полный упадокъ силъ; въ ногахъ, утомленныхъ быстрою ходьбою, ощущалась слабость; какое-то нравственное изнеможеніе овладѣло имъ и ему сдѣлалось пріятно войти въ темноту, гдѣ онъ могъ никого и ничего не видѣть. Онъ вошелъ въ комнату,

захлопнувъ за собою дверь, и сталъ осторожно пробираться въ потемкахъ, выставивъ впередъ руки и напрягая зрѣніе. Нога его зацѣпилась сначала за что-то въ родѣ веревки, а затѣмъ задѣла что-то лежавшее на полу, большое и громоздкое. «Что это»? подумалъ онъ, остановившись, и вспомнилъ, что приказалъ Семену укладывать вещи. «Должно быть, чемоданъ», рѣшилъ онъ и, нащупавъ рукою ближайшій стулъ, безпомощно опустился на него, какъ былъ, въ шубѣ, занесенной таявшимъ отъ тепла снѣгомъ. «Опять одинъ... навсегда одинъ... здѣсь въ этой могилѣ,—болѣзненно думалось ему.— А тамъ Коля... съ тою... она, чужая, съ нимъ... а я... я, вѣдь, отецъ... и онъ оттолкнулъ меня»... Онъ сидѣлъ нѣсколько минутъ, не шевелясь и неподвижно смотря въ одну точку. Передъ его глазами, утомленными темнотою, стали медленно выплывать круглыя свѣтлозеленыя пятна и онъ сталъ слѣдить за тѣмъ, какъ эти пятна, выходя откуда-то одно за другимъ, какъ будто бы таяли, сливаясь съ окружающимъ мракомъ. Это отвлекло его вниманіе отъ тревожныхъ мыслей и,—какъ это бываетъ иногда съ человѣкомъ, когда съ нимъ случится неожиданно что нибудь непріятное, къ чему онъ не успѣлъ еще привыкнуть, — ему показалось вдругъ, что всего происшедшаго съ нимъ вовсе не было. Онъ ухватился за эту мысль, которой ему хотѣлось вѣрить, и у него отлегло отъ сердца, какъ будто бы съ него скатилась давившая тяжесть... Рука его, свѣсившаяся внизъ, затекла отъ неподвижности. Онъ перемѣнилъ положеніе и положилъ руку на колѣни, причемъ она коснулась шубы, мокрой отъ растаявшаго снѣга. И въ то же мгновеніе ему живо припомнилось его возвращеніе съ Милліонной.

Кто-то подошелъ по коридору къ комнатѣ. Дверь распахнулась и въ ворвавшейся полосѣ свѣта, заставившей Горбунцова зажмуриться, показалась длинная фигура Семена. Придерживая локтемъ бывшій у него подъ мышкою свертокъ, Семенъ остановился на порогѣ, доставая изъ кармана спички.

— Семенъ! — окликнулъ его Горбунцовъ, причемъ ему стало вдругъ стыдно при мысли о томъ, что придется объяснить причину своего возвращенія.

Семенъ вздрогнулъ отъ неожиданности.

— Господи! Павелъ Никитичъ! — воскликнулъ онъ съ

удивленіемъ и засуетился.—А я тутъ почти все уложилъ-съ... Хоть сейчасъ переѣзжать!..—радостно проговорилъ онъ.

«Куда теперь переѣзжать»? подумалъ Горбунцовъ.

— Какъ же Николай Павловичъ? какъ они поживать изволятъ?—спрашивалъ Семенъ, чиркая спичкою о коробокъ.

Этотъ вопросъ ударилъ Горбунцова точно ножомъ.

«Онъ меня ненавидитъ»! хотѣлось ему крикнуть, но онъ ничего не отвѣтилъ и молчалъ, не шевелясь. Предчувствіе чего-то недобраго овладѣло Семеномъ и сердце его замерло. Спичка вспыхнула и онъ замѣтилъ, что Горбунцовъ былъ въ шубѣ, а на полу стояла лужа воды.

— Не раздѣвшись... и шуба мокрая!.. я сейчасъ, сейчасъ...—проговорилъ Семенъ торопливо и, подойдя къ комоду, зажегъ стоявшую на немъ свѣчу; а затѣмъ, перешагнувъ черезъ раскрытый чемоданъ, направился къ Горбунцову, шелестя ногами по разбросаннымъ на полу клочкамъ газетной бумаги.

— Позвольте шубку снять,—сказалъ онъ, наклоняясь къ Горбунцову, который сидѣлъ по прежнему, не шевелясь, и поблѣднѣлъ, увидѣвъ осунувшееся лицо своего барина, его неподвижный, устремленный въ одну точку, взглядъ.

«Что съ ними, Господи?.. знать, бѣда стряслась какая»,—подумалъ онъ тревожно.

— Не надо, — едва слышно отвѣтилъ Горбунцовъ надорваннымъ голосомъ и сдѣлалъ слабое движеніе локтемъ, какъ бы желая отстранить отъ себя Семена.

— Шубку бы снять, — настаивалъ Семенъ ласково, какъ говорятъ обыкновенно больнымъ дѣтямъ, когда уговариваютъ ихъ принять лѣкарство.

— Жарко вѣдь здѣсь, — добавилъ онъ послѣ короткаго молчанія, всматриваясь въ неподвижное лицо Горбунцова, у котораго судорожно подергивались кончики губъ.

— Сними... все равно, — сказалъ тѣмъ же подавленнымъ голосомъ Горбунцовъ, машинально вставая и вытаскивая руки изъ рукавовъ, бережно придерживаемыхъ Семеномъ; а, затѣмъ, когда тотъ снялъ шубу, онъ тяжело опустился на стулъ, какъ будто бы не имѣя возможности удержаться на ногахъ. «Пресвятая Богородица, помилуй насъ»! подумалъ Семенъ, вѣшая шубу и оглядываясь съ безпокойствомъ на Горбунцова, си-

дѣвшаго все въ томъ же положеніи, съ видомъ тупаго равнодушія ко всему окружающему. Присутствіе Семена и проявляемое имъ участіе тяготили Горбунцова. Ему было досадно, что ему помѣшали оставаться въ темнотѣ одному со своимъ горемъ. Ему хотѣлось теперь уйти въ свои страданія, какъ улитка въ свою раковину, углубиться въ нанесенную ему рану и ковырять въ ней, причемъ ощущеніе причиняемой боли доставляло ему какое-то необъяснимое удовольствіе.

Семенъ, не зная, что̀ ему предпринять, постоялъ нѣсколько времени на мѣстѣ, затаивъ дыханіе и боясь пошевельнуться, чтобы не нарушить гробовой тишины, изрѣдка прерываемой порывистымъ гуденіемъ вѣтра въ дымовой трубѣ. Потомъ онъ подошелъ къ Горбунцову на цыпочкахъ, какъ будто бы тотъ спалъ и онъ боялся его разбудить.

— Не желаете ли чайку?.. я бы сейчасъ самоварчикъ...— спросилъ онъ нерѣшительно, наклоняясь къ Горбунцову своимъ длиннымъ тѣломъ и упираясь ладонями рукъ въ колѣни.

Горбунцовъ молчалъ, какъ будто бы не слышалъ обращеннаго къ нему вопроса. «Чай... чай?.. какъ чай?.. зачѣмъ?.. онъ меня ненавидитъ»! думалось ему.

Семену пришло въ голову, что его баринъ боленъ.

— Можетъ быть... за докторомъ сходить прикажете?— спросилъ онъ чрезъ минуту, не разгибаясь и ласково глядя на Горбунцова.

— Не надо... уйди... оставь меня!—крикнулъ вдругъ раздраженно Горбунцовъ такимъ тономъ, какимъ кричатъ капризничающія дѣти, и быстро повернулся къ Семену, который выпрямился и попятился назадъ, широко раскрывъ глаза.— Зачѣмъ ты присталъ ко мнѣ?!—продолжалъ кричать Горбунцовъ, — для моей болѣзни нѣтъ доктора: она тутъ, тутъ у меня! — сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, указывая кулакомъ на свое сердце.—Онъ меня ненавидитъ, понимаешь ты, ненавидитъ! — вырвалось у него съ рыданіемъ, и изъ глазъ его покатились крупныя слезы.—Я къ нему всѣмъ сердцемъ... а онъ, мой сынъ, родной сынъ...—Онъ остановился на мгновеніе. — Прогналъ меня, какъ собаку, какъ соба-а-а-ку...— послѣднее слово онъ выговорилъ съ трудомъ, такъ какъ голосъ его прерывался отъ душившихъ слезъ, а затѣмъ, поло-

живъ локти на столъ и закрывъ лицо руками, зарыдалъ, какъ ребенокъ, вздрагивая всѣмъ своимъ тучнымъ тѣломъ.

— Батюшка... Павелъ Никитичъ... Господи!.. не плачьте!.. Господи!.. — растерянно говорилъ Семенъ, у котораго у самого показались на глазахъ слезы. — Не плачьте... не плачьте!.. — повторялъ онъ, заламывая свои дрожащія руки. Ему было невыразимо жалко этого вздрагивавшаго отъ рыданій старика, котораго онъ не зналъ, какъ и чѣмъ утѣшить. Постигшее Горбунцова горе представлялось ему неслыханнымъ. Въ своей простой любящей душѣ онъ не могъ никакъ постигнуть, чтобы сынъ осмѣлился поступить такъ по отношенію къ своему отцу. «Сынъ противъ отца?.. Въ Бога не вѣруютъ... оттого оно все», думалъ онъ.

— Выростилъ его... выростилъ... а онъ меня... какъ собаку... — говорилъ Горбунцовъ сквозь рыданія, похожія на какой-то отрывистый лай, который отдавался болью въ сердцѣ Семена.

— Воля, значитъ, Господня... всякое испытаніе отъ Бога... — началъ тихо Семенъ своимъ кроткимъ голосомъ,— потому надо смириться, терпѣть надо...

— Терпѣть, терпѣть!—перебилъ его Горбунцовъ, отнимая руки отъ своего омоченнаго слезами лица.—Вѣдь мнѣ больно, больно! пойми ты... Терпѣть!.. — повторилъ онъ, поворачиваясь на стулѣ къ Семену, и въ голосѣ его послышалось опять раздраженіе:—онъ меня бить будетъ, а я—терпѣть?!. Онъ надо мною издѣваться будетъ — а я терпѣть?!. Нѣтъ!.. Онъ меня ненавидитъ и я его ненавижу! да, ненавижу!—И Горбунцовъ, никогда и никого не ненавидѣвшій, почувствовалъ въ эту минуту, какъ имъ овладѣла глубокая, непримиримая ненависть къ Николаю.

— Батюшка, Павелъ Никитичъ... нехорошо это...—проговорилъ Семенъ, и въ голосѣ его послышалась мольба.— Въ писаніи сказано: «любите ненавидящихъ васъ»... а они вашъ сынъ... Ненавидѣть сына—большой грѣхъ.

— А ненавидѣть отца—не грѣхъ?.. не грѣхъ по твоему?— злобно спросилъ Горбунцовъ, размахивая рукою съ зажатымъ въ ней носовымъ платкомъ, который онъ досталъ изъ кармана,—развѣ не сказано въ томъ же писаніи: «чти отца твоего»?.. не сказано?.. — крикнулъ онъ, остановивъ свой

взглядъ на Семенѣ, который стоялъ теперь передъ нимъ, потупившись и перебирая пальцами висѣвшую у него на жилетѣ серебряную цѣпочку отъ часовъ.

— Ихъ грѣхъ; съ нихъ и взыщется,—тихо замѣтилъ Семенъ, подымая голову и кротко смотря въ глаза Горбунцову,—наказаніе за грѣхи... дѣло Божіе... а вамъ молиться за нихъ надо, потому за грѣхи дѣтей родители должны передъ Богомъ отвѣтъ держать.

— Чушь... чушь!.. родители!.. — волновался Горбунцовъ, лицо котораго дышало негодованіемъ: — развѣ я виноватъ, что онъ такимъ родился? Я виноватъ, по твоему?.. Онъ кого нибудь убьетъ, а я за него отвѣчай?.. Онъ меня же, меня обидѣлъ и за это я отвѣчать долженъ? Какая же тутъ справедливость?.. Эдакъ, человѣкъ десять дѣтей имѣть, да всѣ ихъ грѣхи на себя принимать!.. Нѣтъ, братъ, родители тутъ не причемъ... А кто ведетъ себя такъ, тотъ — преступникъ, и Николай—такой же. Я его ненавижу!—И, сказавъ эти слова, Горбунцовъ, какъ будто бы уставъ отъ волненія, откинулся на спинку стула.

— Простить бы ихъ надо,—началъ тихо Семенъ и продолжалъ, все болѣе и болѣе воодушевляясь:—Между своими мало ли что бываетъ? Вышло и прошло. Вотъ и вы теперь въ гнѣвѣ, да и они, вѣрно, въ гнѣвѣ были тоже, въ сердцахъ что нибудь сказали; а теперь, чай, раскаиваются.

Горбунцовъ вспыхнулъ. Слова Семена, такъ рѣзко противорѣчившія тому, что онъ теперь думалъ и чувствовалъ, казались ему глупыми и обидными.

— Пошелъ, дуракъ!—крикнулъ онъ вдругъ съ раздраженіемъ, выпрямляясь на стулѣ. — Если чего не понимаешь, такъ лучше молчи!.. убирайся, оставь меня.

Выраженіе тихой грусти разлилось по лицу Семена.

Рѣзкость Горбунцова не вызвала въ немъ ни чувства обиды, ни злобы. «Очень ихъ, видно, обидѣли Николай Павловичъ; больно имъ, оттого они и гнѣваются»,—думалъ онъ, переминаясь въ нерѣшительности на одномъ мѣстѣ съ опущенною внизъ головою.

— Не взыщите, Павелъ Никитичъ, на простомъ словѣ,—началъ онъ дрогнувшимъ голосомъ; но Горбунцовъ не далъ ему договорить.

— Уйди, говорю тебѣ!.. Что это вы всѣ сговорились что ли сегодня раздражать меня? Оставь меня, ты мнѣ больше не нуженъ!—рѣзко сказалъ онъ и, вставъ со стула, подошелъ къ письменному столу, съ котораго всѣ вещи были уже сняты, отчего особенно рѣзко бросались въ глаза чернильныя пятна на потертомъ сукнѣ. «Было густо, а вдругъ стало пусто... такъ и у меня въ жизни теперь», подумалъ онъ.

— Покойной ночи, Павелъ Никитичъ, — раздался за его спиною голосъ Семена.

Горбунцовъ ничего не отвѣтилъ. «Покойной ночи... какая насмѣшка!.. Мнѣ теперь нѣтъ покоя», болѣзненно пронеслось у него въ головѣ. Онъ стоялъ, не поворачиваясь, до тѣхъ поръ, пока не замолкли медленные шаги Семена, шелестившаго ногами въ валявшихся на полу бумажкахъ, и пока за нимъ не закрылась осторожно дверь...

Горбунцовъ чувствовалъ себя совершенно разбитымъ. Голова его отяжелѣла; утомленный мозгъ отказался работать и, послѣ множества испытанныхъ имъ за цѣлый день волненій, онъ ощущалъ теперь какую-то пустоту. Онъ раздѣлся и легъ въ постель, оставивъ на комодѣ горѣвшую свѣчу, свѣтъ которой былъ закрытъ отъ него ширмами. Онъ повернулся лицомъ къ стѣнѣ и сталъ безцѣльно считать одинаковыя фигуры на обояхъ по рядамъ, сначала слѣва направо, потомъ сверху внизъ и по діагонали. Глаза его, горѣвшіе отъ слезъ, слипались... Хотя онъ и не слышалъ, какъ отворялась дверь, но почувствовалъ вдругъ,—какъ чувствуютъ иногда устремленный на себя взглядъ,—что кто-то подошелъ къ постели и наклонился надъ нимъ. Сердце его сжалось до боли. Онъ быстро повернулся и замеръ въ ужасѣ... У самой постели, низко наклонившись надъ нимъ, стоялъ Николай, приблизивъ къ нему свое лицо, которое было теперь искажено злобою. Горбунцову бросились въ глаза выдающаяся впередъ нижняя челюсть и сжатыя тонкія губы, а взглядъ неподвижно устремленныхъ на него сѣрыхъ глазъ пронизывалъ его насквозь, какъ клинокъ холодной острой стали. Онъ хотѣлъ крикнуть и оттолкнуть Николая; но голосъ ему не повиновался и онъ не могъ пошевельнуться, какъ будто былъ прикованъ къ постели. Онъ впился взглядомъ въ глаза

Николая и почувствовалъ, что у него въ жилахъ разлилось что-то леденящее. Это длилось нѣсколько секундъ. Не спуская съ него взгляда, Николай протянулъ вдругъ медленно свою руку съ длинными тонкими пальцами, на которыхъ сверкали кольца, положилъ Горбунцову на горло и сталъ медленно сжимать его. Паническій страхъ овладѣлъ Горбунцовымъ. Не имѣя возможности пошевелиться, онъ чувствовалъ, какъ медленно впивались въ его горло сильные цѣпкіе пальцы. Онъ сталъ задыхаться; у него потемнѣло въ глазахъ и среди наступившаго мрака онъ видѣлъ только тотъ же холодный пронизывающій взглядъ... У него не хватало воздуха, онъ захлебывался... Вдругъ чувство самосохраненія вспыхнуло въ немъ съ необыкновенною силою. Онъ сдѣлалъ надъ собою сверхъестественное усиліе, крикнулъ и проснулся... «Такъ это былъ сонъ», промелькнуло у него въ головѣ и ощущеніе пріятнаго облегченія и восторга разлилось у него по всему тѣлу. Онъ былъ весь въ испаринѣ; сердце усиленно билось, а въ кончикахъ пальцевъ лѣвой руки, лежавшей у него на груди около шеи, чувствовалось покалываніе точно тысячи иголокъ. Значитъ, онъ спалъ, но какъ онъ заснулъ и долго ли спалъ, онъ не могъ дать себѣ отчета. Вѣроятно, онъ спалъ довольно долго, потому что свѣча на комодѣ успѣла уже догорѣть и медленно гасла, то погружая комнату въ полную темноту, то вспыхивая на мгновенье яркимъ свѣтомъ. Онъ сталъ припоминать себѣ только что видѣнный имъ сонъ и мысли его обратились опять къ Николаю. «Онъ злой, злой,— думалось ему,—въ немъ нѣтъ ни сердца, ни совѣсти. Семенъ говоритъ, что простить его надо... Чтобы простить, нужны какія нибудь оправданія; а ему нѣтъ оправданій: за добро онъ заплатилъ зломъ... За что же его простить? Прощать— значитъ любить»... Онъ вспомнилъ, какъ еще сегодня утромъ онъ любилъ Николая, любилъ больше всего на свѣтѣ, рвался къ нему, тосковалъ по немъ. «Но я любилъ другаго Николая, хорошаго, добраго... А этого развѣ можно любить»? Онъ сталъ рыться у себя въ душѣ, стараясь опредѣлить, любитъ ли еще его. Взглядъ его остановился на ширмахъ, гдѣ на зеленой матеріи, при каждой вспышкѣ гаснувшей свѣчи, рѣзко вырисовывалась черная тѣнь ея тростниковаго переплета, исчезавшая въ темнотѣ, когда свѣча потухала. «Эта тѣнь

существуетъ только тогда, пока на переплетъ падаетъ свѣтъ, а нѣтъ свѣта—нѣтъ и тѣни. Такъ и духовная жизнь можетъ существовать, пока для нея есть свѣтъ, а для меня этимъ свѣтомъ былъ Николай. Теперь же нѣтъ Николая; нѣтъ свѣта, нѣтъ и жизни. Онъ уничтожилъ ее, убилъ меня. Развѣ можно любить своего убійцу»?.. Опять чувство ненависти къ Николаю овладѣло имъ, и онъ почувствовалъ, что точно также, какъ прежде, любилъ Николая больше всего на свѣтѣ, такъ теперь больше всего на свѣтѣ ненавидѣлъ его, такъ какъ не было другаго человѣка, который былъ бы для него болѣе отвратителенъ и ненавистенъ, чѣмъ его сынъ Николай...

XIII.

Прошелъ почти мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ Горбунцовъ встрѣтился со своимъ сыномъ, но Николай не подавалъ никакихъ признаковъ своего существованія и за это время не только не навѣстилъ его, но даже не счелъ нужнымъ хотя бы написать своему отцу, чтобы справиться объ его положеніи. И хотя Горбунцовъ еще въ тотъ памятный вечеръ пришелъ къ убѣжденію, что между нимъ и сыномъ не было и не могло быть ничего общаго, но не могъ еще до сихъ поръ помириться съ этою мыслью, причемъ полнѣйшее равнодушіе, проявляемое Николаемъ по отношенію къ нему, терзало и мучило его, медленно подтачивая физическія и душевныя силы, какъ вода подтачиваетъ плотину. Его нравственныя страданія поддерживались и растравлялись частыми напоминаніями о его сынѣ, такъ какъ, при посѣщеніяхъ мадамъ Флёри, ему приходилось почти каждый день слышать отъ ея посѣтительницъ завистливые разсказы о той роскоши, которою окружалъ Николай Маню Звѣздочкину, извѣстную въ ихъ кружкѣ подъ именемъ «хорошенькой Мани», и о тѣхъ драгоцѣнныхъ подаркахъ, которыми онъ ее осыпалъ. При этомъ ему приходилось довольно часто выслушивать намеки и удивленіе по поводу того, что онъ жилъ въ нищетѣ, имѣя такого богатаго сына. Каждый такой намекъ, каждое такое напоминаніе были для него слишкомъ болѣзненны и вызывали въ душѣ цѣлую бурю, такъ что онъ рѣшилъ перестать обѣдать у мадамъ Флёри. Къ этому

рѣшенію заставила его прибѣгнуть еще и другая причина. У него не было денегъ, а между тѣмъ мадамъ Шписъ не давала ему покоя, требуя уплаты хотя бы части долга подъ угрозою отказать отъ квартиры. Онъ могъ бы, конечно, *требовать* помощи отъ Николая, который, — какъ онъ думалъ, — не имѣлъ права отказать ему въ этомъ; но чувство оскорбленнаго самолюбія и ненависть къ сыну удерживали его отъ такого шага. Скрѣпя сердце, ему пришлось сначала разстаться съ золотымъ портсигаромъ, который былъ отнесенъ Семеномъ въ ломбардъ, а затѣмъ онъ былъ вынужденъ заложить и шубу, не смотря на стоявшіе на дворѣ сильные срѣтенскіе морозы... Уплата разныхъ мелкихъ долговъ и части долга мадамъ Шписъ поглотила сразу бо́льшую часть полученныхъ такимъ образомъ денегъ, и потому нужно было сокращать насколько возможно и безъ того уже скромные расходы. Объ обѣдѣ нельзя было и думать, и Горбунцовъ питался теперь исключительно чаемъ и молокомъ. Онъ никуда теперь не выходилъ, никого не видѣлъ, не читалъ даже по нѣскольку дней газеты, чтобы не истратить лишняго пятачка, составлявшаго теперь для него огромную сумму, подобно тому, какъ каждая сохранившаяся въ бутылкѣ капля вонючей и мутной воды составляетъ драгоцѣнность въ безводной и знойной пустынѣ.

Въ довершеніе всего, Горбунцова постигъ еще одинъ тяжкій ударъ, котораго онъ ожидалъ уже давно со страхомъ,— а именно наступилъ срокъ платежа по векселю, выданному имъ Матвѣичу. Положеніе его стало теперь безвыходнымъ, такъ какъ нечего было и думать, чтобы достать откуда нибудь полторы тысячи рублей, а, между тѣмъ, Матвѣичъ являлся почти каждый день и грубо требовалъ уплаты. Зная отъ Семена о томъ, что Горбунцовъ находился въ дурныхъ отношеніяхъ съ сыномъ, и сознавая, что онъ былъ поэтому всецѣло въ его рукахъ, Матвѣичъ находилъ особое удовольствіе въ томъ, чтобы дать почувствовать свою силу бывшему барину. Во время своихъ посѣщеній, онъ никогда не садился теперь иначе, какъ развалясь въ креслѣ, громко кричалъ, размахивая своими неуклюжими пухлыми руками, и на всѣ просьбы Горбунцова объ отсрочкѣ отвѣчалъ издѣвательствами, грозя судомъ и судебнымъ приставомъ, который, — какъ онъ

выражался, — съумѣетъ «выколотить» все, что̀ ему слѣдуетъ получить по векселю.

Мысль о томъ, что̀ ожидаетъ его въ будущемъ, не давала Горбунцову покоя. Онъ сильно постарѣлъ и упалъ духомъ. Его моложавая бодрость исчезла и уступила мѣсто тупому равнодушію ко всему окружающему. Проснувшись утромъ, онъ не торопился одѣваться, какъ прежде, а оставался лежать въ постели часовъ до трехъ дня, погруженный въ свои черныя мысли. Потомъ вставалъ, надѣвалъ халатъ и, усѣвшись на диванѣ или креслѣ, просиживалъ цѣлые дни, перебирая въ головѣ безчисленное множество разъ одно и то же. Съ наступленіемъ вечера, онъ обыкновенно не приказывалъ зажигать лампы и сидѣлъ по цѣлымъ часамъ въ темнотѣ, которая казалась ему даже привлекательной, такъ какъ онъ находилъ въ ней какую-то гармонію со своимъ душевнымъ настроеніемъ... «Жизнь потеряла для меня смыслъ — думалъ онъ—такъ пусто... пусто... и силы слабѣютъ!.. Умирать надо... пора... а, между тѣмъ, я долженъ ломать себѣ голову, чтобы найти средства поддерживать свое существованіе. Какое глупое противорѣчіе! Нѣтъ, не противорѣчіе... что мнѣ жизнь? Богъ съ ней! Хорошо бы умереть, но умирать гдѣ нибудь на морозѣ подъ заборомъ, быть выброшеннымъ на улицу»... При этой мысли, въ его воображеніи рисовалась видѣнная имъ когда-то картина: клочокъ свинцоваго зимняго неба надъ глухимъ переулкомъ, частоколъ и подъ нимъ въ канавѣ лежащій ничкомъ человѣкъ въ лохмотьяхъ, полузанесенный снѣгомъ — и этотъ человѣкъ былъ онъ. Ему становилось страшно, ужасъ леденилъ его кровь и холодный потъ выступалъ у него на лбу. «Да, да, умереть, какъ собака, подъ заборомъ... вотъ что ужасно! А чтобы этого избѣжать, нужно ломать себѣ голову»... И какъ въ человѣкѣ, дѣлающемъ послѣднія усилія и упирающемся на краю пропасти, въ которую его хотятъ столкнуть, въ немъ просыпалась вдругъ на время необыкновенная энергія. «Надо что нибудь сдѣлать... надо спастись», повторялъ онъ себѣ настойчиво. Но онъ сознавалъ сейчасъ же свою безпомощность, убѣждаясь въ невозможности что нибудь сдѣлать, что нибудь придумать для своего спасенія... Наконецъ, мысль о томъ, что онъ долженъ будетъ очутиться на улицѣ, превратилась у него въ навязчивую идею.

Онъ потерялъ окончательно сонъ и проводилъ цѣлыя ночи напролетъ, лежа на спинѣ съ открытыми глазами, устремленными въ окружающую темноту. Ему стало казаться, что онъ сходитъ съ ума. И эта новая мысль тоже начала пугать его. Онъ дошелъ до такого состоянія, когда человѣкъ, изъ страха предъ надвигающеюся опасностью, движимый однимъ только чувствомъ самосохраненія, забываетъ всѣ свои остальныя чувства; забываетъ стыдъ, гордость, ненависть, злобу, самолюбіе; всѣ эти чувства исчезаютъ въ немъ, стушевываясь и уступая мѣсто одной мысли, одному желанію: *спастись* во что бы то ни стало...

Находясь подъ впечатлѣніемъ такого желанія, Горбунцовъ, въ порывѣ охватившаго его отчаянія, рѣшился сдѣлать то, что представлялось ему нѣсколько времени назадъ немыслимымъ, а именно—обратиться къ Николаю. Онъ сдѣлалъ это послѣ долгой борьбы съ самимъ собою. Ему было невыносимо больно и тяжело сознаться въ томъ, что онъ зависѣлъ отъ сына, который не хотѣлъ знать его; но онъ превозмогъ свою ненависть, поборолъ свое самолюбіе. Онъ написалъ Николаю письмо, въ которомъ увѣдомлялъ, что только крайняя нужда и безвыходность положенія заставляютъ его обратиться къ нему съ просьбою о помощи, въ которой Николай не имѣетъ права отказать ему, если не по чувству нравственнаго долга, то хотя бы въ силу закона. Прошло два дня; отъ Николая не было отвѣта. Горбунцовымъ овладѣло лихорадочное волненіе. Онъ не могъ теперь оставаться на мѣстѣ и по цѣлымъ часамъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Почувствовавъ усталость, онъ присаживался на первый попавшійся стулъ, но что-то какъ будто подмывало его: онъ сейчасъ же вставалъ и начиналъ опять ходить, звалъ по нѣскольку разъ Семена и спрашивалъ его, нѣтъ ли письма отъ Николая, и когда тотъ отвѣчалъ отрицательно, лицо его принимало такое странное выраженіе, что Семену приходило въ голову, не сходитъ ли баринъ съ ума, и, стоя у дверей, онъ шепталъ про себя молитву, слѣдя глазами, съ грустью и сожалѣніемъ, за начинавшимъ шагать по комнатѣ Горбунцовымъ, какъ бы не замѣчавшимъ его присутствія.

Ожидая письма отъ сына, Горбунцовъ испытывалъ какое-то двойственное чувство, какъ будто въ немъ сидѣло два совер-

шенно различныхъ человѣка. Его сердило то, что Николай до сихъ поръ не отвѣтилъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему хотѣлось, чтобы этотъ отвѣтъ не получался какъ можно дольше: онъ боялся этого отвѣта, не зная, каково будетъ его содержаніе. Точно также, съ одной стороны, онъ упрекалъ себя въ томъ, что обратился къ Николаю; съ другой же стороны находилъ, что не могъ поступить иначе. «Зачѣмъ я это сдѣлалъ?—думалъ онъ:—я прошу подачки, точно нищій; это—униженіе». Чувство стыда овладѣвало имъ и ему становилось досадно за свое письмо. Онъ былъ бы готовъ сдѣлать все,—еслибы только было возможно,—чтобы этого письма никогда не существовало. Ему казалось, что онъ почувствовалъ бы большое облегченіе, еслибы оно какъ нибудь затерялось и не дошло по назначенію. «Какое же тутъ униженіе? нѣтъ, это не униженіе,—отвѣчалъ онъ самъ себѣ.—Я прошу того, чего могу требовать, могу требовать по праву отца... А если Коля откажетъ?—спрашивалъ онъ себя,—если откажетъ, что тогда?.. это будетъ пощечина... пощечина отъ сына»! Вся кровь бросалась ему въ голову, и ему казалось, что онъ ощущаетъ что-то жгучее на щекѣ, какъ будто бы дѣйствительно его кто нибудь ударилъ. Въ немъ закипала злоба. «Пусть только посмѣетъ, пусть посмѣетъ! я ему покажу»!.. —шепталъ онъ въ какомъ-то бѣшенствѣ, и чувство злобы и ненависти къ сыну душило его.

XIV.

Прошелъ еще одинъ день, съ тѣхъ поръ какъ Горбунцовъ написалъ письмо Николаю. Былъ морозъ. Въ окно комнаты, занимаемой Горбунцовымъ, виднѣлся бѣлесоватый туманъ, который, окутывая своею пеленою и крыши сосѣднихъ домовъ, и едва замѣтный теперь противоположный флигель, наполнялъ собою каждый уголъ, образуемый стѣнами, и прилипалъ къ окну, какъ будто бы желая выдавить стекла и проникнуть въ теплую комнату, чтобы расползтись по ней тою же холодною леденящею пеленою. И только солнце, повиснувшее багровымъ шаромъ надъ покрытою густымъ слоемъ инея сѣткою телефонныхъ проволокъ, казалось, удерживало этотъ туманъ отъ его поползновеній, напоминая о всемогущей и всепобѣждаю-

щей силѣ тепла. Со двора доносился скрипъ полозьевъ и стукъ складываемыхъ въ кучу полѣньевъ, который прерывался по временамъ вскрикиваніемъ нѣсколькихъ голосовъ, гулко раздававшихся въ морозномъ воздухѣ, вслѣдъ за чѣмъ слѣдовалъ грохотъ падавшихъ дровъ съ опрокидываемыхъ саней.

Горбунцовъ сидѣлъ у письменнаго стола, повернувшись къ нему правымъ бокомъ, и читалъ принесенный откуда-то Семеномъ вчерашній нумеръ газеты, которую онъ держалъ въ вытянутой далеко впередъ рукѣ, какъ это дѣлаютъ обыкновенно старики, по свойственной ихъ возрасту дальнозоркости. На немъ былъ сѣрый фланелевый халатъ съ краснымъ шнуркомъ на поясѣ и такими же отворотами, который висѣлъ теперь свободно на его сильно исхудавшемъ и сгорбившемся тѣлѣ. Во всей его фигурѣ, дышавшей еще такъ недавно силою, сквозило теперь какое-то старческое безсиліе, отпечатокъ котораго былъ замѣтенъ и на его осунувшемся пожелтѣвшемъ лицѣ, лишенномъ уже своего здороваго румянца; а небритый подбородокъ съ пробивавшеюся на немъ сѣдою щетиною придавалъ ему видъ изстрадавшагося человѣка. Хотя его глаза и скользили по печатнымъ строчкамъ, но мысли были далеки отъ ихъ содержанія, на которомъ онъ не могъ никакъ сосредоточиться. Газета, въ сущности, даже нисколько не интересовала его, такъ какъ онъ взялъ ее въ руки только для того, чтобы убить хоть какимъ нибудь занятіемъ медленно ползущее время и отвлечь свое вниманіе отъ волновавшихъ его мыслей; но это ему не удавалось.

Неожиданный стукъ распахнувшейся двери заставилъ его вздрогнуть. Онъ быстро повернулъ голову и газета вывалилась у него изъ рукъ, упала къ нему на колѣни и съ шелестомъ скатилась на полъ... Въ комнату вошелъ Николай. Онъ былъ въ темно-коричневой шубѣ самаго послѣдняго покроя съ котиковымъ воротникомъ, лацканами въ видѣ шали, покрытыми осѣвшимъ на нихъ серебристымъ инеемъ, и обшлагами изъ котиковаго мѣха на рукавахъ. На головѣ его блестѣлъ новенькій съ иголочки цилиндръ, который онъ снялъ, переступая черезъ порогъ, и небрежно поставилъ на стулъ, стоявшій возлѣ двери.

— Bonjour!—сказалъ онъ сухо, стаскивая съ рукъ яркія желто-красныя перчатки, и, бросивъ ихъ въ цилиндръ, доба-

вилъ:—какъ у васъ тутъ воняетъ въ коридорѣ! — При этихъ словахъ, онъ поморщился и повелъ своимъ краснымъ отъ мороза носомъ, какъ будто бы чувствуя еще до сихъ поръ непонравившійся ему запахъ.

— Неужели здѣсь нѣтъ никого, чтобы снять пальто?..— произнесъ онъ брезгливо, не то про себя, не то обращаясь къ Горбунцову, и началъ медленно разстегивать шубу; а затѣмъ, снявъ ее, оглянулся по сторонамъ, отыскивая глазами, гдѣ бы ее повѣсить; не найдя для этого достаточно приличнаго мѣста, положилъ свою шубу на диванъ.

Горбунцовъ, пораженный неожиданностью встрѣчи, словно окаменѣлъ. Онъ не зналъ, радоваться ли ему приходу сына, или же бояться его. Онъ чувствовалъ только одно, что сейчасъ наступилъ важный моментъ, который и рѣшитъ его судьбу. «Жизнь или смерть»? подумалъ онъ, взглянувъ на Николая. Онъ испытывалъ то же ощущеніе, которое испытываетъ подсудимый въ ожиданіи приговора, при видѣ выходящихъ гуськомъ изъ совѣщательной комнаты присяжныхъ засѣдателей; несчастный впивается глазами въ роковой листъ, бѣлѣющій такъ близко отъ него въ рукахъ старшины, стараясь разгадать, что̀ несетъ ему этотъ листъ: тюрьму или свободу?.. Горбунцовъ чувствовалъ, что какіе-то сильные тиски сдавили ему голову. Въ вискахъ у него стучало; грудь, порывисто подымаясь и опускаясь, дышала тяжело, а въ колѣняхъ чувствовалась болѣзненная слабость. Оставаясь въ томъ же положеніи, въ которомъ засталъ его Николай, онъ не пошевельнулся и только молча слѣдилъ взглядомъ за всѣми движеніями сына, стараясь прочесть на его лицѣ, съ чѣмъ онъ къ нему пришелъ. «Жизнь или смерть»? еще разъ пронеслось у него въ головѣ. Но безстрастное лицо ничего не выражало, словно оно было покрыто маскою, и чѣмъ больше присматривался къ нему Горбунцовъ, тѣмъ болѣе представлялось оно ему отталкивающимъ, а со дна души подымалось непріязненное чувство къ сыну.

— Здравствуй! — тихо проговорилъ онъ, слабо пожимая руку и указывая жестомъ на ближайшее кресло.

— Я къ вамъ только на одну минуту,—сказалъ Николай, какъ бы не замѣтивъ этого движенія, и, сверкнувъ своими кольцами, досталъ часы изъ кармана.

— Теперь три четверти перваго, — медленно произнесъ онъ, взглянувъ на нихъ,—а въ часъ мнѣ нужно быть у Кюба. Вы знаете,—развязно добавилъ онъ съ улыбкою, при которой смѣялись только однѣ губы, въ то время какъ глаза сохраняли свое обычное холодное выраженіе,—на масляной трудно располагать свободнымъ временемъ. — И, вынувъ изъ кармана крѣпко надушенный платокъ, онъ провелъ имъ осторожно по своимъ обмерзшимъ усамъ, стараясь не помять ихъ концовъ, закрученныхъ высоко къ верху.

Горбунцовъ молчалъ. Онъ боялся заговорить первымъ, изъ опасенія ускорить наступленіе той минуты, когда онъ долженъ былъ узнать рѣшеніе своей судьбы. Онъ только еще больше сгорбился, какъ будто волновавшія его мысли навалились на него своею огромною тяжестью и придавили къ землѣ. «Онъ пришелъ—значитъ, поможетъ,—пронеслось у него въ головѣ,—иначе зачѣмъ же бы онъ пришелъ»?.. И на мгновенье въ немъ вспыхнула надежда, но она тотчасъ же исчезла, уступивъ мѣсто отчаянію. «Нѣтъ, нѣтъ... онъ откажетъ... онъ такой противный, неестественный... отъ него вѣетъ такимъ холодомъ», подумалъ онъ, слѣдя глазами за Николаемъ, который, пройдясь по комнатѣ, посмотрѣлся мимоходомъ въ простѣночное зеркало и, пригладивъ свои волосы обѣими ладонями, которыми онъ провелъ отъ пробора къ вискамъ, опустился въ кресло, заложивъ ногу на ногу.

— Ваше письмо я получилъ,—началъ онъ, останавливая свой холодный взглядъ на Горбунцовѣ, у котораго сильно забилось сердце, — и пришелъ къ вамъ объясниться. Признаться, я ничего не понялъ.

— Чего ты не понялъ? — быстро перебилъ его Горбунцовъ и посмотрѣлъ на сына съ недоумѣніемъ.

— Не понялъ того, что̀ тамъ написано, — спокойно продолжалъ Николай.

Горбунцовымъ овладѣло безпокойство. Какъ будто бы тѣнь пробѣжала по его лицу, на которомъ всѣ мускулы дрогнули.

— Мнѣ кажется, я писалъ тебѣ ясно, что нахожусь въ тяжеломъ безвыходномъ положеніи, — сказалъ онъ, причемъ въ голосѣ его послышалась обида.

— Это-то я понялъ, — возразилъ Николай, слегка хлопнувъ кистью лѣвой руки по ручкѣ кресла, облокотившись на

которую онъ сидѣлъ,—только я желалъ бы знать, какое это имѣетъ отношеніе ко мнѣ?

Сердце Горбунцова упало. Онъ почувствовалъ то же, что чувствуетъ человѣкъ, отошедшій далеко отъ берега по тонкому льду, который начинаетъ трещать подъ нимъ, ожидая, что вотъ-вотъ онъ провалится. Онъ судорожно ухватился дрожащею рукою за край стола и, наклонившись въ сторону Николай, спросилъ почти шопотомъ:

— Какъ это: какое имѣетъ отношеніе къ тебѣ?

— Вы пишете о какихъ-то правахъ, о какихъ-то обязанностяхъ,—началъ Николай, качая ногою и играя брелоками своей цѣпочки,—неужели вы думаете въ самомъ дѣлѣ, что я обязанъ — онъ сдѣлалъ удареніе на словѣ «обязанъ» — расплачиваться за ваши долги?

Горбунцовъ ожидалъ, что Николай можетъ отказать ему въ исполненіи просьбы, но чтобы онъ могъ отрицать самое существованіе лежащей на немъ обязанности помогать своему отцу, этого Горбунцовъ не ожидалъ. Ему стало теперь ясно, что онъ и сынъ стоятъ на двухъ совершенно противоположныхъ полюсахъ и между ними лежитъ огромная, неизмѣримая пропасть. Отвѣтъ Николая заставилъ его вздрогнуть всѣмъ тѣломъ, какъ отъ укола.

— Отецъ я тебѣ или не отецъ?! — громко крикнулъ онъ вдругъ, впиваясь взглядомъ въ глаза Николаю, причемъ вся кровь бросилась ему въ лицо и на вискахъ вздулись жилы.

Раздраженіе, овладѣвшее отцомъ, возбудило въ Николаѣ злобное желаніе еще болѣе уколоть его. «А, ты такъ... такъ я жь тебѣ», подумалъ онъ.

— Во-первыхъ, зачѣмъ вы такъ волнуетесь? — медленно проговорилъ онъ, пожимая плечами, причемъ въ голосѣ его послышалась нотка пренебреженія, — а, во-вторыхъ, вы знаете изреченіе: «Юпитеръ, ты сердишься—значитъ, ты неправъ».

Раздраженіе Горбунцова достигло крайнихъ предѣловъ.

— Ты что это надо мною издѣваться вздумалъ?! — крикнулъ онъ опять. — Я тебя спрашиваю: отецъ я тебѣ или не отецъ?—спросилъ онъ, задыхаясь.

— Положимъ, что отецъ. Такъ что же изъ того? — процѣдилъ небрежно, сквозь зубы, Николай съ напускнымъ рав-

нодушіемъ. Лицо его было спокойно и только въ глазахъ сверкнулъ на мгновеніе, точно молнія, нехорошій огонекъ.

— А то, что ты долженъ относиться ко мнѣ, какъ къ отцу! — сказалъ рѣзко Горбунцовъ, тряхнувъ головою и ткнувъ по направленію къ полу указательнымъ пальцемъ.—А развѣ ты такъ относишься ко мнѣ?..—Онъ замолчалъ на минуту. Заговоривъ объ отношеніяхъ сына къ отцу, Горбунцовъ коснулся вопроса, который такъ мучилъ и терзалъ его, составляя наболѣвшую рану, и, какъ ни больно было ему коснуться этой раны, онъ не могъ удержаться, чтобы не высказать всего, что̀ наболѣло у него въ душѣ.—Ты думаешь, я не вижу, не читаю у тебя въ сердцѣ, что ты меня ненавидишь? — началъ онъ послѣ короткаго молчанія подавленнымъ голосомъ, въ которомъ слышалось страданіе.—Да, ненавидишь!—повторилъ онъ, замѣтивъ, что Николай сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.—А знаешь ли, что ты былъ для меня теперь дороже всего на свѣтѣ, что я жилъ тобою, жилъ мыслью о томъ, что у меня есть сынъ?.. И знаешь ли ты, что̀ значитъ сынъ на старости лѣтъ? это — поддержка для дряхлѣющаго тѣла, это—согрѣвающее тепло для старческихъ зябнущихъ костей; это — свѣтъ среди того могильнаго мрака, который все больше и больше охватываетъ сердце по мѣрѣ приближенія къ могилѣ. И я думалъ найти въ тебѣ эту опору, не могъ дождаться дня, чтобы встрѣтиться съ тобою, и вотъ—мы встрѣтились и я увидѣлъ сразу, что ты меня ненавидишь. Какъ я ошибся! За что ты меня ненавидишь?—не знаю... Что́ я сдѣлалъ тебѣ?.. я ни въ чемъ, ни въ чемъ не виноватъ передъ тобою... Но ты меня ненавидишь, и это мнѣ больно... пойми ты, больно мнѣ!.. это убиваетъ меня, подтачиваетъ силы, сокращаетъ мою жизнь...—Голосъ Горбунцова дрогнулъ и онъ замолчалъ, низко опустивъ свою голову. — Конечно, требовать отъ тебя любви было бы смѣшно: насильно милъ не будешь, но я могу и считаю себя вправѣ *требовать*, по крайней мѣрѣ, того, чтобы ты не далъ мнѣ умереть съ голоду.

Николай слушалъ разсѣянно. Онъ думалъ въ это время объ ожидавшемъ его завтракѣ у Кюба́, къ которому заказалъ еще наканунѣ свой любимый паштетъ изъ гусиной печенки съ трюфелями. «Вѣроятно, ужь часъ,—думалъ онъ, — я опоз-

даю. А будетъ весело: Костя Лыкачевъ новый анекдотъ разскажетъ, а послѣ того — тройки... Еслибы только дуракъ Петръ буланую тройку досталъ... а вечеромъ — бенефисъ»... Искреннія, идущія отъ наболѣвшаго сердца, слова Горбунцова нисколько не трогали его. «Говори, говори... все то же самое»!.. тоскливо думалъ онъ, машинально прислушиваясь къ голосу своего отца и, когда тотъ замолчалъ, въ его памяти осталось только то, что отецъ требуетъ у него денегъ, причемъ слово «требовать» показалось ему обиднымъ.

— Требовать! требовать!.. Но по какому праву, позвольте васъ спросить?—сказалъ онъ дерзко, опуская руки въ карманы своего пиджака и откидываясь на спинку кресла.

— По праву отца, я тебѣ говорю, по праву отца!—настойчиво и твердо возразилъ Горбунцовъ, стуча при словѣ: «отца» по столу суставами сложенныхъ въ кулакъ пальцевъ, и въ голосѣ его прозвучала увѣренность въ своемъ правѣ.

XV.

Вопросъ Николая, какъ по своему содержанію, такъ и по своей дерзкой формѣ, возбудилъ въ Горбунцовѣ чувство страха передъ этою безсердечною жестокостью, которая, точно грозный призракъ, предстала вдругъ передъ нимъ во всей своей ужасающей наготѣ. Ему стало ясно, что это бездушное существо, этотъ черствый эгоистъ, который сидѣлъ теперь, небрежно развалясь передъ нимъ въ креслѣ, не зналъ и не только любви, не только уваженія къ нему, но даже не зналъ простаго состраданія. Ему стало страшно, а вмѣстѣ съ тѣмъ обидно и больно, что это былъ его сынъ. «Что это?.. ни стыда... ни совѣсти... ни сердца»... болѣзненно думалось ему въ то время, какъ онъ внимательно присматривался къ черствому лицу Николая, принявшему теперь заносчивое выраженіе. И онъ опять почему-то обратилъ вниманіе на его выдающуюся впередъ нижнюю челюсть, какъ будто бы она именно была всему причиною... То, что онъ такъ ясно увидѣлъ теперь, представлялось невѣроятнымъ. Ему захотѣлось бы провѣрить себя, измѣрить глубину этого безсердечія, ощупать руками это каменное, ничего не чувствующее, сердце...

— Послушай, Коля, — началъ онъ какимъ-то умоляющимъ голосомъ, — скажи мнѣ: неужели... нѣтъ, не можетъ быть, чтобы ты былъ такимъ извергомъ!.. неужели вотъ тутъ, тутъ—онъ указалъ себѣ на сердце — никогда ничто не говоритъ въ тебѣ?.. Вѣдь ты — моя кровь! подумай, вѣдь я, я родилъ тебя!..—Голосъ его пресѣкся и на глазахъ выступили слезы.

— Что жь вы не договариваете?.. Я тебя родилъ, такъ я тебя и убью?.. такъ что ли?—заносчиво спросилъ Николай.— Я твой отецъ, такъ, значитъ, имѣю надъ тобою и всѣ права?.. Нѣтъ-съ, папаша! — добавилъ онъ, тряхнувъ головою съ какимъ-то злорадствомъ, — такъ разсуждали во времена Тараса Бульбы. Но много съ тѣхъ поръ воды утекло. Не тѣ времена теперь, не тѣ времена. По моему, чтобы имѣть на дѣтей какія-то тамъ *права*, мало родить ихъ, мало быть отцомъ— отцомъ быть не трудно!—а нужно еще и сдѣлать что-нибудь для этихъ дѣтей.

Онъ закончилъ свою рѣчь, постепенно возвышая голосъ. То, что онъ высказалъ теперь, волновало его, и потому его покинула свойственная ему холодная сдержанность. Его всегда неподвижное лицо теперь оживилось и на безкровныхъ щекахъ выступили едва замѣтныя красныя пятна.

Каждое слово, произносимое Николаемъ, ударяло точно ножемъ въ сердце Горбунцова. Совѣсть его по отношенію къ сыну была чиста, такъ какъ онъ сознавалъ, что исполнилъ долгъ отца, какъ онъ его понималъ, и сдѣлалъ все то, что дѣлали, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, кого онъ зналъ. Онъ былъ увѣренъ, что сынъ не могъ ни въ чемъ упрекнуть его, — и вдругъ, вмѣсто благодарности, тотъ дѣлалъ ему, очевидно, какіе-то упреки, которые задѣли его за живое.

— Подумай, что ты говоришь!—сказалъ съ ужасомъ Горбунцовъ, откидываясь назадъ и стуча себѣ въ лобъ указательнымъ пальцемъ. — А развѣ я не вскормилъ, не выростилъ тебя?.. этого мало по твоему? мало? — спросилъ онъ, наклоняясь въ сторону Николая.

«Сѣлъ на своего конька и поѣхалъ! — подумалъ Николай,—немного значитъ ты сдѣлалъ, когда на такомъ заѣзженномъ всѣми отцами конькѣ выѣзжать приходится».

— А развѣ я просилъ васъ, чтобы вы производили меня

на свѣтъ?.. Еще бы не доставало, чтобы вы, когда я родился, выбросили меня на улицу!—сказалъ Николай насмѣшливо.—Впрочемъ, вы могли бы это сдѣлать, а если не сдѣлали—на то была ваша добрая воля! — И онъ закачалъ ногою, посмотрѣвъ равнодушно куда-то въ сторону.

Послѣднія слова поразили Горбунцова. Они были ему знакомы. Онъ старался припомнить, отъ кого онъ слышалъ ихъ недавно, когда они точно также поразили его. «Кто мнѣ ихъ сказалъ?—пронеслось у него въ головѣ.—Да, Матвѣичъ!.. когда я напомнилъ о деньгахъ, данныхъ на лѣченіе жены. Напомнилъ Колѣ, и онъ также, какъ Матвѣичъ: тѣ же слова, тѣ же чувства»... Онъ увидѣлъ, что между отношеніями къ нему со стороны Матвѣича,—этого чужаго, посторонняго ему ростовщика,—и роднаго сына не было никакой разницы. Это сходство ужаснуло его, и опять безсердечная жестокость Николая выросла передъ его глазами, точно призракъ, который былъ теперь еще отвратительнѣе, еще ужаснѣе, разросшись до гигантскихъ размѣровъ, которыхъ нельзя было ни измѣнить, ни охватить воображеніемъ... Насмѣшливое возраженіе сына возбудило въ немъ негодованіе. Въ груди у него что-то заклокотало, и онъ почувствовалъ, что начинаетъ терять самообладаніе.

— Но я далъ тебѣ образованіе, я тебя воспиталъ!—крикнулъ онъ, краснѣя.

— Об-ра-зо-ва-ні-е! вос-пи-та-ні-е!.. какія громкія слова!—произнесъ съ тою же насмѣшкою Николай, растягивая слоги и взмахивая рукою при каждомъ словѣ.—Въ чемъ же заключалось ваше личное участіе въ этомъ «образованіи»? — онъ сдѣлалъ удареніе на послѣднемъ словѣ—не въ томъ ли, что вы платили, можетъ быть, морщась, деньги въ то заведеніе, куда вы постарались спихнуть меня поскорѣе?.. А воспитаніе?—онъ замолчалъ, подыскивая выраженіе, но Горбунцовъ, испуганно и съ недоумѣніемъ смотрѣвшій на него широко раскрытыми глазами, перебилъ его:

— Какъ? ты отрицаешь и то, что я далъ тебѣ воспитаніе?.. Развѣ я не старался отучить тебя отъ всего дурнаго, не давалъ тебѣ совѣтовъ?

— Да,—возразилъ Николай съ саркастическою улыбкою, отъ которой у Горбунцова болѣзненно сжалось сердце,—вы

наказывали меня за дурной баллъ, за пролитый на скатерть стаканъ чаю, вы читали мнѣ, какъ бы по обязанности, скучныя шаблонныя наставленія; но развѣ это воспитаніе? развѣ вы поинтересовались когда нибудь заглянуть въ мою душу? развѣ пожелали когда нибудь узнать, что происходитъ въ моей головѣ?.. Вы собственно и видѣли-то меня только тогда, когда вамъ нужно было подвергнуть меня взысканію, и я васъ боялся!.. А гдѣ есть страхъ, тамъ не можетъ быть ни любви, ни уваженія.

Слова Николая производили на Горбунцова впечатлѣніе сыпавшихся ударовъ и, подобно человѣку, котораго бьютъ и который не можетъ защищаться, онъ какъ-то съежился весь, сгорбивъ спину и высоко поднявъ плечи, въ которыя ушла его голова. То, что говорилъ Николай, казалось ему чудовищнымъ. «Всѣ поступаютъ, какъ я... всегда такъ было... и всѣхъ дѣти любятъ... а онъ осуждаетъ меня... бросаетъ въ меня камень. Почему въ меня? за что? за что»?.. думалось ему. Онъ былъ ошеломленъ, разбитъ, подавленъ. Въ его мысляхъ исчезла всякая связь, какъ будто бы кто нибудь перепуталъ ихъ. Голова его отяжелѣла, точно налитая свинцомъ, и что-то давило темя до боли.

Онъ обхватилъ голову обѣими руками и крѣпко сжалъ ее.

— До чего я дожилъ, до чего дожилъ! — произнесъ онъ шопотомъ, въ которомъ слышались ужасъ и отчаяніе. — Ты извергъ, извергъ! — обратился онъ вдругъ къ Николаю, опуская руки и выпрямляясь.—Скажи, что ты за человѣкъ?.. ни сердца, ни совѣсти, ни Бога!.. Для тебя нѣтъ ничего священнаго!.. отца ты ненавидишь и отталкиваешь ногою, какъ собаку! И, вѣроятно, также ненавидишь ты и свою несчастную жену и дѣтей, потому что бросилъ ихъ для какой-то мерзавки!

Николай вспыхнулъ. Глаза его злобно заблестѣли.

— А вы-то сами, небось, были всегда примѣрнымъ мужемъ, сидѣли всю жизнь только возлѣ юбокъ вашей жены?!— рѣзко сказалъ онъ, и въ голосѣ его послышалось что-то вызывающее.

Вся кровь ударила Горбунцову въ голову. Онъ вскочилъ, какъ ужаленный

— Осуждать отца... да какъ ты смѣешь?!—закричалъ онъ вдругъ такъ, что жилы вздулись у него на лбу.

— А отчего же и не осуждать? — дерзко спросилъ Николай, медленно подымаясь съ мѣста и закидывая назадъ голову: — развѣ вы только одни умѣете разсуждать? — «Пора уходить», пронеслось у него въ головѣ, и онъ направился къ дивану, гдѣ лежала его шуба.

— Молчи, молчи! ты убьешь меня! — кричалъ внѣ себя Горбунцовъ, стиснувъ зубы и сжавъ кулаки.

— Не кричите; сосѣди могутъ услышать! — злобно прошипѣлъ Николай, застывъ на мгновеніе съ высоко поднятою вверхъ правою рукою, которую продѣвалъ въ это время въ рукавъ шубы.

— Пусть слышутъ!—продолжалъ кричать Горбунцовъ прерывающимся голосомъ: — я выду на улицу и буду кричать: пусть знаютъ всѣ, какой у меня сынъ, пусть полюбуются!— Его горло сжимала судорога; нижняя челюсть и руки его дрожали, а внутри клокотало бѣшенство, распирая грудь, изъ которой оно, какъ паръ изъ котла, искало выхода наружу.

— И вами пусть полюбуются!—сказалъ Николай, стоявшій теперь у дверей въ шубѣ и цилиндрѣ на головѣ, съ блѣднымъ и искаженнымъ злобою лицомъ.—Я васъ пре-зи-ра-ю!—рѣзко отчеканилъ онъ:—вы меня никогда не любили, а теперь, когда нуждаетесь въ моей помощи, вы лѣзете ко мнѣ съ вашими отцовскими правами... Я пре-зи-ра-ю васъ, слышите!.. никакихъ вашихъ правъ знать не хочу, и прошу не надоѣдать мнѣ больше своими безполезными требованіями!

У Горбунцова помутилось въ глазахъ. Все окружающее его исчезло и онъ видѣлъ только одно блѣдное, злобное лицо сына, которое возбуждало въ немъ омерзеніе. На мгновеніе онъ какъ будто бы даже потерялъ разсудокъ. Имъ овладѣлъ стихійный порывъ неудержимой ненависти. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и, задыхаясь отъ душившаго его бѣшенства, крикнулъ вслѣдъ выходившему изъ комнаты Николаю сипло вырывавшимся изъ горла голосомъ:

— Ты мнѣ не сынъ!.. Я тебя проклина...—Онъ не успѣлъ докончить послѣдняго слова, какъ полъ зашатался у него подъ ногами. Сильный толчокъ сшибъ его съ ногъ; что-то тяжелое ударило по темени; голова закружилась, онъ зашатался и, чтобы не упасть, хотѣлъ ухватиться правою рукою за кресло, возлѣ котораго стоялъ. Но рука ему не повиновалась, какъ

будто бы была перешиблена, и онъ, упавъ на правый бокъ, ударился плечемъ объ ручку кресла, которое съ шумомъ отъѣхало въ сторону, и тяжело рухнулся на полъ...

XVI.

Марья Васильевна Звѣздочкина, заложивъ руки назадъ, ходила маленькими быстрыми шагами взадъ и впередъ по своему будуару, освѣщенному свѣшивавшимся съ потолка огромнымъ хрустальнымъ фонаремъ причудливой формы. Электрическій свѣтъ, преломляясь въ мелкихъ граняхъ хрусталя, ложился мягко на желтой атласной мебели и такихъ же драпировкахъ, отражался въ блестящихъ, черныхъ, какъ смоль, волнистыхъ волосахъ Марьи Васильевны, собранныхъ въ большой узелъ на макушкѣ, и игралъ красивыми переливами въ тяжелыхъ складкахъ ея розоваго плюшеваго капота, обрисовывавшаго изящныя линіи ея высокаго, стройнаго, хотя слегка располнѣвшаго тѣла только что перешедшей за тридцатилѣтній возрасть женщины.

Въ ея быстрыхъ шагахъ, нервномъ подергиваньѣ плечъ и раздувавшихся тонкихъ ноздряхъ слегка вздернутаго носа проглядывало замѣтное безпокойство, которое отражалось и въ ея большихъ, съ длинными рѣсницами, круглыхъ черныхъ глазахъ, въ то время какъ она почти ежеминутно взглядывала на стоявшіе на каминѣ бронзовые часы, стрѣлки которыхъ приближались къ тремъ четвертямъ шестаго. Сегодня былъ ея бенефисъ и ее волновало ожиданіе спектакля съ громомъ рукоплесканій, безчисленными вызовами, букетами, вѣнками и всевозможными подношеніями отъ многочисленныхъ «поклонниковъ» какъ ея таланта, такъ и красоты. Она была уже болѣе десяти лѣтъ на сценѣ, пользовалась огромнымъ успѣхомъ и была увѣрена въ себѣ тѣмъ болѣе, что въ ея бенефисъ давалась «Дочь мадамъ Анго», которую она считала своею лучшею ролью; волновалась же она потому, что опьяняющая атмосфера театра съ бурными проявленіями восторга поддававшейся ея обаянію толпы составляла ея единственное наслажденіе, заставлявшее забывать всю тягость неудавшейся разбитой жизни... Едва достигнувъ восемнадцати лѣтъ, она, влюбившись до безумія, вышла замужъ за блестящаго гвар-

дейскаго офицера, который бросилъ ее черезъ годъ послѣ свадьбы; а затѣмъ, разорившись окончательно, сдѣлалъ подлогъ на векселѣ, и былъ судимъ и сосланъ на поселеніе. Предоставленная самой себѣ, безъ всякихъ средствъ, Марья Васильевна поступила на сцену. Разочаровавшись въ людяхъ подъ впечатлѣніемъ перенесеннаго ею поруганія первой искренней любви, она сошлась сначала безъ всякаго увлеченія, просто по разсчету, съ ухаживавшимъ за нею, въ числѣ многихъ поклонниковъ, богатымъ аристократомъ; а затѣмъ стала, подъ вліяніемъ такого же разсчета, переходить отъ одного къ другому, нисколько не обманывая себя иллюзіями какого бы то ни было чувства къ нимъ. Точно также сошлась она и съ Николаемъ Горбунцовымъ. Она понравилась ему съ первой же встрѣчи у товарища по училищу князя Усатина, съ которымъ она тогда жила. Связь съ богатымъ княземъ Усатинымъ, о которой говорили во всемъ Петербургѣ, громкая извѣстность Звѣздочкиной и ея блестящая красота разожгли въ Николаѣ, по свойственному ему тщеславію, — ради котораго онъ былъ готовъ на всякія жертвы,—страстное желаніе отбить эту женщину у товарища и обладать ею, чтобы обратить на себя вниманіе. И онъ достигъ своей цѣли...

Второю причиною, заставлявшею Марью Васильевну особенно волноваться сегодня, было то, что предстоявшій бенефисъ былъ первымъ послѣ появленія у нея соперницы по сценѣ, въ лицѣ завоевавшей себѣ сразу многихъ поклонниковъ молоденькой и хорошенькой Нѣгиной, и долженъ былъ служить барометромъ: измѣнилось или не измѣнилось отношеніе къ ней со стороны публики. Поэтому Марья Васильевна сдѣлала все, чтобы сохранить къ вечеру свои силы: она легла наканунѣ рано спать, никуда сегодня не выходила и провела бо́льшую часть дня, лежа на кушеткѣ.

«Посмотримъ, кто восторжествуетъ,—думала она теперь, расхаживая по комнатѣ,—я или интриганка»? Она почему-то никогда не называла про себя Нѣгину иначе, какъ интриганкой, хотя та была скромною и вполнѣ порядочною дѣвушкою. «И что въ ней находятъ?.. комариный голосокъ, постановки никакой, верховъ нѣтъ, тусклая середина... одна рожица смазливая... дураки!.. А сколько разъ меня вызовутъ? Въ прошломъ году—пятнадцать... ну, а если вызовутъ

теперь два раза? пожалуй и совсѣмъ не вызовутъ?.. Неужели пораженіе»?.. пришло ей вдругъ въ голову, когда она подходила къ окну. Она представляла себѣ опускающійся занавѣсъ при полномъ молчаніи залы и смотрящее на нее изъ-за кулисъ торжествующее лицо Нѣгиной. Ее передернуло и она, почувствовавъ вдругъ какое-то безпокойство, повернулась и пошла по направленію къ кушеткѣ. Взглядъ ея упалъ на развѣшанные надъ кушеткой, въ красивомъ безпорядкѣ, многочисленные вѣнки изъ засохшихъ и наполовину обсыпавшихся цвѣтовъ съ широкими лентами, изъ которыхъ однѣ полиняли, а другія были еще ярки. Ей припомнились вдругъ безконечные вызовы; въ ушахъ раздался шумъ рукоплесканій. «Не можетъ быть»! подумала она и въ ней снова проснулась твердая увѣренность въ себѣ. Теперь каждый разъ, когда она подходила къ окну, ей приходило въ голову: «неужели пораженіе»? А когда подходила къ кушеткѣ, то отвѣчала себѣ: «не можетъ быть»!..

Часы на каминѣ пробили мягкимъ башеннымъ звономъ три четверти, повторяя каждую четверть двумя различными по тону ударами. Марья Васильевна, подходившая въ это время къ кушеткѣ, быстро обернулась и бросилась къ стоявшему у окна маленькому письменному столу изъ розоваго дерева съ бронзовыми украшеніями, но ноги ея запутались въ тяжелыхъ складкахъ капота, отчего она едва не упала. Подобравъ передъ обѣими руками, она подбѣжала къ столу и нажала лежавшую на немъ едва замѣтную кнопку электрическаго звонка, а затѣмъ, не дожидаясь, нажала еще и еще разъ. Въ дверяхъ показалось молоденькое лицо горничной въ кокетливомъ бѣломъ передникѣ съ плоёными наплечниками и въ такой же наколкѣ.

— Куда это вы запропастились? — набросилась на нее Марья Васильевна. — Звоню, звоню... изъ-за васъ еще опоздаешь!.. — И, не давъ горничной возразить, она приказала отрывисто:—сказать Емельяну, чтобы закладывалъ, и приготовить мнѣ одѣваться!

— Слушаю-съ, — проговорила горничная и повернулась уходить.

— Постойте, куда вы торопитесь?—остановила ее Марья Васильевна. — Никогда не дослушаете какъ слѣдуетъ!.. ну,

что вы мнѣ приготовите? развѣ я вамъ уже сказала, что́ мнѣ нужно? Я надѣну теперь сѣрое платье, а послѣ спектакля, къ ужину, парижское черное съ блестками. Только уложите его акуратно, чтобы не помять... Ступайте! — Она махнула рукою, но едва горничная сдѣлала движеніе, чтобы уйти, Марья Васильевна опять задержала ее.

— А шкатулка съ брилліантами у васъ готова?

— Готова-съ,—отвѣтила та недовольнымъ тономъ.

— Готова-съ! — передразнила ее Марья Васильевна,—и всегда что нибудь забудете. Осмотрите, пожалуйста, все какъ слѣдуетъ, чтобы не пришлось, какъ въ прошлый разъ за башмаками, сломя голову, домой посылать!.. Что жь вы стоите? — крикнула она горничной, которая не успѣла даже повернуться.—Я вамъ уже полчаса тому назадъ сказала, что пора одѣваться.

«Бѣлены объѣлась»! подумала горничная, отправляясь исполнять приказаніе. «Господа всегда съ жиру бѣсятся», рѣшила она.

Марья Васильевна направилась въ спальню. Въ дверяхъ она столкнулась въ Николаемъ,—какъ всегда напомаженнымъ и надушеннымъ,—который входилъ въ комнату во фракѣ и, держа въ лѣвой рукѣ кусочекъ желтой замши, натиралъ ею на ходу блестѣвшія у него на правой рукѣ кольца.

— Ты куда?—спросилъ онъ, останавливаясь въ дверяхъ и загораживая ей руками дорогу.

— Пусти!—сказала она, пытаясь отстранить его: — мнѣ некогда; одѣваться пора!—Но, замѣтивъ кончикъ синяго плюшеваго футляра, торчавшаго у него изъ кармана, опустила его руку, за которую ухватилась, и ласково проговорила, заглядывая ему въ глаза:—дай мнѣ взглянуть еще разъ на твой сегодняшній подарокъ.

— Тебѣ вѣдь некогда, одѣваться пора!—спокойно возразилъ Николай, не трогаясь съ мѣста, съ цѣлью ее подразнить.

— Ну! — капризно проговорила Марья Васильевна, протягивая руку къ футляру, который онъ прикрылъ своею рукою.

— А тебѣ очень хочется?—спросилъ онъ, откидывая голову назадъ и прищуривая глаза.

— По-ка-жи!—протянула она умоляющимъ голосомъ, наклоняя голову на бокъ и смотря заискивающимъ взглядомъ въ его глаза,—покажи!

Николай досталъ, не торопясь, длинный узкій футляръ изъ кармана и протянулъ его Марьѣ Васильевнѣ, которая быстро раскрыла его порывистымъ движеніемъ. На лицѣ ея выступилъ румянецъ и глаза разгорѣлись при видѣ лежавшей на бѣломъ бархатѣ большой вѣтки изъ крупныхъ брилліантовъ.

— Что? нравится? — самодовольно спросилъ Николай, опуская руки въ карманы. Онъ объѣздилъ нарочно всѣхъ лучшихъ ювелировъ, чтобы разузнать, какой подарокъ готовитъ Звѣздочкиной князь Усатинъ, и такъ какъ тотъ пріобрѣлъ для нея рубиновую брошку въ двѣ тысячи, онъ закатилъ брилліантовую вѣтку на тысячу рублей дороже, чтобы затмить князя своею щедростью и заставить еще больше говорить о себѣ. «Позеленѣешь, позеленѣешь»! — подумалъ онъ съ удовольствіемъ, представивъ себѣ передергивающееся отъ досады глуповатое лицо Усатина съ близорукими глазами.

— Прелесть, прелесть! — повторяла восторженно Марья Васильевна, поворачивая футляръ въ вытянутой далеко впередъ рукѣ то въ ту, то въ другую сторону, и любуясь игрою брилліантовъ, сверкавшихъ подъ лучами падавшаго на нихъ сверху свѣта. Затѣмъ, вынувъ вѣтку изъ футляра, она подошла къ висѣвшему надъ каминомъ зеркалу и стала втыкать ее себѣ въ волоса, причемъ широкіе рукава капота опустились внизъ, обнаживъ выше локтей красивыя руки, словно точеныя изъ слоновой кости.

— Что у тебя не найдется здѣсь листа почтовой бумаги?— спросилъ Николай, подходя къ письменному столу: — я чуть было не забылъ. Надо, наконецъ, отвѣтить этой дурѣ.

— Возьми тамъ, въ бюварѣ... Какой дурѣ? — сказала, не отрываясь отъ зеркала, Марья Васильевна. «Нѣтъ, такъ нехорошо!—подумала она,—лучше попробовать сбоку».—И она стала перекладывать вѣтку въ волосахъ.

— Женѣ!—отвѣтилъ небрежно Николай, присаживаясь на стулъ.

— Развѣ она опять писала? Что же она пишетъ?—проговорила Марья Васильевна. — «Да, такъ лучше... такъ мнѣ

идетъ»,—подумала она и повернула голову бокомъ, чтобы видѣть себя въ профиль.

— Все одно и то же! Что она можетъ больше писать?— возразилъ онъ, раскрывъ бюваръ и доставая листъ бумаги.— Конечно, «милый Коленька», а я терпѣть не могу, когда она называетъ меня Коленькой!—брезгливо замѣтилъ Николай,— а потомъ опять: «я соскучилась, дѣтки соскучились, мы соскучились»... совсѣмъ какъ письмо какой нибудь Аксиньи изъ деревни къ петербургскому дворнику: «а еще кланяется тебѣ батюшка, а еще кланяется тебѣ матушка, а еще кланяется тебѣ отецъ крестный»... Совсѣмъ дура!—закончилъ онъ, обмакивая перо въ чернильницу.

— Зачѣмъ же ты на ней женился?—спросила она, отступая на шагъ отъ зеркала и любуясь собою. — «Прелестно, восторгъ! — думалось ей — посмотримъ, посмотримъ, какъ ты запляшешь отъ злости, интриганка, когда увидишь это великолѣпіе».

— Зачѣмъ женился? — сказалъ Николай, поворачивая къ ней свою голову и пожимая плечами, — какъ и всѣ, по глупости! — Между тѣмъ, онъ зналъ очень хорошо, почему женился, и зналъ, что причиною его женитьбы была не глупость, а пятьсотъ тысячъ приданаго, которые онъ получилъ...

— Прелесть, прелесть! — проговорила Марья Васильевна, укладывая вѣтку въ футляръ и подходя къ Николаю.

— Ты, душка! — сказала она — милый! — и, обхвативъ сзади его голову, поцѣловала въ темя.

— Тише, тише! проборъ!..—вскрикнулъ онъ, бросая перо и отстраняя ее рукою.

— А-а, проборъ? такъ вотъ же тебѣ! — и она быстрымъ движеніемъ руки взъерошила ему волосы и выбѣжала со смѣхомъ изъ комнаты, шумя плюшемъ своего капота.

— Чортъ знаетъ, что такое! — прошипѣлъ ей вслѣдъ Николай: — терпѣть не могу такихъ грубыхъ шутокъ! — И онъ сталъ приглаживать обѣими ладонями свою голову. Затѣмъ онъ обмакнулъ перо и, медленно выводя буквы своимъ остроконечнымъ крупнымъ почеркомъ, написалъ: «Дорогая Юля», широко разставляя буквы и начиная почти на серединѣ страницы, чтобы письмо вышло какъ можно короче. «Что ей написать? — тоскливо подумалъ онъ, разсматривая стоявшую

передъ нимъ фарфоровую чернильницу.—Это, кажется, vieux Saxe». Онъ поднялъ ее осторожно, чтобы не пролить чернилъ, и посмотрѣлъ снизу. «Да, vieux Saxe», — рѣшилъ онъ, замѣтивъ клеймо изъ двухъ скрещенныхъ мечей, и поставилъ чернильницу на мѣсто. «Что ей написать»? — опять подумалъ онъ. Ему представилось простоватое лицо его жены, вѣчно занятой съ дѣтьми, однообразная жизнь въ Осиновкѣ, и все это: и жена, и дѣти, и Осиновка вызвали въ немъ чувство отвращенія. «Милый Коленька... соскучились»... — произнесъ онъ насмѣшливо, почти вслухъ: «Фу, какая гадость»! — и откинулся на спинку стула. Онъ подумалъ о томъ, что жена его любитъ и, дѣйствительно, могла соскучиться одна въ деревнѣ за два съ половиною мѣсяца, которые онъ провелъ въ Петербургѣ. «Любитъ... пусть себѣ любитъ, только зачѣмъ она надоѣдаетъ своею любовью?.. что̀ можетъ быть скучнѣе добродѣтельной любви? Соскучилась... а мнѣ какое дѣло? не кинуть же и мнѣ тамъ вмѣстѣ съ нею»... Онъ обмакнулъ перо опять. «Что ей написать»?—пронеслось у него въ головѣ и онъ громко зѣвнулъ. Затѣмъ рѣшилъ, что не стоитъ ломать себѣ голову понапрасну, если не о чемъ писать, и рѣшилъ, вмѣсто письма, отправить телеграмму. Онъ разорвалъ почтовый листъ пополамъ и, повернувъ оторванную половинку въ длину, быстро написалъ на ней: «Рвусь всей душой. Серьезныя дѣла задерживаютъ еще на мѣсяцъ. Николай». Перечтя телеграмму, онъ нашелъ, что она немного офиціальна, и потому приписалъ въ концѣ ея: «цѣлую», а передъ словомъ «Николай» добавилъ «твой» и вздохнулъ съ облегченіемъ, какъ будто бы окончилъ какое нибудь трудное и важное дѣло.

За его спиною раздались чьи-то осторожные шаги и легкое покашливанье. Онъ повернулся и, увидѣвъ лакея, спросилъ отрывисто, недовольнымъ голосомъ, какъ будто бы ему помѣшали:

— Что тебѣ?

— Тамъ человѣкъ пришедши...—сказалъ лакей и, замолчавъ на мгновеніе, добавилъ съ какимъ-то виноватымъ видомъ и понижая голосъ,—отъ Павла Никитича-съ.

Николай вспыхнулъ. «Опять»?!—подумалъ онъ и чувство злобы овладѣло имъ. Ему припомнился сегодняшній разговоръ съ отцомъ, — разговоръ, который покончилъ все

между ними. «Что ему еще нужно»? — пронеслось у него въ головѣ.

— Какъ ты смѣешь мнѣ объ этомъ докладывать?!—рѣзко крикнулъ онъ, вставая со стула и наступая на испуганно попятившагося передъ нимъ лакея.—Я, кажется, тысячу разъ приказывалъ, чтобы мнѣ не смѣли больше докладывать объ этомъ. Ступай!

Лакей вышелъ.—Болванъ!—процѣдилъ сквозь зубы Николай ему вслѣдъ и зашагалъ по комнатѣ.—«Это чортъ знаетъ что такое»!—подумалъ онъ, и ему припомнилась фигура отца, какъ онъ видѣлъ ее сегодня утромъ, причемъ сѣрый съ красными отворотами халатъ, выпятившійся на отвисломъ животѣ, и небритый подбородокъ съ пробивающеюся сѣдою щетиною вызвали въ немъ какое-то брезгливое чувство.—«Отецъ я тебѣ или не отецъ»?—прозвучали у него въ ушахъ слова Горбунцова, какъ будто бы они раздались теперь здѣсь, въ этой комнатѣ. «Это какой-то допросъ! насиліе»!—пронеслось у него въ головѣ.—«А если я не хочу признавать этого насилія?.. вѣдь могу же я не хотѣть признавать то, что мнѣ не нравится?.. А мнѣ не нравится принимать на себя какія-то тамъ обязанности. Да кто и когда установилъ эти обязанности?.. обязанностей нѣтъ; есть только: хочу и не хочу, а я именно не хочу!.. да, не хочу»!..

Въ дверяхъ появился опять лакей, лицо котораго выражало смущеніе.

— Что тамъ еще? — спросилъ его Николай, останавливаясь.

Лакей посмотрѣлъ сначала себѣ подъ ноги, а затѣмъ нерѣшительно проговорилъ:

— Виноватъ-съ, Николай Павловичъ... только они...

— Кто они? — перебилъ его Николай.

— Человѣкъ этотъ самый, — продолжалъ лакей уже заискивающимъ голосомъ, — говорятъ, что очень васъ нужно видѣть, такъ какъ съ Павломъ Никитичемъ несчастіе-съ.

«Какое несчастіе»?—подумалъ Николай.—«Нѣтъ, знаю я эти несчастія! все это штуки... вотъ ужь на что пустился... но меня не проведетъ»!—И онъ почувствовалъ желаніе какъ можно скорѣе увидѣть этого человѣка и уличить его во лжи.

— Проводи его въ столовую! — приказалъ онъ лакею,

быстро исчезнувшему за дверью съ довольнымъ видомъ по поводу того, что все обошлось благополучно.

XVII.

Когда Николай вошелъ въ столовую, по стѣнамъ которой были развѣшаны дорогія старинныя тарелки разныхъ величинъ и рисунковъ, съ заставленною серебромъ горкою и массивнымъ готическимъ буфетомъ, — первое, что̀ обратило на себя его вниманіе, было блѣдное, какъ полотно, лицо Семена, въ широко раскрытыхъ глазахъ котораго былъ написанъ ужасъ, причемъ голова его тряслась, какъ въ лихорадкѣ.

— Батюшка... Николай Павловичъ!.. — вскрикнулъ онъ прерывающимся голосомъ, въ которомъ слышалось отчаяніе, бросаясь навстрѣчу къ входившему въ комнату, съ заложенными назадъ руками, Николаю, который остановился въ недоумѣніи. — Бѣда стряслась!.. Павелъ Никитичъ... Господи!..— онъ остановился, какъ бы не имѣя силъ договорить. «Неужели умеръ»? — подумалъ Николай, котораго эта мысль поразила болѣе всего потому, что онъ говорилъ еще сегодня утромъ съ отцомъ.

— Вхожу къ нимъ въ комнату, а они лежатъ на полу... бочкомъ... Я къ нимъ... а они смотрятъ такъ жалобно... такъ жалобно. Сердце во мнѣ перевернулось...

— Да говори толкомъ, что̀ съ нимъ такое!—перебилъ его Николай съ нетерпѣніемъ.

— Ни ручкой, ни ножкой... языка лишились!.. И смотрятъ такъ жалобно...—все болѣе задыхаясь, проговорилъ Семенъ.— Не выживутъ они, не вы-жи-вутъ!—какъ-то выкрикнулъ онъ вдругъ и, закрывъ лицо руками, громко разрыдался, вздрагивая всѣмъ своимъ худымъ тѣломъ.

«Ударъ»,—подумалъ Николай. Онъ вдругъ разгнѣвался и на то, что съ отцомъ его случился ударъ, — какъ будто бы тотъ былъ виноватъ въ этомъ,—и на то, что его приходятъ безпокоить какъ разъ въ то время, когда ему живется такъ хорошо и пріятно. «И вѣдь послѣ удара долго иногда живутъ... Вотъ не было печали»...—пронеслось у него въ головѣ.

— Вмѣсто того чтобы хныкать здѣсь, ты бы лучше за

докторомъ сходилъ! — сказалъ онъ такимъ тономъ, какимъ читаютъ обыкновенно наставленія.

— Ходилъ-съ, ходилъ-съ...—какъ-то всхлипывалъ Семенъ, отнимая руки отъ лица, по которому текли слезы. — Были они... сказали, что плохо... ледъ на голову положить велѣли-съ... говорили: спокойствіе нужно, уходъ большой требуется...

Что-то похожее на жалость защевелилось вдругъ въ душѣ Николая, и ему даже пришло въ голову, не поѣхать ли къ отцу; но онъ сейчасъ же поймалъ себя на этомъ чувствѣ, и ему стало досадно, что оно закралось къ нему и нарушило его спокойствіе. Къ тому же онъ вспомнилъ про сегодняшній бенефисъ Марьи Васильевны, на которомъ ему такъ хотѣлось щегольнуть своимъ подаркомъ, чтобы уколоть Усатина. Онъ собирался уже отпустить Семена, но ему стало вдругъ неловко передъ нимъ за то, что онъ не проявилъ по отношенію къ своему отцу никакого участія.

— Можешь идти! я завтра часамъ къ тремъ заѣду,— спокойно сказалъ онъ, причемъ его лицо сохранило свое обычное безстрастное выраженіе.

Эта черствая холодность поразила, какъ громомъ, Семена, который только теперь обратилъ вниманіе на то, какъ равнодушно отнесся Николай къ извѣстію о постигшемъ его отца несчастіи. «Какъ это?.. Господи!.. отецъ помираетъ, а они... хоть бы что... хоть бы жалость какую»... — думалъ онъ съ ужасомъ, широко раскрывъ глаза и присматриваясь съ недоумѣніемъ къ Николаю.

— Завтра?!—вырвалось у него и онъ заговорилъ съ растерянным видомъ, сначала тихо, а затѣмъ все возвышая голосъ—сегодня бы!.. имъ очень плохо. Кто знаетъ, на все воля Господня... помереть могутъ до завтраго... а съ ними... съ папенькой не проститься—великій грѣхъ!.. отвѣтъ передъ Богомъ держать надо будетъ... страшный отвѣтъ!..—Онъ сдѣлалъ удареніе на словѣ «страшный» и въ голосѣ его прозвучало что-то угрожающее, показавшееся Николаю оскорбительнымъ.

— Ты что это? учить меня, что ли, вздумалъ?—сказалъ онъ рѣзко, откидывая голову назадъ и опуская руки въ карманы.

— Батюшка!—испуганно воскликнулъ Семенъ, всплеснувъ

руками.—Страшно оно!—сказалъ онъ затѣмъ, вытягивая шею впередъ и прижимая къ груди свои сложенныя руки:—смерть великое дѣло, потому душа къ Богу отходитъ!.. всѣ помирать будемъ... а каково одному-то помирать, когда и глазъ закрыть некому? Вѣдь они — папенька вашъ! а кто ближе отца роднаго?!. Кто отца своего въ такое время забываетъ, того и Господь забудетъ въ царствіи Своемъ! — Голосъ Семена звучалъ теперь твердо, глаза блестѣли и во всей его фигурѣ дышало какое-то вдохновеніе.

Николай слушалъ его, сжавъ свои тонкія губы и слегка прищуривъ глаза, отчего его лицо приняло выраженіе гордаго презрѣнія. Все, что̀ говорилъ Семенъ, представлялось ему дикимъ и страннымъ, и онъ не могъ никакъ понять, зачѣмъ говорятъ ему объ этомъ. «Что онъ волнуется?.. ему-то что»?—подумалъ онъ съ озлобленіемъ и когда Семенъ замолчалъ, онъ повторилъ сухо:

— Завтра буду въ три часа,—и повернулся, чтобы выйти изъ комнаты.

— Николай Павловичъ! — раздался вдругъ за нимъ умоляющій голосъ Семена. «Что еще»? раздраженно подумалъ онъ, останавливаясь, и, повернувшись, посмотрѣлъ вопросительно на Семена, который въ смущеніи теребилъ дрожащими пальцами полы своего сюртука.

— Денегъ у нихъ нѣтъ-съ,—проговорилъ тотъ тихо, смотря съ мольбою на Николая, — послѣдніе три рубля доктору отдалъ... сами знаете, лѣкарства, ледъ...

«Неужели же откажутъ отцу родному?.. что́ тогда дѣлать»?.. тревожно думалъ Семенъ, слѣдя съ напряженнымъ вниманіемъ за Николаемъ, который стоялъ нѣсколько секундъ неподвижно, какъ будто бы обдумывая, ка́къ ему поступить. Сердце его замерло отъ страха и онъ вздохнулъ съ облегченіемъ только тогда, когда Николай медленно поднялъ руку и положилъ ее въ боковой карманъ фрака, чтобы достать бумажникъ. Развернувъ его, онъ вытащилъ нѣсколько сложенныхъ вмѣстѣ кредитокъ, причемъ сверху лежала сторублевая бумажка.

«Дать сто рублей»? подумалъ онъ, ухватившись за нее пальцами, но, вспомнивъ, что онъ приготовилъ всѣ эти деньги на сегодняшній вечеръ, досталъ изъ середины двадцать пять

рублей, которые, не трогаясь съ мѣста, протянулъ молча Семену, подбѣжавшему къ нему; а затѣмъ, не говоря ни слова, вышедъ изъ столовой, стуча высокими каблуками своихъ лакированныхъ ботинокъ.

«Звѣрь... звѣрь»!.. думалъ Семенъ, смотря вслѣдъ уходившему Николаю, и сердце его болѣзненно сжалось. Ему стало вдругъ страшно, что бываютъ такіе жестокіе безсердечные люди, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почувствовалъ жалость къ этимъ людямъ, не знавшимъ ни любви, ни сожалѣнія. Ему припомнился Горбунцовъ, одинокій и безпомощный, оставшійся теперь исключительно на его попеченіи. Онъ понялъ, какая огромная отвѣтственность лежала теперь на немъ и какъ тяжелы были выпавшія ему на долю обязанности; но какъ ни велика была эта навалившаяся на него тяжесть, онъ принималъ ее на себя безъ малѣйшаго ропота или колебанія, съ твердымъ намѣреніемъ исполнить до конца свой долгъ, священный долгъ любви по отношенію къ ближнему. «Прости имъ, Господи»! подумалъ онъ и поспѣшилъ идти къ Горбунцову, припоминая его жалобный взглядъ, которымъ тотъ какъ будто бы звалъ его къ себѣ.

XVIII.

Лампа съ зеленымъ стекляннымъ колпакомъ, горѣвшая на письменномъ столѣ, бросала яркое круглое пятно на потертое сукно, запачканное чернилами, обливала своимъ желтымъ свѣтомъ уголъ подзеркальнаго столика и спинку крытаго розовымъ кретономъ кресла, освѣщая вокругъ себя только небольшое пространство, отчего вся остальная часть комнаты была погружена въ тоскливый полумракъ, среди котораго выдѣлялась огромнымъ бѣлымъ пятномъ, точно привидѣніе, изразцовая печь и блестѣли серебряныя крышки стоявшихъ на комодѣ туалетныхъ принадлежностей. Особенно было темно за ширмами, гдѣ лежалъ на постели Горбунцовъ.

Онъ лежалъ неподвижно на спинѣ, вытянувъ руки вдоль своего тѣла, съ багровымъ лицомъ, вздувшимися жилами на вискахъ и воспаленными глазами, взглядъ которыхъ былъ устремленъ въ потолокъ. На головѣ у него лежалъ наполнен-

ный льдомъ резиновый мѣшокъ, который, — для того чтобы не давилъ своею тяжестью,— былъ подвязанъ веревочкой къ гвоздику, вколоченному въ заднюю стѣнку шкафа, приставленнаго къ изголовью кровати.

Съ той самой минуты, когда, упавъ на полъ и сдѣлавъ попытку сначала встать, а затѣмъ позвать на помощь, онъ убѣдился въ томъ, что у него отнялась правая сторона тѣла и онъ лишился способности рѣчи; имъ овладѣлъ паническій ужасъ, такъ какъ онъ почувствовалъ себя сразу живымъ мертвецомъ, вычеркнутымъ изъ числа всѣхъ прочихъ людей. Онъ могъ еще примириться съ лишеніемъ свободы въ передвиженіи, но невозможность владѣть языкомъ, невозможность высказывать свои мысли, чувства и желанія, приравнивавшая его къ безсловеснымъ животнымъ, дѣйствовала на него устрашающимъ образомъ и мысль о томъ, что онъ теперь не болѣе, какъ вещь, съ которою всякій можетъ поступать какъ угодно, упорно терзала и мучила его, не давая покоя. Не смотря на то, что прошло уже около шести часовъ съ тѣхъ поръ, какъ съ нимъ это случилось, онъ еще никакъ не могъ освоиться со своимъ непривычнымъ положеніемъ и ему все еще начинало казаться по временамъ, что теперь уже прошло безслѣдно его параличное состояніе. Съ горячею вѣрою въ то, что онъ не ошибается въ своихъ предположеніяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ тайнымъ страхомъ убѣдиться еще разъ въ противоположномъ, онъ напрягалъ съ замираніемъ сердца всю свою волю и дѣлалъ нечеловѣческія усилія, чтобы пошевельнуть правою рукою или ногою, но всѣ его попытки оказывались тщетными. Тогда ему стало страшно. Имъ овладѣло желаніе провѣрить себя. Онъ прикасался лѣвою рукою къ пораженной рукѣ, царапалъ ее, но она уже не чувствовала прикосновенія. Онъ хваталъ ее тогда лѣвою рукою за кисть и старался приподнять къ верху, но больная рука представляла собою огромную тяжесть, выскользала и, громко стуча, падала, какъ камень, на постель. И ему начинало казаться, что онъ трогалъ и приподнималъ руку какого-то мертвеца, лежавшаго рядомъ съ нимъ; но тутъ же ему приходило въ голову, что этотъ мертвецъ—онъ самъ и отъ этой мысли волосы шевелились у него на головѣ и морозъ пробѣгалъ по всему тѣлу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ начиналъ думать, что слу-

чившееся съ нимъ было началомъ умиранія и какъ ни была тягостна и тяжела для него теперь жизнь, какъ ни ужасно было его положеніе, мысль о близости смерти пугала его. Онъ убѣждался въ томъ, что высказывавшееся имъ столько разъ въ минуты отчаянія желаніе умереть было не болѣе, какъ пустою фразой, значенія которой онъ не понималъ. Имъ овладѣвала теперь жгучая жажда жизни; каждый его нервъ, каждая малѣйшая частичка его больнаго тѣла, казалось, трепетала, готовясь вступить въ страшную борьбу за поддержаніе своего существованія, но какой-то внутренній голосъ подсказывалъ ему, что всякая борьба будетъ безполезна... Тогда ему начинало казаться, что онъ чувствуетъ, какъ его сжали какіе-то сильные тиски, изъ которыхъ не вырваться никогда, и этими тисками была смерть, которая, какъ призракъ, стояла передъ нимъ,—стихійная, таинственная, неотвратимая, грозная и—главное—неизбѣжная, какъ паденіе внизъ камня, брошеннаго къ верху. И это сознаніе неизбѣжности смерти, сознаніе своего безсилія и безполезности борьбы съ тѣмъ, что̀ должно было и не могло не прійти, приводило его въ отчаяніе и леденило кровь, причемъ холодный потъ выступалъ у него крупными каплями на лбу.

Онъ не могъ опредѣлить, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ Семенъ, положивъ ему ледъ на голову и давъ принять іодъ, прописанный докторомъ, ушелъ куда-то и оставилъ его одного; но ему казалось, что съ тѣхъ поръ прошла уже цѣлая вѣчность. Ему захотѣлось посмотрѣть на часы, лежавшіе тутъ же на ночномъ столикѣ, и, по привычкѣ, онъ хотѣлъ протянуть къ нимъ руку, но она ему не повиновалась и онъ вспомнилъ съ ужасомъ, что она не дѣйствуетъ. Онъ сдѣлалъ тогда попытку достать часы лѣвою рукою, протянувъ ее поверхъ груди по направленію къ столику, стоявшему съ правой стороны, но всѣ его старанія были напрасны. Тогда онъ сталъ соображать, который часъ могъ бы быть теперь, и, судя по тому, что изъ коридора доносился по временамъ стукъ дверей, разговоры и звонъ посуды, пришелъ къ заключенію, что еще не очень поздно и, слѣдовательно, со времени ухода Семена прошло всего нѣсколько часовъ. Но что̀ значили эти нѣсколько часовъ, показавшіеся ему вѣчностью, въ сравненіи съ тѣми днями, недѣлями, а, можетъ быть, и мѣ-

сяцами, которые ему оставалось провести въ такой же томительной неподвижности, пока безжалостная смерть не превратитъ его, на половину умершее, тѣло въ трупъ? Какъ ни казалось ему ужаснымъ представить себѣ эти однообразныя томительныя недѣли, онъ примирялся съ ними, даже радовался при мысли о томъ, что онѣ отдѣляли его отъ поджидавшей смерти. «Если я проживу еще хоть бы три мѣсяца,—думалъ онъ, не допуская почему-то, что онъ могъ бы умереть и раньше,—это значитъ, что пройдетъ еще девяносто разъ по двадцать четыре... девяносто разъ двадцать—это цѣлая вѣчность»... Рѣшивъ, что безконечность еще отдѣляетъ его отъ смерти, онъ почувствовалъ облегченіе.

Ему стало неловко лежать. Отъ долгаго и неподвижнаго лежанія болѣли плечи, а въ поясницу впивалась какая-то бывшая на бѣльѣ складка, которая теперь раздражала его и, чтобы избавиться отъ нея, нужно было перемѣнить положеніе. Поэтому, приподнявшись на лѣвомъ локтѣ и упершись пяткою здоровой ноги въ постель, онъ сдѣлалъ усиліе сдвинуться мѣста, но правая сторона тѣла была точно прикована. Онъ сталъ помогать себѣ головою, откинувъ ее назадъ и упираясь въ подушку, напрягъ всѣ свои мышцы и чѣмъ труднѣе было преодолѣть препятствіе, тѣмъ болѣе проявлялъ онъ упорства, тѣмъ больше росло его раздраженіе, пока, окончательно выбившись изъ силъ, онъ не опустился опять на постель въ прежнемъ положеніи, весь въ испаринѣ, тяжело дыша и съ сильно бьющимся сердцемъ, какъ будто бы оно хотѣло выскочить изъ груди. «Не могу... не могу!.. Что я теперь»? думалъ онъ въ отчаяніи и почувствовалъ себя вдругъ въ положеніи червя, придавленнаго тяжелымъ камнемъ. И это страшное чувство, вмѣстѣ съ сознаніемъ своего безсилія и ничтожества, возбудило въ немъ бѣшеную злобу, которая заставила его стиснуть зубы и сжать лѣвую руку въ кулакъ. «Червякъ подъ камнемъ — думалось ему — и этимъ камнемъ придавилъ меня Коля!.. онъ, Коля, мой сынъ... Какая жалкая насмѣшка!.. Я жилъ имъ, а онъ меня убилъ»...

Опять онъ представилъ себѣ все, что̀ его ожидало, и опять грозный призракъ неизбѣжной смерти заставилъ его волосы зашевелиться на головѣ. Кровь застывала въ немъ и онъ впился глазами въ темный уголъ, гдѣ, какъ ему казалось,

колеблется что-то огромное, безформенное, отъ чего вѣетъ могильнымъ холодомъ, и онъ зналъ, онъ чувствовалъ, что это была смерть. «Я не хочу умирать! слышишь, не хочу, не хочу!—злобно повторялъ онъ про себя, обращаясь къ тому, что̀ копошилось тамъ въ углу.—Зачѣмъ ты здѣсь?!. кто звалъ тебя?!. кто»?!. Ему показалось вдругъ, что изъ темнаго угла на него смотрятъ чьи-то глаза, неподвижные, холодные, пронизывая его насквозь своимъ безжалостнымъ, точно стальнымъ взглядомъ, и онъ узналъ этотъ взглядъ. То былъ взглядъ Николая, какимъ онъ видѣлъ его тогда во снѣ. Дрожь пробѣжала у него по спинѣ. «Это онъ, онъ! Коля позвалъ тебя»! пронеслось у него съ ужасомъ въ мозгу и онъ подумалъ о томъ, что онъ былъ бы теперь здоровъ и не долженъ былъ бы умереть, еслибы не Николай, который былъ одинъ виноватъ въ томъ, что все это съ нимъ случилось. «Говорятъ, дѣти — утѣшеніе, опора въ старости, — думалось ему, — всѣ такъ думаютъ и я такъ думалъ... это обманъ, ложь! наглая ложь!.. дѣти—пытка! они—наказаніе! Дѣти — это змѣи, которыхъ родители отогрѣваютъ и откармливаютъ на своей груди. Когда они выростаютъ, они жалятъ своихъ родителей»!.. Пришедшая ему въ голову мысль о томъ, что онъ умираетъ по винѣ своего сына, стала мучить и терзать его, причиняя невыносимыя страданія, и эти страданія увеличивались въ своей болѣзненности отъ сознанія того, что онъ не можетъ высказать ихъ, не можетъ подѣлиться ими съ кѣмъ бы то ни было, а обреченъ теперь таить ихъ въ себѣ, страдая безмолвно, какъ безсловесное животное, причемъ никто и никогда не узнаетъ о нихъ.

Окончательно подавленный и обезсиленный испытываемыми имъ душевными муками, онъ закрылъ глаза въ изнеможеніи. Въ его воображеніи представилась съ необыкновенною ясностью вся картина его сегодняшняго разговора съ сыномъ и онъ ужаснулся опять той черствой безсердечности и грубому эгоизму, которые просвѣчивали въ каждомъ движеніи и каждомъ словѣ Николая. «Отчего дѣти выходятъ такими злыми? — подумалъ онъ. — Но развѣ всѣ они такія? вѣроятно, есть между ними и добрыя? Отчего же именно Николай вышелъ такимъ злымъ, и развѣ онъ былъ такимъ всегда»?.. Ему припомнился Николай въ то время, когда онъ

былъ еще годовалымъ ребенкомъ; его невинные, какъ будто бы удивленно смотрѣвшіе на міръ, глаза, которые онъ такъ любилъ, когда бралъ его къ себѣ на руки, а Николай, улыбаясь, теребилъ его усы своими крошечными, пухленькими ручонками съ маленькими ямочками около каждаго сустава крошечныхъ пальцевъ. При этомъ воспоминаніи онъ почувствовалъ какое-то умиленіе и на рѣсницахъ у него заблестѣли слезы... Затѣмъ ему представился Николай, какимъ онъ видѣлъ его сегодня утромъ: безжалостный взглядъ его холодныхъ сѣрыхъ глазъ, его тонкія, сжатыя губы, не знавшія кроткой улыбки, а только подергивавшіяся иногда какою-то злобною усмѣшкою, его выдающаяся впередъ челюсть, придававшая его лицу презрительное и жосткое выраженіе. Онъ содрогнулся и открылъ глаза, какъ бы желая убѣдиться, нѣтъ ли здѣсь этого непріятнаго лица... Какая огромная пропасть лежала между этими двумя Николаями, а это былъ одинъ и тотъ же человѣкъ. Отчего же произошла въ немъ такая страшная перемѣна, отчего?

«Развѣ вы поинтересовались когда нибудь заглянуть въ мою душу»? припомнились ему вдругъ слова Николая, и въ то же время онъ почувствовалъ, какъ будто бы что-то больно кольнуло его въ сердце. «Да, развѣ я, дѣйствительно, заглядывалъ когда нибудь къ нему въ душу? — подумалъ съ безпокойствомъ Горбунцовъ, — развѣ я зналъ, что̀ въ ней происходитъ? А въ ней, очевидно, шла многолѣтняя и сложная работа, если съ нимъ произошла такая перемѣна»... Онъ убѣждался въ томъ, что *внутренній міръ* его сына былъ ему совершенно неизвѣстенъ и что до сихъ поръ онъ даже какъ будто бы и не подозрѣвалъ о его существованіи. «Еслибы я зналъ, что̀ происходитъ у него въ душѣ, я могъ бы направлять и руководить душевнымъ его развитіемъ... можетъ быть, тогда Коля вышелъ бы совсѣмъ другимъ... Отчего же я не дѣлалъ этого? отчего?.. и дѣлалъ ли я вообще то, что̀ слѣдовало? А если я не дѣлалъ того, что̀ слѣдовало, то, можетъ быть, не Коля, а я самъ вановатъ, что онъ вышелъ такимъ?.. Если же это такъ, то за что же я проклялъ его?.. Неужели же я виноватъ? неужели это моя вина»? спрашивалъ онъ себя тревожно.

Въ первый разъ теперь ему пришло въ голову, что все

то, что онъ думалъ до сихъ поръ о своихъ отношеніяхъ къ сыну, было, можетъ быть, не такъ просто, какъ ему казалось, и эта мысль ошеломила его. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ онъ не могъ прійти въ себя, не могъ разобраться въ охватившемъ его вихрѣ мыслей, которыя вдругъ сразу нахлынули на него, такъ какъ то, о чемъ онъ подумалъ теперь, было для него и ново, и неожиданно, а чѣмъ неожиданнѣе бываетъ ударъ, тѣмъ большее производитъ онъ потрясеніе. Онъ почувствовалъ вдругъ, что та незыблемая почва, на которую онъ опирался до сихъ поръ, стала исчезать у него подъ ногами; но онъ слишкомъ долго стоялъ на ней и потому старался удержать ее какъ нибудь подъ собою. Но ему это не удавалось; почва ускользала все больше и больше изъ-подъ его ногъ и ему казалось, что онъ валится въ глубокую пропасть съ головокружительною быстротою, отъ которой у него захватывало дыханіе. Онъ былъ убѣжденъ всю свою жизнь, что его совѣсть чиста передъ сыномъ, и вдругъ теперь сталъ понимать,—хотя еще очень смутно и какъ будто бы больше сердцемъ, чѣмъ умомъ,—что не только онъ не исполнилъ по отношенію къ сыну лежавшаго на немъ долга, но даже былъ причиною его нравственной гибели. Зародившаяся въ немъ мысль, что на немъ, можетъ быть, лежала тяжелая отвѣтственность, которой онъ не подозрѣвалъ, стала расти, достигая все бо́льшихъ размѣровъ, душила его, какъ тяжелый кошмаръ, и выростала передъ нимъ въ огромный призракъ, который леденилъ его кровь, и этотъ новый призракъ, надвигавшійся на него подобно черной тучѣ, казался ему еще болѣе грознымъ, чѣмъ даже самая смерть, и вызывалъ въ немъ еще большій ужасъ, причиняя ему еще большія страданія, которыя увеличивались при мысли о томъ, что онъ самъ, а никто другой, былъ причиною своихъ мученій и что онъ понялъ свою вину слишкомъ поздно, когда не было уже возможности искупить ее и загладить...

Его душевныя муки достигли крайнихъ предѣловъ. Ему было страшно углубиться въ разрѣшеніе взволновавшаго его вопроса, такъ какъ онъ боялся прійти къ убѣжденію въ несомнѣнности того, что онъ теперь еще только смутно чувствовалъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая-то сила, какъ будто бы чья-то чужая властная воля, неудержимо толкала его идти,

не останавливаясь, по этому пути, не смотря на все то, что́ его тамъ ожидало. Его состояніе было похоже на положеніе человѣка, котораго заставляютъ насильно подкапываться подъ скалу, нависшую у него надъ головою, хотя онъ и сознаётъ, что отъ этого скала должна будетъ обрушиться и раздавить его... Онъ сталъ вдумываться въ свои отношенія къ сыну, и это причиняло ему боль, какъ будто бы онъ ощупывалъ нанесенную ему рану и въ какомъ-то изступленіи углублялся въ эту рану все больше и больше, хотя каждое прикосновеніе къ ней доставляло ему невыносимыя страданія. Это была какая-то пытка, какое-то самоистязаніе... «Неужели я виноватъ»? болѣзненно проносилось у него въ мозгу, по мѣрѣ того какъ онъ начиналъ постепенно убѣждаться въ томъ, что не исполнилъ по отношенію къ сыну всего, что̀ составляло его обязанность... Ему не лежалось теперь спокойно на мѣстѣ въ охватившемъ его волненіи. Еслибы онъ былъ здоровъ, онъ вскочилъ бы съ постели и сталъ ходить, но онъ былъ лишенъ и этой возможности, былъ прикованъ къ мѣсту... Онъ сбросилъ съ головы лежавшій на ней мѣшокъ со льдомъ, который давилъ его своею тяжестью, и, поворачивая свою голову то направо, то налѣво, ежеминутно прикладывалъ руку ко лбу, который горѣлъ теперь, какъ въ огнѣ; а затѣмъ откидывалъ ее въ сторону и безпокойно двигалъ здоровою ногою, то сгибая ее въ колѣнѣ и упираясь пяткою въ постель, то снова протягивая ее...

«Неужели я виноватъ»? думалось ему. «Я поступалъ, какъ всѣ... значитъ, всѣ ошибаются... не дѣлаютъ того, что́ должны. Коля сказалъ, что мало быть отцомъ, а нужно что нибудь сдѣлать для дѣтей... Что́ же нужно сдѣлать для нихъ? что̀ составляетъ обязанность родителей по отношенію къ дѣтямъ»?.. Его ужаснуло то, что онъ до сихъ поръ никогда не задавалъ себѣ этого простаго вопроса, который не приходилъ ему даже въ голову, а поступалъ, какъ всѣ, не думая о томъ, хорошо ли это было, или дурно. «За грѣхи дѣтей родители предъ Богомъ отвѣтъ держать должны»,—вспомнились ему слова Семена, и онъ видѣлъ въ нихъ теперь глубокій смыслъ, котораго раньше не подозрѣвалъ. «Значитъ, и я долженъ отвѣчать за Колю... Неужели я виноватъ»?.. спрашивалъ онъ себя съ возрастающимъ ужасомъ, и хотя какое-то чутье подсказывало ему, что

въ основаніи его отношеній къ сыну лежала какая-то неправда, какая-то ошибка, допущенная имъ и бывшая естественною причиною того, что произошло; но онъ не рѣшался открыто признаться въ своей винѣ, выроставшей въ его глазахъ до огромныхъ размѣровъ и давившей своею тяжестью, до тѣхъ поръ, пока у него будетъ хоть малѣйшій поводъ къ сомнѣнію. А для этого нужно было провѣрить теперь всю свою жизнь, съ новой открывшейся для него точки зрѣнія, и сдѣлать переоцѣнку всѣхъ своихъ понятій и убѣжденій, что́ требовало напряженія всѣхъ его духовныхъ силъ...

XIX.

Раздавшіеся къ коридорѣ голоса заставили Горбунцова возвратиться къ дѣйствительности. Онъ повернулся лицомъ къ двери и сталъ прислушиваться къ нимъ. Онъ узналъ эти голоса. Одинъ изъ нихъ, громкій—былъ голосъ мадамъ Шписъ, а другой, тихій — Семена. Они, очевидно, разговаривали далеко отъ его комнаты, такъ какъ словъ не было слышно, но, судя по тону, можно было легко понять, что мадамъ Шписъ настойчиво требовала чего-то, а Семенъ старался отговорить ее отъ этого требованія и о чемъ-то просилъ ее. «Семенъ пришелъ!.. слава богу»!.. подумалъ Горбунцовъ въ порывѣ охватившаго его радостнаго волненія, и у него стало вдругъ легко и пріятно на душѣ при мысли о томъ, что съ приходомъ Семена,—этого единственнаго близкаго ему существа,—онъ перестанетъ быть одинокимъ. Онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ приливъ какой-то бодрости и силы, заставившій его забыть свое ужасное положеніе.

«Семенъ, Семенъ»! хотѣлъ онъ крикнуть ему, но, вмѣсто словъ, у него вырвалось изъ груди какое-то неясное мычаніе, а въ то же мгновенье его мозгъ пронизало сознаніе того, что́ съ нимъ случилось, причемъ ему припомнилось сразу все, чѣмъ онъ мучился и терзался, и о чемъ ни Семенъ, ни кто нибудь другой не могли никогда узнать. Онъ увидѣлъ, что ему не нужно было ничьего присутствія. Онъ чувствовалъ потребность оставаться одному, никого не видѣть и не слышать, чтобы ничто не мѣшало ему исполнить какъ можно скорѣе ту задачу, которая ему предстояла, такъ какъ онъ сознавалъ,

что не сможетъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не найдетъ отвѣта на мучившіе его вопросы. «Зачѣмъ онъ пришелъ»? подумалъ онъ съ раздраженіемъ и, какъ бы желая спрятаться отъ Семена, который могъ теперь войти, повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

Между тѣмъ, голоса разговаривавшихъ приближались, и до Горбунцова стали уже явственно доноситься слова.

— Я сказаль,—кричала мадамъ Шписъ на своемъ ломаномъ русскомъ языкѣ,—деньги не платиль—нѣтъ квартиръ!

«Что это? она меня гонитъ?!—пронеслось, словно молнія, въ головѣ у Горбунцова.—Куда же я дѣнусь?.. куда?.. разбитый, безъ языка»... Весь ужасъ того, что ожидало его впереди, вдругъ сразу обрисовался передъ нимъ. Онъ повернулъ голову опять по направленію къ двери и замеръ, прислушиваясь къ тому, что скажетъ Семенъ.

— Голубушка... Шарлотта Ивановна, — умоляющимъ голосомъ говорилъ Семенъ,—да откуда имъ денегъ теперь взять?.. Будьте благодѣтельницей... потерпите еще!.. немного потерпите!

— Терпить! терпить!—злобно сказала она,—я много терпиль! шесть мѣсяцъ терпиль! а больше не желай! Слишишь, не желай!

«Куда я дѣнусь, куда дѣнусь?!.. Господи, помоги!.. что дѣлать»?! проносилось въ головѣ у Горбунцова, который почувствовалъ, что силы оставляютъ его передъ надвигавшимся на него новымъ бѣдствіемъ.

— Бога вы не боитесь,—взволнованнымъ голосомъ заговорилъ Семенъ,—еще они услышать могутъ... убьетъ это ихъ.

— Слишаль?.. пускай слишаль! — продолжала кричать Шписъ,—какой церемоній! я самъ ему пойду сказаль!..—И было слышно, какъ она быстро направилась къ двери.

— Не ходите... больны они очень... больны очень...—прерывающимся шопотомъ повторялъ Семенъ, но мадамъ Шписъ отворила дверь и, входя въ комнату, закричала, не обращая никакого вниманія на то, что за ширмами ее долженъ былъ слышать Горбунцовъ:

— У меня квартиръ, а не больницъ!.. Больной дольженъ больницъ лежать!—Она подошла къ ширмамъ и взглянула на Горбунцова такъ, какъ смотрятъ не на живаго человѣка, котораго стѣсняются, а на трупъ или на животное.

«Куда я дѣнусь? куда дѣнусь»?!—думалъ, съежившись, Горбунцовъ, присматриваясь съ ужасомъ къ худой, какъ щепка, точно засушенной, фигурѣ мадамъ Шписъ и къ ея, обрамленному сѣдыми буклями, лицу, на которомъ злобно сверкали узенькіе глазки.

«Er wird noch sterben», пронеслось въ головѣ у мадамъ Шписъ при видѣ багроваго лица Горбунцова со вздувшимися жилами на вискахъ. Она подумала вдругъ о томъ, какое непріятное впечатлѣніе произведетъ его смерть на жильцовъ «und dann kommt noch die Polizei. Er muss weg davon»! рѣшила она и, повернувшись назадъ къ дрожавшему, какъ въ лихорадкѣ, Семену, она, топая ногою, крикнула ему, очевидно, не считая нужнымъ обращаться къ Горбунцову:

— Сичасъ фортъ!.. фортъ сичасъ!

«Какъ собаку... какъ собаку»!.. подумалъ Горбунцовъ, у котораго холодный потъ выступилъ на лбу, такъ какъ съ нимъ дѣлали теперь то, чего онъ всегда такъ опасался. Онъ видѣлъ себя уже выброшеннымъ на улицу, гдѣ, какъ ему казалось, долженъ былъ умереть подъ заборомъ, и ему представилась видѣнная имъ картина: клочокъ свинцоваго неба, деревянный заборъ, а возлѣ него, въ канавѣ, полузанесенный снѣгомъ человѣкъ...

— Какъ сейчасъ?! — почти шопотомъ спросилъ Семенъ, раскрывая широко глаза, которыми онъ впился въ мадамъ Шписъ.—Сейчасъ?!—повторилъ онъ громче и въ голосѣ его послышался ужасъ.—Да какъ же это?.. я въ толкъ не возьму... теперь ночью-то... куда же я ихъ дѣну? Воля ваша я не могу-съ!—добавилъ онъ твердо—не могу-съ! И такого права вы не имѣете, чтобы больнаго человѣка выгонять!

«Was thut es dem dummen Kerl da»? подумала съ раздраженіемъ мадамъ Шписъ, которая не могла никакъ понять, отчего это Семенъ, не получавшій, какъ она знала, жалованья и жившій впроголодь, заступался такъ горячо за своего барина.

— Правъ?.. я буду показать сичасъ мой правъ! — рѣзко сказала она, упираясь въ бока своими костлявыми руками.— Если послѣ одинъ часъ вашъ будетъ здѣсь—она указала при этомъ пальцемъ на полъ—я будетъ снимать форточки!

– Бога вы не боитесь... креста на васъ нѣтъ!..—повто-

рялъ прерывающимся голосомъ Семенъ. — Да куда же я ихъ дѣну!?. Господи... куда я ихъ дѣну?!. — спрашивалъ онъ съ отчаяніемъ, ломая себѣ руки. «Никого, никого, кто бы помогъ. Господи, спаси!.. спаси»!.. думалъ онъ, сознавая свою безпомощность и въ то же время ту страшную отвѣтственность, которая лежала теперь на немъ одномъ.

— Въ больницъ! въ больницъ!—закричала мадамъ Шписъ въ какомъ-то изступленіи и направилась къ выходу.—Сичасъ фортъ! сичасъ фортъ!—крикнула она еще разъ, оборачиваясь на порогѣ, и вышла въ коридоръ, хлопнувъ дверью.

«Заморозитъ, сниметъ форточки, загубитъ его... загубитъ»... быстро проносилось въ мозгу у Семена, который стоялъ нѣсколько секундъ въ оцѣпененіи. «Спасать надо... спасать!.. въ больницу»! встрепенулся онъ вдругъ и, остановившись на этомъ рѣшеніи, побѣжалъ за ширмы.

«Какъ собаку!.. какъ собаку»!.. думалъ, между тѣмъ, Горбунцовъ. По той развязности, съ которою держала себя мадамъ Шписъ, по взгляду, которымъ она на него смотрѣла, по ея обращенію не къ нему, а къ Семену, онъ видѣлъ ясно, что на него смотрятъ теперь, какъ на вещь, съ которою можно поступить какъ угодно, не считаясь ни съ его волею, ни съ его желаніемъ. Кровь ударила ему въ голову при этой обидной для него мысли. Не будучи въ состояніи снести такое тяжкое оскорбленіе, онъ возмутился всѣмъ существомъ своимъ противъ насилія надъ нимъ и униженія его личнаго достоинства. «По какому праву гонитъ она меня? какъ она смѣетъ»?! пронеслось у него въ мозгу и ему захотѣлось вдругъ доказать, что онъ не вещь, что у него есть еще своя личная воля. «Не хочу въ больницу, не хочу»! повторялъ онъ про себя, напрягая всю свою волю, чтобы выкрикнуть эти слова, но у него выходило только какое-то дикое «лла-лла! лла-лла! лла-лла»! Невозможность говорить приводила его въ раздраженіе, почти въ бѣшенство. «Не хочу», подумалъ онъ съ еще бо́льшимъ напряженіемъ и, сдѣлавъ надъ собою нечеловѣческое усиліе, крикнулъ «лла-лла»! еще громче. И въ то же время, почувствовавъ свое полное безсиліе, онъ заплакалъ отъ отчаянія, выкрикивая «уа! уа»! какъ маленькій ребенокъ.

Отъ этого крика у Семена морозъ пробѣжалъ по кожѣ. Онъ наклонился надъ Горбунцовымъ, любовно глядя на него

сквозь навернувшіяся на глаза слезы, которыя быстро закапали съ его заморгавшихъ рѣсницъ, и заговорилъ ласково, причемъ горячая любовь и душевная теплота звучали въ каждомъ его словѣ.

— Не плачьте, батюшка Павелъ Никитичъ, дорогой мой!.. милый, не плачьте... пусть Богъ ей проститъ!—Онъ махнулъ при этомъ рукою назадъ по направленію къ двери. — А мы въ лѣчебницу поѣдемъ... тамъ вамъ лучше будетъ; тамъ тепло, хорошо, и докторъ есть, и аптека, и сестры милосердныя прислуживать будутъ...

Ласковый голосъ Семена подѣйствовалъ на Горбунцова успокоительно, какъ дѣйствуетъ тихая колыбельная пѣсня на расплакавшагося ребенка. Онъ пересталъ кричать и только крупныя слезы еще лились у него изъ глазъ, стекая по щекамъ на подушку.

— Нехорошо плакать! — продолжалъ тѣмъ же голосомъ Семенъ. — Вотъ вы себя только напрасно растревожили... а докторъ велѣлъ, чтобы было спокойствіе. И ледъ съ головки сбросили!—сказалъ онъ съ ласковымъ упрекомъ, кладя мѣшокъ на голову Горбунцову, — а тамъ вамъ хорошо будетъ, спокойно... дастъ Богъ, скоро поправитесь, совсѣмъ здоровы будете!.. Надо только туда скорѣе, пока не поздно... Я васъ на минутку оставлю, только за каретой сбѣгаю.—Онъ замолчалъ и, выпрямившись, посмотрѣлъ нѣсколько секундъ на Горбунцова, который пересталъ уже плакать.—Я сію минуту... только за каретой сбѣгаю! — повторилъ онъ еще разъ и вышелъ на цыпочкахъ изъ комнаты.

«Мука имъ, мука-то какая! Господи! Ты все можешь; спаси ихъ! воздвигни ихъ отъ болѣзни»!.. — подумалъ онъ, осторожно закрывая дверь за собою.

Послѣ сильнаго возбужденія, у Горбунцова наступилъ полный упадокъ силъ, причемъ имъ овладѣло полное равнодушіе ко всему окружающему. Онъ закрылъ въ изнеможеніи глаза и лежалъ теперь, не шевелясь, погруженный въ какое-то полудремотное состояніе...

Раздавшійся около постели шорохъ заставилъ его вдругъ открыть глаза, которые встрѣтились съ чьимъ-то направленнымъ на него взглядомъ. Онъ всмотрѣлся въ стоявшую передъ нимъ фигуру и узналъ Матвѣича; но при этомъ не почув-

ствовалъ ни страха, ни удивленія, какъ будто бы изъ его памяти исчезло, зачѣмъ приходилъ къ нему Матвѣичъ, и какъ будто бы тотъ долженъ былъ быть здѣсь въ данную минуту. Окинувъ Матвѣича взглядомъ, онъ продолжалъ равнодушно смотрѣть на него, не думая о немъ, какъ смотрятъ машинально на какую нибудь вещь только потому, что она торчитъ передъ глазами.

Между тѣмъ, Матвѣичъ присматривался къ нему внимательно. Онъ вошелъ уже давно въ соглашеніе со швейцаромъ, обѣщавъ дать ему на чай, если тотъ сообщитъ о какой бы то ни было перемѣнѣ, которая произойдетъ съ Горбунцовымъ, и вотъ, узнавъ сегодня отъ присланнаго швейцаромъ мальчика, что съ Горбунцовымъ ударъ, онъ поспѣшилъ прійти, чтобы убѣдиться лично, въ какомъ положеніи тотъ находится. «Помретъ, безпремѣнно помретъ!—думалъ онъ, присматриваясь къ равнодушному и, какъ ему казалось, безсмысленному взгляду Горбунцова,—а тамъ денежки поминай какъ звали! Охъ, дуракъ, дуракъ!.. кабы я къ нему искъ по векселю раньше подалъ, такъ, пожалуй, онъ бы еще отъ сынка выклянчилъ, чтобы тотъ его отъ сраму избавилъ, а теперь что? Къ мертвому не предъявишь. Сунешься къ сыну — не таковской онъ—къ чорту прогонитъ... эхъ, сжалился да сплоховалъ»!.. Ему стало обидно и досадно, что деньги должны были пропасть, хотя онѣ составляли только часть того, что́ было имъ накрадено у Горбунцова въ то время, когда онъ служилъ у него, и что́ легло въ основаніе его теперешняго благосостоянія.

Взглядъ его упалъ случайно на лежавшіе на ночномъ столикѣ золотые часы. «Рублей триста стоютъ», подумалъ онъ и въ то же время ему пришло въ голову, не взять ли эти часы въ видѣ вознагражденія хотя бы за часть того убытка, который онъ несъ. «Взять или не взять?—проносилось у него въ мозгу,—ему вѣдь не нужны, коли помретъ... возьму!.. а если крикнетъ да люди придутъ, скажу, что онъ такъ въ болѣзни крикнулъ... Не разскажетъ, безсловесный вѣдь онъ... возьму»! Ему было, однако, почему-то страшно исполнить свое намѣреніе. Онъ простоялъ нѣсколько секундъ въ нерѣшительности, не спуская глазъ со смотрѣвшаго на него по прежнему Горбунцова.

— Павелъ Никитичъ!—окликнулъ онъ его вдругъ, желая убѣдиться въ томъ, что тотъ не окажетъ ему сопротивленія.— Павелъ Никитичъ!—сказалъ онъ еще разъ, подходя къ столику. Сердце его усиленно билось въ ожиданіи отвѣта, но Горбунцовъ молчалъ. «Чего бояться-то?.. бери»! — подумалъ онъ и, оглянувшись, сталъ медленно протягивать руку, впиваясь въ Горбунцова взглядомъ. «Крикнетъ или не крикнетъ»? промелькнуло у него въ головѣ. Затѣмъ, зажавъ часы въ руку, онъ быстро опустилъ ихъ въ карманъ и направился къ двери. «Воръ»! подсказалъ ему какой-то голосъ, но онъ тотчасъ же заглушилъ его, подумавъ: «не укралъ, а свое взялъ... и то сколько за нимъ, дьяволомъ, пропадаетъ».

Горбунцовъ видѣлъ ясно все, что̀ сдѣлалъ Матвѣичъ. «Я вещь! вещь»! подумалъ онъ, но эта мысль не испугала его теперь, такъ какъ онъ уже свыкся съ нею. Да и что̀ значила для него пропажа часовъ въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ его ожидало. Онъ закрылъ опять глаза и погрузился въ полузабытье.

Онъ очнулся только тогда, когда въ комнату вошелъ Семенъ въ сопровожденіи швейцара и двухъ дворниковъ, которые внесли съ собою въ комнату какой-то особенный запахъ. Одинъ изъ нихъ, красный, высокій, широкоплечій, съ окладистою русою бородою, въ нагольномъ тулупѣ, валенкахъ и барашковой шапкѣ, которой онъ не снялъ при входѣ въ комнату, подошелъ развязно къ ширмамъ и взглянулъ съ любопытствомъ на Горбунцова. «Готовъ»! подумалъ онъ, потеревъ при этомъ почему-то самодовольно руки; а затѣмъ сталъ расхаживать нетерпѣливо по комнатѣ своими большими неуклюжими шагами, недовольный тѣмъ, что его позвали отъ воротъ, гдѣ онъ только что началъ заигрывать съ горничной изъ сосѣдняго дома. «Скорѣй бы выносить,—думалось ему,— а то Машка, чай, сейчасъ назадъ изъ лавочки побѣжитъ. Потомъ гдѣ ее поймаешь? И дернулъ чортъ нѣмку гнать его теперь въ шею». Другой дворникъ невысокаго роста, съ узкими плечами, впалою грудью и худымъ желтымъ лицомъ, вокругъ котораго висѣла бахромкою рѣденькая рыжеватая бороденка, остановился почтительно у дверей, перекрестившись предварительно размашистымъ крестомъ на висѣвшую въ углу маленькую, почернѣвшую отъ времени, иконку, и изрѣдка покашливалъ, теребя рукою бѣлый фартукъ, надѣтый поверхъ

жилета, изъ-подъ котораго виднѣлись концы ярко красной вязаной шерстяной фуфайки. «Хоша и баринъ, а помирать надоть», думалъ онъ, смотря на постель, отъ которой теперь были отодвинуты ширмы, и гдѣ, одѣвая Горбунцова, суетился Семенъ вмѣстѣ съ помогавшимъ ему швейцаромъ, красивымъ брюнетомъ съ лихо закрученными усиками. «А должно жалко имъ помирать, потому жисть привольная: ни тебѣ дровъ таскать, ни улицы мести... лежи на боку да покуривай. И ѣсть сладко: кажинный день тебѣ мясо, чаю, сахару — сколько хошь. Кажись, живи себѣ... анъ нѣтъ! помирать надоть»! И онъ подумалъ о томъ, что нечего завидовать господамъ, такъ какъ и они все равно должны умирать, а, между тѣмъ, умирать для нихъ гораздо труднѣе.

Такъ какъ шуба Горбунцова была заложена, а на дворѣ стоялъ двадцатиградусный морозъ, то Семенъ надѣлъ на него сначала лѣтнее пальто, а затѣмъ осеннее и приготовилъ свое теплое пальто и одѣяло, чтобы его закутать; самъ же остался въ рваномъ легонькомъ пальтишкѣ.

— Вотъ мы теперь рукавъ надѣнемъ... вотъ такъ! — приговаривалъ онъ, обращаясь къ Горбунцову, какъ къ ребенку, и осторожно продѣвая его больную руку въ рукавъ пальто.— А теперь застегнемъ... и воротничокъ подымемъ... все теплѣе будетъ...

Но Горбунцовъ не слушалъ Семена. «Пришли... возьмутъ... выбросятъ на улицу, какъ собаку... какъ собаку»... думалъ онъ, переводя свой испуганный взглядъ,—подобный тому, которымъ смотритъ затравленный звѣрь на своихъ преслѣдователей, — то на одного дворника, то на другаго, то на швейцара. «Еслибы Коля былъ добрый... любилъ бы меня, онъ бы меня защитилъ, не позволилъ бы... но неужели я самъ, самъ сдѣлалъ его злымъ, самъ оттолкнулъ отъ себя? Неужели я виноватъ»?.. И онъ сталъ опять искать отвѣта на мучившіе его вопросы, забывъ обо всемъ окружающемъ. И только тогда, когда Семенъ поднялъ его правую руку, висѣвшую, какъ плеть, онъ посмотрѣлъ на нее жалобно и, вспомнивъ о своей безпомощности, тихо заплакалъ.

«Плачетъ, сердечный... помирать не хочетъ», подумалъ блѣдный дворникъ, которому стало жаль Горбунцова, и, почувствовавъ, что у него навертываются слезы, отвер-

нулся и началъ съ равнодушнымъ видомъ осматривать комнату.

— Идите сюда! — позвалъ Семенъ шопотомъ дворниковъ, махнувъ имъ рукою, и засуетился.

— Ты, Николай, возьми справа, а ты, Емельянъ, слѣва!.. Не такъ, не такъ, тише! — остановилъ онъ плечистаго дворника, который грубо ухватилъ Горбунцова за руку.

— Не такъ! не такъ!—дерзко огрызнулся тотъ,—ишь командеръ какой нашелся!.. коли не такъ, такъ потрафляй самъ!

— Нѣтъ, братъ, ты лучше стань сюда, а ты туда! — продолжалъ суетиться Семенъ, не обращая на это никакого вниманія.—Ну теперь такъ... теперь подымай, да осторожнѣе!

— Э-эхъ! э-эхъ!—закряхтѣлъ узкоплечій дворникъ, напрягаясь всѣми своими мускулами, и подумалъ: «точно три вязки дровъ... и здоровъ же, а помираетъ».

Когда Горбунцова подняли и понесли, онъ окинулъ глазами, съ какою-то болѣзненною грустью, каждый уголъ комнаты, съ которою ему стало теперь жалко разставаться. Еще такъ недавно она казалась ему могилою, а теперь представлялась ему раемъ, изъ котораго выгоняли куда-то туда, гдѣ его ожидало что-то новое, страшное. Онъ представилъ себѣ опять деревянный заборъ, надъ которымъ распростерлось свинцовое небо, и лежащаго въ канавѣ человѣка, занесеннаго снѣгомъ... Взглядъ его остановился вдругъ на освѣщенной лампою спинкѣ кресла, объ которое онъ ударился, когда упалъ сегодня утромъ, и мгновенно въ немъ воскресло все то, что онъ перечувствовалъ во время разговора съ сыномъ.

«Вѣдь я его проклялъ... А что если Богъ наказалъ меня за то, что я его проклялъ, когда я самъ виноватъ»? съ ужасомъ подумалъ онъ и, закрывъ глаза, сталъ опять болѣзненно перебирать въ головѣ мельчайшія подробности своихъ отношеній къ сыну. Онъ открылъ глаза только тогда, когда морозъ сталъ щипать его лицо и сильный холодъ охватилъ его, пронизывая насквозь тѣло. Онъ увидѣлъ, что его вынесли уже изъ подъѣзда, передъ которымъ стояла громоздкая карета, запряженная парою вороныхъ заморенныхъ лошадей, съ выпятившимися ребрами, изъ которыхъ одна стояла, уныло опустивъ голову, а другая оглядывалась назадъ, какъ бы

наблюдая за тѣмъ, какъ кучеръ, наклонившись на бокъ, зажигалъ фонари, удерживая съ трудомъ спичку въ своихъ окоченѣвшихъ пальцахъ. Онъ перевелъ свой взглядъ наверхъ, тдѣ распростерлось ясное морозное небо, которое поразило его теперь своимъ величіемъ. Какое-то умиротворяющее спокойствіе наполнило его душу при видѣ милліоновъ ярко мерцавшихъ звѣздъ, — этихъ далекихъ огромныхъ міровъ, которые тысячи лѣтъ совершаютъ свой путь по необъятнымъ пространствамъ мірозданія. Ему показалось теперь, что онъ ощущаетъ какую-то связь, соединяющую его съ Верховнымъ Существомъ, понимающимъ безъ словъ испытываемыя имъ душевныя страданія, которыхъ онъ не можетъ уже выразить никому на землѣ, и онъ почувствовалъ себя вдругъ не такимъ заброшеннымъ и одинокимъ, какъ прежде. А когда его положили въ карету и она тронулась, визжа колесами по смерзшемуся снѣгу, онъ старался поймать взглядомъ сквозь стекло хотя бы уголокъ звѣзднаго неба, напоминавшаго ему о томъ Существѣ, которое одно только было теперь съ нимъ и понимало его...

XX.

Палата, въ которую положили Горбунцова, была узкая и длинная комната съ бѣлыми голыми стѣнами, низъ которыхъ былъ выкрашенъ въ ростъ человѣка сѣрою масляною краскою съ узенькою синею каймою по верхнему краю. Вдоль одной изъ стѣнъ, бокомъ къ двумъ большимъ окнамъ со старыми покривившимися переплетами, были разставлены въ рядъ десять кроватей съ небольшими промежутками. Въ то время, когда принесли Горбунцова, девять изъ нихъ было уже занято и его положили на единственную свободную, стоявшую почти у самаго окна, чему онъ очень обрадовался, такъ какъ отсюда виднѣлось все то же ясное звѣздное небо, видъ котораго доставлялъ ему такое облегченіе. Смотря на мерцаніе то какъ бы потухавшихъ, то снова вспыхивавшихъ яркимъ свѣтомъ звѣздъ, онъ забылъ и безчеловѣчный поступокъ мадамъ Шписъ, выгнавшей его къ ночи, какъ собаку, на улицу, и гнетущее тяжелое впечатлѣніе, произведенное на него палатою, когда его проносили мимо кроватей, и онъ

присматривался къ изможденнымъ страданіями лицамъ больныхъ, изъ которыхъ двое лежали въ бреду. Особенно поразило его изнуренное худое лицо старика съ широко раскрытыми и смотрящими въ одну точку стеклянными глазами, который произносилъ какія-то никому непонятныя слова съ выраженіемъ ужаса передъ тѣмъ, что̀ не было видимо для другихъ и представлялось только его взору...

Было уже около двухъ часовъ ночи. Бредившіе больные затихли и въ палатѣ наступила тишина, среди которой слышалось только тяжелое, порывистое дыханіе спящихъ, изрѣдка прерываемое стономъ и движеніемъ того или другаго больнаго на кровати. Горбунцовъ лежалъ на спинѣ, повернувшись лицомъ къ окну, и не спускалъ своего неподвижнаго взгляда съ звѣзднаго неба, не замѣчая ни стоявшаго у него въ ногахъ, со скрещенными на груди руками, блѣднаго Семена, ни дремавшей на стулѣ, возлѣ кровати, сидѣлки, которая, то, покачиваясь, опускала все ниже и ниже свою голову, то вдругъ, вздрагивая, откидывала ее назадъ и открывала глаза.

Его надломленный болѣзнью организмъ не выдержалъ тяжелыхъ нравственныхъ потрясеній и съ того времени, какъ его привезли въ больницу, ему становилось все хуже и хуже. Имъ овладѣла необыкновенная болѣзненная слабость. Онъ чувствовалъ, какъ его силы, подобно водѣ, выливающейся изъ плохо закрытаго крана, покидали его капля за каплей, какъ медленнѣе и медленнѣе работало его сердце, какъ все тяжелѣе и тяжелѣе становилось ему дышать... Онъ умиралъ, сознавая съ необыкновенною ясностью, что наступили его послѣднія минуты; чувствовалъ близость носившейся надъ нимъ смерти, обдававшей его своимъ дыханіемъ; но онъ не боялся ея теперь и ему казалось даже страннымъ, отчего онъ боялся ея раньше. Онъ не ощущалъ никакого страданія и не испытывалъ страха при мысли о томъ, что черезъ нѣсколько часовъ онъ превратится въ ничто, какъ будто бы онъ отдѣлился уже духомъ отъ тѣла и это превращеніе не касалось его, а относилось только къ тѣлу, которое уже не принадлежало ему. Онъ чувствовалъ также, что смерть не страшна ему и физически, такъ какъ, прислушиваясь къ постепенному замиранію жизни, онъ испытывалъ даже пріятное ощущеніе,

подобное тому, которое испытываетъ человѣкъ, засыпая послѣ долгаго, утомительнаго трудоваго дня, а все увеличивающаяся слабость разливалась по его тѣлу чѣмъ-то успокаивающимъ, нѣжащимъ и ласкающимъ. «Смерть — это сонъ, — думалось ему. — Кто бодрствуетъ, тотъ долженъ заснуть; кто живетъ, долженъ умереть. Нельзя всегда бодрствовать, нельзя вѣчно жить»... Онъ представилъ себѣ безконечную жизнь безъ смерти и она показалась ему нелѣпостью. «Отчего же мы не боимся сна и боимся смерти»? И ему показалось страннымъ, что люди боятся смерти, такъ какъ онъ сознавалъ теперь всѣмъ своимъ существомъ, что смерть не была чѣмъ-то ужаснымъ и загадочнымъ, не была тѣмъ угрожающимъ призракомъ, который злорадно подкарауливаетъ людей, какъ онъ представлялъ ее себѣ раньше; но была необходимымъ звеномъ въ цѣпи земнаго существованія, была проста и ясна, какъ просто и ясно все въ природѣ. Ему казался теперь смѣшнымъ его прежній страхъ смерти и ему стало досадно на себя за тѣ часы ненужныхъ и напрасныхъ мученій, которыя онъ создалъ себѣ самъ, подъ вліяніемъ одного только воображенія...

Онъ испытывалъ теперь незнакомое ему до сихъ поръ и, по своей новизнѣ, странное чувство. Ему казалось, что онъ переступилъ за какую-то черту, изъ-за которой уже не было возврата, — черту, отдѣлявшую его теперь отъ всѣхъ людей, отъ всего существующаго міра съ его интересами, радостями и страданіями, какъ будто бы существовала граница между областью жизни и областью смерти. Онъ чувствовалъ, что вступилъ уже въ эту область смерти, хотя и не умеръ еще въ дѣйствительности, и, оглядываясь невольно изъ этой области назадъ, видѣлъ всю свою жизнь точно съ птичьяго полета, во всѣхъ ея подробностяхъ, замѣчая съ удивительною отчетливостью каждую скважинку, каждое пятнышко, которыя были на ней и которыхъ онъ не видѣлъ никогда раньше. Онъ сталъ обсуждать развертывавшуюся передъ нимъ жизнь, мучительно ища въ ней отвѣта на волновавшій его теперь съ особенною силою вопросъ о своихъ отношеніяхъ къ сыну, такъ какъ онъ чувствовалъ потребность, прежде чѣмъ умереть, какъ бы исповѣдаться передъ самимъ собою во всѣхъ своихъ ошибкахъ и проступкахъ, изъ числа которыхъ вина его пе-

редъ сыномъ представлялась ему самою ужасною и самою тяжелою. «Такъ ли я жилъ?.. Такъ ли я относился къ Колѣ, какъ требовалъ мой долгъ»? спрашивалъ онъ себя и съ безпощаднымъ безпристрастіемъ, какъ будто бы онъ судилъ не себя, а кого нибудь другаго, сознавался онъ теперь во всѣхъ своихъ дурныхъ поступкахъ, не скрывая отъ себя ничего, какъ бы это ни было ужасно. Онъ не могъ теперь лгать, не могъ обманывать себя,—какъ дѣлалъ это обыкновенно прежде, стараясь найти оправданіе для своихъ поступковъ, — такъ какъ все условное и ложное, чѣмъ онъ руководствовался въ жизни, спало точно чешуя съ его души, какъ только онъ перешагнулъ въ область смерти. И онъ понималъ, что только теперь и здѣсь, за тою чертою, которую онъ перешагнулъ, все, что́ онъ видѣлъ и понималъ, было правдой, тогда какъ то, что́ онъ видѣлъ и понималъ, находясь по ту сторону этой черты, было ложью, которою онъ себя обманывалъ.

Не смотря на все увеличивавшуюся общую слабость, мозгъ его усиленно и быстро работалъ съ необыкновенною ясностью, работалъ даже лучше и быстрѣе, чѣмъ когда либо, какъ будто бы онъ торопился сдѣлать теперь какъ можно больше, прежде чѣмъ ему придется остановить свою дѣятельность навсегда. «Любилъ ли я Колю?.. сдѣлалъ ли для него все, что́ долженъ былъ сдѣлать»? спрашивалъ себя Горбунцовъ и, разбирая свои поступки по отношенію къ нему, постепенно убѣждался съ ужасомъ въ томъ, что онъ ошибался до сихъ поръ, когда думалъ, что любилъ своего сына и исполнилъ всѣ свои обязанности.

Онъ вспомнилъ свою женитьбу и то, какъ, прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, который онъ считалъ серьезнымъ, онъ обсудилъ до мельчайшихъ подробностей все, что́ представлялось ему тогда важнымъ. Онъ подсчиталъ въ точности, сколько будетъ у нихъ вмѣстѣ годоваго дохода; обдумалъ, какъ они поѣдутъ за границу, составивъ для этого маршрутъ городамъ, черезъ которые они поѣдутъ, и обозначивъ, сколько времени и гдѣ они тамъ пробудутъ; сдѣлалъ планъ того, какъ они устроютъ свою квартиру, причемъ мѣнялъ по нѣсколько разъ предположенія о томъ, куда поставить письменный столъ и повѣсить ту или другую картину; обдумалъ, какіе дни

будутъ назначены у нихъ для пріема и сколько баловъ будетъ у нихъ въ годъ... Для него стало ясно теперь, что все это не было важнымъ, между тѣмъ какъ важно было именно то, о чемъ онъ тогда совсѣмъ и не думалъ. Такъ, онъ ни на минуту не останавливался на мысли о томъ, пригоденъ ли онъ, по своимъ наклонностямъ, къ семейной жизни, и не оцѣнилъ ни ума, ни характера своей будущей жены, на которой собирался жениться, во-первыхъ, потому, что она нравилась ему физически: во-вторыхъ, по той причинѣ, что она обладала хорошимъ вкусомъ и умѣла красиво и изящно одѣваться, и, въ-третьихъ, такъ какъ она была очень богата. Точно также онъ ни разу не подумалъ о томъ, что̀ должно было составлять его главную и самую важную заботу, — о дѣтяхъ и о томъ, въ чемъ должны будутъ заключаться его главныя обязанности по отношенію къ нимъ и въ состояніи ли онъ будетъ исполнить ихъ... Ему показалось страннымъ теперь, что онъ не думалъ объ этомъ тогда, между тѣмъ какъ въ точности обдумалъ заранѣе, будетъ ли онъ въ состояніи держать двѣ или три пары лошадей, и обсудилъ, что въ своей новой квартирѣ онъ поставитъ подареннаго ему однимъ пріятелемъ фарфороваго китайскаго болванчика на отдѣльномъ столикѣ, непремѣнно возлѣ дивана въ кабинетѣ...

О томъ, что у него могутъ быть дѣти, онъ подумалъ въ первый разъ только тогда, когда узналъ отъ жены объ ея беременности. Это извѣстіе, поразившее его своею неожиданностью,—какъ будто бы онъ не предполагалъ раньше даже самой возможности чего либо подобнаго,—подѣйствовало на него крайне непріятно, даже вызвало въ немъ злобное раздраженіе при мысли о томъ, что рожденіе ребенка нарушитъ обычную колею ихъ веселой, удачно наладившейся жизни; но, не смотря на это, онъ старался почему-то увѣрить и жену, и себя, что ему очень пріятно при мысли сдѣлаться отцомъ. «Я не любилъ Колю уже до его рожденія», рѣшилъ онъ теперь...

Ему припомнилось далѣе, ка́къ за нѣсколько мѣсяцевъ до рожденія сына онъ долго и подробно обсуждалъ съ женою казавшійся имъ очень важнымъ вопросъ о томъ, въ какомъ магазинѣ заказать колыбельку, причемъ ихъ очень безпо-
какого цвѣта ее сдѣлать, розовою или голубою, въ

виду неизвѣстности, будетъ ли мальчикъ, или дѣвочка; а также и о томъ, какой костюмъ сшить для кормилицы. Они рѣшили непремѣнно взять кормилицу, не остановившись ни разу на мысли, полезно или вредно это будетъ для ихъ ребенка, только потому, что такъ было для нихъ удобнѣе и пріятнѣе. Имъ не приходило также заранѣе въ голову, какъ будутъ они воспитывать этого ребенка, какъ будто бы и это вовсе не было важно, а цвѣтъ колыбельки и костюмъ кормилицы составляли именно то, чего требовали отъ нихъ родительскія обязанности. «Все это было не то, не то,—думалось ему,— а я былъ убѣжденъ, что исполняю свой долгъ, дѣлаю важное дѣло».

Потомъ родился Николай. Роды были настолько трудны, что жизни его жены угрожала опасность. Съ какою злобою, даже почти съ ненавистью, смотрѣлъ онъ въ первый разъ на маленькое, красное, громко кричавшее существо, едва не отнявшее у него жены, заставившее его пережить двѣ мучительныхъ недѣли и внесшее съ собою въ ихъ спокойную до того жизнь множество страданій и непріятностей. «Я ненавидѣлъ его тогда, — подумалъ онъ, — зачѣмъ же я притворялся, лгалъ и себѣ, и другимъ, принималъ поздравленія, пилъ шампанское и выражалъ радость»? Его тогдашняя ложь показалась ему теперь противною и гадкою.

«Зато я полюбилъ его потомъ», пришло ему утѣшеніе въ голову, когда припомнилось, какъ онъ любилъ брать Колю къ себѣ на руки, подбрасывать, цѣловать его, и какъ онъ гордился, когда его сына, всего въ кружевахъ, выносили въ гостинную и гости восторгались имъ. Но онъ убѣдился тотчасъ же, что и это было ложью, потому что онъ любилъ своего сына, какъ любятъ красивую игрушку, когда она насъ забавляетъ, какъ любятъ породистую собаку или лошадь, которою можно похвастать передъ другими...

Между тѣмъ, Николай подросталъ и началось то, что онъ называлъ «воспитаніемъ». Онъ вспомнилъ, какъ онъ наказывалъ и ставилъ въ уголъ своего сына, всхлипывавшаго отъ подавленныхъ рыданій и вытиравшаго кулачками слезы, за каждую сломанную игрушку, за разорванную рубашку, за пролитый на скатерть чай, или крикъ, съ которымъ тотъ начиналъ иногда бѣгать по всѣмъ комнатамъ, играя въ раз-

бойники или лошадки, и какъ онъ гладилъ его по головѣ и давалъ ему конфетку или пряникъ, когда Коля былъ «умникомъ», то есть когда съ нимъ ничего подобнаго не случалось или когда онъ, выходя въ гостинную, какъ слѣдуетъ, шаркалъ ножкою... «Это была дрессировка; такъ учатъ лошадей кланяться въ циркахъ, — пришло ему въ голову. — Я наказывалъ его не потому, что тотъ или другой поступокъ былъ нехорошъ или вреденъ для Коли, а потому, что онъ былъ непріятенъ мнѣ... такъ и лошадь въ циркѣ бьютъ не потому, что ей вредно то, что она не поклонилась, а потому, что это непріятно для обучающихъ ее. Что́ же Коля долженъ былъ думать обо мнѣ»?.. «Я васъ боялся»! прозвучали у него въ ушахъ слова Николая. «Да, онъ меня боялся», подумалъ онъ, припоминая себѣ, какъ его сынъ избѣгалъ встрѣчаться съ нимъ и притихалъ, точно съеживался, когда отецъ входилъ къ нему въ дѣтскую, изъ которой до него доносился веселый передъ тѣмъ, непринужденный смѣхъ. «Онъ меня боялся... а я думалъ, что онъ слушаетъ меня изъ уваженія. Это былъ страхъ, а гдѣ есть страхъ, тамъ нѣтъ уваженія»! припомнились ему вдругъ слова, сказанныя Николаемъ. «Онъ правъ, правъ! я самъ уничтожилъ въ немъ это уваженіе... Какъ же я могу требовать его теперь? Да, да, я запугалъ его, убилъ въ немъ веселость, убилъ дѣтскую искренность, сдѣлалъ скрытнымъ. Я исковеркалъ его, исковеркалъ»! повторялъ онъ про себя съ возрастающимъ ужасомъ, понявъ только теперь, что, можетъ быть, тамъ, въ этомъ далекомъ прошломъ, въ этихъ мелкихъ ежедневныхъ пустякахъ,—таилось начало всего того злаго, безсердечнаго и отталкивающаго, что́ такъ пугало его теперь въ Николаѣ, и что тогда же имъ самимъ было брошено въ землю зерно, разросшееся теперь въ дерево огромныхъ размѣровъ.

Чѣмъ больше думалъ Горбунцовъ, тѣмъ больше убѣждался въ томъ, что онъ никогда не любилъ своего сына, и тѣмъ больше росла эта вина въ его глазахъ. А въ то же время мозгъ, дошедшій до какого-то необыкновенно сильнаго напряженія, работалъ все быстрѣе и быстрѣе, вызывая въ памяти, одна за другою, давно забытыя имъ картины и съ удивительною ясностью, подобно скальпелю анатома, обнажалъ передъ Горбунцовымъ самыя сокровенныя движенія его души,

которыми онъ руководствовался въ своихъ поступкахъ, вставшихъ теперь передъ его глазами въ надлежащемъ освѣщеніи, во всей своей наготѣ. И эта нагота поражала его тою безпощадною правдою, которую нельзя было заглушить никакою ложью, такъ какъ эта правда, подобно бѣшеному потоку лавы, выливающейся изъ кратера вулкана, неудержимо прорывалась наружу и больно колола въ глаза, заставляя его содрогаться до глубины души...

Ему припомнилось, какъ Николай, едва достигнувъ десятилѣтняго возраста, былъ отданъ имъ въ привилегированное закрытое учебное заведеніе. «Зачѣмъ я оторвалъ его отъ семьи?—подумалъ онъ,—развѣ это было нужно»? И тутъ же увидѣлъ ясно, что это вовсе не вызывалось необходимостью. По своимъ средствамъ, онъ могъ нанять десятокъ лучшихъ учителей и дать сыну домашнее образованіе, но онъ поступилъ такъ потому, что въ такомъ случаѣ на немъ самомъ лежала бы отвѣтственность за успѣшность и правильность образованія, а, между тѣмъ, что̀ могло быть проще, какъ свалить эту отвѣтственность на тѣхъ патентованныхъ образователей, которые охотно принимали къ себѣ разныхъ Ваничекъ, Количекъ и Петенекъ, обѣщая не только начинить ихъ головы цѣлымъ ворохомъ разныхъ тонкостей латинской грамматики,—отъ которыхъ они должны были непремѣнно поумнѣть,—но и воспитать ихъ разнообразные характеры втискиваніемъ въ однѣ и тѣ же рамки. Его ужаснуло что онъ не побоялся тогда довѣрить имъ своего сына, а въ то же время долго испытывалъ каждаго новаго кучера, прежде чѣмъ рѣшался поручить ему уходъ за своими лошадьми...

Къ тому же онъ помнилъ ясно, какъ разсчитывалъ тогда, что домашнее образованіе стоило бы втрое дороже, чѣмъ въ училищѣ, и ему показалось теперь страннымъ, что онъ тратилъ въ годъ на образованіе сына въ шесть разъ меньше, чѣмъ стоила одна его квартира, какъ будто бы оно было менѣе важно, чѣмъ лѣпные потолки, десятки ненужныхъ комнатъ и мраморныя лѣстницы.

XXI.

Все больше и больше онъ убѣждался, что въ его жизни воспитаніе сына было чѣмъ-то не только второстепеннымъ,

но и совершенно побочнымъ, происходившимъ безъ всякаго его участія, подобно паутинѣ, приставшей къ шляпѣ въ лѣсу, на которую никто не обращалъ вниманія и которая тянется за идущимъ только потому, что она пристала. Въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, пока сынъ былъ въ училищѣ, онъ видѣлся съ нимъ только разъ въ недѣлю, когда тотъ приходилъ домой по субботамъ, и то онъ видѣлъ его только за чаемъ, завтракомъ и обѣдомъ, причемъ избѣгалъ заговаривать съ нимъ обо всемъ, что̀ касалось порядковъ въ училищѣ и образованія, опасаясь, какъ бы Николай не началъ чего нибудь осуждать, и какъ бы не пришлось съ нимъ поспорить. Онъ посвящалъ своему сыну только пятнадцать минутъ въ недѣлю, когда, передъ его уходомъ въ училище, просматривалъ полученные имъ баллы, причемъ находилъ нужнымъ, — считая это своею обязанностью,—дѣлать ему всегда строгіе выговоры за каждый дурной баллъ, не стараясь вникнуть, почему Николай получилъ его? потому ли что не приготовилъ заданнаго ему урока, или же потому, что его учитель проигралъ наканунѣ въ винтъ три рубля. А, между тѣмъ, онъ заходилъ каждый день въ конюшню, вникая во всѣ мельчайшія подробности, и не находилъ себѣ покоя по цѣлымъ часамъ, если замѣчалъ, что «Лордъ» или «Дюкъ» послѣ ковки слегка припадалъ на ногу, добиваясь, почему это могло произойти,—отъ неловко вбитаго гвоздя, или же отъ дурно пригнанной подковы... И, не смотря на это, онъ находилъ возможнымъ, въ разговорахъ со знакомыми, говорить о трудности воспитанія, о тягости родительскихъ обязанностей; о томъ горѣ, которое причиняютъ дѣти, и былъ глубоко убѣжденъ тогда, что говоритъ правду. «А вѣдь это была ложь, подлая ложь!—пронеслось у него въ головѣ. — Еслибы я зналъ тогда, что̀ говорилъ!.. Еслибы я понималъ, какой глубокій смыслъ заключался въ тѣхъ пустыхъ фразахъ, которыми я себя обманывалъ!.. Я много говорилъ, но какъ я мало дѣлалъ»! мучительно думалъ онъ, убѣждаясь въ томъ, что сынъ и его воспитаніе были тѣмъ, о чемъ онъ меньше всего думалъ и меньше всего заботился въ своей жизни.

«Какъ же я могъ увѣрять себя, что сдѣлалъ для него все, когда я не сдѣлалъ и милліонной доли того, что̀ могъ и долженъ былъ исполнить?.. И то немногое, что̀ я сдѣлалъ, было

совсѣмъ не то, что̀ требовалось отъ меня. Я далъ ему жизнь, но развѣ я думалъ какую страшную отвѣственность налагало на меня то, что я далъ ему эту жизнь? Я далъ ему жизнь и забросилъ, предоставивъ самому себѣ, но развѣ можно посадить дерево и оставить его безъ ухода? Оно заглохнетъ, если не освобождать его отъ дикихъ растеній, которыя заглушаютъ его; оно выростетъ кривымъ, если его не подстригать и не поддерживать. Какъ же можно думать, что изъ груднаго младенца выдетъ хорошій человѣкъ, если не имѣть ухода за его душою?.. Вѣдь душа въ человѣкѣ—все; хорошій и дурной человѣкъ отличаются другъ отъ друга не манерами, съ которыми они кланяются, не баллами, которые получили, а характеромъ, душою. А развѣ я не поступалъ какъ разъ наоборотъ? Я училъ его красиво шаркать ножкою, но развѣ я заглядывалъ къ нему въ душу? И это какъ разъ въ то время, когда въ ней зарождались тысячи вопросовъ, когда она только что начинала распускаться, какъ цвѣтокъ, для котораго достаточно малѣйшаго вѣтерка, чтобы онъ погибъ?.. И если дерево выростаетъ криво или глохнетъ, то виновато не дерево, а виноватъ тотъ, кто посадилъ его и не ухаживалъ за нимъ... И какъ странно, что у людей существуютъ цѣлыя науки о томъ, ка̀къ лучше всего воспитывать деревья; есть школы и академіи, гдѣ обучаютъ этимъ наукамъ, а въ то же время нѣтъ науки, нѣтъ школы, гдѣ бы обучали тому, ка̀къ слѣдуетъ воспитывать дѣтей. Между тѣмъ, изъ числа всѣхъ живущихъ на землѣ ка̀къ мало людей, которые занимаются садоводствомъ, а дѣти есть почти у всѣхъ... какъ будто бы важнѣе вырастить нѣсколько тысячъ деревьевъ, чѣмъ воспитать милліоны людей!.. Люди ожидаютъ отъ своихъ дѣтей уваженія и любви, и ужасаются потомъ, когда встрѣчаютъ съ ихъ стороны презрѣніе и безсердечность. Они похожи на того человѣка, который, посѣявъ чертополохъ, ожидалъ бы пшеницы и ужасался бы потомъ, что выросла не пшеница, а чертополохъ, — потому что нельзя ожидать любви тамъ, гдѣ она и не была посѣяна. Эгоизмъ родитъ эгоизмъ, а любовь рождается только любовью. По какому же праву могу я требовать отъ Коли любви, когда самъ никогда, никогда не любилъ его?.. Все, что̀ я дѣлалъ для него, я дѣлалъ не потому, что это было бы для него лучше и полезнѣе, а только по-

тому, что это было пріятнѣе для меня самого. Я былъ эгоистъ и онъ вышелъ эгоистомъ. Я ужаснулся этому, но вѣдь въ немъ я нашелъ, какъ въ зеркалѣ, только отраженіе самого себя! развѣ я училъ его добру? развѣ могъ научить ему? Нельзя учить добру, будучи самому злымъ, потому что учить этому можно не словами, а только поступками. Слова, не оправдываемыя поступками, остаются словами и не приносятъ плода... Я говорилъ ему всегда, что люблю его; но въ то же время давалъ чувствовать, что не люблю. Я училъ его не лгать, но лгалъ самъ и ему, и женѣ, и знакомымъ... говорилъ ему о нравственности, а самъ измѣнялъ своей женѣ на его глазахъ и даже бросилъ ее... Какъ же могъ я требовать, чтобы онъ вѣрилъ моимъ словамъ, если я самъ имъ не вѣрилъ? вѣдь смѣшно было бы проповѣдывать людямъ уваженіе къ чужой собственности и въ то же время красть открыто на глазахъ у нихъ, а я кралъ у него на глазахъ, потому что не любилъ его»! Ему стало страшно, что, гоняясь въ теченіе всей жизни за мишурой, за ничего не стоющими пустяками, онъ упустилъ изъ виду самое важное и самое главное, такъ какъ не можетъ быть ничего важнѣе, какъ сдѣлать изъ своего ребенка хорошаго человѣка. Онъ понялъ ясно теперь, что если сдѣлаться физически отцомъ очень легко, то быть имъ нравственно—весьма трудно, точно также какъ легко бросить зерно въ землю, но трудно вырастить его. А если зерно бросаютъ въ землю, то не для того, чтобы оно погибло, а чтобы выросло какъ можно пышнѣе и лучше. «Отчего же, когда родился Коля, я не подумалъ о томъ, какую тяжелую задачу взялъ на себя»?.. Ему стало страшно за свое легкомысліе, страшно за ту отвѣтственность, которая лежала на немъ теперь: онъ понялъ, какую огромную отвѣтственность передъ человѣчествомъ несетъ тотъ, кто дурно воспитываетъ своихъ дѣтей, такъ какъ и его дѣти будутъ также воспитывать своихъ... Во что же превратятся тогда послѣдующія поколѣнія?.. Его стала пугать отвѣтственность передъ Николаемъ, который имѣлъ право упрекать его, могъ сказать ему: «если ты не сдѣлалъ изъ меня хорошаго человѣка, зачѣмъ же ты меня родилъ»?

И въ то же самое время Горбунцовъ почувствовалъ, что онъ только въ эту минуту, полюбилъ своего сына,

полюбилъ его такимъ, какимъ онъ былъ теперь, со всѣми его недостатками, со всѣми пороками, потому что понялъ, отчего онъ вышелъ такимъ, а понять — значитъ простить и полюбить. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая-то жалость къ Николаю охватила его. Ему стало до болѣзненности жаль его молодой зачерствѣвшей души, его окаменѣлаго сердца. Чувство горячей, искренней, настоящей любви къ сыну нахлынуло на него съ необычною силою, заставивъ сильнѣе забиться его умирающее сердце, и вся та злоба, вся та ненависть, которыя онъ чувствовалъ до сихъ поръ, мгновенно исчезли. Онъ прощалъ все зло, которое Николай дѣлалъ ему, прощалъ всѣ оскорбленія, которыя тотъ ему причинилъ, прощалъ всѣ свои страданія, прощалъ и свою смерть... Онъ почувствовалъ вдругъ страстное, непреодолимое желаніе увидѣть теперь Николая, обнять его, приласкать, прижать къ себѣ, сказать ему, что онъ его прощаетъ, что любитъ его такъ, какъ никогда не любилъ, а въ то же время онъ сознавалъ, что это невозможно, потому что еслибы его сынъ и былъ даже здѣсь, онъ не смогъ бы ему передать ничего изъ того, что передумалъ и выстрадалъ. «Коля, Коля!.. гдѣ ты?.. мальчикъ мой, милый»!.. повторялъ онъ про тебя въ отчаяніи, и изъ его глазъ, неподвижно устремленныхъ на звѣзды, полились слезы, смачивая подушку... «Еслибы я могъ ему сказать... предупредить его!.. у него есть дѣти... онъ самъ отецъ... еслибы я могъ раскрыть свою душу, онъ бы ужаснулся тому, что я выстрадалъ, онъ понялъ бы и, можетъ быть, измѣнился»... И, не смотря на очевидную невозможность исполнить то, чего онъ желалъ, онъ сдѣлалъ попытку приподняться на постели и хоть знаками выразить свое желаніе, чтобы позвали его сына. Но онъ могъ только едва-едва приподнять голову, которая тотчасъ же упала на подушку. «Поздно, поздно!.. онъ не узнаетъ этого никогда, никогда»!.. подумалъ онъ съ ужасомъ, и эта мысль придавила его, точно свалившаяся вдругъ тяжесть, изъ-подъ которой нельзя больше выбраться...

«Звѣзды гаснутъ»—пронеслось у него въ головѣ, такъ какъ ему показалось, что свѣтъ внезапно ослабѣлъ. Онъ сталъ усиленно присматриваться къ нимъ и замѣтилъ, какъ будто бы какой-то туманъ началъ застилать ихъ отъ него. Онъ повернулъ съ усиліемъ голову и посмотрѣлъ на спускавшуюся съ

подобное тому, которое испытываетъ человѣкъ, засыпая послѣ долгаго, утомительнаго трудоваго дня, а все увеличивающаяся слабость разливалась по его тѣлу чѣмъ-то успокаивающимъ, нѣжащимъ и ласкающимъ. «Смерть — это сонъ, — думалось ему. — Кто бодрствуетъ, тотъ долженъ заснуть; кто живетъ, долженъ умереть. Нельзя всегда бодрствовать, нельзя вѣчно жить»... Онъ представилъ себѣ безконечную жизнь безъ смерти и она показалась ему нелѣпостью. «Отчего же мы не боимся сна и боимся смерти»? И ему показалось страннымъ, что люди боятся смерти, такъ какъ онъ сознавалъ теперь всѣмъ своимъ существомъ, что смерть не была чѣмъ-то ужаснымъ и загадочнымъ, не была тѣмъ угрожающимъ призракомъ, который злорадно подкарауливаетъ людей, какъ онъ представлялъ ее себѣ раньше; но была необходимымъ звеномъ въ цѣпи земнаго существованія, была проста и ясна, какъ просто и ясно все въ природѣ. Ему казался теперь смѣшнымъ его прежній страхъ смерти и ему стало досадно на себя за тѣ часы ненужныхъ и напрасныхъ мученій, которыя онъ создалъ себѣ самъ, подъ вліяніемъ одного только воображенія...

Онъ испытывалъ теперь незнакомое ему до сихъ поръ и, по своей новизнѣ, странное чувство. Ему казалось, что онъ переступилъ за какую-то черту, изъ-за которой уже не было возврата, — черту, отдѣлявшую его теперь отъ всѣхъ людей, отъ всего существующаго міра съ его интересами, радостями и страданіями, какъ будто бы существовала граница между областью жизни и областью смерти. Онъ чувствовалъ, что вступилъ уже въ эту область смерти, хотя и не умеръ еще въ дѣйствительности, и, оглядываясь невольно изъ этой области назадъ, видѣлъ всю свою жизнь точно съ птичьяго полета, во всѣхъ ея подробностяхъ, замѣчая съ удивительною отчетливостью каждую скважинку, каждое пятнышко, которыя были на ней и которыхъ онъ не видѣлъ никогда раньше. Онъ сталъ обсуждать развертывавшуюся передъ нимъ жизнь, мучительно ища въ ней отвѣта на волновавшій его теперь съ особенною силою вопросъ о своихъ отношеніяхъ къ сыну, такъ какъ онъ чувствовалъ потребность, прежде чѣмъ умреть, какъ бы исповѣдаться передъ самимъ собою во всѣхъ своихъ ошибкахъ и простушкахъ, изъ числа которыхъ вина его пе-

редъ сыномъ представлялась ему самою ужасною и самою тяжелою. «Такъ ли я жилъ?.. Такъ ли я относился къ Колѣ, какъ требовалъ мой долгъ»? спрашивалъ онъ себя и съ безпощаднымъ безпристрастіемъ, какъ будто бы онъ судилъ не себя, а кого нибудь другаго, сознавался онъ теперь во всѣхъ своихъ дурныхъ поступкахъ, не скрывая отъ себя ничего, какъ бы это ни было ужасно. Онъ не могъ теперь лгать, не могъ обманывать себя,—какъ дѣлалъ это обыкновенно прежде, стараясь найти оправданіе для своихъ поступковъ, — такъ какъ все условное и ложное, чѣмъ онъ руководствовался въ жизни, спало точно чешуя съ его души, какъ только онъ перешагнулъ въ область смерти. И онъ понималъ, что только теперь и здѣсь, за тою чертою, которую онъ перешагнулъ, все, что́ онъ видѣлъ и понималъ, было правдой, тогда какъ то, что́ онъ видѣлъ и понималъ, находясь по ту сторону этой черты, было ложью, которою онъ себя обманывалъ.

Не смотря на все увеличивавшуюся общую слабость, мозгъ его усиленно и быстро работалъ съ необыкновенною ясностью, работалъ даже лучше и быстрѣе, чѣмъ когда либо, какъ будто бы онъ торопился сдѣлать теперь какъ можно больше, прежде чѣмъ ему придется остановить свою дѣятельность навсегда. «Любилъ ли я Колю?.. сдѣлалъ ли для него все, что́ долженъ былъ сдѣлать»? спрашивалъ себя Горбунцовъ и, разбирая свои поступки по отношенію къ нему, постепенно убѣждался съ ужасомъ въ томъ, что онъ ошибался до сихъ поръ, когда думалъ, что любилъ своего сына и исполнилъ всѣ свои обязанности.

Онъ вспомнилъ свою женитьбу и то, какъ, прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, который онъ считалъ серьезнымъ, онъ обсудилъ до мельчайшихъ подробностей все, что́ представлялось ему тогда важнымъ. Онъ подсчиталъ въ точности, сколько будетъ у нихъ вмѣстѣ годоваго дохода; обдумалъ, какъ они поѣдутъ за границу, составивъ для этого маршрутъ городамъ, черезъ которые они поѣдутъ, и обозначивъ, сколько времени и гдѣ они тамъ пробудутъ; сдѣлалъ планъ того, какъ они устроютъ свою квартиру, причемъ мѣнялъ по нѣсколько разъ предположенія о томъ, куда поставить письменный столъ и повѣсить ту или другую картину; обдумалъ, какіе дни

будутъ назначены у нихъ для пріема и сколько баловъ будетъ у нихъ въ годъ... Для него стало ясно теперь, что все это не было важнымъ, между тѣмъ какъ важно было именно то, о чемъ онъ тогда совсѣмъ и не думалъ. Такъ, онъ ни на минуту не останавливался на мысли о томъ, пригоденъ ли онъ, по своимъ наклонностямъ, къ семейной жизни, и не оцѣнилъ ни ума, ни характера своей будущей жены, на которой собирался жениться, во-первыхъ, потому, что она нравилась ему физически; во-вторыхъ, по той причинѣ, что она обладала хорошимъ вкусомъ и умѣла красиво и изящно одѣваться, и, въ-третьихъ, такъ какъ она была очень богата. Точно также онъ ни разу не подумалъ о томъ, что̀ должно было составлять его главную и самую важную заботу, — о дѣтяхъ и о томъ, въ чемъ должны будутъ заключаться его главныя обязанности по отношенію къ нимъ и въ состояніи ли онъ будетъ исполнить ихъ... Ему показалось страннымъ теперь, что онъ не думалъ объ этомъ тогда, между тѣмъ какъ въ точности обдумалъ заранѣе, будетъ ли онъ въ состояніи держать двѣ или три пары лошадей, и обсудилъ, что въ своей новой квартирѣ онъ поставитъ подареннаго ему однимъ пріятелемъ фарфороваго китайскаго болванчика на отдѣльномъ столикѣ, непремѣнно возлѣ дивана въ кабинетѣ...

О томъ, что у него могутъ быть дѣти, онъ подумалъ въ первый разъ только тогда, когда узналъ отъ жены объ ея беременности. Это извѣстіе, поразившее его своею неожиданностью,—какъ будто бы онъ не предполагалъ раньше даже самой возможности чего либо подобнаго,—подѣйствовало на него крайне непріятно, даже вызвало въ немъ злобное раздраженіе при мысли о томъ, что рожденіе ребенка нарушитъ обычную колею ихъ веселой, удачно наладившейся жизни; но, не смотря на это, онъ старался почему-то увѣрить и жену, и себя, что ему очень пріятно при мысли сдѣлаться отцомъ. «Я не любилъ Колю уже до его рожденія», рѣшилъ онъ теперь...

Ему припомнилось далѣе, ка́къ за нѣсколько мѣсяцевъ до рожденія сына онъ долго и подробно обсуждалъ съ женою казавшійся имъ очень важнымъ вопросъ о томъ, въ какомъ магазинѣ заказать колыбельку, причемъ ихъ очень безпокоило, какого цвѣта ее сдѣлать, розовою или голубою, въ

виду неизвѣстности, будетъ ли мальчикъ, или дѣвочка; а также и о томъ, какой костюмъ сшить для кормилицы. Они рѣшили непремѣнно взять кормилицу, не остановившись ни разу на мысли, полезно или вредно это будетъ для ихъ ребенка, только потому, что такъ было для нихъ удобнѣе и пріятнѣе. Имъ не приходило также заранѣе въ голову, какъ будутъ они воспитывать этого ребенка, какъ будто бы и это вовсе не было важно, а цвѣтъ колыбельки и костюмъ кормилицы составляли именно то, чего требовали отъ нихъ родительскія обязанности. «Все это было не то, не то,—думалось ему,— а я былъ убѣжденъ, что исполняю свой долгъ, дѣлаю важное дѣло».

Потомъ родился Николай. Роды были настолько трудны, что жизни его жены угрожала опасность. Съ какою злобою, даже почти съ ненавистью, смотрѣлъ онъ въ первый разъ на маленькое, красное, громко кричавшее существо, едва не отнявшее у него жены, заставившее его пережить двѣ мучительныхъ недѣли и внесшее съ собою въ ихъ спокойную до того жизнь множество страданій и непріятностей. «Я ненавидѣлъ его тогда, — подумалъ онъ, — зачѣмъ же я притворялся, лгалъ и себѣ, и другимъ, принималъ поздравленія, пилъ шампанское и выражалъ радость»? Его тогдашняя ложь показалась ему теперь противною и гадкою.

«Зато я полюбилъ его потомъ», пришло ему утѣшеніе въ голову, когда припомнилось, какъ онъ любилъ брать Колю къ себѣ на руки, подбрасывать, цѣловать его, и какъ онъ гордился, когда его сына, всего въ кружевахъ, выносили въ гостинную и гости восторгались имъ. Но онъ убѣдился тотчасъ же, что и это было ложью, потому что онъ любилъ своего сына, какъ любятъ красивую игрушку, когда она насъ забавляетъ, какъ любятъ породистую собаку или лошадь, которою можно похвастать передъ другими...

Между тѣмъ, Николай подросталъ и началось то, что онъ называлъ «воспитаніемъ». Онъ вспомнилъ, какъ онъ наказывалъ и ставилъ въ уголъ своего сына, всхлипывавшаго отъ подавленныхъ рыданій и вытиравшаго кулачками слезы, за каждую сломанную игрушку, за разорванную рубашку, за пролитый на скатерть чай, или крикъ, съ которымъ тотъ начиналъ иногда бѣгать по всѣмъ комнатамъ, играя въ раз-

бойники или лошадки, и какъ онъ гладилъ его по головѣ и давалъ ему конфетку или пряникъ, когда Коля былъ «умникомъ», то есть когда съ нимъ ничего подобнаго не случалось или когда онъ, выходя въ гостинную, какъ слѣдуетъ, шаркалъ ножкою... «Это была дрессировка; такъ учатъ лошадей кланяться въ циркахъ, — пришло ему въ голову. — Я наказывалъ его не потому, что тотъ или другой поступокъ былъ нехорошъ или вреденъ для Коли, а потому, что онъ былъ непріятенъ мнѣ... такъ и лошадь въ циркѣ бьютъ не потому, что ей вредно то, что она не поклонилась, а потому, что это непріятно для обучающихъ ее. Что же Коля долженъ былъ думать обо мнѣ»?.. «Я васъ боялся»! прозвучали у него въ ушахъ слова Николая. «Да, онъ меня боялся», подумалъ онъ, припоминая себѣ, какъ его сынъ избѣгалъ встрѣчаться съ нимъ и притихалъ, точно съеживался, когда отецъ входилъ къ нему въ дѣтскую, изъ которой до него доносился веселый передъ тѣмъ, непринужденный смѣхъ. «Онъ меня боялся... а я думалъ, что онъ слушаетъ меня изъ уваженія. Это былъ страхъ, а гдѣ есть страхъ, тамъ нѣтъ уваженія»! припомнились ему вдругъ слова, сказанныя Николаемъ. «Онъ правъ, правъ! я самъ уничтожилъ въ немъ это уваженіе... Какъ же я могу требовать его теперь? Да, да, я запугалъ его, убилъ въ немъ веселость, убилъ дѣтскую искренность, сдѣлалъ скрытнымъ. Я исковеркалъ его, исковеркалъ»! повторялъ онъ про себя съ возрастающимъ ужасомъ, понявъ только теперь, что, можетъ быть, тамъ, въ этомъ далекомъ прошломъ, въ этихъ мелкихъ ежедневныхъ пустякахъ,—таилось начало всего того злаго, безсердечнаго и отталкивающаго, что такъ пугало его теперь въ Николаѣ, и что тогда же имъ самимъ было брошено въ землю зерно, разросшееся теперь въ дерево огромныхъ размѣровъ.

Чѣмъ больше думалъ Горбунцовъ, тѣмъ больше убѣждался въ томъ, что онъ никогда не любилъ своего сына, и тѣмъ больше росла эта вина въ его глазахъ. А въ то же время мозгъ, дошедшій до какого-то необыкновенно сильнаго напряженія, работалъ все быстрѣе и быстрѣе, вызывая въ памяти, одна за другою, давно забытыя имъ картины и съ удивительною ясностью, подобно скальпелю анатома, обнажалъ передъ Горбунцовымъ самыя сокровенныя движенія его души,

которыми онъ руководствовался въ своихъ поступкахъ, вставшихъ теперь передъ его глазами въ надлежащемъ освѣщеніи, во всей своей наготѣ. И эта нагота поражала его тою безпощадною правдою, которую нельзя было заглушить никакою ложью, такъ какъ эта правда, подобно бѣшеному потоку лавы, выливающейся изъ кратера вулкана, неудержимо прорывалась наружу и больно колола въ глаза, заставляя его содрогаться до глубины души...

Ему припомнилось, какъ Николай, едва достигнувъ десятилѣтняго возраста, былъ отданъ имъ въ привилегированное закрытое учебное заведеніе. «Зачѣмъ я оторвалъ его отъ семьи?—подумалъ онъ,—развѣ это было нужно»? И тутъ же увидѣлъ ясно, что это вовсе не вызывалось необходимостью. По своимъ средствамъ, онъ могъ нанять десятокъ лучшихъ учителей и дать сыну домашнее образованіе, но онъ поступилъ такъ потому, что въ такомъ случаѣ на немъ самомъ лежала бы отвѣтственность за успѣшность и правильность образованія, а, между тѣмъ, что̀ могло быть проще, какъ свалить эту отвѣтственность на тѣхъ патентованныхъ образователей, которые охотно принимали къ себѣ разныхъ Ваничекъ, Количекъ и Петенекъ, обѣщая не только начинить ихъ головы цѣлымъ ворохомъ разныхъ тонкостей латинской грамматики,—отъ которыхъ они должны были непремѣнно поумнѣть,—но и воспитать ихъ разнообразные характеры втискиваніемъ въ однѣ и тѣ же рамки. Его ужаснуло что онъ не побоялся тогда довѣрить имъ своего сына, а въ то же время долго испытывалъ каждаго новаго кучера, прежде чѣмъ рѣшался поручить ему уходъ за своими лошадьми...

Къ тому же онъ помнилъ ясно, какъ разсчитывалъ тогда, что домашнее образованіе стоило бы втрое дороже, чѣмъ въ училищѣ, и ему показалось теперь страннымъ, что онъ тратилъ въ годъ на образованіе сына въ шесть разъ меньше, чѣмъ стоила одна его квартира, какъ будто бы оно было менѣе важно, чѣмъ лѣпные потолки, десятки ненужныхъ комнатъ и мраморныя лѣстницы.

XXI.

Все больше и больше онъ убѣждался, что въ его жизни воспитаніе сына было чѣмъ-то не только второстепеннымъ,

но и совершенно побочнымъ, происходившимъ безъ всякаго его участія, подобно паутинѣ, приставшей къ шляпѣ въ лѣсу, на которую никто не обращалъ вниманія и которая тянется за идущимъ только потому, что она пристала. Въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, пока сынъ былъ въ училищѣ, онъ видѣлся съ нимъ только разъ въ недѣлю, когда тотъ приходилъ домой по субботамъ, и то онъ видѣлъ его только за чаемъ, завтракомъ и обѣдомъ, причемъ избѣгалъ заговаривать съ нимъ обо всемъ, что̀ касалось порядковъ въ училищѣ и образованія, опасаясь, какъ бы Николай не началъ чего нибудь осуждать, и какъ бы не пришлось съ нимъ поспорить. Онъ посвящалъ своему сыну только пятнадцать минутъ въ недѣлю, когда, передъ его уходомъ въ училище, просматривалъ полученные имъ баллы, причемъ находилъ нужнымъ, — считая это своею обязанностью,—дѣлать ему всегда строгіе выговоры за каждый дурной баллъ, не стараясь вникнуть, почему Николай получилъ его? потому ли что не приготовилъ заданнаго ему урока, или же потому, что его учитель проигралъ наканунѣ въ винтъ три рубля. А, между тѣмъ, онъ заходилъ каждый день въ конюшню, вникая во всѣ мельчайшія подробности, и не находилъ себѣ покоя по цѣлымъ часамъ, если замѣчалъ, что «Лордъ» или «Дюкъ» послѣ ковки слегка припадалъ на ногу, добиваясь, почему это̀ могло произойти,—отъ неловко вбитаго гвоздя, или же отъ дурно пригнанной подковы... И, не смотря на это, онъ находилъ возможнымъ, въ разговорахъ со знакомыми, говорить о трудности воспитанія, о тягости родительскихъ обязанностей; о томъ горѣ, которое причиняютъ дѣти, и былъ глубоко убѣжденъ тогда, что говоритъ правду. «А вѣдь это была ложь, подлая ложь!—пронеслось у него въ головѣ. — Еслибы я зналъ тогда, что̀ говорилъ!.. Еслибы я понималъ, какой глубокій смыслъ заключался въ тѣхъ пустыхъ фразахъ, которыми я себя обманывалъ!.. Я много говорилъ, но какъ я мало дѣлалъ»! мучительно думалъ онъ, убѣждаясь въ томъ, что сынъ и его воспитаніе были тѣмъ, о чемъ онъ меньше всего думалъ и меньше всего заботился въ своей жизни.

«Какъ же я могъ увѣрять себя, что сдѣлалъ для него все, когда я не сдѣлалъ и милліонной доли того, что̀ могъ и долженъ былъ исполнить?.. И то немногое, что̀ я сдѣлалъ, было

совсѣмъ не то, что̀ требовалось отъ меня. Я далъ ему жизнь, но развѣ я думалъ какую страшную отвѣственность налагало на меня то, что я далъ ему эту жизнь? Я далъ ему жизнь и забросилъ, предоставивъ самому себѣ, но развѣ можно посадить дерево и оставить его безъ ухода? Оно заглохнетъ, если не освобождать его отъ дикихъ растеній, которыя заглушаютъ его; оно выростетъ кривымъ, если его не подстригать и не поддерживать. Какъ же можно думать, что изъ груднаго младенца выдетъ хорошій человѣкъ, если не имѣть ухода за его душою?.. Вѣдь душа въ человѣкѣ—все; хорошій и дурной человѣкъ отличаются другъ отъ друга не манерами, съ которыми они кланяются, не баллами, которые получили, а характеромъ, душою. А развѣ я не поступалъ какъ разъ наоборотъ? Я училъ его красиво шаркать ножкою, но развѣ я заглядывалъ къ нему въ душу? И это какъ разъ въ то время, когда въ ней зарождались тысячи вопросовъ, когда она только что начинала распускаться, какъ цвѣтокъ, для котораго достаточно малѣйшаго вѣтерка, чтобы онъ погибъ?.. И если дерево выростаетъ криво или глохнетъ, то виновато не дерево, а виноватъ тотъ, кто посадилъ его и не ухаживалъ за нимъ... И какъ странно, что у людей существуютъ цѣлыя науки о томъ, ка̀къ лучше всего воспитывать деревья; есть школы и академіи, гдѣ обучаютъ этимъ наукамъ, а въ то же время нѣтъ науки, нѣтъ школы, гдѣ бы обучали тому, ка̀къ слѣдуетъ воспитывать дѣтей. Между тѣмъ, изъ числа всѣхъ живущихъ на землѣ ка̀къ мало людей, которые занимаются садоводствомъ, а дѣти есть почти у всѣхъ... какъ будто бы важнѣе вырастить нѣсколько тысячъ деревьевъ, чѣмъ воспитать милліоны людей!.. Люди ожидаютъ отъ своихъ дѣтей уваженія и любви, и ужасаются потомъ, когда встрѣчаютъ съ ихъ стороны презрѣніе и безсердечность. Они похожи на того человѣка, который, посѣявъ чертополохъ, ожидалъ бы пшеницы и ужасался бы потомъ, что выросла не пшеница, а чертополохъ, — потому что нельзя ожидать любви тамъ, гдѣ она и не была посѣяна. Эгоизмъ родитъ эгоизмъ, а любовь рождается только любовью. По какому же праву могу я требовать отъ Коли любви, когда самъ никогда, никогда не любилъ его?.. Все, что̀ я дѣлалъ для него, я дѣлалъ не потому, что это было бы для него лучше и полезнѣе, а только по-

тому, что это было пріятнѣе для меня самого. Я былъ эгоистъ и онъ вышелъ эгоистомъ. Я ужаснулся этому, но вѣдь въ немъ я нашелъ, какъ въ зеркалѣ, только отраженіе самого себя! развѣ я училъ его добру? развѣ могъ научить ему? Нельзя учить добру, будучи самому злымъ, потому что учить этому можно не словами, а только поступками. Слова, не оправдываемыя поступками, остаются словами и не приносятъ плода... Я говорилъ ему всегда, что люблю его; но въ то же время давалъ чувствовать, что не люблю. Я училъ его не лгать, но лгалъ самъ и ему, и женѣ, и знакомымъ... говорилъ ему о нравственности, а самъ измѣнялъ своей женѣ на его глазахъ и даже бросилъ ее... Какъ же могъ я требовать, чтобы онъ вѣрилъ моимъ словамъ, если я самъ имъ не вѣрилъ? вѣдь смѣшно было бы проповѣдывать людямъ уваженіе къ чужой собственности и въ то же время красть открыто на глазахъ у нихъ, а я кралъ у него на глазахъ, потому что не любилъ его»! Ему стало страшно, что, гоняясь въ теченіе всей жизни за мишурой, за ничего не стоющими пустяками, онъ упустилъ изъ виду самое важное и самое главное, такъ какъ не можетъ быть ничего важнѣе, какъ сдѣлать изъ своего ребенка хорошаго человѣка. Онъ понялъ ясно теперь, что если сдѣлаться физически отцомъ очень легко, то быть имъ нравственно—весьма трудно, точно также какъ легко бросить зерно въ землю, но трудно вырастить его. А если зерно бросаютъ въ землю, то не для того, чтобы оно погибло, а чтобы выросло какъ можно пышнѣе и лучше. «Отчего же, когда родился Коля, я не подумалъ о томъ, какую тяжелую задачу взялъ на себя»?.. Ему стало страшно за свое легкомыслiе, страшно за ту отвѣтственность, которая лежала на немъ теперь: онъ понялъ, какую огромную отвѣтственность передъ человѣчествомъ несетъ тотъ, кто дурно воспитываетъ своихъ дѣтей, такъ какъ и его дѣти будутъ также воспитывать своихъ... Во что же превратятся тогда послѣдующія поколѣнія?.. Его стала пугать отвѣтственность передъ Николаемъ, который имѣлъ право упрекать его, могъ сказать ему: «если ты не сдѣлалъ изъ меня хорошаго человѣка, зачѣмъ же ты меня родилъ»?

И въ то же самое время Горбунцовъ почувствовалъ, что онъ только въ эту минуту, полюбилъ своего сына,

полюбилъ его такимъ, какимъ онъ былъ теперь, со всѣми его недостатками, со всѣми пороками, потому что понялъ, отчего онъ вышелъ такимъ, а понять — значитъ простить и полюбить. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая-то жалость къ Николаю охватила его. Ему стало до болѣзненности жаль его молодой зачерствѣвшей души, его окаменѣлаго сердца. Чувство горячей, искренней, настоящей любви къ сыну нахлынуло на него съ необычною силою, заставивъ сильнѣе забиться его умирающее сердце, и вся та злоба, вся та ненависть, которыя онъ чувствовалъ до сихъ поръ, мгновенно исчезли. Онъ прощалъ все зло, которое Николай дѣлалъ ему, прощалъ всѣ оскорбленія, которыя тотъ ему причинилъ, прощалъ всѣ свои страданія, прощалъ и свою смерть... Онъ почувствовалъ вдругъ страстное, непреодолимое желаніе увидѣть теперь Николая, обнять его, приласкать, прижать къ себѣ, сказать ему, что онъ его прощаетъ, что любитъ его такъ, какъ никогда не любилъ, а въ то же время онъ сознавалъ, что это невозможно, потому что еслибы его сынъ и былъ даже здѣсь, онъ не смогъ бы ему передать ничего изъ того, что̀ передумалъ и выстрадалъ. «Коля, Коля!.. гдѣ ты?.. мальчикъ мой, милый»!.. повторялъ онъ про тебя въ отчаяніи, и изъ его глазъ, неподвижно устремленныхъ на звѣзды, полились слезы, смачивая подушку... «Еслибы я могъ ему сказать... предупредить его!.. у него есть дѣти... онъ самъ отецъ... еслибы я могъ раскрыть свою душу, онъ бы ужаснулся тому, что̀ я выстрадалъ, онъ понялъ бы и, можетъ быть, измѣнился»... И, не смотря на очевидную невозможность исполнить то, чего онъ желалъ, онъ сдѣлалъ попытку приподняться на постели и хоть знаками выразить свое желаніе, чтобы позвали его сына. Но онъ могъ только едва-едва приподнять голову, которая тотчасъ же упала на подушку. «Поздно, поздно!.. онъ не узнаетъ этого никогда, никогда»!.. подумалъ онъ съ ужасомъ, и эта мысль придавила его, точно свалившаяся вдругъ тяжесть, изъ-подъ которой нельзя больше выбраться...

«Звѣзды гаснутъ»—пронеслось у него въ головѣ, такъ какъ ему показалось, что свѣтъ внезапно ослабѣлъ. Онъ сталъ усиленно присматриваться къ нимъ и замѣтилъ, какъ будто бы какой-то туманъ началъ застилать ихъ отъ него. Онъ повернулъ съ усиліемъ голову и посмотрѣлъ на спускавшуюся съ

потолка электрическую лампу подъ широкимъ жестянымъ колпакомъ, завѣшенную синею бумагою, и увидѣлъ, что и лампа была закрыта отъ него какимъ-то туманомъ. Онъ обвелъ тогда глазами то пространство, которое могъ видѣть, не поворачивая головы, и его наполнялъ тотъ же туманъ, который, сгущаясь постепенно, переходилъ въ полную темноту.— «Темно... темно... отчего темно»?—подумалъ онъ, и какая-то тоска овладѣла имъ...

Ему показалось, что вмѣстѣ со свѣтомъ исчезъ изъ комнаты и воздухъ, какъ будто бы наступившая темнота вытѣснила его собою. Ему стало трудно дышать и онъ усиленно и порывисто вдыхалъ въ себя тѣ остатки воздуха, которые были еще въ комнатѣ. Тѣло его отяжелѣло и какъ-то сползало внизъ, отчего перегибалась шея, но онъ не имѣлъ достаточно силъ, чтобы поправить ее или удержать свое тѣло въ прежнемъ положеніи. Онъ не видѣлъ уже ничего, всматриваясь въ окружавшій его мракъ, и сталъ напряженно прислушиваться къ тому, какъ около него зачѣмъ-то суетились люди. Кто-то подошелъ къ нему и сталъ разстегивать у него рубашку; а затѣмъ онъ почувствовалъ, какъ что-то металлическое и холодное прижалось къ лѣвой сторонѣ его груди. Ему стало непріятно, что его безпокоили теперь, что къ нему врывались какіе-то люди изъ той далекой и чуждой ему области жизни, откуда онъ давно уже ушелъ, и мѣшали ему, отрывая его вниманіе отъ того, что разстилалось теперь передъ его духовнымъ взоромъ. «Оставьте меня! что вамъ нужно»?—подумалъ онъ и, сдѣлавъ усиліе, поднялъ лѣвую руку и схватился ею за металлическую вещь. По ощупи онъ понялъ, что это былъ стетоскопъ, и ему показалось смѣшно, что люди обращали на него вниманіе, желая что-то сдѣлать для него, какъ будто бы это было ему нужно...

«Агонія»! — раздался надъ нимъ чей-то незнакомый ему голосъ, который какъ-то глухо донесся до его слуха, какъ будто бы его уши были заложены ватою, и онъ замѣтилъ, что также глухо доходили до него теперь и всѣ остальные звуки, которые стали постепенно исчезать, превращаясь въ полнѣйшую тишину, какой онъ никогда еще не слыхалъ. «Агонія... значитъ смерть... вотъ какая она»!.. — пронеслось у него въ мозгу и онъ увидѣлъ, что въ ней не было ничего

страшнаго, такъ какъ онъ чувствовалъ, что она вошла уже совершенно незамѣтно въ его тѣло и медленно распространялась въ немъ. Какое-то незнакомое ему странное ощущеніе въ ступнѣ лѣвой ноги и въ концахъ пальцевъ здоровой руки заставило его прикоснуться нѣсколько разъ къ одѣялу, но онъ не чувствовалъ уже этого прикосновенія. Рука и нога его нѣмѣли, и это онѣменіе подымалось все выше и выше. На всемъ тѣлѣ его выступилъ холодный, клейкій потъ. Какое-то блаженное успокоеніе постепенно разливалось по его жиламъ. Мысли стали путаться, какъ будто бы мозгъ наполнялся какимъ-то туманомъ. И послѣднее, что онъ подумалъ, было: «Какъ хорошо!.. какъ легко, какъ пріятно»!..

XXII.

Въ это время, въ дверяхъ раздались чьи-то громкіе шаги, на которые быстро обернулся Семенъ, стоявшій все время неподвижно у кровати съ блѣднымъ, искаженнымъ отъ ужаса, лицомъ и дрожащею нижнею челюстью. Въ комнату входилъ Николай. «Слава тебѣ, Господи»!—подумалъ съ облегченіемъ Семенъ и перекрестился. Еще два часа тому назадъ, узнавъ отъ дежурнаго доктора, что положеніе Горбунцова безнадежно, онъ отправилъ съ больничнымъ служителемъ записку, въ которой извѣщалъ Николая, что отецъ его умираетъ и проситъ знаками позвать его къ себѣ. Онъ рѣшился на эту ложь для того, чтобы заставить Николая пріѣхать, такъ какъ его ужасала мысль о томъ, что Горбунцовъ можетъ умереть въ отсутствіе своего сына. Отправляя служителя, онъ приказалъ ему,—еслибы Николая не было дома,—разыскать его во что бы то ни стало, и тотъ нашелъ его въ отдѣльномъ кабинетѣ у Кюба за ужиномъ, устроеннымъ имъ въ честь Звѣздочкиной послѣ ея бенефиса...

Записка Семена обозлила Николая. Ему стало досадно, что его безпокоили и портили настроеніе духа какъ разъ въ ту минуту, когда онъ былъ очень веселъ, какъ вслѣдствіе удавшагося бенефиса, такъ и потому, что ему удалось перещеголять своимъ подаркомъ Усатина, который былъ этимъ настолько разстроенъ, что даже уклонился отъ ужина. Ему вовсе не хотѣлось ѣхать теперь куда-то къ отцу, чтобы при-

сутствовать при его смерти, которая нисколько его не волновала; но онъ не могъ скрыть отъ присутствовавшихъ за ужиномъ содержанія записки, полученіе которой въ такой поздній часъ обратило на себя всеобщее вниманіе, и ему стало неловко передъ ними остаться и не поѣхать. Онъ счелъ даже нужнымъ почему-то притвориться, что извѣстіе о смерти отца сильно опечалило его, и зачѣмъ-то воскликнулъ съ театральною интонаціею по французски: «Mon père! Mon père»!.. хотя въ дѣйствительности его отчасти радовало, что отецъ умретъ и избавитъ его отъ своихъ постоянныхъ приставаній...

Ѣхалъ онъ въ больницу съ отвращеніемъ, такъ какъ припоминалъ себѣ тѣ ужасные крики, съ которыми умирала его мать, и то облегченіе, которое онъ испыталъ, когда она, наконецъ, замолкла. Онъ представлялъ себѣ, что и отецъ кричитъ теперь также, и ему хотѣлось поэтому опоздать, хотѣлось пріѣхать уже послѣ его смерти, чтобы не слышать еще разъ этого непріятнаго крика. «Пусть бы ужь онъ умеръ»!— думалъ онъ, кутаясь въ каретѣ въ свою шинель, причемъ нѣмъ ближе былъ онъ отъ больницы, тѣмъ больше росло его отвращеніе; тѣмъ болѣе становилось ему досаднымъ, что его оторвали отъ веселаго ужина. А въ ушахъ, точно дразня его еще больше, звучалъ слышанный имъ сегодня мотивъ: «Кружись! кружись»! причемъ передъ глазами мелькала изящная, вся залитая брилліантами, фигура Марьи Васильевны въ костюмѣ Ланжъ съ соблазнительнымъ разрѣзомъ на боку, изъ-подъ котораго виднѣлась ея словно точеная, обтянутая въ трико, нога...

Онъ вошелъ въ палату, брезгливо морщась отъ охватившаго его спертаго воздуха и презрительно осматривая спящихъ больныхъ, во фракѣ, изъ подъ котораго виднѣлась измятая манишка со съѣхавшимъ на бокъ галстукомъ, съ раскраснѣвшимся лицомъ и блестящими глазами отъ выпитаго вина. Глубокая тишина, вмѣсто крика, котораго онъ ожидалъ, внезапно поразила его и онъ невольно приподнялся на цыпочки, подобно тому, какъ невѣрующій человѣкъ, войдя въ храмъ, поражается его величіемъ, и, въ охватившемъ его смущеніи, невольнымъ движеніемъ обнажаетъ свою голову. Всматриваясь въ ту сторону, гдѣ, должно быть, лежалъ его отецъ,—о чемъ онъ догадался, потому что тамъ, возлѣ крайней постели, стоялъ

Семенъ и бѣлѣлся чепецъ сидѣлки, изъ-за котораго виднѣлась лохматая, всклокоченная голова доктора съ заспаннымъ лицомъ, — онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но вдругъ остановился... Онъ разслышалъ только теперь тяжелое, порывистое дыханіе умирающаго, и ему стало страшно подойти туда, гдѣ,—какъ ему показалось теперь,—происходило что-то таинственное, загадочное и величественное. Это чувство страха разозлило его, но еще больше его сердило сознаніе, что онъ не въ силахъ преодолѣть своего чувства. «Пустяки, глупости!.. ну, умираетъ... такъ что жь изъ того»?—ободрялъ онъ себя, стараясь даже вызвать что-то въ родѣ презрительной усмѣшки на своихъ сжатыхъ губахъ; но это ему не удавалось. Слишкомъ велика была разница между ярко освѣщеннымъ кабинетомъ ресторана, наполненнымъ здоровыми, веселыми, хорошо одѣтыми людьми съ ихъ шумными разговорами и звонкимъ смѣхомъ, и этою полутемною, со спертымъ воздухомъ, палатою, гдѣ лежали бѣдные изстрадавшіеся больные и гдѣ умиралъ его отецъ. Слишкомъ велика была эта разница, и она ошеломила его, такъ какъ онъ увидѣлъ вдругъ оборотную сторону жизни, которая была всегда скрыта отъ него до сихъ поръ,— и притомъ эта оборотная сторона обрисовалась передъ нимъ особенно выпукло и ярко по своей полной противоположности съ тѣмъ, откуда онъ только что пришелъ. Онъ ожидалъ услышать крикъ, увидѣть мучительныя страданія, и еслибы онъ нашелъ то, къ чему приготовился, то это не подѣйствовало бы на него; но близость смерти, съ которою онъ очутился теперь лицомъ къ лицу, тихой, спокойной и величественной въ своемъ спокойствіи, потрясла его. Что-то непредотвратимое, что-то стихійное скрывалось въ этомъ спокойствіи, и онъ почувствовалъ вдругъ, что въ жизни существуетъ какая-то грозная, непреодолимая сила, которая сильнѣе, чѣмъ его «я»; существуетъ какая-то посторонняя для него, несокрушимая воля, передъ которою не имѣетъ никакого смысла и никакого значенія его собственное «хочу» и «не хочу». «Тамъ смерть... въ томъ углу» — проносилось у него въ головѣ, и ему страшно было подойти туда, страшно придвинуться къ этой смерти и взглянуть на нее.

Онъ стоялъ, боясь пошевельнуться, чтобы не нарушить чѣмъ нибудь торжественной тишины, въ которой слышалось

тяжелое, порывистое дыханіе, и не трогался съ мѣста, не будучи въ силахъ переступить ту невидимую глазу, но почувствованную имъ черту, отдѣлявшую его отъ области, гдѣ была смерть, причемъ ему казалось, что эта черта проходила какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ свѣтъ отъ лампы падалъ на полъ яркимъ, круглымъ пятномъ. Онъ не зналъ, сколько времени простоялъ бы такъ, еслибы къ нему не подошелъ Семенъ.

— Отходятъ они... я ужь давно за батюшкой посылалъ, да все нейдутъ, — проговорилъ онъ прерывающимся отъ душившихъ его рыданій шопотомъ, причемъ слезы катились у него по щекамъ. — Перекрестить бы ихъ вамъ... — добавилъ онъ еще тише, такъ что Николай скорѣе догадался, чѣмъ разслышалъ его слова. — Отходятъ... отходятъ...— повторилъ онъ еще разъ и затрясся весь отъ рыданій, какъ-то съежившись и закрывъ лицо обѣими руками.

Николаю сдѣлалось стыдно обнаружить передъ Семеномъ испытываемое имъ чувство страха и смущенія. Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и, придавъ своему лицу равнодушный видъ, направился твердыми шагами къ постели, застучавъ каблуками; но, дойдя до того мѣста, гдѣ, — какъ ему казалось, — проходила черта, опять, какъ бы помимо воли, поднялся на цыпочки и чѣмъ ближе подходилъ, тѣмъ менѣе могъ владѣть все больше и больше охватывавшимъ его волненіемъ.

«Онъ умираетъ... что жь тутъ особеннаго?.. самая простая вещь... нельзя же вѣчно жить»... — думалъ онъ, приподымая плечи и стараясь увѣрить себя, что во всемъ томъ, что́ происходило здѣсь, не было ничего страшнаго. Но въ то же время какое-то странное чувство заставляло его не смотрѣть въ ту сторону, гдѣ было лицо его отца, какъ будто бы онъ долженъ былъ увидѣть тамъ именно что-то страшное. Поэтому, подойдя къ постели, онъ сталъ разсматривать одѣяло изъ верблюжьей шерсти, а на немъ обратилъ почему-то вниманіе на пятно, бросившееся ему въ глаза. «Посмотрѣть или не посмотрѣть?..— проносилось у него въ головѣ. — Конечно, посмотрѣть... а вдругъ онъ на меня глядитъ»? — подумалъ онъ и ему стало непріятно при мысли, что взглядъ отца можетъ быть направленъ теперь на него. «Смотритъ или не смотритъ»? — спра-

шивалъ онъ себя и вдругъ, какъ будто бы кто нибудь толкнулъ его, онъ быстро повернулъ голову...

Что-то больно кольнуло его, когда онъ взглянулъ на лицо отца. Ему стало страшно и захотѣлось убѣжать отсюда безъ оглядки, чтобы не видѣть его. Но онъ чувствовалъ, что это лицо запечатлѣлось у него въ мозгу и что онъ не будетъ въ состояніи забыть его. Въ то же время какая-то непреодолимая сила удерживала его на мѣстѣ, — точно онъ былъ пригвожденъ къ полу,—и приковывала его взглядъ къ этимъ блѣднымъ ввалившимся щекамъ, къ этому вытянувшемуся тонкому носу, къ этому заострившемуся небритому подбородку, къ этому открытому рту, съ усиліемъ ловившему воздухъ, къ этимъ неподвижно устремленнымъ въ одну точку, не моргающимъ и потускнѣвшимъ глазамъ... Особенно поразилъ его какъ-то безпомощно открытый ротъ. Что-то похожее на жалость зашевелилось въ немъ, и ему показалось, что онъ видѣлъ уже когда-то такой же ротъ, который точно также поразилъ его. «Ротъ... открытый ротъ... — напряженно думалъ онъ,—гдѣ я его видѣлъ?.. я такъ плакалъ тогда... гдѣ я его видѣлъ?.. да! воробей»!..—и ему припомнилось вдругъ, какъ, будучи девятилѣтнимъ ребенкомъ, онъ подкараулилъ въ саду маленькаго птенца, который упалъ изъ гнѣзда, и бросилъ въ него камнемъ. Воробей упалъ. Онъ подбѣжалъ къ нему съ дикою радостью и первое, что̀ онъ увидѣлъ, былъ желтый клювъ, который несчастная птичка открывала безпомощно, трепеща въ предсмертныхъ судорогахъ. Онъ вспомнилъ, ка̀къ ему стало жалко несчастнаго воробья; какъ онъ бросился бѣжать отъ него, чтобы не видѣть этого раскрывавшагося клювика, и, забившись въ противоположный уголъ сада, зарыдалъ, повторяя про себя съ ужасомъ: «я убилъ его»!.. «Да, я убилъ его»!..—пронеслось вдругъ, словно молнія, въ мозгу Николая, и онъ почувствовалъ, ка̀къ отъ этой мысли волосы поднялись у него на головѣ и что-то леденящее пробѣжало по его жиламъ. А въ то же время цѣлый вихрь мыслей, замелькавшихъ быстро одна за другою, охватилъ его. «Я убилъ его!.. Нѣтъ, онъ старъ... онъ долженъ былъ умереть. Но я ускорилъ его смерть... За что? какъ я смѣлъ?.. развѣ я лучше его? Я оскорбилъ его, забросилъ... Онъ умиралъ... а я... что̀ я сдѣлалъ»?! Ужасъ, невыразимый, паниче-

скій ужасъ потрясъ его, какъ будто бы кто нибудь приподнялъ его за воротникъ и сильно встряхнулъ. Что-то тяжелое, словно комъ, подкатилось у него къ горлу; что-то больно защипало въ носу. Онъ задрожалъ и зашатался... «Папа»! вырвалось вдругъ громкимъ крикомъ у него изъ груди съ глухими рыданіями и, словно подкошенный, онъ грохнулся тяжело на колѣни, припавъ головою къ постели умирающаго.

Но Горбунцовъ не слышалъ его крика. Онъ не видѣлъ сына своими помутнѣвшими глазами, неподвижно устремленными въ одну точку, передъ которыми открывался уже другой, новый, невѣдомый міръ. Все рѣже и рѣже становилось его дыханіе.

Онъ вздохнулъ разъ... прошло нѣсколько мучительныхъ секундъ... вздохнулъ другой и замеръ навсегда.

Михаилъ Бовскій.

Искушеніе.

Съ веселой улыбкой, съ сіяющимъ взглядомъ
Ты—диво земной красоты—
Подносишь мнѣ кубокъ, наполненный ядомъ,
И ландышей блѣдныхъ цвѣты.

«Пей!—шепчешь ты нѣжно—пей сладкій напитокъ!
Онъ дастъ обновленіе силъ!
Въ немъ юной отваги кипучій избытокъ
И страсти восторженный пылъ»!

Гляжу я пытливо въ прекрасныя очи
И вижу: смѣются они;
А тамъ, въ глубинѣ ихъ, какъ въ сумракѣ ночи,
Зловѣщіе блещутъ огни...

Къ чему жь ты съ такою коварной улыбкой
Мнѣ ядъ выдаешь за вино?
И можно ль повѣрить, что влитъ онъ ошибкой,
Коль нѣтъ въ тебя вѣры давно?

Л. Афанасьевъ.

СРЕДИ ЭСТОНСКИХЪ ГОРОДОВЪ И КУРОРТОВЪ.

«По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ—
Пріютъ убогаго чухонца».
Пушкинъ. («Мѣдный Всадникъ»)

I.

Въ сѣверо-восточномъ уголкѣ нашей старой Европы, неподалеку отъ русской императорской резиденціи, уединенная въ своей обособленности, пріютилась сѣренькая страна, полная воспоминаній прошлаго, какъ бы застывшая въ своемъ нынѣшнемъ сплинѣ. Этотъ мирный, холодный сѣверный уголокъ, столь близкій къ главной артеріи государственной нашей жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь далекій отъ всего русскаго, какъ по своему прошлому, такъ и по настоящему:—по языку жителей, ихъ культурѣ и народности, — это старая Эстляндія, населенная преимущественно чухнами или чухонцами, которыхъ болѣе благозвучно зовутъ эстами. Внѣшній видъ отличаетъ ихъ отъ природныхъ русскихъ людей; языкъ и нравы ихъ столь же древни, какъ языкъ, народность и обычаи коренныхъ аборигеновъ континента.

Эстляндія занимаетъ узкую полосу земли теперешней эстляндской губерніи, составляющей южное побережье Финскаго залива, отъ Ревеля до Усть-Наровы, или Гунгербурга, и захватываетъ на западѣ часть балтійскаго побережья съ фешенебельнымъ Гапсалемъ на южномъ концѣ. Отдѣляемый узкимъ проливомъ, на западѣ лежитъ островокъ Даго, повыше Эзеля, принадлежащаго уже къ сосѣдней лифляндской губерніи. На всемъ своемъ небольшомъ протяженіи, отъ запада къ востоку, эстляндская губернія являетъ рѣзкія отличія въ своей культурѣ, пестротѣ населенія и его разновидностяхъ. Природные эстонцы, или чухонцы, сами не меньше отличаются отъ окружающаго ихъ нѣмецкаго и русскаго населенія. Не смотря на то, что отъ эстляндскаго губернскаго центра,—исто-

рическаго и живописнаго Ревеля,—стариннаго гнѣзда ливонскихъ рыцарей и бывшаго военнаго оплота Швеціи противъ Россіи,—до Петровой столицы всего 10—12 часовъ ѣзды по балтійской желѣзной дорогѣ, туристъ сразу испытываетъ модуляціи окружающей среды чуть ли не изъ окна вагона. Главнымъ мѣриломъ этихъ чувствительныхъ перемѣнъ, какъ во внѣшнемъ видѣ страны, такъ и въ ея населеніи, является тяготѣніе общенароднаго, если такъ можно выразиться, чухонскаго стиля: на востокѣ—къ Россіи и къ русскому началу, а на западѣ—къ тому сѣверо-германскому типу, который на нашихъ западныхъ окраинахъ занимаетъ среднее мѣсто между шведскимъ и чисто-нѣмецкимъ. Послѣдній типъ,—надо ему отдать справедливость,—не менѣе оригиналенъ и самобытенъ въ своемъ родѣ, и въ этомъ отношеніи не уступаетъ, если даже не превосходитъ, мѣстныхъ коренныхъ жителей и представителей чухонской народности, главное ядро которой властно и комфортабельно расположилось въ серединѣ Эстляндіи. Насколько официальный Ревель можно считать центромъ наплывныхъ элементовъ въ странѣ — нѣмецкаго и русскаго, — настолько же народнымъ чухонскимъ центромъ можно, не ошибаясь, считать небольшой уѣздный городокъ Везенбергъ, расположенный на отлогости высокаго холма, вдали отъ увѣнчаннаго развалинами стараго замка, по имени котораго и называется. Это остатки древней и жалкой руины вблизи, слабые слѣды нѣкогда блестящаго прошлаго и былаго величія и могущества, безвозвратно канувшихъ въ вѣчность, поучительное memento mori и тема для философствованія о «суетѣ суетъ».

Если климатъ всей вообще Эстляндіи можно по справедливости назвать суровымъ, то тѣмъ не менѣе на побережьѣ, гдѣ господствуютъ сильные вѣтры съ моря, онъ сравнительно мягокъ, являясь по истинѣ сѣвернымъ лишь внутри страны, вдали отъ приморскихъ вліяній и теплыхъ теченій, и напоминая тамъ отчасти климатъ Финляндіи. Тѣмъ не менѣе онъ суше климата Петербурга и гораздо постояннѣе послѣдняго. Въ общемъ климатъ этотъ можно, пожалуй, назвать здоровымъ, особенно зимою. Крѣпкое и физически закаленное эстонское населеніе,—національныя линіи котораго жестко и грубо вытесаны сѣверною природою въ некрасивомъ, но энергическомъ тѣлѣ, болѣе приспособленномъ къ тяжелой борьбѣ съ климатомъ, чѣмъ къ веселымъ наклонностямъ южныхъ племенъ,—не испытываетъ вреднаго вліянія испареній сырой почвы отъ множества болотъ, покрывающихъ всю страну почти на всемъ ея протяженіи. Если Финляндію и мѣстность къ ея востоку и даже югу можно назвать родиной большихъ озеръ, то Эстляндію по

справедливости можно окрестить страною болотъ и стоячей воды,— до такой степени воды этой повсюду много и до такой степени она какъ бы на каждомъ шагу сочится изъ-подъ почвы, какъ бы пользуясь случаемъ выступить наружу и заявить о своемъ назойливомъ присутствіи. Ея присутствіе особенно непріятно поражаетъ путешественника въ окрестностяхъ уѣзднаго эстляндскаго городка Вейсенштейна, удаленнаго отъ всякихъ сообщеній, буквально расположеннаго среди многочисленныхъ лагунъ, холодно и мрачно отражающихъ сѣрое чухонское небо и не похожихъ на европейскія болота. Послѣднія обыкновенно даютъ пріютъ водянымъ птицамъ, главнымъ образомъ домашнему аисту, котораго здѣсь нѣтъ и который никогда не залетаетъ въ эти негостепріимныя широты. Послѣднее обстоятельство дало поводъ однажды въ моемъ присутствіи презрительно высказать одному поселившемуся здѣсь поляку, относительно мѣстнаго некрасиваго населенія и сѣровато-блѣднаго цвѣта лица его представителей, что его высиживаютъ лягушки,—эти единственныя коренныя обитательницы неприглядныхъ болотъ, придающихъ безотрадный и мрачный колоритъ здѣшнимъ пейзажамъ, леденящихъ не только тѣло, но и душу путешественника, чающаго поскорѣе выбраться изъ ихъ непріятнаго сосѣдства. Въ остальномъ природа Эстляндіи не только не уступаетъ южнѣе расположеннымъ губерніямъ, но даже во многомъ живописнѣе послѣднихъ, отличаясь густотой зелени и яркостью, естественно поддерживаемой обиліемъ влаги. На сѣверѣ величественное, какъ всюду, море придаетъ невыразимую прелесть ровному песчаному берегу, во многихъ мѣстахъ живописно возвышающемуся надъ синими морскими волнами. Онъ покрытъ далеко тянущимися хвойными и лиственными лѣсами, усиленно истребляемыми, какъ вездѣ у насъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе холода и постоянной потребности въ дешевомъ топливѣ, замѣнить которое здѣсь еще не удалось ни торфу, ни каменному углю, конечно, привозному, а потому и слишкомъ дорогому. Лѣса, еще довольно густые, покрываютъ добрую часть чухонской земли и отличаются богатствомъ и обиліемъ деревъ разныхъ лиственныхъ породъ, особенно въ образцовыхъ многочисленныхъ имѣніяхъ безконечной плеяды прибалтійскихъ бароновъ. Наряду съ лѣсами, обработанныя поля въ столь низменной и плоской мѣстности, какъ Эстляндія, представляютъ видимый слѣдъ старой высокой культуры нѣмецкаго происхожденія, дающей свой постоянный отпечатокъ прошлыхъ временъ всему чухонскому сельскому хозяйству, подобно тому, какъ оно же оттѣняетъ эстонскую науку и даже искусство, если таковое на самомъ дѣлѣ существуетъ, какъ мнятъ серьезно

чухонскіе народники. Кстати замѣтить,—и объ этомъ скажемъ ниже,—послѣдніе не рѣдкость въ Чухляндіи, какъ насмѣшливо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, добродушно зовутъ описываемую страну русскіе, и являютъ даже всѣ признаки современнаго мелкоплеменнаго шовинизма и сепаратизма. Послѣдній народился особенно въ недавнее время, на фонѣ русско-нѣмецкихъ отношеній въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ продуктъ очереднаго заигрыванія нѣмцевъ и русскихъ. Какъ одинъ изъ остатковъ этого германскаго культурнаго вліянія и немногихъ его хорошихъ сторонъ, можно указать на слѣды прекрасныхъ, еще недавно, шоссейныхъ дорогъ и путей сообщенія вообще, являющихся всегда признаками цивилизаціи и благосостоянія страны. Къ несчастью, дороги эти, поддерживаемыя при старомъ хозяйственномъ режимѣ самимъ населеніемъ, подъ наблюдательнымъ окомъ мѣстныхъ помѣщиковъ, уступили нынѣ мѣсто довольно скернымъ путямъ, кое-какъ починяемымъ, предоставленнымъ правительственной опекѣ, при совершенно равнодушномъ отношеніи, какъ бароновъ, такъ и крестьянъ. Связь эта между первыми и вторыми, еще не столь давно весьма сильная, даже черезчуръ грубо тяготѣвшая на сельскомъ населеніи, въ настоящее время, съ усиленіемъ русскаго элемента и при болѣе энергическомъ вмѣшательствѣ въ мѣстное управленіе русскаго правительства, наступившемъ съ особенной силой послѣ введенія здѣсь судебной реформы восьмидесятыхъ годовъ, ослабѣла, а во многихъ случаяхъ порвалась теперь совершенно, разъединяя обѣ, дотолѣ сплоченныя, группы. Въ общемъ, при очевидномъ обособленіи эстонской національности и ослабленіи нѣмецкаго вліянія богатыхъ помѣщиковъ, молчаливо и изподлобья наблюдающихъ нахмуреннымъ взоромъ за старыми стѣнами своихъ рыцарскихъ замковъ, успѣхи національности, доселѣ ими даже не подозрѣваемой, а во всякомъ случаѣ, по обычно-нѣмецкому самомнѣнію, вовсе не признаваемой, одновременно съ развитіемъ этого чухонскаго самосознанія, растутъ не по днямъ, а по часамъ; съ тѣмъ вмѣстѣ приходитъ въ упадокъ древняя культура страны, дотолѣ старательно поддерживаемая заботливой рукой нѣмецкихъ бароновъ, фермы и помѣстья которыхъ и по сіе время могутъ считаться во всѣхъ отношеніяхъ образцовыми по устройству, и богатыми—по массѣ вложеннаго въ нихъ труда и капитала. Русское вліяніе, пришедшее на помощь угнетаемой нѣмцами эстонской народности, только почти двѣсти лѣтъ спустя послѣ присоединенія Прибалтійскаго края къ Россіи, т. е. очень поздно, хотя, можетъ быть, не имѣло своею цѣлью принципъ римской политики—divide et impera,—столь удачно въ наши времена примѣняемый англичанами въ своихъ многочисленныхъ колоніяхъ,—

однако, несовсѣмъ достигло цѣли, такъ какъ, дѣйствительно, эмансипировавъ чухонцевъ, оно все-таки не съумѣло ихъ подчинить себѣ въ духовномъ и культурномъ отношеніяхъ, и они еще долго будуть ходить на помочахъ у своихъ прежнихъ поработителей и учителей...

II.

Въ результатѣ чухонцы, воспользовавшись русской поддержкой и высвободившись изъ-подъ черезчуръ заботливой и предусмотрительной нѣмецкой опеки, не примкнули, однако, къ своимъ освободителямъ, ставъ, по выраженію Сенеки, nec ab antiquis, nec a novis,—на самостоятельной эстонской почвѣ, причемъ, по словамъ такого знатока мѣстныхъ отношеній, какимъ является г. Булацель, писавшій объ этомъ въ «Новомъ Времени» и «Юридической Газетѣ» (сентябрь 1900 г.), все зажиточное мѣщанство Эстляндіи, присвоившее себѣ нѣмецкія имена и фамиліи, свысока смотритъ на нашу русскую культуру, находя ее значительно ниже нѣмецкой, которую считаетъ своей родной. Что̀ касается низшаго населенія, то нужно признать, что оно отличается сравнительной развитостью, въ большинствѣ случаевъ грамотно, такъ какъ школъ много; успѣшно занимается сельскимъ хозяйствомъ и промыслами, и извлекаетъ для себя большія выгоды, поставляя сельскіе и иные необходимые продукты въ Петербургъ, гдѣ всегда на нихъ большой спросъ и куда они попадаютъ раньше другихъ—по близости разстоянія. О честности, благодушіи, трезвости и нравственности этого народа высказаться положительно туристу, жившему здѣсь недолго, едва ли возможно. Однако, изъ бѣглыхъ впечатлѣній можно вынести то убѣжденіе, что въ общемъ .чухонцы внушаютъ къ себѣ довѣріе, хотя очень скрытны и хитры, какъ всѣ вообще народы, пробывшіе долгое время въ рабствѣ; они довольно опрятны и въ этомъ отношеніи, пожалуй, выше своихъ русскихъ сосѣдей; весьма религіозны, но буяны и не отличаются трезвостью, сваливая привычку пить на русскихъ, которые якобы привили имъ этотъ свой національный грѣхъ. Что касается нравственности, то они не представляютъ особаго воздержанія отъ физическихъ излишествъ и разврата и не могутъ похвастаться уваженіемъ къ чужой собственности. Можно безъ преувеличенія сказать, что ка́къ у русскаго простаго рабочаго населенія и крестьянъ главнымъ недостаткомъ является пьянство и распущенность, такъ у чухонскаго—кардинальнымъ грѣхомъ надо считать кражу подъ всѣми видами, такъ что суды должны сообразоваться главнымъ образомъ

съ этой преступностью. Зато чухонцы трудолюбивы и методичны, и въ хорошихъ рукахъ оказываются хорошими работниками. Языкъ ихъ, по увѣренію знатоковъ, а, главное, самихъ эстонцевъ, очень къ нему привязанныхъ и видящихъ въ немъ великую будущность и необыкновенныя красоты—весьма богатъ, разработанъ и, какъ говорятъ, очень мелодиченъ, съ чѣмъ, однако, не можетъ согласиться ни одинъ русскій, на котораго странный лепетъ и щебетаніе эстонскаго языка, чуждаго всѣмъ европейскимъ нарѣчіямъ, производитъ впечатлѣніе несовсѣмъ пріятное, а во многихъ случаяхъ невольно вызывающее улыбку. Чухонцы — народъ довольно рослый и крѣпкій, но весьма некрасивый и въ этомъ смыслѣ понятно то, нѣсколько презрительное, отношеніе къ нимъ, которое всегда чувствуется у русскаго по отношенію къ своему чухонскому собрату. «Чухна», «чухонецъ»—давно стало у русскихъ синонимомъ чего-то забавнаго, некрасиваго, и этотъ взглядъ часто выражается въ спорахъ и распряхъ между сосѣдями. Русскій всегда обращается къ чухонцу свысока, даже въ интонаціи голоса; выражаетъ свое къ нему снисхожденіе или презрѣніе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда съ одной стороны является малограмотный или вовсе неграмотный русскій, а съ другой — сравнительно образованный «чухна». Естественно поэтому, что названіе «чухонецъ» почитается до извѣстной степени оскорбительнымъ, а во всякомъ случаѣ невѣжливымъ для народа, предпочитающаго благозвучное и иностранное наименованіе «эстовъ» или «эстонцевъ» (очевидно отъ германскаго Est—западъ). Какъ бы то ни было, но положеніе русскихъ, заброшенныхъ судьбою въ Эстляндію, по меньшей мѣрѣ не завидное, такъ какъ ихъ никто здѣсь не понимаетъ, а имъ самимъ, кажется, никогда не удастся постигнуть тайну этого своеобразнаго и труднаго нарѣчія, происхожденіе котораго, въ филологическомъ отношеніи,—монголо-татарское, совершенно намъ чуждое и несвойственное. Удивительно то фанатическое упрямство, съ которымъ эстонцы привязаны къ своему родному языку, кромѣ него, не признавая ни нѣмецкаго, ни русскаго языковъ, на которыхъ изъясняется болѣе или менѣе свободно только образованный классъ населенія. Такимъ образомъ, почти въ двухъ шагахъ отъ столичнаго Петербурга, совершенно игнорируется русскій государственный языкъ, который, между тѣмъ, хорошо понимаютъ значительно дальше, даже въ губерніяхъ бывшаго Царства Польскаго, не смотря на коренное различіе польской и русской народности. Такое явленіе возможно объяснить развѣ только неспособностью русскаго населенія къ колонизаціи и недостаткомъ его нравственнаго превосходства надъ мѣстнымъ населеніемъ запад-

ныхъ окраинъ, вслѣдствіе чего въ результатѣ, даже при систематически и надлежаще направляемомъ переселенческомъ движеніи изъ внутреннихъ нашихъ губерній, всѣ усилія наши на западѣ въ этомъ отношеніи до сихъ поръ не повели ни къ чему. Напротивъ, получилось даже обратное ожидаемому явленіе,—именно, что колонизаторы испытывали уже не только въ первомъ поколѣніи, но даже сами вліяніе среды, теряя весьма скоро всѣ свои чисто русскія особенности. Такъ обстоитъ дѣло и въ Эстляндіи. Тѣ представители русскаго наплывнаго элемента, которыхъ я имѣлъ случай наблюдать, а ихъ немало, — поразили меня своей слабой національной устойчивостью и страннымъ тяготѣніемъ ко всему мѣстному, чухонскому,—и все это при вышеприведенномъ презрѣніи къ «чухнѣ» и его быту. Происходитъ это, очевидно, незамѣтно для самихъ здѣшнихъ русскихъ, которые вскорѣ, переселившись на чухонскую землю, не видятъ затѣмъ даже надобности учить своихъ дѣтей отцовскому языку, такъ что эти дѣти ничѣмъ не отличаются отъ своихъ сверстниковъ, — маленькихъ чистокровныхъ чухонцевъ, — и даже не почитаютъ своихъ отцовъ. Это грустный фактъ, съ которымъ русской колонизаціи и русскимъ властямъ надо считаться весьма серьезно... Эстонцевъ у насъ почему-то принято считать народомъ весьма образованнымъ, культурнымъ и развитымъ, и ставить его всегда выше русскаго населенія въ этомъ отношеніи, тогда какъ такое мнѣніе ни на чемъ ровно не основано и просто является отголоскомъ нашей извѣстной національной скромности, сдѣлавшейся легендарной подъ названіемъ пресловутаго «самобичеванія», видящаго у чужихъ всѣ хорошія качества, а у своихъ — одни лишь недостатки. Другіе славянскіе народы, какъ сербы, болгары, чехи, а главнымъ образомъ поляки, представляютъ обратное явленіе въ этомъ смыслѣ и даютъ намъ постоянно самые поучительные уроки, какъ нужно свое предпочитать чужому. Эта черта русскаго народа отражается и на вышеприведенныхъ колонизаторскихъ его неудачахъ, и всегда вредно отзывается на русскихъ интересахъ, уходящихъ на задній планъ всякій разъ, какъ только съ ними конкуррируютъ интересы иностранцевъ.

III.

Эти вновь испеченныя народныя вожделѣнія и утопіи сами выдвигаютъ неосновательныя претензіи, подхватываемыя, къ несчастью для насъ, «интеллигентными» русскими кругами и затѣмъ распространяемыя въ нашемъ обществѣ, какъ нѣчто удостовѣренное и

несомнѣнное. Насколько намъ удалось наблюдать, чухонцы ни въ чемъ особомъ не проявляютъ до сихъ поръ своего культурнаго превосходства предъ русскимъ населеніемъ, живущимъ съ ними рядомъ, и стоятъ еще на весьма низкой ступени развитія. Пресловутая ихъ «культура», о которой столько трубятъ инородческія газеты и журналы,—а больше всего сами чухонскіе «интеллигенты»,—ни въ чемъ до сихъ поръ самобытно не проявилась, а если и есть, то не носитъ какихъ либо спеціальныхъ народныхъ признаковъ, будучи чисто нѣмецкаго, прибалтійскаго производства. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же тѣ геніи и представители самостоятельной эстонской литературы, живописи, ваянія, наукъ и искусствъ вообще, о которыхъ никто не знаетъ и никогда не слышалъ? Не смотря на ихъ отсутствіе (конечно, въ смыслѣ международной извѣстности, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что гдѣ нибудь да обрѣтаются свои coqs de village — національные пѣтухи—эстонской культуры), сами чухонцы весьма горды и полны самолюбивыхъ предубѣжденій, которыя покамѣстъ еще не проявились съ особенною силою наружу, но пробиваются уже тамъ и сямъ, несмѣло и въ разсыпную. Единодушный хоръ не заставитъ себя, однако, долго ждать и, такъ какъ такой концертъ рискуетъ, увлекаясь эффектомъ, прозвучать фальшиво въ общей русской государственной гармоніи, то послѣдствія нетрудно предвидѣть. Русскіе поселенцы заселили довольно густо пограничную черту включительно съ ямбургскимъ уѣздомъ, и ихъ деревянные невзрачные домики попадаются всюду на правомъ берегу быстротечной и красивой своими водопадами рѣки Наровы. Однако, по другую ея сторону, русское населеніе рѣдѣетъ, хотя еще въ самой Нарвѣ много русскихъ людей, главнымъ образомъ, торговаго и промышленнаго типа. Огромная Кренгольмская мануфактура и Штиглицевская суконная фабрика,—между множествомъ своихъ рабочихъ разныхъ національностей, среди которыхъ значительный контингентъ представляютъ даже англичане,—привлекаетъ также немало русскихъ, которые охотно идутъ на фабрику, въ виду сравнительно высокой заработной платы. Въ центрѣ страны, вокругъ Везенберга, русскихъ совсѣмъ не видно:—здѣсь все сплошь заселено чухонцами; нѣтъ даже нѣмцевъ, исключая окрестныхъ помѣщиковъ. Среди послѣднихъ, здѣсь извѣстны своими богатыми помѣстьями Фитингофы, Унгернъ-Штернберги, Каульбарсы, Штакельберги, Бенкендорфы и другіе. Въ числѣ этихъ помѣщиковъ есть даже одинъ русскій: г. Львовскій, бывшій офицеръ кавалергардскаго полка, вышедшій въ отставку. Лѣтъ десять тому назадъ, онъ поселился въ окрестностяхъ Везенберга, купивъ у барона Штакельберга прекрасное большое помѣстье Мàля, расположенное въ двад-

цати верстахъ отъ города, у берега моря. Но, кажется, кромѣ его примѣра да, если не ошибаюсь, графини Мусиной-Пушкиной,— имѣніе которой расположено близъ мѣстечка Іеве возлѣ Нарвы,— другихъ крупныхъ русскихъ землевладѣльцевъ здѣсь едва ли можно встрѣтить: бо́льшая часть изъ нихъ имѣетъ свои помѣстья по ту сторону р. Наровы, въ с.-петербургской губерніи. То же самое можно сказать и о русскихъ промышленникахъ и крупныхъ фабрикантахъ, изъ числа которыхъ извѣстенъ русскій заводчикъ Зиновьевъ, дворянскій родъ котораго принадлежитъ къ наиболѣе извѣстнымъ въ петербургской губерніи. Ему принадлежитъ чугунно-литейный и лѣсопильные заводы въ Нарвѣ. Главнымъ директоромъ Кренгольмской мануфактуры подъ Нарвой состоитъ Ю. А. Андрэ—тоже русскій, пользующійся здѣсь любовью своихъ подчиненныхъ и всего рабочаго населенія громадной фабрики, какъ человѣкъ добрый и справедливый. Честь и слава этому русскому піонеру! Еслибы примѣру этихъ лицъ послѣдовали другіе русскіе помѣщики и фабриканты, то можно бы вскорѣ ожидать благопріятныхъ результатовъ въ смыслѣ усиленія въ странѣ *русскаго вліянія*, а послѣднее весьма и весьма желательно здѣсь въ виду указанной близости столицы— этого правительственнаго и умственнаго центра всего обширнаго русскаго государства. Поэтому, усилія нашего правительства должны бы направиться въ эту сторону, тѣмъ болѣе, что оно энергически преслѣдуетъ однородныя цѣли на всѣхъ нашихъ окраинахъ съ болѣе или менѣе ощутительными результатами. Наибольшій контингентъ постоянныхъ русскихъ жителей составляютъ служащіе разныхъ вѣдомствъ, живущіе тѣснымъ кругомъ и совершенно обособленные въ остальномъ, окружающемъ ихъ, чухонскомъ морѣ. Въ Везенбергѣ,—этой настоящей чухонской столицѣ,—все до такой степени «очухонено», что даже извощикъ, отвозящій васъ съ вокзала въ «гостинницу» или лачугу, имѣющую претензію на столь пышное названіе, и тотъ не понимаетъ васъ и только качаетъ головой да приговариваетъ: эй іо́ле—т. е. нѣтъ (не понимаю). Такое непониманіе можетъ довести русскаго путешественника до отчаянія, когда, напр., нуждаясь въ спичкахъ, онъ долженъ царапать перстомъ по спинѣ извощика или совершать болѣе или менѣе удачную и понятную мимику, чтобы не остаться безъ хлѣба насущнаго.

IV.

Единственная порядочная везенбергская гостинница содержится нѣмецко-чухонской четой (здѣшнія нѣмецкія мѣщанскія фамиліи— всѣ чухонскаго происхожденія; только одни потомки балтійскихъ

рыцарей, современные аристократы Эстляндіи, могутъ назвать себя настоящими нѣмцами по происхожденію) и заставляетъ желать многаго лучшаго, особенно по части устраненія зловредныхъ и вонючихъ ночныхъ паразитовъ, нарушающихъ мирный сонъ путешественника, легкомысленно довѣрившагося этой quasi-нѣмецкой опрятности... Эта своеобразная чистота—не менѣе характерный признакъ псевдо-германизма здѣшнихъ обитателей съ тевтонскими фамиліями. Такихъ гостинницъ,—только еще похуже, — найдется немало въ блаженной Эстляндіи, и мнѣ пришлось испытать ихъ удобства на себѣ неоднократно. Въ Нарвѣ гостинницы имѣютъ претензію быть нѣсколько грандіознѣе, но притомъ онѣ настолько дороже везенбергскихъ и вейсенштейнскихъ, что положительно могутъ конкуррировать по части дороговизны съ лучшими петербургскими гостинницами. Такъ, напр., одна «гостинница» въ Нарвѣ, содержимая такимъ же «нѣмцемъ», какъ и вышеназванная гостинница въ Везенбергѣ, отличается невѣроятными цѣнами: средняя, по комфорту, комната обходится здѣсь въ день 3—4 рубля, такъ что останавливаться въ ней могутъ лишь богатые люди, которыхъ изобрѣтательный хозяинъ, хорошо знающій фешенебельные вкусы петербургской публики, ловко эксплуатируетъ во время лѣтняго сезона, когда множество проѣзжихъ отправляется въ сосѣдній Гунгербургъ, или Усть-Нарову, на морскія купанья. Имъ подается все за самую дорогую плату съ тѣмъ вѣрнымъ разсчетомъ, что наши столичные «шикари», изъ-за одного самолюбія, не откажутся уплачивать все, что только отъ нихъ потребуютъ въ гостинницѣ, причемъ остаются въ ложной увѣренности, что дорогое—мило, и на этомъ основаніи выбираютъ именно эту, а не другую гостинницу. Вообще квартирный вопросъ—вопросъ злободневный и многіе чиновники, особенно семейные, назначенные сюда на должности изъ другихъ губерній, положительно не знаютъ, гдѣ имъ остановиться? Вообще можно сказать, что, при всей столь рекламированной здѣшней «культурѣ», въ Эстляндіи замѣчается весьма мало комфорта и удобствъ, и само населеніе весьма нетребовательно въ этомъ отношеніи. Строй жизни здѣсь самый первобытный и только у высшихъ классовъ, побывавшихъ за границей и въ столицѣ, замѣтно стремленіе жить комфортабельно и даже роскошно. Малокультурныя замашки чухонцевъ проявляются на каждомъ шагу: у шлагбаумовъ народъ наивно и преспокойно переходитъ чрезъ рельсы, вовсе не стѣсняясь шныряющими во всѣ стороны локомотивами, а надсмотрщики въ это время флегматично играютъ съ собаками. На узко-колейной желѣзной дорогѣ, построенной недавно (въ 1900 году; въ іюлѣ она была открыта) изъ Ревеля въ Феллинъ и въ Вейсенштейнъ, свободно царятъ эти первобытные

порядки: поѣзда, смотря по прихоти начальниковъ станціи, допивающихъ съ кондукторами рюмочку очищенной или стаканъ пива, стоятъ лишнихъ полчаса или часъ; локомотивы, управляемые неопытною рукой, постоянно портятся, быстрота ѣзды мѣняется произвольно, завися вполнѣ отъ расположенія духа машиниста и т. д. Не дай Богъ прокатиться по этой дорогѣ, особенно зимой: можно поплатиться здоровьемъ и даже жизнью!.. Довольно того, что, предпринявъ въ сентябрѣ 1900 года поѣздку изъ Ревеля въ Вейсенштейнъ по этой дорогѣ, я совершилъ свой небольшой путь *въ 11 часовъ*, не проѣхавъ, кажется, и 70-ти верстъ! Такое пространство можно бы проѣхать вдвое скорѣе на велосипедѣ или на лошадяхъ. Въ этой якобы *культурной* странѣ, между тѣмъ, все находится съ услугамъ путешественника: телеграфы, телефоны, электрическое сообщеніе, что угодно! Вотъ лучшій примѣръ этихъ *удобствъ*. Собираясь уѣзжать изъ того же злополучнаго Вейсенштейна, я, наканунѣ отъѣзда вечеромъ, по телефону заказалъ себѣ почтовую коляску къ 3 часамъ ночи. Коляска эта должна была въ полтора часа довезти меня до желѣзнодорожной станціи въ Аллакюлѣ, такъ какъ желѣзнодорожная линія (узкоколейная) до самаго Вейсенштейна еще не была готова. Пространство до Аллакюля—17 верстъ. Въ три часа ночи я былъ уже готовъ къ отъѣзду; но велико же было мое разочарованіе, когда почтовой коляски къ сроку не оказалось и слѣда. Кое-какъ объяснившись съ хозяйкой гостинницы—«нѣмкой», т. е. чухонкой, говорившей по нѣмецки,—я убѣдилъ ее дать мнѣ въ провожатые служанку, которая отвела бы меня въ почтовую контору. Гора не шла къ Магомету—оставалось только Магомету подойти къ горѣ. Въ ночной тиши спящаго захолустья пришлось мнѣ слѣдовать за чухонкой, несшей мой ручной багажъ. Пройдя нѣсколько закоулковъ и тѣсныхъ, грязныхъ улицъ съ ухабами и канавами по сторонамъ, въ которыхъ, при неосторожности или въ темнотѣ, можно было навѣрняка сломать себѣ шею, добрался я, наконецъ, до вожделѣнной почтовой конторы, гдѣ заказываютъ коляски по телефону. Я проклиналъ тотъ моментъ, когда вздумалъ довѣриться этому американскому изобрѣтенію, функціонирующему столь неакуратно на чухонской почвѣ. По счастью, уже начинало свѣтать и, только благодаря этому, я не попалъ въ ровъ, наполненный водою и грязью, вмѣсто почтоваго бюро, двери котораго оказались настежъ открытыми... Служанка вошла въ контору, я тоже вбѣжалъ туда, уже готовый высказать свои претензіи по поводу неакуратности—но за письменномъ столомъ, на которомъ стояла зажженная лампа и лежала раскрытая книга, никого не засталъ. Тщетно звалъ я, звонилъ и бѣсился—комнаты были пусты и никто не откликался на отчаянный мой

зовъ! Это былъ по истинѣ гласъ вопіющаго въ пустынѣ. А, между тѣмъ, я съ ужасомъ видѣлъ, что въ этихъ поискахъ потерялъ уже добрыхъ 20 минутъ, а съ потерей еще десятка-другаго такихъ же минутъ, я уже не успѣю добраться во́-время до станціи, и мнѣ придется оставаться весь слѣдующій день въ Вейсенштейнѣ, тогда какъ мнѣ непремѣнно надо было быть въ это время въ Ревелѣ. Наконецъ, появился откуда-то полусонный почтмейстеръ, который, услышавъ мои протесты, засуетился, увѣряя, что я еще попаду на поѣздъ. Стали будить кучера, затѣмъ тащить за хвостъ спавшую почтовую клячу, разыскали грязную колымагу, подъ именемъ «коляски», и стали запрягать. А я, въ продолженіе всего этого времени, сидѣлъ, какъ на угольяхъ, судорожно вынимая часы изъ кармана и съ ужасомъ слѣдя за быстрыми движеніями минутной стрѣлки. Когда я усѣлся въ почтовомъ ковчегѣ, времени оставалось нѣсколько болѣе часа, такъ какъ, по счастью, мои часы оказались сильно впереди. Выѣхавъ на шоссе, я съ первыхъ же толчковъ почувствовалъ знакомую, заброшенную чухонскую дорогу, столь краснорѣчиво свидѣтельствующую о «культурѣ» страны. При такихъ условіяхъ и при страшной грязи, еще не высохшей послѣ вчерашняго ливня, — о скорой ѣздѣ не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что бѣдныя почтовыя клячи еще вспоминали о прелестяхъ соломы, а ямщикъ ровно ничего не понималъ по русски, и на мои понуканія ѣхать быстрѣе, чтобы не опоздать, не издавалъ никакихъ звуковъ, и только, когда я толкнулъ его въ спину и произвелъ довольно неудачную мимику, не обладая талантомъ Цукки, онъ, въ полуоборотъ, сонливо проворчалъ гробовое «Эй іо́ле» и вновь застылъ, покачиваясь на ухабахъ. На небѣ собирались сѣрыя безконечныя тучи и я приготовлялся попасть подъ дождь, съ отчаяньемъ въ сердцѣ считая старые полусгнившіе верстовые столбы, которые появлялись и исчезали съ черепашьей медленностью. Черезъ полчаса такой ѣзды, уже орошаемый холодными каплями дождя, я имѣлъ мало надежды попасть на единственный поѣздъ, уходящій въ Ревель, а черезъ часъ окончательно ее потерялъ... На меня не подѣйствовало даже то, что кучеръ, услышавъ вдали свистъ локомотива и, наконецъ, сообразившій, зачѣмъ и къ чему онъ ѣдетъ, погналъ вдругъ своихъ скакуновъ, и мы понеслись со всей быстротой, на которую оказались способными эти почтовые россинанты. Поѣздъ уже стоялъ и послѣ третьяго звонка собирался уѣзжать, когда я, заслышавъ свистъ кондуктора, изо всей мочи сталъ кричать по нѣмецки—«Warten Sie, Warten Sie»! т. е. подождите! Голосъ мой, снова вопіющій въ пустынѣ, былъ, однако, на этотъ разъ услышанъ и, уже не помню какъ, я бросился къ первому попавшемуся

вагону и вскочилъ въ него именно въ ту самую минуту, когда поѣздъ трогался. Я никогда не забуду испытанныхъ мною, въ эти минуты, ощущеній. По счастію для меня, въ то время на желѣзной дороги царили вышеописанные мѣстные «порядки» и, только благодаря этимъ порядкамъ, или лучше безпорядкамъ, я и попалъ на поѣздъ, который, по расписанію, долженъ былъ отправиться уже полчаса тому назадъ!

Въ дорогѣ приключился только одинъ болѣе серьезный инцидентъ:—именно неумѣлый машинистъ, какой-то мальчишка, «заложившій за галстукъ» еще на станціи, испортилъ локомотивъ, — у котораго, какъ мнѣ потомъ объяснилъ невзрачный начальникъ какой-то столь же невзрачной станціи, лопнулъ стеклянный резервуаръ. Не зная механизма локомотива, я пораженъ былъ этимъ извѣстіемъ лишь настолько, что вотъ, молъ, придется ждать часъ а потому растянулся на скамейкѣ своего купэ и постарался забыть о времени во снѣ. Я не ошибся въ приблизительномъ разсчетѣ, и только спустя ровно часъ, мы опять тронулись. Такимъ образомъ на путешествіе изъ Ревеля въ Вейсенштейнъ и обратно я потратилъ болѣе 24-хъ часовъ! Вся Эстляндія въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ раздѣлена на двѣ части — на западную и восточную, изъ которыхъ каждая имѣетъ по два уѣзда: первую составляютъ ревельскій и гапсальскій уѣзды, вторую—везенбергскій и вейсенштейнскій. Мнѣ пришлось по дѣламъ службы побывать главнымъ образомъ въ послѣдней, восточной, части эстляндской губерніи, къ которой я поэтому имѣлъ возможность лучше приглядѣться.

V.

Ревель производитъ впечатлѣніе живописно расположеннаго на горѣ германскаго средневѣковаго города, какъ бы съ неба свалившагося на неприглядную чухонскую почву и очутившагося совершенно случайно среди чужой ему природы. Входя въ его зубчатыя стѣны, окаймленныя всюду старыми многоконечными или круглыми башнями, съ остатками рвовъ и висячихъ мостовъ, со старинными крѣпостными воротами, надъ которыми аристократически красуется гербъ короля іерусалимскаго [1]), сразу чувствуешь себя въ археологической обстановкѣ. Какъ хороши старыя площади Ревеля, гдѣ грузно въ основаніи и легко вверху, угрюмо въ своемъ

[1]) Въ червленомъ щитѣ—серебряный крестъ, сопровождаемый въ углахъ такими же малыми крестами; девизъ подъ щитомъ: I. N. R. I. (надпись на крестѣ Іисуса Христа).

историческомъ созерцаніи прошлаго, расположились протестантскія церкви, на мрачныхъ стѣнахъ которыхъ рѣзко выдѣляются пестрые рыцарскіе гербы! Какъ характерны узенькія и кривыя улицы, сходящіяся на этихъ площадяхъ! Вообще для живописца, историка, археолога и туриста Ревель представляетъ несомнѣнно любопытное поле наблюденій и открытій. Все кажется здѣсь какъ бы застывшимъ среди крикливыхъ тоновъ новой эпохи и культуры, мало заботящейся объ удовлетвореніи эстетическихъ вкусовъ и болѣе посвятившей себя практическимъ требованіямъ комфорта и удобствъ. Чѣмъ чаще и очевиднѣе сталкиваются и сопоставляются здѣсь на каждомъ шагу эти поэтическіе остатки древности съ банальной новизной, тѣмъ непріятнѣе диссонансъ, происходящій отъ этого, и тѣмъ рѣзче впечатлѣніе, производимое имъ на посѣтителя. Невозможно выразить ту пошлость, которая испытывается отъ безцеремоннаго реальнаго сосѣдства петербургской булочной или овощной лавки съ древнимъ, потемнѣвшимъ отъ вѣковъ, соборомъ или старой рыцарской башней, изъ амбразуръ которой уже не глядятъ жерла пушекъ. Довольно оригинально на этомъ готическомъ, покрытомъ исторической пылью, сѣромъ фонѣ выглядитъ величественный византійскій силуэтъ православнаго собора, построеннаго высоко на краю горы, въ такъ называемомъ Вышгородѣ, рядомъ съ темными замками балтійскихъ бароновъ. Мѣсто для собора было выбрано бывшимъ эстляндскимъ губернаторомъ кн. С. В. Шаховскимъ, дѣятельнымъ, честнымъ поборникомъ въ этой странѣ православія и русской государственной идеи, оставившимъ по себѣ отрадное воспоминаніе среди здѣшняго русскаго населенія, интересы котораго онъ неустанно и всячески поддерживалъ. Хотя такое сосѣдство православнаго храма, можетъ быть, и далеко непонутру потомкамъ крестоносцевъ, такъ какъ готическую строгость и холодъ ихъ жилищъ могутъ нарушить мягкія очертанія восточной архитектуры, но тѣмъ не менѣе выборъ мѣста для собора нельзя не признать весьма удачнымъ, какъ въ эстетическомъ, такъ и въ символическомъ отношеніяхъ. Высоко надъ всѣмъ городомъ царитъ этотъ видимый памятникъ русскаго могущества и русской народности. Соборъ оконченъ недавно и только лѣтомъ 1900 года произошло его торжественное освященіе, которое описала вся русская печать, какъ одно изъ знаменательныхъ происшествій послѣднихъ временъ въ странѣ бароновъ и эстовъ. Еще далеко, подъѣзжая къ городу, уже можно любоваться внушительнымъ видомъ православнаго собора, стоящаго на высокой горѣ и замѣтнаго раньше всѣхъ конкуррирующихъ съ нимъ остроконечныхъ и легкихъ башенъ протестантскихъ церквей.

Вокзалъ губернскаго Ревеля импонируетъ какъ своими разм-

рами и устройствомъ, приспособленнымъ во всѣхъ отношеніяхъ къ современнымъ потребностямъ жизни, такъ равно и своимъ внѣшнимъ эстетическимъ видомъ и стилемъ, гармонирующимъ со старогерманскимъ стилемъ самого Ревеля. Улицы вымощены прекрасно; повсюду чистота и порядокъ; на каждомъ шагу зелень, сады, скверы; извощики не оставляютъ желать ничего лучшаго. Однимъ словомъ, это во всѣхъ отношеніяхъ европейскій городъ, въ которомъ житель имѣетъ всѣ удобства и прекрасное сообщеніе съ главными культурными центрами государства. Дай Богъ, чтобы всѣ наши губернскіе города походили, хотя бы отчасти, на Ревель! Что касается историческихъ свѣдѣній о Ревелѣ [1]) то они берутъ начало въ XIII-мъ столѣтіи. На вышеописанной скалѣ, или Вышгородской горѣ, раньше существовалъ древній замокъ эстовъ «Линданисса». Въ 1219 году, во время владычества датчанъ, на мѣстѣ этого замка построена была крѣпость датскимъ королемъ Вольдемаромъ II. Затѣмъ здѣсь же была воздвигнута церковь св. Духа — древнѣйшее зданіе Ревеля, сохранившееся доселѣ. Около 1228 года, замокъ и городъ перешли къ ливонскому рыцарскому ордену, а чрезъ десять лѣтъ снова были возвращены датчанамъ. Въ слѣдующемъ за этимъ переходомъ году (1238) разрѣшено было промышленникамъ и торговцамъ изъ вольныхъ германскихъ городовъ Любека и Бремена (принадлежащихъ, какъ извѣстно, къ Ганзейскому торговому союзу, къ которому принадлежалъ и Новгородъ съ пригородами) селиться вокругъ Ревельскаго замка и тѣмъ положено начало торговому развитію Ревеля, какимъ онъ отличается и по сіе время. Его морской портъ занимаетъ, по величинѣ своихъ оборотовъ, четвертое мѣсто въ Россіи. Вскорѣ торговое значеніе Ревеля поставило его въ числѣ важнѣйшихъ городовъ Ганзейскаго союза и Ревель начинаетъ обстраиваться, принимая свойственный тогдашнимъ средневѣковымъ городамъ внѣшній видъ. Королева Маргарита въ 1280 году обводитъ городъ стѣною, а эту работу оканчиваетъ, въ 1310 году, датчанинъ, рыцарь Іоаннъ Канне. Недолго спустя, Ревелю уже приходится бороться съ внѣшними врагами, а недавно построеннымъ стѣнамъ—выдержать осаду возставшихъ эстовъ (1343), отъ которыхъ освобождаетъ осажденныхъ гермейстеръ Ливонскаго ордена Бурхардтъ фонъ-Дрейлевенъ. Затѣмъ, въ 1374 году, городъ снова переходитъ къ Ливонскому ордену, который пріобрѣтаетъ его отъ датскаго короля Вольдемара III за 19,000 марокъ серебра. Въ слѣдующемъ XV столѣтіи городъ постигаетъ несчастье: въ 1433 году его истреб-

[1]) По эстонски Tallina, по древне-русскимъ лѣтописямъ—Колывань, по нѣмецки Reval, отъ Reh—олень и fall (отъ fallen—падать)—намекъ на окрестные лѣса, гдѣ охотились на оленей.

ляетъ страшный пожаръ, а спустя сто лѣтъ опустошаетъ чума. Въ XVI столѣтіи, именно въ 1525 году, въ Ревелѣ водворилось ученіе Лютера. Въ 1532 году было приступлено къ сооруженію вала, окружающаго городъ, и башни противъ Рижской горы—въ защиту отъ русскихъ, опустошавшихъ страну. Въ это же время многіе ревельскіе жители, опасаясь русскихъ, покинули городъ и переселились въ Германію, спасая на судахъ себя и свое имущество. Въ 1561 году, съ окончаніемъ существованія Ливонскаго ордена, Ревель переходитъ къ Швеціи, въ царствованіе короля Эрика XIV; затѣмъ онъ выдерживаетъ бомбардировку любско-датскаго флота въ 1569 году и осады русскихъ въ 1571 и 1577 г.г. Къ этому времени наступаетъ паденіе торговли Ревеля, уже не находящей въ немъ для себя безопаснаго пристанища, въ которомъ она могла до сихъ поръ свободно и безпрепятственно развиваться. Окончательный ударъ ей наноситъ основаніемъ Петербурга. Къ Россіи Ревель перешелъ 29 сентября 1710 года въ Сѣверную войну, сдавшись, при комендантѣ Паткулѣ, Петру Великому на капитуляцію. При Петрѣ I предприняты были здѣсь: сооруженія военной гавани, большаго и малаго дворцовъ, построенныхъ архитекторомъ Мишетти, и закладка сада въ недалекомъ Катеринеталѣ (въ двухъ верстахъ къ востоку). Въ 1790 году, у Ревеля произошло морское сраженіе между флотомъ шведскаго адмирала герцога Зюдерманландскаго и русской эскадрой адмирала Чичагова (2 мая), причемъ Чичагову удалось отбить аттаку шведскихъ кораблей. Вскорѣ Ревель становится сильнымъ морскимъ портомъ, такъ что уже во время Крымской кампаніи, въ 1855—56 г.г., соединенный англо-французскій флотъ, подъ начальствомъ Непира, не рѣшился его аттаковать. Нынѣ Ревель является частной стоянкой для нашихъ военныхъ кораблей и обычнымъ пунктомъ военно-учебной экскурсіи воспитанниковъ морскаго корпуса.

Городъ Ревель состоитъ изъ нѣсколькихъ, совершенно не похожихъ другъ на друга, частей, и изъ нихъ нѣкоторыя даже пользуются особыми административными правами и своими учрежденіями. Итакъ, самый городъ раздѣляется на Вышгородъ (Dôm), расположенный на горѣ Домбергъ (Domberg), и составляющій аристократическій дворянскій кварталъ, въ которомъ помѣщаются замки и дома стараго нѣмецкаго рыцарства, и на Нижній городъ. Какъ одна, такъ и другая часть имѣютъ свои особыя учрежденія и управленіе. Къ нижнему городу присоединено три предмѣстья — Дерптское, Вышгородское и Нарвское. Нижній городъ — бывшая резиденція ревельскаго купечества, а поэтому и теперь еще въ его старыхъ домахъ можно найти слѣды приспособленій къ торговлѣ,—

именно большіе коридоры для склада товаровъ, оканчивающіеся отверстіями въ стѣнахъ для удобнѣйшаго ихъ перетаскиванія. Принужденное постоянно защищаться отъ всякаго рода внѣшнихъ враговъ, ревельское купечество строило свои дома и магазины по примѣру всѣхъ средневѣковыхъ городовъ, — окруженныхъ безпокойнымъ рыцарствомъ, — съ узкими кривыми улицами, въ которыхъ удобно выдерживать нападеніе и защищаться. Аристократическія помѣщенія Вышгорода совершенно на нихъ не похожи и отличаются всѣми чертами старинныхъ рыцарскихъ жилищъ.

Въ Нижнемъ городѣ заслуживаетъ вниманія Шведскій или Большой рынокъ передъ ратушей. Въ Вышгородѣ находится замокъ, обращенный нынѣ въ губернское правленіе. Изъ числа прекрасныхъ готическихъ лютеранскихъ церквей слѣдуетъ отмѣтить: древнѣйшую — эстонскую—церковь св. Духа, затѣмъ построенную въ 1317 году церковь св. Николая, Вышгородскую церковь, или Домъ (Dômkirche), дающую названіе кварталу города, и церковь св. Олая. Это—лучшая изъ всѣхъ ревельскихъ лютеранскихъ церквей, начатая въ XIII вѣкѣ, нѣсколько разъ погибавшая отъ пожара и окончательно отстроенная лишь въ 1840 году. Ея шпицъ высится на 429 англ. футовъ. Въ церквяхъ этихъ путешественникамъ показываютъ разныя историческія достопримѣчательности и рѣдкости, въ родѣ гробницы герцога де-Кроа (duc de Croix), командовавшаго русскими войсками въ битвѣ подъ Нарвою въ 1700 г. и умершаго въ плѣну въ Ревелѣ въ 1710 году; гробницъ Понтуса де-ла-Гарди († 1585), Генриха Матіаса († 1640), шведскаго полководца Генриха Горна и русскаго адмирала Грейга. Тутъ же можно видѣть картины древней нѣмецкой живописи. Въ Ревелѣ много недурныхъ гостинницъ, кафе и ресторановъ, городской театръ, циркъ, музей, сады, клубы русскіе, нѣмецкіе и эстонскіе, нѣмецкое литературное общество, благотворительныя общества, особыя филантропическія учрежденія и т. п. Около города имѣются живописныя окрестности, развалины историческихъ замковъ и монастырей, каменоломни, даже минеральныя воды (на полуостровъ Вимсѣ). Общество Ревеля дѣлится на многое множество отдѣльныхъ и даже враждебно стоящихъ другъ противъ друга кружковъ со своими особыми сепаратными интересами и дѣлами. Главныя категоріи этихъ кружковъ дѣлятся на русскую, нѣмецкую и эстонскую, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои меньшія подраздѣленія. Этотъ сепаратизмъ, какъ вообще въ Эстляндіи, такъ и особенно здѣсь, составляетъ характерную черту и результатъ историческихъ судебъ страны, перешедшей чрезъ разныя колеи и разныя владычества, изъ которыхъ каждое оставило свой

слѣдъ. Особенной недоступностью и замкнутостью отличается нѣмецкая аристократическая каста, выводящая свое происхожденіе непосредственно отъ Адама и Евы и не признающая ни русскаго, ни иностраннаго дворянства. О лицахъ другихъ классовъ и говорить нечего: — on ne les compient pas,—а мѣстныхъ чухонцевъ едва даже признаютъ людьми. Желая искоренить эту обособленность населенія Эстляндіи, русское правительство взялось за реформу мѣстнаго управленія и суда, но, какъ было сказано выше, результаты, нынѣ достигнутые, еще не оправдали возлагаемыхъ на нихъ надеждъ.

Какъ бы то ни было, съ внѣшней стороны все теперь перемѣнило свой видъ: исчезли многія чисто мѣстныя особенности, перестали дѣйствовать мѣстные судьи, такъ называемые «гакенрихтеры», всякіе «ротмистры» и т. п.

Совсѣмъ своеобразный видъ представляетъ ревельскій портъ: чего только и кого здѣсь не увидишь! Множество мачтъ, парусовъ, пароходныхъ трубъ, судовъ, лодокъ, баржъ еще издали бросается въ глаза. Дѣятельность кипучая: — въ одномъ мѣстѣ выгружаютъ товаръ, въ другомъ его нагружаютъ; тутъ матросы спускаютъ съ военнаго корабля паровой катеръ и отчаливаютъ его, ловко и проворно направляясь куда-то; тамъ въ большой шлюпкѣ, усиленно приводимой въ движеніе группой такихъ же матросовъ, ѣдетъ «батюшка». Безчисленный рядъ чухонскихъ рыбачьихъ судовъ, нагруженныхъ дровами для топлива, выстроился у самой набережной, а ломовые извощики нагружаются и свозятъ дрова въ городъ; невдалекѣ большой пассажирскій пароходъ, испустивъ рѣзкій свистокъ, медленно описываетъ дугу, направляясь въ открытыя воды Финскаго залива. На противоположномъ концѣ порта стоятъ торговыя суда, на которыхъ развѣваются флаги разныхъ націй. Вотъ стоитъ на якорѣ большой англійскій пароходъ съ бѣлой трубой; на его мачтѣ развѣвается красный флагъ съ синимъ крестомъ въ лѣвомъ углу, а рядомъ колышется грузный нѣмецкій парусный корабль, выкрашенный въ зеленую и бѣлую краски. Не довольствуясь якоремъ, отъ него протянуты къ берегу мощныя заржавленныя цѣпи, продѣтыя въ толстыя желѣзныя кольца, укрѣпленныя въ сѣромъ гранитѣ великолѣпной набережной. Цѣлые товарные поѣзда направляются къ послѣдней по нарочно проложеннымъ рельсамъ, соединяющимъ портъ съ Балтійской желѣзной дорогой. До открытія этой дороги, т. е. до 1870 года, какъ видно изъ статистическихъ цифръ, торговля Ревеля сильно увеличилась. Товаровъ привезено было:

до 1870 года на . . . . . 1.600,000 руб.
въ 1872 » » . . . . . 32.000,000 »
» 1882 » » . . . . . 69.000,000 »

Съ тѣхъ поръ привозъ этотъ не перестаетъ увеличиваться и идетъ crescendo.

То же самое можно сказать и о вывозѣ русскихъ товаровъ за границу. Вывезено было:

до 1870 года на . . . . . 300,000 руб.
въ 1882 » » . . . . . 17.500,000 »

Весь оборотъ Ревеля въ періодъ 1869—1882 гг. возросъ съ 2-хъ до 86 милл. руб., т. е. увеличился въ 45 разъ. Главные предметы привоза составляютъ: хлопчатая бумага, обрабатываемая въ огромныхъ партіяхъ на Кренгольмской фабрикѣ подъ Нарвой, каменный уголь, машины, желѣзо и сталь, чугунъ, масло (деревянное), соль и сельди. Вывозъ составляютъ: овесъ, ленъ, пшеница, рожь, спиртъ, холстъ, парусное полотно, скатерти, салфетки, веревки и канаты. Эти товары, по большей части, идутъ въ Англію и Германію. Хлопчатая бумага въ огромныхъ партіяхъ доставляется главнымъ образомъ для московскихъ фабрикъ. Населеніе Ревеля,—какъ легко объяснить это его торговымъ и административнымъ положеніемъ,—смѣшанное, причемъ коренными жителями слѣдуетъ считать нѣмцевъ и эстонцевъ, а наплывнымъ элементомъ—русскихъ, составляющихъ здѣсь, главнымъ образомъ, чиновный классъ, весьма многочисленный вслѣдствіе разныхъ правительственныхъ учрежденій губернскаго города. Среди нихъ внушительные размѣры представляютъ таможни, главный корпусъ которыхъ расположился у гавани. На всемъ протяженіи прибалтійской желѣзной дороги путешественникъ имѣетъ возможность изъ окна вагона наблюдать сельскій образъ жизни населенія страны, преобладающее занятіе котораго составляютъ скотоводство и земледѣліе, дающія значительныя выгоды при легкости сбыта сельскохозяйственныхъ произведеній во всепоглощающій и недалекій Петербургъ. Особенно хорошо поставлены: выдѣлка сыра, масла, откормъ быковъ для мяснаго рынка и тонкорунное овцеводство; какъ спеціальность Ревеля, нельзя не упомянуть о знаменитыхъ ревельскихъ кильках—продуктъ довольно обширной рыбной ловли.

Нельзя не упомянуть также о превосходной мебели, изготовляемой въ Ревелѣ и отличающейся образцовой работой и чистотой отдѣлки. Она цѣнится высоко въ Россіи, гдѣ зачастую ее привыкли называть петербургскою. Съ Петербургомъ же она не имѣетъ ничего общаго.

VI.

Своеобразную картину представляетъ находящійся внутри страны провинціальный уѣздный городокъ *Везенбергъ*, по справедливости называемый «чухонской столицей». Одинъ въѣздъ въ него даетъ понятіе о совершенномъ захолустьѣ и маломъ притокѣ воздуха общественной и умственной жизни, замѣняемой узкими мѣстными интересами небольшой горсти его обитателей, убивающей время за мудренымъ винтомъ и стаканомъ пива. Поѣздъ останавливается у небольшаго, довольно кокетливаго вида, вокзала, построеннаго съ очевидной претензіей на какой-то мѣстный стиль, занимающій среднее мѣсто между русскимъ и швейцарскимъ. Такое впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, пришлось испытать мнѣ при видѣ этого деревяннаго строенія, украшеннаго обильною рѣзьбой. Пассажирскія комнаты весьма малыхъ размѣровъ, точь въ точь на какой нибудь дачной станціи, выросшей по щучьему велѣнію въ одинъ мѣсяцъ. Не приходитъ даже въ голову, что за этимъ жалкимъ желѣзнодорожнымъ монументомъ спрятался цѣлый уѣздный городъ, въ которомъ помѣщается нѣсколько казенныхъ учрежденій, какъ напр., казначейство, съѣздъ мировыхъ судей, и др. Услужливый носильщикъ выхватываетъ изъ рукъ вашъ багажъ и тащитъ его къ извощикамъ, которые по ту сторону станціи уже волнуются въ ожиданіи заработка. Они подъѣзжаютъ гуськомъ, въ перегонку одинъ передъ другимъ, усиленно предлагая свои услуги, и въ этомъ отношеніи ни въ чемъ не отличаются отъ остальныхъ международныхъ своихъ собратій. Я выбираю двуконнаго бородача, разбитая колымага котораго обита весьма парадно и напоказъ ярко-красной матеріей, точно генеральская подкладка. Однако, весь остальной его внѣшній видъ далеко не блестящій, клячи, достойныя Донъ-Кихота, а рессоры коляски громко заявляютъ о своей дряхлости и совершенной развинченности. Однако, нечего дѣлать,—надо садиться и ѣхать, такъ какъ единственный дневной пассажирскій поѣздъ, выходящій изъ Ревеля, приходитъ сюда уже къ вечеру, такъ что, если не поспѣшить устроиться въ гостинницѣ, то можно остаться безъ крова. Дѣло въ томъ, что гостинницъ здѣсь мало—всего три,—и изъ нихъ только одна напоминаетъ возможное жилище, другая ремонтируется, а третья приглашаетъ вступающаго въ ея негостепріимный порогъ путника оставить всякую надежду на спокойный сонъ... Къ тому же, какъ на зло, въ городѣ отбывается мѣсячная ярмарка и сельскохозяйственная выставка, на которую съѣзжаются не только фермеры и крестьяне

со всѣхъ ближнихъ и дальнихъ окрестностей Везенберга, но также и множество помѣщиковъ, щеголяющихъ здѣсь своими экспонатами, своими выѣздами, лошадьми, и прибывающими сюда, кромѣ того, для покупокъ и по другихъ хозяйственнымъ дѣламъ. При такихъ условіяхъ, не мудрено было мнѣ остаться безъ комнаты, а потому, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, я приказалъ кучеру везти себя въ лучшую гостинницу Лемке, что̀ на главной улицѣ, названіе которой я уже забылъ. Мы покатили сперва по quasi-шоссейной дорогѣ, полной ухабовъ и невылазной грязи, а затѣмъ повернули къ предмѣстью города—жалкой чухонской деревушкѣ, претендующей, тѣмъ не менѣе, на городскую часть, а затѣмъ выѣхали въ первую городскую улицу, не представляющую никакихъ эстетическихъ особенностей. То же самое можно сказать и о главной улицѣ, на которой, между прочимъ, помѣщается клубъ русскихъ жителей города въ зданіи, называвшемся передъ тѣмъ Hôtel du Nord. Миновавъ этотъ пышный отель и чуть не откусивъ себѣ языкъ на поворотѣ въ главную улицу,—когда моей колымагѣ пришлось перевалить чрезъ канаву, устроенную въ видѣ демаркаціонной линіи на рубежѣ двухъ соприкасающихся улицъ,—мой извощикъ остановился у сравнительно приличнаго домика, на вывѣскѣ котораго красовалась большими буквами фамилія хозяина гостинницы. Однако, оказалось, что всѣ комнаты были уже заняты и лишь на другой день освободится одинъ номеръ. Поэтому ничего не оставалось, какъ отправляться искать номера въ сосѣдней, весьма невзрачной Балтійской гостинницѣ—Baltischer Hof, красныя стѣны которой даже не отштукатурены, очевидно, во избѣжаніе излишнихъ расходовъ на такое внѣшнее ненужное украшеніе. По счастью, здѣсь нашлась одна свободная комната, довольно чисто содержимая, гдѣ можно было кое-какъ провести ночь.

Съ трудомъ разыскалъ я хозяевъ «нѣмцевъ», причемъ самъ хозяинъ таинственно скрылся куда-то; имѣть дѣло пришлось съ хозяйкой—брюнеткой лѣтъ за тридцать, немилосердно размалеванной и подкрашенной, говорящей сносно по нѣмецки и плохо по русски. Услышавъ, что я говорю по нѣмецки, она тотчасъ же стала очень вѣжлива и услужлива, тогда какъ раньше, замѣтивъ, что я русскій, она неохотно и угрюмо отвѣчала на мои вопросы. Потомъ оказалось, что эта захудалая гостинница во сто разъ лучше первой, въ которой всѣ нумера были заняты въ день моего пріѣзда и гдѣ, по переселеніи туда на слѣдующій день, я принужденъ былъ бороться ночью съ многочисленными паразитами, не дающими покоя.

Везенбергъ расположенъ въ 250 верстахъ отъ Петербурга, у подошвы холма, на которомъ стоятъ развалины древняго замка.

По эстонски Везенбергъ называется Ракверлинъ, а въ древнихъ русскихъ лѣтописяхъ именовался Раковоромъ.

Постройка замка, развалины котораго сохранились по сіе время, совпадаетъ съ основаніемъ города датскимъ королемъ Вальдемаромъ II, въ 1224 году.

Такимъ образомъ, этому древнему городу нынѣ исполнилось почти 680 лѣтъ и, не смотря на то, онъ представляется на видъ совершенно незначительнымъ городомъ, только начинающимъ кое-гдѣ обстраиваться. Можно, не ошибаясь, сказать, что онъ находится теперь въ періодѣ совершеннаго упадка, не смотря даже на то, что соединенъ желѣзнодорожной линіей съ Петербургомъ и Ревелемъ и усиленно сбываетъ свои сельскіе продукты, какъ въ одну, такъ и въ другую сторону, вслѣдствіе чего въ самомъ городѣ ощущается недостатокъ нѣкоторыхъ съѣстныхъ припасовъ, на которые стоитъ сравнительно высокая цѣна. Несомнѣнно также и то, что на городѣ отразились историческія событія, длинной вереницей прошедшія надъ его разрушавшимися и сгоравшими стѣнами, и по очереди бросавшія его въ руки разныхъ завоевателей. Въ 1302 году Везенбергъ получилъ городскія права, а въ 1347—перешелъ къ Ливонскому ордену. Слишкомъ двѣсти лѣтъ спустя, именно въ 1568 году, городомъ овладѣваютъ русскіе, начинавшіе издавна напирать на эстонскую землю и задиравшіеся съ ливонцами, а потомъ со шведами. Это былъ ударъ для цвѣтущей торговли города. Вмѣстѣ съ городомъ, въ руки русскихъ попалъ и замокъ. Черезъ тринадцать лѣтъ (1581) Везенбергъ достается шведамъ, а шведскій король Густавъ-Адольфъ даритъ его Бредероде вмѣстѣ съ титуломъ барона Везенбергскаго. Затѣмъ городомъ овладѣли Тизенгаузены, пока, наконецъ, въ 1783 году онъ не былъ купленъ у нихъ русскимъ правительствомъ и обращенъ въ уѣздный городъ. Такова вкратцѣ исторія стараго Везенберга, въ подробностяхъ своихъ, представляющая много интересныхъ и кровавыхъ страницъ, особенно если имѣть въ виду слишкомъ шестивѣковое его существованіе.

Во время моего краткаго пребыванія въ Везенбергѣ, мнѣ пришлось наблюдать чухонцевъ у себя дома, въ своей «столицѣ», и вывести заключеніе о совершенной замкнутости этого молчаливаго, несообщительнаго, суроваго народа, тихо живущаго своею жизнью и мало интересующагося тѣмъ, что творится вокругъ него. Кажется иногда, что это тѣ же древніе чухонцы, которые строили нѣкогда везенбергскій замокъ—за шесть вѣковъ до настоящей эпохи. Историческій типъ,—какъ мы видимъ его на старыхъ картинахъ,—сохранился здѣсь въ полной чистотѣ и оригинальности, похожій

на фламандскій; какъ уже было отмѣчено, почти никто здѣсь не понимаетъ по русски или, по крайней мѣрѣ, не желаетъ говорить на нашемъ государственномъ языкѣ. Однажды, присутствуя при разборѣ мироваго судьи въ Нарвѣ, я былъ пораженъ тѣмъ, что судья, всякій разъ какъ вызывались свидѣтели по дѣлу, долженъ былъ прибѣгать къ помощи переводчика. Въ это время мой сосѣдъ изъ мѣстныхъ чиновниковъ указалъ мнѣ одного виднаго господина, только что отказавшагося дать показанія на русскомъ языкѣ, котораго онъ будто бы совсѣмъ не понималъ.

— Вы полагаете, что онъ въ самомъ дѣлѣ не понимаетъ судью?— задалъ онъ мнѣ вопросъ и, видя мое недоумѣніе, пояснилъ:

— Вовсе нѣтъ: онъ не только отлично все понимаетъ, что говорится на судѣ, но прекрасно владѣетъ русскимъ языкомъ, проживъ долгое время въ Петербургѣ, гдѣ я его зналъ и неоднократно съ нимъ объяснялся по русски. Но дѣло въ томъ, что онъ нынѣ не хочетъ признавать этого офиціально, изъ солидарности съ своими земляками, которые всѣ теперь артачатся и дѣлаютъ видъ, что не понимаютъ никакого инаго языка, кромѣ своего чухонскаго. Такой ужъ стихъ нашелъ: то же играютъ въ «сепаратизмъ», по примѣру своихъ недавнихъ угнетателей—нѣмцевъ, которымъ теперь посбавили прыти. Нынче все идетъ въ разбродъ: финны, чухонцы, нѣмцы, поляки, малороссы — всѣ изъ кожи лѣзутъ вонъ, какъ бы выставить на первомъ планѣ свою маленькую «спеціальную» національность и выдѣлиться изъ общерусскаго, охватившаго изъ со всѣхъ сторонъ, моря...

Везенбергская ярмарка располагается всюду, гдѣ попало, преимущественно на главной улицѣ, на которой въ это время нѣтъ прохода. Тутъ царствуетъ большое оживленіе, составляющее рѣзкій контрастъ съ обычной тишиной этого захолустья, однако, главные порывы этого волненія и шума надо отнести не къ увлеченію торговыми дѣлами, пересудами и спорами, а преимущественно къ разнымъ продѣлкамъ буйнаго характера, проявляющагося во всей своей грубости и необузданности въ пьяномъ видѣ. «Каковъ въ хмѣлю»?— спрашивалъ Петръ Великій, признавая это анормальное состояніе лучшимъ отраженіемъ человѣческихъ страстей, въ большинствѣ случаевъ маскируемыхъ въ то время, когда разсудокъ властенъ. Но разъ этотъ «дипломатъ» спитъ, всѣ страсти необузданно вырываются наружу и, такъ сказать, открываютъ свои карты... Вотъ почему правъ былъ Петръ I и почему любопытно наблюдать людей именно въ этомъ состояніи. Среди чухонъ [1]), напр., приходилось

[1]) Именемъ «чухонца» у насъ, впрочемъ, безразлично называютъ и финна, и эстонца.

видѣть и пьяныхъ русскихъ, пристрастіе которыхъ къ водкѣ, къ сожалѣнію, слишкомъ хорошо извѣстно. Однако, и тутъ русскій пьяница выдѣляется своей безобидностью и добродушіемъ, тогда какъ «чухна» золъ, норовитъ накинуться, побить, а—главное—обругать встрѣчнаго и поперечнаго самыми гнусными ругательными словами, по счастью, намъ непонятными.

Вечеромъ мнѣ пришлось ужинать въ неприхотливомъ везенбергскомъ ресторанѣ или, лучше, буфетѣ «Балтійской гостинницы», устроенномъ въ лѣтнюю пору въ саду. Мнѣ удалось скромно удовлетворить свой апетитъ хорошимъ сыромъ, свѣжимъ вкуснымъ масломъ и яйцами, отличной ветчиной и бутылкой свѣтлаго пива изъ извѣстнаго сакскаго завода подъ Ревелемъ.

За сосѣднимъ столомъ сидѣло двое нѣмцевъ, должно быть, помѣщиковъ, флегматично распивавшихъ пѣнящееся клико. Возлѣ нихъ вертѣлась небольшая, но хорошо сложенная бѣлая собака, изъ породы Fox-terrier, получившая медаль на мѣстной выставкѣ. Собака была прекрасная для своей породы. Устройство «буфета» носило видимую тенденцію къ германизму хозяевъ, не говорившихъ иначе, какъ по тевтонски. Надъ входомъ парадно привѣшены были какіе-то рыцарскіе доспѣхи, какъ будто припоминающіе посѣтителю о доблестныхъ подвигахъ ливонцевъ и о добрыхъ старыхъ временахъ—die guten alten Zeiten,—которыя, увы, давно прошли для бѣдныхъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, какъ прекрасные дни Аранжуэца... Съ улыбкой глядѣлъ я, утоляя голодъ, на эти жалкія демонстраціи отжившаго германизма на нашей почвѣ, столь тщеславно заявляющія о себѣ въ виду своего явнаго безсилія и необходимости, въ концѣ концовъ, даже въ мелочахъ жизни, подчиниться всеохватывающему русскому началу, снисходительному ко всѣмъ тому подобнымъ сепаративнымъ проявленіямъ и мало стѣсняющемуся ими. Въ это время автоматическій гармоніумъ исполнялъ «die Wacht am Rhein» и другія національныя нѣмецкія пѣсни. Скоро распрощался я съ этимъ балаганомъ умирающаго фатерланда и отправился къ себѣ въ гостинницу, а на другой день совсѣмъ покинулъ инородческій городъ, въ которомъ русскому человѣку непріятно чувствовать себя иностранцемъ въ предѣлахъ своего же отечества...

VII.

Пространство между Везенбергомъ и Нарвой раздѣлено между станціями: Каппель, Сонда, Изенгофъ, Кохтель, Іеве, Вайвара и Корфъ. Все это по большей части большія мызы и имѣнія, съ великолѣпными парками, дворцами, образцовыми фермами и проч.,

лежащія въ живописной, лѣсистой, здоровой мѣстности, вслѣдствіе чего тутъ же неподалеку настроено много дачъ, привлекающихъ ежегодно громадное количество дачниковъ, особенно изъ Петербурга. Главный контингентъ послѣднихъ селится по берегу моря, между Удріасомъ и Гунгербургомъ. Самое большее изъ этихъ мѣстечекъ—Іеве, близъ котораго находится богатѣйшее имѣніе г. Жерара-де-Сукантона, съ его образцовыми фермами, оранжереями, дворцомъ и огромнымъ запущеннымъ паркомъ. Въ Іеве помѣщается камера мироваго судьи, тамъ же живутъ комисаръ по крестьянскимъ дѣламъ, помощникъ начальника уѣзда и другія власти. Мѣстечко само по себѣ ничѣмъ не замѣчательно, и весьма мало и жалко по виду. Собственно говоря, въ немъ ничего нѣтъ, кромѣ рынка и нѣсколькихъ расположенныхъ вокругъ домиковъ, да небольшой православной церкви, выстроенной, на подобіе всѣхъ такихъ же захолустныхъ церквей въ Эстляндіи, однимъ и тѣмъ же предпринимателемъ, не обладающимъ вкусомъ. Послѣ дождя, на дорогѣ, соединяющей Іеве со станціей (за 2 версты) образуется до того густая и липкая грязь, что съ нею не въ состояніи бороться никакія калоши, увязающія, какъ въ тѣстѣ. На рынкѣ же возвышается,—если можно такъ выразиться о старомъ низменномъ домикѣ,—почтовый «заѣздъ», въ которомъ останавливаются путешественники и гдѣ нанимаются почтовыя коляски. И тутъ содержатель — quasi «нѣмецъ», къ тому же, одушевленный самыми пылкими германофильскими желаніями и нерасположенный къ русскимъ. Въ разговорѣ съ нимъ, мнѣ казалось, что я нахожусь въ какой нибудь кнайпѣ, недалеко отъ Мюнхена, или Дрездена, но не въ пятичасовомъ разстояніи отъ нашей столицы... Принужденный однажды пріѣхать сюда съ утреннимъ поѣздомъ въ 6 часовъ утра, я не могъ получить стаканъ чаю отъ служанки—угрюмой чухонки, обращающей столько же вниманія на несчастныхъ посѣтителей почтоваго «заѣзда», сколько на прошлогодній снѣгъ. Не было даже порядочнаго дивана, чтобы прилечь въ ожиданіи болѣе поздняго часа, когда люди здѣсь просыпаются и завтракаютъ. Я надѣялся къ тому времени найти спавшаго еще хозяина и объяснить ему потребности моего желудка, которыхъ не хотѣла понять его служанка, но даже и такъ убить время не удалось, и я принужденъ былъ усѣсться въ рваномъ, подозрительной чистоты, креслѣ и возиться лишь со своими мыслями, что составило для меня, при описанной обстановкѣ, наиболѣе подходящее препровожденіе времени. Днемъ мнѣ удалось посѣтить великолѣпный старый паркъ г. Жерара де-Сукантона. Хотя у входа и была надпись, что постороннимъ лицамъ входъ въ него воспрещенъ, но, не видя никого, я рискнулъ преступить этотъ Рубиконъ и сейчасъ же очу-

тился въ паркѣ, точно въ саду очарованнаго замка, средневѣковыя очертанія котораго виднѣлись недалеко. Большое новое зданіе этого замка построено въ стилѣ не то готическомъ, не то древнегерманскомъ, однако,—какъ по всему видно,—со всѣми новѣйшими приспособленіями, съ особымъ хитроумнымъ подъѣздомъ, террасою, башнями и т. п. Все это нѣсколько сомнительнаго вкуса, хотя и съ большими претензіями. Передъ замкомъ—большой, круглый плацъ (rond point) съ дорогой вокругъ для объѣзда, какъ бываетъ передъ дворцами и замками въ стилѣ XVIII вѣка. Если замокъ не всякаго удовлетворитъ своими хотя обширными, но несовсѣмъ симпатичными формами, зато паркъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. По части запутанности своего остроумнаго плана, густоты деревъ, разнообразія ихъ породъ, живописности и вѣковаго отпечатка на толстыхъ стволахъ,—онъ можетъ соперничать съ лучшими парками, какіе мнѣ удавалось видѣть. Я былъ даже пораженъ, что въ столь сѣверной странѣ, какъ Эстляндія, возможна такая сочная и широкая растительность, и сравнивалъ ее невольно съ извѣстнымъ историческимъ Лазенковскимъ паркомъ въ Варшавѣ. Послѣдній, устроенный при польскомъ королѣ Станиславѣ-Августѣ Понятовскомъ, составляетъ, по моему мнѣнію, образецъ гармоніи искусства и природы. Іевенскій паркъ, — какъ мнѣ показалось, — размѣрами немногимъ меньше Лазенковскаго, а по густотѣ деревьевъ не уступаетъ ему. Любопытно, что, гуляя здѣсь болѣе часа, я никого не встрѣтилъ... Уже выдя изъ парка, въ широкой, окаймленной деревьями, прекрасной аллеѣ, ведущей къ нему и напоминающей версальскія аллеи, я повстрѣчался съ двумя чиновниками, съ которыми свелъ знакомство наканунѣ, въ вокзалѣ. На мой вопросъ, не направляются ли и они туда, откуда я вышелъ, т. е. въ паркъ, оба они многозначительно переглянулись и съ недовольнымъ, какъ бы обиженнымъ, тономъ дали единогласный отрицательный отвѣтъ. Выразивъ имъ свое удивленіе по этому поводу, особенно узнавъ, что владѣлецъ парка не запрещаетъ «чистой публикѣ» гулять въ паркѣ сколько угодно, при отсутствіи въ мѣстечкѣ лучшаго мѣста для гуляній, я получилъ разъясненіе, что хотя это и такъ, однако, ихъ чиновничья гордость не дозволяетъ имъ пользоваться милостивымъ разрѣшеніемъ гордаго барона, не признающаго русскаго чиновника и лишь снисходящаго къ нему. Вслѣдствіе такихъ натянутыхъ отношеній между мѣстными помѣщиками и русскими служащими, здѣсь вообще не принято пользоваться вѣжливымъ гостепріимствомъ помѣщиковъ. Еще разъ бросилась мнѣ въ глаза розни между русскимъ и старо-нѣмецкимъ элементами въ этой странѣ, гдѣ борьба между ними ведется теперь все сильнѣе, а вчерашніе

господа не желаютъ потерять своихъ историческихъ прерогативъ и доминирующаго феодальнаго вліянія. Они принуждены покориться только въ силу неумолимыхъ обстоятельствъ и требованій эпохи. Отсюда взаимныя сталкиванія, выражающіяся подчасъ въ весьма странной и даже смѣшной формѣ враждебныхъ провинціальныхъ отношеній. Кромѣ дворца и парка, въ Іеве едва ли найдется что либо, могущее привлечь къ себѣ туриста. Въ другомъ совершенно видѣ представляется сосѣднее помѣстье Вайвара, соединенное шоссейной дорогой, какъ съ Іеве, такъ и со слѣдующей станціей балтійской желѣзной дороги, Корфомъ, и составляющее вмѣстѣ съ послѣднимъ имѣніемъ, родовое гнѣздо благородныхъ бароновъ Корфовъ, представители рода которыхъ неоднократно служили русскому царю и отечеству.

Насколько Іеве составляетъ плоскую, ровную и даже, мѣстами, болотистую черноземную, удобную для пастбищъ, мѣстность,—настолько помѣстье Вайвара расположено въ живописной гористой мѣстности, у подошвы которой разстилается на необъятномъ пространствѣ голубая синева Финскаго залива. На лѣсистой горѣ величественно возвышается старинный реставрированный красивый замокъ, въ которомъ живутъ владѣльцы имѣнія. Попадая внезапно изъ равнины въ эту гористую мѣстность, путешественникъ испытываетъ большое удовольствіе и невольно любуется видомъ окружающихъ красивыхъ холмовъ, густой зелени и синяго моря. Отсюда шоссе ведетъ къ приморскимъ дачнымъ мѣстамъ — Удріасу, Меррекюлю, Шмецке и Гунгербургу, лежащимъ значительно ниже. Особенно хорошъ Удріасъ, съ высокаго утеса котораго,—напоминающаго своими громадными каменными глыбами, свалившимися цѣлой группой въ море, скалу Лорелей (Loreley felsen) на Рейнѣ, — видно море на далекомъ пространствѣ. (Группа этихъ камней тоже получила названіе: «Лорелея» и часто фигурируетъ на пейзажахъ, продаваемыхъ въ Нарвѣ). Отсюда начинается одна изъ живописнѣйшихъ дорогъ, составляющихъ любимую прогулку многочисленныхъ здѣшнихъ дачниковъ, преимущественно петербуржцевъ. Морскія купальныя мѣста слѣдуютъ здѣсь одно за другимъ, расположенныя рядомъ, однимъ концомъ упираясь въ песчаный берегъ моря, другимъ— выходя въ лѣсистую мѣстность, перерѣзанную шоссейной дорогой, соединяющей Ревель съ Везенбергомъ, Іеве, Нарвой и Ямбургомъ.

Всѣ эти мѣста, обратившіяся, сравнительно еще недавно, въ усердно посѣщаемые фешенебельные курорты, весьма похожи другъ на друга. Всюду встрѣчаются тѣ же дачные, иногда весьма комфортабельные, домики, часто даже роскошно устроенные внутри, а потому отдаваемые въ наемъ за весьма дорогую плату, доступную

только людямъ богатымъ. Однако, спросъ на свѣжій морской воздухъ въ окрестностяхъ Петербурга, при развитой дачной жизни, столь великъ, что дачи эти обыкновенно уже къ началу лѣта всѣ бываютъ заняты, а число ихъ ежегодно увеличивается. Публика, наплывающая сюда со всѣхъ концовъ Россіи, представляетъ тоже весьма любопытное зрѣлище и предметъ наблюденій для туриста, случайно заброшеннаго въ эти мѣста, какъ напр., это и было со мною. Но если дачные курорты,—Удріасъ, Меррекюль и Шмецке,—привлекаютъ массы дачниковъ и полны прелестныхъ дачъ, то все же они—ничто въ сравненіи съ крайнимъ, самымъ бо́льшимъ изъ этихъ мѣстъ, расположеннымъ у самаго устья р. Наровы—Гунгербургомъ, или, по русски, *Усть-Нарвоюю*. (Послѣднее названіе, хотя офиціальное и русское, менѣе распространено, чѣмъ историческое нѣмецкое). Какъ разсказываютъ, мѣстность эта названа такъ пріѣзжими нѣмцами, не заставшими здѣсь ничего, кромѣ бѣдныхъ рыбачьихъ хижинъ. По другимъ даннымъ, въ этихъ мѣстахъ шведы были когда-то осаждаемы русскими и, терпя голодъ, прозвали эту мѣстность «голоднымъ городомъ», если городомъ можно было назвать отдѣльное укрѣпленіе. Дачники, прибывающіе сюда съ востока, т. е. изъ Петербурга, или съ запада, т. е. со стороны Везенберга, должны такъ или иначе направляться сюда чрезъ Нарву. Конечно, можно ѣхать, какъ было сказано, по шоссе изъ Іеве; но это случается рѣже, такъ какъ это затруднительно и не представляетъ никакихъ удобствъ, не говоря уже о томъ, что путешествіе чрезъ Нарву гораздо интереснѣе.

Поэтому раньше, чѣмъ говорить о Гунгербургѣ, взглянемъ на эту древнюю крѣпость, занимающую столь видное роковое мѣсто въ лѣтописяхъ нашей исторіи и столь тѣсно связанную съ существованіемъ имперіи Петра Великаго. Однако, съ первыхъ же шаговъ въ Нарвѣ, туристъ съ грустью видитъ, въѣзжая въ запущенный [illegible]ьный городокъ, что прошлое было величественно и блестяще, [illegible]огда какъ настоящая дѣйствительность убога, грязна и некра[illegible]ива. Развѣ можно сравнить жалкія лачуги, украшающія новыя [illegible]арвскія улицы и предмѣстья и за которыми остались еще громкія [illegible]сторическія названія Петровскаго форштадта, Ивангородскаго фор[illegible]штадта, съ тѣми могущественными и солидными постройками, пре[illegible]красно сохранившіяся стѣны которыхъ краснорѣчиво свидѣтель[illegible]твуютъ и теперь о прошломъ величіи города, объ его неприступ[illegible]ости, о массѣ историческихъ событій, имѣвшихъ здѣсь мѣсто, и о [illegible]есомнѣнно высокой культурѣ его населенія, считавшаго когда-то [illegible]ъ своей средѣ именитыхъ и образованныхъ во всѣхъ отноше[illegible]іяхъ гражданъ, какими едва ли можно считать большинство ны-

нѣшнихъ нарвскихъ жителей. Главную массу послѣднихъ составляетъ сѣрая сплоченная каста мелкаго торгашества, на половину русскаго, на половину мѣстнаго. Громадный контингентъ составляютъ также закопченные фабричнымъ дымомъ и засаленные рабочіе, кромѣ которыхъ на улицахъ городка, особенно его предмѣстій, едва ли можно встрѣтить иную, болѣе чистую публику, какую мы видимъ, напр., въ Ревелѣ. Обращаясь къ исторіи Нарвы, мы увидимъ, что она довольно интересна и представляетъ для русскаго болѣе любопытныхъ данныхъ, чѣмъ исторія другихъ эстонскихъ городовъ.

Нарва,—какъ повѣствуютъ хроники,—основана около 1223 года датчанами, а по новгородской лѣтописи она основана въ 1256 году Дизманомъ, или Дитрихомъ фонъ-Кивель. Въ настоящее время городъ расположенъ по обѣ стороны быстротечной и живописной рѣки Наровы, причемъ правая сторона,—такъ называемый Иванъ-городъ и Ивангородскій форштадтъ,—находится въ петербургской полосѣ, издревле русской; а лѣвая,—т. е. собственно городъ Нарва, крѣпость того же названія и форштадты Петровскій и Нарвскій,—на лѣвомъ берегу рѣки, на нѣмецкой сторонѣ. Первоначальный городъ находился на правомъ берегу Наровы, былъ взятъ въ 1294 году новгородцами и сожженъ ими до тла. Тогда жители его переселились на лѣвый берегъ и основали здѣсь городъ, называемый въ нашихъ лѣтописяхъ Ругодивомъ.

Находясь на границѣ земель русскихъ и ливонскихъ, городъ претерпѣвалъ разныя бѣдствія, подвергаясь почти непрерывнымъ нападеніямъ русскихъ, нѣмцевъ и шведовъ. Онъ давно пріобрѣлъ извѣстность, составляя первоклассную крѣпость, упраздненную только въ 1864 году. Нарва, кромѣ того, переходила изъ рукъ въ руки и безъ завоеваній. Такъ, первоначально владѣвшіе ею датчане заложили ее рыцарямъ-меченосцамъ, а въ 1347 году продали вмѣстѣ съ Эстоніею этому ордену за 19,000 марокъ. До сихъ поръ лѣвый берегъ Наровы украшаютъ грозныя стѣны и замки нѣмецкихъ рыцарей, а затѣмъ шведовъ, тогда какъ на правомъ берегу высятся не менѣе внушительныя башни, соединенныя зубчатой стѣной, русскаго Иванъ-города, построеннаго при Іоаннѣ III въ 1492 году. Названіе свое эта крѣпость носитъ отъ имени царя. Въ серединѣ Иванъ-города построена была въ томъ же году, во имя св. Николая, церковь, на мѣстѣ которой впослѣдствіи построена Успенская церковь небольшихъ размѣровъ, въ строго византійскомъ стилѣ, сохранившаяся и до нашихъ дней. Въ 1496 году на Нарву напали шведы, сжегшіе городъ, но не удержались въ немъ. Въ 1558 году Нарва становится опять добычей русскихъ, когда они, воспользо-

вавшись вспыхнувшимъ въ городѣ пожаромъ, вышли изъ крѣпости Иванъ-города, переправились чрезъ Нарову и овладѣли шведскимъ гарнизономъ. Однако, шведы недолго считали себя побѣжденными: въ 1581 году они штурмовали городъ и, послѣ кровопролитнаго боя, отобрали его обратно у русскихъ. Въ 1583 году Нарва окончательно переходитъ къ шведамъ по особому договору, впрочемъ, ненадолго, такъ какъ ровно чрезъ шесть лѣтъ ею вновь овладѣваютъ русскіе. Такъ городъ, по очереди, переходитъ отъ русскихъ къ шведамъ и обратно, пока, наконецъ, имъ окончательно не завладѣли въ 1617 году шведы и владѣли такъ до петровской эпохи, т. е. въ продолженіе всего XVII столѣтія до начала XVIII вѣка, когда подъ Нарвой разыгрались новыя кровавыя историческія событія, рѣшившія ея судьбу окончательно и вернувшія ее русскому сосѣду безповоротно. Множество самыхъ таинственныхъ легендъ, берущихъ свое начало въ глубокой древности, осталось о тѣхъ сѣрыхъ замкахъ и башняхъ, которые еще въ настоящее время мрачно выдѣляютъ свои внушительные силуэты на эстонскомъ горизонтѣ. Такъ, сохранилась прекрасно на лѣвомъ берегу Наровы огромная, четырехъугольная шведская башня, архитектуры XIV вѣка, извѣстная подъ именемъ *Германъ-штубе*, или Германъ-ланге. Она сообщается съ центральными крѣпостными постройками, гдѣ нынѣ расположены казармы печорскаго полка, и нѣкогда составляла резиденцію гросмейстера рыцарскаго ордена меченосцевъ.

Разсказываютъ, что однажды, во время нападенія, произведеннаго на рыцарей русскими изъ Иванъ-города, русскимъ воеводой была захвачена, въ числѣ другихъ, красавица-жена одного изъ рыцарей, вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ. Воевода полюбилъ прекрасную плѣнницу и, пользуясь ея взаимностью, женился на ней и усыновилъ ея сына, котораго воспиталъ, какъ своего собственнаго. Неутѣшный мужъ, узнавши о происшедшемъ и горя страшной ревностью и местью, поклялся вернуть жену живою или мертвою и кроваво отмстить. И вотъ, при помощи вѣрныхъ слугъ своихъ, сталъ онъ рыть, втайнѣ отъ всѣхъ, — чтобы не выдать себя, — подкопъ подъ Наровой по направленію къ Иванъ-городу. Преданный слуга подавалъ своему господину пищу и питье, когда тотъ по ночамъ, сидя на большой глубинѣ, неутомимо преслѣдовалъ намѣченную имъ цѣль, ставшую для него единственной въ жизни. Нѣсколько десятковъ лѣтъ продолжалъ мстительный рыцарь свою нечеловѣческую работу; всѣ его помощники мало-по-малу перемерли; онъ же остался въ живыхъ одинъ вмѣстѣ съ своимъ вѣрнымъ слугой. Онъ не показывался на свѣтъ божій, все углубляясь

въ свое подземелье, которое постепенно увеличивалось, незамѣтно для живущихъ въ обѣихъ, насупротивъ стоящихъ, грозныхъ крѣпостяхъ. Когда однажды, спустя тридцать лѣтъ, оттуда, наконецъ, вышелъ мститель, то никто не узналъ бывшаго, еще памятнаго многимъ, молодаго, блестящаго рыцаря. Орудіе мести было готово; стоило только привести ее въ исполненіе. Ревнивый мужъ явился тогда къ гросмейстеру ордена и открылъ ему свою тайну: отъ рыцарскаго замка готовъ былъ подземный ходъ подъ рѣкою къ русской крѣпости, а сдѣлавшій его самъ вызывался провести понемъ рыцарей, чтобы напасть съ ними врасплохъ на русскихъ.

Его единодушно выбрали начальникомъ храбраго отряда, долженствовавшаго отмстить русскимъ за набѣгъ. И вотъ въ одну темную ночь, во время страшной грозы, спустилась горсть отборныхъ рыцарей въ нѣдра земли, находя дорогу при свѣтѣ факеловъ, съ рыцаремъ-мстителемъ во главѣ. Ходъ былъ узкій и потому немного воиновъ могло въ немъ помѣститься; но зато неожиданность ночнаго нападенія давала перевѣсъ этой кучкѣ. Подкравшись къ противоположному берегу, какъ львы во тьмѣ ночной, бросились со своимъ орденскимъ кличемъ храбрые рыцари на стѣны Ивангорода и ворвались въ крѣпость, предавая все огню и мечу, согласно своему обычаю. Въ жаркомъ бою уже пало много людей, но предводитель рыцарей все искалъ своего врага-воеводу, который храбро защищался, окруженный слугами и имѣя возлѣ себя молодаго человѣка, оказавшаго чудеса храбрости вмѣстѣ съ нимъ. Рыцарь узналъ въ немъ черты своей похищенной жены—его матери—и въ неудержимомъ порывѣ ярости грудью сцѣпился съ воеводой. Уже неумолимое лезвіе меча разсѣкало воздухъ неподалеку отъ воеводы, который отчаянно защищался, обливаясь кровью, когда молодой человѣкъ, бившійся съ ними рядомъ, загородилъ дорогу рыцарямъ. Тогда отецъ въ негодованіи оттолкнулъ сына и, пробившись къ воеводѣ, однимъ взмахомъ своего меча раскололъ ему черепъ. Все было кончено въ одинъ мигъ—крѣпость сдалась рыцарямъ и среди плѣнныхъ, приведенныхъ въ цѣпяхъ въ Нарву, находился юноша, столь храбро защищавшій русскаго воеводу, не пожелавшій признать въ нѣмецкомъ рыцарѣ своего отца и гордо заявившій, что отцомъ считаетъ воеводу,—мужа недавно умершей своей матери. Разсвирѣпѣвшій рыцарь самъ казнилъ непокорнаго сына, какъ измѣнника, а затѣмъ тутъ же пронзилъ себя мечемъ. Такова легенда о Германовой башнѣ, возлѣ которой недавно, дѣйствительно, открыли какой-то подземный ходъ. Между прочимъ, говорятъ, что это открытіе сопровождалось весьма печальными послѣдствіями, такъ какъ нѣкоторые молодые люди, увлекшись въ

своихъ археологическихъ поискахъ древняго оружія и пушечныхъ ядеръ, находимыхъ очень часто, слишкомъ углубились въ подземелье, и больше оттуда не вернулись. Полагаютъ, что они упали въ рѣку, не замѣтивъ въ темнотѣ обрыва, такъ какъ никакіе поиски не дали результатовъ. Нарвская крѣпость состоитъ изъ 9-ти бастіоновъ, расположенныхъ вокругъ города; изъ нихъ 6 обращены фронтомъ въ поле, а три—къ рѣкѣ, т. е. къ Иванъ-городу. Первые состоятъ изъ земляныхъ валовъ, обрамленныхъ гранитными плитами, превосходно сохранившимися, а вторые сами выстроены изъ гранита—въ стѣнѣ съ башнями. Крѣпость имѣетъ длины 350 и ширины 200 сажень. Средняя башня—Германъ-штубе—высится на 80 футовъ надъ рѣкой, не считая береговой крутизны. Въ крѣпость вело четверо воротъ, нынѣ уже срытыхъ. Это были: Императорскія—отъ Нарвскаго форштадта, Петровскія—по Ревельскому шоссе, Водяныя—у моста чрезъ Нарову и Темныя—ведущія изъ города къ рѣкѣ. Всѣ крѣпостныя постройки и зданія выведены столь крѣпко, что до сего времени сохранились превосходно, не смотря даже на то, что ихъ здѣсь вовсе не поддерживаютъ и не дорожатъ ими, какъ дорожатъ и ремонтируютъ старинные живописные памятники древности на Западѣ. Не ошибаясь, можно сказать, что, найдись такіе башни, стѣны и замки гдѣ нибудь на Рейнѣ,—непремѣнно какое нибудь общество озаботилось бы объ ихъ сохраненіи, путеводители расписали бы ихъ исторію и прелести на всѣ лады; къ нимъ ежегодно направлялось бы множество туристовъ, а по близости непремѣнно возникъ бы ресторанъ для посѣтителей. У насъ же ничего подобнаго не только не предпринимаютъ, но даже дружными усиліями,—которыхъ ни въ какомъ случаѣ «цивилизаторскими» назвать нельзя,—приступаютъ рѣшительно къ разрушенію этого великолѣпнаго историческаго памятника, подобнаго которому трудно найти даже на Западѣ. По нашему мнѣнію, онъ можетъ соперничать съ Шильонскимъ замкомъ по толщинѣ своихъ стѣнъ и по ихъ размѣрамъ. Мы же, вмѣсто того чтобы сохранять, срываемъ всѣ четыре крѣпостныя ворота, о которыхъ сказано было выше... Видно, въ жилахъ нашихъ не течетъ кровь археологовъ и эстетиковъ.

Продолжая исторію Нарвы въ XVIII вѣкѣ, нужно остановиться на самомъ важномъ историческомъ событіи, доставившемъ городу всемірную извѣстность,—именно на знаменитомъ нарвскомъ сраженіи, иначе называемомъ нарвскимъ погромомъ, въ которомъ войска Петра Великаго потерпѣли совершенное пораженіе отъ шведовъ и принуждены были сдаться Карлу XII на капитуляцію. Сраженіе, какъ извѣстно, произошло 19 ноября 1700 года. Уже долгое время

до этого, изнуренныя походомъ, плохо обученныя и наскоро собранныя войска Петра Великаго терпѣли нужду и голодъ въ своихъ сырыхъ землянкахъ. Подвозъ припасовъ почти совершенно прекратился, такъ какъ стояла отвратительная осенняя погода и дороги размокли отъ дождя. Въ виду этого, духъ войска былъ угнетенный и это состояніе его еще усугубилось, когда войска, столь вѣрившія въ своего геніальнаго вождя, узнали, что царь, по дѣламъ особой важности, уѣхалъ въ Новгородъ. Роковой день битвы 19 ноября засталъ петровскія дружины въ такомъ положеніи. Съ самаго утра густая мгла застлала всю мѣстность, а послѣ часу дня полилъ холодный ноябрьскій дождь въ перемежку съ полурастаявшими хлопьями снѣга, залѣпляющаго глаза. Ровно въ два часа пополудни, шведы, съ крикомъ: «Съ нами Богъ», ринулись въ аттаку на позиціи русскихъ. Ловкимъ маневромъ Карлъ XII, воспользовавшись погодой, разставилъ свои войска такъ, что падающій густыми хлопьями снѣгъ приходился въ глаза русскимъ, ослѣпляя ихъ и, при густотѣ своей, не давалъ имъ возможности разобрать врага и узнать его численность. Первый натискъ пришлось испытать лѣвому флангу, на которомъ находились преображенскій и семеновскій полки, составлявшіе оплотъ этой части русской арміи, какъ любимые петровскіе полки, сформированные изъ отборныхъ людей, подъ начальствомъ искусныхъ полководцевъ. Не смотря на геройское ихъ сопротивленіе, весь лѣвый флангъ былъ вскорѣ смятъ шведами и приведенъ въ совершенное замѣшательство. Русскія войска были, къ несчастью, расположены такимъ образомъ, что, находясь на лѣвомъ берегу Наровы и занимая укрѣпленія по одну сторону ея, они были раздѣлены отъ противоположнаго берега рѣкой съ ея быстрымъ теченіемъ, причемъ соединительнымъ звеномъ являлся только плохой деревянный мостъ, кое-какъ переброшенный на одинъ изъ острововъ, на которомъ, говорятъ, была устроена главная квартира или ставка царя. Правый флангъ имѣлъ впереди линіи пѣхоты, а позади себя—массы кавалеріи Меншикова, такъ что, когда шведы, одержавъ успѣхъ на лѣвомъ флангѣ, стремительно увлекаемые молодымъ своимъ королемъ и полководцемъ, бросились и на эту часть русскаго войска, — то она не выдержала ужаснаго натиска и смяла стоявшую позади конницу. Тутъ произошло небывалое смятеніе. Паника, охватившая бѣгущихъ, направила ихъ къ рвущимся водамъ рѣки, т. е. именно туда, куда Карлъ XII и желалъ ихъ бросить. Вся эта масса, въ неслыханномъ безпорядкѣ, бросилась въ воду, и тогда наступила неслыханная, ужасная катастрофа, во время которой потоплено было нѣсколько тысячъ всадниковъ, съ криками и стонами барахтавшихся вмѣстѣ со своими

лошадьми въ водоворотѣ Наровы. Мѣсто, гдѣ потонуло столько русскихъ, и теперь хорошо видно съ парохода, совершающаго свои ежедневные рейсы изъ нарвской пристани въ Гунгербургъ. Пораженіе русскихъ было полное и превратилось съ этого момента въ погромъ. Вся армія Петра принуждена была положить оружіе и сдать знамена, за исключеніемъ однихъ преображенцевъ, которымъ, по капитуляціи, великодушнымъ Карломъ, умѣвшимъ цѣнить храбрость даже враговъ, въ уваженіе стойкости полка и оказаннаго мужества, оставлено было какъ оружіе, такъ и славное петровское ихъ знамя, которое въ двухсотлѣтнюю годовщину нарвскаго сраженія, 19 ноября 1900 года, при торжественномъ открытіи на мѣстѣ его памятника, развѣвалось вновь въ рядахъ прибывшей на открытіе роты лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, предводительствуемой бывшимъ августѣйшимъ командиромъ полка, великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ. Такимъ образомъ, всѣ плоды усилій и кампаніи Петра В. были сразу уничтожены страшнымъ нарвскимъ размахомъ шведскаго короля, успѣхи котораго въ скоромъ времени встревожили всю Европу. Однако, Карлъ XII, насколько оказался превосходнымъ полководцемъ, настолько, повидимому, былъ слабъ, какъ тактикъ, не умѣя или просто увлекаясь авантюризмомъ своей пылкой, нетерпѣливой натуры и не желая пользоваться достигнутыми успѣхами.

Здѣсь по справедливости можно привести могучія слова Пушкина изъ его «Полтавы»:

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая—
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ нежданный и кровавый
Задалъ ей шведскій паладинъ.

(Намекъ на нарвскій бой)

Но въ искупленьяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Вмѣсто преслѣдованія разбитаго врага, Карлъ XII иногда какъ будто даже самъ давалъ ему время опомниться и прійти въ себя, съ тѣмъ только, чтобы имѣть затѣмъ возможность вновь напасть на него и потѣшить себя новымъ его уничтоженіемъ. Такъ удавалась ему эта игра съ другими; но въ Петрѣ Великомъ онъ на-

господа не желаютъ потерять своихъ историческихъ прерогативъ и доминирующаго феодальнаго вліянія. Они принуждены покориться только въ силу неумолимыхъ обстоятельствъ и требованій эпохи. Отсюда взаимныя сталкиванія, выражающіяся подчасъ въ весьма странной и даже смѣшной формѣ враждебныхъ провинціальныхъ отношеній. Кромѣ дворца и парка, въ Іеве едва ли найдется что либо, могущее привлечь къ себѣ туриста. Въ другомъ совершенно видѣ представляется сосѣднее помѣстье Вайвара, соединенное шоссейной дорогой, какъ съ Іеве, такъ и со слѣдующей станціей балтійской желѣзной дороги, Корфомъ, и составляющее, вмѣстѣ съ послѣднимъ имѣніемъ, родовое гнѣздо благородныхъ барововъ Корфовъ, представители рода которыхъ неоднократно служили русскому царю и отечеству.

Насколько Іеве составляетъ плоскую, ровную и даже, мѣстами, болотистую черноземную, удобную для пастбищъ, мѣстность,—настолько помѣстье Вайвара расположено въ живописной гористой мѣстности, у подошвы которой разстилается на необъятномъ пространствѣ голубая синева Финскаго залива. На лѣсистой горѣ величественно возвышается старинный реставрированный красивый замокъ, въ которомъ живутъ владѣльцы имѣнія. Попадая внезапно изъ равнины въ эту гористую мѣстность, путешественникъ испытываетъ большое удовольствіе и невольно любуется видомъ окружающихъ красивыхъ холмовъ, густой зелени и синяго моря. Отсюда шоссе ведетъ къ приморскимъ дачнымъ мѣстамъ — Удріасу, Меррекюлю, Шмецке и Гунгербургу, лежащимъ значительно ниже. Особенно хорошъ Удріасъ, съ высокаго утеса котораго,—напоминающаго своими громадными каменными глыбами, свалившимися цѣлой группой въ море, скалу Лорелей (Loreley felsen) на Рейнѣ, — видно море на далекомъ пространствѣ. (Группа этихъ камней тоже получила названіе: «Лорелея» и часто фигурируетъ на пейзажахъ, продаваемыхъ въ Нарвѣ). Отсюда начинается одна изъ живописнѣйшихъ дорогъ, составляющихъ любимую прогулку многочисленныхъ здѣшнихъ дачниковъ, преимущественно петербуржцевъ. Морскія купальныя мѣста слѣдуютъ здѣсь одно за другимъ, расположенныя рядомъ, однимъ концомъ упираясь въ песчаный берегъ моря, другимъ— выходя въ лѣсистую мѣстность, перерѣзанную шоссейной дорогой, соединяющей Ревель съ Везенбергомъ, Іеве, Нарвой и Ямбургомъ.

Всѣ эти мѣста, обратившіяся, сравнительно еще недавно, въ усердно посѣщаемые фешенебельные курорты, весьма похожи другъ на друга. Всюду встрѣчаются тѣ же дачные, иногда весьма комфортабельные, домики, часто даже роскошно устроенные внутри, а потому отдаваемые въ наемъ за весьма дорогую плату, доступную

только людямъ богатымъ. Однако, спросъ на свѣжій морской воздухъ въ окрестностяхъ Петербурга, при развитой дачной жизни, столь великъ, что дачи эти обыкновенно уже къ началу лѣта всѣ бываютъ заняты, а число ихъ ежегодно увеличивается. Публика, наплывающая сюда со всѣхъ концовъ Россіи, представляетъ тоже весьма любопытное зрѣлище и предметъ наблюденій для туриста, случайно заброшеннаго въ эти мѣста, какъ напр., это и было со мною. Но если дачные курорты,—Удріасъ, Меррекюль и Шмецке,—привлекаютъ массы дачниковъ и полны прелестныхъ дачъ, то все же они—ничто въ сравненіи съ крайнимъ, самымъ бо́льшимъ изъ этихъ мѣстъ, расположеннымъ у самаго устья р. Наровы—Гунгербургомъ, или, по русски, *Усть-Наровою*. (Послѣднее названіе, хотя офиціальное и русское, менѣе распространено, чѣмъ историческое нѣмецкое). Какъ разсказываютъ, мѣстность эта названа такъ пріѣзжими нѣмцами, не заставшими здѣсь ничего, кромѣ бѣдныхъ рыбачьихъ хижинъ. По другимъ даннымъ, въ этихъ мѣстахъ шведы были когда-то осаждаемы русскими и, терпя голодъ, прозвали эту мѣстность «голоднымъ городомъ», если городомъ можно было назвать отдѣльное укрѣпленіе. Дачники, прибывающіе сюда съ востока, т. е. изъ Петербурга, или съ запада, т. е. со стороны Везенберга, должны такъ или иначе направляться сюда чрезъ Нарву. Конечно, можно ѣхать, какъ было сказано, по шоссе изъ Іеве; но это случается рѣже, такъ какъ это затруднительно и не представляетъ никакихъ удобствъ, не говоря уже о томъ, что путешествіе чрезъ Нарву гораздо интереснѣе.

Поэтому раньше, чѣмъ говорить о Гунгербургѣ, взглянемъ на эту древнюю крѣпость, занимающую столь видное роковое мѣсто въ лѣтописяхъ нашей исторіи и столь тѣсно связанную съ существованіемъ имперіи Петра Великаго. Однако, съ первыхъ же шаговъ въ Нарвѣ, туристъ съ грустью видитъ, въѣзжая въ запущенный пыльный городокъ, что прошлое было величественно и блестяще, тогда какъ настоящая дѣйствительность убога, грязна и некрасива. Развѣ можно сравнить жалкія лачуги, украшающія новыя нарвскія улицы и предмѣстья и за которыми остались еще громкія историческія названія Петровскаго форштадта, Ивангородскаго форштадта, съ тѣми могущественными и солидными постройками, прекрасно сохранившіяся стѣны которыхъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ и теперь о прошломъ величіи города, объ его неприступности, о массѣ историческихъ событій, имѣвшихъ здѣсь мѣсто, и о несомнѣнно высокой культурѣ его населенія, считавшаго когда-то въ своей средѣ именитыхъ и образованныхъ во всѣхъ отношеніяхъ гражданъ, какими едва ли можно считать большинство ны-

сивъ. Видъ этотъ, по справедливости, можно назвать миражемъ, представляющимъ и пустыню въ розовыхъ краскахъ. А, между тѣмъ, Нарва обладаетъ, кромѣ вышеописанныхъ монументальныхъ построекъ, еще цѣлымъ рядомъ не менѣе замѣчательныхъ зданій и церквей, силуэты которыхъ видны издали и даютъ то цѣнное эстетическое впечатлѣніе, котораго не оказывается затѣмъ внутри города, вслѣдствіе разбросанности зданій и отсутствія всякаго плана въ возведеніи новыхъ домовъ. На новопетровскомъ форштадтѣ привлекаютъ вниманіе расположившіяся невдалекѣ отъ шлагбаума другъ противъ друга, симетрично—на одной линіи—по обѣ стороны главной улицы предмѣстья, двѣ церкви: протестантская и православная. Обѣ новыя, какъ съ иголочки, онѣ построены архитекторомъ Кренгольмской фабрики П. В. Алитемъ, берлинцемъ по происхожденію, но принявшимъ русское подданство и поселившимся въ Петербургѣ. Русская церковь въ восточномъ вкусѣ—съ круглой крышей и выступами, весьма замѣчательна, какъ своимъ внѣшнимъ видомъ, такъ и внутренностью. Она имѣетъ богатый иконостасъ, цвѣтныя оконныя стекла, каменный роскошный полъ и проч. Обѣ церкви сооружены на средства фабрики и находятся по близости ея, съ тѣмъ чтобы фабричное населеніе имѣло возможность молиться въ просторныхъ храмахъ, не ходя далеко въ городъ. Въ протестантской церкви замѣчательна картина, подаренная однимъ извѣстнымъ дюссельдорфскимъ живописцемъ, эстонцемъ по происхожденію. Что касается церквей города, то здѣсь надо отмѣтить православный соборъ, помѣстившійся въ прежней шведской церкви съ остроконечной стрѣльчатой башней и древнимъ кладбищемъ вокругъ. Входя въ эту оригинальную передѣланную церковь, посѣтитель сразу поражается внутреннимъ ея видомъ и устройствомъ, мало похожимъ на русскій храмъ. Длинная, безконечная зала украшена прекрасными, старинными картинами итальянской живописи, а посерединѣ, возлѣ колонны, заслоняющей клиросъ и царскія врата, пріютилось огромное распятіе. Фигура Христа изваяна изъ дерева и выкрашена въ тѣлесный цвѣтъ. Надъ головою Христа красуется какой-то рыцарскій гербъ, историческій остатокъ, неизвѣстно какими судьбами пріютившійся здѣсь. Это обстоятельство еще разъ навело меня на мысль объ особенности мѣстныхъ отношеній и обычаевъ въ этой оригинальной странѣ.

Мѣстное населеніе считаетъ описанное распятіе чудотворнымъ и потому особенно чтитъ его. Нарва имѣетъ два наиболѣе живописныхъ вида: одинъ—на водопады, другой на ивангородскую крѣпость и Германову башню съ ея прочными стѣнами. Весьма красива также широкая каменная лѣстница, идущая уступами къ самому мосту:

она составляетъ продолженіе высокой террасы на набережной, построенной на большой крутизнѣ и великолѣпно обшитой гранитомъ со стороны рѣки. Темный садъ и вся эта набережная—несомнѣнно остатки древнихъ бастіоновъ, передѣланныхъ нынѣ съ практическою цѣлью. Отсюда разстилается чарующій видъ на противоположный берегъ, на которомъ широко раскинулись громадныя зубчатыя стѣны Иванъ-города, соединенныя между собою нѣсколькими круглыми средневѣковыми башнями съ конусообразными крышами. Весь замокъ, или крѣпость, стоитъ на довольно высокомъ холмѣ, что придаетъ ему чисто рыцарскій средневѣковый колоритъ и прелесть. Сама Нарова весьма красива и вполнѣ подходила бы къ общему историческому пейзажу, еслибы ее не портили безконечные плоты изъ сплавляемаго къ морю лѣса, множество безобразныхъ лодокъ и барокъ, нагруженныхъ тѣмъ же лѣсомъ, составляющимъ главный предметъ нарвской торговли и оборотъ нѣсколькихъ лѣсопильныхъ заводовъ. Затѣмъ идутъ некрасивыя деревянныя постройки, въ страшномъ безпорядкѣ громоздящіяся другъ на другѣ на противоположномъ берегу. Тутъ особенно рѣзко оскорбляютъ глазъ пошлое сосѣдство, отсутствіе всякой эстетики въ постройкахъ, самая возмутительная безвкусица, которая, кажется, давно пріобрѣла право гражданства въ нашихъ городахъ. Нужно признать, что эта послѣдняя черта составляетъ еще недостаточность культурнаго развитія народа, не знающаго иныхъ требованій, кромѣ узкоутилитарныхъ, и не признающаго условій красоты въ каждомъ дѣлѣ.

Въ этомъ отношеніи Германія ушла теперь далеко впередъ и опередила даже Францію: въѣзжая въ самый маленькій нѣмецкій городокъ, нельзя не полюбоваться на кокетливый видъ каждаго домика и не отдать справедливости тому стремленію къ эстетикѣ, которое здѣсь на каждомъ шагу бросается въ глаза, украшая насколько возможно даже самое некрасивое зданіе. Въ Берлинѣ, напримѣръ, даже всѣ задніе фасады домовъ и стѣнъ или прекрасно разрисованы фресками, или выложены изразцами, такъ что, куда ни повернешься, вездѣ красиво и нигдѣ не видны какіе нибудь безобразные кирпичи, доски или обвалившаяся штукатурка. Даже рекламы принимаютъ здѣсь по возможности эстетическій видъ и нерѣдко облекаются въ самые живописные образы, исполненные художественной рукой, преимущественно въ современномъ свободномъ стилѣ, которому нельзя отказать въ оригинальности. У насъ же изображенія и картины едва увидишь только въ витринахъ магазиновъ, на мелкихъ объявленіяхъ и вывѣскахъ; объ украшеніи же ими цѣлыхъ стѣнъ и домовъ нѣтъ еще и помину. Нельзя не упо-

мянуть и о стоящемъ на углу нарвской набережной и Рыцарской улицы невзрачномъ домѣ старинной архитектуры, въ которомъ когда-то жилъ Петръ Великій и въ которомъ нынѣ помѣщается довольно богатый музей, полный воспоминаній о царѣ-преобразователѣ, а равно много достопримѣчательностей изъ болѣе ранней до-петровской эпохи, могущей служить хорошимъ матеріаломъ для исторіи Нарвы. Много пожертвовано сюда рѣдкихъ предметовъ и книгъ любителемъ-археологомъ г-омъ Суттофомъ, родъ котораго издревле поселился въ Нарвѣ, а гербъ его — суковатый дубъ,—и теперь еще украшаетъ много старыхъ нарвскихъ зданій, между прочимъ, его родовой домъ на одной изъ сосѣднихъ съ набережной улицъ. Домъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчателенъ и сохранился до нашихъ дней во всей своей исторической чистотѣ. Входя въ него и видя превосходную старинную рѣзьбу на дверяхъ и на старинной мебели, цвѣтныя, украшенныя живописью окна, печи, покрытыя оригинальнымъ, не менѣе старинным дельфтомъ,—поневолѣ чувствуешь себя въ старо-рыцарской обстановкѣ шведскаго или германскаго замка. Теперь въ нижнемъ этажѣ этого дома помѣщается камера мироваго судьи, причемъ неизбѣжная казенщина не особенно гармонируетъ со строгостью старинаго стиля... Но тутъ на каждомъ шагу встрѣчаются подобныя несообразности и противорѣчія!

Достопримѣчательность города составляютъ, впрочемъ,—также какъ и въ каждомъ древнегерманскомъ городѣ,—рынокъ и ратуша, помѣщающіеся тутъ же. Хотя ратуша не можетъ претендовать на сходство съ тѣми великолѣпными средневѣковыми постройками, какія во множествѣ и по сіе время украшаютъ германскіе города, привлекая иностранныхъ путешественниковъ и любителей,—однако, построенная въ концѣ XVII столѣтія (1683), какъ бо́льшая часть сохранившихся здѣсь городскихъ домовъ, ратуша эта имѣетъ свою архитектуру и свой отпечатокъ (cachet), въ виду которыхъ посѣтителю, интересующемуся древностями, невозможно пройти мимо, не обративъ вниманія на эту старую постройку. Однако, и тутъ ее и всю площадь безобразитъ обелискъ, стоящій посерединѣ площади, неумѣло выкрашенный подъ мраморъ и, къ несчастью, поставленный здѣсь въ видѣ жалкаго памятника Петру Великому, который достоинъ, — особенно здѣсь, — кое чего получше... Памятникъ этотъ ужь черезчуръ скроменъ для того титана, въ честь котораго поставленъ, и надо удивляться, какъ городская дума не подумала объ этомъ и не нашла до сихъ поръ болѣе подходящаго и соотвѣтственнаго для Великаго Преобразователя монумента, если ужь непременно хотѣла чествовать его память. Не надо забывать,

что quod licet bovi—non licet jovi... Такихъ памятниковъ мы тоже не найдемъ въ германскихъ городахъ, гдѣ безчисленное стереотипное чествованіе Фридриховъ, Вильгельмовъ и Бисмарковъ, надоѣвшее всѣмъ, однако, всегда облекается въ подходящую благообразную и эстетическую форму.

Говорятъ, еще недавно Нарву можно было назвать не то русскимъ, не то нѣмецкимъ городомъ, а скорѣе всего послѣднимъ; эстонскимъ же городомъ ее могли считать развѣ только завсегдатаи мѣстнаго клуба «Иль Маринэ». Но насколько мнѣ пришлось наблюдать характеръ Нарвы въ 1900 году—онъ, наоборотъ, имѣетъ мало русскихъ, еще менѣе нѣмецкихъ чертъ, но зато представляется именно сплошь эстонскимъ, помимо существованія какого бы то ни было мѣстнаго клуба. Что касается другихъ клубовъ, то пресловутый нѣмецкій клубъ «Гармонія» (по Вышгородской улицѣ),—въ немъ, между прочимъ, больше русскихъ членовъ, чѣмъ нѣмцевъ,—имѣетъ видъ приходящаго въ упадокъ учрежденія, гдѣ общественная сплоченность кружка ослабѣваетъ съ каждымъ днемъ, а общественная жизнь совершенно затихаетъ.

Это признаютъ сами мѣстные нѣмцы, съ которыми мнѣ приходилось говорить по этому поводу. Кромѣ этого клуба, есть еще другой; но и тамъ, кажется, дѣло обстоитъ не лучше для нѣмцевъ. Что касается русскихъ клубовъ, то въ одномъ собирается почти исключительно купечество, ведущее здѣсь крупную игру въ карты, и даются танцовальные вечера, а въ другомъ — военномъ — собирается военное общество, которое, — нужно отдать ему справедливость, — имѣетъ въ виду весело проводить время. Это все, что можно сказать про здѣшніе «клубы», не дающіе какой либо особой духовной пищи и поддержки русскому населенію, считающему себя здѣсь не дома, а въ гостяхъ. Пріѣзжаютъ сюда зимою гастролировать петербургскіе и другіе русскіе актеры; но это происходитъ отрывочно, при плохой сценической обстановкѣ и заурядномъ исполненіи. Поэтому любители большею частью предпочитаютъ отправляться въ недалекій Петербургъ (всего три часа ѣзды съ курьерскимъ поѣздомъ) и слушать тамъ хорошихъ артистовъ въ хорошихъ театрахъ, чѣмъ присутствовать на нарвскихъ спектакляхъ.

Объ этомъ театрѣ я прочиталъ въ путеводителѣ такую замѣтку: «Городской театръ — хорошенькое каменное зданіе на площади близъ магистрата. Освѣщается керосиномъ и стеариновыми свѣчами. Театръ сдается на зиму особому арендатору; спектакли бываютъ обыкновенно одинъ разъ въ недѣлю и устраиваются русскою и нѣмецкою труппами съ участіемъ пріѣзжающихъ сюда *знаменитостей*».

Изъ гостинницъ, кромѣ дорогой «Петербургской», въ которой за большія деньги можно очутиться безъ всякаго комфорта, здѣсь есть еще нѣсколько меньшихъ гостинницъ, для которыхъ слово комфортъ—уже совершенно непонятная вещь. Гостинницы эти: Рижская, или Европейская, близъ ратуши, Московская, и гостиница Воронина, близъ вокзала. Въ послѣдней, содержимой русскимъ, мнѣ приходилось даже довольно долго останавливаться. Привѣтливость, услужливость и честность хозяевъ этой скромной, но вполнѣ приличной русской гостинницы сразу располагаютъ къ себѣ всякаго пріѣзжаго и, если ею еще не усвоены тѣ изысканныя требованія, столь уже пробившія себѣ дорогу всюду за границей, — особенно тамъ, гдѣ по близости, какъ и тутъ, находятся курорты или фешенебельныя дачныя мѣстности,—то виною этого надо считать консервативно-провинціальныя замашки города и окрестностей, отъ которыхъ, какъ увидимъ дальше, не въ состояніи еще отрѣшиться даже представители мѣстной интеллигенціи и печати.

V.

Пора спуститься отъ угла Рыцарской улицы, у дома Петра В., внизъ къ пристани и сѣсть на ожидающій уже большой пассажирскій пароходъ «Усть-Нарова», принадлежащій компаніи Кочнева, и на немъ отправиться къ морю.

Кромѣ этого прекраснаго, довольно большихъ размѣровъ и комфортабельнаго парохода, сообщеніе между Нарвой и Устьемъ поддерживаютъ еще два маленькихъ старыхъ парохода («Усть-Нарова» пущенъ недавно), изъ которыхъ одинъ—буксирный. Уже съ начала іюня, пароходъ этотъ бываетъ полонъ дачниковъ и пріѣзжихъ изъ Петербурга, ѣдущихъ подышать свѣжимъ морскимъ воздухомъ въ Гунгербургъ. Путешествіе по Наровѣ нужно отнести къ числу пріятнѣйшихъ, особенно въ свѣтлую хорошую погоду. Видъ съ рѣки на сосѣдніе берега,—изъ которыхъ одинъ полонъ историческихъ воспоминаній о нарвскомъ сраженіи, другой покрытъ лѣсомъ,—а также видъ на остающуюся позади Нарву, долго не исчезающую изъ глазъ,—самые привлекательные. Пароходъ сперва проѣзжаетъ мимо кладбища, граничащаго съ знаменитымъ полемъ битвы, на которомъ съ настоящаго 1901 года возвышается вышеописанный военный памятникъ, сооруженный при содѣйствіи полковника Епанчина, нынѣ директора Пажескаго корпуса; затѣмъ онъ проплываетъ возлѣ небольшаго острова, противъ котораго, на противоположномъ правомъ берегу, виденъ весьма небольшой старый нарвскій памятникъ, имѣющій, какъ и первый, видъ надмогильнаго креста.

На полдорогѣ къ Гунгербургу пароходъ причаливаетъ къ небольшой казенной лѣсной дачѣ «Смолкѣ», совершенно скрывающейся въ большомъ, густомъ сосновомъ лѣсу. У самой пристани построена въ прошломъ году дача или гостинница, — опредѣлить трудно,—довольно почтенныхъ размѣровъ. Подъѣзжая къ Гунгербургу, по дорогѣ попадаются рыболовы на своихъ лодочкахъ и частыя баржи, нагруженныя лѣсомъ и досками изъ нарвскихъ лѣсопильныхъ заводовъ, идущія на парусахъ. Пароходъ вскорѣ ихъ обгоняетъ и издаетъ рѣзкій, пронзительный ревъ, возвѣщающій давно уже собравшейся на пристани дачной публикѣ о своемъ приближеніи. Устье Наровы запружено балками, о которыя нерѣдко задѣваетъ пароходный винтъ, пугая пассажировъ, ожидающихъ ежеминутно катастрофы; безконечными плотами сплавляемаго лѣса и множествомъ парусныхъ и паровыхъ судовъ всѣхъ видовъ, флаговъ и размѣровъ. Большинство крупныхъ морскихъ пароходовъ, приходящихъ сюда изъ-за границы, нагружается досками и лѣсомъ. Это—главнымъ образомъ—германскія торговыя суда, на которыхъ, по всей вѣроятности, скрывается не одинъ переодѣтый офицеръ прусскаго генеральнаго штаба, дѣлающій нужные германскому правительству снимки окрестнаго побережья и измѣренія самаго устья.

Подозрѣнія эти находятъ себѣ подтвержденіе и въ томъ, что,— какъ разсказывалъ мнѣ одинъ, весьма свѣдущій, морской офицеръ,— измѣренія эти очень нужны Германіи, ведущей теперь довольно агрессивную политику и мечтающей о морскомъ властвованіи на Балтійскомъ морѣ. Они нужны этой державѣ, не перестающей, кромѣ того, лелѣять свои пангерманскія вожделѣнія о присоединеніи къ Пруссіи «древнихъ» нѣмецкихъ прибалтійскихъ земель и потому не спускающей глазъ съ этой части нашихъ владѣній...

Я имѣлъ случай познакомиться съ однимъ пруссакомъ, путешествующимъ по Россіи якобы «изъ любопытства». Онъ увѣрялъ меня въ своемъ увлеченіи Россіей и русскими, находя у насъ все необыкновенно интереснымъ и даже красивымъ, въ томъ числѣ весь нашъ обычный безпорядокъ, который показался ему полнымъ прелести и поэзіи, и разсыпался въ комплиментахъ по адресу русскаго радушія, гостепріимства и широты натуры. Но я, признаюсь, вслѣдствіе крайняго въ такихъ случаяхъ скептицизма,—заставляющаго иногда и «куста бояться»,—не могъ пересилить въ себѣ подозрѣнія, что всѣ эти платоническія изліянія прусской души скрываютъ обычную практическую цѣль, намѣченную заранѣе и обдуманно проводимую съ тактомъ, шито-крыто, людьми знающими свое дѣло до тонкости. Такія миссіи, — съ политическими цѣлями, какъ показали частыя новѣйшія разоблаченія, — исполняются

въ разныхъ сосѣднихъ государствахъ по порученію германскаго правительства, не перестающаго идти въ этомъ отношеніи по пути, намѣченному еще Бисмаркомъ. Исполняются они людьми, особенно для того пригодными и умѣющими одурачить и усыпить бдительность даже весьма подозрительныхъ чуткихъ людей... Тѣмъ бо́льшая для Россіи опасность грозитъ отъ подобныхъ «миссій» или путешествій, предпринимаемыхъ «изъ одного любопытства»...

Изъ другихъ національностей чаще всего мы видимъ въ Устьѣ шведовъ, голландцевъ и англичанъ. Многія суда прибываютъ кромѣ того, съ цѣлью взять грузъ рыбы, особенно угрей и миногъ, которыхъ здѣсь множество и которые поражаютъ своей величиной. Не такъ давно одинъ гамбургскій пароходъ нагрузилъ до 30,000 угрей. Вообще рыбы въ Наровѣ достаточно, но почти весь уловъ отправляютъ на петербургскіе рынки, гдѣ, конечно, за нимъ обезпеченъ хорошій сбытъ. На мѣстѣ же, не только вся провизія, но и въ частности рыба сравнительно дорога. Лѣтомъ въ іюлѣ 1900 года здѣсь, между прочимъ, стояла на якорѣ, прибывшая изъ Англіи, богатѣйшая по внутреннему своему устройству, бѣлая яхта барона Кноппа,—одного изъ основателей извѣстной Кренгольмской мануфактуры. Онъ пріѣхалъ въ Гунгербургъ ко дню освященія церкви, оконченной на средства мѣстныхъ протестантовъ, изъ краснаго кирпича, и выходящей на Меррекюльскую улицу. Изъ другихъ яхтъ тутъ всегда качается на якорѣ тоже бѣлая небольшая легкая яхта «Аля» барона Каульбарса извѣстнаго яхтмэна, все лѣто путешествующаго на ней по Финскому заливу. Гунгербургская пристань не поражаетъ своимъ величіемъ или красотой. Это просто небольшой навѣсъ, или, лучше сказать, самая безобразная зеленая крыша, опирающаяся на шести столбахъ, а передъ нею скверные подмостки и перила, сдерживающія нетерпѣливую публику во время прибытія парохода. Вообще непривычный глазъ въ русскихъ мѣстностяхъ или мѣстахъ, уже испытывающихъ на себѣ русское вліяніе, хотя бы одно внѣшнее, на каждомъ шагу поражается обиліемъ зеленаго цвѣта, въ который выкрашиваются крыши домовъ, купола церквей, балки стѣнъ и проч. Можно даже подумать, что это національный цвѣтъ... Давно не бывъ въ Россіи, я былъ сразу пораженъ этой безвкусицей и унылымъ однообразіемъ одного и того же цвѣта.

Нужно, однако, отдать справедливость, что только въ Гунгербургѣ русскій посѣтитель, наконецъ, вновь находитъ свое отечество, начиная съ общаго колорита, скромной, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма изящной православной церкви у самаго въѣзда въ мѣстечко, и кончая подробностями, въ видѣ множества дачъ, разбросанныхъ тамъ

и сямъ въ разныхъ улицахъ и закоулкахъ и преимущественно выстроенныхъ во вкусѣ русскихъ избъ. Главная улица еще напоминаетъ особой грязное мѣстечко, съ его нечистотою, захудалыми лавчонками, мастерскими, гостинницей, ресторанами и кондитерскими. Вмѣсто панели,—въ виду песку, густо покрывающаго все приморское побережье,—положены деревянные подмостки и доски, по которымъ все таки не особенно удобно ходить. Мнѣ, привыкшему къ прекраснымъ варшавскимъ тротуарамъ, не легко было пріучиться не только къ этимъ доскамъ, но даже и къ петербургскимъ панелямъ.

Съ гунгербургской пристани уже видно вдали синее море и легкія съ удовольствіемъ вдыхаютъ чистый, живительный морской воздухъ, пропитанный свойственнымъ морю пріятнымъ запахомъ солей и подводныхъ травъ. Во всемъ мѣстечкѣ, въ улицахъ и на дачахъ оживленіе громадное: всюду, куда ни глянешь, множество прехорошенькихъ дѣвушекъ, расфранченныхъ дамъ и щеголихъ всякаго рода, дѣтей всѣхъ возрастовъ и молодежи вообще. Все это гуляетъ, ухаживаетъ, рѣзвится на солнцѣ, катается на велосипедахъ и на лодкахъ, танцуетъ вечеромъ въ кокетливомъ, хотя нѣсколько примитивномъ курзалѣ, а по утрамъ усердно купается въ морѣ. Что касается купаній, то, — бывая на морскихъ заграничныхъ купаньяхъ, къ обычаямъ которыхъ я давно привыкъ,—я былъ пораженъ особенностями, установившимися здѣсь и свидѣтельствующими о непонятномъ консерватизмѣ мѣстной администраціи. Главной изъ нихъ является то, что купаніе прекраснаго и непрекраснаго пола происходитъ отдѣльно, въ разные часы дня. Кромѣ того, прибывъ въ Гунгербургъ съ цѣлью купаться, и встрѣтивъ здѣсь эти особые порядки, непримѣнимые на Западѣ,—гдѣ всѣ купаются вмѣстѣ, а потому непремѣнно въ костюмахъ,—я, конечно, долженъ былъ подчиниться этимъ порядкамъ, лишаясь при этомъ удовольствія и пользы утреннихъ прогулокъ по морскому берегу, занятому въ это время прекрасными купальщицами, и выжидая «общихъ» часовъ. Весьма жалѣ поэтому, что эти *особые* порядки,—несовсѣмъ удобные, и даже просто дикіе,—такъ здѣсь упрочились, что отступиться отъ нихъ не хочетъ ни мѣстная публика, ни устроители этихъ купаній. Можно, пожалуй, подумать, что человѣческая стыдливость на этомъ сѣверномъ побережьѣ Балтійскаго моря развита сильнѣе и болѣзненнѣе, чѣмъ во всей остальной Европѣ, такъ что непремѣнно приходится отдѣлять застѣнчивыхъ овецъ отъ слишкомъ бодливыхъ козлищъ или скромныхъ нимфъ отъ циническихъ сатировъ. Однако, на дѣлѣ оказывается вовсе не такъ, и факты доказываютъ, что столь опрометчивое предположеніе вполнѣ неправильно.

Я былъ весьма озадаченъ, когда, выдя однажды, въ такъ назы-

ваемый «общій» часъ изъ своей купальной будки въ костюмѣ, который всегда надѣваю во время купанія, даже при однихъ мужчинахъ (нельзя же въ самомъ дѣлѣ не испытывать отвращенія къ полной наготѣ), я очутился въ водѣ среди мужчинъ, купающихся въ костюмахъ Адама и очевидно полагающихъ, что въ «общіе часы» костюмъ обязателенъ только для однѣхъ дамъ... Остается, поэтому, непонятнымъ, почему въ свое время здѣсь вывѣшивается, въ видѣ предупрежденія, синій флагъ въ мужскіе часы, когда костюмъ для мужчинъ не обязателенъ? Такимъ образомъ, незачѣмъ стѣснять гуляющую публику поочереднымъ вывѣшиваніемъ то синяго, то краснаго флаговъ. Въ самомъ дѣлѣ, спрашивается, какая же дама согласится въ это время купаться вмѣстѣ съ мужчинами, хладнокровно выступающими изъ своихъ кабинъ въ наготѣ тѣлесной? Точно также, едва ли публикѣ возможно тогда гулять на берегу. Какъ видно, тѣ лица, до которыхъ касается это дѣло, не особенно заботятся о предупрежденіи столь безцеремоннаго нарушенія общественнаго порядка. Поэтому, если искоренить такіе случаи нѣтъ никакой возможности на нашемъ чухонскомъ побережьѣ, то не лучше ли было бы, по примѣру западно-европейскихъ морскихъ купаній, ввести одно общее купанье въ обязательныхъ костюмахъ, отведя, для желающихъ находиться въ непосредственномъ общеніи съ природой, особое мѣсто, какъ это принято, напр., въ Ригѣ. Это было бы и нравственнѣе, и удобнѣе, и цивилизованнѣе, не говоря уже о томъ, что это было бы во сто кратъ эстетичнѣе...

Въ самомъ дѣлѣ, путешествуя по этимъ мѣстамъ, никакъ нельзя постигнуть многихъ нелогичностей, между прочимъ, и того, какъ это стыдливыя наши дамы, попадая на чухонскую почву, съ одной стороны зорко слѣдятъ за вывѣшиваніемъ въ часы дамскаго купанья своего краснаго флага, а съ другой, тутъ же, не стѣсняются, выходя изъ пѣны морской, купать девяти и десяти-лѣтнихъ сынковъ своихъ и расхаживать на пескѣ пляжа въ костюмѣ Евы, въ присутствіи служителей-чухонцевъ, которые, кажется, не принадлежатъ къ той категоріи некрасиваго пола, которой столь дорожатъ содержатели гаремовъ [1])?..

Какъ бы то ни было, но даже и въ тѣ промежутки, когда можно спокойно выкупаться въ костюмѣ или безъ такового, погулять по берегу до сосѣдняго Шмецке или прокатиться на велосипедѣ еще дальше,—испытываешь необыкновенное удовольствіе и успокоеніе нервъ, любуясь всегда прекраснымъ моремъ, будь то въ Ламаншѣ

---

[1]) По этому поводу нами было напечатано въ мѣстномъ «Нарвскомъ листкѣ» (№ 56, 1900 г.), письмо въ редакцію такого же содержанія. *Авт.*

или Нѣмецкомъ морѣ, или Финскомъ заливѣ. Не могу при этомъ не разсказать случая со мною въ одну изъ такихъ прогулокъ. Собравшись совершить экскурсію на велосипедѣ, — до котораго я большой охотникъ въ качествѣ стараго велосипедиста, исколесившаго въ своей жизни почти всю среднюю Европу, — и задумавъ ѣхать въ имѣнье Вайвара, за 20 верстъ отъ Гунгербурга, я могъ отправиться туда двумя дорогами. Лучшая изъ нихъ, конечно, по берегу моря, т. е. по твердому, послѣ прибоя, морскому песку. Однако, въ виду того, что утренніе часы на морскомъ берегу предоставлены пользованію дамъ, — такъ что кататься въ это время невозможно,—я принужденъ былъ ѣхать по скверному шоссе. Желая себя вознаградить за это, я на обратномъ пути, доѣхавъ до Удріаса, откуда морской берегъ доступенъ для велосипеда, свернулъ съ шоссе и спустился къ берегу. Не успѣлъ я, однако, тронуться въ путь, вполнѣ увѣренный, что, по извѣстному мнѣ расписанію, начались мужскіе, а затѣмъ, общіе часы, какъ къ великому моему удивленію и, надо прибавить, немалому ужасу, я внезапно очутился среди купающихся нимфъ, испуганныя группы которыхъ съ криками и визгами засуетились тамъ и сямъ, обращаясь въ безпорядочное бѣгство... Не зная, какъ быть, и сообразивъ, что останавливаться въ такую критическую минуту было бы опасно, съ одной стороны, чтобы не возбудить еще пущаго негодованія разсвирѣпѣвшихъ купальщицъ, а съ другой, чтобы не быть арестованнымъ сторожами, которые ежеминутно могли явиться на зовъ женщинъ,— я, не обращая вниманія на отчаянные ихъ крики, нажалъ на педаль и понесся, какъ вихрь, рискуя сломать себѣ шею на какой нибудь шальной балкѣ, лежащей поперекъ пути, и крикнувъ лишь: «Mesdames, я никого не вижу, успокойтесь»!

Я вздохнулъ свободно лишь тогда, когда, быстро добравшись до сосѣдняго Шмецке,—уже издали увидѣлъ спасительный синій флагъ и засталъ тамъ купающихся мужчинъ.

Оказалось, такимъ образомъ, что ко всѣмъ описаннымъ неудобствамъ купанья, присоединяется еще неодинаковое расписаніе купальныхъ часовъ для всѣхъ морскихъ береговыхъ купаній, вообще расположенныхъ рядомъ. Вслѣдствіе такого распорядка, выходитъ, что въ то время, когда въ Меррекюлѣ купаются по расписанію дамы въ сосѣднемъ, тутъ же рядомъ находящемся Шмецке,—пограничная черта съ которымъ даже ничѣмъ не обозначена, купаются мужчины и то на законномъ основаніи (!). Эта курьезная, чисто мѣстная логика, стремящаяся къ обособленію половъ, достигаетъ именно противоположныхъ результатовъ, которые еще усугубляются отсутствіемъ костюмовъ у купающихся.

Я поселился въ самомъ комфортабельномъ и веселомъ пансіонѣ «Викторія», такъ какъ нѣсколько другихъ пансіоновъ значительно меньше его и не пользуются такой извѣстностью. Его любезная и милая во всѣхъ отношеніяхъ хозяйка умѣетъ изъ году въ годъ собирать у себя избранное общество, такъ что за недорогую сравнительно цѣну (35 руб. за комнату въ мѣсяцъ и 10 руб. за пансіонъ въ недѣлю) туристъ получаетъ не только квартиру и столъ, но также знакомится съ новыми людьми и, вообще, не скучаетъ. А это, пожалуй, главное, какъ на водахъ, такъ и на морскихъ купаньяхъ, и одна природа не всегда способна поддерживать въ горожанинѣ веселое расположеніе духа и прогнать отъ него хандру, которая навѣщаетъ непремѣнно, при болѣе или менѣе долгой разлукѣ съ такими же горожанами, какъ и онъ самъ. Каждую субботу, т. е. именно въ тотъ вечеръ, когда приходитъ пароходъ, нагруженный мужьями, братьями и знакомыми, пріѣзжающими изъ Петербурга на воскресенье, чтобы отдохнуть здѣсь денекъ послѣ занятій въ городѣ и провести его въ семейномъ кругу,— на морскомъ пляжѣ играетъ военная музыка и происходитъ общее гулянье. Это самый веселый моментъ въ недѣлѣ, къ сожалѣнію, рѣдкій. Гуляя на музыкѣ, положительно не вѣрится, что это происходитъ на томъ самомъ пустынномъ морскомъ берегу, гдѣ въ продолженіе остальныхъ дней недѣли по вечерамъ можно встрѣтить только отдѣльныя группы гуляющихъ, которые ищутъ здѣсь уединенія, тишины и чистаго воздуха.

Пестрая фешенебельная толпа петербуржцевъ снуетъ взадъ и впередъ, точно гдѣ нибудь на пляжѣ въ Трувилѣ или Остэнде.

Поэтому опять таки остается удивляться, зачѣмъ «отцы города» не устраиваютъ ежедневно такихъ гуляній на берегу, вмѣсто того чтобы изводить дачниковъ концертами въ маленькомъ саду курзала, посѣщаемыми усердно лишь однѣми нянъками и грудными дѣтьми.

Подобно тому, какъ оправданіемъ для отсутствія костюмовъ во время купанья служитъ гигіеническое соображеніе мѣстныхъ устроителей о томъ, что здоровѣе купаться безъ костюма для болѣе непосредственнаго воспріятія порами тѣла цѣлебныхъ морскихъ солей, такъ и по части концертовъ они же увѣряютъ, что концерты въ паркѣ гораздо «поэтичнѣе», чѣмъ на грязномъ (!) морскомъ берегу, на которомъ въ самомъ дѣлѣ еще недостаетъ удобной каменной панели, подобно тѣмъ, какія мы, напримѣръ, видимъ на Западѣ.

Вечера, балы, концерты и маскарады въ курзалѣ не лишены особой прелести въ виду того дружнаго участія, которое прини-

маетъ въ нихъ веселая молодежъ, ухищряющаяся какъ можно болѣе разнообразить эти собранія. Одно только можно сказать при этомъ: самъ курзалъ, хотя прекрасно выстроенъ и обведенъ красивымъ паркомъ,—что́ стоило немало трудовъ, если обратить вниманіе на песчаную почву,—но зато такъ плохо освѣщенъ, что зала его болѣе пригодна для чтенія душеспасительныхъ проповѣдей или лекцій, чѣмъ для танцевъ и веселья. Конечно, молодость беретъ свое и не обращаетъ особаго вниманія на это обстоятельство, которое вовсе не мѣшаетъ ей увлекаться вальсами, польками, цѣлымъ репертуаромъ самыхъ разнообразныхъ и весьма красивыхъ новыхъ танцевъ; интриговать подъ маской, бѣшено бросать въ лицо конфетти и вообще отъ души веселиться и смѣяться. Тутъ справедливость требуетъ воздать хвалу главному устроителю и, такъ сказать, создателю этого прекраснаго морскаго купанья, А. Ѳ. Гану [1]), капиталисту и промышленнику, который почти на собственныя средства и съ помощью своей неустанной энергіи вызвалъ къ жизни весь современный Гунгербургъ, какъ онъ теперь представляется посѣтителю.

На морскомъ берегу имъ построена великолѣпная вилла «Саргіссіо», составляющая точную копію Лазенковскаго варшавскаго дворца, и всегда любезно предоставляемая пріѣзжимъ, знакомымъ и гостямъ.

Совсѣмъ въ другомъ вкусѣ построилъ себѣ здѣсь виллу архитекторъ П. В. Алишъ въ противоположномъ направленіи, ближе къ пристани. Это — прекрасное комфортабельное зданіе въ германскомъ стилѣ, вмѣщающее большія комнаты и построенное по барски, на широкую ногу. Бо́льшая часть остальныхъ виллъ и дачъ построена изъ дерева, что́ не мѣшаетъ многимъ изъ нихъ отличаться богатствомъ и вкусомъ.

Другіе морскіе курорты, какъ Шмецке, Меррекюль и Удріасъ, хотя весьма живописны, но не могутъ идти въ сравненіе съ Гунгербургомъ, будущность котораго имѣетъ еще впереди много блестящаго, не смотря даже на неудобную для него конкурренцію Сестрорѣцка, понизившаго временно цѣны на квартиры.

Прощаясь съ Эстляндіей и направляясь въ Петербургъ, — который мнѣ суждено было увидѣть тоже въ первый разъ и впечатлѣнія котораго неразрывно связаны у меня съ родиной бароновъ, замковъ и чухонцевъ,—я еще разъ на каждой станціи отмѣчалъ особый, чисто мѣстный колоритъ, который такъ рѣзко отличаетъ эту оригинальную страну отъ всѣхъ другихъ земель нашего обширнаго государства.

[1]) Городской нарвскій голова.

Выходя на перронъ нарвскаго вокзала и бесѣдуя съ любезнымъ начальникомъ станціи, побывавшимъ всюду и пробывшимъ долго на Востокѣ, я натолкнулся на толпу англичанъ, садящихся на поѣздъ. Господа эти заселяютъ Кренгольмскую мануфактуру, куда ихъ привлекаютъ соотечественники въ непрестанной заботѣ о благѣ иностранцевъ въ Россіи, добросовѣстно эксплуатирующихъ богатства нашего отечества. Когда я, разговаривая по этому поводу съ однимъ нарвскимъ старожиломъ, выразилъ предположеніе, что по всей вѣроятности такимъ путемъ привлекаются сюда иностранцы-спеціалисты, имѣющіе преимущество предъ мѣстными мастерами по своимъ техническимъ знаніямъ, то мой собесѣдникъ поспѣшилъ меня разубѣдить въ этомъ.

— Вы сильно ошибаетесь,—сказалъ онъ, — если воображаете, что всѣ эти англичане, которыхъ вы здѣсь видите, обладаютъ какими либо спеціальными техническими свѣдѣніями или образованіемъ. Ничуть не бывало! Все это самые обыкновенные рабочіе, роскошно здѣсь обставленные заботливой администраціей фабрики. Чемберленовская политика, какъ видно, эксплуатируетъ не одну только южную Африку, но и наши сѣверныя дебри [1]). Многіе изъ этихъ джентльменовъ въ шикарныхъ парахъ, съ разодѣтыми въ пухъ и прахъ женами, не умѣютъ даже писать, а всѣ они только и думаютъ о томъ, какъ бы себѣ нажить въ Россіи изъ нашихъ денегъ солидную ренту, а затѣмъ улепетнуть на родину и доживать остатокъ дней на покоѣ. Нашему брату всегда приходится уступать всѣ лакомые кусочки пришлецу-иностранцу: это уже такъ теперь заведено, и «волтерьянцы напрасно противъ этого говорятъ».

Я, конечно, не могъ такъ легко согласиться съ его философіей и весьма возмущался такимъ положеніемъ дѣлъ, наблюдая самоувѣренныя физіономіи всѣхъ этихъ пришлецовъ, которые даже не имѣютъ за собою престижа нашихъ «учителей», какъ въ былое, еще болѣе грустное время. Съ тѣхъ поръ, казалось бы, прошло уже много лѣтъ, а въ сущности—все осталось по прежнему: вмѣсто прежнихъ «учителей», въ каковые приглашались разные темные люди далекой родины, нынѣ къ намъ прибываетъ всякій сбродъ, подъ видомъ «спеціалистовъ» (?) устраняя и затирая нашихъ собственныхъ знающихъ людей, которымъ далеко не тѣсно у себя въ отечествѣ...

Владиміръ Бѣлинскій.

---

[1]) Въ Кренгольмѣ даже имѣетъ свое пребываніе особый англійскій вице-консулъ, гербъ котораго красуется на видномъ мѣстѣ.

Голоса ночи.

Когда духъ мой настроенъ тревожно,
Когда жизнь съ ея страстной борьбой
Представляется шуткой ничтожной,—
Вы влечете меня за собой.
Надъ рѣкой, на широкомъ привольѣ,
Весь охваченъ ироніей злой,
Я съ глубокой душевною болью
Проникаю въ вашъ говоръ ночной...

Но бываютъ иныя мгновенья,
Когда вдругъ разобьется волна
И тревогъ, и тоски, и сомнѣнья,—
И на душу сойдетъ тишина.
О, тогда въ вашемъ ласковомъ хорѣ
Мнѣ гармонія звуковъ слышна,
И, какъ шумъ говорливаго моря,
И волнуетъ, и манитъ она.

Н. Хлыстовъ.

ВЪ ПОГОНѢ ЗА КАРЬЕРОЙ.

Повѣсть.

I.

Ясное морозное утро. Небольшой губернскій городъ, густо опушенный обильно выпавшимъ за ночь снѣгомъ, дремлетъ подъ холодными лучами поздно всходящаго надъ горизонтомъ декабрьскаго солнца. Горятъ золотыя маковки и кресты церквей; ослѣпительно сверкаютъ крыши домовъ, покрытыя пушистымъ слоемъ снѣга, и дымъ, подымаясь бѣлой спиралью изъ трубъ, стоитъ и точно таетъ въ холодномъ прозрачномъ воздухѣ, сверкающемъ морозною пылью.

На главной улицѣ, въ высокой просторной квартирѣ, помѣщающейся въ бельэтажѣ большаго бѣлаго дома, въ комфортабельно-убранномъ кабинетѣ съ мягкой орѣховой мебелью, обитой кожей, медленными шагами ходилъ по дорогому персидскому ковру, затягивающему сплошь весь полъ, мужчина лѣтъ подъ тридцать. По временамъ онъ подходилъ къ письменному столу, отхлебывалъ чай изъ стакана въ серебряномъ подстаканникѣ и, задумчиво побарабанивъ пальцами по столу, опять продолжалъ прерванную прогулку.

Отъ всей его крѣпкой, начинавшей обкладываться жиркомъ, фигуры, въ широкой утренней тужуркѣ пунцоваго плюша, съ большой головой, сидящей на толстой красной шеѣ, старательно вытертой одеколономъ; отъ низкаго крѣпкаго лба, отъ коротко подстриженныхъ, стоящихъ щетиной, темно-русыхъ волосъ и выхоленныхъ дипломатическихъ бакъ вѣяло напыщенностью и надменностью. Тупая важность, довольство собственной персоной и непоколебимая увѣренность въ своей

непогрѣшимости сквозили въ этомъ широкомъ, молодомъ, здоровомъ лицѣ съ жосткимъ выраженіемъ глазъ.

Въ высокія, свѣтлыя окна кабинета падали солнечные лучи, сверкая на ярко вычищенномъ бронзовомъ письменномъ приборѣ и блестящихъ бездѣлушкахъ; золотыми пятнами отражались они на потолкѣ и темнозеленыхъ, тисненыхъ золотомъ, обояхъ. Пунцовая тужурка, медленно двигавшаяся по комнатѣ, попадая подъ свѣтъ солнечныхъ лучей, вспыхивала алымъ пламенемъ и опять тускнѣла; порой толстая рука, обросшая рыжеватыми волосами, подымалась съ дымящейся папиросой къ губамъ, сверкая большимъ солитеромъ на указательномъ пальцѣ; медленные, неслышные шаги ногъ, обутыхъ въ мягкіе, краснаго сафьяна, спальные сапожки, утопали въ пушистомъ коврѣ. Всюду тихо; только бронзовые часы на каминѣ однообразно тикаютъ; потрескиваютъ и шипятъ въ каминѣ дрова, да издали доносится шуршаніе щетокъ, натиравшихъ паркетъ въ гостинной.

— Надо покончить съ ней навсегда, да... навсегда!— сказалъ онъ, сжавъ брови и сдѣлавъ рѣшительный жестъ рукой.

Съ годъ, какъ созрѣвало въ немъ это рѣшеніе, и теперь, когда стали уясняться его отношенія съ княжной,—всю прошедшую жизнь надо безповоротно отрѣзать. Правда, *она* красива, но проста, слишкомъ ужь проста и бѣдна, чтобы быть его женой! Онъ насладился этимъ свѣжимъ, страстно любящимъ его существомъ, но жизнь предъявляетъ свои требованія. Она должна понять это, должна признать разницу между нимъ и собой. Передъ нимъ — широкое будущее. У княгини громадныя связи, за княжной 300 тысячъ. Сама княжна, правда, совсѣмъ не красива лицомъ и ужь далеко не первой молодости, но она элегантна, у нея изящная фигурка; она всегда изысканно и со вкусомъ одѣта; на ней лежитъ тотъ отпечатокъ высшей свѣтскости, который скрашиваетъ даже некрасивость. О, такая жена всегда будетъ на высотѣ своего положенія! Онъ не влюбленъ въ нее, да для него это чувство и не было необходимостью въ бракѣ; княжна являлась не цѣлью, а средствомъ къ дальнѣйшей его будущности. Это была та ступень, ставъ на которую, онъ думалъ вознестись высоко по служебной лѣстницѣ. Кромѣ того, ему льстило—

породниться съ такимъ аристократическимъ домомъ. Пріятно было, когда въ обществѣ повторялась его фамилія рядомъ съ именемъ княжны. Еще пріятнѣе было, когда онъ, объ руку съ ней, одѣтой въ свѣжій изящный костюмъ, съ тѣмъ петербургскимъ шикомъ, который имѣютъ только прирожденныя петербургскія аристократки и составляетъ зависть провинціальныхъ дамъ, входилъ въ танцовальную залу и слышалъ за своей спиной шопотъ, возбужденный ихъ появленіемъ. Но, кромѣ всѣхъ этихъ пріятныхъ мелочей, у него были другіе, гораздо болѣе глубокіе и дѣльные проэкты. Княгиня считаетъ его «однимъ изъ лучшихъ молодыхъ людей въ городѣ», съ хорошею будущностью; она относится къ нему снисходительно-покровительственно, съ тѣмъ легкимъ фамильярнымъ оттѣнкомъ, съ какимъ относятся матери взрослыхъ дочерей къ молодому человѣку, въ которомъ провидятъ зятя. Она часто соединяетъ его имя съ именемъ дочери и, глядя на нихъ, какъ бы благословляетъ ихъ глазами. Другъ, дальній родственникъ княгини, занимающій видный постъ въ Петербургѣ, гоститъ теперь у нихъ. Намѣченный женихъ съумѣлъ понравиться ему и показать свой товаръ лицомъ.

«Ахиллесъ благоволитъ къ вамъ»,—говорила ему княгиня, лаская взоромъ. На дняхъ онъ и проигралъ Ахиллесу въ карты 500 рублей. Онъ трезво, «объективно»,—какъ любилъ выражаться, — обсудилъ свое положеніе и безъ сожалѣнія, безъ колебанія, рѣшилъ покончить навсегда съ прежней жизнью.

«Жизнь—задача, которую надо рѣшать съ ясной головой, а не отдаваться романическому бреду и мистическимъ туманностямъ», — прошепталъ онъ.

Подойдя къ письменному столу, онъ рѣзкимъ движеніемъ отодвинулъ кресло, сѣлъ, отперъ одинъ изъ ящиковъ и вынулъ оттуда счеты и книги.

Онъ хотѣлъ подсчитать весь итогъ расходовъ за это время, привести въ порядокъ счеты и опредѣлить, какую сумму надо взять взаймы.

Онъ тратилъ ежегодно около семи тысячъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ бывать у княгини и ухаживать за княжной, расходы его возросли. Стараясь быть на одномъ уровнѣ съ этимъ богатымъ домомъ, онъ заложилъ имѣніе въ Дворянскомъ банкѣ и доходъ его значительно уменьшился; но онъ продол-

жалъ жить тѣмъ же широкимъ размахомъ, прибѣгая къ займамъ. Въ послѣднее время, проигрыши въ карты и кутежъ, устроенный имъ у себя для друга княгини, Ахиллеса Владиміровича Кольчугина, унесли много денегъ. Но онъ не жалѣлъ ихъ и тратилъ хладнокровно, идя твердо, непоколебимо, гордо поднявъ голову,—съ такимъ видомъ, передъ которымъ всѣ препятствія должны разсыпаться въ прахъ,—къ намѣченной имъ цѣли: женитьбѣ на княжнѣ.

Придвинувъ счеты, онъ погрузился въ вычисленія.

Егоръ Андреевичъ Довбня занималъ мѣсто городскаго судьи. Въ городѣ онъ «игралъ роль», вращался въ высшемъ провинціальномъ обществѣ, держалъ себя солидно и недоступно, и самыя простыя фразы говорилъ съ такимъ вѣсомъ, что онѣ казались въ высшей степени глубокомысленными. Говорилъ онъ слегка въ носъ, картавя, съ тѣмъ классическимъ поворотомъ головы, который, — какъ ему казалось,— напоминалъ греческихъ олимпійцевъ. Этотъ классическій поворотъ головы, эту манеру говорить съ вѣсомъ, включая сюда плюшевую тужурку (какую онъ видѣлъ у одного сенатора) и отчасти обстановку кабинета, онъ вывезъ изъ Петербурга, куда ѣздилъ во время своего кандидатства для устройства болѣе быстраго движенія по службѣ.

Одѣвался онъ изысканно, но безъ фатовства; умѣлъ блеснуть фразами и остроуміемъ, уснащая рѣчь латинскими цитатами; умѣлъ показать свою юридическую начитанность и знаніе кассаціонныхъ рѣшеній сената; цитировалъ рѣчи знаменитыхъ ораторовъ, но въ сущности вся его юридическая начитанность, «объективность» и «широта юридическаго взгляда» сводились къ слѣдующему тайному, но основному положенію: «каждый долженъ обдѣлывать свои дѣла такъ, чтобы не влопаться, а кто влопался — того надо раздавить».

Законъ являлся ему какой-то сѣткой, въ которую попадаются одни неопытные, а опытные если даже и попадутся, то съумѣютъ вырваться. Общество смотрѣло на него, какъ на восходящую звѣзду въ судебномъ мірѣ.

— Будущій сановникъ! — говорили о немъ.

Самъ онъ былъ того же мнѣнія.

Двери гостинныхъ были широко раскрыты передъ нимъ; но онъ придерживался строгаго выбора. Кромѣ княгини, онъ

бывалъ у губернатора, предводителя, предсѣдателя суда и другихъ лицъ, занимавшихъ видныя должности; остальные же не представляли для него никакого интереса и онъ не удостаивалъ ихъ своимъ посѣщеніемъ. Франтоватый лакей, съ той почтительностью, которая ясно указывала, что ему извѣстна вся подноготная жизнь барина, вошелъ въ кабинетъ и тихо подошелъ къ столу.

— Моисей Абрамовичъ пришелъ,—прошепталъ онъ, наклоняясь къ барину.

— А?..—въ носъ протянулъ Довбня.—Что ты говоришь?—слегка картавя и растягивая слова, обратился онъ къ лакею съ классическимъ поворотомъ головы.—Кто при-шелъ?..

— Моисей Абрамовичъ,—повторилъ лакей.

— А, онъ!.. Пусть подождетъ... я занятъ, — небрежно уронилъ Довбня. Внутренно онъ былъ доволенъ приходомъ Моисея Абрамовича, за которымъ собирался посылать, но не хотѣлъ излишней торопливостью подорвать свой престижъ.

Лакей вышелъ, слегка ухмыляясь.

Моисей Абрамовичъ Шкловскій снабжалъ Довбню, подъ векселя, деньгами. Извѣстный всему городу подъ именемъ «Мошки», онъ былъ ходатаемъ по дѣламъ, агентомъ страховыхъ обществъ, комисіонеромъ, и не брезгалъ никакими дѣлами. Онъ велъ бракоразводныя дѣла, подставляя «достовѣрныхъ лжесвидѣтелей», торговалъ «живымъ товаромъ», продавалъ и покупалъ дома, участвовалъ на аукціонахъ, зналъ всю подноготную города, былъ гласнымъ въ думѣ и «необходимымъ человѣкомъ». При небольшомъ, но съ практической сметкой умѣ, съ хитрой талмудической натурой, ловко приспособляющейся къ различнымъ условіямъ, онъ былъ замѣчательно изворотливъ, мигомъ распознавалъ людей, ихъ желанія, требованія, настроенія; умѣлъ «ловить моментъ» и былъ поистинѣ «гуттаперчевый Мошка», какъ и прозвалъ его одинъ городской острякъ. Но этотъ «гуттаперчевый Мошка», сжимающійся, уничтожающійся и расширяющійся сообразно обстоятельствамъ, подчасъ поколачиваемый во время кутежей подвыпившей молодежью въ ресторанахъ, куда являлся въ качествѣ поставщика живаго товара, тихо и осторожно плелъ свою паутину вокругъ намѣченной жертвы, пока та совершенно не запутывалась въ ней.

Когда Довбня, вступивъ кандидатомъ при окружномъ судѣ, въ новомъ щегольскомъ мундирѣ, сдѣлавъ визиты предсѣдателю, членамъ суда, прокурорскому надзору и всѣмъ высшимъ властямъ, начиналъ «шумѣть» въ городѣ, Мошка сталъ зорко слѣдить за нимъ, потирая руки; и тихонько подползалъ, разсыпаясь мелкимъ бѣсомъ, куря ѳиміамъ лести и сѣтью мелкихъ услугъ оплетая такъ, что сталъ, наконецъ, необходимъ. Довбня даже слова не скажетъ, а только бровью поведетъ—и все сдѣлано; даже то, что, повидимому, невозможно было и сдѣлать. Мошка не только по первому требованію, но даже по одному только желанію Довбни точно выросталъ изъ-подъ земли.

Довбня, придя къ заключенію, что достаточно продержалъ Мошку въ ожиданіи, надавилъ кнопку электрическаго звонка и велѣлъ позвать его въ кабинетъ.

Въ кабинетъ не вошло, а вползло, извиваясь, длинное костлявое существо въ черномъ лоснящемся длиннополомъ сюртукѣ, и безмолвно остановилось въ ожиданіи.

— А, это вы?—небрежно уронилъ Довбня, отрываясь отъ счетовъ и принимая еще болѣе внушительный видъ.

— Это я, — униженно кланяясь, зашепелявилъ жестикулирующій Мошка, тряся своей небольшой головой съ рыжими, въ мелкія колечки завитыми, пейсами, съ безпокойно бѣгающими и высматривающими рысьими глазками на густо усѣянномъ мелкими веснушками лицѣ.

— Что скажете?

— И я пришелъ узнать, не потребуется ли вашей милости денегъ? — съ жидовскммъ акцентомъ сказалъ Мошка, склонивъ голову на бокъ.

«Экая шельма: мысли мои угадываетъ»! — подумалъ Довбня.

— Да, надо. На этихъ дняхъ пришлось истратить около трехъ тысячъ,—небрежно сказалъ онъ.

— Около трехъ тысячъ! Ухъ! большія деньги... Такія деньги только и могутъ тратить важные господа, какъ ваша милость. Я бы повѣсился, еслибы потратилъ столько денегъ.

Довбня улыбнулся въ свои щетинистые усы.

— Большому кораблю большое и плаванье,—внушительно выпустилъ онъ.

— Сущую, сущую правду изволили сказать!—поспѣшно подхватилъ Мошка.

— И много теперь денегъ потребуется вашей милости?— заискивающимъ тономъ спросилъ онъ, насторожась.

— Да такъ, тысячи три.

— Три тысячи... Ухъ... Даже въ жаръ бросило.

Онъ съ унынiемъ покачалъ головой.

— И гдѣ ихъ достать?!. Охъ, нынче такъ трудно, ухъ, какъ трудно становится доставать деньги.

— Мнѣ необходимо, понимаете? — внушительно сказалъ Довбня.

— Ухъ, понимаю!.. Ухъ, какъ понимаю!.. Вамъ, какъ важному господину, нужны такiя деньги. Что онѣ для вашей милости—пхе!.. Ну, а гдѣ мнѣ, бѣдному еврейчику, достать ихъ?!...

Онъ развелъ въ унынiи своими длинными руками.

— Достаньте, я дамъ хорошiй процентъ! — повелительно сказалъ Довбня.

Пріунывшее лицо Мошки становилось свѣтлѣе, точно отъ припоминанiя чего-то; наконецъ и совсѣмъ просвѣтлѣло.

— У меня есть такое мѣстечко, гдѣ можно будетъ достать, и то только для вашей милости. О, я знаю, знаю, вашей милости потребуется еще много, много денегъ...

Довбня удивленно взглянулъ на него.

— Да, да, много, много денегъ,—закивалъ головой Мошка.

— Скоро, пожалуй, и свадебку сыграете? — наклоняясь къ Довбнѣ, шепнулъ онъ и ухмыльнулся.

— Ухъ, княжна, княжна! это изумрудъ, рубинъ, это брилліантъ самой чистой воды... А денегъ, сколько за ней денегъ... Ой-ой-ой!..

Глаза его алчно загорѣлись.

— И ваша милость тогда не забудете меня?

Довбня насупилъ брови и принялъ недовольный видъ, но въ глубинѣ души слова Мошки доставляли ему большое удовольствiе.

— Вы все вздоръ болтаете,—строго сказалъ онъ.

— Вздоръ?!. Какой вздоръ!.. — сказалъ Мошка, не смущаясь строгимъ тономъ; онъ зналъ, что разговоръ этотъ пріятенъ Довбнѣ.

— И это не вздоръ: въ городѣ всѣ только и говорятъ объ этомъ. И изъ вашей милости и княжны будетъ такая пара, такая пара... что и высказать нельзя... Ухъ!.. Деньги я вашей милости нынче же предоставлю; я понимаю, что вашей милости нужны деньги, ухъ, какъ нужны, и я изъподъ самой земли, а достану.

Довбня кивнулъ головой.

Аудіенція кончилась, но Мошка мялся на одномъ мѣстѣ, посматривая на Довбню, и медлилъ уходить. Тотъ вопросительно взглянулъ на него.

— И что я вашей милости доложу о вашемъ письмоводителѣ, и что это за человѣкъ... и это не человѣкъ, а бѣшеная собака. И какія онъ вещи говорилъ о вашей особѣ... Ухъ, какія вещи онъ говорилъ! Мой языкъ отнимается сказать то, что онъ говорилъ. И когда я услышалъ, что говорилъ онъ о вашей особѣ, я закрылъ уши и убѣжалъ. Я, какъ съ добрымъ человѣкомъ, хотѣлъ побесѣдовать съ нимъ о дѣлахъ, чтобы не утруждать вашего просвѣщеннаго вниманія, а онъ чуть-чуть не прибилъ меня. Вы такой опытный юристъ и передовой человѣкъ, и такъ объективно относитесь ко всему... вы либералъ и космополитъ въ самомъ идеалѣ, и вы никогда не позволите, чтобы какая нибудь блоха такъ поносила вашу милость, распоряжалась бы у васъ въ камерѣ и дѣлала все, что захочетъ. И я прибѣжалъ доложить вашей милости о дѣлахъ, которыя будутъ разбираться нынче въ камерѣ, чтобы найти законную защиту.

Мошка, съ умоляющимъ жестомъ, сложивъ руки и вытянувъ впередъ свою длинную шею, сталъ пытливо смотрѣть на Довбню.

Довбня, съ классическимъ поворотомъ головы и солиднымъ молчаніемъ, слушалъ Мошку, разглаживая баки; но, по мѣрѣ того какъ онъ слушалъ, лицо его становилось грознѣй и глаза метали молніи.

— Такъ онъ смѣлъ это обо мнѣ говорить?—грозно спросилъ онъ.

— Да, да, говорилъ... Ухъ, какія вещи говорилъ! — закивалъ головой Мошка.

— А-а-а?!..

Эта «а» было рычаньемъ взбѣшенной гіены.

— Продолжайте!—немного помолчавъ, болѣе спокойнымъ тономъ сказалъ Довбня.

Мошка, трусливо пригнувъ голову при громоносномъ звукѣ «а», приподнялъ ее и, ободрившись, продолжалъ:

— И ваша милость знаетъ, что мы—несчастный, гонимый всѣми народъ. И цто такое еврей? У еврея нѣтъ пристанища, нѣтъ родины и онъ виситъ на ниточкамъ между небомъ и землей. И жида всѣ гонятъ, всѣ издѣваются, во всемъ и вездѣ виноватъ еврей, онъ и есть тотъ Макаръ, на котораго шишки валятся, а придетъ критическая минутка—безъ еврея обойтись не могутъ. Чѣмъ же мы виноваты? Мы—народъ смирный, мы только заботимся о своихъ интересахъ, и больше ничего. И ваша милость знаетъ, какъ пристрастно къ намъ мнѣніе вообще, какъ даже въ печати насъ ругаютъ; но ваша милость, какъ личность передовая, изволитъ понимать, что это—отсталость, что это протухлый консерватизмъ. И хвала, и честь всѣмъ такимъ передовымъ людямъ, какъ ваша милость, которые стремятся къ космополитизму. Еврей—такой же человѣкъ, какъ и всѣ, и онъ также хочетъ ѣсть, пить и жить, какъ и всѣ; онъ также страдаетъ въ общей борьбѣ за кусокъ хлѣба. Зачѣмъ же всегда такой пристрастный судъ къ еврею? Ну, вотъ и теперь это дѣло Зильбермана, котораго обвиняютъ въ ростовщичествѣ. Ваша милость еще разрѣшила мнѣ взять его на поруки. Несчастный, бѣдный еврей, такой же, какъ и я, которому всѣ двери въ просвѣщеніе заперты, имѣлъ небольшую лавочку, торговалъ, торговалъ и видитъ себѣ убытокъ, и сталъ давать подъ проценты деньги. И цто зе тутъ такого!.. А стали кричать, что жидъ обираетъ народъ, что деретъ жидовскіе проценты: пошли жалобы, клевета. Вѣдь не каждый, особенно теперь, когда кругомъ бѣда, дастъ деньги, а человѣку крайность, хоть зарѣжься. Еврей же одинъ только хоть со дна самаго моря достанетъ денегъ, а какъ достанетъ, это ужь его тайна. Такъ за эти-то труды ему и попользоваться нельзя, нельзя нажить хоть какой нибудь пурцентъ?.. Не бери, никто за шею не тащитъ; а взялъ, такъ недаромъ же—все таки должно давать пурцентъ. На пурцентѣ весь міръ стоитъ! И мы поняли эту истину давно, а за это насъ осуждаютъ и поносятъ. Мы—народъ трудолюбивый, изъ силъ выбиваемся и никакого преступленія нѣтъ,

что мы пурценты свои возьмемъ за гешефтъ. Ну, вотъ, развѣ я такъ виноватъ, что вашей милости деньги достаю? И ваша милость мною довольна, и за это пурцентики мнѣ платитъ.

Онъ умолкъ и пытливо устремилъ на Довбню свои пронырливые глаза.

— Гмъ!.. Дальше!—процѣдилъ Довбня.

— А вотъ другое дѣло, — продолжалъ Мошка. — Только это дѣло такое сложное юридическое, что только ваша милость съ такимъ тонкимъ умомъ можетъ ухватить истину.

Онъ жестикулировалъ своими длинными костлявыми руками съ грязными ногтями, и сдѣлалъ такой жестъ, точно онъ самую истину ухватилъ и вытащилъ, какъ занозу.

— Трое изъ нашихъ: Купервассеръ, Сахаръ и Зальцманъ обвиняются въ кражѣ. Ваша милость изволила разрѣшить мнѣ взять и ихъ на поруки. Они вовсе ничего не украли, а такъ дѣло поставлено, что они попались и второй разъ. Ваша милость изволитъ помнить, въ первый разъ оправдали ихъ за недостаточностью уликъ; еще тогда приказали мнѣ достать 1000 рублей. Такъ теперь опять,—надо же быть такому неблагопріятному стеченію обстоятельствъ! — дѣло подтасовали на ихъ бѣду, а все потому, что они жиды. Тяжело намъ бѣднымъ жить. Ухъ, какъ тяжело! И какъ легко замарать репутацію честнаго еврея, когда захотятъ этого сдѣлать. Но ваша милость, безъ сомнѣнія, отнесется къ этому дѣлу, какъ настоящій космополитъ, безъ всякаго пристрастія къ намъ, гонимымъ. Вонъ вы и газету выписываете Бенъ-Прохвостовича. Вѣдь въ жизни такъ часто бываетъ несчастное стеченіе подобныхъ обстоятельствъ, что человѣкъ долженъ быть очень, очень остороженъ, чтобы не обвинить невиннаго. Какъ часто бываютъ ошибки изъ-за человѣческаго пристрастія! А вашъ письмоводитель, онъ такъ пристрастенъ къ намъ, онъ такъ ненавидитъ насъ. Онъ все цитаетъ «Наблюдатель»!..

Жидъ умолкъ и вопросительно посмотрѣлъ на Довбню.

Судья откинулся всѣмъ своимъ крупнымъ туловищемъ въ креслѣ и что-то глубомысленно соображалъ. На лицѣ его была написана важная дума.

Мошка затаилъ дыханье.

— Да, конечно, человѣкъ долженъ быть строгъ, но спра-

ведливъ,—отчеканивая каждое слово, сказалъ Довбня.—Если преступленіе не доказано, если остается хоть какая нибудь неясная черта, то нельзя карать, — глубокомысленно выпустилъ онъ.

Мошка смиренно наклонилъ голову въ знакъ полной солидарности.

— Такъ ваша милость изволите говорить, что если будетъ какая нибудь неясность, то...

— Да, да, неясность, ну, сбивчивость показаній свидѣтелей... то такое преступленіе не карается.

— Не карается!—повторилъ многозначительно Мошка.

Довбня кивнулъ головой.

Мошка, почтительно кланяясь и пятясь, удалился.

Довбня нѣкоторое время сидѣлъ въ задумчивости.

«Да, этотъ письмоводитель роняетъ мой престижъ, надо удалить его»!—рѣшилъ онъ.

Письмоводитель давно,—какъ выражался Довбня,—«мозолилъ» ему глаза неряшествомъ своего костюма, грубоватостью и частыми спорами изъ-за дѣлъ; слова Мошки были каплей, переполнившей чашу.

Покончивъ со счетами, онъ вышелъ въ столовую.

Здѣсь былъ поданъ ему крѣпкій ароматный бульонъ съ яйцами, кровавый бифштексъ, бутылка краснаго вина и кофе.

Позавтракавъ, онъ переодѣлся въ форменный сюртукъ и вышелъ въ переднюю.

Ловкій лакей подалъ ему шинель на енотахъ. Онъ сѣлъ въ сани и, кутая отъ холоднаго воздуха свое лицо въ дорогой бобровый воротникъ, велѣлъ кучеру ѣхать въ камеру.

II.

Еще было совсѣмъ темно, когда, въ описываемое утро, письмоводитель городскаго судьи проснулся въ своей комнатѣ, расположенной совмѣстно съ камерой.

— Бррр!.. собачій холодъ!—проворчалъ онъ.

Быстро одѣвшись, онъ сталъ растапливать чугунную печку. Вспыхнувшій огонь ярко освѣтилъ маленькую, сырую, низкую комнатёнку съ замороженнымъ темнымъ окномъ; узкую деревянную кровать съ тощимъ матрацемъ и одинокой цвѣтной

подушкой, полуприкрытую ситцевымъ одѣяломъ изъ цвѣтныхъ лоскутковъ; деревянный некрашенный столъ, два стула и мѣдный тазъ для умыванья, въ которомъ ярко отразилось пламя.

Письмоводитель зажегъ жестяную лампу съ надтреснутымъ стекломъ, заклееннымъ бумагой, и, потирая руки, съ удовольствіемъ сталъ грѣться около ярко пылавшей и гудѣвшей печки.

Это былъ небольшаго роста сухопарый, тщедушный человѣчекъ съ сѣдыми рѣденькими волосами, рѣденькой съ просѣдью бородкой, длиннымъ тонкимъ носомъ и небольшими проницательными глазами съ красноватыми вѣками отъ напряженія при постоянномъ писаніи.

— Опонасъ, а что самоварчикъ скоро?—тонкимъ дребезжащимъ голосомъ спросилъ онъ.

На этотъ вопросъ не послѣдовало никакого отвѣта; только изъ сѣней слышно было усиленное раздуваніе сапогомъ самовара.

Наконецъ, тонкая дверь отъ сильнаго удара распахнулась, чуть не соскочивъ съ петель, и въ комнату ввалился съ шипѣвшимъ тусклымъ самоварчикомъ сторожъ при камерѣ,—онъ же и разсыльный, — внеся съ собой запахъ дегтя и морознаго воздуха. Это былъ плечистый, ширококостный мужикъ изъ малороссовъ, въ сѣрой свиткѣ.

Взявъ небольшую щепотку чаю изъ пожелтѣвшаго бумажнаго мѣшочка, письмоводитель заварилъ его въ потемнѣвшемъ отъ времени чайникѣ съ отбитымъ краемъ носка и сѣлъ за столъ.

— Опонасъ, подь сюды! Что жь ты, того, стѣну подпираешь?—обратился письмоводитель къ разсыльному, молчаливо и угрюмо стоявшему около стѣны.

Каждое утро у нихъ начиналось съ этихъ словъ.

Опонасъ, послѣ этого предложенія, отходилъ отъ стѣны и какъ-то бокомъ садился за столъ.

Они начинали чаепитіе молча. Опонасъ, кусая по мелкимъ кусочкамъ сахаръ крѣпкими бѣлыми зубами, втягивалъ въ себя горячую жидкость съ шумомъ и большими глотками; письмоводитель, за отсутствіемъ зубовъ, наколачивалъ ножикомъ маленькіе кусочки сахара и тоже съ большимъ шумомъ втягивалъ въ себя чай, но короткими отрывистыми глотками. Оба были сосредоточены.

Наконецъ, послѣ втораго стакана, Опонасъ, утерши лобъ рукавомъ, спросилъ:

— Сегодня у насъ разборъ?

Письмоводитель утвердительно кивнулъ головой.

— Стало быть, камеру до̀ чиста убрать?—не то вопросительно, не то размышляя, спросилъ онъ, почесывая затылокъ.

Опонасъ, по лѣности, убиралъ камеру только въ дни разбора дѣлъ.

Письмоводитель опять кивнулъ головой.

— А дѣловъ много?—помолчавъ нѣкоторое время, спросилъ Опонасъ.

— Дѣлъ? Да три назначено къ разбору: два по 169 ст. и одно по 180 ст. уст. о наказаніи.

— И жидовъ будете судить?

— Да.

— Хытрый народъ! Тоисть такій ловкій, що чорта надуетъ. Кругомъ попался, а такъ дило поведе, що не ухватишь, одно слово—жыдюга съ юга!

— Ну, положимъ, что, того, ухватить можно, да нашъ то...—сказалъ, морщась, письмоводитель.—Этихъ, что̀ нынче судить будемъ, давно слѣдовало бы засудить. Взять хотя бы Зильбермана; вѣдь такой паукъ, кровь изъ бѣднаго народа сосетъ. Ты помнишь: Горпина изъ-за него повѣсилась.

— Помню, бѣдная баба!.. Замотавъ ее такъ, що все пришлось продать: корову, лошадь, ризы съ иконъ, а потомъ, ставъ онъ ее стращать, що засудитъ, а бѣдная баба,—звѣстно баба! развы що она знала?—пошла въ сарай да тамъ и повѣсилась, эхъ!..

— Да, много, много темныхъ дѣловъ у этого Зильбермана, — задумчиво сказалъ письмоводитель, — еслибы въ моей власти, то я бы его закатилъ. А эти трое: Купервассеръ, Сахаръ и Зальцманъ, вѣдь они цѣлую правильную шайку воровъ организовали. Ну, теперь-то, того, не отвертятся! А еще на этихъ дняхъ ко мнѣ Мошка припожаловалъ,—хотѣлъ, чтобы я составилъ докладъ въ ихъ пользу. Да нѣтъ, шалишь, я его такъ пугнулъ, что онъ съ лѣстницы со всѣхъ ногъ слетѣлъ.

— А ты знаешь, кого мы будемъ судить?—обративъ лицо къ разсыльному, єпросилъ письмоводитель.

Онъ говорилъ всегда «мы», такъ какъ принималъ горячее участіе въ судебныхъ дѣлахъ.

— Кого?

— Ты помнишь Митьку Бурдюга; еще мы судили его три мѣсяца тому назадъ за то, что стащилъ булку.

— Эге жь! какъ же, помню, такый слабосыльный, тыхій хлопецъ; ажъ мини жалко було, какъ его нашъ засудывъ. За що же его опять будутъ судыть?

— Опять укралъ двѣ булки на базарѣ.

— Опять укравъ? Отъ, сердешный, плохо видно прышлось! Голодъ не свій братъ, какъ начне кышки ворочать, такъ все забудешь. Собака, скотына, и та найде соби поисть, а какъ же чоловикъ?!. Скажыть мини на мылость, Иванъ Ахфанасьевичъ, за що чоловика судятъ, що ему іисте хочется?

Письмоводитель потеръ лобъ и нахмурился.

— Да вотъ за то, что укралъ, — сказалъ онъ недовольнымъ тономъ.

— Що жь, опять засудятъ?

— Гмъ!.. Я бы оправдалъ, да нашъ-то... вѣдь ты знаешь какой.

— Эхъ!.. знаю, знаю. Позавчора такъ ругавъ мене, що ажъ очы изо лба чуть не выперло, а за що? За то, що шубу не такъ подавъ.

— Вѣдь нашъ съ перваго же раза Митьку закатилъ,— продолжалъ письмоводитель,—а хлопецъ изъ деревни только что пришелъ въ городъ; неспособный, неловкій, не умѣлъ ни ступить, ни услужить; конечно, пришлось голодать; ну, съ голодухи и, того, схватилъ булку. Такъ и тогда не помиловалъ, а теперь... рецидивистъ,—съ удареніемъ сказалъ письмоводитель.

Часто бесѣдуя съ разсыльнымъ о дѣлахъ, онъ любилъ передъ нимъ блеснуть знаніемъ юридическихъ терминовъ.

— Що це за «рецыдыстъ», Иванъ Ахфанасьевичъ?—удивленно спросилъ разсыльный.

— Это значитъ, что во второй разъ поймался.

— Несчастный, въ рецыдысты попавъ,—покачавши головой, сказалъ Опонасъ.

— Дурья голова, ре-ци-ди-вистъ!—наставительно сказалъ письмоводитель.

— Сущую, сущую правду изволили сказать!—поспѣшно подхватилъ Мошка.

— И много теперь денегъ потребуется вашей милости?— заискивающимъ тономъ спросилъ онъ, насторожась.

— Да такъ, тысячи три.

— Три тысячи... Ухъ... Даже въ жаръ бросило.

Онъ съ унынiемъ покачалъ головой.

— И гдѣ ихъ достать?!. Охъ, нынче такъ трудно, ухъ, какъ трудно становится доставать деньги.

— Мнѣ необходимо, понимаете? — внушительно сказалъ Довбня.

— Ухъ, понимаю!.. Ухъ, какъ понимаю!.. Вамъ, какъ важному господину, нужны такiя деньги. Что онѣ для вашей милости—пхе!.. Ну, а гдѣ мнѣ, бѣдному еврейчику, достать ихъ?!...

Онъ развелъ въ унынiи своими длинными руками.

— Достаньте, я дамъ хорошiй процентъ! — повелительно сказалъ Довбня.

Пріунывшее лицо Мошки становилось свѣтлѣе, точно отъ припоминанiя чего-то; наконецъ и совсѣмъ просвѣтлѣло.

— У меня есть такое мѣстечко, гдѣ можно будетъ достать, и то только для вашей милости. О, я знаю, знаю, вашей милости потребуется еще много, много денегъ...

Довбня удивленно взглянулъ на него.

— Да, да, много, много денегъ,—закивалъ головой Мошка.

— Скоро, пожалуй, и свадебку сыграете? — наклоняясь къ Довбнѣ, шепнулъ онъ и ухмыльнулся.

— Ухъ, княжна, княжна! это изумрудъ, рубинъ, это брилліантъ самой чистой воды... А денегъ, сколько за ней денегъ... Ой-ой-ой!..

Глаза его алчно загорѣлись.

— И ваша милость тогда не забудете меня?

Довбня насупилъ брови и принялъ недовольный видъ, но въ глубинѣ души слова Мошки доставляли ему большое удовольствiе.

— Вы все вздоръ болтаете,—строго сказалъ онъ.

— Вздоръ?!. Какой вздоръ!.. — сказалъ Мошка, не смущаясь строгимъ тономъ; онъ зналъ, что разговоръ этотъ пріятенъ Довбнѣ.

— И это не вздоръ: въ городѣ всѣ только и говорятъ объ этомъ. И изъ вашей милости и княжны будетъ такая пара, такая пара... что и высказать нельзя... Ухъ!.. Деньги я вашей милости нынче же предоставлю; я понимаю, что вашей милости нужны деньги, ухъ, какъ нужны, и я изъподъ самой земли, а достану.

Довбня кивнулъ головой.

Аудіенція кончилась, но Мошка мялся на одномъ мѣстѣ, посматривая на Довбню, и медлилъ уходить. Тотъ вопросительно взглянулъ на него.

— И что я вашей милости доложу о вашемъ письмоводителѣ, и что это за человѣкъ... и это не человѣкъ, а бѣшеная собака. И какія онъ вещи говорилъ о вашей особѣ... Ухъ, какія вещи онъ говорилъ! Мой языкъ отнимается сказать то, что онъ говорилъ. И когда я услышалъ, что говорилъ онъ о вашей особѣ, я закрылъ уши и убѣжалъ. Я, какъ съ добрымъ человѣкомъ, хотѣлъ побесѣдовать съ нимъ о дѣлахъ, чтобы не утруждать вашего просвѣщеннаго вниманія, а онъ чуть-чуть не прибилъ меня. Вы такой опытный юристъ и передовой человѣкъ, и такъ объективно относитесь ко всему... вы либералъ и космополитъ въ самомъ идеалѣ, и вы никогда не позволите, чтобы какая нибудь блоха такъ поносила вашу милость, распоряжалась бы у васъ въ камерѣ и дѣлала все, что захочетъ. И я прибѣжалъ доложить вашей милости о дѣлахъ, которыя будутъ разбираться нынче въ камерѣ, чтобы найти законную защиту.

Мошка, съ умоляющимъ жестомъ, сложивъ руки и вытянувъ впередъ свою длинную шею, сталъ пытливо смотрѣть на Довбню.

Довбня, съ классическимъ поворотомъ головы и солиднымъ молчаніемъ, слушалъ Мошку, разглаживая баки; но, по мѣрѣ того какъ онъ слушалъ, лицо его становилось грознѣй и глаза метали молніи.

— Такъ онъ смѣлъ это обо мнѣ говорить?—грозно спросилъ онъ.

— Да, да, говорилъ... Ухъ, какія вещи говорилъ! — закивалъ головой Мошка.

— А-а-а?!..

Эта «а» было рычаньемъ взбѣшенной гіены.

— Продолжайте!—немного помолчавъ, болѣе спокойнымъ тономъ сказалъ Довбня.

Мошка, трусливо пригнувъ голову при громоносномъ звукѣ «а», приподнялъ ее и, ободрившись, продолжалъ:

— И ваша милость знаетъ, что мы—несчастный, гонимый всѣми народъ. И цто такое еврей? У еврея нѣтъ пристанища, нѣтъ родины и онъ виситъ на ниточкамъ между небомъ и землей. И жида всѣ гонятъ, всѣ издѣваются, во всемъ и вездѣ виноватъ еврей, онъ и есть тотъ Макаръ, на котораго шишки валятся, а придетъ критическая минутка—безъ еврея обойтись не могутъ. Чѣмъ же мы виноваты? Мы—народъ смирный, мы только заботимся о своихъ интересахъ, и больше ничего. И ваша милость знаетъ, какъ пристрастно къ намъ мнѣніе вообще, какъ даже въ печати насъ ругаютъ; но ваша милость, какъ личность передовая, изволитъ понимать, что это—отсталость, что это протухлый консерватизмъ. И хвала, и честь всѣмъ такимъ передовымъ людямъ, какъ ваша милость, которые стремятся къ космополитизму. Еврей—такой же человѣкъ, какъ и всѣ, и онъ также хочетъ ѣсть, пить и жить, какъ и всѣ; онъ также страдаетъ въ общей борьбѣ за кусокъ хлѣба. Зачѣмъ же всегда такой пристрастный судъ къ еврею? Ну, вотъ и теперь это дѣло Зильбермана, котораго обвиняютъ въ ростовщичествѣ. Ваша милость еще разрѣшила мнѣ взять его на поруки. Несчастный, бѣдный еврей, такой же, какъ и я, которому всѣ двери въ просвѣщеніе заперты, имѣлъ небольшую лавочку, торговалъ, торговалъ и видитъ себѣ убытокъ, и сталъ давать подъ проценты деньги. И цто зе тутъ такого!.. А стали кричать, что жидъ обираетъ народъ, что деретъ жидовскіе проценты: пошли жалобы, клевета. Вѣдь не каждый, особенно теперь, когда кругомъ бѣда, дастъ деньги, а человѣку крайность, хоть зарѣжься. Еврей же одинъ только хоть со дна самаго моря достанетъ денегъ, а какъ достанетъ, это ужь его тайна. Такъ за эти-то труды ему и попользоваться нельзя, нельзя нажить хоть какой нибудь пурцентъ?.. Не бери, никто за шею не тащитъ; а взялъ, такъ недаромъ же—все таки должно давать пурцентъ. На пурцентѣ весь міръ стоитъ! И мы поняли эту истину давно, а за это насъ осуждаютъ и поносятъ. Мы—народъ трудолюбивый, изъ силъ выбиваемся и никакого преступленія нѣтъ,

что мы пурценты свои возьмемъ за гешефтъ. Ну, вотъ, развѣ я такъ виноватъ, что вашей милости деньги достаю? И ваша милость мною довольна, и за это пурцентики мнѣ платитъ.

Онъ умолкъ и пытливо устремилъ на Довбню свои пронырливые глаза.

— Гмъ!.. Дальше!—процѣдилъ Довбня.

— А вотъ другое дѣло, — продолжалъ Мошка. — Только это дѣло такое сложное юридическое, что только ваша милость съ такимъ тонкимъ умомъ можетъ ухватить истину.

Онъ жестикулировалъ своими длинными костлявыми руками съ грязными ногтями, и сдѣлалъ такой жестъ, точно онъ самую истину ухватилъ и вытащилъ, какъ занозу.

— Трое изъ нашихъ: Купервассеръ, Сахаръ и Зальцманъ обвиняются въ кражѣ. Ваша милость изволила разрѣшить мнѣ взять и ихъ на поруки. Они вовсе ничего не украли, а такъ дѣло поставлено, что они попались и второй разъ. Ваша милость изволитъ помнить, въ первый разъ оправдали ихъ за недостаточностью уликъ; еще тогда приказали мнѣ достать 1000 рублей. Такъ теперь опять,—надо же быть такому неблагопріятному стеченію обстоятельствъ! — дѣло подтасовали на ихъ бѣду, а все потому, что они жиды. Тяжело намъ бѣднымъ жить. Ухъ, какъ тяжело! И какъ легко замарать репутацію честнаго еврея, когда захотятъ этого сдѣлать. Но ваша милость, безъ сомнѣнія, отнесется къ этому дѣлу, какъ настоящій космополитъ, безъ всякаго пристрастія къ намъ, гонимымъ. Вонъ вы и газету выписываете Бенъ-Прохвостовича. Вѣдь въ жизни такъ часто бываетъ несчастное стеченіе подобныхъ обстоятельствъ, что человѣкъ долженъ быть очень, очень остороженъ, чтобы не обвинить невиннаго. Какъ часто бываютъ ошибки изъ-за человѣческаго пристрастія! А вашъ письмоводитель, онъ такъ пристрастенъ къ намъ, онъ такъ ненавидитъ насъ. Онъ все цитаетъ «Наблюдатель»!..

Жидъ умолкъ и вопросительно посмотрѣлъ на Довбню.

Судья откинулся всѣмъ своимъ крупнымъ туловищемъ въ креслѣ и что-то глубомысленно соображалъ. На лицѣ его была написана важная дума.

Мошка затаилъ дыханье.

— Да, конечно, человѣкъ долженъ быть строгъ, но спра-

— Врешь! Еслибы искалъ, такъ и нашелъ бы. Всѣ вы, лѣнтяи, только тѣмъ и отговариваетесь, что работы нѣтъ.

— Да не було! Колы бъ вы такъ поголодалы, какъ я, такъ тоже, богъ знаетъ, удержалысь ли бы...—внезапно выпалилъ парень и осѣкся.

— Ахъ, ты, грубіянъ! Да какъ ты смѣешь меня сравнивать съ собой? Молчать!

Довбня, разсерженный, вошелъ въ канцелярію.

Сбросивъ на руки сторожа шинель, онъ властно приказалъ письмоводителю доложить ему дѣла, назначенныя къ разбору.

— Дѣло крестьянина Дмитрія Бурдюга, обвиняемаго въ кражѣ двухъ булокъ,—началъ письмоводитель свой докладъ.

Доложивъ дѣло, онъ сталъ просить объ оправданіи обвиняемаго.

— Это мерзавецъ, будущій каторжникъ! Какъ вы смѣете просить за него?—крикнулъ Довбня.—Онъ мнѣ,—понимаете, даже мнѣ!—осмѣлился нагрубить! Осмѣлился сидѣть въ моемъ присутствіи. Это неуваженіе къ власти, понимаете, понимаете?!

— Помилосердствуйте, Егоръ Андреевичъ. Хлопецъ глупый, неловкій, забитый нуждой, запуганный — оттого ему и не везетъ. Я самъ знаю, что̀ значитъ искать мѣста, особенно человѣку съ замараннымъ паспортомъ. Вѣдь у насъ боятся нанимать людей съ вѣтра, особливо состоявшихъ подъ судомъ. А грубости въ немъ никакой не видно. Если же онъ не всталъ при вашемъ входѣ, такъ это вслѣдствіе забитости.

— Вы, какъ я вижу, намѣрены потакать преступленію; но я судья, а не вы, и прошу не разсуждать! — крикнулъ Довбня, стукнувъ кулакомъ по столу.

— Не вѣрю я, чтобы человѣкъ не могъ достать работы, еслибы захотѣлъ. У насъ общество слишкомъ благоустроенное: есть дома трудолюбія, филантропическія общества и т. п. А это все лѣность и распущенность! Потакать этому нельзя по принципу. Еслибы еще кража была неясно доказана, тогда возможно было бы оправданіе, но разъ подсудимый сознался—пойманъ съ поличнымъ! — кара должна воспослѣдовать, въ какой бы минимальной долѣ ни проявилось преступленіе. Наполеонъ сказалъ: «отъ великаго до смѣшнаго

одинъ шагъ», а я говорю: «отъ малаго до великаго тоже одинъ шагъ»,—добавилъ онъ съ удареніемъ, сдѣлавъ классическій поворотъ головы.

Ему казалось, что онъ въ эту минуту похожъ на Наполеона.

— А потому я вамъ совѣтую молчать и слушать, что вамъ говорятъ, — внушительно выпустилъ онъ, разглаживая баки.—Начнетъ съ булокъ, а кончитъ фальшивыми деньгами или того хуже. Это объективная сторона дѣла, а субъективная — онъ на меня произвелъ впечатлѣніе совершенно отпѣтаго человѣка; его грубое поведеніе со мной ясно доказываетъ это, а я очень, очень проницателенъ и насквозь вижу людей,—понимаете: *насквозь*, — прибавилъ онъ, прищуривая глаза.

— И васъ, да, и васъ вижу, — добавилъ онъ, устремляя на письмоводителя испытующій взоръ.

— Видишь-то ты далеко, да подъ носомъ ничего не различаешь, — пробурчалъ письмоводитель.

— Что-о-о?!.—съ рокотомъ, предвѣщавшимъ грозу, спросилъ Довбня.

— Ничего-съ, это я про себя маленькое замѣчаніе сдѣлалъ.

— Прошу молчать; вы забываете, съ кѣмъ говорите!.. Дальше, какія еще есть дѣла? — сильнѣе и сильнѣе раздражаясь, спросилъ Довбня.

Письмоводитель, дрожащимъ отъ негодованія голосомъ, сталъ продолжать свой докладъ.

— Вотъ видите, вотъ видите, какъ вы пристрастны въ дѣлахъ!—вскричалъ Довбня. — Почему вы докладываете мнѣ это дѣло такъ, чтобы обвинить евреевъ? Передъ закономъ всѣ равны, а вы готовы всегда обвинить еврея только потому, что онъ, по вашему, жидъ. Теперь настаетъ новое время; являются новые передовые люди, объективно и безпристрастно относящіеся къ явленіямъ жизни; къ такимъ людямъ принадлежу и я, — сказалъ онъ съ гордостью. — Преступленіе въ сущности не доказано. Одинъ свидѣтель показываетъ, что видѣлъ обвиняемыхъ за часъ до совершенія кражи во дворѣ; другой же показываетъ, что въ это время онъ видѣлъ ихъ совершенно въ другой сторонѣ города. Почему же вы даете

вѣру первому показанію, а не второму? Все потому, что это жиды. Вы и прошлый разъ тоже стояли за обвиненіе, не смотря на недоказанность преступленія.

— Да, да, стоялъ и теперь стою; эти жиды устроили цѣлую хеврю мошенниковъ; доказывается это тѣмъ, что они уже во второй разъ пойманы. Они, дѣйствительно, ловко обдѣлываютъ дѣлишки, подставляя свидѣтелей изъ своей же шайки; но многое въ дѣлѣ убѣждаетъ, что они виновны, и я внутренно убѣжденъ въ этомъ.

— Внутренно!—иронически усмѣхнулся Довбня.—Нужны доказательства неопровержимыя, а не какое-то смутное внутреннее чувство. Вотъ, еслибы я осудилъ вашего протежэ только по тому внутреннему чувству, что провижу въ немъ будущаго каторжника, то такое осужденіе было бы неправильно, но у меня есть объективныя доказательства преступленія: его сознаніе и свидѣтели. Въ этомъ же дѣлѣ нѣтъ ни того, ни другаго: свидѣтели путаются, — безапелляціонно заключилъ онъ.

— Ну, баста! приступимъ къ дѣлу.

Онъ надѣлъ цѣпь и вышелъ въ камеру.

IV.

Довбня сѣлъ въ кресло за столъ, покрытый краснымъ сукномъ съ золотой бахрамой, и, разглаживая баки, приступилъ къ разбору.

Первымъ слушалось дѣло крестьянина Дмитрія Бурдюга, обвиняемаго въ кражѣ двухъ булокъ.

— Крестьянка Акулина Перехвистка?—вызвалъ онъ.

— Я, паночку, я, — сказала толстая расплывшаяся баба въ смазныхъ сапогахъ и зеленомъ очипкѣ, подходя къ столу.

Довбня поморщился.

— У васъ укралъ Дмитрій Бурдюгъ двѣ булки?

— У меня, паночку, у меня. Богъ съ нимъ, я ужь простила его анахфему,—пусть подавится...

— Объ этомъ васъ не спрашиваютъ! — строго сказалъ Довбня.

— Сидила я на базари съ кумою; глядь, онъ, какъ вовкъ, накинулся на мій хлибъ...—продолжала словоохотливая баба.

— Молчать, садитесь!—грозно сказалъ Довбня.

— Митрофанъ Довгаль?—вызвалъ онъ.

Городовой подошелъ къ столу и вытянулся въ струнку.

— Ты видѣлъ, какъ Дмитрій Бурдюгъ кралъ булки?

— Такъ точно-съ. Стою, эфто, я на посту, а онъ бѣжитъ, какъ оглашенный, да къ корзинкѣ; хвать и сталъ запихивать въ ротъ. Баба-то, какъ оглянется, да завизжитъ, а онъ такъ и глотаетъ. Я, эфто, къ нему; хотѣлъ вырвать булку да не успѣлъ, какъ онъ всю въ ротъ захватилъ; мычитъ, давится, головой крутитъ, а все жретъ, т. е. такъ и уплетаетъ за обѣ щеки.

— Довольно!—сказалъ Довбня.

Были спрошены еще нѣсколько свидѣтелей; они подтвердили тоже.

— Признаешь ли ты себя виновнымъ?—спросилъ Довбня, обратясь къ понуро стоявшему Митькѣ.

Митька молчалъ.

— Что жь, тебѣ нѣсколько разъ повторять?—крикнулъ Довбня.

— Признаю, мой грѣхъ, съ голодухи.

Онъ сталъ, путаясь, разсказывать невнятно то же, что и письмоводителю.

— Довольно!

Довбня сталъ читать приговоръ.

Присутствующіе въ камерѣ встали.

— По указу Его Императорскаго Величества 18.... года, декабря... я, городской судья, разобравъ уголовное дѣло по обвиненію Дмитрія Бурдюга по 169 ст. уст. о нак., нашелъ обвиненіе доказаннымъ собственнымъ сознаніемъ обвиняемаго. Правда, обвиняемый объясняетъ, что онъ кражу двухъ булокъ совершилъ изъ нужды; но, съ одной стороны, это объясненіе не заслуживаетъ довѣрія, если имѣть въ виду, что ему 19 лѣтъ и при желаніи онъ могъ бы себѣ заработать дневное пропитаніе, а съ другой стороны, хотя кража совершена имъ на сумму менѣе 50 коп., но я нахожу необходимымъ назначить обвиняемому наказаніе въ высшей мѣрѣ, потому что онъ, только что успѣвъ отбыть наказаніе за предъидущую кражу, вышелъ изъ тюрьмы и уже совершилъ новую кражу. А потому назначеніе ему незначительнаго наказанія или полное оправданіе, въ виду маловажности кражи,

повлечетъ за собою то, что вторая кража породитъ третью, третья четвертую и т. д. Посему я приговорилъ: крестьянина Дмитрія Бурдюга, 19 лѣтъ, на основаніи 200 ст. пр. и 169 ст. уст. о наказ., заключить въ тюрьму на шесть мѣсяцевъ.

Вторымъ слушалось дѣло трехъ мѣщанъ: Купервассера, Сахара и Зальцмана, обвиняемыхъ въ кражѣ. Третьимъ—дѣло мѣщанина Зильбермана, обвиняемаго въ ростовщичествѣ.

По обоимъ этимъ дѣламъ былъ вынесенъ оправдательный приговоръ за слабостью уликъ.

Окончивъ разборъ дѣлъ, Довбня вошелъ въ канцелярію. Письмоводитель угрюмо посмотрѣлъ на него и покачалъ головой.

— Вы недовольны моимъ рѣшеніемъ?—иронически спросилъ Довбня.

— Судъ долженъ быть справедливъ и милостивъ,—волнуясь, дрожащимъ голосомъ сказалъ письмоводитель.

Довбня вспыхнулъ.

— Не вамъ учить меня. Кто вы и кто я?—заносчиво сказалъ онъ.—Разсуждать тоже вздумали!

— Да и буду разсуждать: мое человѣческое чувство возмущается такимъ судомъ, — упрямо сказалъ письмоводитель.

— Ахъ, вотъ какъ!—холодно сказалъ Довбня.—Но мнѣ до вашего чувства нѣтъ никакого дѣла; можете искать для своего чувства другое подходящее мѣсто.

Онъ хлопнулъ дверью и вышелъ изъ канцеляріи.

— Уѣхалъ!—крикнулъ радостно Опонасъ, просовывая голову въ дверь.

Письмоводитель вышелъ изъ канцеляріи.

Подсудимые еще были въ сѣняхъ.

Жиды торжествовали и побѣдоносно посматривали на письмоводителя.

— И такой справедливый судья, и развѣ онъ могъ обвинить насъ, бѣдныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ евреевъ?—говорилъ черный еврей, насмѣшливо глядя на письмоводителя.

— Гершко, ты что скажешь?

— И скажу: слава богу, что у насъ пошли такіе судьи; теперь намъ хоть вздохнуть можно спокойнѣе!

Письмоводитель подошелъ къ Митькѣ.

— Эхъ ты, хлопецъ несчастный! На, возьми! — сказалъ онъ, суя въ руку Митькѣ нѣсколько мелкихъ монетъ.

— Спасибо,—равнодушно сказалъ Митька.

Онъ сидѣлъ, безучастно относясь къ окружающему.

— Тамъ въ тюрьмѣ накормятъ, сытъ буду,—сказалъ онъ.

— На, ховай, бѣдный хлопче-рыцыдыстъ,—сказалъ Опонасъ, суя въ руку Митьки кусокъ паляницы и сала. Митька равнодушно принялъ подаяніе. Онъ былъ разбитъ и нравственно, и физически. Тупое чувство равнодушія охватило его. Онъ былъ радъ поскорѣй очутиться въ тюрьмѣ.

— Пойдемте, дяденька!—сказалъ онъ городовому

— Поспѣешь, еще насидишься,—угрюмо сказалъ городовой,—эхъ, жисть ты человѣческая! — махнувъ рукой, добавилъ онъ.

— И позвольте намъ копію съ приговора? — обратился къ письмоводителю черный еврей.

— Эхъ, упекъ бы я васъ, еслибы въ моей власти, — раздраженно сказалъ письмоводитель.—Ну, сознайтесь, вѣдь вы украли?

— Може мы, а може и не мы—доказать надо. Господину судьѣ надо это доказать такъ, какъ дважды два четыре, а мы всегда такъ дѣло повернемъ, что дважды два будетъ пять. О, нашъ Мошка великій человѣкъ! Онъ всѣхъ вокругъ своего пальца обведетъ и самъ сухимъ изъ воды вылѣзетъ. А вы что? Вы не судья, вы—пхе!

V.

Довбня, выдя изъ камеры и сѣвъ въ сани, тотчасъ забылъ о дѣлахъ.

Мысли его были заняты обѣдомъ у княгини Анастасьевой да различными проэктами и соображеніями. Главнымъ лицомъ въ его думахъ была княжна.

Онъ заѣхалъ домой переодѣться, и во фракѣ, сіяя бѣлизной крахмальной сорочки съ брилліантовыми запонками, вошелъ въ кабинетъ.

Здѣсь ждалъ его Мошка. Кривляясь, онъ сталъ униженно кланяться.

— Ухъ, какъ ваша милость прекрасны—самъ Аполлонъ!..

Больно даже глазамъ смотрѣть,—жестикулируя, шепталъ онъ, алчно поглядывая на крупные брилліанты.

Довбня снисходительно улыбнулся въ свои щетинистые усы.

— Достали?

— Съ трудомъ, съ большущимъ трудомъ, но досталъ. И все для васей милости, для другаго—ни въ жисть. Сколько мукъ и поношенія принялъ, а досталъ. И только ужь 20 пурцентиковъ,—иначе не могъ, никакъ не могъ.

— Давайте!

Мошка вынулъ изъ боковаго кармана сюртука засаленный бумажникъ и досталъ изъ него пачку сторублевыхъ кредитокъ. Довбня небрежно пересчиталъ.

— Вѣрно, — сказалъ онъ. — Это на деньги похоже, а въ прошлый разъ вы мнѣ принесли какія-то тряпки,—добавилъ онъ, складывая съ сухимъ шуршаніемъ новенькія бумажки.

— И все для вашей милости старался; нарочно въ казначейство ходилъ обмѣнивать. Векселекъ извольте подписать,—заискивающимъ тономъ добавилъ онъ, вынимая вексельную бумагу.

Довбня обмакнулъ перо, сдѣлалъ размашистый росчеркъ съ завиткомъ и возвратилъ Мошкѣ.

— Ухъ, трудныя, трудныя времена настали теперь!—жалобно затянулъ Мошка, покачивая головой.

Довбня нетерпѣливо взглянулъ на него. Мошка съежился и, униженно сгибаясь, попятился къ дверямъ.

У дверей онъ остановился.

— Позвольте узнать о рѣшеніи дѣлъ, о которыхъ я докладывалъ вашей милости? — спросилъ онъ, напряженно смотря ни Довбню.

— Обвиняемые оправданы за слабостью уликъ, — проронилъ Довбня.

— Оправданы? О, вы великій, вы идеальный судья!.. Вы не дадите въ обиду несчастное гонимое племя; вы именно передовой человѣкъ, космополитъ!—захлебываясь отъ восторга, провизжалъ Мошка, скрываясь за дверью.

— Пора! — сказалъ Довбня, посмотрѣвъ на часы, и поднялся съ кресла.

Онъ всегда старался быть акуратнымъ, но не торопливымъ.

Бросивъ на себя сосредоточенный взглядъ въ зеркало, онъ надавилъ кнопку электрическаго звонка.

— Шинель!—приказалъ онъ вбѣжавшему лакею, проходя въ переднюю.

— Къ княгинѣ,—сказалъ онъ кучеру, садясь въ сани.

Кучеръ тронулъ сѣраго въ яблокахъ жеребца подъ голубой сѣткой; жеребецъ, закусивъ удила, круто выгнулъ шею и понесся крупной рысью, взметая копытами снѣжную пыль.

Вечерѣло. Морозъ крѣпчалъ. Гасли послѣдніе отблески потухавшей зари. Темнѣвшее небо начинало сверкать звѣздами. На улицахъ скупо свѣтили огни рѣдкихъ керосиновыхъ фонарей; искрились морозные узоры на окнахъ освѣщенныхъ домовъ и магазиновъ.

Княгиня Анастасьева была центральнымъ лицомъ среди высшей аристократіи города; къ ней всѣ—и мужчины, и дамы, съ губернаторомъ и губернаторшей во главѣ,—съѣзжались на поклоненіе. Молодость свою она провела довольно бурно; къ старости ея волненія стали утихать; кругъ желаній съуживаться, и она изъ Петербурга переѣхала въ провинцію, гдѣ занялась благотворительностью. Ея благотворительность выражалась въ томъ, что она была предсѣдательницей мѣстнаго филантропическаго общества, устраивала лотереи-аллегри, базары, танцовальные вечера въ пользу бѣдныхъ, а когда посѣщала пріюты, то привозила съ собой кондитерскихъ конфектъ «pour mes pauvres enfants».

Передъ большимъ кіотомъ въ ея спальнѣ, похожимъ на иконостасъ и наполненнымъ образами въ золотыхъ ризахъ съ драгоцѣнными камнями, постоянно теплились цвѣтныя лампадки, подвѣшенныя на бронзовыхъ цѣпочкахъ, и пахло ладаномъ. Часто ее можно было видѣть за чтеніемъ житія святыхъ или въ бесѣдахъ съ монахиней; но отъ прежней молодости у нея сохранилась любовь къ пикантнымъ анекдотамъ и къ хорошо сложеннымъ мускулистымъ мужчинамъ.

На «поклоненіе» провинціальнаго общества она смотрѣла, какъ на должное, и держала себя съ тою барски-небрежной манерой grande-dame петербургскаго свѣта, которая заставляла всѣхъ невольно стушевываться и преклоняться передъ ней, чему немало способствовали ея богатство и «связи» въ Петербургѣ. Къ Довбнѣ она благоволила, какъ къ здоровому

мускулистому мужчинѣ, какъ къ талантливому разсказчику пикантныхъ анекдотовъ, которые онъ порой разсказывалъ ей подъ сурдинку съ неизмѣнной солидностью, къ акуратному секретарю благотворительнаго общества. Къ тому же онъ былъ человѣкъ «съ будущимъ», приличенъ и корректенъ.

«Какого же мужа надо для моей Эленъ? — думала она, присматриваясь къ Довбнѣ:—ей ужь за тридцать лѣтъ и если *этотъ* ускользнетъ, то ей тогда останется только записаться въ старыя дѣвы. Да, да, этотъ бракъ надо устроить»,—рѣшила она и стала чаще приглашать къ себѣ Довбню.

Къ дочери, въ сущности, она относилась равнодушно; между ней и Эленъ не было никакой внутренней связи, никакихъ теплыхъ отношеній:—все ограничивалось почвою свѣтскихъ приличій и заботъ о костюмахъ; но она все таки хотѣла «пристроить» ее, тѣмъ болѣе, что подвертывался подходящій человѣкъ.

Эленъ платила матери тою же монетой. Это было гордое, надменное, холодное существо, мелочно-самолюбивое, тщеславное, съ плохо скрываемымъ раздраженіемъ на міръ и людей. Сознавая свою некрасивость, она замкнулась въ ледяной тонъ свѣтскаго приличія и такта; слыла законодательницей модъ въ городѣ и хоть немного насыщала свое раздраженное самолюбіе, играя роль надменной жрицы свѣтскаго культа. Она свысока смотрѣла на окружавшее ее провинціальное общество, вздыхала по золотой петербургской молодежи и съ презрительной усмѣшкой относилась къ увивавшимся за ней провинціальнымъ львамъ. Для нея всѣ они были «мелкотой», начиная съ блестящаго полковаго адьютанта, перваго танцора и божка городскихъ дамъ, но отъ котораго, по ея мнѣнію, «несло казармой», и кончая двумя чиновниками для особыхъ порученій при губернаторѣ, которыхъ она въ шутку называла своими чиновниками для ея порученій. Среди этой молодежи, увивавшейся за ней, она отмѣтила Довбню. Довбня болѣе подходилъ къ ея вкусу. Во-первыхъ, въ немъ была та солидность, тотъ свѣтскій тонъ, которые для мужчины важнѣе, чѣмъ красота; во-вторыхъ, онъ былъ человѣкъ съ будущимъ.

Ея поклонники вздыхали, говорили ей пошлые комплименты, рѣзавшіе ухо, но въ сущности она ясно понимала

что была для нихъ только золотымъ мѣшкомъ; держа ихъ на почтительномъ разстояніи, окатывая холоднымъ душемъ ѣдкой насмѣшки ихъ пылкія словоизверженія, она иронически называла ихъ ухаживанье за нею «неудачнымъ походомъ аргонавтовъ за золотымъ руномъ». Довбня, оказывая ей постоянное вниманіе безъ примѣси слащавости, держа себя всегда съ достоинствомъ, воздалъ ей должное. Онъ прямо сказалъ ей: «Княжна, вы не молоды и не одарены красотой, но вы обладаете тѣмъ свѣтскимъ изяществомъ, тѣмъ свѣтскимъ тактомъ, которые въ высшемъ обществѣ цѣннѣе смазливенькаго личика; чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе вамъ будетъ выйти замужъ, и подъ конецъ вы можете выйти замужъ только за негодяя, который обереть васъ. Я не влюбленъ въ васъ, да въ бракѣ высшаго круга чувство любви смѣшно,—напоминаетъ сантиментально-мѣщанское счастье! Я молодъ, энергиченъ, обладаю умомъ, способностями, на хорошемъ счету; но, чтобы подняться выше, мнѣ необходимы связи и деньги. Вы имѣете и то, и другое—соединимся же вмѣстѣ; вы дадите мнѣ первое, а я вамъ дамъ корректную супружескую жизнь съ положеніемъ, предоставивъ свободу и самостоятельность вашей личности».

Этотъ разговоръ поразилъ ее своею оригинальностью — съ ней никто не говорилъ такъ серьезно и правдиво; ея поклонники лишь ограничивались пошло-банальными фразами. Холодная по натурѣ, она поддерживала легкій свѣтскій флиртъ безъ всякаго увлеченія. Довбня поразилъ ее; онъ не увлекъ—нѣтъ!—но поразилъ ее здравостью своихъ сужденій; его прямая до грубости рѣчь была ей пріятна. Она подумала: чѣмъ вести такую скучную несамостоятельную жизнь съ матерью, гораздо лучше принять его предложеніе. У нея будетъ своя гостинная, свои пріемы, и она выдетъ изъ-подъ материнскаго ига. Его можно будетъ вывести въ люди; онъ, дѣйствительно, таковъ и на него можно положиться. Но она не хотѣла сразу сказать ему рѣшающаго слова, точно обрадовалась. Она сжала сосредоточенно брови и сказала ему, что должна всесторонне обсудить этотъ вопросъ. Онъ наклонилъ голову въ знакъ согласія и сказалъ: «разсудокъ въ жизни великое дѣло—страсть—это пагуба».

Довбня ѣхалъ, обдумывая, въ продолженіе всей дороги, свои

отношенія къ княжнѣ. Прослѣдивъ недавнее поведеніе съ нимъ княжны, онъ пришелъ къ заключенію, что отказа не будетъ, и рѣшилъ настоять на окончательномъ отвѣтѣ.

Онъ подъѣхалъ къ широкому, освѣщенному двумя большими фонарями, подъѣзду длиннаго двухъэтажнаго бѣлаго дома старинной барской архитектуры съ флигелями, украшеннаго колоннами и статуями. Старикъ швейцаръ, получавшій отъ него частыя и довольно солидныя подачки, съ благообразнымъ лицомъ и внушительной наружности, въ зеленой ливреѣ съ золотымъ позументомъ и княжескими гербами на крупныхъ пуговицахъ, привычнымъ жестомъ, степенно отстегнулъ медвѣжью полость саней. Пріятно осклабясь, онъ встрѣтилъ Довбню съ тѣмъ почтительно-фамильярнымъ выраженіемъ на лицѣ, не лишеннымъ нѣкотораго лукавства, которое часто бываетъ у прислуги, чующей виновника большихъ перемѣнъ въ домѣ.

— Ну, что, Степанычъ, какъ живешь?—спросилъ Довбня, сбрасывая на руки швейцару свою шинель.

Онъ всегда задавалъ Степанычу этотъ вопросъ. Съ прислугой княгини онъ былъ ласковъ.

— Ничего-съ, скрипимъ-съ, — отвѣчалъ ему всегда Степанычъ.

— Все у васъ благополучно?

— Такъ точно-съ. Ихъ сіятельства находятся въ добромъ здоровьѣ. Ея сіятельство, княжна, нынче изволили уже выѣзжать,—добавилъ онъ съ удареніемъ, лукаво прищуривая глазъ.

— А!—съ пріятной улыбкой протянулъ Довбня, осматривая себя въ зеркало.

Этотъ разговоръ со Степанычемъ пріятно щекоталъ его самолюбіе.

— Съѣздъ начался?

— Съѣзжаются-съ. Столъ на двадцать кувертовъ. Будутъ начальникъ губерніи съ супругой, предводитель...

Онъ сталъ перечислять всѣхъ приглашенныхъ.

Довбня при каждомъ имени говорилъ «а», но съ различными интонаціями. Вынувъ тонкій надушенный платокъ, онъ вытеръ свои усы и медленными солидными шагами сталъ подыматься по широкимъ ступенямъ ярко освѣщенной лѣстницы, затянутой ковромъ и уставленной тропическими растеніями.

Пройдя высокую бѣлую залу, освѣщенную двумя хрустальными люстрами, переливавшими всѣми цвѣтами радуги, онъ вошелъ въ голубую гостинную. Въ гостинной, уставленной мягкой мебелью и обитой голубымъ шолковымъ штофомъ, горѣли лампы на блестящихъ высокихъ подставкахъ, подымавшихся съ полу; яркій свѣтъ ихъ смягчался шолковыми цвѣтными зонтами; огни свѣчъ сверкали въ бронзовыхъ бра. Здѣсь было уже нѣсколько дамъ и нѣсколько мужчинъ изъ приглашенныхъ лицъ. Мужчины—во фракахъ, дамы—почти въ бальныхъ туалетахъ съ цвѣтами.

Княгиня, глубоко вдавивъ эластичныя пружины широкаго кресла своимъ тяжелымъ расплывшимся туловищемъ, сидѣла, грузно облокотившись о спинку, въ черномъ чепцѣ и въ широкомъ шолковомъ платьѣ, шуршавшемъ при малѣйшемъ ея движеніи. На одной рукѣ у нея были четки, а на колѣняхъ—небольшая золотая табакерка, осыпанная брилліантами, и носовой шолковый платокъ. Весь кружокъ группировался около нея: на лицахъ выражались почтеніе и угодливость; это выраженіе относилось также къ высокому, плотному старику съ лысиной во всю голову, съ длинными сѣдыми, на англійскій манеръ, бакенбардами и со скромно выглядывающимъ изъ-за шолковаго лацкана фрака уголкомъ владимірской звѣзды. Это былъ пріѣхавшій изъ Петербурга другъ и дальній родственникъ княгини, Ахиллесъ Владиміровичъ Кольчугинъ.

Потрескивая длинными пальцами бѣлыхъ выхоленыхъ рукъ, онъ мягкими шагами ходилъ по гостинной, либерально-покровительственно бросалъ фразу кому нибудь изъ присутствующихъ, а затѣмъ, подойдя къ княгинѣ, опирался на спинку ея кресла и, вставивъ монокль въ глазъ, разглядывалъ дамъ.

Изъ дамъ выдѣлялась полногрудая, сильно декольтированная живая блондинка съ плутоватыми голубыми глазами и полными румяными щеками съ ямками. Она часто поглядывала изъ-за спинки кресла на Кольчугина, съ лукавой усмѣшкой, обнажавшей бѣлые, хорошо вычищенные, мелкіе зубы; но, когда глаза княгини встрѣчались съ ея взглядомъ, улыбка застывала у нея на лицѣ, глаза опускались и она принимала постный видъ скромницы.

Кольчугину, видимо, нравилась эта игра; онъ чаще всего останавливалъ свой монокль на блондинкѣ и затѣмъ, накло-

нившись къ княгинѣ, шепталъ ей что-то на ухо. Пухлое, морщинистое лицо княгини съ черными мушками улыбалось; она, полузакрывъ глаза, слушала и шептала.

— Шалунъ! Все также неисправимъ, какъ и въ молодости... Oh, la jeunesse, la jeunesse!—сантиментально добавила она, закативъ глаза.

Затѣмъ, переходя въ настроеніе пуританки, она перебирала четки, опустивъ глаза.

— Съ вами только нагрѣшишь, Ахиллесъ. О, Господи, грѣхи наши тяжки!

Твердыми, самоувѣренными шагами Довбня подошелъ къ княгинѣ.

— Ah, c'est vous, mon cher! Enchantée de vous voir.

Онъ, почтительно согнувшись, принялъ протянутую морщинистую руку княгини и сочно поцѣловалъ.

Княгиня съ пріятной улыбкой на старческихъ губахъ смотрѣла на него.

— Brave, très brave garçon! Не правда ли?—шепнула она Кольчугину.

— O, oui, princesse. Онъ замѣчательно солиденъ.

— Вы запоздали, mon cher; Эленъ давно васъ поджидаетъ—громко обратилась она къ Довбнѣ.

— Княгиня, считаю это за честь,—сказалъ онъ съ пріятной улыбкой.—Но дѣла, дѣла, служба прежде всего! — строго произнесъ онъ, насупивъ брови и сдѣлавъ классическій поворотъ головы.

— O, oui, oui, les affaires, les affaires avant tout; но какъ вы заставляете страдать насъ, бѣдныхъ женщинъ, отъ этихъ affaires, — жалобно сказала княгиня.

Кольчугинъ одобрительно и покровительственно взглянулъ на Довбню.

— Княгиня, еслибы мы не занимались дѣлами, что̀ тогда было бы съ бѣдной Россіей? — внушительно сказалъ онъ.

Довбня принялъ видъ еще серьезнѣе.

Это «мы», которымъ Кольчугинъ связывалъ его съ собой, еще болѣе возвышало его личность въ собственныхъ глазахъ.

— Да, да, mon cher, я умолкаю, умолкаю...

— А мой отчетъ по благотворительному комитету готовъ? — спросила она Довбню.

— Да, вамъ остается только подписать его.

— Oui, oui, mes pauvres, mes pauvres,—покачавъ головой, сказала княгиня.

— Я васъ не задерживаю; ступайте къ Эленъ, — обратилась она къ Довбнѣ.

— Il est amoureux d'Hélène,—шепнула она Кольчугину въ то время, когда Довбня здоровался съ присутствующими.

— О!—прошепталъ Кольчугинъ.—А Hélène?

— Эленъ? Да развѣ вы не знаете ея! Это холодное, черствое созданье, неспособное къ любви. О, ей далеко, далеко до меня!—сказала княгиня, закативъ глаза.—Но ей давно, давно пора выйти замужъ. И онъ... онъ подходящій... Не правда ли?

— Гмъ... да, онъ подаетъ большія надежды въ будущемъ. Изъ него выдетъ толкъ.

— Ахиллесъ! — поднявъ глаза, шепнула княгиня. — Pour moi, сдѣлайте что нибудь для него.

— Гмъ! гмъ! Что жь хорошо; можно будетъ. На первыхъ порахъ въ члены суда, затѣмъ въ предсѣдатели; пусть послужитъ въ провинціи, а затѣмъ можно и въ Петербургъ. Онъ мнѣ нравится.

VI.

Довбня, пройдя анфиладу комнатъ, вошелъ въ будуаръ княжны, отдѣланный въ китайскомъ вкусѣ и освѣщенный цвѣтными китайскими фонариками.

Здѣсь была молодежь.

Княжна, увядающая, но молодящаяся тридцатилѣтняя дѣва, съ лицомъ, густо осыпаннымъ пудрой, со взбитыми по модѣ бѣлокурыми рѣдкими волосами, тусклыми водянисто-сѣрыми глазами, съ бѣлыми рѣсницами и утинымъ широкимъ носомъ, сидѣла на небольшомъ диванчикѣ, одѣтая въ изящный темный визитный костюмъ. У нея были красивы: тонкая, точно выточенная, талія, высокая грудь, небольшія руки и ноги. Она всегда и выставляла все это въ выгодномъ свѣтѣ.

За роялемъ сидѣлъ тонкій молодой человѣкъ съ худощавымъ лицомъ, большими телячьими глазами, съ тонкимъ носомъ, тонкими усами, вытянутыми въ стрѣлки, тонкими руками и ногами — чиновникъ для особыхъ порученій при гу-

бернаторѣ. Онъ меланхолично бралъ минорныя ноты и, поглядывая на княжну, какъ бы желалъ этими звуками растрогать ея жестокое сердце.

Другой,—тоже чиновникъ для особыхъ порученій, но съ усами, завитыми въ колечки, и сатирическимъ выраженіемъ лица,—стоялъ, картинно опершись о рояль, мурлыкая что-то себѣ подъ носъ и со скептическимъ видомъ посматривалъ на всѣхъ, не теряя княжны изъ виду. Блестящій, краснощекій адьютантъ, сіяя новенькимъ, съ иголочки, мундиромъ, сидѣлъ на низенькомъ пуфѣ, звеня шпорами и лихо закручивая бѣлокурые пушистые усы. Онъ смотрѣлъ томными масляными глазами на княжну, вполнѣ увѣренный зачаровать ее своимъ взглядомъ. Княжна, съ презрительно скучающимъ выраженіемъ на лицѣ, смотрѣла на всѣхъ своихъ поклонниковъ.

Кромѣ этихъ лицъ, въ сторонѣ сидѣла пожилая худощавая безличная дама въ черномъ скромномъ платьѣ съ бѣлымъ воротничкомъ,—безмолвная компаньонка для соблюденія свѣтскихъ приличій, въ силу которыхъ одной дѣвушкѣ неприлично быть среди молодыхъ людей.

При входѣ Довбни, лицо княжны оживилось и въ ея тусклыхъ глазахъ сверкнуло подобіе огня. Онъ крѣпко пожалъ ей руку и проницательно посмотрѣлъ въ лицо. Легкій румянецъ окрасилъ блѣдныя щоки княжны.

— А, Егоръ Андреевичъ! — воскликнули разомъ оба чиновника для особыхъ порученій.

Лица ихъ приняли льстиво-завистливое выраженіе. Они чувствовали въ немъ сильнаго и опаснаго соперника.

— Здравствуйте!—коротко отрѣзалъ адьютантъ, звякнувъ шпорами, и холодно взглянулъ на Довбню.

Онъ считалъ себя такимъ же достойнымъ претендентомъ на руку княжны, какъ и Довбня.

Довбня внушительно и солидно поздоровался со всѣми. Онъ давилъ ихъ своей невозмутимостью. Княжна невольно залюбовалась его осанкой.

Да, да, для нея онъ былъ подходящимъ мужемъ! Передъ нимъ блѣднѣли всѣ эти, окружающіе ее, поклонники. Онъ былъ tout a fait correct, а, главное, «понималъ» ее и цѣнилъ.

— Княжна, кажется, не въ духѣ; быть можетъ, вы развеселите ее? — иронически обратился адьютантъ къ Довбнѣ.

— Я не шутъ, — солидно выпустилъ Довбня.

Адьютантъ вспыхнулъ. Оба чиновника для особыхъ порученій зло хихикнули. На малокровныхъ губахъ княжны показалась тонкая улыбка.

— Я думаю, и Егоръ Андреевичъ не въ состояніи развеселить княжну: она—ледяная статуя,—съ усмѣшкой сказалъ чиновникъ для особыхъ порученій, стоящій у рояля.

Другой чиновникъ для особыхъ порученій, сидящій за роялемъ, взялъ минорный аккордъ и меланхолично посмотрѣлъ на княжну. Этотъ взглядъ, казалось, говорилъ: «неужели тебя не трогаетъ моя безмолвная любовь»?

Довбня снисходительно улыбнулся.

«Какіе вы всѣ пустые люди»! — невольно говорила его улыбка.

Онъ опустился въ кресло, вблизи княжны, и, игнорируя присутствующихъ, началъ съ ней разговоръ.

Онъ говорилъ, а княжна подавала ему реплики. Говорилъ онъ о многихъ самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, вставляя, какъ бы мимоходомъ, тонкую злую насмѣшку надъ искателями богатыхъ невѣстъ. Слова эти, подобно отчеканеннымъ, круглымъ серебрянымъ рублямъ, падали изъ его устъ; густыя, толстыя брови то сосредоточенно сжимались, то расправлялись; на полныхъ красныхъ губахъ появлялась насмѣшливая улыбка; порой рука, сверкая брилліантовымъ перстнемъ на пальцѣ, медленно запускалась въ бакенбарды, разглаживая ихъ, а глаза внимательно, до строгости, смотрѣли на княжну. Княжна понимала его намеки и иронію надъ присутствующими, и охотно вторила ему. Этотъ разговоръ соткалъ между ними общую нить.

Чиновникъ для особыхъ порученій, сидящій за роялемъ, сталъ брать аккорды еще минорнѣе. У другаго чиновника лицо вытянулось и приняло еще болѣе усиленное пессимистическое выраженіе съ оттѣнкомъ горечи. Адьютантъ краснѣлъ, пыхтѣлъ и звенѣлъ шпорами, стараясь вмѣшаться въ разговоръ. Безмолвствующая компаньонка стала еще безличнѣе.

Довбня и княжна, мѣняясь взглядами, продолжали бесѣду.

— Вы, конечно, помните, княжна, изъ исторіи, о походѣ аргонавтовъ за золотымъ руномъ, — сказалъ съ удареніемъ

Довбня, окидывая насмѣшливымъ взоромъ присутствующихъ и переводя разговоръ на историческую тему.

— Еще бы! это поучительный эпизодъ, часто повторяющійся въ жизни,—съ усмѣшкой отрѣзала она.

— Да, да, княжна, поучительный тѣмъ, что походъ можетъ быть неудаченъ,—съ тонкой ироніей прибавилъ Довбня.

— Я что-то смутно припоминаю объ этомъ походѣ,—вмѣшался въ разговоръ адьютантъ.

— А вы, какъ военный человѣкъ, должны бы наизусть знать всѣ походы,—наставительно сказалъ Довбня.—Этотъ же особенно, — добавилъ онъ, переходя въ явно насмѣшливый тонъ.

— Я припоминаю эту сказку; вѣдь вся древняя исторія—вымыслъ,—сказалъ съ улыбкой чиновникъ для особыхъ порученій.

— И я также хорошо помню объ этомъ походѣ; въ гимназіи за него пятерку получилъ,—вторилъ за первымъ второй чиновникъ.

— Ахъ, вы помните, господа! очень радъ; не правда ли, поучительная исторія?—повторялъ Довбня, иронически поглядывая на всѣхъ.

— Я не понимаю, какую мораль вы хотите вывести изъ этой побасенки?—съ натянутою усмѣшкой спросилъ Довбню чиновникъ для особыхъ порученій, стоящій у рояля.

Другой чиновникъ, сидящій за роялемъ, вопросительно посмотрѣвъ на Довбню, взялъ густой аккордъ. Адьютантъ презрительно пожалъ плечами.

— Спросите княжну; она знаетъ,—уронилъ Довбня, переглядываясь съ княжной.

— Кушать подано!—провозгласилъ лакей, появляясь въ дверяхъ.

— Вашу руку, княжна?—сказалъ Довбня, склоняясь къ ней.

— Какъ всѣ они пошлы! — прошептала княжна на ухо Довбнѣ, беря его подъ руку.

— Глупы и безтактны.

— Вашъ отвѣтъ, княжна?—рѣзко спросилъ онъ, пристально смотря ей въ глаза.

— Послѣ обѣда я буду васъ ждать въ маленькой желтой гостинной,—шепнула она.

Онъ слегка наклонилъ голову.

— Что она находитъ въ немъ?—вопросительно прошепталъ адьютантъ, смотря вслѣдъ удалявшимся.—Глупъ, какъ сивый меринъ; къ чему-то приплелъ о пресловутомъ походѣ аргонавтовъ; беретъ только однимъ апломбомъ. Не правда ли?—добавилъ онъ, обратившись къ чиновникамъ для особыхъ порученій.

— Въ томъ-то и сила, что у него такой апломбъ, какого у насъ нѣтъ,—печально сказалъ чиновникъ для особыхъ порученій, сидѣвшій за роялемъ.

«А у меня»?! чуть не вскрикнулъ адьютантъ, но, съ ожесточеніемъ закрутивъ усы, промолчалъ.

VII.

Просторная высокая столовая, съ блюдами дорогаго севрскаго фарфора по стѣнамъ, была ярко освѣщена бронзовой массивной люстрой и канделябрами.

Длинный столъ, съ возвышающимися на немъ серебряными вазами, наполненными букетами живыхъ цвѣтовъ, сіялъ и сверкалъ бѣлизной столоваго бѣлья, хрусталемъ и серебромъ. По одну руку княгини занялъ мѣсто Кольчугинъ; по другую—губернаторъ съ супругой; остальные приглашенные размѣстились, кто какъ хотѣлъ. Рядомъ съ Кольчугинымъ заняла мѣсто сильно декольтированная живая блондинка, по тайному распоряженію княгини. Довбня сѣлъ рядомъ съ княжной; напротивъ усѣлся адьютантъ, рѣшивъ наблюдать внимательно за ними; наискось помѣстились оба чиновника для особыхъ порученій.

Лакеи стали обносить блюда.

Княгиня любила хорошо поѣсть и держала превосходнаго повара. Она устраивала эти обѣды еженедѣльно, называя ихъ «кормленіемъ звѣрей». Ей пріятно было видѣть около себя съ апетитомъ ѣдящихъ людей, и съѣзжающееся къ ней общество тоже любило эти обѣды. Поѣсть можно было въ волю. Уже съ утра никто изъ приглашенныхъ не заказывалъ дома обѣда; повара и кухарки отпускались на весь этотъ день. За нѣсколько дней до назначеннаго обѣда, въ дома приглашались портнихи, чтобы освѣжить и подновить дамскіе туалеты. Каждый

выбивался изъ силъ, чтобы попасть на эти обѣды; но княгиня была разборчива. Она приглашала только людей, занимающихъ болѣе видныя должности, а изъ молодежи — только «лакированныхъ» людей, которые не могли бы испортить общаго тона свѣтской корректности.

Настоящій обѣдъ давался княгиней въ честь Кольчугина.

Когда, послѣ первыхъ блюдъ, голодъ былъ немного удовлетворенъ, разговоръ сталъ оживляться.

— Вы все такая же, какъ и въ Петербургѣ; все такіе же у васъ удивительные обѣды, princesse,—сказалъ Кольчугинъ, обгладывая косточку рябчика вставными зубами.

— Я все такая же; люблю поѣсть, но люблю и угостить; для васъ же, mon cher, особенно старалась,—сказала княгиня, поднявъ на Кольчугина свои, замаслившіеся отъ удовлетвореннаго апетита, глаза.

— Наша княгиня—большая хлѣбосолка; всѣхъ насъ частенько балуетъ,—сказалъ губернаторъ.

— Да, да, обѣдъ княгини восхитителенъ!—сказало нѣсколько голосовъ.

— Превосходно, изящно!—шепталъ Кольчугинъ.

Княгиня торжествовала. Она съ удовольствіемъ смотрѣла на возбужденныя, покраснѣвшія лица во фракахъ, мундирахъ и бальныхъ туалетахъ.

Кольчугинъ часто обращался къ своей сосѣдкѣ съ шутками, шепталъ ей на ухо и пилъ за ея здоровье. Веселая блондинка вспыхивала, потупляла глаза, но вновь съ лукавствомъ вскидывала ихъ на Кольчугина. Она кокетничала, какъ хорошенькая кошка.

Княгиня съ добродушной улыбкой смотрѣла на нихъ.

— Ахиллесъ, вы неисправимы!

— О, oui, ma chère, пикантная женщина—моя слабость,—сказалъ Кольчугинъ, бросивъ нѣжный взглядъ на свою сосѣдку.

Блондинка вспыхнула.

— Toujours le même, toujours l'amour,—сказала княгиня.

Губернаторъ,—пожилой, хорошо сохранившійся человѣкъ, въ сюртукѣ морскаго покроя съ золотыми плетеными погонами, съ сильной просѣдью и умнымъ красивымъ лицомъ,—старался заинтересовать Кольчугина административнымъ по-

ложеніемъ губерніи; но, видя, что тотъ слишкомъ занятъ сосѣдкой и слушаетъ разсѣянно, умолкъ.

Довбня ѣлъ съ большимъ апетитомъ, не спѣша и солидно, вкусно обгладывая косточки и запивая краснымъ виномъ.

— Regardez, какъ онъ вкусно ѣстъ, съ удовольствіемъ смотришь на него, — шепнула княгиня Кольчугину, любуясь Довбней.

— Какіе у него красивые бѣлые зубы! Премилый молодой человѣкъ.

— Mon cher, возьмите еще!—обратилась она къ Довбнѣ.

— Эленъ, положи ему.

— Подай! — обратилась она къ мускулистому, хорошо сложенному лакею, который, выпятивъ грудь колесомъ, со опущенными по швамъ руками въ бѣлыхъ перчаткахъ, стоялъ за ея стуломъ, какъ мраморное изваяніе.

Довбня, не спѣша, положилъ себѣ на тарелку еще кусокъ дичи и красивымъ жестомъ налилъ стаканъ вина.

— Княгиня, рябчики у васъ выше похвалъ,—солидно сказалъ онъ, разрѣзая кусокъ.

— Кушайте, mon cher, на здоровье! — кивнувъ головой, отвѣтила княгиня.

Обратившись къ губернаторшѣ, она начала разговоръ о послѣднемъ собраніи благотворительнаго общества.

— Экій быкъ, экій быкъ! — раздраженно шепталъ адьютантъ, смотря на Довбню.

— Подай и мнѣ,—обратился онъ къ лакею.

«Вотъ, на тебѣ; чувствуй, я тоже не отсталъ отъ тебя»,— казалось, говорилъ его взглядъ, обращенный на Довбню.

Чиновникъ для особыхъ порученій съ телячьими глазами, ѣвшій много, но съ унынемъ на лицѣ, взглянулъ на Довбню. Второй чиновникъ, ѣвшій мало, но ядовито и саркастически посматривавшій на всѣхъ, тоже взглянулъ на Довбню и, толкнувъ своего товарища, прошепталъ:

— Онъ по истинѣ невозмутимъ.

— Сановникъ, сановникъ! — прошепталъ его сослуживецъ.—Нашего за поясъ заткнетъ, а вѣдь какъ еще молодъ,— добавилъ онъ, бросая робкій взглядъ на губернатора и переводя его опять на Довбню.

— Экій мѣдный лобъ! Ничто не проймет. Другой бы

смутился, а онъ хоть бы что!—раздраженно сказалъ первый чиновникъ.

— Слишкомъ высоко летаетъ.

— У васъ рѣшительно нѣтъ критическаго отношенія къ людямъ; вы всегда такъ поспѣшно выводите свои заключенія, что и губернаторъ сколько разъ вамъ это замѣчалъ,—докторальнымъ тономъ замѣтилъ первый.

— А подцѣпитъ онъ княжну, помяните мое слово: подцѣпитъ, — упрямо возразилъ его сослуживецъ. — Посмотрите, какъ княгиня за нимъ ухаживаетъ, да и княжна тоже благосклонна къ нему. Экое счастье! 300 тысячъ приданаго...

— Ну, можетъ быть, и не такая сумма,—это въ городѣ болтаютъ, а сунься съ предложеніемъ, такъ и 30 тысячъ не дадутъ,—со скептической гримасой сказалъ первый.

— Нѣтъ, нѣтъ, это вѣрно; мнѣ *самъ* говорилъ.

— А!.. *нашъ*!.. — глубокомысленно прошепталъ неизлѣчимый скептикъ и взглянулъ въ сторону губернатора, причемъ лицо его приняло болѣе ласковое выраженіе.

Эленъ ѣла мало. Она была въ нервно-возбужденномъ настроеніи, чувствуя, что ея будущность должна рѣшиться, и колебалась, чтобы не промахнуться.

«Можетъ быть, и онъ такой же, какъ и всѣ, только такъ говоритъ, а для него я тоже—мѣшокъ съ деньгами»?

Она искоса взглянула на него.

— Княжна, ваше здоровье,—шепнулъ онъ.

— Благодарствуйте.

— За будущее! Да, княжна, за будущее!—добавилъ онъ съ удареніемъ.

Она слегка покраснѣла и молчала.

— Какъ мнѣ понимать ваше молчанье, княжна? — спросилъ онъ, проницательно посмотрѣвъ на нее своими жосткими глазами.

— За будущее,—тихо уронила она, наклонивъ голову.

— Мегсі, княжна,—сказалъ онъ и медленными глотками, смакуя вино, выпилъ полный стаканъ.

Обѣдъ подходилъ къ концу. Подали кофе, фрукты, конфекты и ликеры.

Всѣ встали изъ-за стола, отяжелѣвъ, съ возбужденными глазами отъ вкусной пищи и хорошаго вина.

Мужчины прошли въ билліардную курить. Дамы направились въ гостинную. Разговоръ шелъ вяло. Княгиня послѣ обѣда любила подремать въ креслѣ и всѣ говорили шопотомъ.

Адьютантъ, не теряя изъ виду ни княжны, ни Довбню, увидѣлъ, какъ она, обмѣнявшись съ Довбней многозначительнымъ взглядомъ, вышла изъ гостинной.

Когда Довбня, спустя нѣкоторое время, поднялся съ кресла и медленнымъ, солиднымъ шагомъ вышелъ изъ гостинной, адьютантъ тихонько сталъ красться за нимъ; дойдя до желтой гостинной, онъ спрятался за портьеру и сталъ подслушивать.

Довбня, войдя въ гостинную, полуосвѣщенную небольшими фонариками изъ желтаго матоваго стекла, подошелъ къ дивану, на которомъ сидѣла княжна, и опустился рядомъ съ ней.

— Итакъ, княжна, вашъ отвѣтъ?—спросилъ онъ.

— Вы узнали его за обѣдомъ.

— Вы согласны быть моей женой?

— Да.

— Я глубоко тронутъ, княжна, повѣрьте, и дамъ вполнѣ корректное супружество. Я выду въ люди, и вы будете пользоваться прекраснымъ общественнымъ положеніемъ. Я давно думалъ имѣть такую жену, какъ вы:—вами можно гордиться, вы всегда будете на высотѣ своего положенія. Взглянемъ жизни прямо въ глаза. Влюбленность, любовь, — это давно ужь отжило;—мы не скоты, а разумныя существа, которыя даютъ другъ другу руки, чтобы идти вмѣстѣ. Насъ соединяютъ болѣе прочныя связи: вкусы, привычки — цѣпь свѣтскихъ отношеній и необходимость другъ въ другѣ. Вы дадите мнѣ связи и деньги, я утилизирую то и другое, и дамъ вамъ прочное общественное положеніе. Я честолюбивъ и меня не удовлетворитъ играть роль въ провинціи, а если вы, выдя за меня замужъ, потеряете княжескій титулъ, то со временемъ можете быть супругой *министра*,—гордо сказалъ онъ, сдѣлавъ классическій поворотъ головы.

Она слушала со вниманіемъ, смотря на его крѣпкую коренастую фигуру въ ловко сидящемъ фракѣ.

«Да, да, онъ таковъ; на него можно положиться, но... княжна Анастасьева—и вдругъ М-мъ Довбня»!

При сдачѣ имущества одною изъ частей управленія, случайно присутствовалъ мой пріятель, работающій въ этомъ же отдѣлѣ и передавшій мнѣ свои впечатлѣнія. Въ этой отдѣльной части работало свыше тридцати человѣкъ; каждый изъ нихъ занимался за отдѣльнымъ столомъ, имѣя на столѣ всѣ необходимыя письменныя принадлежности, по вечерамъ — лампу и т. п. И — вообразите — сдачѣ въ матеріальный отдѣлъ подлежали только два старыхъ стола, одинъ стулъ и три разбитыхъ лампы! Все остальное было разворовано въ теченіе двухъ-трехъ дней передъ сдачей. При самой сдачѣ произошелъ такой пассажъ. По чьей-то оплошности одинъ хорошій столъ не былъ еще выкраденъ. Это былъ настолько хорошій столъ, что объ его существованіи знали начальники всѣхъ частей управленія; и одинъ-то изъ этихъ начальниковъ отдѣльныхъ частей и былъ виновникомъ того, что столъ этотъ не былъ выкраденъ въ моментъ сдачи. Уже за этимъ столомъ и лошадь была прислана при запискѣ лица, имѣвшаго еще власть отдавать приказанія. Но была уже получена другая записка отъ начальника отдѣльной части, требующаго этотъ извѣстный столъ себѣ,— и столъ былъ отосланъ начальнику отдѣльной части. И какъ бы вы думали, — что̀ было причиной тому, что столъ не успѣли выкрасть? Въ столѣ всѣ ящики оказались переполненными разнаго рода канцелярскими принадлежностями: чернильницами, счетами, лампами, ножами, перьями и т. п.

«Все это чуть-чуть не попало къ тому, кто за этимъ столомъ прислалъ уже лошадь. Зарвался господинъ—и попался! Но все таки всякаго рода мебели и канцелярскихъ принадлежностей выкрадено было такъ много, что частная аукціонная продажа состоялась, и все, что̀ можно было продать, было продано».

Впрочемъ, не одни отрицательныя явленія представляетъ изъ себя дѣятельность русскихъ культуртрегеровъ на Дальнемъ Востокѣ. Тамъ есть и попытки насаждать культуру и цивилизацію, хотя до нѣкоторой степени своеобразныя. Въ «Новомъ Краѣ» есть корреспонденція изъ Портъ-Артура, а въ ней такія строки:

«Въ Портъ-Артурѣ, на набережной валяются горы «смирновки», предназначенной къ отправкѣ въ Манчжурію. Горькая истина, но дѣлать нечего: такова наша цивилизація, которую приходится насаждать, обильно спрыскивая «смирновкой». Очевидно, и слово «піонеръ» для русскаго производится отъ слова «пить». А, вѣдь, отчасти правы японцы, которые предполагаютъ, что въ Россіи есть только водочные заводы».

Подъ заглавіемъ «Высшая мудрость» «Восточный Вѣстникъ» напечаталъ такую любопытную замѣтку:

«Воспитанницы VII класса владивостокской женской гимназіи—въ большомъ смущеніи. На урокѣ рукодѣлья имъ дали штопать ни болѣе, ни менѣе, какъ старые чулки пансіонерокъ, и шить для тѣхъ же пансіонерокъ форменные воротнички. Мѣра эта вызвана тѣмъ, что между ученицами седьмаго класса нѣтъ истинныхъ талантовъ къ рукодѣлью и что таковые таланты могутъ проявиться лишь послѣ усидчиваго штопанья чулокъ. Вотъ ужь подлинно,—какъ говорятъ охотники,—«стрѣляй сороку и ворону, до бѣлаго лебедя дострѣляешься».

Не одну «смирновку» ввозятъ въ Манчжурію. По словамъ того же «Восточнаго Вѣстника», во Владивостокѣ на базарѣ появились комисіонеры, вербующіе прислугу въ Манчжурію.

«Эти подозрительныя личности, не стѣсняясь, дѣлаютъ женщинамъ разныя циничныя предложенія, приглашая ихъ поѣхать въ Мукденъ и другіе города Манчжуріи, гдѣ имъ жить будетъ «привольно, весело и хорошо» и гдѣ онѣ могутъ прекрасно устроиться. На базаръ посылается своими хозяевами немало подростковъ-дѣвочекъ, живущихъ въ услуженіи, которыя легко могутъ сдѣлаться жертвой обмана лицъ, промышляющихъ *живымъ товаромъ*».

Пора серьезно взяться за Дальній Востокъ и ввести въ немъ порядки, которые не компрометировали бы русскаго имени въ этомъ отдаленномъ краю. Къ тамошнимъ русскимъ порядкамъ и дѣйствіямъ присматривается не одна Россія, но и вся Европа, и Азія. Не надо забывать, что наше политическое вліяніе и могущество можетъ опираться тамъ на нашъ нравственный, а не матеріальный престижъ. Но пока нравственнаго престижа, нравственнаго воздѣйствія на инородцевъ, какъ живущихъ въ нашихъ предѣлахъ, такъ и въ пограничной чертѣ, незамѣтно. Пока наши порядки и обычаи порождаютъ на Дальнемъ Востокѣ только смуту и недоумѣніе. «Николаевско-Уссурійскій Листокъ» пишетъ:

«Въ селѣ Дубкахъ бѣдные десятники сбились съ ногъ! Представьте себѣ: пріѣзжаетъ священникъ служить литургію,—а на колокольнѣ нѣтъ колоколовъ (они—въ Воздвиженкѣ), и поэтому десятники бѣгаютъ по всему селу и стучатъ въ окна, съ крикомъ: «эй, дядька Пахомъ, иди въ церкву, попъ пріихавъ». Но теперь, набѣгавшись, десятники рѣшили построить вышку, въ родѣ минарета, откуда крикомъ будутъ созывать прихожанъ въ церковь. Оригинально и умно!.. А крестьяне с. Воздвиженки такъ-таки и не хотятъ отдать колокола дубковцамъ. Говорятъ: берите свои у попа Рыб—скаго, «мы гроши отдали». Такъ бѣднымъ Дубкамъ и не видѣть колоколовъ, какъ своихъ ушей».

Ужь больно по первобытному!

Въ Сибири еще замѣтно деморализирующее вліяніе недавно отмѣненной ссылки. Отбросы европейской Россіи на сибирской почвѣ не только не исправились, но, наоборотъ, деморализировали и терроризировали мѣстное населеніе, внеся въ его жизнь *каторжные* нравы и понятія.

Положеніе ссыльныхъ въ Сибири крайне тяжелое и прямо безвыходное. Начальникъ акатуевской тюрьмы въ «Забайкальскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» обращаетъ вниманіе на бѣдственное положеніе ссыльно-каторжныхъ:

11 ноября въ акатуевскую тюрьму прибыли 45 человѣкъ мужчинъ ссыльно-каторжныхъ; за ними слѣдовали 45 женщинъ—ихъ женъ—и 95 человѣкъ дѣтей, добровольно послѣдовавшихъ за своими мужьями и отцами на каторгу. Мужчины были помѣщены въ тюрьмѣ, гдѣ они пользуются всѣмъ необходимымъ; семействамъ ихъ предложено только одно отапливаемое помѣщеніе въ свободномъ баракѣ. Дальнѣйшія заботы о пропитаніи этихъ людей не касаются тюремной администраціи, и семейства ссыльно-каторжныхъ должны кормиться на свой счетъ. Между тѣмъ, эти 140 человѣкъ женщинъ и дѣтей оказались въ такомъ положеніи, что имъ буквально угрожаетъ смерть отъ голода, такъ какъ заработать въ настоящее время здѣсь совершенно невозможно. Администрація тюрьмы не можетъ помочь, такъ какъ для этого она не располагаетъ никакими средствами, кромѣ 30 руб., отпускаемыхъ ежемѣсячно на этотъ предметъ управленіемъ каторги».

Въ выѣздной сессіи окружнаго суда въ Олекминскѣ разсматривалось дѣло объ интересномъ субъектѣ.

«Въ нашъ разсчетливый вѣкъ трудно было бы даже представить себѣ возможность появленія такой неугомонной личности,—говоритъ «Восточное Обозрѣніе»,—какъ представшій 25 августа предъ окружнымъ судомъ Протоклитовъ. Ему—за пятьдесятъ лѣтъ. Біографія этого человѣка исчерпывается словами: судился, судился, судился... Уроженецъ саратовской губерніи, онъ кончилъ курсъ гимназіи и вдругъ, вмѣсто университета или, въ худшемъ случаѣ, канцеляріи какого нибудь присутственнаго мѣста, онъ попадаетъ въ тюрьму, а затѣмъ и въ Сибирь за вооруженное сопротивленіе властямъ. Первая судимость предрѣшаетъ послѣдующую: по приговору томскаго суда, Протоклитовъ отсиживаетъ три года въ арестантскихъ ротахъ за оскорбленіе дѣйствіемъ полиціи и, по отбытіи наказанія, высылается въ Каинскъ, гдѣ тотчасъ вновь попадаетъ подъ судъ за подобное же преступленіе. Затѣмъ онъ знакомится съ иркутскимъ судомъ въ качествѣ обвиняемаго по 271, 1480 и 1483 ст. о нак. (сопротивленіе властямъ и нанесеніе ранъ).

Водворенный въ вилюйскомъ округѣ, Протоклитовъ попадаетъ подъ судъ за недонесеніе о похищеніи какихъ-то документовъ. Въ Олекминскѣ онъ заставилъ говорить о себѣ, благодаря разнымъ экстраординарнымъ поступкамъ, за которые приходится имѣть знакомство съ камерой мироваго судьи. Послѣдній предлагаетъ для подписи протоколъ,—Протоклитовъ вмѣсто своей фамиліи пишетъ непечатное ругательство: возникаетъ новое дѣло. На этотъ разъ Протоклитовъ судился по 285 и 286 ст. ул. о нак. (оскорбленіе словами и дѣйствіемъ чиновника при исполненіи служебныхъ обязанностей). До суда онъ находился подъ стражей и на досугѣ писалъ болѣе или менѣе неосновательныя жалобы на кого попало. Между прочимъ, говорятъ, *онъ требовалъ, чтобы его отлучили отъ церкви*. Изъ обвинительнаго акта по послѣднему дѣлу видно, что Протоклитовъ ранилъ ножемъ обывателя К., а когда пришла полиція составлять протоколъ, онъ замахнулся ножемъ на засѣдателя со словами: «И тебя убью: видѣлъ я такихъ дураковъ-засѣдателей»! На судѣ обвиняемый призналъ себя виновнымъ; поэтому свидѣтели не допрашивались. Обвиняемый объяснилъ свой поступокъ состояніемъ опьяненія и аффекта. Приговоръ — четыре мѣсяца тюрьмы».

Изъ-за чего людей приговариваютъ къ ссылкѣ въ Сибирь по общественнымъ приговорамъ!

«Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, въ селѣ Озерки, козловскаго уѣзда, возникли,—какъ разсказываетъ «Козлов. Газ.»,—смуты изъ-за иконостаса. Одна половина общества хотѣла ограничиться ремонтомъ стараго иконостаса тысячи на три, другая — стояла за возведеніе новаго, на что требовалось вдвое—шесть тысячъ. Перевѣсъ взяла партія ремонта. Но дѣло этимъ не кончилось. Обозленное общество, послѣ страстныхъ споровъ, криковъ, брани, даже слезъ и угрозъ, сдѣлало недавно приговоръ объ отказѣ отъ шестнадцати домохозяевъ, которые немедленно были арестованы, какъ приговоренные къ высылкѣ, и посажены въ тюрьму,—изъ чего видно, что приговоръ былъ одобренъ земскимъ начальникомъ. Приговоръ пока не утвержденъ, и ничего нельзя сказать о судьбѣ его».

У насъ, оказывается, легче по общественному приговору выселить нежелательнаго сочлена въ Сибирь, чѣмъ домовладѣльцу—выселить нежелательнаго, но опытнаго квартиранта изъ дому...

Вотъ, напр., одинъ ростовскій домохозяинъ никакъ не можетъ выселить квартиранта.

Дѣло о выселеніи нѣкоего Гордіенко разсматривалось еще въ началѣ прошлаго мѣсяца въ камерѣ мироваго судьи 1-го участка. Судья удовлетворилъ исковое требованіе. Но Гордіенко, выписав-

шись изъ домовой книги, остался на той же квартирѣ у своей жены, числясь у нея квартирантомъ. Тогда владѣлецъ дома подаетъ мировому судьѣ второе прошеніе о выдвореніи жены Гордіенко. Послѣдняя точно также выписалась изъ домовой книги и передала квартиру своей тещѣ, у которой и остались Гордіенко съ женой въ качествѣ квартирантовъ. Владѣлецъ дома отъ такой неожиданной комбинаціи пришелъ положительно въ отчаяніе и подалъ теперь мировому судьѣ третье прошеніе—о выдвореніи тещи Гордіенко.

Есть вопросы, къ которымъ общество нерѣдко возвращается, усиленно говоритъ о нихъ, а потомъ... забываетъ. Къ числу такихъ вопросовъ принадлежитъ и вопросъ о нашихъ семейныхъ неурядицахъ. Основы семьи расшатываются, старыя семейныя традиціи рушатся; на сцену все болѣе и болѣе выступаетъ или страшный деспотизмъ, или полное распаденіе семьи. Мужъ идетъ въ одну сторону, а жена—въ другую. Но юридическая связь между ними, однако, не порывается. Они тѣсно скованы другъ съ другомъ. Если они молодые люди, то обречены на незаконное сожительство. Бракъ ихъ, расторгнутый фактически, остается юридически въ полной силѣ.

Газеты чуть не ежедневно приносятъ намъ извѣстія о печальныхъ семейныхъ драмахъ. Лѣтописи нашихъ семейныхъ неурядицъ, порождаемыхъ несовершенствомъ закона, заносятъ на свои страницы все новыя и новыя жертвы.

«Недавно,—сообщаетъ Кіевлянинъ,—въ Старокіевскій полицейскій участокъ въ Кіевѣ явились сильно взволнованные Аѳанасій Войцеховскій и Илья Казимировъ, которые подали заявленіе о томъ, что ихъ племянникъ Николай Рахальскій, именующій себя *повѣреннымъ по дѣламъ*, уже третьи сутки безпрерывно истязуетъ свою жену, Ѳеодосію Рахальскую, молодую женщину, 25 лѣтъ. Далѣе заявители присовокупили, что бѣдная женщина, вслѣдствіе жестокаго обращенія мужа, слегла, и Рахальскій заперъ ее въ отдѣльной комнатѣ, приставивъ къ ней слугу, которой заявилъ, что его жена—психически больная и ея нельзя выпускать изъ этой комнаты. Въ теченіе трехъ сутокъ онъ является къ ней и безчеловѣчно бьетъ ее. Рахальскій хотѣлъ обрѣзать и ея роскошные волосы, но бѣдная женщина въ ужасѣ стала бѣгать по квартирѣ, страшась уродства. Рахальскій преслѣдовалъ ее съ большими ножницами въ рукахъ и, настигая ее, каждый разъ охватывалъ по клоку волосъ, а когда несчастная лишилась возможности сопротивляться, онъ обстригъ ей совершенно голову. Въ присутствіи своего письмоводителя онъ раздѣвалъ бѣдную женщину до-гола, разрывая

на ней платье, ругалъ ее, издѣвался безчеловѣчнымъ образомъ. Родственники Рахальскаго просили полицію принять своевременныя мѣры, такъ какъ они опасаются, что дѣло можетъ окончиться трагически. Вслѣдствіе этого, въ квартиру явился помощникъ пристава старокіевскаго участка съ понятыми, но Рахальскій отказался давать имъ какія либо объясненія и выпустить жену, причемъ велъ себя вызывающимъ образомъ. Но, по настоянію полиціи, онъ все таки вывелъ ее изъ комнаты, гдѣ она находилась въ заточеніи. Бѣдная женщина, страшно исхудавшая, съ впалыми глазами и оголенной головой, имѣла потрясающій видъ и произвела на всѣхъ очень тяжелое впечатлѣніе. Она едва держалась на ногахъ отъ слабости. Когда ей показали письменное заявленіе родственниковъ ея мужа о жестокомъ обращеніи съ ней, Ѳеодосія Рахальская подписала это заявленіе. Она подтвердила, что мужъ безчеловѣчно съ ней обращается, и умоляла взять отъ него, такъ какъ онъ угрожаетъ убить ее, и однажды уже душилъ, всунувъ ей въ ротъ руку до горла и, еслибы не подоспѣлъ на помощь оперный артистъ Тасинъ,—мужъ навѣрное задушилъ бы ее. Рахальскій же упорно не разрѣшалъ увести жену, и тогда полиція обратилась къ прокурору окружнаго суда съ просьбой о разрѣшеніи взять женщину силою. Разрѣшеніе это было дано и, когда явились городовые, Рахальскій уступилъ. Былъ позванъ врачъ, который нашелъ на тѣлѣ бѣдной женщины царапины, а на лицѣ—припухлости. Рахальскій, отдавая женѣ платье, издѣвался надъ ней наглымъ образомъ въ присутствіи полиціи, осыпалъ площадною бранью, не хотѣлъ давать платье, а требовалъ, чтобы она надѣла на голую голову шляпу съ цвѣтами и такъ шла по улицѣ. Бѣдная женщина отдана родственникамъ на попеченіе. Какъ выясняется свидѣтельскими показаніями, въ теченіе шестилѣтняго супружества, Рахальскій превратилъ жизнь жены въ какую-то каторгу. Неоднократно, въ теченіе этого времени, полиціи приходилось вмѣшиваться въ его семейную жизнь, вслѣдствіе возмутительнаго отношенія Рахальскаго къ своей женѣ. Послѣдняя однажды пыталась даже покончить жизнь самоубійствомъ и бросилась подъ вагонъ городской желѣзной дороги».

«Терпи, страдай, но живи», такъ повелѣваетъ женамъ нашъ законъ,—не въ такихъ выраженіяхъ, конечно, но смыслъ его приблизительно таковъ. Г.г. Рахальскимъ дана полная возможность безчинствовать и истязать своихъ женъ, доводя ихъ даже до самоубійства. И лишь только одинъ прокуроръ можетъ освободить жертву супружескаго деспотизма и предоставить ей жить отдѣльно отъ мужа! Но это обыкновенно случается крайне рѣдко, послѣ долгихъ страданій и мытарствъ. Вмѣшательство прокурора бываетъ лишь

арканъ, другой рвалъ у него съ плечъ ружье, третій совалъ нагайкой прямо въ лицо, четвертый толкалъ его ружьемъ въ затылокъ и въ бокъ; пятый, верховой, наскакивалъ на него и пробовалъ смять подъ лошадь, а вмѣстѣ съ тѣмъ градъ отборныхъ ругательствъ сыпался на него.

— Ты какъ смѣлъ, мерзавецъ, стрѣлять въ нашихъ собакъ? Они дороже тебя, подлеца, стоютъ. Мы изъ тебя вытрясемъ эту дурь!

Ребенокъ рыдалъ и голосилъ, Иванъ Яковлевичъ пробовалъ вырваться изъ рукъ озвѣрѣвшихъ людей, но его снова толкали въ средину толпы.

— Караулъ! Караулъ!—вопилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Ори сильнѣе! — гоготали ему въ отвѣтъ:—кричи здоровѣе. Вѣдь все равно въ лѣсу караула не полагается?

— Пустите меня къ нему, — оралъ одинъ изъ пьяныхъ охотниковъ,— пустите, я въ него трахну!

И пьяный герой прицѣливался изъ ружья въ прикащика. Шумъ и гамъ, крики прикащика и плачъ ребенка разносились далеко по лѣсу. И вскорѣ на этотъ гвалтъ сбѣжались изъ хутора Шепелева рабочіе. Они кинулись было освобождать своего прикащика, но грозные начальственные крики остановили ихъ.

— Прочь!—кричалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—убирайтесь отсюда. Не ваше дѣло!

А пылкій Дмитрій Ѳедоровичъ провелъ ружьемъ черту на землѣ и грозно сказалъ рабочимъ:

— Не смѣть переходить черезъ эту черту. А то мы покажемъ вашему прикащику кузькину мать!

Въ это время остальные рыцари отжимали прикащика въ глубь лѣса, подальше отъ рабочихъ. Но Иванъ Яковлевичъ съ отчаянной храбростью рвался изъ ихъ рукъ, а такъ какъ нѣкоторые «интеллигенты», убоявшись свидѣтелей, нѣсколько умѣрили свой воинственный пылъ, то вскорѣ онъ очутился среди своихъ защитниковъ-рабочихъ.

Охота кончилась. Воспаленные охотники спустились къ озеру и, черпая картузами воду, стали запивать холодной водичкой. А потомъ веселая компанія, довольная и побѣдоносная, ввалилась въ экипажи и помчалась оканчивать счастливый день къ Ѳедору Ѳедоровичу. Вотъ какъ веселятся въ балашовскомъ уѣздѣ»...

Намъ кажется, что многіе и изъ бывшихъ «крѣпостниковъ» позавидовали бы умѣнью балашовскихъ помѣщиковъ веселиться...

Вниманіе не только русскаго общества, но и цѣлой Европы, обращено въ настоящій моментъ на Дальній Востокъ. Взоры всего міра обращены туда не только потому, что тамъ недавно происходила кровавая комедія, подъ именемъ «европейско-китайской войны», но главнымъ образомъ потому, что Дальній Востокъ, благодаря проведенію Великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, долженъ попасть въ міровую колею. Теперь на Дальнемъ Востокѣ открываются новые горизонты, какъ для политики, такъ для торговли и промышленности. Намъ, русскимъ, принадлежитъ пальма первенства на берегахъ Тихаго океана и въ сопредѣльныхъ съ нимъ странахъ.

Что́ же мы дѣлаемъ тамъ?

«Забайкалье» изъ Хайлара сообщаетъ о крайне прискорбныхъ случаяхъ, которые, по выраженію газеты, не только не дѣлаютъ намъ чести, но безусловно позорятъ доброе имя русскихъ. Вотъ примѣръ безправія и беззащитности китайскихъ кочевниковъ и того, какъ съ ними обращаются и какъ на нихъ смотрятъ.

«Въ минувшемъ октябрѣ орочены угнали у извѣстнаго Лопушки громадный табунъ, состоявшій изъ нѣсколько сотъ головъ лошадей. Въ погоню за разбойниками немедленно были посланы казаки, которымъ и удалось настичь грабителей и отнять бо́льшую часть угнаннаго скота. Кони были возвращены владѣльцу; но, по подсчетѣ ихъ, онъ нашелъ, что еще недостаетъ сотни головъ. Не заявляя никому о недостачѣ (о первой пропажѣ Лопушка тоже, кажется, формально никого не просилъ о погонѣ, но дѣло — не въ этомъ), Лопушка тотчасъ же отрядилъ шесть человѣкъ изъ своихъ сородичей, которымъ и поручилъ ѣхать къ ороченамъ и отбить, или, говоря проще, выкупить угнанный скотъ.

Отъѣхавъ верстъ около ста отъ Хайлара, монголы устроили привалъ и стали варить пищу, какъ вдругъ появились какіе-то вооруженные ружьями люди и начали стрѣлять въ нихъ. Монголы обезумѣли и, не ища спасенія въ бѣгствѣ, стали кричать, что они — русскіе... Стрѣлявшіе, видя, что монголы не отвѣчаютъ на ихъ выстрѣлы и ждутъ своей участи («казаки», какъ называетъ ихъ разсказавшій происшествіе очевидецъ и участникъ несчастія) подскакали къ нимъ, раздѣли до гола всѣхъ монголовъ и погнали ихъ куда-то въ сторону. Такъ прогнали «плѣнныхъ» версты четыре, пока къ нимъ не подъѣхали товарищи нападавшихъ казаковъ, такъ что общая цифра разбойниковъ образовалась человѣкъ въ 70. Шайка спѣшилась и впередъ выступилъ какой-то начальникъ,—«старшо́й», который и началъ допросъ. Монголы, посланные Лопушкой, объяснили по русски (одинъ изъ нихъ, въ качествѣ переводчика, былъ посланъ Лопушкой «на всякій случай»).. цѣль своего путешествія, и повторяли вновь все то, что́ уже разсказывали раньше первой шайкѣ.—А паспорта́ гдѣ?—спрашивалъ старшо́й разбойничьей шайки.

Монголы объяснили, что паспортовъ имъ Лопушка не далъ, такъ какъ они ѣхали въ китайскую сторону, зная, что орочены недалеко и паспортовъ имъ не нужно: съ ними они столковались бы и такъ...

Но атаманъ шайки, не смотря на мольбы и колѣнопреклоненія несчастныхъ плѣнниковъ, приказалъ ихъ всѣхъ, за исключеніемъ переводчика, казнить... Приведеніе въ исполненіе приговора послѣдовало немедленно, но несчастныхъ не обезглавливали просто, а истязали и надругивались. Для какихъ-то неизвѣстныхъ цѣлей, имъ сначала надѣвали котелки, а потомъ рубили головы... Такъ какъ шашки уже раньше, вѣроятно, были затуплены, то рубили головы не сразу... Очередь дошла и до переводчика. Но онъ, умоляя пощадить его, обѣщалъ проводить шайку къ ороченамъ. Его пощадили и, не давая одежды, погнали впередъ съ тѣмъ, чтобы онъ указывалъ путь. На несчастье монгола-переводчика, онъ не нашелъ ороченъ на предполагаемомъ мѣстѣ и повелъ своихъ истязателей дальше, увѣряя, что орочены перекочевали; но онъ знаетъ, гдѣ ихъ найти. Страхъ ли отшибъ память, или просто онъ сбился съ пути, только, указавъ еще двѣ предполагаемыя стоянки кочевниковъ-ороченъ, онъ вывелъ казаковъ изъ терпѣнія и

они уже начали поговаривать, что и съ нимъ нужно бы сдѣлать то же... Наконецъ, шайка въѣхала въ лѣсъ; дѣло было уже къ вечеру и несчастному монголу какъ-то посчастливилось спрятаться и избѣжать неминуемой смерти.

Трое сутокъ несчастный монголъ бродилъ голымъ и голоднымъ по лѣсу и степи, пока не добрался до своего хозяина, которому и разсказалъ объ участи, постигшей экспедицію. Лопушка немедленно обратился къ начальнику гарнизона съ просьбой дать ему нѣсколько казаковъ въ охрану для отысканія «казненныхъ» и ихъ погребенія, но начальникъ гарнизона, будто бы, отказалъ въ просьбѣ Лопушки»...

Жизнь на Дальнемъ Востокѣ еще не вошла въ колею. Слишкомъ еще много тамъ бродячаго и хищническаго элемента, готоваго на всякія преступленія:

Невольно является вопросъ: принимаются ли мѣры мѣстными властями для охраны жителей и ихъ имущества отъ этого хищническаго элемента? Какъ охраняются, напримѣръ, владивостокскіе обыватели, — указываетъ слѣдующая замѣтка «Дальняго Востока».

«Ночью на 8 ноября, членъ владивостокскаго окружнаго суда П—ръ возвращался около 2 часовъ ночи на извощикѣ № 16, съ двумя дамами, изъ театра. Подъѣзжая къ Пушкинской ул., гдѣ онъ живетъ, онъ увидѣлъ зарево пожара. Опасаясь, что горитъ въ его домѣ, онъ погналъ быстрѣе извощика. Зарево все ближе и ближе, а, между тѣмъ, никакихъ признаковъ не только пожарныхъ, не только какого-нибудь призрака полиціи, но и вообще живой души. Подъѣхавъ къ своей квартирѣ, г. П—нъ убѣдился, что горитъ двумя или тремя домами далѣе. Высадивъ дамъ, онъ немедленно поѣхалъ по улицѣ и, чтобы вызвать кого нибудь изъ притаившейся, повидимому, гдѣ-то полиціи, вмѣстѣ съ извощикомъ началъ громко кричать: «пожаръ... караулъ... горитъ»!.. Увы, никто не откликался. Горѣлъ деревянный заборъ дома Поздѣева, гдѣ помѣщается пятновыводная мастерская Вербера. Наконецъ, изъ дома Ильницкаго вышелъ караульный, который оказался первымъ, вызваннымъ ими на помощь, человѣкомъ; его заставили свистать, но и тутъ усилія оказались тщетны: никакихъ признаковъ или призраковъ полиціи нѣтъ какъ нѣтъ. Караульный вызвалъ китайца изъ дома Поздѣева, и ведрами удалось загасить догоравшій сухой заборъ. Къ счастью, было совершенно безвѣтрено. Заборъ находился отъ деревяннаго дома въ $2^1/_2$ аршинахъ; кругомъ—деревянные дома. Случись это во время вѣтра, непремѣнно сгорѣло бы нѣсколько домовъ. Любопытно, что и на другой день полиціи ничего не было извѣстно объ этомъ случаѣ. Хорошо, что удостовѣрить его могъ человѣкъ съ виднымъ положеніемъ въ судебномъ

мірѣ, указавъ и свидѣтелей этого происшествія. Вѣроятно, только поэтому на другой день сдѣлано было распоряженіе уволить старшаго городоваго 2-го участка и двухъ дежурныхъ полицейскихъ, которые на свои посты не явились».

Не менѣе интересны свѣдѣнія «Амурскаго Края» о манчжурской полиціи:

«Для охраны пути между Цицикаромъ и г. Благовѣщенскомъ организована особая манчжурская полиція, вооруженная маузеровскими винтовками и имѣющая особую форму: красныя куртки съ бляхами на груди изъ гуттаперчи съ надписью: «Полицейскій хэйлундзянской провинціи. Дорога Мергенъ—Цицикаръ»; эта полиція обязана оказывать русскимъ всякое содѣйствіе и находится въ распоряженіи дзянь-дзюня, подъ высшимъ наблюденіемъ русскаго военнаго комисара Цицикарской провинціи, подполковника генеральнаго штаба Михаила Алексѣевича Соковнина. Вышеупомянутая полиція должна находиться въ 13 селеніяхъ по Цицикаро-Благовѣщенскому тракту. Свѣдѣнія объ этомъ взяты нами изъ канцеляріи цицикарскаго комисара. Къ сожалѣнію, должно сказать, что за всю дорогу отъ Цицикара до Благовѣщенска мы видѣли только одного китайскаго полицейскаго, да и то не въ красной куртк̀ѣ. Кромѣ того, офиціальныя названія деревень, за весьма малыми исключеніями, не соотвѣтствуютъ мѣстнымъ названіямъ и неизвѣстны мѣстнымъ жителямъ. Поэтому, если кому понадобится помощь китайской полиціи, то разыскать ее будетъ труднѣе, чѣмъ жемчужное зерно въ навозной кучѣ».

Подобная дѣятельность владивостокской и манчжурской полиціи у многихъ отобьетъ охоту ѣхать на Дальній Востокъ...

Вообще печальныя извѣстія идутъ изъ Сибири. Въ Иркутскѣ, въ одной частной квартирѣ лица, причастнаго къ управленію по постройкѣ Забайкальской желѣзной дороги, произведена была аукціонная (частная) продажа всякаго рода канцелярской мебели и канцелярскихъ принадлежностей,—всего того, что̀ всегда въ изобиліи имѣется въ конторѣ участка, отдѣленія или тому подобныхъ учрежденій.

«Продажа производилась открыто, и я не подозрѣвалъ того, что здѣсь имѣется характерный случай беззастѣнчивости господъ, носящихъ «инженерскую шапку», говоритъ корреспондентъ «Сибирскаго Листка».—Я случайно только узналъ, к̀акъ образовываются этого рода аукціонныя продажи. По мѣрѣ того, какъ какая либо отдѣльная часть управленія по постройкѣ Забайкальской желѣзной дороги кончаетъ свою работу и сдаетъ отчетъ, она сдаетъ матеріальному отдѣлу управленія все свое имущество, пріобрѣтенное ею по мѣрѣ надобности.

При сдачѣ имущества одною изъ частей управленія, случайно присутствовалъ мой пріятель, работающій въ этомъ же отдѣлѣ и передавшій мнѣ свои впечатлѣнія. Въ этой отдѣльной части работало свыше тридцати человѣкъ; каждый изъ нихъ занимался за отдѣльнымъ столомъ, имѣя на столѣ всѣ необходимыя письменныя принадлежности, по вечерамъ — лампу и т. п. И — вообразите — сдачѣ въ матеріальный отдѣлъ подлежали только два старыхъ стола, одинъ стулъ и три разбитыхъ лампы! Все остальное было разворовано въ теченіе двухъ-трехъ дней передъ сдачей. При самой сдачѣ произошелъ такой пассажъ. По чьей-то оплошности одинъ хорошій столъ не былъ еще выкраденъ. Это былъ настолько хорошій столъ, что объ его существованіи знали начальники всѣхъ частей управленія; и одинъ-то изъ этихъ начальниковъ отдѣльныхъ частей и былъ виновникомъ того, что столъ этотъ не былъ выкраденъ въ моментъ сдачи. Уже за этимъ столомъ и лошадь была прислана при запискѣ лица, имѣвшаго еще власть отдавать приказанія. Но была уже получена другая записка отъ начальника отдѣльной части, требующаго этотъ извѣстный столъ себѣ,— и столъ былъ отосланъ начальнику отдѣльной части. И какъ бы вы думали, — что̀ было причиной тому, что столъ не успѣли выкрасть? Въ столѣ всѣ ящики оказались переполненными разнаго рода канцелярскими принадлежностями: чернильницами, счетами, лампами, ножами, перьями и т. п.

«Все это чуть-чуть не попало къ тому, кто за этимъ столомъ прислалъ уже лошадь. Зарвался господинъ—и попался! Но все таки всякаго рода мебели и канцелярскихъ принадлежностей выкрадено было такъ много, что частная аукціонная продажа состоялась, и все, что̀ можно было продать, было продано».

Впрочемъ, не одни отрицательныя явленія представляетъ изъ себя дѣятельность русскихъ культуртрегеровъ на Дальнемъ Востокѣ. Тамъ есть и попытки насаждать культуру и цивилизацію, хотя до нѣкоторой степени своеобразныя. Въ «Новомъ Краѣ» есть корреспонденція изъ Портъ-Артура, а въ ней такія строки:

«Въ Портъ-Артурѣ, на набережной валяются горы «смирновки», предназначенной къ отправкѣ въ Манчжурію. Горькая истина, но дѣлать нечего: такова наша цивилизація, которую приходится насаждать, обильно спрыскивая «смирновкой». Очевидно, и слово «піонеръ» для русскаго производится отъ слова «пить». А, вѣдь, отчасти правы японцы, которые предполагаютъ, что въ Россіи есть только водочные заводы».

Подъ заглавіемъ «Высшая мудрость» «Восточный Вѣстникъ» напечаталъ такую любопытную замѣтку:

«Воспитанницы VII класса владивостокской женской гимназіи—въ большомъ смущеніи. На урокѣ рукодѣлья имъ дали штопать ни болѣе, ни менѣе, какъ старые чулки пансіонерокъ, и шить для тѣхъ же пансіонерокъ форменные воротнички. Мѣра эта вызвана тѣмъ, что между ученицами седьмаго класса нѣтъ истинныхъ талантовъ къ рукодѣлью и что таковые таланты могутъ проявиться лишь послѣ усидчиваго штопанья чулокъ. Вотъ ужь подлинно,—какъ говорятъ охотники,—«стрѣляй сороку и ворону, до бѣлаго лебедя дострѣляешься».

Не одну «смирновку» ввозятъ въ Манчжурію. По словамъ того же «Восточнаго Вѣстника», во Владивостокѣ на базарѣ появились комисіонеры, вербующіе прислугу въ Манчжурію.

«Эти подозрительныя личности, не стѣсняясь. дѣлаютъ женщинамъ разныя циничныя предложенія, приглашая ихъ поѣхать въ Мукденъ и другіе города Манчжуріи, гдѣ имъ жить будетъ «привольно, весело и хорошо» и гдѣ онѣ могутъ прекрасно устроиться. На базаръ посылается своими хозяевами немало подростковъ-дѣвочекъ, живущихъ въ услуженіи, которыя легко могутъ сдѣлаться жертвой обмана лицъ, промышляющихъ *живымъ товаромъ*».

Пора серьезно взяться за Дальній Востокъ и ввести въ немъ порядки, которые не компрометировали бы русскаго имени въ этомъ отдаленномъ краю. Къ тамошнимъ русскимъ порядкамъ и дѣйствіямъ присматривается не одна Россія, но и вся Европа, и Азія. Не надо забывать, что наше политическое вліяніе и могущество можетъ опираться тамъ на нашъ нравственный, а не матеріальный престижъ. Но пока нравственнаго престижа, нравственнаго воздѣйствія на инородцевъ, какъ живущихъ въ нашихъ предѣлахъ, такъ и въ пограничной чертѣ, незамѣтно. Пока наши порядки и обычаи порождаютъ на Дальнемъ Востокѣ только смуту и недоумѣніе. «Николаевско-Уссурійскій Листокъ» пишетъ:

«Въ селѣ Дубкахъ бѣдные десятники сбились съ ногъ! Представьте себѣ: пріѣзжаетъ священникъ служить литургію,—а на колокольнѣ нѣтъ колоколовъ (они—въ Воздвиженкѣ), и поэтому десятники бѣгаютъ по всему селу и стучатъ въ окна, съ крикомъ: «эй, дядька Пахомъ, иди въ церкву, попъ пріихавъ». Но теперь, набѣгавшись, десятники рѣшили построить вышку, въ родѣ минарета, откуда крикомъ будутъ созывать прихожанъ въ церковь. Оригинально и умно!.. А крестьяне с. Воздвиженки такъ-таки и не хотятъ отдать колокола дубковцамъ. Говорятъ: берите свои у попа Рыб—скаго, «мы гроши отдали». Такъ бѣднымъ Дубкамъ и не видѣть колоколовъ, какъ своихъ ушей».

Ужь больно по первобытному!

Въ Сибири еще замѣтно деморализирующее вліяніе недавно отмѣненной ссылки. Отбросы европейской Россіи на сибирской почвѣ не только не исправились, но, наоборотъ, деморализировали и терроризировали мѣстное населеніе, внеся въ его жизнь *каторжные* нравы и понятія.

Положеніе ссыльныхъ въ Сибири крайне тяжелое и прямо безвыходное. Начальникъ акатуевской тюрьмы въ «Забайкальскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» обращаетъ вниманіе на бѣдственное положеніе ссыльно-каторжныхъ:

11 ноября въ акатуевскую тюрьму прибыли 45 человѣкъ мужчинъ ссыльно-каторжныхъ; за ними слѣдовали 45 женщинъ—ихъ женъ—и 95 человѣкъ дѣтей, добровольно послѣдовавшихъ за своими мужьями и отцами на каторгу. Мужчины были помѣщены въ тюрьмѣ, гдѣ они пользуются всѣмъ необходимымъ; семействамъ ихъ предложено только одно отапливаемое помѣщеніе въ свободномъ баракѣ. Дальнѣйшія заботы о пропитаніи этихъ людей не касаются тюремной администраціи, и семейства ссыльно-каторжныхъ должны кормиться на свой счетъ. Между тѣмъ, эти 140 человѣкъ женщинъ и дѣтей оказались въ такомъ положеніи, что имъ буквально угрожаетъ смерть отъ голода, такъ какъ заработать въ настоящее время здѣсь совершенно невозможно. Администрація тюрьмы не можетъ помочь, такъ какъ для этого она не располагаетъ никакими средствами, кромѣ 30 руб., отпускаемыхъ ежемѣсячно на этотъ предметъ управленіемъ каторги».

Въ выѣздной сессіи окружнаго суда въ Олекминскѣ разсматривалось дѣло объ интересномъ субъектѣ.

«Въ нашъ разсчетливый вѣкъ трудно было бы даже представить себѣ возможность появленія такой неугомонной личности,—говоритъ «Восточное Обозрѣніе»,—какъ представшій 25 августа предъ окружнымъ судомъ Протоклитовъ. Ему—за пятьдесятъ лѣтъ. Біографія этого человѣка исчерпывается словами: судился, судился, судился... Уроженецъ саратовской губерніи, онъ кончилъ курсъ гимназіи и вдругъ, вмѣсто университета или, въ худшемъ случаѣ, канцеляріи какого нибудь присутственнаго мѣста, онъ попадаетъ въ тюрьму, а затѣмъ и въ Сибирь за вооруженное сопротивленіе властямъ. Первая судимость предрѣшаетъ послѣдующую: по приговору томскаго суда, Протоклитовъ отсиживаетъ три года въ арестантскихъ ротахъ за оскорбленіе дѣйствіемъ полиціи и, по отбытіи наказанія, высылается въ Каинскъ, гдѣ тотчасъ вновь попадаетъ подъ судъ за подобное же преступленіе. Затѣмъ онъ знакомится съ иркутскимъ судомъ въ качествѣ обвиняемаго по 271, 1480 и 1483 ст. о нак. (сопротивленіе властямъ и нанесеніе ранъ).

Водворенный въ вилюйскомъ округѣ, Протоклитовъ попадаетъ подъ судъ за недонесеніе о похищеніи какихъ-то документовъ. Въ Олекминскѣ онъ заставилъ говорить о себѣ, благодаря разнымъ экстраординарнымъ поступкамъ, за которые приходится имѣть знакомство съ камерой мироваго судьи. Послѣдній предлагаетъ для подписи протоколъ,—Протоклитовъ вмѣсто своей фамиліи пишетъ непечатное ругательство: возникаетъ новое дѣло. На этотъ разъ Протоклитовъ судился по 285 и 286 ст. ул. о нак. (оскорбленіе словами и дѣйствіемъ чиновника при исполненіи служебныхъ обязанностей). До суда онъ находился подъ стражей и на досугѣ писалъ болѣе или менѣе неосновательныя жалобы на кого попало. Между прочимъ, говорятъ, *онъ требовалъ, чтобы его отлучили отъ церкви*. Изъ обвинительнаго акта по послѣднему дѣлу видно, что Протоклитовъ ранилъ ножемъ обывателя К., а когда пришла полиція составлять протоколъ, онъ замахнулся ножемъ на засѣдателя со словами: «И тебя убью: видѣлъ я такихъ дураковъ-засѣдателей»! На судѣ обвиняемый призналъ себя виновнымъ; поэтому свидѣтели не допрашивались. Обвиняемый объяснилъ свой поступокъ состояніемъ опьяненія и аффекта. Приговоръ — четыре мѣсяца тюрьмы».

Изъ-за чего людей приговариваютъ къ ссылкѣ въ Сибирь по общественнымъ приговорамъ!

«Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, въ селѣ Озерки, козловскаго уѣзда, возникли,—какъ разсказываетъ «Козлов. Газ.»,—смуты изъ-за иконостаса. Одна половина общества хотѣла ограничиться ремонтомъ стараго иконостаса тысячи на три, другая — стояла за возведеніе новаго, на что требовалось вдвое—шесть тысячъ. Перевѣсъ взяла партія ремонта. Но дѣло этимъ не кончилось. Обозленное общество, послѣ страстныхъ споровъ, криковъ, брани, даже слезъ и угрозъ, сдѣлало недавно приговоръ объ отказѣ отъ шестнадцати домохозяевъ, которые немедленно были арестованы, какъ приговоренные къ высылкѣ, и посажены въ тюрьму,—изъ чего видно, что приговоръ былъ одобренъ земскимъ начальникомъ. Приговоръ пока не утвержденъ, и ничего нельзя сказать о судьбѣ его».

У насъ, оказывается, легче по общественному приговору выселить нежелательнаго сочлена въ Сибирь, чѣмъ домовладѣльцу—выселить нежелательнаго, но опытнаго квартиранта изъ дому...

Вотъ, напр., одинъ ростовскій домохозяинъ никакъ не можетъ выселить квартиранта.

Дѣло о выселеніи нѣкоего Гордіенко разсматривалось еще въ началѣ прошлаго мѣсяца въ камерѣ мироваго судьи 1-го участка. Судья удовлетворилъ исковое требованіе. Но Гордіенко, выписав-

шись изъ домовой книги, остался на той же квартирѣ у своей жены, числясь у нея квартирантомъ. Тогда владѣлецъ дома подаетъ мировому судьѣ второе прошеніе о выдвореніи жены Гордіенко. Послѣдняя точно также выписалась изъ домовой книги и передала квартиру своей тещѣ, у которой и остались Гордіенко съ женой въ качествѣ квартирантовъ. Владѣлецъ дома отъ такой неожиданной комбинаціи пришелъ положительно въ отчаяніе и подалъ теперь мировому судьѣ третье прошеніе—о выдвореніи тещи Гордіенко.

Есть вопросы, къ которымъ общество нерѣдко возвращается, усиленно говоритъ о нихъ, а потомъ... забываетъ. Къ числу такихъ вопросовъ принадлежитъ и вопросъ о нашихъ семейныхъ неурядицахъ. Основы семьи расшатываются, старыя семейныя традиціи рушатся; на сцену все болѣе и болѣе выступаетъ или страшный деспотизмъ, или полное распаденіе семьи. Мужъ идетъ въ одну сторону, а жена—въ другую. Но юридическая связь между ними, однако, не порывается. Они тѣсно скованы другъ съ другомъ. Если они молодые люди, то обречены на незаконное сожительство. Бракъ ихъ, расторгнутый фактически, остается юридически въ полной силѣ.

Газеты чуть не ежедневно приносятъ намъ извѣстія о печальныхъ семейныхъ драмахъ. Лѣтописи нашихъ семейныхъ неурядицъ, порождаемыхъ несовершенствомъ закона, заносятъ на свои страницы все новыя и новыя жертвы.

«Недавно,—сообщаетъ Кіевлянинъ,—въ Старокіевскій полицейскій участокъ въ Кіевѣ явились сильно взволнованные Аѳанасій Войцеховскій и Илья Казимировъ, которые подали заявленіе о томъ, что ихъ племянникъ Николай Рахальскій, именующій себя *повѣреннымъ по дѣламъ*, уже третьи сутки безпрерывно истязуетъ свою жену, Ѳеодосію Рахальскую, молодую женщину, 25 лѣтъ. Далѣе заявители присовокупили, что бѣдная женщина, вслѣдствіе жестокаго обращенія мужа, слегла, и Рахальскій заперъ ее въ отдѣльной комнатѣ, приставивъ къ ней слугу, которой заявилъ, что его жена—психически больная и ея нельзя выпускать изъ этой комнаты. Въ теченіе трехъ сутокъ онъ является къ ней и безчеловѣчно бьетъ ее. Рахальскій хотѣлъ обрѣзать и ея роскошные волосы, но бѣдная женщина въ ужасѣ стала бѣгать по квартирѣ, страшась уродства. Рахальскій преслѣдовалъ ее съ большими ножницами въ рукахъ и, настигая ее, каждый разъ охватывалъ по клоку волосъ, а когда несчастная лишилась возможности сопротивляться, онъ обстригъ ей совершенно голову. Въ присутствіи своего письмоводителя онъ раздѣвалъ бѣдную женщину до-гола, разрывая

на ней платье, ругалъ ее, издѣвался безчеловѣчнымъ образомъ. Родственники Рахальскаго просили полицію принять своевременныя мѣры, такъ какъ они опасаются, что дѣло можетъ окончиться трагически. Вслѣдствіе этого, въ квартиру явился помощникъ пристава старокіевскаго участка съ понятыми, но Рахальскій отказался давать имъ какія либо объясненія и выпустить жену, причемъ велъ себя вызывающимъ образомъ. Но, по настоянію полиціи, онъ все таки вывелъ ее изъ комнаты, гдѣ она находилась въ заточеніи. Бѣдная женщина, страшно исхудавшая, съ впалыми глазами и оголенной головой, имѣла потрясающій видъ и произвела на всѣхъ очень тяжелое впечатлѣніе. Она едва держалась на ногахъ отъ слабости. Когда ей показали письменное заявленіе родственниковъ ея мужа о жестокомъ обращеніи съ ней, Ѳеодосія Рахальская подписала это заявленіе. Она подтвердила, что мужъ безчеловѣчно съ ней обращается, и умоляла взять отъ него, такъ какъ онъ угрожаетъ убить ее, и однажды уже душилъ, всунувъ ей въ ротъ руку до горла и, еслибы не подоспѣлъ на помощь оперный артистъ Тасинъ,—мужъ навѣрное задушилъ бы ее. Рахальскій же упорно не разрѣшалъ увести жену, и тогда полиція обратилась къ прокурору окружнаго суда съ просьбой о разрѣшеніи взять женщину силою. Разрѣшеніе это было дано и, когда явились городовые, Рахальскій уступилъ. Былъ позванъ врачъ, который нашелъ на тѣлѣ бѣдной женщины царапины, а на лицѣ—припухлости. Рахальскій, отдавая женѣ платье, издѣвался надъ ней наглымъ образомъ въ присутствіи полиціи, осыпалъ площадною бранью, не хотѣлъ давать платье, а требовалъ, чтобы она надѣла на голую голову шляпу съ цвѣтами и такъ шла по улицѣ. Бѣдная женщина отдана родственникамъ на попеченіе. Какъ выясняется свидѣтельскими показаніями, въ теченіе шестилѣтняго супружества, Рахальскій превратилъ жизнь жены въ какую-то каторгу. Неоднократно, въ теченіе этого времени, полиціи приходилось вмѣшиваться въ его семейную жизнь, вслѣдствіе возмутительнаго отношенія Рахальскаго къ своей женѣ. Послѣдняя однажды пыталась даже покончить жизнь самоубійствомъ и бросилась подъ вагонъ городской желѣзной дороги».

«Терпи, страдай, но живи», такъ повелѣваетъ женамъ нашъ законъ,—не въ такихъ выраженіяхъ, конечно, но смыслъ его приблизительно таковъ. Г.г. Рахальскимъ дана полная возможность безчинствовать и истязать своихъ женъ, доводя ихъ даже до самоубійства. И лишь только одинъ прокуроръ можетъ освободить жертву супружескаго деспотизма и предоставить ей жить отдѣльно отъ мужа! Но это обыкновенно случается крайне рѣдко, послѣ долгихъ страданій и мытарствъ. Вмѣшательство прокурора бываетъ лишь

тогда, когда и сосѣди, и полиція, и врачи побоятся, чтобы дѣло не дошло до «уголовщины». Въ противномъ же случаѣ, т. е. когда дѣло идетъ не объ уголовщинѣ, всѣ молчатъ и преспокойно взираютъ, какъ мужъ *учитъ* жену...

А вотъ и еще грустная исторія жены-горемыки, крестьянки дер. Бастырки, которую уморилъ голодомъ мужъ.

По словамъ «Пермск. Края», жизнь ея была очень тяжела; не любили ее мужъ и свекровь, морили голодомъ, били и черезъ силу заставляли работать. Разъ проходившая мимо женщина увидѣла ее лежащею на полу и когда подошла къ ней, то несчастная имѣла еще силы проговорить, что она голодна, и попросила хлѣба. Подошелъ тутъ и мужъ, и когда посторонняя женщина сказала, что жена его голодная и проситъ хлѣба, то онъ вернулся за хлѣбомъ; но голодная, не дождавшись его возвращенія, умерла. Дознаніемъ становаго пристава выяснилось, что несчастная женщина питалась «птичьимъ кормомъ»; тихонько отъ мужа и свекрови возьметъ отрубей, зальетъ водой и ночью поѣстъ. Да золовка, сжалившись, иногда давала кусочекъ. Рубашка на ней вся изорвана и никогда не смѣнялась; ноги до колѣнъ въ грязи. На тѣлѣ оказалось много синяковъ.

Жизнь настоятельно требуетъ пересмотра нашихъ законовъ о семьѣ, и вопросъ о разводѣ давно уже стучится въ двери. Право на разводъ должно быть предоставлено всѣмъ, для кого семья обратилась въ каторгу, а не для однихъ богачей, имѣющихъ возможность затратить на это дѣло тысячи рублей. Въ неурядицахъ семейной жизни бываютъ виноваты и мужья, и жены, и справедливый выходъ изъ этого неестественнаго положенія долженъ быть найденъ законнымъ путемъ.

По 44 ст. устав. о наказ. привлекаются къ отвѣтственности и караются арестомъ до одного мѣсяца виновные въ «неисполненіи распоряженій правительства, относящихся къ предупрежденію непотребствъ и пресѣченію вредныхъ отъ онаго послѣдствій».

Но въ Асхабадѣ, какъ оказывается, по этой же статьѣ преслѣдуются и виновные совсѣмъ другаго рода.

«Въ жизни Асхабада,—читаемъ мы въ мѣстной газетѣ,—давно извѣстны случаи тайнаго или явнаго сожительства русскихъ женщинъ съ персами. Между массою прочихъ случаевъ, недавно было обнаружено *продолжительное сожительство* нѣкоей Лукерьи Захарченко съ персомъ Фармазбекомъ Лютфалибековымъ. Сами стороны говорятъ, что «сожительство» ихъ было прежде, а теперь З—о находится въ услуженіи у Лютфалибекова; этого не отрицаетъ и сама Лукерья. Подъ давленіемъ нѣкоторыхъ — надо сознаться, ха-

рактерныхъ соображеній,—производится первоначальное слѣдствіе; привлекаются къ дачѣ показаній нѣсколько женщинъ, подтверждающихъ фактъ продолжительнаго сожительства православной съ шіитомъ, и, наконецъ, Лукерья привлекается къ отвѣтственности по 44 ст. уст. о нак.».

Газета совершенно справедливо указываетъ на всю странность такихъ «привлеченій».

«Есть люди,—говоритъ она,—живущіе непотребствомъ въ разнаго рода и вида притонахъ, именуемыхъ отелями, нумерами для пріѣзжающихъ, банями и проч., и проч. Казалось бы, эти-то притоны должны, помимо прочихъ статей закона, усердно привлекаться и по приведенной статьѣ, а между тѣмъ»...

А, между тѣмъ, привлекаютъ однѣхъ только Лукерій!

Положеніе этихъ *Лукерій* въ нашемъ обществѣ крайне тяжело. Вся отвѣтственность за ихъ *вину*, вольную или невольную, ложится всею тяжестью на нихъ.

Въ уста простой женщины покойный И. Ѳ. Горбуновъ вложилъ однажды опредѣленіе разницы въ житейскомъ положеніи мужчины и женщины. Крестьянка жалуется кому-то на свою горькую долю:

— Ваше дѣло что!—говоритъ она, обращаясь къ слушающему ее собесѣднику,—*встряхнулся и пошелъ*, а намъ-то каково?..

Женщинѣ приходится одной, въ большинствѣ случаевъ, расплачиваться за свои увлеченія. Дѣти, какъ плоды незаконной любви, обыкновенно отдаются или въ воспитательные дома, или г-жамъ Скублинскимъ, ловко умѣющимъ расправляться съ ними; въ рѣдкихъ только случаяхъ мать оставляетъ ихъ у себя дома. Но есть и еще одинъ способъ избавиться отъ незаконно-прижитыхъ дѣтей — это *продать* ихъ. Оказывается, что на Руси и теперь еще можно продавать дѣтей...

Лѣтъ девять-двѣнадцать тому назадъ, крестьянская дѣвушка вятской губ. Иванова прижила въ незаконной связи двухъ дѣтей—дѣвочку Наталью и мальчика Васю.

Не имѣя никакихъ средствъ, дѣвушка, по совѣту односельчанъ, задумала отправить дѣтей въ какой нибудь дѣтскій пріютъ въ Москву. Такъ и было сдѣлано. Одна изъ односельчанокъ захватила съ собой 6-лѣтнюю Наташу и 4-лѣтняго Васю и повезла въ Москву. Вернувшись, она объяснила матери, что помѣстила дѣтей въ какой-то княжескій пріютъ. Прошло 10 лѣтъ. Блуждая по Россіи, мать какъ-то попала въ г. Шую и въ праздничный день отправилась въ церкъ. Взглянувъ на молоденькую, миловидную наѣздницу, выдѣлывавшую свои па на неосѣдланной лошади, Иванова признала въ ней свою

они уже начали поговаривать, что и съ нимъ нужно бы сдѣлать то же... Наконецъ, шайка въѣхала въ лѣсъ; дѣло было уже къ вечеру и несчастному монголу какъ-то посчастливилось спрятаться и избѣжать неминуемой смерти.

Трое сутокъ несчастный монголъ бродилъ голымъ и голоднымъ по лѣсу и степи, пока не добрался до своего хозяина, которому и разсказалъ объ участи, постигшей экспедицію. Лопушка немедленно обратился къ начальнику гарнизона съ просьбой дать ему нѣсколько казаковъ въ охрану для отысканія «казненныхъ» и ихъ погребенія, но начальникъ гарнизона, будто бы, отказалъ въ просьбѣ Лопушки»...

Жизнь на Дальнемъ Востокѣ еще не вошла въ колею. Слишкомъ еще много тамъ бродячаго и хищническаго элемента, готоваго на всякія преступленія:

Невольно является вопросъ: принимаются ли мѣры мѣстными властями для охраны жителей и ихъ имущества отъ этого хищническаго элемента? Какъ охраняются, напримѣръ, владивостокскіе обыватели, — указываетъ слѣдующая замѣтка «Дальняго Востока».

«Ночью на 8 ноября, членъ владивостокскаго окружнаго суда П—ръ возвращался около 2 часовъ ночи на извощикѣ № 16, съ двумя дамами, изъ театра. Подъѣзжая къ Пушкинской ул., гдѣ онъ живетъ, онъ увидѣлъ зарево пожара. Опасаясь, что горитъ въ его домѣ, онъ погналъ быстрѣе извощика. Зарево все ближе и ближе, а, между тѣмъ, никакихъ признаковъ не только пожарныхъ, не только какого-нибудь призрака полиціи, но и вообще живой души. Подъѣхавъ къ своей квартирѣ, г. П—нъ убѣдился, что горитъ двумя или тремя домами далѣе. Высадивъ дамъ, онъ немедленно поѣхалъ по улицѣ и, чтобы вызвать кого нибудь изъ притаившейся, повидимому, гдѣ-то полиціи, вмѣстѣ съ извощикомъ началъ громко кричать: «пожаръ... караулъ... горитъ»!.. Увы, никто не откликался. Горѣлъ деревянный заборъ дома Поздѣева, гдѣ помѣщается пятновыводная мастерская Вербера. Наконецъ, изъ дома Ильницкаго вышелъ караульный, который оказался первымъ, вызваннымъ ими на помощь, человѣкомъ; его заставили свистать, но и тутъ усилія оказались тщетны: никакихъ признаковъ или призраковъ полиціи нѣтъ какъ нѣтъ. Караульный вызвалъ китайца изъ дома Поздѣева, и ведрами удалось загасить догоравшій сухой заборъ. Къ счастью, было совершенно безвѣтрено. Заборъ находился отъ деревяннаго дома въ $2^1/_2$ аршинахъ; кругомъ—деревянные дома. Случись это во время вѣтра, непремѣнно сгорѣло бы нѣсколько домовъ. Любопытно, что и на другой день полиціи ничего не было извѣстно объ этомъ случаѣ. Хорошо, что удостовѣрить его могъ человѣкъ съ виднымъ положеніемъ въ судебномъ

мірѣ, указавъ и свидѣтелей этого происшествія. Вѣроятно, только поэтому на другой день сдѣлано было распоряженіе уволить старшаго городоваго 2-го участка и двухъ дежурныхъ полицейскихъ, которые на свои посты не явились».

Не менѣе интересны свѣдѣнія «Амурскаго Края» о манчжурской полиціи:

«Для охраны пути между Цицикаромъ и г. Благовѣщенскомъ организована особая манчжурская полиція, вооруженная маузеровскими винтовками и имѣющая особую форму: красныя куртки съ бляхами на груди изъ гуттаперчи съ надписью: «Полицейскій хэйлундзянской провинціи. Дорога Мергенъ—Цицикаръ»; эта полиція обязана оказывать русскимъ всякое содѣйствіе и находится въ распоряженіи дзянь-дзюня, подъ высшимъ наблюденіемъ русскаго военнаго комисара Цицикарской провинціи, подполковника генеральнаго штаба Михаила Алексѣевича Соковнина. Вышеупомянутая полиція должна находиться въ 13 селеніяхъ по Цицикаро-Благовѣщенскому тракту. Свѣдѣнія объ этомъ взяты нами изъ канцеляріи цицикарскаго комисара. Къ сожалѣнію, должно сказать, что за всю дорогу отъ Цицикара до Благовѣщенска мы видѣли только одного китайскаго полицейскаго, да и то не въ красной куркѣ. Кромѣ того, офиціальныя названія деревень, за весьма малыми исключеніями, не соотвѣтствуютъ мѣстнымъ названіямъ и неизвѣстны мѣстнымъ жителямъ. Поэтому, если кому понадобится помощь китайской полиціи, то разыскать ее будетъ труднѣе, чѣмъ жемчужное зерно въ навозной кучѣ».

Подобная дѣятельность владивостокской и манчжурской полиціи у многихъ отобьетъ охоту ѣхать на Дальній Востокъ...

Вообще печальныя извѣстія идутъ изъ Сибири. Въ Иркутскѣ, въ одной частной квартирѣ лица, причастнаго къ управленію по постройкѣ Забайкальской желѣзной дороги, произведена была аукціонная (частная) продажа всякаго рода канцелярской мебели и канцелярскихъ принадлежностей,—всего того, что всегда въ изобиліи имѣется въ конторѣ участка, отдѣленія или тому подобныхъ учрежденій.

«Продажа производилась открыто, и я не подозрѣвалъ того, что здѣсь имѣется характерный случай беззастѣнчивости господъ, носящихъ «инженерскую шапку», говоритъ корреспондентъ «Сибирскаго Листка».—Я случайно только узналъ, какъ образовываются этого рода аукціонныя продажи. По мѣрѣ того, какъ какая либо отдѣльная часть управленія по постройкѣ Забайкальской желѣзной дороги кончаетъ свою работу и сдаетъ отчетъ, она сдаетъ матеріальному отдѣлу управленія все свое имущество, пріобрѣтенное ею по мѣрѣ надобности.

При сдачѣ имущества одною изъ частей управленія, случайно присутствовалъ мой пріятель, работающій въ этомъ же отдѣлѣ и передавшій мнѣ свои впечатлѣнія. Въ этой отдѣльной части работало свыше тридцати человѣкъ; каждый изъ нихъ занимался за отдѣльнымъ столомъ, имѣя на столѣ всѣ необходимыя письменныя принадлежности, по вечерамъ — лампу и т. п. И — вообразите — сдачѣ въ матеріальный отдѣлъ подлежали только два старыхъ стола, одинъ стулъ и три разбитыхъ лампы! Все остальное было разворовано въ теченіе двухъ-трехъ дней передъ сдачей. При самой сдачѣ произошелъ такой пассажъ. По чьей-то оплошности одинъ хорошій столъ не былъ еще выкраденъ. Это былъ настолько хорошій столъ, что объ его существованіи знали начальники всѣхъ частей управленія; и одинъ-то изъ этихъ начальниковъ отдѣльныхъ частей и былъ виновникомъ того, что столъ этотъ не былъ выкраденъ въ моментъ сдачи. Уже за этимъ столомъ и лошадь была прислана при запискѣ лица, имѣвшаго еще власть отдавать приказанія. Но была уже получена другая записка отъ начальника отдѣльной части, требующаго этотъ извѣстный столъ себѣ,— и столъ былъ отосланъ начальнику отдѣльной части. И какъ бы вы думали, — что̀ было причиной тому, что столъ не успѣли выкрасть? Въ столѣ всѣ ящики оказались переполненными разнаго рода канцелярскими принадлежностями: чернильницами, счетами, лампами, ножами, перьями и т. п.

«Все это чуть-чуть не попало къ тому, кто за этимъ столомъ прислалъ уже лошадь. Зарвался господинъ—и попался! Но все таки всякаго рода мебели и канцелярскихъ принадлежностей выкрадено было такъ много, что частная аукціонная продажа состоялась, и все, что̀ можно было продать, было продано».

Впрочемъ, не одни отрицательныя явленія представляетъ изъ себя дѣятельность русскихъ культуртрегеровъ на Дальнемъ Востокѣ. Тамъ есть и попытки насаждать культуру и цивилизацію, хотя до нѣкоторой степени своеобразныя. Въ «Новомъ Краѣ» есть корреспонденція изъ Портъ-Артура, а въ ней такія строки:

«Въ Портъ-Артурѣ, на набережной валяются горы «смирновки», предназначенной къ отправкѣ въ Манчжурію. Горькая истина, но дѣлать нечего: такова наша цивилизація, которую приходится насаждать, обильно спрыскивая «смирновкой». Очевидно, и слово «піонеръ» для русскаго производится отъ слова «пить». А, вѣдь, отчасти правы японцы, которые предполагаютъ, что въ Россіи есть только водочные заводы».

Подъ заглавіемъ «Высшая мудрость» «Восточный Вѣстникъ» напечаталъ такую любопытную замѣтку:

«Воспитанницы VII класса владивостокской женской гимназіи—въ большомъ смущеніи. На урокѣ рукодѣлья имъ дали штопать ни болѣе, ни менѣе, какъ старые чулки пансіонерокъ, и шить для тѣхъ же пансіонерокъ форменные воротнички. Мѣра эта вызвана тѣмъ, что между ученицами седьмаго класса нѣтъ истинныхъ талантовъ къ рукодѣлью и что таковые таланты могутъ проявиться лишь послѣ усидчиваго штопанья чулокъ. Вотъ ужь подлинно,—какъ говорятъ охотники,—«стрѣляй сороку и ворону, до бѣлаго лебедя дострѣляешься».

Не одну «смирновку» ввозятъ въ Манчжурію. По словамъ того же «Восточнаго Вѣстника», во Владивостокѣ на базарѣ появились комисіонеры, вербующіе прислугу въ Манчжурію.

«Эти подозрительныя личности, не стѣсняясь, дѣлаютъ женщинамъ разныя циничныя предложенія, приглашая ихъ поѣхать въ Мукденъ и другіе города Манчжуріи, гдѣ имъ жить будетъ «привольно, весело и хорошо» и гдѣ онѣ могутъ прекрасно устроиться. На базаръ посылается своими хозяевами немало подростковъ-дѣвочекъ, живущихъ въ услуженіи, которыя легко могутъ сдѣлаться жертвой обмана лицъ, промышляющихъ *живымъ товаромъ*».

Пора серьезно взяться за Дальній Востокъ и ввести въ немъ порядки, которые не компрометировали бы русскаго имени въ этомъ отдаленномъ краю. Къ тамошнимъ русскимъ порядкамъ и дѣйствіямъ присматривается не одна Россія, но и вся Европа, и Азія. Не надо забывать, что наше политическое вліяніе и могущество можетъ опираться тамъ на нашъ нравственный, а не матеріальный престижъ. Но пока нравственнаго престижа, нравственнаго воздѣйствія на инородцевъ, какъ живущихъ въ нашихъ предѣлахъ, такъ и въ пограничной чертѣ, незамѣтно. Пока наши порядки и обычаи порождаютъ на Дальнемъ Востокѣ только смуту и недоумѣніе. «Николаевско-Уссурійскій Листокъ» пишетъ:

«Въ селѣ Дубкахъ бѣдные десятники сбились съ ногъ! Представьте себѣ: пріѣзжаетъ священникъ служить литургію,—а на колокольнѣ нѣтъ колоколовъ (они—въ Воздвиженкѣ), и поэтому десятники бѣгаютъ по всему селу и стучатъ въ окна, съ крикомъ: «эй, дядька Пахомъ, иди въ церкву, попъ пріихавъ». Но теперь, набѣгавшись, десятники рѣшили построить вышку, въ родѣ минарета, откуда крикомъ будутъ созывать прихожанъ въ церковь. Оригинально и умно!.. А крестьяне с. Воздвиженки такъ-таки и не хотятъ отдать колокола дубковцамъ. Говорятъ: берите свои у попа Рыб—скаго, «мы гроши отдали». Такъ бѣднымъ Дубкамъ и не видѣть колоколовъ, какъ своихъ ушей».

Ужь больно по первобытному!

Въ Сибири еще замѣтно деморализирующее вліяніе недавно отмѣненной ссылки. Отбросы европейской Россіи на сибирской почвѣ не только не исправились, но, наоборотъ, деморализировали и терроризировали мѣстное населеніе, внеся въ его жизнь *каторжные* нравы и понятія.

Положеніе ссыльныхъ въ Сибири крайне тяжелое и прямо безвыходное. Начальникъ акатуевской тюрьмы въ «Забайкальскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» обращаетъ вниманіе на бѣдственное положеніе ссыльно-каторжныхъ:

11 ноября въ акатуевскую тюрьму прибыли 45 человѣкъ мужчинъ ссыльно-каторжныхъ; за ними слѣдовали 45 женщинъ—ихъ жонъ—и 95 человѣкъ дѣтей, добровольно послѣдовавшихъ за своими мужьями и отцами на каторгу. Мужчины были помѣщены въ тюрьмѣ, гдѣ они пользуются всѣмъ необходимымъ; семействамъ ихъ предложено только одно отапливаемое помѣщеніе въ свободномъ баракѣ. Дальнѣйшія заботы о пропитаніи этихъ людей не касаются тюремной администраціи, и семейства ссыльно-каторжныхъ должны кормиться на свой счетъ. Между тѣмъ, эти 140 человѣкъ женщинъ и дѣтей оказались въ такомъ положеніи, что имъ буквально угрожаетъ смерть отъ голода, такъ какъ заработать въ настоящее время здѣсь совершенно невозможно. Администрація тюрьмы не можетъ помочь, такъ какъ для этого она не располагаетъ никакими средствами, кромѣ 30 руб., отпускаемыхъ ежемѣсячно на этотъ предметъ управленіемъ каторги».

Въ выѣздной сессіи окружнаго суда въ Олекминскѣ разсматривалось дѣло объ интересномъ субъектѣ.

«Въ нашъ разсчетливый вѣкъ трудно было бы даже представить себѣ возможность появленія такой неугомонной личности,—говоритъ «Восточное Обозрѣніе»,—какъ представшій 25 августа предъ окружнымъ судомъ Протоклитовъ. Ему—за пятьдесятъ лѣтъ. Біографія этого человѣка исчерпывается словами: судился, судился, судился... Уроженецъ саратовской губерніи, онъ кончилъ курсъ гимназіи и вдругъ, вмѣсто университета или, въ худшемъ случаѣ, канцеляріи какого нибудь присутственнаго мѣста, онъ попадаетъ въ тюрьму, а затѣмъ и въ Сибирь за вооруженное сопротивленіе властямъ. Первая судимость предрѣшаетъ послѣдующую: по приговору томскаго суда, Протоклитовъ отсиживаетъ три года въ арестантскихъ ротахъ за оскорбленіе дѣйствіемъ полиціи и, по отбытіи наказанія, высылается въ Каинскъ, гдѣ тотчасъ вновь попадаетъ подъ судъ за подобное же преступленіе. Затѣмъ онъ знакомится съ иркутскимъ судомъ въ качествѣ обвиняемаго по 271, 1480 и 1483 ст. о нак. (сопротивленіе властямъ и нанесеніе ранъ).

Водворенный въ вилюйскомъ округѣ, Протоклитовъ попадаетъ подъ судъ за недонесеніе о похищеніи какихъ-то документовъ. Въ Олекминскѣ онъ заставилъ говорить о себѣ, благодаря разнымъ экстраординарнымъ поступкамъ, за которые приходится имѣть знакомство съ камерой мироваго судьи. Послѣдній предлагаетъ для подписи протоколъ,—Протоклитовъ вмѣсто своей фамиліи пишетъ непечатное ругательство: возникаетъ новое дѣло. На этотъ разъ Протоклитовъ судился по 285 и 286 ст. ул. о нак. (оскорбленіе словами и дѣйствіемъ чиновника при исполненіи служебныхъ обязанностей). До суда онъ находился подъ стражей и на досугѣ писалъ болѣе или менѣе неосновательныя жалобы на кого попало. Между прочимъ, говорятъ, *онъ требовалъ, чтобы его отлучили отъ церкви*. Изъ обвинительнаго акта по послѣднему дѣлу видно, что Протоклитовъ ранилъ ножемъ обывателя К., а когда пришла полиція составлять протоколъ, онъ замахнулся ножемъ на засѣдателя со словами: «И тебя убью: видѣлъ я такихъ дураковъ-засѣдателей»! На судѣ обвиняемый призналъ себя виновнымъ; поэтому свидѣтели не допрашивались. Обвиняемый объяснилъ свой поступокъ состояніемъ опьяненія и аффекта. Приговоръ — четыре мѣсяца тюрьмы».

Изъ-за чего людей приговариваютъ къ ссылкѣ въ Сибирь по общественнымъ приговорамъ!

«Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, въ селѣ Озерки, козловскаго уѣзда, возникли,—какъ разсказываетъ «Козлов. Газ.»,—смуты изъ-за иконостаса. Одна половина общества хотѣла ограничиться ремонтомъ стараго иконостаса тысячи на три, другая — стояла за возведеніе новаго, на что требовалось вдвое—шесть тысячъ. Перевѣсъ взяла партія ремонта. Но дѣло этимъ не кончилось. Обозленное общество, послѣ страстныхъ споровъ, криковъ, брани, даже слезъ и угрозъ, сдѣлало недавно приговоръ объ отказѣ отъ шестнадцати домохозяевъ, которые немедленно были арестованы, какъ приговоренные къ высылкѣ, и посажены въ тюрьму,—изъ чего видно, что приговоръ былъ одобренъ земскимъ начальникомъ. Приговоръ пока не утвержденъ, и ничего нельзя сказать о судьбѣ его».

У насъ, оказывается, легче по общественному приговору выселить нежелательнаго сочлена въ Сибирь, чѣмъ домовладѣльцу—выселить нежелательнаго, но опытнаго квартиранта изъ дому...

Вотъ, напр., одинъ ростовскій домохозяинъ никакъ не можетъ выселить квартиранта.

Дѣло о выселеніи нѣкоего Гордіенко разсматривалось еще въ началѣ прошлаго мѣсяца въ камерѣ мироваго судьи 1-го участка. Судья удовлетворилъ исковое требованіе. Но Гордіенко, выписав-

шись изъ домовой книги, остался на той же квартирѣ у своей жены, числясь у нея квартирантомъ. Тогда владѣлецъ дома подаетъ мировому судьѣ второе прошеніе о выдвореніи жены Гордіенко. Послѣдняя точно также выписалась изъ домовой книги и передала квартиру своей тещѣ, у которой и остались Гордіенко съ женой въ качествѣ квартирантовъ. Владѣлецъ дома отъ такой неожиданной комбинаціи пришелъ положительно въ отчаяніе и подалъ теперь мировому судьѣ третье прошеніе—о выдвореніи тещи Гордіенко.

Есть вопросы, къ которымъ общество нерѣдко возвращается, усиленно говоритъ о нихъ, а потомъ... забываетъ. Къ числу такихъ вопросовъ принадлежитъ и вопросъ о нашихъ семейныхъ неурядицахъ. Основы семьи расшатываются, старыя семейныя традиціи рушатся; на сцену все болѣе и болѣе выступаетъ или страшный деспотизмъ, или полное распаденіе семьи. Мужъ идетъ въ одну сторону, а жена—въ другую. Но юридическая связь между ними, однако, не порывается. Они тѣсно скованы другъ съ другомъ. Если они молодые люди, то обречены на незаконное сожительство. Бракъ ихъ, расторгнутый фактически, остается юридически въ полной силѣ.

Газеты чуть не ежедневно приносятъ намъ извѣстія о печальныхъ семейныхъ драмахъ. Лѣтописи нашихъ семейныхъ неурядицъ, порождаемыхъ несовершенствомъ закона, заносятъ на свои страницы все новыя и новыя жертвы.

«Недавно,—сообщаетъ Кіевлянинъ,—въ Старокіевскій полицейскій участокъ въ Кіевѣ явились сильно взволнованные Аѳанасій Войцеховскій и Илья Казимировъ, которые подали заявленіе о томъ, что ихъ племянникъ Николай Рахальскій, именующій себя *повѣреннымъ по дѣламъ*, уже третьи сутки безпрерывно истязуетъ свою жену, Ѳеодосію Рахальскую, молодую женщину, 25 лѣтъ. Далѣе заявители присовокупили, что бѣдная женщина, вслѣдствіе жестокаго обращенія мужа, слегла, и Рахальскій заперъ ее въ отдѣльной комнатѣ, приставивъ къ ней слугу, которой заявилъ, что его жена—психически больная и ея нельзя выпускать изъ этой комнаты. Въ теченіе трехъ сутокъ онъ является къ ней и безчеловѣчно бьетъ ее. Рахальскій хотѣлъ обрѣзать и ея роскошные волосы, но бѣдная женщина въ ужасѣ стала бѣгать по квартирѣ, страшась уродства. Рахальскій преслѣдовалъ ее съ большими ножницами въ рукахъ и, настигая ее, каждый разъ охватывалъ по клоку волосъ, а когда несчастная лишилась возможности сопротивляться, онъ обстригъ ей совершенно голову. Въ присутствіи своего письмоводителя онъ раздѣвалъ бѣдную женщину до-гола, разрывая

на ней платье, ругалъ ее, издѣвался безчеловѣчнымъ образомъ. Родственники Рахальскаго просили полицію принять своевременныя мѣры, такъ какъ они опасаются, что дѣло можетъ окончиться трагически. Вслѣдствіе этого, въ квартиру явился помощникъ пристава старокіевскаго участка съ понятыми, но Рахальскій отказался давать имъ какія либо объясненія и выпустить жену, причемъ велъ себя вызывающимъ образомъ. Но, по настоянію полиціи, онъ все таки вывелъ ее изъ комнаты, гдѣ она находилась въ заточеніи. Бѣдная женщина, страшно исхудавшая, съ впалыми глазами и оголенной головой, имѣла потрясающій видъ и произвела на всѣхъ очень тяжелое впечатлѣніе. Она едва держалась на ногахъ отъ слабости. Когда ей показали письменное заявленіе родственниковъ ея мужа о жестокомъ обращеніи съ ней, Ѳеодосія Рахальская подписала это заявленіе. Она подтвердила, что мужъ безчеловѣчно съ ней обращается, и умоляла взять отъ него, такъ какъ онъ угрожаетъ убить ее, и однажды уже душилъ, всунувъ ей въ ротъ руку до горла и, еслибы не подоспѣлъ на помощь оперный артистъ Тасинъ,—мужъ навѣрное задушилъ бы ее. Рахальскій же упорно не разрѣшалъ увести жену, и тогда полиція обратилась къ прокурору окружнаго суда съ просьбой о разрѣшеніи взять женщину силою. Разрѣшеніе это было дано и, когда явились городовые, Рахальскій уступилъ. Былъ позванъ врачъ, который нашелъ на тѣлѣ бѣдной женщины царапины, а на лицѣ—припухлости. Рахальскій, отдавая женѣ платье, издѣвался надъ ней наглымъ образомъ въ присутствіи полиціи, осыпалъ площадною бранью, не хотѣлъ давать платье, а требовалъ, чтобы она надѣла на голую голову шляпу съ цвѣтами и такъ шла по улицѣ. Бѣдная женщина отдана родственникамъ на попеченіе. Какъ выясняется свидѣтельскими показаніями, въ теченіе шестилѣтняго супружества, Рахальскій превратилъ жизнь жены въ какую-то каторгу. Неоднократно, въ теченіе этого времени, полиціи приходилось вмѣшиваться въ его семейную жизнь, вслѣдствіе возмутительнаго отношенія Рахальскаго къ своей женѣ. Послѣдняя однажды пыталась даже покончить жизнь самоубійствомъ и бросилась подъ вагонъ городской желѣзной дороги».

«Терпи, страдай, но живи», такъ повелѣваетъ женамъ нашъ законъ,—не въ такихъ выраженіяхъ, конечно, но смыслъ его приблизительно таковъ. Г.г. Рахальскимъ дана полная возможность безчинствовать и истязать своихъ женъ, доводя ихъ даже до самоубійства. И лишь только одинъ прокуроръ можетъ освободить жертву супружескаго деспотизма и предоставить ей жить отдѣльно отъ мужа! Но это обыкновенно случается крайне рѣдко, послѣ долгихъ страданій и мытарствъ. Вмѣшательство прокурора бываетъ лишь

тогда, когда и сосѣди, и полиція, и врачи побоятся, чтобы дѣло не дошло до «уголовщины». Въ противномъ же случаѣ, т. е. когда дѣло идетъ не объ уголовщинѣ, всѣ молчатъ и преспокойно взираютъ, какъ мужъ *учитъ* жену...

А вотъ и еще грустная исторія жены-горемыки, крестьянки дер. Бастырки, которую уморилъ голодомъ мужъ.

По словамъ «Пермск. Края», жизнь ея была очень тяжела; не любили ее мужъ и свекровь, морили голодомъ, били и черезъ силу заставляли работать. Разъ проходившая мимо женщина увидѣла ее лежащею на полу и когда подошла къ ней, то несчастная имѣла еще силы проговорить, что она голодна, и попросила хлѣба. Подошелъ тутъ и мужъ, и когда посторонняя женщина сказала, что жена его голодная и проситъ хлѣба, то онъ вернулся за хлѣбомъ; но голодная, не дождавшись его возвращенія, умерла. Дознаніемъ становаго пристава выяснилось, что несчастная женщина питалась «птичьимъ кормомъ»; тихонько отъ мужа и свекрови возьметъ отрубей, зальетъ водой и ночью поѣстъ. Да золовка, сжалившись, иногда давала кусочекъ. Рубашка на ней вся изорвана и никогда не смѣнялась; ноги до колѣнъ въ грязи. На тѣлѣ оказалось много синяковъ.

Жизнь настоятельно требуетъ пересмотра нашихъ законовъ о семьѣ, и вопросъ о разводѣ давно уже стучится въ двери. Право на разводъ должно быть предоставлено всѣмъ, для кого семья обратилась въ каторгу, а не для однихъ богачей, имѣющихъ возможность затратить на это дѣло тысячи рублей. Въ неурядицахъ семейной жизни бываютъ виноваты и мужья, и жены, и справедливый выходъ изъ этого неестественнаго положенія долженъ быть найденъ законнымъ путемъ.

По 44 ст. устав. о наказ. привлекаются къ отвѣтственности и караются арестомъ до одного мѣсяца виновные въ «неисполненіи распоряженій правительства, относящихся къ предупрежденію непотребствъ и пресѣченію вредныхъ отъ онаго послѣдствій».

Но въ Асхабадѣ, какъ оказывается, по этой же статьѣ преслѣдуются и виновные совсѣмъ другаго рода.

«Въ жизни Асхабада,—читаемъ мы въ мѣстной газетѣ,—давно извѣстны случаи тайнаго или явнаго сожительства русскихъ женщинъ съ персами. Между массою прочихъ случаевъ, недавно было обнаружено *продолжительное сожительство* нѣкоей Лукерьи Захарченко съ персомъ Фармазбекомъ Лютфалибековымъ. Сами стороны говорятъ, что «сожительство» ихъ было прежде, а теперь З—о находится въ услуженіи у Лютфалибекова; этого не отрицаетъ и сама Лукерья. Подъ давленіемъ нѣкоторыхъ — надо сознаться, ха-

рактерныхъ соображеній,—производится первоначальное слѣдствіе; привлекаются къ дачѣ показаній нѣсколько женщинъ, подтверждающихъ фактъ продолжительнаго сожительства православной съ шіитомъ, и, наконецъ, Лукерья привлекается къ отвѣтственности по 44 ст. уст. о нак.».

Газета совершенно справедливо указываетъ на всю странность такихъ «привлеченій».

«Есть люди,—говоритъ она,—живущіе непотребствомъ въ разнаго рода и вида притонахъ, именуемыхъ отелями, нумерами для пріѣзжающихъ, банями и проч., и проч. Казалось бы, эти-то притоны должны, помимо прочихъ статей закона, усердно привлекаться и по приведенной статьѣ, а между тѣмъ»...

А, между тѣмъ, привлекаютъ однѣхъ только Лукерій!

Положеніе этихъ *Лукерій* въ нашемъ обществѣ крайне тяжело. Вся отвѣтственность за ихъ *вину*, вольную или невольную, ложится всею тяжестью на нихъ.

Въ уста простой женщины покойный И. Ѳ. Горбуновъ вложилъ однажды опредѣленіе разницы въ житейскомъ положеніи мужчины и женщины. Крестьянка жалуется кому-то на свою горькую долю:

— Ваше дѣло что!—говоритъ она, обращаясь къ слушающему ее собесѣднику,—*встряхнулся и пошелъ*, а намъ-то каково?..

Женщинѣ приходится одной, въ большинствѣ случаевъ, расплачиваться за свои увлеченія. Дѣти, какъ плоды незаконной любви, обыкновенно отдаются или въ воспитательные дома, или г-жамъ Скублинскимъ, ловко умѣющимъ расправляться съ ними; въ рѣдкихъ только случаяхъ мать оставляетъ ихъ у себя дома. Но есть и еще одинъ способъ избавиться отъ незаконно-прижитыхъ дѣтей — это *продать* ихъ. Оказывается, что на Руси и теперь еще можно продавать дѣтей...

Лѣтъ девять-двѣнадцать тому назадъ, крестьянская дѣвушка вятской губ. Иванова прижила въ незаконной связи двухъ дѣтей—дѣвочку Наталью и мальчика Васю.

Не имѣя никакихъ средствъ, дѣвушка, по совѣту односельчанъ, задумала отправить дѣтей въ какой нибудь дѣтскій пріютъ въ Москву. Такъ и было сдѣлано. Одна изъ односельчанокъ захватила съ собой 6-лѣтнюю Наташу и 4-лѣтняго Васю и повезла въ Москву. Вернувшись, она объяснила матери, что помѣстила дѣтей въ какой-то княжескій пріютъ. Прошло 10 лѣтъ. Блуждая по Россіи, мать какъ-то попала въ г. Шую и въ праздничный день отправилась въ циркъ. Взглянувъ на молоденькую, миловидную наѣздницу, выдѣлывавшую свои па на неосѣдланной лошади, Иванова признала въ ней свою

дочь. На ея вопросъ: кто эта дѣвушка? Иванова услышала, что это Эльза Бетини, прибывшая въ Шушу изъ Парижа. Иванова добилась встрѣчи съ наѣздницей и, при свиданіи, признала своего несчастнаго ребенка. Дѣвушка объяснила, что она работала въ балаганѣ-циркѣ, откуда ее выгнали. Изъ дѣтства она ничего не помнитъ; знаетъ, что у нея былъ братъ Вася, который работаетъ въ Астрахани въ балаганѣ К—ва. Тотчасъ же шушинская полиція снеслась съ астраханской, и Вася былъ немедленно отобранъ; послѣдній ежедневно изображалъ предъ публикой то человѣка-змѣю, то каучуковаго юношу, то куплетиста. Изъ дознанія оказалось,—какъ сообщаетъ «Астр. Лист.»,—что этотъ К — овъ купилъ дѣтей съ метриками у какой-то бабы за дешевую цѣну. Между прочимъ, Вася разсказалъ, что у того же К—ова находится въ рабствѣ еще одинъ купленный мальчикъ, лѣтъ 7 — 8-ми...

Къ женщинѣ мы не привыкли еще относиться, какъ къ равному себѣ существу, и только снисходимъ къ слабостямъ ея пола. На службѣ, въ департаментахъ и конторахъ, мужчина «снисходитъ» къ женщинѣ, не желая видѣть въ ней товарища. Нѣкоторые же начальники просто третируютъ женщинъ-чиновницъ и помыкаютъ ими. А иногда бываетъ, что и мужьямъ приходится расплачиваться за своихъ жонъ-чиновницъ. Правда, это рѣдко бываетъ, но тѣмъ не менѣе бываетъ.

Въ житомірской почтово-телеграфной конторѣ существуетъ чиновникъ Петровъ, получившій 27 ноября предписаніе слѣдующаго содержанія:

«По случаю болѣзни вашей жены, предлагаю вамъ, на основаніи нынѣ дѣйствующихъ правилъ, исполнять, кромѣ собственныхъ служебныхъ обязанностей, еще и служебныя обязанности вашей жены». Затѣмъ, конечно, подпись,—все, какъ слѣдуетъ быть по «формѣ»!

Есть ли такія, «нынѣ дѣйствующія, правила»?? Вѣроятно, есть, такъ какъ иначе не ссылались бы на нихъ. Но... но все таки позволительно сомнѣваться въ ихъ... удобопримѣнимости.

Врачъ Стеблинъ-Каменскій, на дочери котораго женатъ г. Петровъ, прислалъ по этому поводу письмо въ редакцію газеты «Волынь», въ которомъ дѣлаетъ весьма справедливыя указанія на нѣкоторыя совсѣмъ нежелательныя послѣдствія примѣненія въ данномъ случаѣ «нынѣ дѣйствующихъ правилъ».

«Вслѣдствіе этого предписанія,—пишетъ г. Стеблинъ-Каменскій,—г. Петрову, 28 минувшаго ноября, пришлось исполнять служебныя обязанности въ житомірской почтово-телеграфной конторѣ съ 9 часовъ утра 28 ноября до 3 час. пополудни 29 ноября; изъ конторы онъ былъ 28 ноября отпущенъ для обѣда только на одинъ часъ».

Такимъ образомъ, г. Петрову, 28 минувшаго ноября, пришлось поработать 30 часовъ непрерывно!

Сомнительно, чтобы въ настоящее время существовали гдѣ либо подобныя правила; если же они и существуютъ въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ, то, само собою разумѣется, выполнять ихъ можно не иначе, какъ назначая для работы несчастному мужу не болѣе 10 часовъ въ сутки.

«До настоящаго времени — говоритъ корреспондентъ — я не слыхалъ, чтобы хоть одинъ мужъ когда либо работалъ за больную жену и за себя въ то же время: вѣдь это значило бы, что уставъ почтово-телеграфнаго вѣдомства запрещаетъ болѣть женамъ; почему же въ такомъ случаѣ онъ не запрещаетъ болѣть всѣмъ женщинамъ незамужнимъ; неужели бракъ считается преступленіемъ въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ? Это reductio ad absurdum, напрашивающееся само собою, заставляетъ думать, что распоряженіе житомірской почтово-телеграфной конторы есть результатъ какого нибудь «недоразумѣнія»... («Южное Обозрѣніе»).

Наша провинція до сихъ поръ никакъ не можетъ избавиться отъ разныхъ проходимцевъ, собирающихъ дань съ довѣрчивыхъ и искренно вѣрующихъ людей на построеніе новыхъ и перестройку старыхъ церквей, на нужды разныхъ обителей и безъ того богатыхъ, на поминъ души и пр. Умѣньемъ собирать деньги особенно отличаются аѳонскіе монахи, которые ежегодно, въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, разсылаютъ письма къ разнымъ лицамъ, взявши адреса ихъ прямо изъ адресъ-календарей. Въ этихъ письмахъ они описываютъ нужды ихъ обителей и церквей, и яркими красками рисуютъ безпомощное положеніе монашества. Цѣль этихъ писемъ— собрать деньги. Впрочемъ, они просятъ денегъ недаромъ: за презрѣнный металлъ они предлагаютъ нѣчто невѣсомое — это свои молитвы. Въ приложенныхъ къ письмамъ прейскурантахъ точно обозначена цѣна каждой молитвы: 40-дневная молитва стоитъ столько-то, 20-дневная—столько-то и т. д.

Правительствомъ, согласно постановленію св. синода, строго воспрещена разсылка по Россіи воззваній съ Аѳона, такъ какъ въ этихъ посланіяхъ въ высшей степени нагло эксплуатируется религіозное чувство вѣрующихъ. Тѣмъ не менѣе, письма съ Аѳона продолжаютъ поступать къ отдѣльнымъ лицамъ. «Пермскій Край» приводитъ текстъ одного изъ нихъ, полученнаго недавно въ Перми:

«Боговозлюбленнѣйшій нашъ благотворитель. Миръ вамъ и спасеніе. Священнымъ долгомъ поставляемъ себѣ довести до свѣдѣнія нашихъ дорогихъ соотечественниковъ и благодѣтелей о томъ, что

предположеніе освященія нововозобновляемаго храма св. Іоанна Богослова на 8 мая, по просьбѣ многихъ благотворителей, которые не могли подоспѣть со своими пожертвованіями къ сказанному числу, а тѣмъ болѣе еще потому, что иконостасъ не готовъ, освященіе отсрочено до слѣдующаго праздника, пока ревнители благочестія соберутъ свои лепты, какъ пчелы—сотъ отъ благовонныхъ цвѣтовъ принесутъ и какъ мироносицы миро ко гробу Господню. При освященіи новаго престола, будутъ архіереемъ вложены въ престолъ всѣ благодѣтельскія имена и за всякую лепту, но не менѣе одного рубля за каждое имя».

Особенно хороша «всякая лепта», но... «не менѣе одного рубля»!!

Лавры аѳонскихъ монаховъ привлекли вниманіе и другихъ охотниковъ до легкой наживы...

Въ предѣлахъ Персіи проживаетъ несторіанскій епископъ, именуемый митрополитомъ супурганзскимъ, Маръ-Іоной, который въ 1898 г., по просьбѣ московскаго митрополита Владиміра, былъ 25-го марта принятъ покойнымъ с.-петербургскимъ митрополитомъ Палладіемъ въ православную церковь третьимъ чиномъ, какъ принимаютъ раскольниковъ, исповѣдующихъ съ православными одни и тѣже догматы и вѣру.

Съ тѣхъ поръ этотъ епископъ не счелъ нужнымъ ни подчиниться патріарху антіохійскому, въ предѣлахъ котораго онъ проживаетъ, ни извѣстить православныя церкви о томъ: находится ли онъ съ ними въ общеніи и думаетъ ли возродить персидскую церковь? По тѣмъ извѣстіямъ, которыя мы имѣемъ изъ Закавказья, Маръ-Іона ежегодно посылаетъ въ Россію до тысячи несторіанъ, которые въ священническомъ одѣяніи, съ паспортами «православныхъ» служителей церкви, имѣя фальшивыя свидѣтельства якобы іерусалимскаго патріарха Даміана, не только обходятъ города и села Россіи, но и священнодѣйствуютъ въ домахъ прихожанъ, собирая ежегодно сотни тысячъ рублей на Гробъ Господень и ведя вполнѣ распутную и зазорную жизнь. Русская духовная власть давно обратила на это вниманіе; но, тѣмъ не менѣе, число персидскихъ выходцевъ увеличивается, какъ и жалобы на обманъ простодушныхъ и довѣрчивыхъ русскихъ. Находятся люди, которые берутъ этихъ мошенниковъ подъ свое покровительство, находя, что они подрываютъ вѣру въ грековъ (персіяне выдаютъ себя за грековъ) и наносятъ ущербъ іерусалимской патріархіи. Несторіанскіе выходцы бываютъ и въ Сербіи, и тамъ тоже собираютъ на Гробъ Господень. («Закасп. Об.»).

Долготерпѣливъ народъ нашъ! Кто только не эксплуатируетъ его и его наивную вѣру?

На тему о «герояхъ и толпѣ» любопытную иллюстрацію даютъ «Биржевыя Вѣдомости».

Въ Колпинѣ по тонкому льду катались на санкахъ дѣвушки и бѣгалъ на конькахъ гимназистъ. Одна изъ дѣвушекъ провалилась сквозь тонкій ледъ.

На крикъ ея подъѣхалъ гимназистъ, бросился спасать дѣвушку и самъ провалился. Онъ поступилъ такъ, какъ и говорилъ: не подумалъ о собственной жизни. Однако, онъ былъ хорошимъ пловцомъ и отличался силой. Одѣтый въ легкую блузу, онъ ловко справлялся съ утопающей и раза три выкидывалъ ее по направленію къ берегу. Но ледъ все обламывался. Между тѣмъ, на берегу стояли колпинцы и зѣвали. Никто не бросилъ ни доски, ни веревки. Соломинка спасла бы утопающихъ, да никто не пошевельнулъ и пальцемъ!

Обѣ сестры гимназиста Доброва со слезами умоляли толстокожихъ колпинцевъ помочь утопающимъ; но тѣ только улыбались, какъ свидѣтельствуетъ корреспондентъ. Мысль о спасеніи погибающихъ казалась имъ смѣшной и нелѣпой...

Дѣвочки сами бросились въ воду, обламывая ледъ, и едва выплыли: сдѣлать онѣ ничего не могли. Но ихъ примѣръ доказалъ, что можно было бы спасти утопавшихъ, даже не рискуя жизнью. Напримѣръ, еслибы тутъ же находившійся владѣлецъ лежавшей на берегу лодки согласился отвязать ее и подкатить по льду, — утопающіе были бы спасены. Но тщетно просили объ этомъ плачущія и обезумѣвшія отъ ужаса дѣвочки Добровы: владѣлецъ лодки и не двинулся съ мѣста.

«О, проклятое безучастіе, о, ледъ, который не пробьютъ и громы небесные! Слышно было, какъ изнемогающій Добровъ говорилъ дѣвушкѣ:

«— Успокойтесь, пожалуйста! Я спасу васъ... Еще минуту...

«Тутъ они вмѣстѣ пошли ко дну».

Товарищи покойнаго пріѣхали, въ числѣ 70 человѣкъ, провожать его гробъ. Какой-то юноша сказалъ рѣчь надъ его могилой. Онъ говорилъ о самоотверженіи; о томъ, что онъ гордится, что изъ среды гимназистовъ «явился человѣкъ, совершившій въ полномъ смыслѣ слова *героическій* поступокъ». Въ то время, когда плакали родные,—«обезьяны, похожія на людей, тѣснились къ гробамъ, жадно всматриваясь въ лица утопленниковъ, которыхъ случайно повѣнчала смерть, и передавая шопотомъ какія-то сплетни на ихъ счетъ, потому что обезьянамъ непонятны человѣческіе мотивы».

Положеніе провинціальной прессы день ото дня становится тяжелѣе. Ее гонятъ и изъ городскихъ думъ, и изъ земскихъ собраній наши «общественные избранники»; она терпитъ отъ личныхъ усмотрѣній мѣстныхъ администраторовъ и вліятельныхъ тузовъ; на нее негодуетъ и читатель, таща, при первомъ удобномъ случаѣ, редактора-издателя въ судъ...

Недавно было разсмотрѣно городскимъ судьей въ Аккерманѣ рѣдкое въ судебной практикѣ дѣло. М. Марголинъ предъявилъ къ редактору кишиневской газеты «Бессарабецъ» П. А. Крушевану и содержателю книжной торговли въ Аккерманѣ М. Анбиндеру искъ въ 8 руб. 93 коп. за прекращеніе высылки газеты до срока подписки.

Г. Марголинъ внесъ г. Анбиндеру, полную годовую плату на газету—10 р., между тѣмъ съ 9 февраля высылка газеты была прекращена. Посылались, будто бы, письма въ редакцію, какъ со стороны г. Анбиндера, такъ и со стороны г. Марголина, съ запросами о причинахъ прекращенія высылки газеты, но никакого результата не добились. Тогда подписчикъ подалъ въ судъ.

Дѣло это уже назначалось на 27 октября, но повѣстка на имя г. Крушевана была возвращена полиціей, въ виду временнаго отъѣзда его въ Петербургъ. Находя такія дѣйствія полиціи незаконными,—такъ какъ повѣстка должна быть вручена, при отсутствіи вызываемаго лица, кому либо изъ домашнихъ или сосѣдей,—г. судья тогда же постановилъ сообщить г. кишиневскому полицмейстеру о неправильныхъ дѣйствіяхъ полиціи и просилъ его, при врученіи вторичной повѣстки, поручить полиціи соблюсти въ точности требованіе закона. Послѣ такого внушенія, вторичная повѣстка была вручена г. Крушевану своевременно.

На судъ ни г. Крушеванъ, ни г. Анбиндеръ не явились; но изъ нихъ послѣдній прислалъ письменное объясненіе, въ которомъ изложилъ, что онъ предъявилъ г. Марголину почтовую расписку въ доказательство того, что деньги г. Крушевану высланы имъ своевременно; по поводу жалобы подписчика онъ запрашивалъ контору «Бессарабца» и получилъ отвѣтъ, что точныхъ объясненій, за выѣздомъ редактора, контора дать не можетъ, но,—насколько ей извѣстно, — газета не высылается г. Марголину потому, что онъ самъ отказался отъ полученія ея. На вторичное письмо контора рѣшительно заявила, что *г. Марголинъ получать газету отказался* и что, поэтому, она ему ни въ какомъ случаѣ высылаться не будетъ.

На вопросъ судьи, не находитъ ли онъ возможнымъ, въ виду объясненія г. Анбиндера, отказаться отъ иска къ нему, ограни-

чиваясь лишь искомъ къ г. Крушевану, истецъ отвѣтилъ согласіемъ. Городской судья опредѣлилъ взыскать съ Крушевана 8 р. 93 к. и судебныхъ издержекъ 5 р. Рѣшеніе это встрѣчено публикой съ видимымъ сочувствіемъ, увѣряютъ «Одесскія Новости». Но фактъ *отказа* отъ полученія газеты такъ и не былъ принятъ во вниманіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что весь сыръ-боръ загорѣлся изъ-за того, что г. Крушеванъ, какъ убѣжденный антисемитъ, въ своей газетѣ не желаетъ отплясывать жидовскихъ танцевъ, подъ кагальную музыку. Ему и дѣлаютъ всякіе скандалы правовѣрные талмудисты и ихъ прихлебатели...

Для иллюстраціи, насколько тяжела участь редактора провинціальной газеты, мы приводимъ списокъ дѣлъ, которыя разбирались недавно харьковскою судебною палатою.

Въ этомъ спискѣ мы читаемъ:

О редакторѣ-издателѣ «Орловск. Вѣстника», Алексѣѣ Ивановѣ Аристовѣ, обвиняемомъ по 1535 ст. улож. о нак.; о ред.-изд. газеты «Орлов. Вѣстникъ» А. И. Аристовѣ, обв. по 2 ч. 1535 ст. улож.; о ред.-изд. газ. «Орловскій Вѣстникъ», А. И. Аристовѣ, обв. по 1039 ст. улож.; о ред.-изд. газ. «Орлов. Вѣстн.» А. И. Аристовѣ, обв. по 2 ч. 1535 ст. улож.; о ред.-изд. газ. «Орлов. Вѣстн.» А. И. Аристовѣ, обв. по 1030 ст. улож.

Три дѣла о клеветѣ и *два* дѣла о диффамаціи—и всѣ въ одинъ день. Пріятное положеніе!

Редактору «Орловскаго Вѣстника» придется безъ отдыха просидѣть на скамьѣ подсудимыхъ цѣлый день и выслушать отъ людей, которыхъ онъ навѣрно видитъ въ первый разъ въ жизни, что онъ испортилъ ихъ репутацію, оклеветалъ и опозорилъ ихъ.

Новое ругательное слово. Говорятъ, что русскій народъ обладаетъ неистощимымъ запасомъ ругательныхъ словъ, постоянно творя и создавая все новыя и новыя. Но жидъ и здѣсь перещеголялъ русскаго человѣка, создавъ новое ругательство.

По словамъ «Одесскихъ Новостей», въ камерѣ мироваго судьи слушались три дѣла: по обвиненію С. Зорицкимъ М. и Б. Зухербоймовъ въ томъ, что они бранили его разными «выразительными» словами; по обвиненію тѣмъ же Зарицкимъ Б. Зухербойма въ томъ, что она пустила въ него полѣномъ, и, наконецъ, по обвиненію М. и Б. Зухербоймами С. и Ш. Зарицкихъ въ оскорбленіи словами.

Поводомъ ко всѣмъ этимъ дѣламъ послужило то, что мальчики Зарицкаго обругали М. Зухербойма... «Пушкинымъ».

Послѣдній страшно обидѣлся этимъ, по его адресу сказаннымъ, «нецензурнымъ» словомъ и бросился на мальчугановъ со словами: «я вамъ покажу, какой я Пушкинъ, сами вы—Пушкины»! Мальчишки же продолжали кричать: «Пушкинъ, толстый Пушкинъ»! Зухербоймъ пошелъ къ родителямъ мальчиковъ съ просьбой, чтобы они какъ нибудь уняли ихъ. Тамъ его обругали; за него вступилась его жена, Б. Зухербоймъ, которая избила Зарицкаго. На судѣ М. Зухербоймъ очень волновался.

— Г. судья! Какъ же я могъ снести, когда меня такъ ругаютъ?

— Какъ же васъ ругали?—спрашиваетъ судья.

— Мнѣ кричали, что я—Пушкинъ.

— Развѣ это бранное слово?

— Конечно, г. судья. Меня отъ роду никто такъ не называлъ.

— Васъ, вѣроятно, называли Пушкинымъ потому, что вы очень похожи на него.

— Пускай Богъ милуетъ, г. судья!

Допросивъ свидѣтелей, мировой судья постановилъ: М. Зухербойма и Б. Зухербоймъ за оскорбленіе дѣйствіемъ Зарицкаго подвергнуть аресту: перваго на 7 дней, а вторую на 2 недѣли, Ш. Зарицкаго—къ штрафу въ 5 рублей, а С. Зарицкаго призналъ по суду оправданнымъ.

Ростовскія газеты извѣщаютъ о появленіи въ Астрахани... Чацкаго.

Нанимаетъ интеллигентный хозяинъ слесаря, договаривается относительно условій службы и, наконецъ, спрашиваетъ:

— Паспортъ съ собой? Какъ твоя фамилія?

— Чацкій.

— Какъ Чацкій? А зовутъ?

— Александръ.

— Да не можетъ быть? Покажи паспортъ.

Въ паспортѣ значилось: «Предъявитель сего, мѣщанинъ города N Александръ Чацкій отпущенъ для свободнаго проживанія, и т. д.».

Плохо одѣтый простой рабочій среднихъ лѣтъ — Александръ Чацкій—стоялъ и только улыбался.

— Чему вы улыбаетесь?—спросилъ наниматель.

— Да вотъ всегда такъ. Какъ назову себя, такъ и не вѣрятъ...

И человѣкъ съ фамиліей грибоѣдовскаго героя разсказалъ, какъ онъ сталъ Александромъ Чацкимъ:

«Очень просто. Изъ подкидышей я. Кормили меня въ Воспитательномъ домѣ. Тамъ и крестили. Ну, когда пришелъ чередъ давать имя и фамилію, кому-то пришло въ голову:—давай ка, молъ,

назовемъ его «Александръ Чацкій», потому знаменитый человѣкъ такой былъ.—Давайте.—Ну, и назвали. Теперь только что скажешь, кто ты, такъ на тебя во всѣ глаза и смотрятъ. Каждый разъ приходится разсказывать сначала и упоминать, что ты изъ подкидышей. А это не всегда пріятно. Ну, а потомъ ничего, попривыкъ.

По справкамъ одной газеты оказалось, что изъ пріютовъ немало выходитъ людей съ громкими именами. Какъ свидѣтельствовалъ врачъ, изъѣздившій всю Россію, нерѣдко встрѣчаются Евгеніи Онѣгины, Татьяны Ларины и даже Александры Македонскіе. Недавно въ одномъ пріютѣ оказался и Максимъ Горькій, шести мѣсяцевъ отъ рожденія.

Нельзя похвалить за это пріютскую администрацію. Громкое имя часто обязываетъ подкидыша разсказывать о происхожденіи, а «это не всегда пріятно», по признанію слесаря Александра Чацкаго.

Два факта изъ области деревенскаго невѣжества и крестьянской тьмы.

«Нижегородскій Листокъ» приводитъ недавній случай, имѣвшій мѣсто въ черниговской губерніи.

Случился недавно въ черниговской губерніи падежъ скота; свиньи дохли десятками. Населеніе заволновалось; пошли темные слухи, что бѣда «наслана свыше».

— Вы бы приняли мѣры!—говоритъ народу ветеринаръ.

— Какія тутъ мѣры... тутъ попущеніе божіе Морище!

— Что такое?

— У пильщиковъ спытайте! Воны скажутъ. Пильщики, работая въ лѣсу, слышали невѣдомый голосъ:

— Вацю! вацю! ваць, ваць, ваць!

— Что ты такое?—спросили пильщики.

— Морище!—отвѣчалъ невѣдомый голосъ.

— Что тебѣ нужно?

— Свиней скликаю. Истреблю всѣхъ свиней и ни одной не оставлю. Доберусь потомъ до овечекъ и до коровъ доберусь.

— За що жь ты такъ тяжко караешь насъ?

— За беззаконія многія и смрадныя ваши прегрѣшенія. Бога забыли, попамъ выручки не даете; по средамъ, по пятницамъ скоромное трескаете!

Молва, какъ снѣжный комъ, разрастается до чудовищныхъ предѣловъ, переходя изъ села въ село. А свиньи, овцы и коровы продолжаютъ дохнуть...

Среди населенія васильскаго уѣзда нижегородской губ., циркули-

руютъ упорные слухи, что съ будущаго года продажа табаку будетъ производится казной. У всѣхъ курящихъ будетъ приложена ко лбу особая *зеленая* печать (любимый цвѣтъ декадентовъ), безъ которой табакъ отпускаться не будетъ.

Г. Василій Ивановъ въ «Южномъ Краѣ» сообщаетъ отвѣтъ волостнаго старшины на просьбу о высылкѣ паспорта:

«Пачпортъ посланый. А по поводу того, що написано «чернорабочій» це дило наше, мы знаемо, що робыми. Якбы самъ прыихавъ та попоштувавъ гарненько (т. е. «угостилъ хорошенько»), то воно бъ и дило скорій було и написано «прикасчикъ» було. А то хоче, щобъ на дурныцю (т. е. «даромъ»). Отъ теперь и будышъ знаты, що ты и що — мы! Знамы не шуты: у насъ ты во всяке время влапахъ. Якъ буде другій нужно по прошествій цему срока, то прыіжжай самъ и щибъ у кармани було, тоди и написано буде «прыкасчикъ».

Новое свойство полиціи и причину упадка торговли открылъ нижегородскій гробовщикъ Покровскій.

Какъ передаетъ «Нижегор. Листокъ», Покровскій подалъ полицмейстеру заявленіе, что съ назначеніемъ у его лавки полицейскаго поста торговля значительно пошатнулась. По его словамъ, постоянное присутствіе возлѣ магазина представителей полицейской власти отбиваетъ покупателей, въ виду чего онъ проситъ о переводѣ поста въ другое мѣсто.

Жаль, что нѣтъ въ живыхъ И. Ѳ. Горбунова. Ужь больно подходящій матеріалъ для его юмора!

Х.

Волна.

О скалы грозныя волна
Съ тоскою бьется и клокочетъ,
И ненавидитъ ихъ она,
И побѣдить ихъ тщетно хочетъ.

Не такъ ли умъ пытливый твой,
Какъ эти волны объ утесы,
Все бьется съ жгучею тоской
О безотвѣтные вопросы?

Д. Ратгаузъ.

ТАИНСТВЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНІЕ.

Романъ **Жоржа Онэ.**

I.

Военный министръ, жившій въ улицѣ св. Доминика, свирѣпо бѣгалъ взадъ и впередъ по своему кабинету, нервно играя со своимъ моноклемъ и сердито теребя свои усы. Все это обѣщало, повидимому, дурной пріемъ для всякаго, кто осмѣлился бы въ эту минуту появиться передъ его грозными очами. Судя по торжественному молчанію офицеровъ, находившихся въ сосѣднихъ апартаментахъ, имъ было отлично извѣстно, какъ они должны себя держать, когда начальникъ ихъ не въ духѣ, и только смѣлое и задорное чириканье птичекъ, доносившееся сюда изъ сада, нарушало эту тишину. Но, черезъ нѣсколько минутъ непрерывной бѣготни, начальникъ, повидимому, окончательно потерялъ терпѣніе и, подойдя къ камину, тронулъ звонокъ, на который тотчасъ же прибѣжалъ перепуганный сторожъ.

— Что, полковникъ Вальнó вернулся? — спросилъ министръ такимъ тономъ, точно приказывалъ: «Сабли въ руки, маршъ»!

Слуга, согнувшись такъ, какъ будто хотѣлъ исчезнуть подъ ковромъ, трепетно пробормоталъ:

— Господинъ министръ, я не знаю; сейчасъ справлюсь.— Лицо генерала побагровѣло. Послышалось первое проклятіе, затѣмъ и второе; третье было уже безполезно. Слуга убѣжалъ.

— И что только дѣлаетъ этотъ Вальнò съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ? — бормоталъ министръ, принимаясь снова за

свою свирѣпую бѣготню.—Нечего сказать, услужили мнѣ. О чортъ!..

Но ему не удалось продолжать свою брань, потому что вдругъ вбѣжалъ курьеръ, произнося впопыхахъ:

— Полковникъ Вально!..

Въ кабинетъ быстро вошелъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, высокій, стройный, съ голубыми глазами и бѣлокурыми усами. Онъ весело поклонился своему начальнику и началъ фамильярнымъ тономъ:

— Вы, кажется, вышли изъ терпѣнія, дорогой генералъ? Но дѣло, порученное мнѣ, вѣдь не пустяшное и я не гулялъ все это время.

— Къ дѣлу!—нетерпѣливо перебилъ его генералъ.—Вы изъ Ванва?

— Да, генералъ.

— Одинъ?

— Нѣтъ. Я привезъ съ собой одного изъ нашихъ агентовъ, самаго ловкаго. Вы мнѣ не приказывали сдѣлать это, но я уже взялъ на себя воспользоваться услугами этого человѣка.

— Хорошо сдѣлали. Но увѣрены ли вы въ его преданности?

— Насколько возможно. Это бывшій унтеръ-офицеръ; къ тому же, я не посвятилъ его въ нашу цѣль, и ему ничего неизвѣстно. Онъ играетъ роль моего помощника по розыску виновниковъ катастрофы. Съ его стороны мы безопасны.

— Ну, что же, каковы результаты вашихъ поисковъ?

— Дорогой генералъ, если вы позволите, то мы лучше раздѣлимся на двѣ партіи. Одна будетъ устанавливать матерьяльные факты; другая же возьметъ на себя моральную сторону дѣла. Дѣло показалось вамъ гораздо проще съ перваго взгляда, а, между тѣмъ, оно оказывается очень сложнымъ; и чѣмъ дальше, тѣмъ вы все больше и больше будете становиться втупикъ. Объ этомъ я долженъ васъ предупредить.

— Чортъ возьми!..

Генералъ усѣлся возлѣ своего бюро, и, задумчиво облокотясь подбородкомъ объ руку, устремилъ долгій взглядъ на полковника. Наконецъ, предложилъ ему мѣсто въ креслѣ, поближе къ себѣ:

— Ну-съ, я васъ слушаю.

— Домъ, въ которомъ живетъ генералъ Тремонъ, выстроенъ въ верхней части деревни Ванвъ, на небольшомъ разстояніи отъ крѣпости. Ночная охрана первая забила тревогу и гарнизонъ подоспѣлъ на помощь, когда начался пожаръ. Отъ жилья ничего не осталось. Тамъ была лабораторія, въ которой находились взрывчатыя вещества, и взрывъ, происшедшій во время пожара, произвелъ ужасное разрушеніе. Камни взлетѣли высоко на воздухъ, и сады, лежащіе вокругъ, оказались усѣянными ихъ осколками. Еслибы, кромѣ садовъ, тамъ находились еще и дома, то опустошеніе приняло бы еще болѣе ужасающіе размѣры.

Тутъ министръ перебилъ:

— Что же это было за взрывчатое вещество? говорите вкратцѣ...

— О, генералъ, увеличьте въ сто разъ дѣйствіе пороха, которымъ начиняются наши гранаты, и вы будете имѣть ясное понятіе о страшномъ взрывѣ въ лабораторіи генерала Тремона.

Министръ покачалъ головой.

— Да. Это же самое и онъ сказалъ мнѣ, когда я видѣлъ его въ послѣдній разъ въ артиллерійскомъ кружкѣ. Онъ чуть было не изобрѣлъ въ своей лабораторіи такое отличное средство, которое сдѣлало бы насъ господами всякой войны. Ужь не ради ли этого была устроена и катастрофа?

— Такъ, значитъ, вы настаиваете на томъ, что во всей этой исторіи замѣшано злоумышленіе?

— Я ничего не утверждаю, Вально, но въ то же время все подозрѣваю. Когда вы передадите мнѣ всѣ ваши свѣдѣнія, то мы еще поговоримъ... Продолжайте...

— Итакъ, по прибытіи туда, мы застали войско, высланное по требованію министерства, которое и охраняло доступъ къ имуществу. Тамъ набралось до четырехсотъ мѣстныхъ жителей, которые кричали и болтали, кромѣ двадцати газетныхъ репортеровъ, пріѣхавшихъ въ экипажахъ и на велосипедахъ; они-то и шумѣли больше всѣхъ; бранились за то, что ихъ не пускали въ самый центръ взрыва, и не давали доступа къ дымящимся развалинамъ виллы. Но тамъ находился маленькій лейтенантъ, который очень умѣло и чисто по военному отражалъ наступленіе недовольныхъ. Очень можетъ быть, что

пресса отзовется о насъ неблагосклонно за то, что мы возстановили тишину. А это уже нѣчто! Внутри пожарища находились секретарь полицейской профекторы, прокуроръ республики и начальникъ сыскной полиціи. Мы съ моимъ агентомъ прибыли вò-время. Началось слѣдствіе.

— Гдѣ же? въ домѣ?

— На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ и гдѣ представлялась теперь на взглядъ зіяющая бездна, на днѣ которой можно было замѣтить винный погребъ и цѣлое красное море разлитаго вина. Отъ лѣстницы же въ погребъ не осталось и слѣда. Ступени исчезли. Камни обратились въ куски величиною съ голубиное яйцо. Никогда не могъ бы я представить себѣ такого разрушенія; все буквально было искрошено. Но, по странному капризу разрушенія, уцѣлѣла часть стѣны, гдѣ была прачешная, и на желѣзномъ переплетѣ узенькаго оконца повисъ какой-то лоскутокъ. Мы всѣ въ одно время взглянули на этотъ единственный остатокъ, избѣжавшій катастрофы, а полицейскій, болѣе предпріимчивый, не утерпѣлъ и съ величайшей предосторожностью подошелъ къ стѣнѣ, грозившей обвалиться. Концомъ поднятой палки онъ коснулся до безформеннаго куска, который упалъ. Онъ схватилъ его и съ крикомъ изумленія быстро поднесъ къ нашимъ глазамъ. Это оказался обрывокъ платья, въ которомъ торчалъ конецъ руки до локтя; рука была вся въ крови и почернѣла, точно обугленная.

— Вотъ это такъ странность!—воскликнулъ министръ.

— Во всякомъ случаѣ, это было зловѣщимъ предзнаменованіемъ,—продолжалъ полковникъ Вально.—Мнѣ случалось видѣть убитыхъ на полѣ сраженія, и тяжело раненыхъ въ амбулаторіяхъ... При Гравелотѣ оторвало гранатой голову моему начальнику эскадрона, и она подкатилась къ самымъ моимъ ногамъ; въ Тонкинѣ я видѣлъ изрубленныхъ солдатъ, лица которыхъ были искажены предсмертными конвульсіями, но никогда еще я не чувствовалъ себя такъ потрясеннымъ, какъ при видѣ этой обезображенной черной мертвой руки, оставшейся единственнымъ свидѣтелемъ драмы, которая разыгралась передъ нашими глазами и причину которой мы всѣ напрасно старались себѣ уяснить. Прокуроръ республики первый пришелъ въ себя и сказалъ. «Господа, вотъ вамъ

улика на лицо! Эта рука, очевидно, ухватилась въ порывѣ отчаянія за рѣшотку окна. Кому принадлежала она? Не рука ли это злополучнаго генерала Тремона»?..

— Но генералъ, вѣдь, не одинъ жилъ на виллѣ—позволилъ себѣ замѣтить начальникъ сыскной полиціи. — У него были кухарка и лакей. Невозможно, чтобы это была рука служанки. Это — мужская рука. Значитъ, она принадлежала или генералу, или его лакею.

— Если только не... — заговорилъ начальникъ сыскной полиціи. Прокуроръ республики повернулся къ нему и сказалъ:

— Ну, что же, оканчивайте.

— Если только это рука не принадлежитъ самому автору катастрофы.

— А!..—проговорилъ министръ. — Этотъ господинъ тоже предполагаетъ тутъ преступленіе.

— Да, генералъ! И, произнося это, онъ очень внимательно разглядывалъ обугленную, изуродованную руку, осторожно раздвинулъ мертвые пальцы и, снявъ съ одного изъ нихъ кольцо, котораго никто изъ насъ не замѣтилъ, съ торжествомъ потрясъ имъ въ воздухѣ. Если это кольцо принадлежитъ генералу, то мы успокоимся; если же нѣтъ, то у насъ будетъ такое драгоцѣнное доказательство, которое поможетъ намъ распутать это дѣло.

— Кольцо, чортъ возьми! Я не помню, чтобы когда нибудь видѣлъ кольца на пальцахъ у Тремона. Я поклянусь чѣмъ угодно, что никогда въ жизни онъ не носилъ какихъ бы то ни было цѣнныхъ колецъ. Да и никакой металлъ не выдержалъ бы при тѣхъ опытахъ и работахъ, которыми онъ былъ занятъ съ утра до ночи. Но что же это было за кольцо?

— Обручальное, дорогой генералъ. Когда его потерли перчаткой, и съ него сошла копоть, то золото сейчасъ же и заблестѣло. Нашъ агентъ поскребъ его ножемъ и обнаружилъ выемку.—Посмотрите, господа,—воскликнулъ онъ при этомъ,—на внутренней сторонѣ кольца выгравированы буквы, и что бы тамъ ни было, а въ рукахъ у насъ уже есть доказательство.

— Это, дѣйствительно, очень ловкій человѣкъ,—произнесъ министръ.—До сихъ поръ онъ одинъ выказалъ инициативу. Надо будетъ дать ему награду.

— Погодите, генералъ, я еще не кончилъ. Прокуроръ республики взялъ кольцо и сталъ его разсматривать; затѣмъ спокойно положилъ въ карманъ, говоря: — ну, мы разъяснимъ впослѣдствіи. И мы всѣ остались съ длиннымъ носомъ, нѣсколько разочарованные вмѣшательствомъ прокурора, уклонившагося удовлетворить сейчасъ же наше любопытство. Конечно, онъ, можетъ быть, и былъ правъ, поступая такимъ образомъ; вѣроятно, были обстоятельства, которыхъ не слѣдовало оглашать раньше времени. Но онъ напрасно секретничалъ, потому что въ ту же минуту нашъ агентъ отвернулъ рукавъ мертвой руки и обнаружилъ тайну. Между сгибомъ и кистью руки оказалась татуировка: синей краской было изображено горящее сердце, вокругъ котораго можно было прочесть слѣдующія слова на нѣмецкомъ языкѣ: Hans und Mina, а внизу immer, что̀ значитъ по французски: toujour.

— Господа,—сказалъ прокуроръ республики, пристально разсматривая насъ въ лорнетъ,—прошу васъ держать это въ полнѣйшей тайнѣ. Если вы только проговоритесь хоть однимъ словомъ, то это можетъ имѣть самыя тяжелыя послѣдствія. Можетъ быть, это преступленіе имѣетъ анархическій характеръ. Дѣло принимаетъ совершенно неожиданный оборотъ. Очевидно, тутъ совершено преступленіе.

— Ахъ, чортъ возми!—произнесъ министръ.—А вѣдь дѣло пахнетъ скверно, не такъ ли, Вально? Можетъ быть, слѣдуетъ предупредить сейчасъ же президента совѣта министровъ...

— Генералъ, это обязанность секретаря префекта полиціи.

Видя, какой оборотъ начинаетъ принимать дѣло, и не ожидая конца слѣдствія, онъ сѣлъ въ карету и приказалъ везти себя въ Бово.

— Первое дѣло, это помѣшать прессѣ начать говорить глупости. Такъ какъ мы не въ ладахъ съ иностранными агентами,—потому что къ работамъ Тремона относились въ Европѣ подозрительно,—то намъ необходимо, не предупреждая никого заранѣе, всѣми силами постараться разыскать виновниковъ этого ужаснаго преступленія.

— Этого же мнѣнія и мы придерживаемся, дорогой генералъ, и распорядились надлежащимъ образомъ. Надо было

непремѣнно направить общественное мнѣніе на ложный слѣдъ; вѣдь послѣ такого неожиданнаго событія послѣдуютъ разные пересуды. Мы всѣми силами стараемся внушить печати, что генералъ Тремонъ былъ большой оригиналъ, что онъ занимался, ради любви къ наукѣ, разными химическими изслѣдованіями и эта страсть стоила ему жизни.

— Бѣдный Тремонъ! Такой серьезный и честный ученый труженикъ! Но интересы государства должны стоять впереди всего, хотя довольно жестоко способствовать распространенію сплетень и клеветы насчетъ нашего славнаго стараго товарища.

— Генералъ,—съ улыбкой перебилъ полковникъ Вально,— не спѣшите печалиться; подождите послѣдствій и я увѣренъ, что они не замедлятъ ослабить ваши сожалѣнія.

— Что́ же вы предполагаете?—спросилъ генералъ жостко, какъ истый солдатъ, грозно сдвигая брови.—Вѣдь не начнете же вы говорить мнѣ дурное о моемъ другѣ дѣтства, товарищѣ по войнѣ?

— Сохрани меня Боже! Я ограничусь только тѣмъ, что изложу дѣло, вами порученное, какъ оно есть. Если докладъ мой не понравится, то, вѣроятно, вы не будете винить меня за это; вѣдь я знаю, что вы слишкомъ справедливы.

— Но что́ же значатъ эти предупрежденія? Говорите до конца и не стѣсняйтесь, полковникъ.

— Это я и намѣреваюсь сдѣлать, генералъ. Итакъ, секретарь префектуры отправился къ министру внутреннихъ дѣлъ, чтобы сообщить ему о случившейся катастрофѣ, какъ вдругъ послышался шумъ и гвалтъ со стороны деревни. Раздались крики. Уже лейтенантъ хотѣлъ поѣхать и узнать, что́ тамъ произошло, какъ вдругъ, сквозь линію часовыхъ, продрался человѣкъ съ обнаженной головой и съ искаженнымъ лицомъ: онъ подбѣжалъ къ намъ, испуская отчаянные крики:

— О, мой господинъ! мой генералъ! Боже! что́ это случилось съ нашимъ домомъ? Камня на камнѣ не осталось!— Тутъ онъ остановился, упалъ на обломки и горько зарыдалъ. Мы молча смотрѣли на него, тронутые его горемъ, потрясенные его словами и полные предчувствія, что сейчасъ передъ нами разсѣется мракъ, который насъ окружаетъ.—Кто вы такой, мой другъ?—спросилъ его прокуроръ республики.

Неизвѣстный человѣкъ поднялъ голову, провелъ рукой по глазамъ, чтобы смахнуть слезы, и передъ нами появилась рѣшительная, умная физіономія. — Чистильщикъ платьевъ и сапогъ генерала, сударь,—его слуга въ продолженіе двадцати лѣтъ. Ахъ, еслибъ я былъ тамъ, то, можетъ быть, этого несчастія не случилось бы, или, по крайней мѣрѣ, я умеръ бы вмѣстѣ съ нимъ.

— Это Бодуэнъ!—вскричалъ министръ.—Славный малый избѣжалъ участи общей со своимъ бариномъ! Ахъ, какъ это хорошо... черезъ него можно разузнать кое-что.

— Да, генералъ, но это нѣчто — все таки не то, что̀ могло бы пролить окончательный свѣтъ на это темное дѣло. Напротивъ!..

— Какъ такъ напротивъ?..

— Судите сами. Наканунѣ, около шести часовъ, генералъ Тремонъ былъ въ своемъ саду, прогуливаясь послѣ цѣлаго утра работы, когда ему поданъ былъ голубой конвертикъ телеграфистомъ изъ Ванва. Онъ прочелъ его, глубоко задумался, опустивъ голову на грудь, затѣмъ позвалъ Бодуэна.—Поѣзжай въ Парижъ,—сказалъ онъ ему,—у меня есть спѣшный заказъ въ химическій складъ на площади Сорбонны. Ты отдашь продавцу это письмо, затѣмъ пойдешь къ г. Барадье и передашь ему мой поклонъ. Затѣмъ, послѣ обѣда, у тебя останется свободный вечеръ и ты можешь сходить въ театръ; вотъ тебѣ сто су, чтобы уплатить за мѣсто. Затѣмъ, завтра утромъ ты вернешься отдать отчетъ въ моемъ порученіи. — Бодуэнъ отлично понялъ, что генералъ просто хочетъ удалить его изъ дому на полсутки, и былъ этимъ очень недоволенъ, потому что это повторялось уже нѣсколько разъ и все при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ: получался маленькій голубой пакетъ и тотчасъ же слѣдовало очистить мѣсто. Однако, кухарку генералъ не увольнялъ, очевидно стѣсняясь ея меньше, чѣмъ своего лакея, потому что эта женщина обыкновенно ложилась спать очень рано и ея присутствіе мало требовалось. Значитъ, у генерала появлялась періодически потребность оставаться совершенно одному. А, между тѣмъ, онъ удалялъ слугу, которому могъ вполнѣ довѣриться. Почему? Вотъ что̀ возбуждало особенное неудовольствіе Бодуэна. Однажды

баринъ замѣтилъ это и спросилъ его: — Что тамъ такое? Развѣ тебѣ не нравится ѣздить въ Парижъ? Развѣ тебѣ не хочется повеселиться? — Я не столько думаю о своихъ удовольствіяхъ, сколько о моей службѣ, — сказалъ Бодуэнъ. — Ну, такъ вѣдь ты же исполняешь свою службу, когда ѣздишь по моимъ порученіямъ за химическими продуктами и къ господину Барадье. И затѣмъ довольно! Ты мнѣ нуженъ завтра утромъ, а не сегодня вечеромъ. — Слушаю-съ, генералъ!

Но Бодуэнъ вовсе не чувствовалъ себя хорошо и глухое безпокойство охватывало его. И вотъ онъ отправился какъ-то къ кухаркѣ, спрашивая ее:

— Что произошло безъ меня въ послѣдній вечеръ? Обѣдалъ ли генералъ, какъ обыкновенно? Сидѣлъ ли онъ, запершись, въ своемъ кабинетѣ, или былъ въ саду? Рано ли онъ легъ спать? Не замѣтно ли было чего нибудь особеннаго? Но служанка объявила, что ничего не знаетъ, и даже была очень удивлена его разспросами. Онъ увидалъ, что она—за сто тысячъ верстъ отъ всякихъ подозрѣній, и больше не настаивалъ. Но на этотъ разъ онъ рѣшилъ про себя ослушаться генерала, притворившись, что ушелъ, и откуда нибудь выслѣдить, что такое происходитъ у генерала и почему его присутствіе можетъ стѣснять. Была прелестная погода. Ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка. Множество розъ распространяли свое благоуханіе. Бодуэнъ одѣлся, отправился доложить барину, что готовъ уже къ отъѣзду, взялъ отъ него записку съ перечнемъ различныхъ покупокъ у продавца химическаго склада; затѣмъ выслушалъ приказаніе справиться о здоровьѣ господина Барадье и отправился въ путь. Онъ доѣхалъ до желѣзной дороги, пообѣдалъ на станціи, и, когда уже наступила ночь, подошелъ къ дому своего барина. Онъ не посмѣлъ войти въ садъ, боясь быть замѣченнымъ генераломъ, а проникнулъ къ своему пріятелю-огороднику и спрятался въ маленькомъ шалашикѣ, гдѣ складывались хозяйственные инструменты.

«Оттуда ему было видно все, что происходило въ виллѣ генерала. Онъ усѣлся, закурилъ трубку и сталъ ждать. Было около восьми часовъ, когда со стороны дороги послышалось громыханье катившей сюда кареты. Бодуэнъ сталъ смотрѣть

изъ своей засады черезъ заборъ во всѣ глаза. При свѣтѣ фонарей, онъ увидалъ барскую каретку, запряженную двумя лошадьми. Предчувствіе подсказало ему, что въ этой кареткѣ ѣдетъ тотъ, или тѣ, кого ожидаетъ къ себѣ генералъ. Онъ быстро подбѣжалъ къ стѣнѣ виллы, какъ разъ къ тому времени, когда экипажъ остановился у подъѣзда. Но онъ выслѣживалъ каретку не одинъ; какъ только лошади стали, въ темнотѣ ночи вырѣзалась высокая фигура генерала. Затѣмъ чья-то рука нетерпѣливымъ жестомъ откинула дверцу экипажа и послышался мужской голосъ, спрашивавшій съ иностраннымъ акцентомъ:

«— Ахъ, генералъ! Вы все сами безпокоитесь и уже ждете насъ... На это г. де-Тремонъ только спросилъ: — Баронесса тамъ?

«— Конечно,—отвѣчалъ женскій голосъ,—можете ли вы въ этомъ сомнѣваться?—Мужчина вышелъ первымъ изъ экипажа; но генералъ не допустилъ его помочь выйти спутницѣ; онъ кинулся къ ней съ живостью любовника, который принимаетъ къ себѣ возлюбленную, и, вынувъ ее почти на рукахъ, пылко вскричалъ:

«— Не бойтесь ничего, сударыня; никто васъ тутъ не увидитъ. — Ея спутникъ проговорилъ гортаннымъ голосомъ, съ грубымъ смѣхомъ: —не безпокойтесь обо мнѣ, я весь вашъ...— и всѣ трое скрылись въ саду. Пораженный до глубины души Бодуэнъ поспѣшно приставилъ къ стѣнѣ лѣстницу, находящуюся здѣсь. Когда онъ могъ увидать садъ своего господина, то разсмотрѣлъ, что аллеи были пусты, но большое окно, выходящее изъ лабораторіи, свѣтилось въ темнотѣ. Честный малый говорилъ себѣ: «Что дѣлать? войти въ домъ? шпіонить за моимъ генераломъ? Ослушаться его приказаній? И зачѣмъ? Развѣ онъ не можетъ принимать, кого ему угодно! Что такое я вообразилъ? Развѣ станетъ онъ принимать у себя подозрительныхъ людей? Карета ихъ ждетъ, и это служитъ доказательствомъ, что они останутся тутъ недолго и скоро вернутся въ Парижъ. Значитъ, я совершенно напрасно не послушался генерала, и теперь мнѣ остается исполнить какъ можно скорѣе его приказаніе».

— Онъ сошелъ съ лѣстницы, дошелъ до забора, перепрыгнулъ черезъ ограду и поспѣшилъ на желѣзную дорогу. Съ

точностью исполнилъ онъ инструкціи, данныя ему генераломъ и утромъ поторопился вернуться домой... чтобы увидать однѣ развалины, оставшіяся отъ всего имущества генерала, погибшаго во время катастрофы.

Полковникъ Вально замолчалъ. Въ кабинетѣ министра наступило глубокое молчаніе, нарушаемое только пѣніемъ птичекъ, доносившимся сюда съ большихъ деревьевъ. Старый солдатъ стоялъ, облокотившись рукой о свое бюро, и глубоко задумался; затѣмъ испустилъ тяжелый вздохъ.

— Вотъ что, по истинѣ, изумительно. Но тутъ же, безъ сомнѣнія, находится ключъ къ разрѣшенію загадки. Что значитъ это таинственное посѣщеніе генерала Тремона среди ночи съ такими предосторожностями, и какъ разъ наканунѣ разыгравшейся катастрофы? Что это за мужчина съ иностраннымъ акцентомъ и его спутница? Кто отвѣтитъ намъ на это? Имѣемъ ли мы передъ собой простую случайность, или преступленіе? А если тутъ замѣшано преступленіе, то какое?

Онъ поднялся и сталъ задумчиво ходить отъ бюро къ окну и обратно; затѣмъ опять усѣлся и взглянулъ на полковника.

— Затѣмъ, Вально, что произошло послѣ разсказа этого добраго малаго? Что сдѣлали дальше?

— Было послано за небольшимъ отрядомъ солдатъ, которые подъ присмотромъ полиціи убрали щебень и мусоръ, но ничего больше не нашли. За исключеніемъ единственной уцѣлѣвшей части стѣны, не осталось и камня на камнѣ. Однако, по прошествіи двухъ часовъ изслѣдованія въ обломкахъ, солдаты нашли желѣзный сундучокъ съ развинченными шолнерами, странно истыканный тысячами дырочекъ, точно его кто-то методически просверливалъ буравчикомъ.

— Ахъ, это просто дѣйствіе взрыва, — перебилъ министръ.—Но на этотъ сундучокъ слѣдовало бы обратить особое вниманіе. Что же, разсмотрѣли его содержимое?

— Онъ былъ врученъ прокурору.

Надо посмотрѣть, не придется ли намъ вытребовать его, чтобы изслѣдовать причины разрушенія. Но кончайте ваши донесенія. Что же сталось съ каретой, которая стояла у виллы?

— Карета, должно быть, уѣхала до катастрофы. Послѣ

нея не осталось по дорогѣ около виллы ни малѣйшихъ слѣдовъ. Когда же спросили акцизныхъ чиновниковъ, то они отвѣтили, что около одиннадцати часовъ какая-то каретка, запряженная двумя лошадьми, въѣхала въ Парижъ. Приставъ вспомнилъ, что, при опросѣ кареты, ему откликнулся изъ нея женскій голосъ. Что же касается до портовой стражи, то она заявила, что видѣла карету въ три часа утра.

— Значитъ, человѣкъ съ иностраннымъ акцентомъ не поѣхалъ обратно въ каретѣ? Значитъ, онъ остался?

— Очевидно.

— Но вы въ этомъ не увѣрены?

— Я не дождался конца слѣдствія, и поскорѣе отправился извѣстить васъ о томъ, что мнѣ удалось узнать, оставивъ тамъ моего агента, которому отдалъ приказаніе сейчасъ же пріѣхать въ министерство по окончаніи слѣдствія.

— Но онъ, можетъ быть, уже здѣсь? Позвоните-ка!

Полковникъ Вально нажалъ пуговку звонка. Появился курьеръ.

— Что Лафорэ вернулся?

— Онъ только что пріѣхалъ.

— Позовите его сюда.

Въ комнату вошелъ агентъ, глухо кашляя. Онъ плотно притворилъ за собою дверь. Это былъ вооруженный съ ногъ до головы человѣкъ съ воинственной посадкой головы.

Министръ съ минуту пристально смотрѣлъ на храброе и открытое лицо этого человѣка, затѣмъ кратко спросилъ:

— Полковникъ Вально только что разсказалъ мнѣ обо всемъ, что произошло со времени его отъѣзда изъ Ванва. Дополните его разсказъ тѣмъ, что вамъ удалось еще узнать въ его отсутствіе. Садитесь, Вально.

— Господинъ министръ, сейчасъ я объявлю вамъ самое главное: тѣло генерала Тремона найдено!

— Въ развалинахъ? — спросилъ полковникъ.

— Нѣтъ, въ саду. Сначала всѣ занялись домомъ и его развалинами, но затѣмъ, по изслѣдованіи ограды, возлѣ маленькой входной калитки, нашли трупъ генерала.

— Какъ, неужели взрывъ достигъ до того мѣста?

— Тѣло генерала было поражено не взрывомъ. Онъ палъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, отъ удара ножемъ въ лѣвую клю-

чицу. Генералъ уже умеръ, когда взорвало домъ, и, очевидно, взрывъ былъ произведенъ тѣмъ же самымъ убійцей.

— Человѣкомъ съ иностраннымъ акцентомъ? Спутникомъ той самой посѣтительницы, которую генералъ назвалъ «баронессой»?

Агентъ не сразу отвѣтилъ на эти вопросы, произнесенные возбужденнымъ тономъ. Съ минуту онъ размышлялъ, а затѣмъ сказалъ:

— Да, тѣмъ самымъ, который оставилъ свою руку въ развалинахъ виллы и, взломавъ сундукъ, какимъ-то чудомъ избѣжалъ смерти. Гансъ — это и есть его имя.

— Но почему думаете вы, что онъ избавился отъ смерти?—спросилъ министръ.

— Потому что я нашелъ его слѣды за садомъ; онъ полилъ весь свой путь кровью. Надо предполагать, что этотъ человѣкъ обладаетъ страшной энергіей, если онъ съумѣлъ спастись въ такомъ изувѣченномъ видѣ, пройдя такимъ образомъ всѣ поля, и затѣмъ, въ телѣгѣ какого нибудь огородника или сборщика грибовъ, добрался до Парижа. Но объ этомъ будетъ сдѣлана побочная справка, и мы отыщемъ слѣдъ.

— Значитъ, по вашему, — началъ министръ, — генерала убилъ человѣкъ, пріѣзжавшій къ нему съ женщиной.

— Да, господинъ министръ, и очень вѣроятно, что убили его въ то самое время, какъ онъ провожалъ ихъ до кареты. Ударъ, судя по всему, былъ нанесенъ въ двухъ шагахъ отъ дверцы кареты. На пескѣ видны слѣды борьбы, послѣ которой тѣло генерала было протащено и положено за кусты. Слѣды ногъ обозначились очень явственно. Женщина, можетъ быть, даже помогала. Во всякомъ случаѣ, она уѣхала, совершивъ убійство; а человѣкъ, сопровождавшій ее, остался. Онъ вынулъ у генерала ключи, которые тотъ всегда носилъ при себѣ и которыхъ не могли найти. Затѣмъ, чтобы придать преступленію видъ грабежа, онъ взялъ у генерала его часы, портфель, и затѣмъ уже отправился въ виллу, въ лабораторію, потому что она-то ему и была нужна главнымъ образомъ.

— Какъ вы можете это знать?

— Благодаря тому же лакею Бодуэну. Однажды, когда онъ приводилъ въ порядокъ кабинетъ генерала, то случайно

услыхалъ, какъ тотъ, спускаясь изъ лабораторіи, бормоталъ, съ торжествомъ потирая руки:

«Ну, на этотъ разъ удачно, теперь посмотримъ, что скажетъ Гансъ».

Между прочимъ, генералъ ретиво работалъ надъ какимъ-то опытомъ въ продолженіе цѣлой недѣли; онъ ждалъ отъ этого опыта громадныхъ результатовъ и нѣсколько разъ удалялъ на ночь лакея, чтобы принять своихъ таинственныхъ посѣтителей.

— Хорошо, допустимъ, что сообщаемое вами справедливо относительно того мужчины, но какую же роль могла играть тутъ женщина? — спросилъ министръ.

— О, тутъ, господинъ министръ, дѣло совсѣмъ ясно. Существуютъ неопровержимыя доказательства и разныя примѣты. Очевидно генералъ Тремонъ, склонность котораго къ женщинамъ была хорошо извѣстна, сдѣлался жертвой своей сердечной слабости... Я не знаю, какого рода опыты производилъ генералъ въ своей лабораторіи, но объ его работахъ говорилось очень много во всѣхъ газетахъ. Онъ былъ членомъ академіи наукъ и за нимъ утвердилась репутація ученаго... Допустимъ, что генералъ сдѣлалъ открытіе очень важное для будущаго европейскихъ войнъ и что кто нибудь другой захотѣлъ похитить у него это открытіе въ свою собственную пользу. Развѣ намъ неизвѣстно, что женщины въ нашей странѣ часто играютъ политическую роль? Генералъ, не смотря на свои года, оставался слишкомъ галантенъ къ женщинамъ. Ему подсовываютъ молоденькую, хорошенькую, умную женщину. Конечно, онъ ее встрѣчаетъ какъ бы случайно; объ этомъ постарались. Но за этой дамой присматриваютъ; она должна дѣйствовать съ чрезвычайною осторожностью, и потому отказывается принимать своего обожателя у себя. Ей надо бывать у него. Подвертывается услужливый другъ или родственникъ, который беретъ на себя роль защитника и сопровождаетъ красавицу на свиданія, чтобъ предохранить ее отъ разныхъ случайностей. Пока старичокъ изощряется въ любезностяхъ, добровольный компаньонъ тщательно все разсматриваетъ, принимаетъ заранѣе мѣры, ловко выспрашиваетъ и входитъ въ довѣріе того, кому оказалъ услугу. Любовь усыпляетъ всякія опасенія... Нѣжная улыбка и обольститель-

ные взгляды вызываютъ на неосторожность... И вотъ, въ одну прекрасную ночь, генералъ приходитъ къ блистательнымъ результатамъ со своимъ опытомъ. Тутъ его какъ разъ посѣщаетъ таинственная парочка; женщина пробуетъ выпытать секретъ, но ей это не удается; тогда приходитъ на помощь мужчина— и вотъ начинается борьба. Генералъ падаетъ подъ ударомъ кинжала. Сообщница убѣгаетъ. Убійца возвращается съ ключами, роется въ лабораторіи и пробуетъ открыть шкатулку, въ которой находятся драгоцѣнныя произведенія науки. Но судьба жестоко мститъ убійцѣ. Онъ неловко обращается съ порохомъ; слѣдуетъ страшный взрывъ, и сразу уничтожаетъ и великое открытіе, и того, кто пробовалъ имъ преступно воспользоваться. Вотъ, господинъ министръ, какимъ образомъ я представляю себѣ происшедшія событія. Но я не настаиваю на этомъ; можетъ быть, это одно предположеніе. Но никакому сомнѣнію не подлежитъ, что генералъ Тремонъ былъ убитъ, и что убійцей былъ кто нибудь изъ ночныхъ посѣтителей виллы. Имя одного изъ нихъ — Гансъ — намъ уже извѣстно.

Министръ и полковникъ Вально молча глядѣли нѣсколько минутъ другъ на друга; затѣмъ министръ сказалъ агенту:

— Благодарю васъ. Оставьте на время, до новыхъ приказаній, все это дѣло, которое находится въ рукахъ гражданскаго правосудія. Когда будетъ нужно, я васъ позову. Идите. И ни слова, кому бы то ни было.

Агентъ Лафорэ откланивается по военному, и съ той же спокойной осторожностью выходитъ изъ министерскаго кабинета. Сзади него остаются оба начальника, глубоко задумавшись надъ перипетіями этой драмы, которая въ матеріальномъ отношеніи становилась для нихъ ясной, но представлялась совершенно непроницаемой въ нравственномъ смыслѣ. Предосторожности, предпринятыя обоими сообщниками, были такъ ловко обставлены, что, повидимому, не было никакой возможности добраться до истины. Оставалась одна надежда: по оторванной рукѣ найти гдѣ нибудь въ дорогѣ раненаго преступника. Надо спросить сельчанъ, разныхъ рыночныхъ торговцевъ, и, можетъ быть, удастся найти этого человѣка. Вся полиція на ногахъ и пущены въ ходъ ея лучшія силы.

— Ахъ, этотъ загадочный Тремонъ!—сказалъ министръ.— Знаете ли, Вально, вѣдь онъ былъ старше меня. Онъ вышелъ

въ отставку въ чинѣ бригаднаго генерала, чтобы свободнѣе предаться своимъ научнымъ изслѣдованіямъ, и все потому, что сильно нуждался въ деньгахъ. Трудно себѣ представить, какой бичъ представляетъ для всякаго офицера женщина! Не гнушаются никакими средствами, добиваются денегъ, всякихъ чиновъ,—отъ лейтенанта до генерала,—и все это ради женщины.

— Да, женщины играютъ тутъ большую роль, — сказалъ полковникъ Вально. — И вотъ, съ этого пункта, мы позаймемся, генералъ, моральной стороной совершившейся драмы, что̀ я вамъ и предлагалъ уже въ началѣ моего рапорта. Интересно знать, при какихъ условіяхъ произошло все это. Вещественная сторона на лицо; остается неразъясненнымъ моральный смыслъ.

— Э, чортъ возьми! Это-то и есть главная сторона всего дѣла. Я понимаю вашу мысль... Вы усматриваете въ этомъ дѣлѣ нѣчто бо̀льшее, чѣмъ обыкновенное преступленіе. Вы предполагаете разныя спеціальныя махинаціи, очень ловкія, тонко отдѣланныя въ малѣйшихъ деталяхъ и въ то же время крайне опасныя...

— Да, генералъ, и вотъ почему наши руки не могутъ еще вполнѣ свободно дѣйствовать, чтобы доискаться до настоящаго повода къ убійству. Насъ можетъ стѣснять дипломатія, политика, и часто неожиданное соучастіе лицъ, замѣшанныхъ въ преступленіи. Мы должны дѣйствовать крайне осторожно, и даже притвориться, что мы готовы отступить. Хотите, я вамъ перечислю всѣ дѣла, которыхъ мы не могли привести къ концу въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ?

— Потому что шпіоны намъ измѣняли?

— Да, дорогой генералъ.

— Это безполезно. Я слишкомъ хорошо освѣдомленъ насчетъ положенія вещей, чтобы сомнѣваться насчетъ того, чѣмъ вы владѣете въ архива̀хъ. Сколько времени находитесь вы въ министерствѣ?

— Генералъ, я провелъ въ немъ десять лѣтъ, занимая разные по́сты, прерываемые періодами полковой службы. Мнѣ знакома всякаго рода служба. Насъ не переставали эксплуатировать иностранцы съ ловкостью, смѣлостью и предусмотрительностью, объ которыя разбивались всѣ наши старанія. И

всегда самыми ловкими увертками отличались женщины. Поэтому, какъ только лакей генерала Тремона заикнулся объ ночной посѣтительницѣ, я сейчасъ же сталъ насторожѣ...

— Объяснитесь, прошу васъ.

— Генералъ, я подозрѣваю, что эта таинственная женщина, оставляющая за собой кровь и развалины, уже не въ первый разъ заставляетъ насъ заниматься собой. Въ этомъ я готовъ поклясться. Ея манера дѣйствовать — всегда одна и таже; она останавливаетъ свой выборъ на человѣкѣ, обладающемъ какой нибудь важной тайной; она его соблазняетъ, влюбляетъ въ себя до безумія, до тѣхъ поръ пока не удастся его провести. Затѣмъ она его бросаетъ, какъ стѣснительную обузу. Насколько я могу судить по результатамъ ея дѣятельности, это—ужасное созданіе, могущественная соблазнительница. Ни одно сердце не можетъ устоять противъ ея искушенія. Она отлично умѣетъ распредѣлять дозы своего любовнаго яда, и самый благородный умъ, самая непоколебимая совѣсть, самое твердое мужество склоняются по малѣйшему ея знаку. Помните несчастнаго командира Коменжа, который покончилъ съ собой въ одинъ прекрасный вечеръ выстрѣломъ въ високъ, да такъ никто и не узналъ почему? Опять замѣшалась женщина, и Коменжъ оказался ея покорнымъ слугой. А, между тѣмъ, нѣкоторая часть нашей мобилизаціи стала извѣстна... До своего самоубійства, Коменжъ клялся, что документы были у него выкрадены въ то время, какъ онъ находился у этой женщины. Онъ имѣлъ неосторожность уносить ихъ съ собой, чтобы работать тамъ у нея... Бѣдный мальчикъ вѣрилъ своей любовницѣ. Это былъ чрезвычайно честный человѣкъ и храбрый солдатъ. Дѣло кончилось выстрѣломъ изъ пистолета...

— А какъ звали женщину?

— M-me Ферранти... Свои посѣщенія Коменжа она окружала величайшими предосторожностями, подъ предлогомъ семейныхъ обстоятельствъ. Однако, одинъ изъ нашихъ агентовъ узналъ ее. Но, спустя шесть мѣсяцевъ послѣ того, онъ умеръ отъ одной случайности. Однажды вечеромъ онъ ѣхалъ на имперіалѣ конки, возвращаясь изъ Отейля, и его нашли убитымъ подъ тунелемъ... Вѣроятно, онъ какъ нибудь неловко высунулъ голову,—такъ, по крайней мѣрѣ, всѣ подумали.

— Фу ты!

— Затѣмъ, въ слѣдующемъ году капитанъ Фонтенель, прелестный мальчикъ, котораго всѣ мы ужасно любили, былъ такъ завлеченъ какой-то женщиной, которую его товарищи прозвали «таинственной»,—потому что никто ея никогда не видалъ,—что выдалъ ей тайну шифра... Но, сознавъ важность своей ошибки, онъ сообщилъ своему начальнику, поспѣшившему исправить ошибку. Капитанъ Фонтенель отправился въ Тонкинъ и храбро погибъ во время аттаки, то есть онъ искупилъ свой грѣхъ.

— И вездѣ дѣйствовала все одна и та же женщина?

— Таково было общее мнѣніе. М-me Ферранти Коменжа была та же «таинственная» любовница Фонтенеля. И всегда за ней остаются развалины, слезы и кровь...

— Съ какихъ же поръ ведетъ она свою комерцію?

— Генералъ, я думаю, что это продолжается уже лѣтъ десять. Скрываясь подъ разными личинами, она остается неуязвимой.

— Вотъ такъ ловкая негодяйка! Слѣдовало бы постараться ее щипнуть.

— Ну, это не такъ-то легко! Разъ ея ударъ нанесенъ, она точно канетъ въ воду и совершенно исчезаетъ. Это угорь, который вползаетъ въ тину и остается тамъ до тѣхъ поръ, пока вода не сдѣлается совершенно спокойной. Она всегда устраиваетъ свои дѣла такъ, чтобъ устранить съ жизненнаго пути всѣхъ сообщниковъ своего преступленія. Это ея всегдашняя манера. Вы увидите сами: и въ этомъ новомъ дѣлѣ мы будемъ толочь воду въ ступѣ; нѣкоторое время, всѣ будутъ искать, но напрасно, — все равно не найдутъ ни одного признака. Сообщники будутъ погребены, какъ и главный зачинщикъ. Мало-по-малу поиски ослабѣютъ и всѣ займутся другими дѣлами. Вотъ, чѣмъ обыкновенно это кончается, если только...

— Если только? Что же? договаривайте! Значитъ, у васъ все таки есть надежда?

— Если только на этотъ разъ не поможетъ намъ напасть на слѣдъ раненый сообщникъ. У насъ есть въ рукахъ нить, и клянусь вамъ, дорогой генералъ, что я постараюсь добраться до клубка,—надо же добиться какихъ нибудь результатовъ и отомстить за нашихъ бѣдныхъ товарищей!

— А еще болѣе для того, чтобы предупредить возможность повторенія подобныхъ случаевъ, потому что, въ концѣ концовъ, это ужь слишкомъ, если иностранцамъ будутъ извѣстны всѣ наши секреты, какъ будто бы мы кричали объ нихъ съ площади.

— Но вѣдь и намъ извѣстны ихъ секреты, генералъ,— замѣтилъ полковникъ Вально съ прояснившимся лицомъ.—Въ сущности вѣдь мы не остаемся въ долгу другъ у друга. И всегда такъ было. Въ то время какъ Россія, въ 1812 году, доставала свѣдѣнія о положеніи войскъ императора, Коленкуръ присылалъ Наполеону мѣдныя доски, на которыхъ была вырѣзана карта Россіи. Въ концѣ концовъ наши секреты— плохіе секреты, дорогой генералъ. И еслибъ во время войны были заняты только сохраненіемъ тайны...

— Прежде всего слѣдовало бы устранить печать,—проворчалъ министръ.

— Но это невозможно!—возразилъ Вально.—Въ настоящемъ случаѣ, мы должны главнымъ образомъ позаботиться объ общественной безопасности, и сдѣлать все, чтобы добиться благихъ результатовъ...

— Э! теперь ужь наступаетъ дѣло правосудія.

— Но, генералъ, намъ слѣдуетъ оставаться нѣкоторое время въ тѣни и соблюдать секретъ...

— На все это скажу вамъ только, что военные, кажется, некстати галантны,—сердито воскликнулъ генералъ.

— Генералъ,—возразилъ со смѣхомъ Вально, — если вы знаете средство устроить все это лучше, то научите меня.

— И какъ только вспомню я этого старика де-Тремона! Въ шестьдесятъ-то лѣтъ! Правда, что на видъ ему нельзя было дать больше пятидесяти. Въ какое положеніе поставилъ онъ свою бѣдную дочь?

— А генералъ де-Тремонъ былъ вдовецъ?

— О, ужь давно! Это только и можетъ служить ему извиненіемъ. Но у него есть дочь, которая находится въ монастырѣ. Ей 18 лѣтъ и у нея нѣтъ никакого приданаго. Къ счастью, Барадье тамъ.

— Это тотъ Барадье банкиръ?

— Да, онъ самый. Это старый вояка 1870 года, славный патріотъ, могу вамъ за него поручиться.

— У него есть сынъ Марсель, очень милый мальчикъ, окончившій центральную школу, который работалъ съ генераломъ де-Тремономъ. Очень можетъ быть, что генералъ научилъ его разнымъ работамъ, происходившимъ въ лабораторіи. Я думаю, что у этого молодаго человѣка можно научиться многимъ вещамъ.

— Они очень богаты, эти Барадье?

— Очень богаты. Состояніе ихъ увеличивается съ каждымъ днемъ, благодаря изворотливости. Вѣдь у Барадье-отца есть фабрики шерстяныхъ тканей въ Обѣ. Граффъ, шуринъ Барадье, пайщикъ компаніи, занятъ больше банковыми операціями, а Барадье—своими фабриками. Но оба они съ ранняго утра за работой, и милліоны растутъ, не смотря на конкурренцію фирмы Лихтенбаха, которая осыпаетъ всякою бранью банкирскій домъ Барадье-Граффа.

— Торговое соревнованіе?

— О! больше этого. Личная ненависть, которая зашла очень далеко. Поговариваютъ, что Лихтенбахъ хотѣлъ жениться на мамзель Граффъ, и что онъ не могъ никогда переварить тотъ афронтъ, который ему приподнесъ Граффъ, отказавъ въ рукѣ сестры и выдавъ замужъ за своего друга Барадье. Между обоими семействами произошло столько ссоръ и накопилось столько вражды, что отношенія ихъ сдѣлались непримиримыми.

— Такъ не усматриваете ли вы, генералъ, какой нибудь связи между этой враждой и смертью генерала де-Тремона?

— Ни въ какомъ случаѣ. Лихтенбахъ очень практиченъ, притомъ онъ ярый католикъ, и я не считаю его способнымъ на преступленіе. Насколько я знаю, такія крайнія мѣры не въ его характерѣ. Да и къ тому же, что̀ ему за дѣло до того, будетъ ли генералъ де-Тремонъ живъ, или умретъ?

— Но, можетъ быть, научныя изслѣдованія генерала моглѝ серьезно заинтересовать фирму Лихтенбаха?

— Безъ сомнѣнія. Но мнѣ тоже хорошо извѣстно, что въ послѣднее время Тремонъ былъ занятъ больше всего изобрѣтеніемъ особаго пороха, страшное дѣйствіе котораго вы могли уже видѣть въ Ванвѣ. Результаты его изслѣдованій могли бы совершенно вытѣснить динамитъ; въ этомъ состояла карьера Тремона, и онъ это хорошо зналъ... Но все это,

мой другъ, исчезло подъ развалинами... и генералъ унесъ съ собой въ могилу свою тайну.

— Если онъ только не посвятилъ въ свой секретъ сына г. Барадье.

— Чортъ побери! А вѣдь это было бы крайне интересно узнать.

Пробило три часа. Министръ поднялся и взялъ свою шляпу, перчатки и палку.

— Вы уѣзжаете, генералъ?

— Да, я отправляюсь къ Барадье, чтобы потолковать съ нимъ обо всѣхъ этихъ дѣлахъ. Г-жа Барадье всегда очень интересовалась участью мамзель де-Тремонъ; и я хочу лично выразить милой дѣвочкѣ мои сожалѣнія; я очень любилъ ея отца. Это былъ мой товарищъ по производству. Мы съ нимъ участвовали въ одной кампаніи въ Мексикѣ и на Луарѣ, и при отступленіи Тремонъ спасъ насъ всѣхъ удивительной атакой задней позиціи, заставивъ пруссаковъ отступить передъ своимъ натискомъ. Это былъ храбрый солдатъ. И—чортъ возьми!—ужь, конечно, лучше всего было бы умереть ему на полѣ битвѣ. Но, увы, не всякій можетъ выбирать себѣ родъ смерти по своему вкусу! Итакъ, до завтра, Вально... Если узнаете что нибудь новенькое, то протелефонируйте мнѣ...

Полковникъ проводилъ своего начальника до парадной лѣстницы и затѣмъ вернулся въ свою канцелярію.

II.

Въ улицѣ Провансъ, въ серединѣ обширнаго двора, стоялъ уже больше пятидесяти лѣтъ банкирскій домъ Барадье-Граффа. Послѣ войны 1870 года, всѣ привыкли называть это банковое учрежденіе: «обществомъ Эльзасъ-Лотарингія». Даже короче, просто: «Лотарингія». Офиціально ни Барадье, ни Граффъ не признаютъ этого названія, но въ своемъ домашнемъ быту охотно допускаютъ его, и это даже льститъ имъ и очень нравится. Это хорошіе и ревностные патріоты. Никогда еще, со временъ самаго ранняго соединенія своихъ фирмъ, они не возвращались въ Мецъ. Но они не хотѣли продавать ни одного изъ своихъ имуществъ. Можно было подумать, что

они нисколько не сомнѣвались въ томъ, что въ одинъ прекрасный день вернутся на свою родину, какъ люди, слишкомъ долго путешествовавшіе, которые, наконецъ, ищутъ окончательнаго пріюта подъ домашнимъ кровомъ.

Барадье—человѣкъ пятидесяти пяти лѣтъ, высокій, полный, румяный, съ веселыми голубыми глазами. Граффъ высокъ, худощавъ, сильный брюнетъ, безобразенъ, съ длинными волосами, закинутыми за уши. На лицѣ никакой растительности, и онъ составляетъ полную противоположность, въ физическомъ и нравственномъ отношеніи, со своимъ товарищемъ. Барадье — человѣкъ съ большимъ авторитетомъ, практичный, между тѣмъ какъ Граффъ, со своимъ холоднымъ и осторожнымъ видомъ, обладаетъ сильною чувствительностью и душою поэта.

Но, чудеснымъ образомъ, пылкое воображеніе одного умѣрялось осторожностью другаго, и то, что̀ являлось слишкомъ рѣзкимъ и властнымъ у перваго, смягчалось кроткимъ добродушіемъ втораго. Въ финансовомъ мірѣ подобное счастливое несходство очень хорошо извѣстно.

И никогда кліентъ, потерпѣвшій пораженіе у Барадье, не выходилъ изъ дома безъ того, чтобы не завернуть въ кабинетъ къ Граффу и попросить его посредничества, на что́ всегда слышалъ отвѣтъ: «ужь предоставьте дѣло мнѣ; я постараюсь уладить».

И все обыкновенно кончалось къ обоюдному соглашенію. Въ концѣ концовъ, Барадье сталъ дѣлать постоянно такой видъ, какъ будто готовъ все разрушить на своемъ пути, отлично зная, что доставитъ Граффу удовольствіе сгладить всѣ шероховатости. Грубый, но жизнерадостный и веселый Барадье имѣетъ двухъ дѣтей: сына двадцати шести лѣтъ и восемнадцатилѣтнюю дочь; оба прекрасно воспитаны матерью.

Что же касается до сантиментальнаго и унылаго Граффа, то онъ остался холостякомъ.

— Значитъ,—говорилъ веселый Марсель Барадье,—намъ достанется наслѣдство отъ самаго прекраснаго дядюшки.

Но братъ г-жи Барадье любитъ ея дѣтей, какъ своихъ собственныхъ, и всякій разъ, какъ Марсель позволитъ себѣ какую нибудь шалость, онъ немедленно обращается къ дядѣ, чтобы тотъ уладилъ дѣло, а не то папаша «туговатъ на расплату».

У Барадье—отца, къ несчастію, случались несогласія съ сыномъ.

Марсель, родившійся въ роскоши и наслышавшійся съ ранняго дѣтства о солидности своей купеческой фирмы, не всегда утѣшалъ своихъ родителей настолько, чтобы имъ не оставалось ничего желать лучшаго. — Нѣтъ ничего грубѣе денежныхъ дѣлъ,—часто говаривалъ дядя Граффъ.

Вотъ какъ называетъ долги своего племянника скромный и молчаливый банкиръ,—не издерживающій изъ своего бюджета лишней копѣйки иначе, какъ для дѣлъ благотворительности,—котораго молодой Марсель періодически заставлялъ выплачивать свои долги. Когда его племянникъ приходитъ къ нему вечеромъ послѣ обѣда, передъ тѣмъ какъ ѣхать въ свой желѣзно-дорожный клубъ, гдѣ умѣренно играетъ въ бриджъ, то дядюшка Граффъ знаетъ отлично, въ чемъ тутъ дѣло. Онъ принимаетъ самый ужасный видъ, садится глубже въ кресло, затуманеннымъ взоромъ окидываетъ своего немного надоѣдливаго племянника и замогильнымъ голосомъ спрашиваетъ:

— Ну, что еще?

И, въ то время какъ Марсель выкладываетъ свою обыкновенную тему: проигрышъ въ бакара, или бѣшеную страсть къ маленькой блондинкѣ изъ «Варьетэ», которую у него отбиваетъ одинъ богатый иностранецъ,—Граффъ, не слушая ни слова изъ того, что тотъ говоритъ, молча смотритъ на сына своей сестры: какой хорошенькій мальчикъ! И какъ же съ такой наружностью не пошалить? Конечно, всѣ его ищутъ за грацію и живость! Вѣдь ему всего двадцать шесть лѣтъ. Развѣ не вполнѣ натурально, что онъ забавляется? Зачѣмъ же Барадье и Граффъ работаютъ въ своихъ кабинетахъ, выводя огромныя цифры, занимаясь банковыми операціями и учетами векселей; зачѣмъ они занимаются тѣмъ, что происходитъ на лондонской биржѣ, также какъ и въ Берлинѣ, а въ то же время слѣдятъ за биржей въ Парижѣ; зачѣмъ продѣлываютъ они всю эту массу работы, какъ не для того, чтобы этотъ изящный, умный, очаровательный блондинъ пріятно пользовался своимъ временемъ и молодостью, пока они за него работаютъ? Иди же, маленькій Марсель, позабавься, возьми свою долю наслажденія, которымъ твой дядя никогда не вос-

пользовался. Люби хорошенькихъ дѣвочекъ, о которыхъ твой бѣдный дядя всегда только мечталъ въ глубинѣ своей души, жаждалъ соблазнить ихъ, но когда встрѣчался съ ними лицомъ къ лицу, то безпомощно конфузился и убѣгалъ. Катайся на своихъ великолѣпныхъ рысакахъ въ прекрасной коляскѣ, чтобы возбуждать зависть въ сынкахъ самыхъ знатныхъ фамилій. Твои средства, объ увеличеніи которыхъ хлопочетъ банкирскій домъ Барадье, вполнѣ позволяютъ тебѣ это. Но только берегись одного: не слишкомъ увлекайся игрой и разными пари, они часто измѣняютъ тѣмъ, кто къ нимъ безбоязненно прибѣгаетъ. Но не стѣсняйся, мой маленькій принцъ: иди и знай, что дядя глубоко благодаренъ тебѣ за то, что обращаешься къ нему за маленькой услугой.

Но всѣ подобныя размышленія, переполнявшія его сердце, дядя Граффъ хранилъ про себя. Громко же онъ говорилъ съ тѣмъ лотарингскимъ акцентомъ, отъ котораго никогда не могъ освободиться:

— Марсель, ты глупъ! Ты когда нибудь разоришься, благодаря своему мотовству и тысячамъ глупостей. Сынъ Барадье и Граффа не долженъ вести себя такимъ образомъ. Если отецъ прознаетъ о твоихъ проказахъ, то онъ взбѣсится и славно тебя отчитаетъ! Что же мнѣ ему отвѣтить, когда онъ обвинитъ меня за то, что я тебѣ потворствую? И онъ правъ. Я, конечно, поступаю довольно опрометчиво, давая тебѣ деньги, которыми ты такъ злоупотребляешь. Знаешь ли, сколько ты забралъ у меня съ начала года?

— О, дядя, увѣряю васъ, что это уже въ послѣдній разъ!

— У тебя это всегда бываетъ «въ послѣдній разъ»!— возражалъ добрякъ.—Такъ, значитъ, она очень хорошенькая, эта малютка! Раскажи-ка мнѣ объ этомъ.

Тогда Марсель своими восторженными разсказами такъ воспламенялъ сердце стараго холостяка, что получалъ отъ него все, что хотѣлъ.

Однако, дядю Граффа можно было извинить. Если Марсель Барадье иногда и пошаливалъ, зато онъ не неглижировалъ своими занятіями. Прекрасно одаренный умственными способностями, Марсель отлично учился.

Онъ былъ крѣпкій блондинъ, точно созданный на то, чтобы украсить собой любой французскій полкъ. Но онъ не избралъ

военной карьеры. Онъ не соглашался съ генераломъ де-Тремономъ, который хотѣлъ помѣстить его въ политехническую школу и пустить въ артиллерію. Онъ предпочелъ центральную школу и химическую лабораторію генерала. Подъ руководствомъ друга своего отца, онъ сдѣлалъ нѣсколько интересныхъ открытій, относящихся къ минеральнымъ краскамъ, и тѣмъ доставлялъ Барадье удовольствіе разсказывать всѣмъ: «На нашихъ фабрикахъ находятся особыя краски, которыя составляютъ секретъ научныхъ изслѣдованій моего сына».

Эти же самыя слова служили дядѣ Граффу защитою для Марселя въ тѣ дни, когда онъ выслушивалъ порицанія отъ своего отца.

«Ты же самъ знаешь, что твой сынъ замѣчательный человѣкъ, и что мы въ усовершенствованіи нашихъ тканей прямо обязаны ему»! На это Барадье свирѣпо возражалъ:—О! еслибъ онъ захотѣлъ всегда серьезно относиться къ дѣлу... Но этого ему не хватаетъ. Это гуляка, который работаетъ только одинъ мѣсяцъ въ году, а остальные одиннадцать дѣлаетъ лишь глупости!

Однако, съ нѣкоторыхъ поръ Марсель какъ будто остепенился, можетъ быть, благодаря особенно заинтересовавшей его работѣ. Его даже можно было бы назвать вполнѣ домосѣдомъ, потому что онъ пересталъ посѣщать свой клубъ и почти не выходилъ по вечерамъ, за исключеніемъ воскресныхъ дней. Барадье и Граффъ съ удивленіемъ наблюдали за подобнымъ превращеніемъ,—отецъ съ любопытствомъ, а дядя съ безпокойствомъ. Они сообщили объ этомъ генералу, который сказалъ имъ:

— Это, дѣйствительно, замѣчательный юноша; онъ вамъ доставитъ немало непріятностей, но не безпокойтесь: все таки изъ него выдетъ отличный малый. У него большія дарованія. Въ настоящее время онъ страшно занятъ производствомъ красокъ и достигъ уже удивительныхъ результатовъ; предоставьте его самому себѣ—и тогда вы увидите!

Граффъ восторгался шумно, а Барадье — подъ сурдинку. Что же касается самого Марселя, то онъ даже не замѣчалъ волненія родственниковъ. Наконецъ, онъ исчезъ изъ Парижа и около трехъ недѣль прожилъ въ Труа, въ Арской фабрикѣ, запершись въ лабораторіи, и возвращался домой только для

того, чтобы повидаться съ матерью, а затѣмъ отправлялся въ Ванвъ, спѣша сообщить генералу о результатахъ своей работы.

И старый химикъ проводилъ съ молодымъ изобрѣтателемъ восхитительные часы. Они завтракали вмѣстѣ, и генералъ, все еще пылкій сердцемъ, какъ юноша, разсказывалъ своему компаньону по работамъ о своихъ шалостяхъ, прежнихъ и недавнихъ; вывѣдывалъ у своего юнаго друга объ его любовныхъ похожденіяхъ, завидуя втайнѣ молодости и въ то же время любуясь силой и умомъ этого прелестнаго мальчика, также прекрасно созданнаго для ученія, какъ и для удовольствія. Не смотря на проказы Марселя, жизнь Барадье и Граффа протекала бы вполнѣ счастливо, еслибы не ихъ распря съ Лихтенбахомъ. Моисей, хозяинъ банка, былъ сыномъ жида, торговца желѣзомъ въ Пасси. Онъ когда-то учился въ одномъ пансіонѣ, въ Мецѣ, съ Граффомъ. Отецъ-Граффъ, бывшій пивоваромъ, имѣлъ дѣла съ Лихтенбахомъ, «торговцомъ кроличьей кожи», какъ онъ въ шутку называлъ его, и продавалъ ему всю попорченную утварь—и разбитыя кружки, и лопнувшія бочки.

Онъ считалъ его бѣднымъ и любилъ давать ему заработокъ. Жители Меца часто видали, какъ Моисей Лихтенбахъ велъ подъ устцы свою старую сѣрую кобылу, запряженную въ телѣжку, наполненную самымъ разнообразнымъ товаромъ, почти сплошь негоднымъ. Онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ тряпичника en gros, и пользовался всякимъ хламомъ. Онъ покупалъ все очень дешево, но не бралъ ничего даромъ, даже тогда, когда кто нибудь, устыдясь за негодность продаваемой вещи, смущенно говорилъ:

— Эхъ, отецъ Моисей! что тутъ торговаться? берите это въ придачу къ остальному! — Но Моисей отвѣчалъ: — нѣтъ, нѣтъ, всякая вещь чего нибудь да стоитъ. Я плачу, конечно, мало, но все же плачу!

Это дѣлалось какъ будто изъ чувства достоинства. Многіе, пожимая плечами, смѣялись надъ нимъ, думая: «Старый дуралей! Ну, что можно сдѣлать изъ такого хлама»? Но они были не правы. Все имѣло стоимость, — какъ увѣрялъ Моисей,—и въ этомъ всѣ убѣдились, когда, послѣ войны, старый чудакъ покинулъ Мецъ, переѣхалъ въ Парижъ и поселился въ улицѣ Шоссэ д'Антенъ, въ маленькой лавочкѣ, на дверяхъ

которой онъ сдѣлалъ слѣдующую вывѣску: «Лихтенбахъ мѣновщикъ».

Но вотъ одно важное событіе сильно подѣйствовало на судьбу семейства Лихтенбаха, совершенно измѣнивъ ее. Первые пушечные выстрѣлы во время войны, раздавшіеся въ Форбахѣ, послужили для большинства жителей сигналомъ къ выѣзду. Остались въ деревняхъ одни только фермеры и крестьяне, поневолѣ привязанные къ землѣ. Все, что только было въ состояніи скрыться, бѣжало отъ приближавшагося непріятеля. Дороги, со стороны Трувиля, Меца и Вердюна, были запружены телѣгами и стадами. Моисей Лихтенбахъ, въ противоположность убѣгающимъ отъ непріятеля, направился прямо ему навстрѣчу. Онъ прибылъ въ Мецъ съ шестью фургонами и поселился въ маленькой уличкѣ, близь собора, со своей женой и сыномъ Ильею. Его встрѣтили очень дружелюбно. Остряки говорили: «Старикашка Моисей—плутъ. Если Мецъ будетъ осажденъ, то онъ начнетъ покупать осколки нѣмецкихъ гранатъ, и будетъ продолжать свою маленькую комерцію». Но они ошибались. Старое желѣзо теперь уже не интересовало Лихтенбаха. Онъ уѓадывалъ, что большой военный городъ, строго осаждаемый, будетъ отчаянно защищаться; что провіантъ скоро истощится, и тотъ, кто будетъ располагать въ данный моментъ съѣстными припасами, получитъ огромный барышъ, продавая ихъ по дорогой цѣнѣ.

Итакъ, въѣхавъ въ городъ и разгрузивъ свои шесть фургоновъ, онъ заботливо устроилъ свой погребокъ, наполнивъ его водкой, кофеемъ, сахаромъ, окороками и дюжиною бочекъ съ солью. На все это онъ затратилъ половину своего капитальца и терпѣливо ожидалъ дальнѣйшихъ событій.

Вся молодежь приготовилась къ войнѣ. Воинственная кровь загорѣлась во французскихъ сердцахъ, и сынъ Граффа возвращался съ кокардой на шляпѣ, когда встрѣтилъ на площади Илью Лихтенбаха разгуливающимъ съ трубкой въ зубахъ. Сотни разъ, бывало, когда еще Моисей дежурилъ у дверей Граффа, покупая у него старое желѣзо, заячьи шкурки и разный хламъ, двое ребятишекъ играли вмѣстѣ. Маленькій Антуанъ уводилъ юнаго Илью въ садъ и, къ величайшему огорченію госпожи Граффъ, они ощипывали шпалеры зеленаго винограда. Часто играли въ мячъ, и, какъ ни

изощрялся Илья, ему никакъ не удавалось обмѣнять свои стеклянные шары на агатовые шары Антуана Граффа. Это былъ единственный ребенокъ въ городѣ, котораго ему не удавалось эксплуатировать, и Антуанъ какъ-то даже ухитрился сбыть жиденку старую заржавѣвшую саблю за шесть кусковъ совершенно новаго мрамора. Моисей долженъ былъ *униженно* сознаться, что сынъ Граффа провелъ сына Лихтенбаха!

Правда и то, что въ эти дни присутствовала при ихъ играхъ Катерина Граффъ и, чтобы плѣнить сестру своего товарища, Илья выказывалъ необычайную щедрость. Эта маленькая дѣвочка уже обладала даромъ волновать юношу. Видя товарища своихъ игръ гордо возвращающимся съ рѣшительнымъ видомъ истаго патріота, Илья, вынувъ трубку изо рта, сказалъ:

— Куда это ты идешь съ такимъ торжественнымъ видомъ, Антуанъ?

— Присоединиться къ отряду 2-ой линіи.

— Какъ? Ты туда поступилъ?

— Да, какъ и всѣ мальчики однихъ со мной лѣтъ. Развѣ ты не поступишь также?

— Не знаю. Отецъ ничего мнѣ объ этомъ не говорилъ.

— Развѣ ты долженъ ждать приказаній отца, чтобы исполнить свой долгъ?

Илья почесалъ затылокъ; его лицо выражало смущеніе и нерѣшительность.

— Но вѣдь я нуженъ ему при торговлѣ.

— Франція тоже нуждается въ тебѣ, и гораздо больше твоего отца.

— Мнѣ всего только девятнадцать лѣтъ.

— А мнѣ двадцать.

— Да, ты правъ, я поговорю съ отцомъ.

— Можетъ быть, я тебя не увижу. Прощай?

— Желаю тебѣ удачи.

Илья, смущенный болѣе чѣмъ когда нибудь, поспѣшилъ въ лавочку отца и нашелъ Моисея за разсортировкой водки въ его погребкѣ. Онъ, вѣроятно, по ошибкѣ, оставлялъ четверть воды на каждый литръ, послѣ того какъ тщательно промывалъ бутылку...

Сынъ былъ съ жаромъ встрѣченъ отцомъ. Лихтенбахъ на-

полнилъ рюмку и, протягивая ее своему наслѣднику, сказалъ:

— Попробуй-ка этого коньячку! Онъ очень пріятенъ на вкусъ. Черезъ нѣсколько времени литръ будетъ продаваться по двѣнадцати франковъ. Только намъ съ тобой будетъ ни по чемъ это лакомство, мой мальчикъ?

— Можетъ быть, вы будете пить его, отецъ, но я...

— Что такое ты? Что̀ это значитъ?

— Буду ли я возлѣ васъ въ то время, когда цѣна на этотъ коньякъ подымется?

— А гдѣ жь ты будешь?

— Тамъ, куда идутъ всѣ молодые люди,—въ арміи!

— Въ арміи? Ты... Илья? Но что же ты тамъ будешь дѣлать?

— Сражаться, какъ и другіе.

Моисей, съ какимъ-то тупымъ изумленіемъ, вглядѣлся въ лицо своего сына, освѣщаемое единственной свѣчой, стоявшей въ погребкѣ. Онъ просто не вѣрилъ своимъ ушамъ. Затѣмъ опять началъ:

— Ты хочешь сражаться? Но по какой причинѣ?

— Чтобы защищать страну...

— Какую страну?

— Францію, въ которой я жилъ, воспитывался, языкомъ которой говорю, гдѣ всѣ наши кліенты, всѣ мои друзья.

Отецъ Лихтенбахъ склонилъ голову и нѣсколько минутъ сидѣлъ безмолвно. Затѣмъ рѣзкимъ голосомъ заговорилъ:

— Дорогой мальчикъ, мы торгуемъ въ этой странѣ; но мы не въ ней родились. Когда ты родился, я былъ съ твоей матерью въ Швейцаріи, въ Женевѣ. Я — уроженецъ Ганновера, а твоя мать изъ Бадена. Ты не записанъ ни въ какомъ офиціальномъ регистрѣ отбывающихъ воинскую повинность, и потому воленъ дѣлать все, что̀ захочешь. Мы — нѣмцы по рожденію, французы по привычкѣ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не принадлежимъ ни къ какому сословію. Самое лучшее, что̀ мы можемъ сдѣлать, это не вмѣшиваться въ чужую ссору. Что мы тутъ выиграли бы? Удары для тебя и горе для насъ. Не думаешь ли ты, что свѣтъ далеко ушелъ бы впередъ, еслибы Илья Лихтенбахъ былъ убитъ въ солдатской шинели, а старый Моисей осужденъ былъ бы доживать въ одиночествѣ свой вѣкъ?

Знаютъ ли они сами,—всѣ эти люди,—зачѣмъ убиваютъ другъ друга? Они перессорились, какъ пьяные по выходѣ изъ кабака, и потеряли разсудокъ. Что сдѣлали тебѣ нѣмцы, чтобы ты захотѣлъ ихъ убивать? И какой барышъ принесетъ тебѣ заступничество за Францію?

— Но, отецъ, вся молодежь идетъ на ея защиту. Я встрѣтилъ Антуана Граффа; онъ тоже отправляется въ походъ...

— О, это дуракъ!

— Но сынъ раввина Захаріи тоже ѣдетъ.

— Пусть сдѣлаетъ себѣ кровопусканіе!

— Завтра въ городѣ останутся одни дряхлые и больные, и на меня будутъ показывать пальцами.

Старый Моисей вздохнулъ.

— Да у тебя, какъ оказывается, есть самолюбіе,—ты вѣдь воспитывался во французскихъ школахъ, гдѣ разсказываются великія исторіи о чести. Все это — запомни разъ навсегда, Илья! — одна ложь. Честь состоитъ только въ томъ, чтобы уплачивать свои долги... Все остальное—хвастовство, повѣрь своему отцу. Патріотическія легенды выдуманы для того, чтобы вести людей на бойню подъ звуки марсельезы. Этимъ обманываютъ человѣчество въ интересахъ монарховъ и государствъ. Не надо идти въ эту ловушку. Это глупцы! Я достаточно видѣлъ свѣтъ и хорошо знаю жизнь. Брось свой энтузіазмъ который и есть самая обманчивая, самая опасная вещь въ мірѣ.

Въ погребкѣ наступила глубокая тишина, и только неровное пламя свѣчи освѣщало краснымъ свѣтомъ лица говорившихъ. Слышалось только капанье водки изъ бочки. Холодныя сумерки, окутывавшія Илью, охладили пылъ, съ которымъ онъ вбѣжалъ къ своему отцу. Наконецъ, старый Моисей опять заговорилъ:

— Я, конечно, понимаю, что тебѣ скучно оставаться здѣсь одному, въ то время какъ твои товарищи уйдутъ. Ты тоже поѣдешь. Но у тебя будетъ совсѣмъ другое дѣло, а не рисковать своей шкурой или истреблять чужую. Можно сильно нажиться на продажѣ съѣстныхъ припасовъ. Весь Эльзасъ, вся Лотарингія будутъ захвачены пруссаками. Армія будетъ нуждаться въ запасахъ, и, конечно, я подразумѣваю французовъ, потому что нѣмцы, которые окажутся побѣдителями, не будутъ

нуждаться ни въ чемъ. Торговлю лучше всего сосредоточить около Шалона, — туда къ Парижу. Ты можешь принести человѣчеству услугу гораздо больше той, которую принесутъ ему тѣ дураки съ ружьемъ на плечѣ. Я хочу оказать тебѣ довѣріе и показать, что ты его стоишь. Поди-ка сюда, посвѣти мнѣ...

Моисей направился въ одинъ изъ угловъ своего погреба. Онъ сдвинулъ съ мѣста два бочонка, прокопалъ заступомъ отверстіе въ землѣ и показалъ на сундучокъ, окованный желѣзными обручами. Съ усиліемъ онъ поднялъ его, вынулъ изъ кармана связку ключей, открылъ хранилище, и показалъ сыну внутренность сундучка, акуратно уложенную свертками, наполнявшими весь сундукъ. Онъ разорвалъ одинъ свертокъ и всыпалъ содержимое въ руку сына. Все это были двадцатифранковыя монеты.

— Здѣсь,—проговорилъ Моисей,—сорокъ тысячъ франковъ золотомъ. Ты силенъ, и сможешь унести шкатулку. Завтра, ты отправишься съ самымъ раннимъ поѣздомъ въ Труа и отвезешь деньги къ банкиру Барадье. Съ тѣми капиталами, которые я предоставлю въ твое владѣніе, купи овецъ и быковъ и предложи интендантству снабжать его говядиной. Въ той сумятицѣ, въ которой будетъ находиться армія, цѣны на мясо страшно возвысятся. Понимаешь ли, чѣмъ пахнетъ это дѣльце? А, вмѣстѣ съ тѣмъ, вотъ и помощь, которую ты окажешь отечеству. Да побывай непремѣнно сегодня вечеромъ въ пивоварнѣ, чтобы кричать объ этомъ, да погромче.

— Но если меня спросятъ, въ какомъ отрядѣ я буду служить, то что́ же мнѣ отвѣчать?

— Ты скажешь: Я направлюсь къ Ретелю.

— Хорошо, отецъ.

— Прежде чѣмъ подняться въ магазинъ, приподыми сундучокъ за ручки.

— Ужь будьте спокойны, я справлюсь самъ.

Онъ обхватилъ руками тяжолый сундукъ, полный золота, взвалилъ его на свое могучее плечо, и, предшествуемый Моисеемъ, освѣщавшимъ лѣстницу со свѣчой въ рукѣ, не задумываясь, уносилъ все отцовское состояніе.

Двойная комбинація, затѣянная Моисеемъ Лихтенбахомъ, удалась какъ нельзя лучше.

Съѣстные припасы, которыми были наполнены его амбары въ Мецѣ, стали разбираться на расхватъ. Соли, которую Моисей продавалъ маленькими дозами по огромной цѣнѣ, даже не хватило; на сахаръ онъ смотрѣлъ, какъ на величайшую драгоцѣнность; недостатокъ соли доставлялъ солдатамъ много страданій, имъ до тошноты надоѣло лошадиное мясо. Водка тоже отлично разбиралась. Но все это благополучіе мало утѣшало Моисея, не получавшаго вѣстей отъ своего наслѣдника. Послѣднее письмо, полученное имъ отъ сына, въ вечеръ битвы при Борни, извѣщало о пріѣздѣ молодаго человѣка въ Парижъ. Онъ помѣстилъ тридцать тысячъ франковъ въ банкирскій домъ Барадье въ Труа, и затѣмъ намѣревался добраться до Орлеана, не чувствуя себя въ безопасности въ Парижѣ, который неминуемо долженъ былъ очутиться въ осадномъ положеніи.

Моисей привелъ въ городъ стадо въ пять тысячъ барановъ, но онъ мало надѣялся поладить съ тогдашнимъ правительствомъ, которое было слишкомъ предусмотрительно и строго. И вотъ съ 19-го августа ни слова отъ сына. Въ безсонныя ночи, когда до него доносились выстрѣлы пушекъ со стороны Сенъ-Жюльена и Плапвиля, старикъ Лихтенбахъ съ горечью думалъ, что его сынъ слишкомъ молодъ и неопытенъ; что его могутъ обокрасть и что сумма, довѣренная молодому человѣку, стоила ему, старику, долгихъ лѣтъ всевозможныхъ лишеній, поѣздокъ въ телѣжкѣ, запряженной сѣрой лошадью, за всевозможнымъ хламомъ и старымъ желѣзомъ, по всей провинціи. Его утѣшало только сознаніе, что сынъ, конечно, не приметъ участія въ тѣхъ кровопролитныхъ битвахъ, извѣстія о которыхъ доходили до него каждый день. Онъ видѣлъ, какъ сосѣди и покупщики ходили съ низко опущенной головой и съ безпокойствомъ спрашивали другъ друга:

— Каковы извѣстія. Узнали вы что нибудь объ вашемъ сынѣ? Гдѣ онъ теперь находится? Ужь хотя бы наши мальчики остались въ живыхъ!

По крайней мѣрѣ, онъ могъ отвѣтить, что ничего не знаетъ, и оставаться относительно спокойнымъ. Но другіе? Особенно горевалъ отецъ Граффъ. Всѣ думали, что онъ сойдетъ съ ума. Однажды вечеромъ, въ жестокій холодъ, онъ пошелъ по всему городу съ открытой головой, говоря встрѣч-

нымъ: «Если Антуанъ не вернется, то я виноватъ; я его убилъ! Я могъ не посылать его на войну, какъ несовершеннолѣтняго. Ему слѣдовало оставаться здѣсь рядомъ со мной. Битва происходитъ возлѣ самаго Парижа. У меня есть предчувствіе, что мой сынъ умеръ»! И онъ плакалъ горючими слезами. Его должны были силою вернуть домой. Для виду, Моисей, знавшій, что его сынъ не подверженъ опасности быть убитымъ, горевалъ наравнѣ съ другими.

Однажды жители увидали на соборной площади походные фургоны съ ранеными и сидѣлками, которыя устраивали больныхъ въ частныхъ домахъ.

Въ переполненныхъ госпиталяхъ уже не хватало постелей. Всѣ свободныя отдѣленія были заняты и теперь военное начальство обращалось къ патріотизму гражданъ, прося ихъ помѣстить у себя остальныхъ раненыхъ. Къ Моисею принесли капитана стрѣлковаго батальона, а къ Граффу — капитана артиллеріи, г. де-Тремона. Проводя свою батарею около холмовъ Сервиньи, молодой офицеръ получилъ ударъ пули въ бедро.

Уходъ за здоровьемъ раненаго, лѣкарства, которыя онъ долженъ былъ давать, доставили пріятное развлеченіе отцу Антуана. При видѣ этого прелестнаго юноши, который такъ храбро бился и, благодаря тщательному за собою уходу, выздаравливалъ въ его домѣ, Граффъ въ свою очередь сталъ надѣяться. Онъ говорилъ себѣ: «почему и моему сыну, если онъ раненъ, не быть такимъ же счастливымъ, какъ и капитану де-Тремону? Черезъ шесть недѣль этотъ капитанъ, съ раной въ бедрѣ, будетъ уже ходить какъ ни въ чемъ не бывало. Не всѣ же потерпѣвшіе ни войнѣ непремѣнно умираютъ». Думая такъ, онъ ободрялся и начиналъ надѣяться. Капитанъ, поддерживаемый Граффомъ и его женой, могъ уже покидать постель, и послѣ обѣда, по вечерамъ, разсказывалъ имъ о своихъ экспедиціяхъ въ Алжирѣ и Мексикѣ. Онъ объяснялъ своимъ хозяевамъ причины, по которымъ Франція потерпѣла пораженіе въ эту несчастную кампанію, и приписывалъ все превосходство нѣмцевъ замѣчательной организаціи ихъ войскъ и превосходству матеріальныхъ средствъ.

— Видите ли, вся война, все ея будущее зависитъ отъ оружія. По окончаніи войны, первой нашей заботой должно

быть изобрѣтеніе и улучшеніе пороха. Вопросъ о порохѣ сдѣлается капитальнымъ.

Осада кончилась, и всѣ храбрые солдаты, защищавшіе Мецъ до послѣдней капли крови, должны были сдаться врагу. Отбитыя знамена составили военные трофеи для Германіи. Парижъ тоже покорился; затѣмъ послѣднія французскія арміи, вернувшіяся назадъ по залитымъ кровью снѣгамъ, болѣе истощенныя вслѣдствіе битвы, чѣмъ испуганныя смертью, остановились передъ голосомъ страны. И съ этого огромнаго поля войны раздался торжествующій крикъ побѣдителей и отчаянные стоны побѣжденныхъ. Мало-по-малу, съ театра войны стали доходить разныя вѣсти, радостныя для однихъ и печальныя для другихъ.

Много погибло храбрыхъ юношей, отправлявшихся на войну полными силы и огня. Многіе изъ нихъ сдѣлались плѣнниками, изуродованными и истощенными.

Однажды утромъ Граффъ сидѣлъ съ семействомъ въ своей столовой за café-au-lait, въ обществѣ капитана де-Тремона, еще остававшагося для выздоровленія въ Мецѣ. Вдругъ послышался стукъ отворившейся входной двери и быстрые шаги по лѣстницѣ. Отецъ, мать и маленькая Катерина испуганно переглянулись. Они не проронили ни слова, и только съ сердечнымъ замираніемъ прислушивались къ звуку поспѣшныхъ и какъ будто радостныхъ шаговъ. Ихъ всѣхъ одновременно осѣнила одна и та же мысль: тотъ, кто бѣжитъ такъ скоро къ намъ, ничего ни у кого не спрашивая, и входитъ въ домъ, какъ хозяинъ, перескакивая сразу четыре ступеньки по лѣстницѣ, не можетъ быть никто иной, какъ самъ Антуанъ! Они не имѣли времени предаваться дальнѣйшимъ догадкамъ, какъ дверь съ шумомъ распахнулась, и веселый бородатый великанъ, черный и худой, котораго они не узнали и щоки котораго были залиты слезами, появился передъ ними:

— Отецъ! Катя! Мамаша!

Граффы поднялись со своихъ мѣстъ, обезумѣвшіе отъ радости, и никакъ не могли себѣ представить, чтобы дитя, такъ долго оплакиваемое и ожидаемое, находилось тутъ, среди нихъ; что они опять его обнимаютъ и цѣлуютъ. Послышались рыданія и крики радости. Слуги и капитанъ взволнованно улыбались, глядя на эту семейную картину.

Наконецъ, Антуанъ вырвался изъ родственныхъ объятій, и первыми его словами было:

— Боже, какъ я хочу ѣсть!

Говоря это, онъ, съ видомъ человѣка, потерпѣвшаго кораблекрушеніе, бросалъ взгляды на café-au-lait и различныя яства. Въ одинъ моментъ его усадили за столъ и такъ закормили всѣмъ, что, наконецъ, онъ долженъ былъ просить пощады. Тогда возобновились восклицанія и разсказы, прерываемые вопросами: что сталось съ тѣмъ или другимъ? Повѣствованія о мертвыхъ, исчезнувшихъ и раненыхъ сопровождались крестнымъ знаменіемъ со стороны женщинъ и восклицаніями сожалѣнія со стороны мужчинъ. Антуанъ, послѣ битвы при Седанѣ и отступленія черезъ Мезьеръ, достигъ до сѣвера, и здѣсь съ Федербомъ докончилъ кампанію. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, онъ не ложился въ постель. Но зато онъ бился въ Понтноэлѣ, въ Бапомѣ и Сенъ-Кантенѣ. Съ нимъ не случилось никакого несчастія и онъ возвращался въ чинѣ сержанта, но военное ремесло опротивѣло ему до конца жизни.

Отецъ сказалъ:

— Ну, съ этимъ дѣломъ покончено! и за него ты больше никогда не возьмешься. Наша несчастная страна разбита въ дребезги, и ей нужно еще, можетъ быть, двадцать лѣтъ, чтобы оправиться. Ахъ, мой бѣдный Антуанъ, еслибъ ты зналъ, какъ я плохо спалъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ! Могу сказать, что у меня не было ни одного спокойнаго часа съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ. Но вотъ ты, наконецъ, вернулся— и все позабыто.

И снова полились разсказы и разспросы. Капитанъ де-Тремонъ разспрашивалъ молодаго солдата объ эпизодахъ войны, и Антуанъ разсыпался въ похвалахъ насчетъ выдержки и спокойствія неутомимаго Федерба, съ восторгомъ отзывался о храбрости товарищей и съ умиленіемъ вспомнилъ объ услугѣ, оказанной ему такимъ же волонтеромъ, какъ и онъ, Франсуа Барадье, сыномъ банкира изъ Труа, спасшимъ ему жизнь и вырвавшимъ изъ рукъ пруссаковъ Мантейфеля.

Онъ находился съ дюжиной линейцевъ въ избитой ядрами фермѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ непріятелемъ.

— Онъ навѣрное пріѣдетъ къ вамъ; онъ мнѣ обѣщалъ и вы оцѣните какъ слѣдуетъ этого милаго и храбраго мальчика.

— Твоего спасителя! Да онъ будетъ самымъ желаннымъ гостемъ. Но дай-ка мнѣ взглянуть на тебя хорошенько. Бѣдное дитя, тебя и трудно узнать! Ты имѣешь видъ настоящаго разбойника. Еслибъ я встрѣтилъ тебя гдѣ нибудь неожиданно, то я бы испугался!

Въ продолженіе всего дня, къ Граффамъ пріѣзжали родные и знакомые, чтобы посмотрѣть на героя, вернувшагося съ поля битвы, и въ сотый разъ выслушать его разсказъ о сраженіи при Бапомѣ. Стаканы пива и кирша неустанно наполнялись, вслѣдствіе чего Граффъ, всегда очень воздержный, на этотъ разъ былъ въ особенно растерянномъ и взволнованномъ состояніи духа.

На слѣдующій день другаго рода волненіе оживляло весь кварталъ. Илья Лихтенбахъ вернулся въ коляскѣ; видъ у него былъ торжественный и сейчасъ же, повидавшись съ семьей, онъ вступилъ въ переговоры съ нѣмецкими властями. Всѣ заговорили, что у сына Лихтенбаха есть какое-то порученіе отъ бордосскаго правительства и что, за время войны, онъ сталъ очень вліятельной персоной. На самомъ же дѣлѣ, переговоры шли о снабженіи провіантомъ восточной границы. Военный депутатъ, который вполнѣ оцѣнилъ заслуги Ильи, его посредническую ловкость, гибкость въ разныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, отправилъ своего агента въ главную непріятельскую стоянку. Онъ вернулся оттуда, надутый важностью своего порученія, великолѣпный въ своемъ презрѣніи къ соотечественникамъ и глядя на нихъ сверху внизъ. Они же имѣли жалкій, усталый и недовольный видъ послѣ своихъ потерь и пораженій. Вслѣдъ за первыми моментами изумленія, всѣми овладѣло страшное любопытство, откуда вернулся этотъ Илья съ такимъ побѣдоноснымъ видомъ, такой цвѣтущій и свѣжій? Изъ всѣхъ, отправившихся въ одно время съ нимъ, онъ одинъ сохранилъ ясный, спокойный взглядъ.

Всѣ остальные были истощены и имѣли свирѣпый видъ. Стали наводить справки. Но, при первыхъ же вопросахъ, правительственныя власти отвѣтили съ большою сдержанностью, что Лихтенбахъ оказалъ странѣ огромныя услуги и

что военный депутатъ отзывается о немъ съ большимъ доброжелательствомъ и уваженіемъ. Какого же рода услуги оказалъ онъ отечеству? Но вотъ Барадье-сынъ, пріѣхавшій въ Мецъ навѣстить Антуана и познакомиться съ его родней, пролилъ нѣкоторый свѣтъ на непроницаемость поведенія знаменитаго Ильи.

Сержантъ Барадье, рыжій коренастый сангвиникъ, обладалъ характеромъ настолько же рѣшительнымъ, насколько Антуанъ былъ робокъ. Онъ очень понравился своей прямотой, и сейчасъ же отлично оріентировался въ средѣ этихъ честныхъ людей.

Не прошло и дня, какъ онъ подружился съ капитаномъ де-Тремономъ и предложилъ устроить банкетъ, чтобы отпраздновать возвращеніе волонтеровъ въ Мецъ. Илья съ большимъ нахальствомъ явился въ отель Медвѣдя, чтобы принять участіе во всеобщемъ празднествѣ, но былъ принятъ очень холодно. Всякій участвовавшій на банкетѣ отлично могъ разсказать о разныхъ случаяхъ войны; одинъ только Илья путался. Слушая его, можно было подумать, что онъ вездѣ побывалъ, — и въ арміи Шанзи, и у Бурбаки, и возлѣ Гарибальди. Это всѣхъ приводило въ недоумѣніе. Но сержантъ Барадье все объяснилъ сразу.

— Вы не тотъ ли самый Лихтенбахъ, который имѣлъ дѣло съ фирмой Барадье изъ Труа? — спросилъ онъ сына Моисея, глядя въ упоръ ему въ лицо.—Не вы ли собирали барановъ въ Арденнахъ и затѣмъ провели ихъ черезъ Бельгію во Францію?

— Да, это я,—сдержанно отвѣтилъ Илья.

— Въ такомъ случаѣ, нисколько не удивительно, что во время войны вы успѣли вездѣ побывать, потому что вы повсюду закупали говядину насчетъ интендантства.

Илья вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— Но я вовсе не упрекаю васъ за это, а только хочу возстановить фактъ. Повидимому, эти господа никакъ не могли понять, какую вы играли роль. И вотъ я считаю нужнымъ объяснить это. Г. Лихтенбахъ—тоже патріотъ на свой образецъ. Вмѣсто того чтобы самому сражаться, онъ кормилъ сражающихся. Это не только полезно, но и вмѣстѣ съ тѣмъ достойно всякой похвалы.

— Но я тоже рисковалъ своей жизнью, какъ и другіе,— съ гнѣвомъ вскричалъ Илья, весь красный. — Еслибы нѣмцы меня захватили, то также бы разстрѣляли!

— Однако, вы съ большимъ удобствомъ лавировали среди нихъ, что́ по меньшей мѣрѣ нѣсколько странно...

— Что хотите вы этимъ сказать? — вскричалъ Илья.

— Ничего больше того, что́ я сказалъ,—холодно отпарировалъ Барадье. — Но если вы хотите, чтобъ я еще что нибудь прибавилъ, то замѣчу, что оставаться въ тѣни сражающихся, пользоваться тепломъ и кататься, какъ сыръ въ маслѣ, въ то время какъ ваши товарищи бьются не на животъ, а на̀ смерть,—не можетъ назваться героизмомъ.

— Вы меня оскорбляете!

— Всегда готовъ дать вамъ удовлетвореніе.

— Хорошо! Мы съ вами сочтемся.

— Не кричите, пожалуйста. Меня всегда очень легко найти. Я сынъ г. Барадье изъ Труа и живу у Граффа. Теперь пока довольно объ этомъ.

Въ ту же минуту Илья очутился одинъ, и всѣ повернулись къ нему спиной. Онъ кинулъ злобный взглядъ на своего противника и вышелъ. Сзади него раздался голосъ Граффа:

— Теперь, когда среди насъ остались истинные патріоты, выпьемъ за Францію.

На другой день Барадье ждалъ съ капитаномъ де-Тремономъ и своимъ другомъ Граффомъ вызова со стороны Лихтенбаха, но ничего не произошло.

Илья оказался очень осторожненъ, не желая подвергать себя опасности въ мирное время, когда не рисковалъ ничѣмъ даже и во время войны. Но, какъ будто случайно, къ Барадье назначили на постой еще двадцать человѣкъ гусаръ, а отца Граффа три раза на недѣлѣ вызывали къ коменданту для допросовъ, потому что на него послѣдовалъ доносъ, что онъ принимаетъ сторону нѣмцевъ. Барадье получилъ приказъ оставить Мецъ въ двадцать четыре часа.

Можетъ быть, непріятность, случившаяся съ банкиромъ, и была случайной, также какъ и высылка Барадье-сына который во время банкета выпилъ лишнее и высказывался нѣсколько откровеннѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Но Граффъ-отецъ былъ увѣренъ, что сынъ его сосѣда Лихтенбаха былъ

непріятельскимъ агентомъ, и что доносъ просто-на-просто послѣдовалъ отъ него. Однако, Илья, встрѣчаясь съ нимъ и и его сыномъ, всегда очень вѣжливо приподнималъ шляпу. Кроткій и деликатный наслѣдникъ дома Граффа старался, по мѣрѣ возможности, избѣгать встрѣчъ со своимъ прежнимъ товарищемъ. По своей деликатности, онъ не рѣшался порвать съ нимъ сразу всѣ сношенія. Но при встрѣчѣ съ нимъ онъ норовилъ поскорѣе уйти и ограничивался лишь коротенькими фразами. У Граффовъ былъ огромный запасъ шерсти, которую они сбывали прядильщикамъ изъ Шампаньи и Арденнъ. Барадье были самыми главными ихъ кліентами. Илья, продолжавшій торговлю отца уже въ широкихъ размѣрахъ, также очень часто дѣлалъ Граффамъ заказы для Германіи, хотя они всячески избѣгали его услугъ. Но съ настойчивостью, свойственною его расѣ, онъ продолжалъ посѣщать Граффа и его сына подъ предлогомъ торговой сдѣлки.

Такимъ образомъ, когда m-lle Граффъ окончила двухгодичный курсъ въ одномъ изъ лучшихъ пансіоновъ въ Нанси, Илья встрѣтился съ ней въ одинъ прекрасный день лицомъ къ лицу въ саду, пока дожидался Антуана. Онъ былъ пораженъ и ослѣпленъ. Ребенокъ превратился въ молодую дѣвушку, высокую, стройную и очаровательную, съ черными глазами, бѣлокурыми волосами и ослѣпительнымъ цвѣтомъ лица. Онъ не осмѣлился съ ней заговорить, и когда она прошла мимо, то ограничился однимъ поклономъ. Вернувшись домой, онъ разсказалъ о своей встрѣчѣ отцу, уподобляя ее, по библейскому выраженію, Ревеккѣ, встрѣтившейся съ Іаковомъ. При этомъ онъ прибавилъ, что для того, чтобы сдѣлаться зятемъ Граффа, онъ готовъ пожертвовать всѣмъ.

Но старый Моисей возразилъ, что они евреи, а Граффы— христіане, слѣдовательно бракъ съ прекрасной Элизой невозможенъ и противенъ законамъ.

Илья отвѣтилъ, что его религія не пришита у него къ кожѣ, и потому онъ не посмотритъ на это. Онъ прибавилъ еще, что можетъ и перейти въ католическую вѣру. Молодой человѣкъ, двадцати двухъ лѣтъ, и съ четырьмя стами тысячъ, которыя могъ положить на столъ при свадебномъ контрактѣ, — не изъ тѣхъ жениховъ, которыми можно пренебрегать.

Старикъ, отецъ не особенно отговаривалъ его перемѣнять религію, находя это даже полезнымъ [1]); но увѣрялъ его, что будь онъ христіанинъ или еврей, а все равно не видать ему своей женою m-lle Граффъ, какъ своихъ ушей. Но всѣ его доводы не возымѣли никакого дѣйствія. Илья обладалъ желѣзной волей. Онъ восхитилъ архіепископа своею рѣшимостью, вполнѣ удовлетворилъ набожностью, примирилъ съ собой щедростью, и съ замѣчательной ловкостью заставилъ стать на свою сторону все высшее католическое духовенство. Въ то время, когда въ завоеванныхъ провинціяхъ нѣмецкій піэтизмъ боролся съ католическимъ духовенствомъ, обращеніе Ильи имѣло видъ политическаго событія. Но все это ему не помогло: въ семействѣ Граффовъ онъ потерпѣлъ совершенный аффронтъ, и какъ будто для того, чтобы лучше подчеркнуть его пораженіе, черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ его предложенія прекрасная Элиза вышла замужъ за сержанта Барадье. Въ то же время распространился слухъ, что семейство Граффовъ уѣзжаетъ изъ города. Антуанъ послѣдовалъ за шуриномъ въ Парижъ и вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ банкирскій домъ Барадье-старшаго. Это произвело потрясающее дѣйствіе на Илью. Онъ потерялъ сонъ, румянецъ его поблекъ, а когда онъ встрѣтилъ Граффовъ, отправляющихся на желѣзную дорогу и окруженныхъ со всѣхъ сторонъ провожающими ихъ друзьями, то вернулся къ отцу внѣ себя, такъ что даже упалъ подъ конецъ въ обморокъ. Перепуганный отецъ уложилъ сына въ постель, позвалъ доктора и съ сокрушеніемъ узналъ, что новообращенный могъ умереть скоропостижно на лонѣ католической церкви... Имъ овладѣлъ бредъ, во время котораго онъ торговался съ воображаемыми продавцами и покупателями баснословныхъ рынковъ, причемъ фигурировали всѣ поставки провіанта, которыя онъ бралъ на себя во время войны. Моисей съ изумленіемъ слушалъ, какъ онъ назначалъ цѣну на мясо, муку, сапоги, сукно, гильзы, вино и пр. и пр. Приходя въ себя, Илья начиналъ стонать и испускать проклятія по адресу Граффовъ и Барадье. Онъ успокоивался только тогда, когда отецъ настойчиво утѣшалъ его:

[1]) Талмудъ, какъ извѣстно, даже поощряетъ подобное ренегатство, лишь бы при этомъ выигрывали «національные интересы» израиля. Ред.

— Хорошо, хорошо, Илья! Настанетъ время, и ты чудесно отомстишь всѣмъ этимъ негодямъ. Ты разоришь ихъ и раздавишь.

При этихъ словахъ, счастливая улыбка расплывалась по губамъ больнаго; онъ засыпалъ на нѣсколько часовъ и просыпался въ наилучшемъ состоянiи. Если Илья не умеръ, то можно было прямо сказать, что его спасла ненависть, воспламенявшая все его существо и дѣйствовавшая на него ободряющимъ образомъ. Въ его лихорадочномъ мозгу роились сотни плановъ мести, и когда докторъ съ удивленiемъ объявилъ, что молодой человѣкъ останется живъ, то первыми его словами было:—Тѣмъ лучше! Барадье и Граффъ были бы счастливы, еслибъ я умеръ.

По правдѣ говоря, Барадье и Граффъ нисколько и не подозрѣвали о той злобѣ, какую они возбудили къ себѣ. Они приняли бразды правленiя отъ дяди Барадье, который отступилъ отъ дѣлъ, составивъ себѣ состояніе, и съ утра до вечера сидѣли надъ счетами въ своихъ бюро, въ улицѣ Провансъ.

Благодаря своему трудолюбiю, они расширили дѣла фирмы и увеличили число прядиленъ, чѣмъ спецiально занялся Граффъ. Родились Марсель Барадье и его сестра Амелiя.

Казалось, полное счастье воцарилось въ этой дружной, тѣсно-сплоченной семьѣ, когда, по смерти старика Моисея Лихтенбаха, сынъ его поселился въ Парижѣ.

Въ немъ произошла странная метаморфоза. Отъ жизнерадостнаго, румянаго и свѣжаго Ильи ничего не осталось. Въ первый разъ, когда Барадье и его соперникъ встрѣтились на биржѣ, банкиръ даже не узналъ Лихтенбаха, и послѣднему надо было назвать себя, чтобы узнали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Барадье увидалъ передъ собой сгорбленнаго человѣка, худаго, съ морщинистымъ лбомъ и холоднымъ взоромъ, скрывающимся за золотыми очками. Даже голосъ, и тотъ совершенно измѣнился. Лихтенбахъ говорилъ очень мало и, подавая кому нибудь руку, протягивалъ только два пальца, оставаясь безстрастнымъ при всякомъ извѣстiи. Только сокращенiе челюстей давало понятiе о его волненiи, что̀ придавало странно-свирѣпый видъ его физiономiи.

Первое столкновенiе Лихтенбаха съ Барадье и Граффомъ было знаменательно. Онъ заставилъ ихъ понести убытокъ

въ триста тысячъ франковъ. Это было первое темное облако. Но онъ постарался подлить масла въ огонь. Какая-то враждебная сила стала преслѣдовать ихъ на каждомъ шагу. Но это мало умѣряло силу мстительности Лихтенбаха; намѣренія его оставались непоколебимы, хотя не всегда достигали своей цѣли. Барадье чувствовали слѣдъ своего врага. Эта глухая борьба, возбуждая силу сопротивленія, не оставалась для нихъ безплодной. Видя себя аттакованными, они стали только гораздо осторожнѣе и приняли всевозможныя мѣры для охраны своего имущества. Ихъ врагъ оказался могущественнымъ и опаснымъ. Въ католическомъ мірѣ Илья тоже съумѣлъ сдѣлаться очень вліятельнымъ и, благодаря его смѣлости и ловкости, для него открылись наиболѣе замкнутые дома. Женившись въ Эльзасѣ и оставшись вдовцомъ съ маленькой дочерью, онъ помѣстилъ ее въ Сакрэкёръ и старался воспитывать въ строго католическомъ духѣ. Илья казался религіознѣе самого папы. Онъ выказалъ себя «роялистомъ больше самого короля», и часто пугалъ окружающихъ воинственнымъ жаромъ реставраціи. Лихтенбаха, конечно, боялись, но въ то же время ласкали, ухаживали за нимъ, и его вліяніе въ обществѣ было безусловно могущественно. Онъ оказывалъ многимъ разорившимся знатнымъ фамиліямъ неоцѣненныя денежныя услуги, участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ, во всѣхъ предпріятіяхъ и, благодаря этому, игралъ судьбой и благосостояніемъ многихъ людей. Судя по его наружному виду, можно было подумать, что онъ рѣшительно ничѣмъ не занятъ. Простота его жизни была доведена до высшей степени. Онъ жилъ въ отелѣ, въ улицѣ Барбэ-де-Жуи, темномъ, унылomъ и скучномъ; прислуга была привезена имъ изъ Лотарингіи и говорила больше по нѣмецки, чѣмъ по французски. Онъ никого не принималъ, но каждый вечеръ уѣзжалъ куда нибудь играть въ винтъ, что́ можно было назвать его единственнымъ развлеченіемъ и издержкой. Его бюро были устроены въ улицѣ Четвертаго сентября и занимали два этажа въ домѣ, выходившемъ своимъ фасадомъ на биржу. Тамъ-то онъ и принималъ даже самыхъ знатныхъ кліентовъ. Ворота отеля въ улицѣ Барбэ отворялись только для его купэ, запряженнаго парой лошадей.

Онъ часто ходилъ пѣшкомъ, сгорбленный, задумчивый и

унылый; казалось, что онъ считалъ свои медленные шаги. За нимъ не числилось никакой любовницы, хотя ему было всего сорокъ четыре года. Женщинамъ онъ никогда не улыбался. При видѣ ихъ, онъ склонялъ голову и спѣшилъ удалиться съ какимъ-то испуганнымъ видомъ.

Маленькая герцогиня Берней, которая избавилась отъ долговъ, благодаря спекуляціямъ Лихтенбаха, легкомысленно сказала однажды своей подругѣ, маркизѣ де-Премёръ:

— Я непремѣнно хочу узнать, о чемъ думаетъ этотъ милый Лихтенбахъ. Право, онъ оскорбительно-сдержанъ съ женщинами. Что это: скромность или неудовлетворенная страсть?

И въ продолженіе нѣсколькихъ вечеровъ, передъ глазами всѣхъ друзей, она кокетничала напропалую съ Ильею, но безъ всякаго успѣха.

Затѣмъ сразу прекратила заниматься имъ, а на ироническіе вопросы своей свиты уклончиво отвѣчала:

— Я только напрасно теряла время! Тутъ ничего не подѣлаешь.

Но въ то же время всѣмъ бросилась въ глаза перемѣна, происшедшая во всей обстановкѣ молодой женщины, начавшей тратить деньги безъ счету, такъ какъ ея финансы очень поднялись по мѣрѣ ея ухаживанія за банкиромъ... То же самое произошло съ нѣсколькими хорошенькими и молоденькими свѣтскими дамами. Илья, со своимъ ледянымъ, мрачнымъ и молчаливымъ видомъ, продолжалъ вести спекуляціи во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта; но онъ ни на одну минуту не забывалъ, при всякомъ случаѣ, доказывать Барадье и Граффамъ и всѣмъ имѣвшимъ къ нимъ отношеніе, что его злопамятство будетъ столь же долговѣчно, какъ и его жизнь.

(Продолженіе будетъ).

На чужбинѣ.

Благовонная ночь надъ чужбиной легла...
Эта ровная, свѣжая мгла,
Этотъ трепетный хоръ неизмѣнныхъ свѣтилъ,
Сквозь нѣмое сіянье холодной луны,
Возвратилъ мнѣ забытые милые сны
И отчизну мою возвратилъ.

Вѣдь и тамъ тѣ же свѣтятся ночи огни,
Вѣдь и тамъ тѣ же призраки рѣютъ въ тѣни,
Тѣ жь контуры уснувшихъ долинъ,
Та же стройная связь всѣхъ планетъ и міровъ...
И люблю я безъ мукъ, и молюсь я безъ словъ;
И, какъ будто, я здѣсь не одинъ.

И отчизна моя—будто, въ каждой звѣздѣ;
Существо мое, словно, разлито вездѣ;
Я живу, отраженный во всемъ...
И съ пространствомъ слилась вдохновенно душа,
И такъ жизнь въ этотъ радостный мигъ хороша,
И, въ забвеньѣ, все дремлетъ кругомъ!..

А. Мейснеръ.

ТИПЫ И КАРТИНКИ ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

(Вторая серія).

I.

Потерянный человѣкъ.

Въ день рождества, я вышелъ вечеромъ пофланировать по бульварамъ, кишащимъ густою толпою парижскихъ зѣвакъ. Покуда я гулялъ такимъ образомъ, съ трудомъ протискиваясь впередъ, вдругъ, надъ самымъ моимъ ухомъ, раздались слѣдующія слезныя слова:

— Ваше благородіе, явите божескую милость. Цѣлый день еще ничего не ѣлъ. Ей богу правда.

Эта знакомая родная рѣчь, раздавшаяся въ самомъ центрѣ Парижа, меня немало удивила. Около меня стоялъ рослый широкоплечій парень захудалаго вида, съ круглымъ рябоватымъ лицомъ вполнѣ русскаго народнаго типа. Увѣренный, что я нигдѣ раньше не встрѣчалъ его, я заинтересовался, откуда парень узналъ, что я русскій. Загадка разъяснилась просто. Изъ моего кармана торчалъ купленный мной въ кіоскѣ нумеръ русской газеты, выдавшій мою національность горькому соотечественнику. Я предложилъ ему выйти изъ толпы, и мы повернули въ сосѣднюю улицу.

— Что ты тутъ дѣлаешь, какъ ты сюда попалъ?—обратился я къ нему прямо на сердечномъ «ты», зная, что это могло доставить ему только удовольствіе.

— Эхъ, баринъ, случай такой вышелъ! Прикажите, разскажу.

— Ну, разсказывай.

— Пріѣхалъ я сюда два года назадъ съ молодымъ бариномъ, у котораго раньше служилъ въ деньщикахъ. Они

раньше въ офицерахъ служили. Только вышло такъ, что женились они на богатой барышнѣ, вышли въ отставку и пріѣхали сюда въ проклятый этотъ городъ,—погулять, значитъ. И меня съ собой взяли. Какъ пріѣхали сюда, у моего барина просто голова кругомъ пошла. Театры, покупки, словомъ, веселье началось. Какъ-то приказываетъ онъ мнѣ вещи укладывать, чтобъ дальше ѣхать, — въ какую-то Монаку. Я не зналъ, что̀ это за мѣсто. Только пріѣхавши, узналъ, что тамъ господа деньги проигрываютъ. Меня баринъ взялъ разъ съ собой и, повѣрьте, ничего такого я и во снѣ не видывалъ. Золота, господинъ, золота цѣлыя кучи, и откуда только собираютъ его! Словомъ, барина моего въ двѣ недѣли такъ обчистили, что не на что было и билетъ взять обратный. У барыни, къ счастью, драгоцѣнности еще были. Она все продала и вернулись мы сюда, въ Парижъ. Баринъ мой сильно заскучалъ. Говорилъ, что тысячъ пятьдесятъ рублей тамъ оставилъ. Изъ Россіи денегъ не высылаютъ, а въ гостинницѣ требуютъ уплаты по счетамъ. На бѣду познакомились они съ какимъ-то итальянцемъ,—пѣвцомъ себя выдавалъ. Высокій, черный, въ красномъ галстукѣ постоянно ходилъ. Вотъ тутъ-то и случилась бѣда. Барыня взяли да и сбѣжали съ нимъ, оставивъ письмо, что больше съ моимъ бариномъ жить не согласны. Утромъ, на слѣдующій день, когда я вошелъ къ барину въ спальню, я такъ и обмеръ. Виситъ онъ среди комнаты, голубчикъ, — синій весь... и не шевельнется. Себя порѣшилъ! Вотъ съ тѣхъ поръ и остался я здѣсь. Повѣрьте, баринъ, иной разъ ѣсть нечего.

— Отчего же ты не обратишься въ консульство?—спросилъ я,—тебѣ за дорогу заплатятъ.

— Тутъ ужь мой грѣхъ, баринъ. Я обращался и выдали мнѣ деньги до Берлина. А только погубила нелегкая сила. Вечеромъ, передъ отъѣздомъ, сижу я на вокзалѣ, а ко мнѣ возьми да и подсядь какой-то человѣкъ. Какъ узналъ онъ, что я русскій, и онъ со мной по русски сталъ говорить. Я было обрадовался, и мы пошли въ сосѣдній трактиръ—въ кафе по ихнему—пиво пить. Тутъ сталъ онъ меня уговаривать остаться и обѣщалъ работу найти. Я послушался, и мы вмѣстѣ отправились къ нему на ночлегъ. Я тотчасъ же уснулъ, а какъ утромъ проснулся, ни его, ни денегъ у меня

въ карманѣ ужь не оказалось. Даже пачпортъ и то мазурикъ унесъ! Вотъ теперь, что̀ хочешь, то и дѣлай. Какъ бы только до выставки дожить. Говорятъ, нашихъ господъ много наѣдетъ. Можетъ быть, на мое счастье какъ нибудь и устроюсь.

Я предложилъ моему случайному знакомцу зайти въ маленькій ресторанъ, чтобы накормить его, и онъ съ благодарностью согласился. Мнѣ было интересно узнать о его парижскихъ впечатлѣніяхъ, и онъ охотно разговорился, съ апетитомъ уписывая подаваемыя кушанья.

— Нѣтъ, баринъ, намъ французъ не рука! Народъ, можно сказать, пропащій. Взгляните, какіе у нихъ солдаты. Я какъ въ первый разъ увидалъ, думалъ, что это кадеты идутъ. Ни роста, ни выправки, ничего въ нихъ нѣту. И честь-то отдаетъ, — точно муху отмахиваетъ. Онъ думаетъ, что у него шаровары красные, — такъ этимъ непріятеля напужаетъ. Народъ, можно сказать, созданъ для потѣхи господамъ. Все-то онъ норовитъ заманить, завлечь побрякушками и глупостями всякими. А настоящей силы въ немъ совсѣмъ нѣту. Вертится онъ, какъ петрушка, и туда, и сюда, — и къ нѣмцу, и къ англичанину, и никому-то онъ не нуженъ. И самъ-то онъ не знаетъ, чего хочетъ. Вонъ горлодеры орутъ, газеты продаютъ. Другой подумаетъ: столпотвореніе какое случилось... Толку въ немъ никакого нѣтъ. Также и женщины. Грѣхъ одинъ! Былъ я съ покойнымъ бариномъ въ театрѣ. Повѣрите ли, баринъ, вышла передъ нами дѣвица совсѣмъ голая. Честное слово, не вру. Я своего барина спрашиваю, какъ это имъ позволяютъ, а онъ увѣряетъ, что она не голая, а въ какомъ-то... ужь я забылъ, какъ онъ называлъ, — въ трикѣ что ли какомъ-то. Вышла и давай вертѣться передъ публикой и такъ, и эдакъ—голь свою срамную на показъ выставлять. Я плюнулъ и вышелъ. У насъ въ деревнѣ такъ на рѣку купаться дѣвки ходятъ, да и то прячутся... А тутъ еще деньги за это берутъ... Срамота!

Въ это время мой собесѣдникъ кончилъ обѣдать, и я предложилъ ему похлопотать за него, чтобы вернуть въ Россію. Онъ замялся и какъ-то сконфузился. Я отчасти догадался.

— Что, братъ,—замѣтилъ я,—какъ ни плохо, а утѣшеніе, можетъ быть, есть.

— Такъ точно, ваше высокородіе,—отрапортовалъ онъ почти по военному.—Думаю въ законный бракъ вступить.

— А кто она?

— По ихнему бланшисёза — по нашему прачка. Видно ужь такая мнѣ судьба.

Я невольно улыбнулся и смѣялся, возвращаясь домой.

Природа ли у него такая, но русскій человѣкъ положительно чуждъ всякаго трагизма...

II.

Эстеты и декаденты Люксембургскаго сада.

Нигдѣ весна не дѣйствуетъ такимъ чарующимъ образомъ, какъ въ Парижѣ. Старый и вѣчно юный городъ-великанъ сверкаетъ изумруднымъ убранствомъ своихъ садовъ и бульваровъ подъ теплыми лучами солнца. Громадный человѣческій муравейникъ просыпается къ новой жизни, послѣ короткихъ зимнихъ мѣсяцевъ. Съ утра воздухъ оглашается звонкими криками продавцевъ и продавщицъ первыхъ весеннихъ продуктовъ. Огромные магазины и маленькія лавчонки высыпаютъ свои товары на тротуаръ, не боясь возвращенія дождя и грязи. Громоздкіе омнибусы лихо несутся по мостовой, орошенной водяной пылью поливальщиковъ. По широкимъ асфальтовымъ тротуарамъ спѣшатъ миловидныя парижанки въ лѣтнихъ простенькихъ платьяхъ, постукивая каблучками. У всѣхъ веселыя праздничныя лица, отражающія блаженство бытія... И всю эту метаморфозу произвело парижское весеннее солнце, блеснувшее первыми жаркими лучами...

Самымъ красивымъ, самымъ радостнымъ уголкомъ представляется въ это время Люксембургскій садъ на лѣвомъ берегу Сены. Здѣсь воскресшая природа служитъ рамкой для цвѣтущей молодости въ лицѣ студентовъ и ихъ подругъ, порхающихъ, какъ веселыя птички, въ живописныхъ аллеяхъ стараго сада. Есть гдѣ разгуляться въ этомъ саду: въ немъ есть и людныя, и пустынныя мѣста, фонтаны, бассейны, цвѣтники и чудныя скульптурныя произведенія, воздвигнутыя въ честь знаменитыхъ поэтовъ, художниковъ и музыкантовъ. Одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ сада представляетъ собою

фонтанъ Медичи, обычное мѣсто свиданія для влюбленныхъ, воздвигнутый около монументальной рѣшетки архитекторомъ де-Броссомъ при Екатеринѣ Медичи. Фонтанъ построенъ въ дорическомъ стилѣ, съ колоннами и фронтономъ, напоминающими сталактиты. Три ниши между колоннами украшены скульптурными работами, изъ которыхъ замѣчательна средняя группа, изображающая Полифема, застающаго врасплохъ подъ скалою пастуха Азиса, наклонившагося надъ лежащей красавицей Галатеей. Выше—рѣчныя божества, опорожняющія свои урны. Передъ фонтаномъ тянется продолговатый бассейнъ, въ которомъ плаваютъ золотыя рыбки; онъ окруженъ изящной рѣшеткой и украшенъ каменными вазами съ цвѣтущимъ гераніумомъ. Лѣтомъ, каждое утро, можно застать передъ фонтаномъ живописцевъ, большею частью иностранцевъ, срисовывающихъ съ натуры этотъ очаровательный уголокъ Парижа. Въ центрѣ сада, передъ дворцомъ, разстилается обширный цвѣтникъ, окруженный откосами съ балюстрадами, посреди котораго находится восьмиугольный бассейнъ, по которому дѣти постоянно пускаютъ миньятюрныя парусныя лодки и кораблики. Террасы, окружающія цвѣтникъ, украшены мраморными статуями, представляющими женщинъ знаменитыхъ въ исторіи Франціи. Въ разныхъ мѣстахъ сада вновь воздвигаются все новыя статуи извѣстныхъ французскихъ писателей и художниковъ.

Съ весны военная музыка играетъ въ одномъ изъ центральныхъ цвѣтниковъ, собирая вокругъ воздвигнутаго для нея павильона пеструю оживленную толпу. Въ это время особенно любопытно наблюдать французскую молодежь, состоящую изъ учащихся и молодыхъ художниковъ, и собирающуюся всегда въ одномъ мѣстѣ, отвоеванномъ ими отъ прочей публики по близости музыкальнаго павильона. Тутъ они являются полными хозяевами и отдаются непринужденно открытому проявленію своихъ любовныхъ прихотей, фантазій и шалостей. Подъ зеленой кущей каштановыхъ деревьевъ разставлены деревянные стулья, занятые то одиночками, то группами изъ молодежи, между которой первенствующую роль играютъ молодыя женщины. Почти вся эта молодежь, хотя принадлежащая къ самымъ разнообразнымъ слоямъ общества и разнымъ учебнымъ заведеніямъ, знакома между

собой. Молодыя женщины то и дѣло перебѣгаютъ отъ однихъ къ другимъ, на минуту присаживаются, встаютъ и мчатся дальше. Вслѣдъ за ними сыплются остроты, прибаутки среди смѣха и болтовни. Тамъ и здѣсь можно замѣтить болѣе сантиментальныя сцены, въ родѣ мимолетныхъ объятій и поцѣлуевъ. Но сантиментальность не въ характерѣ французовъ и такія сцены являются исключеніями.

Но вотъ появляется поваренокъ въ бѣломъ фартукѣ и бѣломъ колпакѣ, несущій для продажи горячія гофры. Со всѣхъ сторонъ слышатся настойчивыя требованія дамъ, чтобы кавалеры угостили ихъ. Угощеніе недорогое, — всего два су,—но и тѣхъ не всегда найдешь въ карманахъ будущихъ «великихъ людей». Болѣе состоятельные раскошеливаются и съ достоинствомъ вынимаютъ изъ кошелька бѣлую монету, т. е. франкъ. Сдача рѣдко имъ возвращается и задерживается обрадованной гризеткой на пиво, на сиропъ или даже на обѣдъ. Иногда же популярный поваренокъ претерпѣваетъ полное банкротство, когда его гофры безцеремонно уничтожаются въ кредитъ съ обѣщаніемъ заплатить ему «завтра». Такія же сцены происходятъ и со сборщицей денегъ за сидѣнье. Никто не хочетъ ей платить, и злополучная сборщица, напрасно истощивъ весь запасъ своего краснорѣчія и негодованія, удаляется съ своими билетами къ болѣе состоятельной публикѣ.

По асфальтовой дорожкѣ, проложенной между деревьями, двигаются взадъ и впередъ будущіе знаменитые поэты, философы, художники-эстеты и декаденты Люксембургскаго сада. Уже по одной внѣшности можно судить о ихъ «высокомъ призваніи». На головѣ широкополая шляпа, изъ подъ которой выбиваются густыя пряди волосъ, не знающихъ прикосновенія ножницъ. Блѣдный цвѣтъ лица, горящіе глаза, возвышенное выраженіе лица... Просторная куртка, подъ которой, вмѣсто жилета, широкій поясъ обхватываетъ гибкій станъ. Бархатныя шаровары неимовѣрной ширины, съуживающіяся къ низу, дополняютъ этотъ художественный костюмъ. Таковъ общій видъ парижскихъ декадентовъ въ началѣ XX столѣтія. Это—носители новыхъ идей въ области литературы и художества, «люди будущаго». Но многіе ли изъ нихъ становятся знаменитостями? Чаще всего слава ихъ

замыкается въ кругу товарищей въ предѣлахъ Латинскаго квартала. Нѣкоторые на минуту блеснутъ оригинальнымъ произведеніемъ въ области поэзіи или скульптуры, живописи, музыки—и, опьяненные случайнымъ успѣхомъ, навѣки опочиваютъ на преждевременныхъ лаврахъ. Это жертвы минутной рекламы, неожиданной удачи, случайные творцы единаго произведенія, не имѣющаго повтореній. Дальнѣйшая ихъ судьба носитъ горькій отпечатокъ всѣхъ такъ называемыхъ непризнанныхъ геніевъ, ищущихъ утѣшенія и забвенія въ винѣ и абсентѣ. Однимъ изъ самыхъ выдающихся декадентовъ такого рода былъ извѣстный поэтъ Поль Верленъ, оставившій послѣ себя томъ стихотвореній, гдѣ, рядомъ съ блестящими стихами, проглядываетъ безнадежное уныніе гибнущаго въ непосильной борьбѣ могучаго ума. Онъ умеръ нищимъ, почти сумашедшимъ, въ больницѣ. Чтобы заработать насущный хлѣбъ въ послѣдніе годы своей жизни, онъ старался возбудить угасающее вдохновеніе алкоголемъ и продавалъ за нѣсколько франковъ первой попавшейся редакціи наскоро сочиненные стихи на краю мраморнаго столика. Его память свято чтится до сихъ поръ въ Латинскомъ кварталѣ, и можно встрѣтить людей, гордящихся знакомствомъ съ нимъ: вѣдь онъ все же достигъ извѣстности и былъ дитя Латинскаго квартала...

Менѣе даровитые декаденты, разочаровавшись въ славѣ, стараются обратить на себя вниманіе оригинальными выходками или просто костюмомъ. Къ этимъ послѣднимъ относится нынѣ здравствующій поэтъ Меровакъ, прозванный «l'homme des Cathédrales». Онъ—поклонникъ эпохи среднихъ вѣковъ и живетъ духомъ въ давно прошедшее время, описанное Викторомъ Гюго въ романѣ «Парижская Божья Матерь». Онъ пишетъ никому неизвѣстные стихи, и высшее проявленіе его славы заключается въ томъ, что въ книжныхъ лавкахъ бульвара Сенъ-Мишель продаются открытыя письма съ его изображеніемъ и автографомъ. Зато на улицѣ онъ не пройдетъ незамѣченнымъ, благодаря необыкновенному костюму: свѣтло-зеленый кафтанъ съ оранжевыми и бѣлыми вышивками, широкія шаровары, а на головѣ круглый картузъ. Къ публикѣ, останавливающейся, чтобы на него посмотрѣть, онъ относится съ глубокимъ равнодушіемъ, и его интересное

лицо, обрамленное густой черной бородой, не выражаетъ ни малѣйшаго смущенія. Для него толпа — это безличная и безъидейная масса, которую онъ презрительно прозвалъ «la hurle»—оравой. Къ этой же категоріи оригиналовъ изъ міра художниковъ принадлежитъ знаменитый Карлъ, съумѣвшій провести опытнаго прокурора Кенэ де-Борепера въ горячую эпоху дѣла Дрейфуса. Онъ увѣрилъ его въ томъ, что можетъ достать неопровержимыя доказательства виновности Дрейфуса и на полученные 500 франковъ очень весело провелъ время со своей возлюбленной въ Робинзонѣ, въ прелестномъ загородномъ мѣстечкѣ около Парижа. Такимъ образомъ, политика доставила ему минутную славу, которой онъ напрасно хотѣлъ достигнуть въ артистической карьерѣ. Не менѣе курьезный типъ—это такъ называемый «отшельникъ». Каждый день можно встрѣтить его въ аллеяхъ Люксембургскаго сада, съ книгой въ рукахъ, углубленнаго въ таинственный міръ возвышенныхъ думъ. Онъ вѣчно одинъ. Загадочная улыбка пробѣгаетъ по его блѣдному лицу. Но и этотъ оригиналъ не отъ міра сего не пренебрегаетъ внѣшностью, чтобы обратить на себя вниманіе. Онъ весь одѣтъ въ черномъ, въ широкой крылаткѣ на красной атласной подкладкѣ. Ярко-красный галстукъ и красная лента вокругъ черной войлочной шляпы сразу обнаруживаютъ прохожему, что онъ встрѣтился со «сверхъ-человѣкомъ», съ эстетомъ. Нужно удивляться благодушію парижанъ, среди которыхъ такіе оригиналы беззаботно прохаживаются, не возбуждая противъ себя никакихъ непріятныхъ шутокъ и насмѣшекъ. Въ общемъ, всѣ эти типы, безъ сомнѣнія, являются естественнымъ продуктомъ того художественнаго и идейнаго броженія, которое постоянно волнуетъ столицу міра. Они до нѣкоторой степени оправдываютъ теорію Нитцше о «сверхъ-человѣкѣ», для созданія котораго гибнетъ цѣлое поколѣніе людей, что̀ еще ярче проявляется въ мірѣ экономическомъ. У многихъ изъ нихъ, впрочемъ, это декадентство—чисто напускное, преходящее: по окончаніи ученія они пристраиваются къ выгодному дѣлу и превращаются въ самыхъ прозаическихъ «буржуевъ». Меньшинство только остается вѣрнымъ недосягаемому идеалу и до старости ведетъ жизнь безпріютныхъ скитальцевъ, если не сходитъ съ ума. Въ лучшемъ случаѣ, они поютъ пѣсни въ

декадентскихъ кафе, дѣлаются рисовальщиками или скромно работаютъ за ничтожную плату въ неизвѣстныхъ газетахъ и журналахъ. Но какая бы суровая судьба ни ожидала этихъ современныхъ перипатетиковъ парижской мостовой, они представляютъ радостное зрѣлище въ весеннее утро, подъ тѣнью дѣревьевъ Люксембургскаго сада. На ихъ молодыхъ выразительныхъ лицахъ свѣтится лучъ счастья и надежды. А сколько есть молодыхъ душъ, всю жизнь не испытавшихъ ни разу благодатнаго вліянія этихъ чувствъ!..

А. Плетневъ.

Желаніе.

(Стихотвореніе *Насръ-Эддина*, персидскаго шаха).

Милою покинутъ,
Я едва бреду,
Грустный и разбитый,
Мѣста не найду!

Красотой равняясь
Гурін въ раю,
Ты воспламеняла
Прежде жизнь мою.

Но съ тѣхъ поръ, какъ милой
Здѣсь не вижу я,
Стала ненавистна
Мнѣ краса твоя.

Гдѣ ты, перлъ творенья?
Еслибы опять
Ликъ твой, дорогая,
Могъ я увидать,—

Я бы наглядѣлся
На тебя вполнѣ,
Чтобъ и здѣсь хватило,
И за гробомъ мнѣ!

Н. Бахтинъ.

ЖГУЧІЙ ВОПРОСЪ ВЪ НАШЕЙ АРМІИ.

I.

Въ послѣднее время, въ нашей военной литературѣ выдвинутъ на сцену жгучій вопросъ объ очередномъ производствѣ капитановъ въ штабъ-офицерскій чинъ. Мы назвали вопросъ этотъ «жгучимъ», потому что въ настоящее время о немъ всѣ сильно заговорили. Говорятъ ежедневно, детально разсортировывая всѣ частные элементы. Вопросъ этотъ самъ по себѣ уже является «жгучимъ», такъ какъ, до разрѣшенія его въ подлежащихъ сферахъ въ положительномъ смыслѣ, онъ будетъ безпокоить до глубины души всѣхъ вообще капитановъ нашей арміи, опасающихся невидимаго удара служебной судьбы: «выйти въ тиражъ» по предѣльному возрасту или нечаянно отстать отъ своихъ товарищей и сверстниковъ на пути достиженія густыхъ штабъ-офицерскихъ эполетъ. А вѣдь и то, и другое въ наше время встрѣчается очень часто...

Хотя «за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ», но все таки на воинской службѣ до сихъ поръ еще есть счастливцы и несчастливцы. Повидимому, на такой строгой и отвѣтственной службѣ не должно было бы и существовать такого подраздѣленія: однако, многіе изъ боевыхъ участниковъ послѣдней русско-турецкой кампаніи до сихъ поръ еще пребываютъ въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, не смотря на то, что не за горами уже и 25-лѣтній юбилей этой самой войны!

Между тѣмъ, у насъ въ арміи есть и такіе штабъ-офицеры, которые никогда не слыхали боеваго выстрѣла и даже не нюхали боеваго пороха: все это—«счастливцы», неизвѣстно за какія отличія забравшіеся на верхнія ступени іерархической лѣстницы; все это—«герои мирнаго времени». Многіе изъ нихъ, пройдя счастливый служебный путь по разнымъ резервнымъ, крѣпостнымъ и другимъ частямъ войскъ, попали въ подполковники «фуксомъ» и явились въ чернорабочіе (боевые) полки нежелательнымъ бременемъ

для чаявшихъ очереднаго производства капитановъ—большинства «героевъ военнаго времени». Кромѣ того, многіе изъ неопытныхъ резервистовъ, сѣвъ на шею своимъ же товарищамъ по искусству, внесли съ собою въ чистую, хорошо сплоченную полковыми традиціями, полевую офицерскую среду тѣ струи нежелательнаго теченія, которые выражаютъ собою очевидные недостатки военно-служебнаго воспитанія...

II.

Въ настоящее время полки, въ виду новыхъ правилъ оберъ-офицерскаго производства, переполнены капитанами (ротный командиръ долженъ быть обязательно въ чинѣ капитана). Повидимому, равномѣрность въ чинопроизводствѣ налажена прямолинейно; но не тутъ-то было: вопросъ о производствѣ опять становится «жгучимъ»: счастливые и несчастливцы выступаютъ на сцену!..

Производство «за отличіе» навсегда кануло въ Лету, а «по избранію» все еще дѣйствуетъ на ея берегахъ. Поэтому, каждому изъ капитановъ, чувствующему въ себѣ служебныя силы, опытность и энергію, хочется быть *избраннымъ* для производства въ штабъ-офицеры: никому вѣдь не желательно остаться за флагомъ. Но, между тѣмъ, мечты остаются мечтами, и большинство капитановъ, не смотря на свои убѣленные сѣдиною служебные года, боевой труженическій опытъ и другія отличія и преимущества,—остаются неподвижно сидѣть на своихъ ротныхъ мѣстахъ ниже другихъ сотоварищей по оружію, даже своихъ сверстниковъ. Надо изумляться, какъ это возможно было многимъ оберъ-офицерамъ 80-хъ годовъ и уже въ 90—91 достигшихъ чина капитана стать выше тѣхъ почтенныхъ сотоварищей, которые начали царскую службу еще съ 1875—78 г. и только въ 99 г. произведены въ капитаны! (См. изданную при Гл. Шт. книжку старшинства капитановъ). Участники турецкой кампаніи, кавалеры почетныхъ орденовъ—и вдругъ должны почему-то стать въ затылокъ своимъ бывшимъ подчиненнымъ и даже отстать отъ нихъ на пути служебно-іерархическаго движенія!

Не будемъ распространяться о дѣйствительныхъ причинахъ этой случайной неравномѣрности, а скажемъ лишь, что «современные несчастливцы» потому оказываются таковыми, что никогда не выискивали случаевъ «хожденія» по счастливымъ уголкамъ нашихъ войсковыхъ частей, а всегда оставались вѣрны своей родной полковой семьѣ, своему полевому труду (черной работѣ).

Какъ же теперь соблюсти руководящій принципъ при производствѣ въ подполковники?.. Какъ пособить горю настолько, чтобы не было «обездоленныхъ капитановъ»?

По нашему мнѣнію, прежде всего необходимо: 1) выдвинуть впередъ, изъ массы, всѣхъ бывшихъ на войнѣ героевъ, перенесшихъ невзгоды боевой обстановки и жертвовавшихъ, по долгу службы, своею жизнью; 2) сравнять ихъ всѣхъ въ производствѣ съ небывшими на войнѣ сверстниками—подполковниками; 3) установить общее въ арміи старшинство въ чинѣ капитана *со дня производства въ подпоручики* и 4) для желающихъ участвовать въ конкурсѣ на производство «по избранію» установить теоретическій и практическій военно-научный экзаменъ съ представленіемъ диссертаціи—письменнаго труда на произвольно избранную военно-бытовую тему.

Б—въ.

Ночь на морѣ.

Какая ночь! Не видитъ взоръ,
Среди тоскливой тишины,
Ни очертаній ближнихъ горъ,
Ни диска блѣднаго луны.
Не плещетъ съ ропотомъ волна
Въ борты чернѣющихъ судовъ;
Угрюмо небо, ночь мрачна,
Міръ опочилъ отъ всѣхъ трудовъ.
И лишь на мачтахъ кое-гдѣ
Дрожатъ сигнальные огни,
Да отражаются въ водѣ
Столбами блѣдными они.
Да электрическій маякъ
Мерцаетъ слабо на скалѣ,
А вкругъ него—зловѣщій мракъ
И на водѣ, и на землѣ.
Хотя бъ единый слабый звукъ
Пронесся въ воздухѣ ночномъ!
Какъ будто все живое вдругъ
Теперь заснуло вѣчнымъ сномъ...
Когда бъ не этотъ огонекъ,
Когда бъ не этотъ блѣдный свѣтъ,
Ты заключить бы смѣло могъ,
Что на землѣ и жизни нѣтъ.

С.

ЕВРЕИ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ

(Записка бывшаго Намѣстника, фельдмаршала графа Θ. Θ. Берга, поданная имъ въ Комисію объ устройствѣ евреевъ, при Министерствѣ Вн. Дѣлъ).

Въ письмѣ отъ 10 мая прошлаго (1872) года, за № 1788, г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, сообщивъ мнѣ о признанной Государственнымъ Совѣтомъ необходимости подробной разработки еврейскаго вопроса и объ окончаніи уже по министерству внутреннихъ дѣлъ подготовительныхъ работъ по дѣлу объ устройствѣ быта евреевъ въ имперіи, а затѣмъ,—предварительно открытія особой комисіи для пересмотра нынѣ дѣйствующаго о евреяхъ законодательства, — признавъ нужнымъ имѣть по возможности точныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи евреевъ въ предѣлахъ царства польскаго, — просилъ увѣдомить его о томъ вліяніи, какое имѣло на положеніе евреевъ царства примѣненіе, въ теченіе десяти лѣтъ, Высочайшаго указа 24 мая 1862 г., *отмѣнившаго главныя ограниченія гражданской правоспособности евреевъ* [1]), а равно и о тѣхъ ограниченіяхъ, которыя или остались отъ прежняго законодательства, или еще не пересмотрѣны въ законодательномъ порядкѣ, согласно 8-ой статьѣ того же указа.

Вслѣдъ за симъ, отъ 28 іюня прошлаго года за № 2506, генералъ-адьютантъ Тимашевъ отнесся ко мнѣ о распоряженіи къ составленію систематическаго указателя тѣхъ источниковъ законодательства о евреяхъ, которые понынѣ дѣйствуютъ въ

---

[1]) Записка фельдмаршала Берга относится къ тому знаменательному періоду въ исторіи еврейскаго вопроса, когда гуманное и либеральное правительство Александра II усомнилось въ пользѣ еврейской равноправности и, движимое естественнымъ чувствомъ народнаго самосохраненія, изъявило намѣреніе положить предѣлы жидовской разнузданности, прикрывающейся корсарскимъ флагомъ «гражданской свободы». Записка гр. Берга приложена къ письму на имя кн. Лобанова-Ростовскаго, товарища мин. вн. д. Ред.

царствѣ, и препроводилъ при этомъ копію съ утвержденнаго имъ журнала совѣщанія, учрежденнаго для установленія программы предлежащихъ трудовъ по еврейскому вопросу, такъ какъ въ журналѣ семъ изложены предметы, которые министерство внутреннихъ дѣлъ считаетъ необходимымъ установить въ еврейскомъ быту на новыхъ основаніяхъ и по существу которыхъ желательно имѣть указанія о дѣйствующихъ въ царствѣ польскомъ порядкахъ.

По означенному многосложному и весьма важному вопросу, я нашелъ полезнымъ потребовать ближайшихъ свѣдѣній и соображеній отъ начальниковъ губерній ввѣреннаго мнѣ края [1]), равно отъ президента г. Варшавы, варшавскаго оберъ-полицмейстера и главнаго директора юстиціи.

Въ представленныхъ мнѣ, вслѣдствіе того, донесеніяхъ и запискахъ этихъ лицъ подробно изложены какъ существовавшія, такъ и дѣйствующія въ настоящее время относительно евреевъ въ царствѣ польскомъ законоположенія по указаннымъ въ упомянутомъ журналѣ предметамъ. Притомъ въ нихъ изъяснены соображенія и взгляды касательно нынѣшняго положенія евреевъ въ царствѣ, а также предположенія объ устройствѣ ихъ быта на будущее время. Такимъ образомъ, означенныя донесенія и записки заключаютъ въ себѣ обширный матеріалъ для предстоящей разработки еврейскаго вопроса въ предположенной г. министромъ въ С.-Петербургѣ комисіи. По сему имѣю честь препроводить оныя и, съ своей стороны, сообщить слѣдующее.

Взглядъ мой на евреевъ вообще, и въ особенности во ввѣренномъ моему управленію краѣ, я уже имѣлъ случай изложить въ отношеніи моемъ къ г. министру вн. дѣлъ отъ 23 октября 1869 г., за № 23, 724. Настоящіе *единогласные* отзывы, изложенные въ препровождаемыхъ донесеніяхъ и запискахъ о томъ, что примѣненіе, въ теченіе 10 лѣтъ, Высочайшаго указа 24 мая 1865 г. *не имѣло никакого вліянія на сближеніе и*

---

[1]) Начальникомъ сѣдлецкой губерніи былъ въ то время извѣстный публицистъ С. С. Громека, съ прекраснымъ докладомъ котораго мы также познакомимъ нашихъ читателей. Обѣ эти записки выясняютъ совершенно вопросъ о томъ: насколько жидовская равноправность совмѣстима съ благосостояніемъ русскаго государства. Ред.

сліяніе евреевъ въ царствѣ польскомъ съ мѣстнымъ населеніемъ и нисколько не измѣнило ихъ замкнутости и обособленія,—я вполнѣ подтверждаю. Еврейское населеніе сохранило по прежнему то же *отчужденное положеніе и тѣ же вредныя стороны своей дѣятельности для общества и государства*, а дарованными ему означеннымъ указомъ важными правами *воспользовались только въ своекорыстныхъ видахъ*. Получивъ же значительныя права безъ всякихъ новыхъ обязанностей, *оно имѣетъ нынѣ еще болѣе средствъ къ эксплуатаціи коренныхъ жителей края* и къ преслѣдованію своихъ отдѣльныхъ цѣлей. Вообще всѣ мѣры, принимавшіяся правительствомъ, какъ прежде, въ теченіе многихъ лѣтъ, такъ и въ послѣднее время, оказались, къ сожалѣнію, *не могущими поколебать въ чемъ либо закоренѣлыя невѣжественныя убѣжденія или измѣнить къ лучшему ихъ бытъ и характеръ ихъ дѣятельности, по прежнему исполненной грубой корысти, талмудическихъ предразсудковъ и фанатическаго отвращенія отъ сліянія съ христіанами*.

Такой *безуспѣшный исходъ* всѣхъ принятыхъ относительно евреевъ мѣръ, изъ коихъ послѣднія, заключающіяся въ приведенномъ выше указѣ, отличаются *большею либеральностью* и направлены къ полному уравненію ихъ съ правами прочихъ жителей, съ цѣлью уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, ослабленія еврейской исключительности, долженъ, по моему мнѣнію, *служить указаніемъ и предостереженіемъ, насколько возможно примѣненіе подобныхъ мѣръ относительно евреевъ въ другихъ частяхъ государства* и, въ особенности, требуемое многими допущеніе евреевъ во внутреннія губерніи. *Сія послѣдняя мѣра распространила бы доказанное вѣковымъ опытомъ зло на все государство*. Сколько извѣстно, уже и нынѣ временныя даже поселенія евреевъ въ этихъ губерніяхъ сопровождались и сопровождаются вредными послѣдствіями: *они (евреи) повсюду являются съ предвзятыми корыстными цѣлями*, вездѣ захватываютъ въ свои руки выгодныя и не требующія усиленнаго труда отрасли торговли и промышленности, *стараясь оттѣснить отъ нихъ коренныхъ жителей; вездѣ завладѣваютъ важнѣйшими денежными дѣлами; притомъ многіе изъ нихъ вредно дѣйствуютъ на нравственность мѣстнаго населенія*, занимаясь ростовщичествомъ, продажею питей,

водвореніемъ контробанды [1]), пристанодержательствомъ преступниковъ, укрывательствомъ краденыхъ вещей и подговоромъ къ тому другихъ, и т. п. Во всемъ этомъ евреи успѣваютъ весьма легко по своей врожденной находчивости, предпріимчивости и изворотливости. *Поэтому рѣшеніе вопроса о мѣстѣ ихъ жительства требуетъ крайней осмотрительности.*

Упомянутая выше *безуспѣшность* правительственныхъ распоряженій касательно евреевъ должна также служить указаніемъ относительно характера дальнѣйшихъ мѣропріятій по еврейскому вопросу, какъ въ имперіи, такъ и въ здѣшнемъ краѣ.

Въ этомъ отношеніи представляются слѣдующія соображенія.

I. За дарованіемъ евреямъ царства польскаго, Высочайшимъ указомъ 24 мая 1862 г., правъ почти равныхъ съ правами другихъ жителей, въ настоящее время существуютъ еще относительно лицъ этой національности слѣдующія ограниченія:

Въ должности гминныхъ войтовъ евреи могутъ быть избираемы въ посадахъ, т. е. въ бывшихъ мѣстечкахъ, только въ такомъ случаѣ, если населеніе гмины состоитъ исключительно изъ лицъ еврейскаго исповѣданія; а въ должности лавниковъ— въ такихъ же гминахъ и въ тѣхъ, гдѣ евреи составляютъ не менѣе $^1/_3$ общаго населенія, но съ тѣмъ, чтобы въ гминахъ со смѣшаннымъ населеніемъ число лавниковъ изъ евреевъ не превышало одного на гминный судъ и чтобы на него (лавника) не было возлагаемо должности гминнаго войта въ случаѣ, предусмотрѣнномъ 79-ою статьею указа объ устройствѣ сельскихъ гминъ; избраніе же солтысовъ изъ евреевъ допускается въ тѣхъ посадахъ, жители которыхъ, образуя отдѣльное сельское общество, состоятъ исключительно изъ евреевъ. Наконецъ, еврейскимъ обществомъ, какъ въ тѣхъ посадахъ, которые составляютъ отдѣльную гмину, такъ и въ посадахъ, вошедшихъ въ составъ другихъ гминъ, предоставляется право собираться, съ разрѣшенія гминнаго войта, на частные сходы

---

[1]) Любопытно, что при постановкѣ «Контробандистовъ» жиды дѣлали видъ, что все это сущая клевета на ихъ *честное* племя, и прибѣгали даже къ репрессаліямъ, чтобы снять эту пьесу съ репертуара.

только для обсужденія предметовъ, касающихся распоряженія исключительно еврейскими имуществами.

Въ пріобрѣтенныхъ евреями имѣніяхъ право ктиторства на духовныя мѣста и представленія на оныя кандидатовъ предоставлено правительству. *Раздробительная продажа питей запрещена имъ въ деревняхъ*, за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ живутъ одни евреи. *За водвореніе евреемъ контробанды во второй разъ, судъ обязанъ всегда приговаривать его къ удаленію за 100 верстъ отъ границы*, тогда какъ христіанина за тоже преступленіе можетъ удалить только на 21-верстное разстояніе отъ границы [1]).

Воспрещено: письменные акты, гражданскіе или торговые, и всякіе документы совершать или подписывать на еврейскомъ или жидовско-нѣмецкомъ языкѣ, нижѣ на какомъ либо иномъ языкѣ еврейскимъ письмомъ.

По статьѣ 414, п. 6, гражданскаго уложенія, нехристіане,—а слѣдовательно и евреи,—*не могутъ быть опекунами христіанъ*, ни членами семейныхъ о нихъ совѣтовъ. Акты гражданскаго состоянія о лицахъ еврейскаго исповѣданія совершенно отдѣлены отъ метрическихъ книгъ евреевъ. Первые составляются особыми административными чиновниками, а веденіе послѣднихъ возложено на раввиновъ, обязанныхъ притомъ являться къ подлежащему чиновнику, вмѣстѣ съ свидѣтелями, для составленія акта; между тѣмъ, по общему закону, акты эти соединяются съ церковными метрическими книгами, т. е. составленіе оныхъ ввѣрено приходскому духовенству, совершающему религіозные обряды крещенія, вѣнчанія и погребенія.

На службу допускаются евреи только въ двухъ случаяхъ 1) прослужившихъ въ русскихъ войскахъ 15 лѣтъ дозволено принимать въ гражданскую и городскую службу въ низшихъ мѣстахъ, не включенныхъ въ расписаніе должностей по разрядамъ; 2) евреи, имѣющіе отъ императорскихъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній дипломы на ученыя степени: — докторамедицины и хирургіи или доктора медицины, равно дипломы на степень доктора, магистра или кандидата по другимъ факультетамъ,—могутъ быть опредѣляемы

[1]) Очевидно, соблазнъ заняться традиціоннымъ контробаднымъ промысломъ признанъ и по закону въ пять разъ сильнѣйшимъ для жида, чѣмъ для христіанина. Ред.

въ граждавскую службу по всѣмъ вѣдомствамъ. Кромѣ того, евреи допускаются къ нѣкоторымъ должностямъ общественной службы, а именно: судей комерческаго трибунала, комерческихъ совѣтниковъ и маклеровъ при польскомъ банкѣ, членовъ губернскихъ и уѣздныхъ совѣтовъ общественнаго призрѣнія, почетныхъ ратмановъ или лавниковъ при городовыхъ магистратахъ, членовъ квартирной комисіи въ городахъ, войтовъ гминъ, лавниковъ и солтысовъ,—какъ выше сказано,—въ мѣстностяхъ, исключительно евреями населенныхъ, равно лавниковъ гминнаго суда, въ мѣстностяхъ, гдѣ евреи составляютъ не менѣе $^1/_3$ общаго населенія.

Статьею 6-ою указа 24 мая 1862 года установлена для евреевъ форма присяги, различествующая отъ общей формы. Запрещено евреямъ употреблять особую одежду, за исключеніемъ раввиновъ. Ношеніе бородъ дозволено только при одеждѣ, употребляемой русскими купцами, а, сверхъ того, евреямъ, употребляющимъ нѣмецкую одежду, разрѣшено носить такія бороды, какія носятъ лица другихъ исповѣданій. Также запрещено еврейкамъ брить головы при вступленіи въ бракъ; вышедшимъ же замужъ до 15-го февраля 1871 г. дозволено носить парики изъ волосъ.

Всѣ эти ограниченія—такого свойства, что отмѣна ихъ въ виду степени образованія и нравственнаго развитія евреевъ, равно въ виду постояннаго стремленія ихъ къ уклоненію отъ существующихъ законовъ и **при враждебномъ ихъ настроеніи къ христіанамъ** [1]) представляется рѣшительно невозможною.

II. Такъ какъ употребленныя доселѣ правительствомъ старанія объ устройствѣ быта евреевъ, на одинаковыхъ съ прочими жителями государства основаніяхъ, и объ устраненіи ихъ замкнутости и обособленія, **не привели къ желаемому результату,** и какъ, съ другой стороны, невозможно оставить ихъ въ настоящемъ положеніи, тормозящемъ надлежащее ихъ

---

[1]) Не одинъ фельдмаршалъ Бергъ указывалъ на эту господствующую черту еврейскаго настроенія: христіане, по отношенію къ жидамъ, ведутъ себя гораздо терпимѣе и корректнѣе. Въ рѣшеніи кассаціоннаго сената по дѣлу шкловскихъ жидовъ выражена та же самая мысль. «Вѣротерпимостью» евреи прикрываютъ только свой, возмутительный въ нравственномъ и политическомъ смыслѣ, вавилонскій талмудъ. Ред.

развитіе и *вредномъ для общества и государства*, въ которомъ они живутъ, — то представляется вопросъ: къ какимъ слѣдуетъ прибѣгнуть мѣропріятіямъ, чтобы *побороть господствующее въ массѣ этого населенія невѣжество, талмудическіе предразсудки и фанатическое отвращеніе отъ сліянія съ христіанами.*

Прежде всего, необходимо замѣтить, что, *по свойственной нашему правительству вѣротерпимости, оно само дало евреямъ такую организацію, которая способствовала ихъ отчужденію* [1]). Принимавшіяся доселѣ мѣры *не были основаны на полномъ знакомствѣ съ еврейскимъ бытомъ*, съ еврейскою религіею и со значеніемъ *обрядовъ оной* [2]). Въ этомъ отношеніи прибѣгали и прибѣгаютъ къ посредству лицъ, избранныхъ изъ самихъ евреевъ, на которыхъ, *какъ бы они ни казались благонамѣренными, положиться невозможно.*

Затѣмъ, при будущихъ мѣропріятіяхъ, слѣдовало бы прежде всего *изучить, безъ ихъ посредства, жизнь евреевъ* по прямымъ источникамъ, по еврейскимъ религіознымъ книгамъ и по ихъ законодательству, и такимъ образомъ *вникнуть въ сущность* ихъ исповѣданія и религіозныхъ обрядовъ. Это дало бы воз-

---

[1]) Эта печальная ошибка, прикрывшая флагомъ «терпимости» самую нетерпимую и фанатическую *религіозно-политическую касту*, была подробно разъяснена В. Я. Фуксомъ въ его запискѣ по тому же вопросу, напечатанной въ №№ 10 и 11 «Наблюдателя» за прошлый годъ.

[2]) А между этими обрядами существуетъ, между прочимъ, и человѣконенавистническое употребленіе крови иновѣрцевъ (*не однихъ лишь христіанъ*), засвидѣтельствованное многими правдивыми историками древняго и новаго времени, которыхъ цитировалъ Н. И. Костомаровъ въ своемъ спорѣ съ еврейскимъ оруженосцемъ г. Хвольсономъ. На всѣ эти изобличенія разные реббе Нотовичи и Переферковичи до сихъ поръ не могли придумать никакого отвѣта, кромѣ попрековъ, съ больной головы на здоровую, въ «фанатизмѣ» или «фальсификаціи» талмуда.

Сначала эти попреки полетѣли по адресу редактора «Наблюдателя» за его книгу: «Государство въ государствѣ»; но теперь, когда изъ засады, устроенной жидамъ, выдвинулся уже цѣлый арсеналъ тожественныхъ мнѣній о талмудизмѣ, выраженныхъ Государственнымъ Совѣтомъ и самыми компетентными членами правительственной комисіи при министерствѣ вн. дѣлъ, — лживые упреки приходится талмудистамъ спрятать поглубже въ свой карманъ или имѣть наглость обращать ихъ къ высшимъ лицамъ нашего государственнаго управленія, на что́ они, при всей своей разнузданности, пожалуй, и не рискнутъ.

Ред.

можность, не нарушая основныхъ и дѣйствительныхъ началъ ихъ вѣры, отдѣлить все то, что, *подъ предлогомъ религіи, служитъ только къ поддержанію среди массы еврейскаго населенія невѣжества, фанатизма, отчужденія, ненависти къ христіанамъ, и доставляетъ средства къ эксплуатированію мѣстныхъ жителей.* Тогда можно было бы *въ точности опредѣлить значеніе раввиновъ*, и вообще еврейскихъ духовныхъ, и отношеніе ихъ какъ къ единовѣрцамъ, такъ къ правительству и администраціи.

Тогда разъяснилось бы точнѣе, *насколько нужны: особыя духовно-общественныя управленія евреевъ, особые, весьма многочисленные сборы, налагаемые ихъ же единовѣрцами, отдѣльныя школы и пр.* Нѣтъ сомнѣнія, что существующее нынѣ корпоративное устройство еврейскихъ религіозно-общественныхъ управленій дѣлаетъ много вреда. Такъ называемые «божничные дозоры», *дѣйствующіе въ такомъ же духѣ, какъ существовавшіе прежде кагалы*, и держа массы еврейскаго населенія въ постоянной зависимости, продолжаютъ способствовать замкнутости еврейскаго быта, тѣсному сплоченію и солидарности всѣхъ евреевъ между собою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, *они эксплуатируютъ, посредствомъ разныхъ налоговъ и сборовъ, бѣднѣйшихъ изъ своихъ единовѣрцевъ.*

Еврейскія религіозныя школы положительно вредны: еврейскія дѣти, не получая въ нихъ ни малѣйшихъ научныхъ свѣдѣній, коснѣютъ въ грубыхъ предразсудкахъ, суевѣріи и фанатизмѣ. Такой же вредъ наносятъ еврейскіе учителя. *Все это подлежитъ отмѣнѣ и переустройству.* Въ такомъ смыслѣ высказались *почти всѣ начальники губерній здѣшняго края* въ представленныхъ ими запискахъ. *Взглядъ ихъ въ этомъ отношеніи я вполнѣ раздѣляю.*

Необходимо, по возможности, уничтожить существующую нынѣ отдѣльность въ духовно-общественномъ устройствѣ быта евреевъ и дать надлежащее направленіе ихъ образованію. Въ такомъ только случаѣ можно ожидать постепеннаго сліянія ихъ съ христіанами. Подчиненіе ихъ общему во всѣхъ отношеніяхъ устройству отниметъ у нихъ возможность оставаться въ отчужденномъ положеніи и дѣйствовать ко вреду мѣстнаго населенія и интересовъ государства, а распространеніе между

ними истиннаго просвѣщенія довершить остальное. Тогда только возможно будетъ уравнять ихъ во всемъ съ другими жителями; приближаемые же этого времени заимствовать отъ самихъ,—отъ искренняго принятія и исполненія ими благодѣтельныхъ мѣръ къ упроченію ихъ быта и образованія.

Графъ Ѳ. Бергъ.

Николай Александровичъ Добролюбовъ.

развитіе и *вредномъ для общества и государства*, въ которомъ они живутъ, — то представляется вопросъ: къ какимъ слѣдуетъ прибѣгнуть мѣропріятіямъ, чтобы *побороть господствующее въ массѣ этого населенія невѣжество, талмудическіе предразсудки и фанатическое отвращеніе отъ сліянія съ христіанами.*

Прежде всего, необходимо замѣтить, что, *по свойственной нашему правительству вѣротерпимости, оно само дало евреямъ такую организацію, которая способствовала ихъ отчужденію* [1]). Принимавшіяся доселѣ мѣры *не были основаны на полномъ знакомствѣ съ еврейскимъ бытомъ*, съ еврейскою религіею и со значеніемъ *обрядовъ оной* [2]). Въ этомъ отношеніи прибѣгали и прибѣгаютъ къ посредству лицъ, избранныхъ изъ самихъ евреевъ, на которыхъ, *какъ бы они ни казались благонамѣренными, положиться невозможно.*

Затѣмъ, при будущихъ мѣропріятіяхъ, слѣдовало бы прежде всего *изучить, безъ ихъ посредства, жизнь евреевъ* по прямымъ источникамъ, по еврейскимъ религіознымъ книгамъ и по ихъ законодательству, и такимъ образомъ *вникнуть въ сущность* ихъ исповѣданія и религіозныхъ обрядовъ. Это дало бы воз-

---

[1]) Эта печальная ошибка, прикрывшая флагомъ «терпимости» самую нетерпимую и фанатическую *религіозно-политическую касту*, была подробно разъяснена В. Я. Фуксомъ въ его запискѣ по тому же вопросу, напечатанной въ №№ 10 и 11 «Наблюдателя» за прошлый годъ.

[2]) А между этими обрядами существуетъ, между прочимъ, и человѣконенавистническое употребленіе крови иновѣрцевъ (*не однихъ лишь христіанъ*), засвидѣтельствованное многими правдивыми историками древняго и новаго времени, которыхъ цитировалъ Н. И. Костомаровъ въ своемъ спорѣ съ еврейскимъ оруженосцемъ г. Хвольсономъ. На всѣ эти изобличенія разные ребе Нотовичи и Переферковичи до сихъ поръ не могли придумать никакого отвѣта, кромѣ попрековъ, съ больной головы на здоровую, въ «фанатизмѣ» или «фальсификаціи» талмуда.

Сначала эти попреки полетѣли по адресу редактора «Наблюдателя» за его книгу: «Государство въ государствѣ»; но теперь, когда изъ засады, устроенной жидамъ, выдвинулся уже цѣлый арсеналъ тожественныхъ мнѣній о талмудизмѣ, выраженныхъ Государственнымъ Совѣтомъ и самыми компетентными членами правительственной комисіи при министерствѣ вн. дѣлъ, — лживые упреки приходится талмудистамъ спрятать поглубже въ свой карманъ или имѣть наглость обращать ихъ къ высшимъ лицамъ нашего государственнаго управленія, на что́ они, при всей своей разнузданности, пожалуй, и не рискнутъ.

Ред.

можность, не нарушая основныхъ и дѣйствительныхъ началъ ихъ вѣры, отдѣлить все то, что, *подъ предлогомъ религіи, служитъ только къ поддержанію среди массы еврейскаго населенія невѣжества, фанатизма, отчужденія, ненависти къ христіанамъ, и доставляетъ средства къ эксплуатированію мѣстныхъ жителей.* Тогда можно было бы *въ точности опредѣлить значеніе раввиновъ*, и вообще еврейскихъ духовныхъ, и отношеніе ихъ какъ къ единовѣрцамъ, такъ къ правительству и администраціи.

Тогда разъяснилось бы точнѣе, *насколько нужны: особыя духовно-общественныя управленія евреевъ, особые, весьма многочисленные сборы, налагаемые ихъ же единовѣрцами, отдѣльныя школы и пр.* Нѣтъ сомнѣнія, что существующее нынѣ корпоративное устройство еврейскихъ религіозно-общественныхъ управленій дѣлаетъ много вреда. Такъ называемые «божничные дозоры», *дѣйствующіе въ такомъ же духѣ, какъ существовавшіе прежде кагалы*, и держа массы еврейскаго населенія въ постоянной зависимости, продолжаютъ способствовать замкнутости еврейскаго быта, тѣсному сплоченію и солидарности всѣхъ евреевъ между собою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, *они эксплуатируютъ, посредствомъ разныхъ налоговъ и сборовъ, бѣднѣйшихъ изъ своихъ единовѣрцевъ.*

Еврейскія религіозныя школы положительно вредны: еврейскія дѣти, не получая въ нихъ ни малѣйшихъ научныхъ свѣдѣній, коснѣютъ въ грубыхъ предразсудкахъ, суевѣріи и фанатизмѣ. Такой же вредъ наносятъ еврейскіе учителя. *Все это подлежитъ отмѣнѣ и переустройству.* Въ такомъ смыслѣ высказались *почти всѣ начальники губерній здѣшняго края* въ представленныхъ ими запискахъ. *Взглядъ ихъ въ этомъ отношеніи я вполнѣ раздѣляю.*

Необходимо, по возможности, уничтожить существующую нынѣ отдѣльность въ духовно-общественномъ устройствѣ быта евреевъ и дать надлежащее направленіе ихъ образованію. Въ такомъ только случаѣ можно ожидать постепеннаго сліянія ихъ съ христіанами. Подчиненіе ихъ общему во всѣхъ отношеніяхъ устройству отниметъ у нихъ возможность оставаться въ отчужденномъ положеніи и дѣйствовать ко вреду мѣстнаго населенія и интересовъ государства, а распространеніе между

ними истиннаго просвѣщенія довершитъ остальное. *Тогда только возможно будетъ уравнять ихъ во всемъ съ другими жителями; приближеніе же этого времени зависитъ отъ нихъ самихъ*,—отъ искренняго принятія и исполненія ими благодѣтельныхъ мѣръ къ упроченію ихъ быта и образованія.

Графъ Ѳ. Бергъ.

Николай Александровичъ Добролюбовъ.

Н. А. Добролюбовъ.

(Съ портретомъ).

Въ одномъ изъ своихъ прекрасныхъ беллетристическихъ очерковъ («Умирающій») А. И. Герценъ, возставая противъ мысли о неизмѣнномъ «хронологическомъ прогрессѣ» съ каждою новой исторической датой, выражалъ, напротивъ того, убѣжденіе, что періоды *истиннаго прогресса* далеко не совпадаютъ съ движеніемъ историческаго колеса. «Должно быть—говорилъ онъ устами выведеннаго имъ доктора — *на людей бываетъ урожай*, какъ на виноградъ. Кажется, условія тѣ же, а одинъ годъ изъ десяти вино лучше—говорятъ, отъ кометы».

Такимъ «кометнымъ періодомъ» на людей были у насъ шестидесятые года прошлаго столѣтія, преобразовавшіе Россію сверху до низу, выдвинувшіе цѣлую плеяду незабвенныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ государственной, общественной и литературной жизни.

Къ числу этихъ дѣятелей, надолго оставившихъ слѣдъ въ нашемъ общественномъ самосознаніи, несомнѣнно принадлежитъ и скончавшійся сорокъ лѣтъ тому назадъ даровитый критикъ *Николай Александровичъ Добролюбовъ*.

Жизнь Добролюбова представляется, къ сожалѣнію, очень краткой, а біографія его — весьма несложной. Онъ и умеръ 26 лѣтъ отъ роду. Въ своей рѣчи на его могилѣ Некрасовъ справедливо говорилъ: «Бѣдное дѣтство въ домѣ бѣднаго сельскаго священника, бѣдное полуголодное ученіе; потомъ 4 года лихорадочнаго неутомимаго труда и, наконецъ, годъ за границей, проведенный въ предчувствіи смерти — вотъ и вся біографія Добролюбова».

Но въ этихъ тѣсныхъ рамкахъ прошла, однако, богатая внутренними сокровищами и плодотворная умственная жизнь.

Какъ блестящій критикъ-публицистъ, имѣвшій огромное вліяніе на умственный складъ нашего общества, Добролюбовъ продолжалъ дѣло Бѣлинскаго, къ которому и чувствовалъ глубочайшее уваженіе. Его вліяніе обнаружилось съ первыхъ же статей, напечатанныхъ имъ въ «Современникѣ»

съ сокращенною подписью —*бовъ*, и читатели этого популярнаго журнала, прежде всего, искали въ немъ именно этихъ статей, придававшихъ «Современнику» особую, только ему одному свойственную, физіономію. Ни одно самое крупное по тому времени беллетристическое имя не привлекало къ себѣ такого страстнаго напряженнаго вниманія, какъ критическіе очерки Добролюбова, въ которыхъ онъ, разбирая выдающіеся романы, драмы и повѣсти, производилъ по нимъ мастерской діагнозъ всему тогдашнему «темному царству».

Особенной симпатіей пробудившагося русскаго общества Добролюбовъ пользовался потому, что въ основѣ его критико-публицистической дѣятельности лежала глубокая, искренняя *любовь къ народу*,—именно къ его трудящимся обездоленнымъ классамъ, порабощеннымъ и своимъ собственнымъ безпросвѣтнымъ невѣжествомъ, и тяжелой эксплуатаціей его самозванныхъ корыстныхъ опекуновъ, насѣдавшихъ ему на шею подъ видомъ новорожденной у насъ буржуазіи. Это былъ *народникъ* въ самомъ чистомъ, идеальномъ смыслѣ слова — и нетрудно предсказать, какъ отнесся бы онъ къ дальнѣйшимъ попыткамъ затянуть на шеѣ нашего народа буржуазно-капиталистическую петлю, тѣмъ болѣе съ инородческимъ клеймомъ. Въ одной изъ своихъ статей, сомнѣваясь въ томъ, чтобы при нынѣшнихъ условіяхъ одно распространеніе образованія помогло народу въ улучшеніи его нравственнаго и матеріальнаго быта, безъ соотвѣтствующаго измѣненія политическаго и экономическаго строя, Добролюбовъ писалъ: «Всѣми средствами образованности, всѣми преимуществами новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній *владѣютъ неработающіе классы общества*, которымъ нѣтъ никакой выгоды *передавать оружіе противъ себя тьмѣ, чьимъ трудомъ они до сихъ поръ пользовались даромъ*. Слѣдовательно, безъ участія особенныхъ необыкновенныхъ обстоятельствъ нечего и ждать благотворнаго распространенія образованія и здравыхъ тенденцій въ массѣ народа. Пройдутъ вѣка—и все будетъ по старому, по вѣковой рутинѣ; *новые успѣхи цивилизаціи будутъ только помогать тунеяднымъ монополистамъ въ эксплуатаціи рабочихъ людей* [1]), и по той же рутинѣ рабочіе будутъ обращаться за совѣтомъ и судомъ къ своимъ эксплуататорамъ. А что изъ этого выдетъ — угадать нетрудно... нужно только посмотрѣть вокругъ себя. И теперь что встрѣчаетъ простолюдинъ, когда

[1]) Ту же самую мысль о существующихъ условіяхъ распространенія образованія развивалъ, въ разговорѣ съ пишущимъ эти строки, Г. З. Елисеевъ, сотоварищъ Добролюбова по «Современнику», доказывая, что такого рода образованность, распространяясь въ верхнихъ слояхъ общества, только «отращиваетъ у нихъ когти и навастриваетъ зубы» для эксплуатаціи трудящейся народной массы.

нужда заставитъ его войти въ соприкосновеніе съ образованностью? Тутъ съ него беретъ взятку грамотный писарь, тутъ его обсчитываетъ ученый хозяинъ, здѣсь обмѣриваетъ землемѣръ; тамъ у него на перепутьѣ стоятъ нѣмецкіе промышленники (жидовъ еще и въ поминѣ не было) тамъ надъ нимъ висятъ бюджеты, кредиты, конвенціи, мобилизаціи и другія изобрѣтенія новѣйшей государственной цивилизаціи, безпрестанно отзывающіяся на его спинѣ и карманѣ... И куда онъ ни обратится,—все говоритъ ему о безконечномъ, безъисходномъ продолженіи той же исторіи»...

Вслѣдствіе этого, и въ парламентскомъ режимѣ, съ преобладаніемъ имущихъ классовъ, Добролюбовъ отнюдь не видѣлъ какой-то всесвѣтной панацеи для избавленія народа отъ тяготѣвшаго надъ нимъ ига и много разъ глумился надъ европейскими «говорильнями», только повисшими новымъ гнетомъ надъ трудящимися классами. Недаромъ «Современникъ» переводилъ съ коментаріями Джона Стюарта Милля,—врага буржуазнаго парламентаризма, — не пожелавшаго попадать въ парламентъ путемъ выборныхъ подкуповъ... О примѣненіи къ намъ этого режима Добролюбовъ прямо не говорилъ, но sous-entendu раздѣлялъ несомнѣнно взглядъ А. И. Герцена, выраженный имъ въ письмѣ къ Мишлэ, что русскій народъ «никогда не примирится съ конституціонными царями-судьями, царями-полицейскими, царями-биржевиками» и т. п.

Когда только что зарождавшаяся у насъ еврейская клика, обидѣвшись на В. Р. Зотова за наименованіе ея *жидами*, стала требовать себѣ какого-то особеннаго почета, Добролюбовъ «оскорбилъ насмѣшкой» нѣкіихъ братьевъ-Милеантовъ. Вообще къ инородческой гегемоніи Добролюбовъ могъ отнестись только съ еще бо́льшею ненавистью, чѣмъ къ туземнымъ эксплуататорамъ, и наша юдофильская пресса напрасно старается затащить его въ свой буржуазно-либеральный лагерь, съ которымъ Добролюбовъ и его сотоварищи не имѣли ровно ничего общаго, связанные всѣми фибрами своей души съ интересами кореннаго русскаго народа.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Политическое положеніе Европы наканунѣ 1902 г.—Заигрываніе англичанъ съ Россіей.—Англійская политика на два фронта.—Что̀ можетъ дать намъ союзъ съ Англіей?—Наши задачи въ Персидскомъ заливѣ.—Манифестаціи грековъ противъ русскихъ и славянъ.—Роль Россіи въ постройкѣ багдадской желѣзной дороги. — Дефицитъ во французскомъ бюджетѣ. — Франціи страшенъ не дефицитъ въ бюджетѣ, а жидовская финансовая кабала.—Пятый сіонистскій конгрессъ.

Нерадостно встрѣтила Европа Новый годъ. Въ воздухѣ повсюду чувствуется приближеніе бури, которая можетъ произвести большой переворотъ на европейскомъ континентѣ. Нѣкоторыя государства продолжаютъ грозить «закованнымъ въ броню кулакомъ» и потрясать оружіемъ... Если пока не опредѣленъ еще объектъ угрозъ, если не выясненъ и предметъ, противъ котораго потрясаютъ оружіемъ, то это дѣло—второстепенное и неважное.

Германія, вѣчно готовая къ войнѣ, вѣчно бряцающая своимъ оружіемъ, собирается воевать чуть не со всѣмъ міромъ. Она усердно ищетъ противника и, кажется, нашла его... въ Венецуэлѣ. Она шлетъ туда корабли и людей. Но нужно думать, что Соединенные Штаты, не менѣе Германіи заинтересованные въ Венецуэлѣ, не допустятъ, чтобы около береговъ этой маленькой республики разыгралась какая либо трагикомедія.

Покуда же Германія собирается воевать съ Россіей и Соединенными Штатами... не на полѣ брани и не бездымнымъ порохомъ, а таможенными тарифами. Но прежде чѣмъ выступить на таможенное поле брани, ей приходится вести войну со своими гражданами, съ потребителями русскаго и американскаго хлѣба, упорно отказывающимися отъ удовольствія питаться своимъ нѣмецкимъ хлѣбомъ, хотя этого и настойчиво добиваются аграріи. Небольшія сраженія ведутся нѣмецкимъ правительствомъ и на школьномъ полѣ съ польскими дѣтьми, не желающими молиться на нѣ-

мецкомъ языкѣ. «Закованный въ броню кулакъ» орудуетъ здѣсь пока только плетью и розгой.

Австро-Венгрія вѣчно въ войнѣ... со своими гражданами. Тамъ то война, то миръ, то перемиріе. Австро-венгерское правительство лавируетъ между Сциллой и Харибдой. Прежде тамъ воевали нѣмцы съ венгерцами, славяне съ нѣмцами и венгерцами, чехи съ поляками, поляки съ русинами и т. д. Теперь тамъ воюютъ уже и нѣмцы съ нѣмцами. Пангерманизмъ въ Австріи все сильнѣе укрѣпляется и глубже пускаетъ корни. Число его адептовъ все растетъ. Движеніе «Прочь отъ Рима» усиливается. Теперь уже изъ католичества въ лютеранство перешло около 20,000 человѣкъ. И это въ какихъ нибудь 3—4 года!

Во Франціи Новый годъ встрѣтили болѣе радостно, чѣмъ гдѣ либо. Наша союзница ни съ кѣмъ не собирается воевать и никому не грозитъ. Борьба партій продолжается, но уже на знамени всѣхъ ихъ начертанъ девизъ: «отечество и нація».

Италія мирно настроена. Въ ней начинаетъ пробуждаться сознаніе, что въ итальянцахъ течетъ романская, а не англо-саксонская кровь. Страна уже начинаетъ тяготиться той ролью, которую разыгрываетъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ въ томъ уродливомъ концертѣ, который носитъ кличку «тройственнаго союза». Повидимому, ей уже начинаетъ надоѣдать вѣчное вытаскиваніе каштановъ изъ огня для Германіи и работа «на прусскаго короля». Ея взоры устремлены теперь на Францію. Принимая въ день Новаго года французскую колонію въ Римѣ, французскій посолъ Барреръ говорилъ со своими соотечественниками о добрыхъ результатахъ, достигнутыхъ въ минувшемъ году стараніями правительствъ Франціи и Италіи въ области установленія дружественныхъ отношеній между этими двумя сосѣдними народами. Франція и Италія имѣютъ одну общую задачу: не допустить обращенія портовъ Адріатическаго и Эгейскаго морей въ операціонныя базы для германскаго флота. Недалеко, можетъ быть, то время, когда возникнетъ на континентѣ Европы новый тройственный союзъ:—Россія, Франція и Италія...

Новый годъ Англія встрѣтила печально. Съ полей Трансвааля новогоднія вѣсти не радуютъ: какъ разъ наканунѣ рождества боэры произвели нападеніе на одинъ англійскій отрядъ, половину его перебили, а другую увели въ плѣнъ. Война въ Южной Африкѣ уже тянется 28 мѣсяцевъ, и не видно ея конца. Все, что̀ «англійскій геній» ни придумывалъ для покоренія боэровъ, оказывается никуда негоднымъ. Любовь къ родинѣ одолѣваетъ всякія препятствія, какія бы ни устраивалъ непріятель. Правда торжествуетъ. У англичанъ, т. е. у англійскаго народа, повидимому, упалъ всякій стимулъ къ войнѣ. Всѣ желаютъ мира. О мирѣ особенно хлопочутъ оппозиціонныя партіи, устраивающія съ этой цѣлью митинги во всѣхъ крупныхъ городахъ. Боэры продолжаютъ одер-

живать побѣды, которыя англійское военное министерство скрываетъ отъ народа, но истина начинаетъ понемногу выплывать наружу, и недалекъ тотъ часъ, когда и Чемберлэнъ заговоритъ о почетномъ для боэровъ мирѣ.

На Балканскомъ полуостровѣ—вѣчная кутерьма. Тамъ постоянно кто нибудь кого либо рѣжетъ и убиваетъ. Албанская рѣзня не вызываетъ уже болѣе ни удивленія, ни негодованія. Это уже вошло въ обычай, съ этимъ всѣ примирились.

Остальныя маленькія европейскія государства живутъ мирно, не думаютъ ни о завоеваніяхъ, ни о побѣдахъ. Впрочемъ, ихъ интересуютъ побѣды на экономическомъ поприщѣ, завоеванія иностранныхъ рынковъ для плодовъ своей земли и для работы своихъ согражданъ.

Лондонская пресса не перестаетъ обсуждать вопросъ объ англо-русскомъ союзѣ. Англійскіе публицисты игнорируютъ, что мысль объ этомъ союзѣ встрѣчена русской прессой не только холодно, но даже прямо враждебно. Лондонскіе публицисты убѣждены, что ихъ русскіе collég'и ничего общаго не имѣютъ ни съ русскимъ правительствомъ, ни съ русскимъ народомъ. По ихъ мнѣнію, къ голосу русской печати никто не прислушивается и ея взглядами никто не руководствуется. Печать сама по себѣ, а русское правительство—само по себѣ.

Пробный шаръ, брошенный въ «National Rewiew» нѣсколькими англичанами, скрывшими свои имена подъ литерами A. B. C., вызвалъ полемику въ русской прессѣ. Одни отнеслись съ нѣкоторымъ довѣріемъ и предполагаютъ, что предложенія англичанъ о союзѣ заслуживаютъ серьезнаго вниманія и обсужденія, другіе же отнеслись къ предложенію англичанъ скептически.

«National Rewiew» упорно продолжаетъ уже третій мѣсяцъ начатую кампанію о сближеніи Англіи съ Россіей. Не довольствуясь статьями авторовъ A. B. C., журналъ этотъ въ январьской книгѣ помѣстилъ статью «Russia and England», принадлежащую будто бы перу какого-то русскаго дипломата. Редакція снабдила отъ себя эту статью слѣдующимъ примѣчаніемъ:

«Помѣщая статью, принадлежащую перу одного стараго русскаго дипломата, хорошо освѣдомленнаго о русскихъ политическихъ стремленіяхъ, мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ его убѣжденіе, что согласіе между Россіей и Англіей не только желательно, но и возможно. «Русскій дипломатъ» въ своей статьѣ говоритъ, что всѣ истинные друзья мира и благополучія народовъ искренно желаютъ сближенія Англіи и Россіи. Несомнѣнно, если эти двѣ державы придутъ къ соглашенію въ главныхъ политическихъ вопросахъ, что международный миръ будетъ обезпеченъ и въ Европѣ, и въ Азіи. Такая «entente cordiale»—по мнѣнію

автора,—повела бы къ благу и выгодѣ не только этихъ двухъ заинтересованныхъ державъ, но и всего культурнаго міра. Чѣмъ же можно объяснить постоянное взаимное недовѣріе и вражду между двумя великими народами? «Русскій дипломатъ» убѣжденъ, что это — лишь плодъ чистаго недоразумѣнія (?) между русской и англійской дипломатіей, и что въ высшихъ интересахъ культуры дипломаты должны стремиться къ тому, чтобы разрушить это недоразумѣніе».

Авторъ статьи подробно останавливается на тѣхъ условіяхъ, при которыхъ могло бы состояться сближеніе Англіи съ Россіей. Условія эти таковы: неприкосновенность Оттоманской имперіи, предоставленіе нашему преобладающему вліянію Персіи и побережья Персидскаго залива, причемъ Россія не должна препятствовать развитію англійской торговли въ Персіи. «Въ центральной Азіи,—говоритъ авторъ,—мы находимъ громадное поле для приложенія матеріальныхъ и интеллектуальныхъ силъ обѣихъ націй, и миръ между ними необходимъ тамъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Открытый конфликтъ между Англіей и Россіей въ этомъ районѣ имѣлъ бы роковыя послѣдствія для развитія цивилизаціи и для будущаго обѣихъ націй; для насъ—это безспорно. Соглашеніе же между этими державами съ цѣлью устранить опасность — возможно при сохраненіи Россіей нейтралитета по отношенію къ Индіи. Въ Китаѣ Россіи предоставляется, — по проэктируемому «русскимъ дипломатомъ» соглашенію,—не только Манчжурія, но и Монголія: «Россія только должна признавать торговыя права и интересы Англіи вообще въ Китаѣ и особенно въ долинѣ Ян-цзы».

Въ заключеніе, авторъ говоритъ, что для осуществленія этого соглашенія необходимы два условія: 1) доброе желаніе обѣихъ державъ и 2) отказъ отъ доктрины лорда Керзона, что «Англія должна быть первой державой на Дальнемъ Востокѣ».

Трудно согласиться съ статьями «National Rewiew» по вопросу объ англо-русскомъ соглашеніи, какъ принадлежащими перу анонимныхъ авторовъ А. В. С., такъ и анонимному «русскому дипломату». Слишкомъ долго Англія была нашимъ врагомъ, чтобы мы могли съ ней вступить въ союзъ даже на «подходящихъ условіяхъ». По отношенію къ Англіи мы должны всегда помнить классическій афоризмъ: «timeo Danaos et dona ferentes».

Но тѣмъ не менѣе любопытно познакомиться съ тѣми «подходящими условіями», которыя могли бы лечь въ основаніе англо-русскаго соглашенія.

Что же предлагаютъ англичане? За признаніе правъ Англіи на Египетъ—признаніе нашей политической миссіи на Балканскомъ полуостровѣ. Но что̀ можетъ Англія сдѣлать здѣсь для насъ? Вопросы первостепенной важности, — освобожденіе Греціи, Румыніи, Сербіи, Болгаріи, — рѣшены

русскою кровью, не смотря на упорное стремленіе англичанъ затормозить рѣшеніе этихъ вопросовъ. Остается Босфоръ и Константинополь. Но нельзя же думать, чтобы Англія послала свои броненосцы съ цѣлью завоеванія Константинополя для Россіи!

Посмотримъ, что̀ предлагаетъ намъ Англія въ Персіи? Англичане предлагаютъ намъ оказать содѣйствіе въ развитіи желѣзнодорожнаго сообщенія между Каспіемъ и Персидскимъ заливомъ и въ пріобрѣтеніи для насъ торговаго выхода въ заливъ, но при условіи, что «Россія не должна препятствовать развитію англійской торговли въ Персіи».

Но здѣсь намъ предлагаютъ только то, что̀ мы можемъ сдѣлать и безъ англичанъ, благодаря нашему вліянію,—экономическому и политическому, — въ Персіи. Что же касается Дальняго Востока, то для насъ тамъ несомнѣнно интереснѣе войти въ соглашеніе съ Японіей и Соединенными Штатами.

Такимъ образомъ, предлагаемыя англійскими публицистами, «подходящія условія» для англо-русскаго соглашенія болѣе чѣмъ безполезны для Россіи. Что̀ могла бы выиграть Англія, устроивши англо-русское соглашеніе?

Она, во-1-хъ, укрѣпилась бы въ Египтѣ еще основательнѣе и прочнѣе, чѣмъ теперь; во-2-хъ, она значительно расширила бы сферу своего вліянія въ Китаѣ, въ долинѣ Ян-цзы, и, въ-3-хъ, имѣла бы въ лицѣ Россіи серьезнаго союзника для борьбы экономической и политической съ Германіей. Слѣдовательно, выгоды англичанъ существенны и очевидны.

Въ январьской книжкѣ журнала «National Rewiew» помѣщена статья: «Какъ изолировать Германію»? въ которой авторъ снова возвращается къ вопросу объ англо-русскомъ соглашеніи. Онъ видитъ въ этомъ сближеніи единственное спасеніе отъ все возрастающаго вліянія Германіи. Умѣнье пріобрѣсти большое вліяніе въ Китаѣ и захватъ Германіей Цзяо-Чжоу вызываетъ у автора горькія сѣтованія.

«Отказавшись отъ своего преобладающаго положенія въ центральномъ Китаѣ,—говоритъ авторъ,—и согласившись быть *третьей* державой въ той области, гдѣ раньше мы одни стояли противъ нашего великаго сѣвернаго противника, мы сами этимъ широко открыли двери многочисленнымъ хитростямъ и интригамъ «честныхъ берлинскихъ маклеровъ». Мы, дѣйствительно, сами дали возможность Германіи совершить Raubzug, который,— какъ впервые охарактеризовалъ (?) стремленія Германіи покойный графъ Муравьевъ, — окончился страшнымъ китайскимъ кризисомъ; занять въ Китаѣ лучшее положеніе, чѣмъ другія державы, и пріобрѣсти тамъ въ три короткіе года вліяніе немногимъ меньше того, какое намъ удалось завоевать въ три четверти вѣка. Мы допустили Германію врѣзаться въ самое сердце нашего положенія въ Китаѣ, и ту же самую колоссальную ошибку совершили въ нашемъ соглашеніи съ ней относительно восточной

Африки, гдѣ, благодаря нашей мягкости, она теперь владѣетъ всей линіей отъ Капштадта до Каира, именно въ той области, въ которой одно время мы смѣло могли бы сдѣлаться единственными безспорными властелинами»!

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что кампанія, предпринятая англійскими публицистами въ пользу англо-русскаго соглашенія, вызвана исключительно тѣмъ неблагопріятнымъ политическимъ положеніемъ, въ которомъ Англія находится въ данный моментъ, благодаря трансваальской войнѣ, и что союзъ съ Россіей для нея является не болѣе, какъ устрашающимъ воздѣйствіемъ на Берлинъ.

«Торговая нація,—говоритъ объ Англіи въ «Развѣдчикѣ» М. И. Драгомировъ,—когда она въ силѣ, гоняется не за двумя, а за двадцатью зайцами: въ этомъ—спасеніе человѣчества».

И, дѣйствительно, Англія всегда ведетъ политику «на два фронта». Одна часть англійскихъ публицистовъ заигрываетъ съ Россіей; другая усердно доказываетъ необходимость соглашенія между Лондономъ и Берлиномъ. Въ результатѣ—у кого больше выторгуютъ, съ тѣмъ и войдутъ въ соглашеніе...

Центръ европейской политики въ настоящее время переносится на берега Персидскаго залива. На рейдѣ Ковейтъ красуются четыре англійскихъ военныхъ судна. Англія придаетъ Ковейту очень важное значеніе. «Times» усердно доказываетъ, что шейхъ Ковейта ни въ какихъ вассальныхъ отношеніяхъ къ султану турецкому не состоитъ, и что права эти болѣе духовныя, чѣмъ политическія. Англія беретъ шейха Мабарука подъ свое покровительство противъ притязаній Турціи. Она старается доказать, что въ Персидскомъ заливѣ не потерпитъ ничьего другого вліянія и ея интересы не должны подвергаться какому либо риску.

Англія сдѣлалась господствующей державой въ Персидскомъ заливѣ, руководясь чувствомъ самосохраненія. Каковы бы ни были соображенія, возбуждающія въ другихъ націяхъ желаніе основаться въ Персидскомъ заливѣ, они не могутъ приблизиться, по своему значенію, къ тѣмъ соображеніямъ, которыя должны всегда памятовать наши правители въ Индіи. Наши политическіе и комерческіе интересы тамъ серьезны и созданы усиліями, прилагавшимися въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтія. Все это не можетъ служить забавой для турецкаго султана. Наши интересы безспорны и всѣмъ ясны, и ихъ-то султанъ подвергаетъ опасности, гоняясь за какими-то своими неопредѣленными интересами. Пусть султанъ сохранитъ тѣ верховныя права надъ Ковейтомъ, которыя онъ до сихъ поръ имѣлъ, пусть и другъ его, султанъ Неджа, сохраняетъ свои прерогативы; но мы не желаемъ, чтобы они вызывали тамъ тревогу, вдвоемъ или въ одиночку,—въ противномъ случаѣ мы можемъ оказаться вынуж-

денными принять мѣры, которыя не будутъ пріятны ни въ Константинополѣ, ни въ Неджѣ». Не довольствуясь, однако, этими недвусмысленными намеками, «Times» высказываетъ, нѣсколько строкъ далѣе, уже прямую угрозу: «Наша прямая обязанность и несомнѣнное право—положить конецъ этому непрошенному вмѣшательству и, буде нужно, смести прочь фикцію о верховенствѣ султана, которую мы, можетъ быть, съ слишкомъ большимъ добродушіемъ признавали, пока она намъ не мѣшала»!

Интересы Россіи въ Персидскомъ заливѣ, будущность нашихъ среднеазіатскихъ владѣній, тѣсно связаны съ выходомъ въ Персидскій заливъ. требуютъ бдительнаго наблюденія надъ дѣйствіями «морской разбойницы» въ этомъ заливѣ. Каждый выигранный англичанами шагъ на берегахъ Персидскаго залива — это ударъ не только экономическому положенію нашей страны, но и политическому престижу въ Персіи и на берегахъ Персидскаго залива.

Недавно въ Аѳинахъ произошли анти-русскія и анти-славянскія манифестаціи. Студенты кричали предъ королевскимъ дворцомъ: «Долой славянъ! Долой продажныхъ»! «Агентство Гаваса» прибавляетъ, что раздавались еще крики: «Прочь русскіе рубли», а также: «Да здравствуетъ принцесса Софія»! Эта послѣдняя привѣтствовалась единственно ради своего германскаго происхожденія.

Греческіе студенты не оставили въ покоѣ и митрополита, вызвавшаго ихъ негодованіе исключительно только своимъ воспитаніемъ въ Россіи и поддержкой, оказываемой ему королевою.

Причины, вызвавшія эти негодованія, выяснены В. Горловымъ въ «Новомъ Времени». «Чтобы правильнѣе понимать истинное положеніе дѣлъ,—говоритъ онъ,—обратимся къ географической картѣ. Берега и острова Эгейскаго моря, берега Мраморнаго моря, Босфора и значительной части Чернаго моря населены греками. Хотя поселенія ихъ составляютъ узкія полосы вдоль берега и въ глубину страны не распространяются, тѣмъ не менѣе, со свойственной грекамъ возбужденностью и склонностью къ преувеличеніямъ, они считаютъ и всѣ прилегающія страны,—а въ томъ числѣ и Крымъ, и сѣверные берега Чернаго и Азовскаго морей,—своимъ «отечествомъ», а русскіе въ ихъ глазахъ будутъ всегда узурпаторами. Грекъ не можетъ любить того, кто похитилъ и удерживаетъ за собою часть территоріи его отечества, а русскіе владѣютъ Одессой, Севастополемъ, Ѳеодосіей, Керчью, Таганрогомъ. Значитъ: русскій будетъ всегда врагомъ. Это есть первый пунктъ обвиненія. Второй пунктъ состоитъ въ томъ, что русскіе, и въ особенности южные славяне, не только все болѣе и болѣе утверждаются на занятой ими греческой территоріи, но даже подвигаются впередъ и овладѣваютъ Ма-

кедоніей, гдѣ нѣкогда царствовалъ Великій Александръ. Враги нашихъ враговъ суть наши друзья. Такимъ-то другомъ Греціи является Англія. Послѣдняя ненавидитъ Россію. Въ 1878 году она спасла Константинополь и Босфоръ отъ русскаго занятія. Затѣмъ воспрепятствовала возстановленію Великой Болгаріи. Она удерживаетъ за собою только незначительный клочокъ эллинской территоріи,—островъ Кипръ,—да и тотъ со временемъ возвратитъ, конечно, грекамъ: Іоническіе острова служатъ тому ручательствомъ. Но дружба съ Англіей является для Греціи не только желанной, но и неизбѣжной, предназначенной ей самимъ рокомъ, по мнѣнію грековъ, людей крайне практичныхъ. Взгляните опять на карту. Что такое Грецiя, какъ терминъ географическій? Существуетъ ли тамъ какая нибудь территорія, кромѣ береговъ да острововъ? Это клочекъ земли, обведенный по контуру руки, всѣ пальцы которой представляютъ самую легкую добычу для непріятельскаго флота. Всему міру извѣстно, что Англія на Средиземномъ морѣ всемогуща, а греки, какъ моряки и комерсанты, знаютъ это лучше, чѣмъ кто либо другой. Они во всѣхъ подробностяхъ изучили и Тулонъ, и Спецію, и Мальту. Они знаютъ, что англійскій флотъ есть элементъ прочный, который сохранитъ все свое значеніе при любой политической комбинаціи и за, и противъ. Можно ли послѣ всего этого негодовать на грековъ, если, сознавая вполнѣ ясно, что никто и ничто не въ состояніи защитить ихъ противъ Англіи, они предпочитаютъ сами дружить съ нею? Надо обладать слѣпою самонадѣянностью, чтобы воображать, будто хитрые «комерческіе человѣки» уклонятся со своего прямаго предначертаннаго пути ради религіозной солидарности. Грекъ уважаетъ религію настолько, насколько это приноситъ ему барышъ. Если мы поймемъ грековъ, то твердо установимъ, что это—наши враги. Нашъ интересъ требуетъ скорѣйшаго установленія такого взгляда и открытаго противодѣйствія грекамъ. Если нѣкоторые изъ читателей не повѣрятъ на слово, что греки не придаютъ значенія религіи, когда дѣло идетъ о политикѣ, то я приведу имъ факты: кто продалъ православную церковь въ Босніи и Герцеговинѣ евреямъ и католикамъ Австро-Венгріи? — греческій вселенскій патріархъ въ Константинополѣ. Кто натравляетъ мусульманъ противъ русскихъ иноковъ на Аѳонѣ? Греки. Кто поощряетъ избіеніе славянъ въ Македоніи?—Опять греки. Познаемъ разъ навсегда, что на берегахъ, омываемыхъ теплыми прозрачными водами Эгейскаго моря, грекъ привязанъ къ англичанину, какъ слуга къ своему господину».

Нельзя не согласиться съ г. Горловымъ, что русско-греческія отношенія никогда не носили искренняго характера. Мы не отрицаемъ, что Россія и русскій народъ многимъ обязаны грекамъ. Мы приняли отъ нихъ христіанство, они дали намъ пастырей и учителей, а въ нашей древней цивилизаціи и культурѣ играли выдающуюся роль. Многія сто-

лѣтія мы учились у грековъ. Но за это ученіе, мы, кажется, уже сторицею заплатили. Греки эксплуатируютъ насъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Сборы на греческіе монастыри, производимые греческими монахами въ Россіи, превышаютъ, по всей вѣроятности, сотни милліоновъ рублей; всевозможныя субсидіи и подачки составляютъ колоссальную сумму, и вообще Россія очень много сдѣлала для свободы Греціи. Мы не ждемъ благодарности отъ грековъ, — этого хитраго и пронырливаго народа. Еще въ нашихъ лѣтописяхъ говорится о нихъ: «греки хитры и лукавы». А теперь говорятъ, что «одинъ грекъ стоитъ двухъ жидовъ».

Не безъ основанія утверждаетъ г. Горловъ, что въ грекѣ «мы должны видѣть врага». Можетъ быть, это слишкомъ рѣзко, но во всякомъ случаѣ въ каждомъ грекѣ мы должны видѣть эксплуататора русскаго темнаго народа и его вѣры: къ этому насъ пріучили сами греки, въ теченіе тысячи лѣтъ усердно обиравшіе нашу страну.

Русское общество до сихъ поръ весьма тревожно относилось къ газетнымъ слухамъ о выдачѣ турецкимъ правительствомъ германской анатолійской акціонерной компаніи концессіи на сооруженіе багдадской желѣзной дороги. Въ нашей печати появился уже рядъ статей, въ которыхъ указывается на важное стратегическое и экономическоо значеніе этой дороги.

По поводу этихъ слуховъ, въ «Вѣстникѣ Финансовъ» появилось слѣдующее сообщеніе:

«Министерство финансовъ доводитъ до свѣдѣнія русской публики, что оттоманское общество анатолійскихъ желѣзныхъ дорогъ, получивъ отъ турецкаго правительства концессію на сооруженіе багдадской дороги, передало 40 проц. участія въ этой концессіи французскимъ и бельгійскимъ капиталистамъ и предлагаетъ уступить другіе 40 проц. русскимъ подданнымъ и лицамъ прочихъ національностей, ведущимъ торговыя сношенія съ Турціею. О таковомъ предложеніи анатолійскаго общества министерство финансовъ доводитъ до свѣдѣнія русскихъ капиталистовъ, желающихъ помѣстить свои деньги въ предпріятіе названной дороги».

Въ этомъ сообщеніи предлагается русскимъ капиталистамъ принять участіе въ постройкѣ дороги въ размѣрѣ до 40% концессіи, причемъ доводится до свѣдѣнія капиталистовъ, что 40% участія въ этой концессіи передано уже французскимъ и бельгійскимъ капиталистамъ.

Въ одновременно напечатанной пространной статьѣ разъяснено, какими соображеніями должно будетъ опредѣляться отношеніе русскаго правительства къ вопросу о постройкѣ багдадской желѣзной дороги, и о принятіи въ этомъ дѣлѣ офиціальнаго участія.

Багдадская дорога, пролегающая отъ Босфора чрезъ Малую Азію къ Персидскому заливу, имѣетъ громадное экономическое и стратегическое значеніе. Въ ея постройкѣ особенно заинтересованы Германія и Россія. Дорога эта должна ввести значительную часть Малой Азіи въ сферу вліянія перваго государства и, сверхъ того, дать возможность провозить *на европейскіе рынки малороссійскій хлѣбъ*, призванный стать конкуррентомъ, особенно на германскихъ рынкахъ, русскому и американскому хлѣбу. Но, кромѣ того, анатолійская дорога явится конкуррентомъ нашихъ сибирской и среднеазіатской желѣзныхъ дорогъ, въ качествѣ новаго пути на Востокъ.

Значительная часть Малой Азіи, чрезъ постройку багдадской желѣзной дороги, вводится въ сферу вліянія Германіи, хотя бы въ финансированіи этого предпріятія участвовали и капиталы другихъ странъ, такъ какъ Германія болѣе всѣхъ другихъ государствъ заинтересована въ малоазійской территоріи и ея хлѣбѣ. Поэтому не въ интересахъ русскаго правительства—способствовать сооруженію желѣзной дороги, которая усилитъ въ Малой Азіи чужеземное вліяніе, и тѣмъ болѣе не въ интересахъ Россіи помогать скорѣйшему проложенію пути, который создастъ конкурренцію нашему хлѣбу на германскомъ рынкѣ и нашимъ сибирской и среднеазіатской дорогамъ.

Наряду съ этимъ экономическимъ мотивомъ, существуютъ еще весьма вѣскія соображенія, относящіяся къ области желѣзнодорожной политики. Сооруженіе Великаго Сибирскаго пути, почти окончательно завершенное, указало намъ на наиболѣе близкій путь желѣзнодорожнаго соединенія Европы съ Индіей и на полную осуществимость подобнаго соединенія. Путь этотъ лежитъ черезъ наши азіатскія владѣнія; онъ долженъ идти черезъ Оренбургъ, Ташкентъ и Кушку. Осуществленіе такого желѣзнодорожнаго пути, въ виду мощи, проявленной русскимъ желѣзнодорожнымъ строительствомъ въ дѣлѣ сооруженія великой сибирской магистрали,—несомнѣнно, только вопросъ времени, и притомъ непродолжительнаго. Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ русское правительство не должно, пренебрегая географическими условіями и вопреки историческимъ завѣтамъ, тратить русскія деньги на сооруженіе конкуррирующаго пути, направляющагося къ Индіи и на дальній Востокъ чрезъ чужую территорію.

Созданіе же желѣзнодорожнаго соединенія съ Индіей чрезъ русскія владѣнія вполнѣ возможно, такъ какъ оно выгодно для обоихъ государствъ — Россіи и Англіи.

«На міровомъ рынкѣ,—заявляетъ «Вѣстникъ Финансовъ», — мы съ Англіею, пока что, не конкурренты, и въ сущности нигдѣ почти у насъ съ ней нѣтъ интересовъ, не поддающихся разграниченію. Въ области всемірно-торговопромышленной конкурренціи Англія скорѣе страшна

Германіи. Мы же съ ней опасны другъ другу болѣе издали при маломъ взаимномъ знакомствѣ. На близкомъ разстояніи, когда границы наши соединятся прорѣзавшей Гератъ желѣзнодорожною линіею, и когда по этой линіи возстановятся пограничныя сношенія, а на почвѣ ихъ создадутся взаимные экономическіе интересы, — тогда туманъ былыхъ недоразумѣній и опасеній быстро прояснится, и давно завязанный, лежащій теперь на Памирѣ, гордіевъ узелъ взаимнаго недовѣрія будетъ разрубленъ».

Кромѣ этихъ соображеній, заставившихъ русское правительство отказаться отъ активнаго участія въ сооруженіи багдадской дороги, есть еще другія причины, лежащія въ самой обстановкѣ этого предпріятія. Въ этомъ дѣлѣ участвуютъ представители цѣлаго ряда государствъ съ діаметрально противоположными политическими стремленіями и взглядами. Поэтому волею-неволей,—какъ указывается въ органѣ министерства финансовъ,—придется считаться съ возможностью недоразумѣній и осложненій между націями, участвующими въ синдикатѣ. Участіемъ своимъ въ этомъ предпріятіи Россія можетъ стать въ натянутыя отношенія къ Турціи, «всякія недоразумѣнія съ которой для насъ не желательны».

Русское правительство, не принимая само активнаго участія въ постройкѣ багдадской дороги, доводитъ лишь до свѣдѣнія русскихъ капиталистовъ о возможности помѣстить свои сбереженія въ акціи дороги, нисколько при этомъ не навязывая и не рекомендуя имъ такого помѣщенія.

«Вѣстникъ Финансовъ» считаетъ нужнымъ предупредить русскихъ капиталистовъ, что «разсчитывать на быстрое возрастаніе доходности дороги едва ли, въ сущности, есть основаніе». И далѣе, нельзя забывать, что страна, «прорѣзываемая намѣченною линіею дороги отъ Коніэ до Ковейта, находится на весьма низкой степени культуры и не пользуется даже безопасностью. Она подвергается хищническимъ набѣгамъ курдскихъ и арабскихъ племенъ, которыхъ турецкое правительство не въ силахъ обуздать, и неблагопріятныя условія эти, какъ само собою разумѣется, еще не скоро измѣнятся».

Слѣдовательно, постройка багдадской дороги останется въ рукахъ синдиката, въ составъ котораго входятъ нѣмецкіе капиталисты, съ Deutsche Bank во главѣ, и въ которомъ также въ значительной долѣ активно участвуютъ французскіе и бельгійскіе капиталы.

Едва ли можно сомнѣваться, чтобы Германія не съумѣла извлечь изъ постройки багдадской дороги не только политической, но и экономической пользы. Слишкомъ разсчетливъ и акуратенъ нѣмецъ, чтобы, не взвѣсивъ всѣхъ выгодъ и невыгодъ, онъ взялся за сооруженіе багдадской желѣзной дороги!

Во французскихъ финансовыхъ сферахъ стали за послѣднее время агитировать противъ Россіи; въ ихъ спеціальныхъ органахъ появляются теперь такія статьи, которыя рѣшительно противорѣчатъ духу «альянса». По ихъ мнѣнію, Россія дѣлаетъ авансы англійскимъ капиталистамъ, и это не нравится биржевикамъ Парижа. «Courrier de la Bourse et de la Banque» упрекаетъ даже русское правительство въ неблагодарности.

«Тамъ, гдѣ предпріятія оказывались неудачными,—говоритъ газета,—тамъ потеряны были только капиталы французскіе и бельгійскіе; напротивъ, гдѣ получаются барыши, тамъ добрая часть ихъ попадаетъ въ карманы господъ русскихъ. Вмѣсто того чтобы обвинять насъ, Россія лучше бы сдѣлала, еслибы исправила совершонныя по отношенію къ намъ ошибки и несправедливости, и постаралась вернуть бельгійскимъ и французскимъ капиталистамъ хотя бы часть тѣхъ суммъ, которыя они потеряли въ своихъ русскихъ промышленныхъ предпріятіяхъ». Другая спеціальная газета «Reforme Economique» добавляетъ къ этому, что русскіе *напрасно мѣняютъ французовъ на англичанъ* въ этой области: англичане—люди болѣе практическіе и не дадутъ себя въ обиду. Бѣдные обиженные французскіе финансисты! Не ожидали они такой невѣрности отъ Россіи».

Положеніе французскихъ финансовъ не такъ блестяще, и слава, которая утвердилась за ними въ Европѣ за послѣднія 20 лѣтъ, мало-помалу колеблется... Французское правительство недавно констатировало, что *государственная касса пуста* и что необходимо прибѣгнуть къ займу.

Этотъ кризисъ занимаетъ не только французскую, но и иностранную прессу... Въ «National Rewiew», въ статьѣ, посвященной этому вопросу, говорится, что, какъ ни искусно достигнуло современное французское правительство успокоенія умовъ, какъ ни упрочило за собою довѣріе націи, одержавъ дипломатическія побѣды, благоденствіе французскаго народа—чисто внѣшнее. Официальныя статистическія данныя показываютъ, что во Франціи государственные доходы не достигаютъ цифръ, предполагаемыхъ въ государственной росписи. Косвенные налоги на вино, пиво, а также желѣзнодорожныя ставки, игральныя карты и пр. представляютъ чувствительное уменьшеніе поступленій. По сравнительнымъ таблицамъ оказывается, что доходъ за іюнь 1901 года былъ 42.500,000 франковъ, тогда какъ доходъ за тотъ же мѣсяцъ 1900 г. достигаетъ 45.337,600 франковъ. Такое же паденіе наблюдается въ поступленіи налоговъ на соль и на сахаръ.

Разница замѣчается не только при сравненіи одного мѣсяца съ другимъ; если сопоставить финансовое полугодіе 1901 г. съ таковымъ же 1900 г., то окажется, что первое дало выручку—1.345,648 франковъ а второе—1.415,142.600.

Вопросъ о сокращеніи расходовъ, поднятый бюджетной комисіей, повлекъ за собою другой вопросъ, давно уже стоящій на очереди во Франціи,— объ уничтоженіи «бюджета исповѣданій». Вопросъ этотъ вызвалъ страстные дебаты. Поднять вопросъ объ уничтоженіи бюджета исповѣданій,—значило бы поднять вопросъ объ *отдѣленіи церкви отъ государства*, а такіе вопросы,—какъ совершенно справедливо заявилъ президентъ совѣта, — не рѣшаются въ одинъ день. Вопросъ о бюджетѣ исповѣданій рѣшено было оставить большинствомъ 350 голосовъ противъ 187.

Для Франціи, съ ея высоко развитою фабрично-заводскою промышленностью, съ ея широкою торговлею, съ ея удивительно предпріимчивымъ и энергичнымъ населеніемъ, не страшенъ временный кризисъ. Она переживала и болѣе серьезные кризисы, выходя съ честью изъ всевозможныхъ политическихъ и финансовыхъ затрудненій. Въ какихъ-нибудь 8 — 10 лѣтъ она забыла совершенно матеріальное разореніе и финансовое крушеніе послѣ франко-прусской войны. Французскихъ патріотовъ,—повторяемъ,—страшатъ не тѣ финансовые недочеты, о которыхъ говоритъ «National Rewiew», а нѣчто болѣе серьезное и опасное. Это— жиды, вліяніе которыхъ на финансовое положеніе страны день ото дня становится интенсивнѣе и опаснѣе. Жидъ Ротшильдъ, вложивши нѣсколько десятковъ милліоновъ въ государственные финансы Франціи, беретъ чисто жидовскіе «пурценты» — около 20%. Такихъ жидовскихъ «пурцентовъ» не выдержитъ ни одна страна въ мірѣ! Кромѣ процентовъ, Ротшильдъ, стоя во главѣ жидовскихъ финансовыхъ сферъ, оказываетъ еще губительное давленіе и на политическое положеніе страны.

Франціи надлежитъ серьезно подумать объ освобожденіи отъ жидовскаго — политическаго и экономическаго — вліянія. Чѣмъ раньше возьмутся за очищеніе финансовъ и политическихъ сферъ отъ жидовскаго элемента, тѣмъ лучше и выгоднѣе будетъ для всей страны, попавшей въ жидовскую кабалу...

Евреи хотятъ освободить христіанскій міръ отъ своего присутствія. Давно пора! «Европа—говорятъ они—насъ не цѣнитъ и не понимаетъ тѣхъ матеріальныхъ выгодъ, которыя даетъ ей это высоко-талантливое племя» (?). И вотъ въ умахъ евреевъ возникла прекрасная мысль—перекочевать въ Палестину и основать тамъ свое жидовское, на талмудическихъ принципахъ, царство. Идея «сіонизма», не смотря на усиленную ея пропаганду, не встрѣчаетъ, однако, особаго сочувствія у большинства евреевъ. Это и понятно: среди кого же будутъ жиды производить свои гешефты? Вѣдь не среди же своихъ соплеменниковъ, изъ которыхъ каждый, въ свою очередь, прекрасный гешефтмахеръ. Не-евреевъ,—ко-

торыхъ самъ Богъ, по мнѣнію талмуда, отдалъ на съѣденіе этому избранному племени,—въ Палестинѣ, вѣдь, немного!

Въ Базелѣ въ настоящее время собрался V сіонистскій конгрессъ Число делегатовъ отъ разныхъ еврейскихъ общинъ очень большое. На конгрессъ пріѣхали представители изъ Англіи, изъ Америки, Канады, изъ Южной Африки, изъ Сибири и Новой Зеландіи. Всего собралось 265 делегатовъ. «Подъемъ духа,—говорятъ «Одесскія Новости»,—небывалый, и сіонисты ведутъ себя на конгрессѣ, во время дебатовъ, лучше любой парламентской корпораціи». Еще бы!

На первыхъ четырехъ сіонистскихъ конгрессахъ евреи не пришли однако, ни къ какому положительному рѣшенію; даже не выработали ни мѣръ, ни способовъ— какъ выбраться имъ изъ Европы въ Палестину. Есть полное основаніе предполагать, что и на V конгрессѣ жиды не придутъ ни къ чему положительному: вѣдь имъ не легко разстаться съ Европой, гдѣ такъ удобно можно обдѣлывать свои гешефты, при помощи фальшиваго парламентаризма. Сіонизмъ, какъ идея, конечно, привлекательная вещь, но въ смыслѣ гешефта—никуда не годится. Пріятно помечтать о странѣ отцовъ и дѣдовъ, но уѣхать туда... Это уже совсѣмъ не завлекательное дѣло.

НОВЫЯ КНИГИ.

Дм. Цвѣтаевъ. Ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго Университета. **Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ.** II томъ. Приложенія къ историческому изслѣдованію. Книга вторая. Варшава, 1902 г.

Предъ нами вторая книга «Приложеній» ко 2-му тому капитальнаго труда неутомимаго изслѣдователя вопросовъ, касающихся русско-польскихъ отношеній въ до-петровскій періодъ русской исторіи: «Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ». Во второй книгѣ Приложеній помѣщены акты, извлеченные изъ архивовъ варшавскихъ и внѣваршавскихъ.

По своему содержанію, древнѣйшіе изъ актовъ свидѣтельствуютъ о русско-польскихъ отношеніяхъ въ 1608 — 1613 г.г., о пребываніи въ польскомъ плѣну царя и князей Шуйскихъ, московскихъ пословъ и др. москвитянъ, о платѣ русскимъ, принимавшимъ польское подданство, перебѣжчикамъ, лазутчикамъ и т. д.

Дальше идутъ акты о сооруженіи зданій на мѣстѣ бывшей московской каплицы—о постройкѣ дома «Общества любителей наукъ» и памятника Копернику,—а также о дѣятельности этого «Общества», объ его учрежденіи и постепенной организаціи, уставахъ и правилахъ, объ отношеніяхъ его къ русскому правительству и пр.

Къ этой книгѣ приложенъ и планъ мѣстности бывшей усыпальницы Шуйскихъ.

Собранный г. Цвѣтаевымъ матеріалъ представляетъ большую научную цѣнность для выясненія личности и судьбы царя Василія Шуйскаго, вообще мало освѣщенныхъ въ нашей исторической литературѣ, и для ознакомленія съ дѣятельностью варшавскаго «Общества любителей наукъ», почти совершенно незнакомой русскому читателю.

Мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на характерѣ дѣятельности этого общества.

«Варшавское общество любителей наукъ [1]), коего цѣль, по возста

---

[1]) Изъ записки о сооружавшемся въ Варшавѣ памятникѣ князю Іосифу Понятовскому, составленной къ іюлю 1834 г.; см. стр. CCLIX N CXXX.

новленіи Александромъ Благословеннымъ польскаго королевства, сдѣлалась примѣтно *не ученою*, но *политическою*, искало способовъ поселить въ польскомъ народѣ мысль не о самобытности, которую онъ уже имѣлъ и не о независимости, но о какомъ-то *владычествѣ* надъ другими народами. По сей причинѣ, «Общество люб. наукъ» представляло всегда въ преувеличенномъ, а иногда даже ложномъ видѣ древнее величіе и могущество Польши; тогдашнее же ея положеніе выставляло несчастнымъ. Все, что могло припоминать прежнюю славу Польши, «Общество» старалось увѣковѣчить; оно возобновило въ Люблинѣ памятникъ соединенія Литвы съ Польшей; построило домъ общества на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда покоился прахъ царя Василія Шуйскаго, соорудило памятникъ Копернику и пр. Нѣтъ сомнѣнія, что и первую мысль родственниковъ и друзей князя Іосифа Понятовскаго,—уважаемаго въ Польшѣ, какъ «патріота», и столько же, какъ Костюшко, Колонтай и Домбровскій,—«Общество любителей наукъ» развило и старалось о приведеніи оной въ исполненіе. Сіе тѣмъ болѣе вѣроподобно, что на засѣданіи общества 30 августа 1816 г. читано было похвальное слово кн. І. Понятовскому, сочиненное гр. Ст. Потоцкимъ, по случаю панихиды по князѣ Понятовскомъ въ краковскомъ каѳедральномъ соборѣ.

«Что касается дѣятельности и заслугъ кн. Понятовскаго, то въ другомъ документѣ, — именно въ докладной запискѣ отъ 31 іюля (12 авг.) 1834 г., представленной главнымъ директоромъ правит. комисіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія намѣстнику гр. Паскевичу,—говорилось: «Жизнь князя Понятовскаго никакими великими подвигами не ознаменована, и смерть его въ бѣгствѣ, послѣ пораженія подъ Лейпцигомъ приключившаяся, ничего достославнаго въ себѣ не представляетъ. Итакъ очевидно, что онъ возвышенъ соотечественниками своими въ герои и почтенъ памятникомъ для того только, чтобы воспламенять патріотизмъ, котораго направленіе клонилось всегда и нынѣ даже клонится ни къ чему иному, какъ токмо ко вреду Россіи и къ расторженію узъ, народъ польскій съ ней связывающихъ».

Въ разсматриваемой нами книгѣ помѣщенъ рядъ документовъ объ участіи членовъ варшавскаго «Общества любителей наукъ» въ польскомъ возстаніи 1830—1831 г.г.

«Предсѣдатель «Общества люб. наукъ» Нѣмцевичъ... во время бунта провозглашенъ былъ членомъ тогдашняго «Администраціоннаго совѣта»; какъ секретарь сената царства польскаго, сочинялъ проэктъ преступнаго акта объ удаленіи государя императора и его августѣйшихъ наслѣдниковъ отъ престола царства польскаго. Дѣйствительный членъ этого общества, бывшій ректоръ варшавскаго университета, ксендзъ Альбертъ Швейковскій... далъ поводъ распространиться между учениками буйному и строптивому духу неподчиненности; во время же мятежа онъ пользовался осо-

бенною къ себѣ приверженностью университетскихъ студентовъ... Дѣйствит. членъ того же общества, бывшій директоръ приготовительнаго училища къ политехническому институту, Каетанъ Гарбинскій, во время мятежа былъ президентомъ варшавскаго муниципальнаго правленія, издавалъ возмутительныя объявленія и съ особеннымъ усердіемъ содѣйствовалъ мятежникамъ въ исполненіи ихъ преступныхъ замысловъ». Такъ характеризуетъ дѣятелей «О—ва люб. наукъ» чиновникъ Красовскій въ представленномъ имъ въ намѣстническую канцелярію спискѣ 30 янв. (11 февр.) 1833 г. (См. стр. CCLXII и N CXXXV.

Мы извлекли изъ этого обширнаго списка лишь нѣсколько характеристикъ и сожалѣемъ, что размѣры библіографической замѣтки не позволяютъ намъ подробнѣе остановиться на этихъ документахъ, касающихся участія варшавскаго «Общества любителей наукъ» въ польскомъ возстаніи 1830—1831 г.г. Желающихъ ближе ознакомиться съ этими цѣнными документами мы отсылаемъ къ вышеназванному труду Д. В. Цвѣтаева.

Первая книга названнаго труда (о ней мы дали отзывъ въ майской книгѣ «Наблюдателя» за прошлый годъ) содержитъ въ себѣ до 70 документовъ и 13 плановъ, а вторая—204 документа и 15 плановъ. Собраніе этихъ цѣнныхъ матеріаловъ сопряжено было съ громаднѣйшею затратой времени, труда и энергіи, такъ какъ приходилось извлекать ихъ не только изъ варшавскихъ, но и изъ заграничныхъ архивовъ. Но труды и энергія, которые почтенный профессоръ затратилъ на отыскиваніе въ архивахъ всѣхъ этихъ матеріаловъ, не пропали даромъ: обнародованные имъ документы и планы окончательно рѣшаютъ старый вопросъ о мѣстѣ погребенія Шуйскаго въ Варшавѣ.

Мѣсто это—тамъ, гдѣ теперь находится зданіе первой мужской гимназіи и стоящій предъ нею памятникъ Копернику, а не въ саду 1-й гимназіи, гдѣ сохранилась старинная бесѣдка, которую изслѣдователи ошибочно принимали за усыпальницу Шуйскихъ.

Н. Н. Сергіевскій. Антонъ Калюжный. Спб. 1902 г.

«Антонъ Калюжный»—названіе перваго и самаго большаго разсказа; затѣмъ идутъ: «Утопія» и «Женщина».

Антонъ Калюжный, герой разсказа—матросъ, симпатичный типъ простаго русскаго человѣка, проникнутый любовью къ ближнему. Антонъ служилъ во флотѣ и, прослуживъ тамъ два года, дождался счастливаго дня—получилъ шестинедѣльный отпускъ.

Приближаясь къ родному селу, онъ вздумалъ застать врасплохъ свою жену Елену. Ясно представлялось ему, какъ онъ войдетъ во дворъ, какъ кликнетъ жену, не ожидающую его пріѣзда; какъ сомлѣетъ она, увидавши его, какою радостью загорятся ея черные глаза. Онъ торжественно развяжетъ свой тяжелый узелъ и вынетъ оттуда подарки. Никого не забылъ Антонъ; всѣхъ порадуетъ онъ хоть чѣмъ нибудь. Женѣ онъ

везетъ шкатулку краснаго дерева на ножкахъ — работу искуснаго судоваго плотника. И—Боже мой!!—чего только нѣтъ въ этой шкатулкѣ: тутъ и серебряныя сережки съ красными камешками, и золотое колечко съ блестящимъ стеклышкомъ, и платки шолковые, и ленты алыя — да всего и не перечтешь.

Съ такими радостными мечтами Антонъ вошелъ въ родительскій домъ, но здѣсь его ожидали горести. Мать-старуху онъ засталъ умирающей, а жены его, Елены, не было дома. Его братъ и сосѣди всѣ сторонились его, потупляли глаза; никто не желалъ сказать ему правды про жену.

А съ женою его случилось нѣчто болѣе чѣмъ печальное. Его «молодуха», послѣ того какъ онъ ушелъ въ солдаты, долго убивалась и сильно скучала. Горше смерти была ей разлука съ Антономъ. Сосѣднихъ молодыхъ парней, увивавшихся около нея, она скоро отвадила. Скоро она поступила къ генеральшѣ Астафьевой, сосѣдней помѣщицѣ, въ рукодѣльницы. Елена понравилась генеральшѣ.

Между тѣмъ, пріѣхалъ къ генеральшѣ сынъ ея, женатый морской офицеръ. Увидалъ онъ Елену, полюбилась ему красавица-рукодѣльница; попуталъ бѣсъ и Елену. Родился сынишка. Проходу не стало бѣдной женщинѣ; всѣ стали зубоскалить и называть ее «астафьевской» барыней. Она рѣшила покончить съ ребенкомъ: придушила его, а матери сказала, что волкъ унесъ его, когда она жала въ полѣ. Замучила Елену совѣсть; не въ моготу стало, пошла она и повинилась во всемъ начальству. Началось слѣдствіе, младенца нашли, а Елену посадили въ тюрьму въ уѣздномъ городѣ.

Антонъ бросаетъ родительскій домъ и идетъ въ городъ отыскивать свою жену съ цѣлью убить ее. Заранѣе онъ содрогался и чувствовалъ страстное наслажденіе, представляя себѣ, какъ острый косой ножъ вонзится въ бѣлое тѣло Елены, какъ кровь брызнетъ ему въ лицо. Онъ жаждалъ мести. Но когда Антонъ остановился въ тюремной больницѣ предъ кроватью умирающей жены, когда онъ увидалъ ея блѣдное высохшее, еле обтянутое землистою кожей, лицо и большіе черные глаза,—эти глаза, съ нѣжной любовью остановившіеся на немъ,—Антонъ, припавъ къ рукамъ Елены, безпомощно зарыдалъ. Сердце его переполнилось невыразимой жалостью...

— Его, Антоша, прости! Невиноватъ онъ, я, безпутная, во всемъ виновата...

— Что ужь тутъ? Богъ проститъ!—мягко промолвилъ Антонъ.

И, дѣйствительно, Антонъ не только простилъ *его*, но спасъ его сынишку изъ воды и своею грудью защитилъ отъ смертельнаго удара пьянаго матроса.

Матросъ Калюжный—симпатичный типъ русскаго человѣка—очень

вѣрно и ярко очерченъ авторомъ. Разсказы г. Сергіевскаго свидѣтельствуютъ о недюжинномъ дарованіи молодаго автора. Они читаются съ большимъ интересомъ и, по прочтеніи, не забываются,—какъ это бываетъ съ разсказами большинства нашихъ молодыхъ писателей.

А. Миловидовъ. Государственное значеніе всероссійскихъ патріарховъ. Публичное чтеніе. Харьковъ, 1901 г.

Высшая іерархія православной церкви, съ самаго начала христіанской жизни Руси, принимала дѣятельное участіе въ обширномъ кругѣ общественныхъ, гражданскихъ и государственныхъ дѣлъ, и служила сильною двигающею пружиною всего государственнаго механизма. Это участіе церкви не было произвольнымъ вмѣшательствомъ ея въ чуждую область: оно было вызвано желаніемъ государства—воспользоваться ея просвѣщеннымъ содѣйствіемъ въ устроеніи государственнаго и гражданскаго порядка. Весь духовный и политическій ростъ русскаго народа совершился подъ непосредственнымъ и ближайшимъ протекторатомъ или *попечительствомъ* церкви, какъ выражается авторъ вышеназванной брошюры; при ея содѣйствіи, Русь отъ родоваго быта и обычнаго права незамѣтно перешла къ началамъ государственности, опирающимся на положительный законъ; изъ разрозненныхъ удѣловъ стала могущественнымъ и грознымъ московскимъ государствомъ подъ властью самодержавныхъ царей.

Первое представленіе о патріархѣ и патріаршей власти русскій народъ получилъ изъ Византіи. Въ своихъ посланіяхъ къ народу и русскимъ князьямъ константинопольскіе патріархи всегда настойчиво проводили мысль, что патріархъ есть «общій учитель и отецъ, свыше отъ Бога, для всѣхъ повсюду находящихся христіанъ», онъ—«судья вселенной, имѣющій права Бога», къ нему должны обращаться сами князья; «почтеніе и покорность патріарху относятся къ самому Богу».

Когда въ 1589 г. Русь получила «благословеніемъ Божіимъ и царскимъ изволеніемъ» свой «превысочайшій престолъ патріаршій», и русскіе іерархи приняли на себя титулъ патріарховъ, то народъ перенесъ на нихъ свое уже готовое высокое представленіе о прерогативахъ патріаршей власти.

Церковь всегда была самой вѣрной и сильной охранительницей монархизма, и ни одинъ изъ пастырей не дерзнулъ коснуться скипетра при всемъ своемъ вліяніи. Самъ народъ никогда не смѣшивалъ патріаршихъ и царскихъ прерогативъ. Сближая въ своемъ представленіи объ власти, называя царя «пастыремъ и учителемъ», а патріарха—«великимъ господиномъ», а иногда и «государемъ», народъ однако, хотя не строго, но различалъ границы ихъ власти. Гермогену, при всемъ его значеніи, какъ главы въ безгосударное время, говорили, что ближайшая его обязанность—заниматься церковными дѣлами. Въ представленіи

народа царь и патріархъ являлись какъ бы нераздѣльной двоицей. Участіе патріарха въ дѣлахъ гражданскихъ было необходимо не только для народа и общества, но и для самого московскаго правительства, которое хорошо сознавало силу нравственнаго вліянія церкви и потому искало въ ней опоры въ своихъ столкновеніяхъ съ народомъ и боярами, дорожило совѣтами пастырей церкви. Всѣ законодательные сборники, всѣ важнѣйшіе законодательные проэкты, послѣ утвержденія государемъ и думою, скрѣплялись подписью патріарха, послѣ чего они получали силу дѣйствующихъ законовъ. Патріархи оказывали большое вліяніе на всѣ сферы государственной дѣятельности; ни одно важное дѣло не обходилось безъ ихъ участія. Патріархи призывались на совѣщанія къ царю, ихъ представители присутствовали на засѣданіяхъ думы и земскихъ соборовъ. Въ отсутствіе царя патріархъ становился во главѣ думы. Оффиціальныя умаги того времени имѣли обыкновенно такую надпись:

«Великій Государь, совѣтовавъ со святѣйшимъ патріархомъ... и говоря съ бояры, указалъ»...

Православная русская церковь въ лицѣ своихъ патріарховъ несомнѣнно оказала громаднѣйшую услугу московскому правительству не только въ дѣлѣ укрѣпленія и расширенія прерогативъ царской власти, но и въ государственномъ строительствѣ и въ сферѣ взаимныхъ отношеній между царемъ и народомъ, между царемъ и боярами. Есть вѣскія основанія предполагать, что уничтоженіе патріаршества, внеся крупный диссонансъ между свѣтской и духовной властью, невыгодно отразилось не только на духовныхъ интересахъ церкви, но и самой высшей власти. Жаль, что г. Миловидовъ въ своей интересной брошюрѣ не остановился на выясненіи вопроса: выиграли или потеряли церковь и государство вслѣдствіе уничтоженія патріаршества?

Толково и кратко составленная брошюра г. Миловидова принесетъ много пользы всѣмъ, кто интересуется историко-церковными вопросами.

В. Арефьевъ. **Описаніе Сибири.** Очерки для народнаго чтенія. Вып. II. Краткое описаніе губерній и областей Сибири. Томскъ, 1901 г.

Сибирь въ настоящій моментъ все болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе русскаго общества. Проведеніе Великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, переселенческій вопросъ, послѣднія событія на Дальнемъ Востокѣ — вотъ три главные фактора, возбудившіе интересъ къ Сибири въ русскомъ обществѣ. Этою отдаленною страною, ея жизнью и бытомъ, ея богатствами, ея землею, интересуется не одинъ лишь русскій «интеллигентъ». Крестьянинъ смотритъ на Сибирь съ упованіемъ и надеждою; гонимый на родинѣ безземельемъ и страдая отъ недостатка работы, онъ стремится въ эту сказочно-богатую страну за счастіемъ, за «богачествомъ». Бросивъ родную деревню, родную пашню, русскій крестьянинъ стремится въ Сибирь—«на вольныя земли».

Но, не смотря на тотъ интересъ, съ которымъ русское общество прислушивается къ разсказамъ о Сибири, эта страна почти неизвѣстна намъ. Русскій же крестьянинъ совсѣмъ ничего не знаетъ объ ней, хотя охотно и упорно туда стремится. О Сибири у насъ слишкомъ мало издано книгъ и брошюръ, изъ которыхъ русскій читатель могъ бы ознакомиться съ этою особенно любопытною, въ настоящій моментъ, страной.

«Описаніе Сибири» г. Арефьева составлено кратко, но толково и вразумительно. На 95 страницахъ авторъ даетъ намъ бѣлое описаніе Западной и Восточной Сибири, Приамурскаго края, Приморской области и Степнаго края. Онъ дастъ краткія свѣдѣнія о природѣ края, о его климатическихъ и топографическихъ условіяхъ; знакомитъ съ почвою, съ рыбными и звѣриными промыслами, съ надземными и подземными богатствами. Конечно, обо всемъ онъ говоритъ отрывочно, даетъ только поверхностныя свѣдѣнія.

Но въ виду того интереса, который въ настоящее время возбуждаетъ къ себѣ Сибирь, и въ виду недостатка книгъ и нашего малаго знакомства съ природою и минеральными богатствами Сибири, «Очерки» г. Арефьева, не смотря на ихъ краткій и бѣглый характеръ, принесутъ несомнѣнную пользу русскому обществу, познакомивъ его съ тою страною, въ которую они такъ усиленно стремится въ настоящее время.

ОТГОЛОСКИ.

(Корреспонденція «Наблюдателя»).

I.

О потребностяхъ нашего народнаго просвѣщенія.

Наше министерство народнаго просвѣщенія ведетъ счетъ высшимъ и среднимъ учебнымъ заведеніямъ не по областямъ, составляющимъ стотридцати милліонное русское государство, и не соотвѣтственно пространству и величинѣ населенія территорій, а огульно: въ Россіи университетовъ всего столько-то, политехникумовъ столько-то, высшихъ инженерныхъ, горныхъ, лѣсныхъ, строительныхъ училищъ столько-то, и т. д.

Но всѣ эти высшія учебныя заведенія, за исключеніемъ университетовъ Москвы и Харькова,—городовъ съ населеніемъ сильно смѣшаннымъ въ высшихъ и среднихъ слояхъ съ иновѣрцами и иноплеменниками,—а въ Сибири Томска, находятся *на далекой западной окраинѣ, считая и Петербургъ съ его полуиностраннымъ населеніемъ*, среди финновъ, эстовъ, нѣмцевъ, латышей, поляковъ и жидовъ.

На долю же великорусскихъ губерній: смоленской, калужской, курской, орловской, воронежской, тамбовской, рязанской, тульской, пензенской, самарской, саратовской, астраханской, Крыма, земли войска Донскаго, Уральскаго, Терскаго, Кубанскаго и всего сѣвернаго Кавказа, *съ населеніемъ около тридцати милліоновъ, нѣтъ ни одного высшаго учебнаго заведенія*, почти нѣтъ среднихъ *спеціальныхъ и техническихъ*, нѣтъ даже *ремесленныхъ школъ*, ибо нельзя же назвать нѣсколько имѣющихся школъ *ремесленными* потому только, что тамъ учатся *дѣлать изъ папки коробочки и тому подобный вздоръ!* Даже въ губернскихъ городахъ этихъ губерній едва найдется два-три порядочныхъ печныхъ мастера; въ остальныхъ же городахъ и селахъ плохіе трубочисты занимаются постройкой печей, да и тѣхъ мало, и печи годами не чистятся и не ремонтируются, что̀ и служитъ причиной частыхъ пожаровъ въ городахъ и деревняхъ.

Но на это у насъ не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія. Охаютъ только да ахаютъ, а причинъ не доискиваются, потому что не привыкли правильно разсуждать и анализировать,—что пріобрѣтается только временемъ, при свободѣ устной и письменной рѣчи. Къ несчастью, дѣла первой важности у насъ считаются за второстепенныя, *и во внутренней политикѣ второй шагъ дѣлается прежде перваго.*

Не угодно ли великоруссамъ посылать подростковъ-дѣтей въ Москву, переполненную студентами и учениками спеціальныхъ и техническихъ училищъ, или за нѣсколько сотенъ и даже тысячъ верстъ—въ Петербургъ, Юрьевъ, Ригу, Варшаву, Кіевъ, Одессу, въ Томскъ, на жертву дороговизны, шумной, полной соблазновъ, жизни огромныхъ городовъ, гдѣ, какъ нарочно, собрано все, мѣшающее юношѣ или дѣвицѣ посвятить себя наукѣ? Да и однимъ ли молодымъ людямъ? Конечно, и профессорамъ, и всему училищному персоналу суетливая жизнь огромныхъ городскихъ поселеній и недостатокъ для такой жизни средствъ, ассигнуемыхъ государственнымъ казначействомъ, — стоятъ поперекъ дороги въ ученой и учебной дѣятельности.

Не забудемъ, что территорія европейской Россіи равняется всѣмъ государствамъ западной Европы вмѣстѣ.

Что сказали бы порядочные люди Европы и Америки, еслибы какой либо деспотъ вздумалъ закрыть всѣ высшія учебныя заведенія Германіи, Даніи, Англіи и Швеціи и заставилъ посылать дѣтей, для полученія высшаго образованія, общаго и спеціальнаго, въ Испанію, Португалію и Италію? А вѣдь именно таково положеніе дѣтей великоруссовъ; таково положеніе дѣтей закавказскихъ грузинъ, имеретинъ, армянъ, мингрельцевъ, въ большинствѣ вынужденныхъ посылать дѣтей для полученія высшаго, а частью и средняго образованія въ Венецію, Вѣну, Парижъ и Лондонъ. Таково же положеніе и русскихъ женщинъ, ищущихъ нынѣ, съ величайшимъ трудомъ и жертвами, университетскаго образованія за тысячи верстъ въ западной Европѣ!

Сравнительно съ другими государствами, даже самыми молодыми, дѣло высшаго, средняго и низшаго *образованія* стоитъ у насъ очень плохо. Даже въ Болгаріи на образованіе идетъ 8% государственнаго дохода, *въ Сербіи 5%,—въ Россіи же только 2%!!*

Начиная съ учебниковъ по нѣкоторымъ предметамъ, съ системъ преподаванія, съ образованія и воспитанія педагоговъ, учителей и учебнаго начальства, съ ихъ отношенія къ учебному дѣлу и ученикамъ, съ понятій заправилъ этого вѣдомства объ обязанностяхъ государства и государственнаго казначейства къ дѣлу образованія, съ презрительнаго отношенія къ мнѣніямъ русскаго общества и къ потребностямъ родителей и дѣтей, — все здѣсь достойно полнаго осужденія и требуетъ коренныхъ измѣненій.

Возьмемъ, напримѣръ, хотя взгляды на преподаваніе въ учебныхъ заведеніяхъ латинскаго языка, которому у насъ приписывается, согласно традиціямъ средневѣковаго времени, какая-то чудодѣйственная сила для полноты образованія.

Во всей Европѣ до реформаціи, а со времени реформаціи—въ средней и южной Европѣ, т. е. въ странахъ католическихъ,—богослуженіе идетъ на латинскомъ языкѣ, потому что христіанство водворялось тамъ огнемъ и мечемъ итальянскими, преимущественно, римскими священниками, говорившими въ первые вѣка на латинскомъ языкѣ, который справедливо считался въ Римѣ и вообще въ папской области роднымъ. Другихъ языковъ насадители католицизма въ государствахъ Европы,—въ томъ числѣ и въ славянскихъ земляхъ запада, — не знали и знать не хотѣли.

Понятно поэтому, что римско-католическое духовенство, утверждаясь постоянно въ чуждыхъ странахъ, заводило школы и училища, гдѣ преподаваніе велось на латинскомъ языкѣ, подготовленное младшими классами съ латинскимъ языкомъ, какъ главнымъ предметомъ обученія. Иначе духовенство не понимало бы своихъ прихожанъ, а прихожане—богослуженія въ церквяхъ и проповѣдей священниковъ. Такимъ образомъ, съ первыхъ вѣковъ христіанства, въ Западной Европѣ латинскій языкъ получилъ право гражданства, и всѣ ученыя сочиненія, вся почти литература, а у высшаго класса, частью, и устный разговоръ велся по латыни, и только съ конца XVI вѣка, подчиняясь вліянію моды и образованія, латынь уступила мѣсто французскому и мѣстнымъ роднымъ языкамъ.

Но такъ какъ въ католическихъ странахъ богослуженіе и до сихъ поръ продолжаетъ вестись на латинскомъ языкѣ, а образованіе въ бо́льшей части учебныхъ заведеній, въ особенности женскихъ, находится въ рукахъ патеровъ и католическихъ монастырей, а нѣкоторыя науки, напримѣръ медицина, до сихъ поръ не могутъ, по привычкѣ, инерціи и ради призрака средневѣковой ученой таинственности, освободиться отъ латинскихъ названій лѣкарствъ и писанія рецептовъ по латыни,—то и неудивительно, что въ бо́льшей части учебныхъ заведеній Европы обученіе этому языку идетъ успѣшнѣе, чѣмъ въ русскихъ.

Тамъ оно вызывается потребностями религіи и всесильнымъ вліяніемъ католическаго духовенства, весьма упорнаго въ отношеніи своихъ личныхъ интересовъ и старыхъ порядковъ, а также и тѣмъ, что обученіе ведется одновременно и практически, и теоретически съ самыхъ юныхъ лѣтъ.

У насъ же знаніе латинскаго языка не вызывается *ни церковной, ни житейской потребностью*, а учатся ему только теоретически, такъ какъ ни въ церкви, ни отъ священниковъ, ни въ разговорѣ никогда

его не слышатъ, и притомъ учатся ему среди другихъ иностранныхъ языковъ: греческаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго.

Однако же, не смотря на очевидность всего этого, мы путаемся въ мысляхъ, почему дѣти православнаго исповѣданія не такъ-то легко усвоиваютъ латинскій языкъ.

За неудовлетворительные баллы по латинскому и другимъ иностраннымъ языкамъ оставляютъ, безъ разбора и безъ малѣйшаго снисхожденія на второй годъ въ классѣ, а затѣмъ и выключаютъ. И это при плохихъ учебникахъ и самомъ непрактичномъ способѣ преподаванія языковъ [1]), при которомъ, вмѣсто чтенія, письма подъ диктовку, заучиванья общеупотребительныхъ въ обыкновенномъ разговорѣ фразъ и переводовъ на русскій языкъ, насилуютъ способности дѣтей затверживаніемъ грамматическихъ правилъ, примѣнять которыя къ дѣлу ученики не могутъ, такъ какъ имъ не остается времени для чтенія, диктовки и разговора, а сухіе отвлеченные разговоры учебниковъ вовсе не имѣютъ обыкновенныхъ разговорныхъ фразъ и полны мертваго педантизма.

При очевидной невозможности требовать отъ дѣтей—съ разною подготовкой, разными темпераментами, наклонностями къ той или другой наукѣ—одинаковаго знанія всѣхъ предметовъ, министерство упорно отказывалось исполнить справедливое желаніе сотенъ тысячъ родителей и дѣтей — оцѣнивать правоспособность къ переводу изъ класса въ классъ не по удовлетворительному баллу изъ каждаго предмета отдѣльно, а по среднему изъ всѣхъ (кромѣ русскаго и исторіи), если онъ выше удовлетворительнаго.

Какъ же, послѣ всего вышесказаннаго, не усомниться въ плодотворной дѣятельности лицъ, работающихъ въ этомъ вѣдомствѣ? Какъ не подумать, что между ними мало находится друзей истиннаго просвѣщенія въ Россіи? Какъ не замѣтить явнаго покровительства традиціямъ и недружелюбнымъ намѣреніямъ чужеземцевъ и иноплеменниковъ, стремящихся захватить всѣ наиболѣе выгодныя и вліятельныя дѣла въ свои руки? Какъ не скорбѣть о лишеніи великоруссовъ, бѣлоруссовъ и кавказскихъ христіанъ возможности и удобствъ образовывать дѣтей у себя дома, не посылая ихъ за тысячи верстъ въ незнакомыя мѣста, къ незнакомымъ людямъ, въ громадные города, созидаемые не для процвѣтанія серьезной науки, добрыхъ нравовъ и разумныхъ дѣлъ, а для цѣлей спекуляціи, наживы, карьеры, для удовлетворенія прихотей и страсти къ роскоши, ко всякаго рода излишествамъ тщеславія, показнаго великолѣпія, прикрывающаго лохмотья и полное умственное и нравственное убожество? Какъ не сказать, что мы, въ дѣлѣ *просвѣщенья*, *далеко отстали отъ другихъ*

[1]) Всѣ учебники иностранныхъ языковъ составлены у насъ иностранцами. По своей непрактичности, они для русскихъ дѣтей вовсе непригодны. Это всѣмъ извѣстно.

государствъ по энергіи, по иниціативѣ, по умѣнью требовать изъ государственнаго казначейства денежныя средства на святое дѣло образованія,—при нынѣшнемъ положеніи Россіи, самое необходимое, самое благодѣтельное, самое животворное и великое изъ всѣхъ дѣлъ, которыя ей предстоитъ совершить въ ближайшемъ будущемъ, ради ея внѣшняго могущества и внутренняго благоденствія?!

А. Р.

Воронежъ. *26 декабря 1901 г.*

II.

Одесскіе лицедѣи.

Глубокоуважаемый г. Редакторъ! Позвольте просить Васъ помѣстить въ вашемъ журналѣ нѣсколько мыслей, вызванныхъ прилагаемымъ при семъ театральнымъ объявленіемъ изъ № 5355 «Одесскихъ Новостей», за этотъ годъ.

Мысли эти будутъ касаться нашей театральной сцены въ провинціи, изуродованной вторженіемъ еврейскаго элемента.

Въ Одессѣ, напримѣръ, идетъ представленіе прямо *тенденціозныхъ жидовскихъ пьесъ, исполняемыхъ притомъ на жаргонѣ.*

Прилагаемое объявленіе изъ «Одесскихъ Новостей» гласитъ слѣдующее:

«Русскій театръ.

«Въ среду, 18 іюля 1901 г., варшавской нѣмецкой опереточно-драматической труппой, подъ дирекціей М. О. Вейсфельда, для перваго выхода артиста варшавскихъ театровъ г. Штрауса, представлено будетъ:

«Баръ-Кохба»,

музыкальная мелодрама въ 4 д.» и т. д.

Прежде всего, я хочу обратить ваше вниманіе на то, что вся труппа Вейсфельда—*жидовская*, а не нѣмецкая. Эта труппа — родная сестра труппы Сабсая, о фіаско которой въ г. Балтѣ я писалъ вамъ и моя корреспонденція была помѣщена въ апрѣльской книгѣ «Наблюдателя». Артисты этой труппы — евреи и преслѣдуетъ эта компанія спеціально жидовскую цѣль: *будить еврейскую надменность* посредствомъ сопоставленія якобы «героической» жизни евреевъ съ ихъ настоящимъ не особенно завиднымъ положеніемъ. Въ помянутой пьесѣ изображены подвиги лже-мессіи Баръ-Кохбы (сынъ-звѣзды), возставшаго при импе-

раторѣ Адріанѣ и истребившаго, съ полчищами кровожадныхъ сподвижниковъ, въ Киренѣ, Египтѣ и на островѣ Кипрѣ до полумилліона христіанъ.

Возстаніе это было чисто-предательскимъ, жестокимъ и безчеловѣчнымъ. Многихъ христіанъ,—по свидѣтельству Діона Кассія,—жиды распиливали пополамъ, *пожирали ихъ мясо*, *лизали ихъ кровь* и въ дикомъ упоеніи побѣды опоясывали себя ихъ внутренностями... Человѣколюбцы...

И вотъ подвиги этого изверга рода человѣческаго жиды изображаютъ на сценѣ русскаго театра, вѣроятно, пріучая насъ къ мысли о подобномъ же побоищѣ на нашей территоріи.

Евреи возмущаются, что въ «Контробандистахъ» выставлены дурныя стороны еврейства (но есть и добродѣтельный талмудистъ); они говорятъ, что въ пьесѣ этой больше политики, чѣмъ искусства, и что разоблаченіе темныхъ сторонъ еврейства противорѣчитъ задачамъ «чистаго искусства», цѣлямъ театра. Ну, а пьеса «Баръ-Кохба»,—позволительно будетъ, спросить у жидовъ, — развѣ принадлежитъ къ образцамъ «чистаго искусства»; развѣ въ ней нѣтъ ничего тенденціознаго?!

На дѣлѣ эта пьеса, конечно, ничего не имѣетъ общаго ни съ искусствомъ, ни съ задачами сцены.

Какія высокія идеи въ ней проводятся, чему она поучаетъ, какая мораль преслѣдуется ею? Выведенъ архи-башибузукъ Баръ-Кохба, поднявшій знамя возстанія и предательски умертвившій (съ ужасающими и омерзительными подробностями, какъ распиливаніе людей пополамъ) полмилліона людей единственно изъ самаго дикаго въ мірѣ религіознаго фанатизма!

И труппы Сабсая, Вейсфельда, Компанейца и т. п. невозбранно поучаютъ жидовскую банду въ Варшавѣ, Минскѣ, Вильнѣ, Одессѣ, Кременчугѣ, Елизаветградѣ, Екатеринославѣ и другихъ городахъ «черты осѣдлости» въ духѣ непримиримой ненависти къ христіанамъ, заставляютъ жидовъ сторониться христіанъ, будятъ въ нихъ самое злобное національное и религіозное чувство по отношенію ко всѣмъ другимъ народностямъ и религіямъ, кромѣ израиля и его вавилонско-халдейскаго талмуда, облыжно именуемаго «моисеевымъ закономъ».

Гдѣ же это стремленіе евреевъ сдѣлаться «добрыми патріотами, хорошими гражданами, вѣрными русскими подданными»?

Возможно ли, чтобы жиды, насмотрѣвшись въ театрѣ на подвиги своихъ древнихъ героевъ-изувѣровъ, въ родѣ башибузука Баръ-Кохбы, стали питать добрыя чувства къ христіанамъ? Сама пьеса «Баръ-Кохба» представляетъ прославленіе главнаго ея героя, пострадавшаго, въ концѣ концовъ, за «свои подвиги» отъ меча Адріана, жестоко расправившагося съ этимъ гнуснымъ негодяемъ. Ничего инаго въ этой музыкаль-

ной мелодрамѣ не имѣется! Въ итогѣ: публика должна любоваться, какъ дѣйствуетъ на сценѣ Баръ-Кохба, этотъ безпримѣрный въ исторіи «человѣкъ-звѣрь»; смотрѣть, какъ провонявшіе чеснокомъ артисты прославляютъ имя древняго еврейскаго національнаго героя, еще въ тѣ далекія времена отличавшагося на поприщѣ измѣны, предательства, вѣроломства и дьявольской жестокости, какъ истинное «порожденіе ехиднино». А что возстаніе Баръ-Кохбы было предательскимъ и гнуснымъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ и историкъ Гиббонъ. Вотъ что пишетъ онъ по этому поводу: «чувство человѣколюбія возмущается въ особенности при чтеніи разсказовъ объ *омерзительныхъ жестокостяхъ, совершонныхъ евреями* въ городахъ Египта, Кипра и Кирены, гдѣ, *подъ видомъ дружбы, они предательскимъ образомъ употребили во зло довѣріе мѣстныхъ жителей*—отчего мы и склонны *одобрять римскіе легіоны, сурово отомстившіе расѣ фанатиковъ*, которая, вслѣдствіе своихъ варварскихъ и легкомысленныхъ предразсудковъ, сдѣлалась *непримиримымъ врагомъ не только римскаго правительства, но и всего человѣческаго рода*» (sic!) «Какой же, однако, *ретроградъ* былъ этотъ не въ мѣру прославленный Гиббонъ»!—прошипятъ со злостью реббе Ландау, Нотовичи, Переферковичи и Перевертовичи.

Цѣль этой пьесы—возмутительная, *противообщественная* и *противогосударственная*. Въ самомъ дѣлѣ, для чего, какъ не для возбужденія жидовскихъ массъ въ духѣ древняго фанатизма, ставятся пьесы, гдѣ выставлены «герои», безжалостно истребляющіе христіанъ?

Для чего, какъ не для вящаго одурманиванія жидовъ и отдаленія ихъ отъ христіанъ, ставятся эти жалкія издѣлія «драматическихъ дѣлъ мастеровъ»? Пьесы «Суламифъ», «Баръ-Кохба» и «Жидивка-выхрестка»,—всѣ онѣ проникнуты одной тенденціей: унизить христіанство и возвеличить еврейскую религію съ ея ревностными правовѣрными послѣдователями. Съ христіанской точки зрѣнія, личность Баръ-Кохбы является, конечно, отталкивающей, позорной и предательски-низкой. Это—висѣльникъ, это—выродокъ рода человѣческаго, это—сумасбродный изувѣръ!! Съ точки же зрѣнія еврейско-талмудической, Баръ-Кохба—«національный герой», наиболѣе популярный изъ всѣхъ героевъ и героинь древне-іудейскаго міра; онъ—воплощеніе духовной красоты и мужества; онъ «великій борецъ за вѣру и свободу» (чью?) Пусть такъ. Установимъ эти двѣ діаметрально противоположныя точки зрѣнія: — русскую и еврейскую. Но гдѣ же мы живемъ: въ Палестинѣ, Аргентинѣ или въ Россіи? Въ Палестинѣ, да и то не теперь, а тогда, когда она обратится въ «сіонистское государство», прославленіе такого героя понятно и допустимо. Но въ Россіи, въ странѣ христіанской—вдругъ раздается еврейская проповѣдь «религіозной и племенной вражды къ христіанамъ (по выраженію уголовнаго кассаціоннаго департамента сената)», возвеличиваются подвиги

древняго еврейскаго злодѣя, предательски умертвившаго сотни тысячъ христіанъ!.. Въ этомъ есть что-то дикое, анормальное и прямо таки вредное въ государственномъ значеніи этого слова. «Орлеанская Дѣва» и «Жизнь за Царя»,—эти національно-патріотическія пьесы,—понятны во Франціи и Россіи и не будутъ такъ умѣстны въ Америкѣ и Австраліи. Но пьеса Баръ-Кохба? Гдѣ она можетъ быть допустима? О, только въ Палестинѣ и нигдѣ больше. Въ странахъ же христіанскихъ особенно неудобно ставить такія мерзости.

Извольте послѣ этого вѣрить жидовскимъ «крокодиловымъ слезамъ», притворно источаемымъ по поводу своего отчужденія отъ русскаго народа, будто бы непріязненно къ нимъ относящагося. Положимъ, русскій народъ, по весьма понятнымъ причинамъ, не долюбливаетъ кровопійцу-жида, но едва ли онъ будетъ лучше относиться къ нему послѣ того, какъ случайно зайдетъ на представленіе «Баръ-Кохбы» или «Жидивки-выхрестки»... Результатъ можетъ получиться совершенно обратный!

Въ Одессѣ жидовъ чуть ли не пятая часть всего населенія, а, пожалуй, и побольше. И вотъ эти десятки тысячъ съ жадностью набрасываются на «якобы нѣмецкіе» спектакли и жадно упиваются зажигательными мелодрамами еврейскихъ сочинителей.

Полезно ли это? нужно ли? и кому?!

Вообще ненормальнымъ кажется существованіе въ Россіи этихъ «нѣмецкихъ» труппъ, поголовно состоящихъ изъ евреевъ.

Ненормально и то, что полиція слишкомъ мирволитъ прямому нарушенію закона, *воспрещающаго ставить пьесы на жаргонѣ*. Вѣдь ни для кого не тайна, что нѣмецкій языкъ и еврейскій жаргонъ — двѣ вещи совсѣмъ различныя. Но выходитъ всегда такъ, что жидовскій жаргонъ преблагополучно сходитъ за нѣмецкій языкъ. А имѣющіе уши—ничего не слышатъ...

Гастроли «нѣмецкой» труппы Вейсфельда идутъ въ одесскомъ... «*Русскомъ* театрѣ». Это прелестнѣе всего! Хорошъ «русскій» театръ, пріютившій у себя талмудистовъ, произносящихъ на своемъ жаргонѣ героическіе монологи на страхъ и смерть христіанамъ. Неужели въ Одессѣ не найдется истинно русскихъ людей, безъ ложно-космополитической окраски, которые скажутъ свое veto по адресу нахальныхъ семитовъ, обращающихъ русскую сцену въ арену политической и религіозной пропаганды?!

Veritas.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Вырожденіе земства и угасаніе прежнихъ земскихъ принциповъ.—Новые типы предсѣдателей земскихъ управъ и земскихъ статистиковъ.—Поѣздка русскихъ сельскихъ хозяевъ въ Англію.—Къ вопросу о «министерствѣ народнаго здравія». — Общество скорой медицинской помощи. — Врачъ и паціентъ.—Откровенное заявленіе д-ра Вересаева.—Финляндскіе протесты противъ улучшенія быта безземельныхъ крестьянъ.—Переоцѣнка русскихъ писателей, устроенная евреемъ Волынскимъ.—Раздутый юбилей П. И. Вейнберга и его настоящее значеніе въ русской литературѣ.—Достойная скромность самого юбиляра. — Манифестаціи противъ д-ра Вергуна.

Наши земства и земскія учрежденія переживаютъ своего рода кризисъ. Старые земскіе дѣятели, влагавшіе душу въ земское дѣло, сходятъ со сцены, уступая свое мѣсто дѣятелямъ новой формаціи—дѣятелямъ рубля... Старыя традиціи «служенія народу» вѣрой и правдой, не за страхъ, а за совѣсть, отходятъ на задній планъ. На сцену выступилъ узкій личный и сословный эгоизмъ. На первомъ мѣстѣ стоятъ знаменитые «лукояновцы» въ нижегородской губ. Они продолжаютъ прославляться. На губернское земское собраніе изъ нихъ пожаловалъ одинъ только г. Лавровъ; остальные же гласные предпочли остаться дома. Предсѣдатель лукояновской управы А. А. Струговщиковъ на губернское собраніе совсѣмъ не ѣздитъ. Что же касается дѣятельности лукояновскихъ земцевъ, то она прямо удивительна: въ теченіе 4-хъ лѣтъ лукояновское земство истратило на свои дороги 112 р. изъ губернскаго дорожнаго капитала. За это же время другія земства нижегородской губерніи истратили болѣе 100 тыс. руб.

На очередномъ карачевскомъ (орловск. губ.) земскомъ собраніи, при обсужденіи доклада управы объ организаціи общественныхъ работъ для населенія уѣзда, пострадавшаго отъ неурожая, гласный Спиченскій высказалъ опасеніе, какъ бы народъ, узнавъ, что для него устроены общественныя работы или работы въ лѣсахъ, не потребовалъ себѣ баснословной платы. Собраніе,—какъ передаетъ «Орловскій Вѣстникъ»,—отвергло докладъ управы и единогласно

постановило ходатайствовать, чтобы разработка лѣса въ казенныхъ дачахъ производилась въ предѣлахъ ежегодной рубки.

Въ Симферополѣ возникъ конфликтъ между предсѣдателемъ земской управы, Родзянко, и завѣдующимъ земскимъ статистическимъ бюро, Блекловымъ. Мы не будемъ входить въ причины этого конфликта. Г. Родзянко, разыгрывающій изъ себя роль земскаго помпадура, глубоко неправъ. Но завѣдующему статистическимъ бюро не мѣшало бы помнить, что онъ служитъ не господину Родзянко, а земству. Поэтому его «забастовка» вмѣстѣ со статистическимъ бюро является дѣйствіемъ до нѣкоторой степени страннымъ и едва ли добросовѣстнымъ по отношенію къ земскому плательщику. Народъ даетъ свои послѣдніе гроши на земскія статистическія работы, а тутъ вдругъ земскіе статистики—забастовали! Плательщикъ не виноватъ въ томъ, что г. Родзянко оскорбилъ завѣдующаго статистическимъ бюро. Еще менѣе понятно бойкотированіе г. Ѳирсова, взявшаго въ свои руки брошенное Блекловымъ статистическое дѣло и организовавшаго новый кадръ земскихъ статистиковъ.

На нѣкоторыхъ прошлогоднихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ было много вопіющаго и грустнаго, что̀ не можетъ не печалить людей, любящихъ земство и преданныхъ ему. Каждый день газеты приносятъ намъ печальныя извѣстія и новые факты, свидѣтельствующіе о паденіи земскаго дѣла и объ угасаніи прежнихъ земскихъ принциповъ и традицій...

Зарайское уѣздное земское собраніе, напр., назначившее добавочное содержаніе предсѣдателю управы, отказало въ ассигнованіи добавочныхъ суммъ на школьныя нужды. «Гражданинъ», по этому поводу, съ негодованіемъ говоритъ:

«*Небывалый еще по своей безнравственности фактъ:* назначеніе уѣзднымъ собраніемъ предсѣдателю земской уѣздной управы (состоятельному помѣщику!), въ видѣ дополнительнаго содержанія тѣхъ 1,200 руб., которые въ прошломъ году собирались ему назначить въ видѣ пособія, а 2 года назадъ въ видѣ пенсіи,—и назначаетъ эти 1,200 рублей послѣ ряда отказовъ въ дополнительныхъ содержаніяхъ голоднымъ учителямъ и учительницамъ, и даже въ открытіи школы»!

Гоненія на гласность въ земскихъ собраніяхъ все чаще и чаще практикуются, чего никогда не бывало прежде, въ лучшія времена. Земцы новѣйшей формаціи хотятъ рѣшать и обсуждать земское дѣло «келейнымъ образомъ». Газеты же всегда не прочь вынести соръ изъ земской избы... Но подумали ли земцы о томъ: на что̀ нужно безъ гласности самое земство? Все чаще и чаще раздаются дикіе голоса въ земскихъ собраніяхъ: «долой прессу, долой представителей печати». Совершенные Сквозники-Дмухановскіе!

Наше сельское хозяйство переживаетъ тяжелый кризисъ, гибельно отражающійся не только на скудномъ бюджетѣ русскаго земледѣльца, но и землевладѣльца. Есть тысячи причинъ, благодаря которымъ наше земледѣліе переживаетъ серьезный кризисъ,—между прочимъ, благодаря отсутствію правильнаго кредита,—и является разорительнымъ занятіемъ для русскаго народа. Объ этихъ причинахъ мы не разъ уже говорили, поэтому останавливаться на нихъ мы не будемъ. Въ настоящее время тяжелый, жестокій ударъ нашему сельскому хозяйству собирается нанести Германія своими повышенными ставками на русскій хлѣбъ. Таможенныя ставки, которыя въ настоящее время проэктируетъ провести Германія, являются для нашего хлѣба чуть не запретительными. Германія къ таможенной борьбѣ съ нами подготовляется уже давно, и самымъ серьезнымъ образомъ. Правда, въ Германіи есть и обратное теченіе въ нашу пользу: это—потребители русскаго хлѣба. Они, усиленно агитируя противъ повышенія таможенныхъ ставокъ на русскій хлѣбъ, собрали уже милліоны подписей, которыя и препроводили на ломовомъ извощикѣ, въ нѣсколькихъ тюкахъ, въ рейхстагъ. Но не надо забывать, что въ Германіи аграріи имѣютъ громадную силу и значеніе въ рейхстагѣ. Какъ бы вопросъ ни рѣшился,—т. е. будутъ ли повышены таможенныя ставки на русскій хлѣбъ, или нѣтъ,—намъ необходимо позаботиться о пріисканіи другихъ рынковъ для нашего хлѣба, чтобы не быть въ зависимости отъ капризовъ германскаго правительства и нѣмецкихъ аграріевъ.

Группа русскихъ сельскихъ хозяевъ недавно поѣхала въ Англію для ознакомленія съ условіями мѣстнаго рынка. Среди нихъ есть скотопромышленники, торговцы ягодами, мелкіе землевладѣльцы и нѣсколько волостныхъ старшинъ изъ Донской области, одѣтыхъ въ простонародное крестьянское платье. Среди нихъ—представители всѣхъ мѣстностей Россіи.

Предъ отъѣздомъ сельскихъ хозяевъ въ Англію, президентъ московскаго общества сельскаго хозяйства, кн. А. Г. Щербатовъ,—по словамъ «Новостей Дня»,—ознакомилъ сельскихъ хозяевъ съ цѣлями поѣздки.

Въ Россіи ежегодно добывается золота на 30 милліоновъ; между тѣмъ, мы ежегодно выплачиваемъ за товары, пріобрѣтаемые за границею, 300 мил. Чѣмъ больше времени будетъ продолжаться такой неблагопріятный для насъ разсчетный балансъ, тѣмъ хуже. Исправить его можетъ лишь увеличеніе отпуска нашихъ товаровъ за границу. Отправляется и теперь нашъ товаръ за границу, но мало, и при помощи комисіонеровъ, цѣль которыхъ — дешевле купить товаръ въ Россіи и дороже сбыть за границею. Они обез-

цѣнивають наши товары; чтобы выгоднѣе сбыть ихъ, они не брезгаютъ ничѣмъ, даже фальсификаціей. Все это создало такое положеніе, что за границею русскій товаръ потерялъ всякій кредитъ. Русскій товаръ—синонимъ всего скверная. За границею съ Россіею считаются только, какъ съ могущественною военною державою, и совершенно игнорируютъ ее какъ торговую. Считаютъ русскихъ людей неспособными къ иниціативѣ, смотрятъ на нихъ, какъ на людей, лишенныхъ организаторскихъ способностей. Между тѣмъ, это далеко не такъ. Отдѣльные примѣры показываютъ, что русскіе люди умѣютъ работать и добиваться результатовъ. Простой крестьянинъ Филиповъ, 12 лѣтъ добивавшійся вывоза яицъ за границу, теперь не только хорошо оперируетъ, но и пользуется въ Лондонѣ почетнымъ положеніемъ. Надо возвести отдѣльные частные примѣры къ общему, тѣмъ болѣе, что наши товары представляютъ для этого всѣ данныя. Предсѣдатель полтавскаго общества сельскаго хозяйства предлагаетъ ввести въ маршрутъ поѣздку въ Германію и Францію. Кн. А. Г. Щербатовъ противъ этого. Въ Германіи дѣлаютъ все возможное, чтобы затормозить нашу торговлю. Если мы посылаемъ гусей, нѣмецкіе ветеринары вдругъ находятъ ихъ больными; со свиньями—та же исторія. И теперь возбужденъ вопросъ объ изслѣдованіи русскаго зерна. Стало быть, тамъ дѣлать нечего. Съ Франціею у насъ дружественныя отношенія, но тамъ силенъ классъ сельскихъ хозяевъ, упорно отстаивающій свои интересы. Совершенно другое—Англія, представляющая изъ себя одну сплошную большую фабрику. Это единственная страна, не смѣшивающая политики съ торговлею. Англія можетъ воевать съ какою нибудь страною и въ то же время вести съ нею оживленныя торговыя сношенія. Англійское правительство только о томъ и заботится, чтобы населеніе дешевле питалось, и въ этомъ отношеніи оказываетъ всяческое содѣйствіе. Въ Англію ввозится сельско-хозяйственныхъ продуктовъ на сумму отъ 500 мил. до милліарда въ годъ. Обращаясь къ нашей внутренней торговой политикѣ, кн. А. Г. Щербатовъ заявилъ, что министерство финансовъ дѣлаетъ все возможное, чтобы увеличить вывозъ за границу нашихъ продуктовъ. Напримѣръ, теперь устроено 1,360 вагоновъ-ледниковъ для перевозки битаго мяса въ Либаву, пониженъ тарифъ и ускорено движеніе поѣздовъ. Теперь еще вводятся быстроходные пароходы, и тогда наше мясо можетъ поступать въ Англію черезъ $2^1/_2$ дня. Въ Англіи же мясо употребляютъ только на четвертый день послѣ убоя животнаго, считая, что оно въ это время дѣлается наиболѣе мягкимъ. Стало быть, мясо можетъ конкуррировать съ мѣстнымъ.

Вопросъ о новыхъ рынкахъ для сбыта нашего хлѣба крайне

важенъ и требуетъ серьезнаго обсужденія. Это вопросъ государственной важности, такъ какъ въ его правильномъ разрѣшеніи заинтересованы 80% русскаго населенія, живущаго землей. Новые рынки для нашего хлѣба важны съ одной стороны потому, что они освобождаютъ насъ отъ нѣмецкой кабалы и нѣмецкихъ капризовъ, а съ другой—даютъ намъ возможность, ознакомившись съ требованіями и условіями рынка, вырабатывать свои продукты не по личному нашему усмотрѣнію, а по вкусу потребителя.

Но, не смотря на то, что эта поѣздка сельскихъ хозяевъ въ Англію преслѣдуетъ исключительно сельско-хозяйственные интересы, она уже вызвала по своему адресу нѣсколько нападокъ и остротъ. Одна провинціальная газета съострила («хихикающіе жидишки»!), что «здѣсь, собственно говоря, братаются не націи; здѣсь происходитъ альянсъ холмогорской коровы съ джерсейскимъ бычкомъ. Джерсейскій бычокъ—вотъ истинный виновникъ англо-русскихъ торжествъ»...

Приведя эти строки, херсонскій «Югъ» со своей стороны замѣчаетъ:

«Намъ, впрочемъ въ звукѣ, англо-русскихъ торжествъ слышится скорѣе мычанье того ласковаго теленка, которое у себя на родинѣ ходатайствуетъ объ отсрочкѣ уплатъ въ дворянскій банкъ, «колонизируетъ» Сибирь посредствомъ частнаго владѣнія, а теперь заигрываетъ съ англійскими лэндъ-лордами».

Удивительное дѣло! За что бы русскій человѣкъ ни взялся, его сейчасъ же начинаютъ «шельмовать» и острить надъ нимъ и его намѣреніями. Поѣхали сельскіе хозяева въ Англію, для изученія тамошнихъ сельско-хозяйственныхъ рынковъ,—вмѣсто того, чтобы сочувственно отнестись къ ихъ цѣли, помочь имъ совѣтомъ, у насъ по ихъ адресу отпускаютъ пошлыя шутки.

Въ настоящее время три вопроса настойчиво требуютъ скорѣйшаго разрѣшенія. Это—народное хозяйство, народное образованіе и народное здравіе. На всѣ эти вопросы нашей забитой деревни мы совсѣмъ не обращаемъ вниманія. Народное хозяйство ведется первобытнымъ способомъ, безграмотство и полуграмотность—почти поголовныя; болѣзненность и смертность русскаго народа, сравнительно съ западно-европейскими, прямо ужасающія. При рѣшеніи этихъ трехъ важныхъ вопросовъ, деревня предоставлена самой себѣ, своей иниціативѣ, своему опыту и своимъ знаніямъ. А знаній-то у нея и нѣтъ.

Еще о народномъ хозяйствѣ, о народномъ образованіи мы иногда и толкуемъ; въ ихъ интересахъ кое-что и дѣлаемъ, но ужъ о на-

родномъ здравіи мы и думать забыли. Чахотка, инфекціонныя болѣзни, сифилисъ, слѣпота широкою волною разливаются по Руси. О народномъ питаніи мы ужь и не говоримъ: намъ отлично извѣстно, какъ мужикъ *пьетъ*, но никому неизвѣстно, какъ онъ *ѣстъ*. Мы знаемъ душевое потребленіе алкоголя,—за этимъ слѣдятъ тысячи спеціально назначенныхъ чиновниковъ, — но намъ положительно неизвѣстна порція ѣды русскаго народа. У насъ нѣтъ спеціальнаго органа, особаго учрежденія, которое вѣдало бы вопросы народнаго здравія. Правда, у насъ есть медицинскій департаментъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, но это только «департаментъ»— безъ всякой инициативы и съ самою узкой компетенціей.

Въ ноябрьской книгѣ «Вѣстника Права» г. Лисенковъ ставитъ на очередь вопросъ объ учрежденіи «министерства народнаго здравія».

«Государство,—говоритъ онъ,—заботясь о всѣхъ сторонахъ благосостоянія своихъ гражданъ, не можетъ равнодушно относиться къ такому важному благу, какъ здоровье. Для попеченія о народномъ здравіи должны существовать, съ одной стороны, мѣстные органы, осуществляющіе самыя мѣропріятія по охраненію народнаго здравія, а съ другой—центральный органъ, руководящій этими мѣропріятіями по всей Россіи. Необходимость существованія центральнаго органа, завѣдующаго дѣломъ охраненія народнаго здравія, обусловливается, съ одной стороны, необходимостью организовать это дѣло единообразно по всей Россіи, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшихъ основаніяхъ, съ изысканіемъ для сего необходимыхъ средствъ, и съ другой стороны—тѣмъ, что всѣ мѣропріятія по борьбѣ съ антисанитарными условіями затрогиваютъ права гражданъ, а потому и требуютъ изданія цѣлаго ряда законовъ, постоянно измѣняющихся соотвѣтственно прогрессу въ санитарномъ дѣлѣ. Никогда, быть можетъ, эта необходимость не проявлялась столь рельефно, какъ въ послѣднее время, когда въ разныхъ мѣстахъ приходилось принимать экстренныя мѣры для предупрежденія заноса чумы, причемъ ясно обнаруживался недостатокъ въ общей руководящей дѣятельности,—и это даже при столь благотворной дѣятельности высшаго органа, какъ высочайше учрежденная комисія для борьбы съ чумною заразою. Но, оставляя въ сторонѣ столь экстренный случай, приходится признать, что санитарное дѣло у насъ составляетъ разсыпанную храмину, размельчено на обрывки въ видѣ разношерстныхъ обязательныхъ постановленій, не руководимыхъ общими законами, т. е. устарѣвшими и безсодержательными статьями устава медицинской полиціи (т. XIII св. зак.)».

«Причины, обусловливающія необходимость учрежденія централь-

наго органа, завѣдующаго дѣлами охраненія народнаго здравія, указываютъ и на важность тѣхъ задачъ, выполненіе которыхъ лежитъ на этомъ органѣ.

«Успѣшное выполненіе этихъ задачъ возможно въ томъ только случаѣ, если этимъ органомъ будетъ самостоятельное министерство, а не департаментъ. Всѣ мѣропріятія по санитарной части представляются весьма сложными и важными, а потому и могутъ быть проведены въ жизнь лишь министромъ, главною задачею котораго будетъ именно попеченіе о народномъ здравіи; если же дѣло народнаго здравія будетъ вѣдаться какимъ либо министерствомъ, имѣющимъ главною задачею другое сложное дѣло, то, естественно, центральнымъ управленіемъ дѣло народнаго здравія не можетъ вестись успѣшно».

Вопросъ о медецинской помощи населенію поставленъ въ Россіи крайне ненормально. Не говоря уже о деревнѣ, гдѣ врачъ—большая рѣдкость, здѣсь даже въ Петербургѣ нерѣдко по цѣлымъ днямъ приходится отыскивать врача. Пишущему эти строки, годъ назадъ, понадобился экстренно врачъ. И что же? въ 8 час. утра началъ онъ отыскивать врача и только къ $7^1/_2$ час. вечера нашелъ эскулапа, который согласился поѣхать къ больной. Однихъ врачей онъ не засталъ, другіе отказались ѣхать, потому что названная болѣзнь оказалась «не по ихъ спеціальности». Положеніе паціента даже у насъ, въ Петербургѣ, вообще не изъ легкихъ: можно и умереть, не дождавшись помощи. При несчастныхъ или внезапныхъ случаяхъ на улицѣ, положеніе еще хуже. Не знаешь, гдѣ искать доктора, къ кому обратиться за помощью.

Въ Варшавѣ уже 4 года функціонируетъ общество «Скорой помощи», а въ настоящее время учреждается подобное же общество въ Кіевѣ.

Утвержденный планъ дѣятельности «Общества скорой медицинской помощи» въ Кіевѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Центральнымъ пунктомъ всего спасательнаго механизма является спасательная станція, находящаяся въ центрѣ города. Никакихъ другихъ постоянныхъ пунктовъ общество не имѣетъ, пользуясь своими каретами, какъ передвижными спасательными пунктами. При станціи находятся три кареты, изъ нихъ двѣ предназначаются для постояннаго выѣзда, а третья должна находиться, въ качествѣ резерва на случай порчи и ремонта первыхъ двухъ, при станціи. При каждой каретѣ находится полный наборъ инструментовъ, медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ. Врачебный персоналъ состоитъ изъ врача, завѣдующаго станціей, 8-ми штатныхъ дежурныхъ и нѣсколькихъ врачей кандидатовъ (замѣстителей дежурныхъ врачей).

Постоянный низшій врачебный персоналъ будетъ состоять изъ живущихъ на станціи служителей, именующихся санитарами; составъ ихъ нормируется количествомъ каретъ; каждая карета будетъ имѣть свой штатъ, состоящій изъ двухъ санитаровъ. Надзоръ надъ санитарами поручается главному санитару, который будетъ постоянно находиться на станціи при пріемномъ покоѣ, слѣдить за порядкомъ выѣздовъ, чистотой помѣщенія, исправностью выѣздныхъ принадлежностей и проч.

Станція, въ каждый моментъ дня и ночи, будетъ въ состояніи немедленно высылать на мѣсто катастрофы цѣлый отрядъ какъ врачей и санитаровъ, такъ равно и все необходимое для поданія помощи—необходимые инструменты, перевязочныя средства, носилки и пр.

Дѣятельность станціи происходитъ слѣдующимъ образомъ: по полученіи извѣстія о несчастномъ случаѣ (изустно или по телефону), тотчасъ же, при посредствѣ спеціальной сигнализаціи, приводится въ дѣйствіе весь механизмъ станціи. Спустя минуту съ момента полученія извѣстія, карета съ врачемъ и санитарами выѣзжаетъ уже со станціи.

Прибывъ на мѣсто несчастія и подавъ пострадавшему медицинскую помощь, врачъ общества подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ перевозитъ больнаго на домъ или въ больницу. Свѣдѣнія о свободныхъ мѣстахъ въ больницахъ заблаговременно собираются станціей.

Случается, что пострадавшій самъ является на станцію или же его доставляютъ туда, не вызывая дежурнаго врача. Въ такихъ случаяхъ медицинская помощь оказывается больному въ пріемномъ покоѣ, послѣ чего онъ отвозится врачемъ въ больницу или на домъ.

Въ кругъ дѣятельности общества входитъ подача первоначальной медицинской помощи въ несчастныхъ случаяхъ или внезапныхъ заболѣваніяхъ, происшедшихъ внѣ частныхъ квартиръ, т. е. на улицахъ, площадяхъ, церквяхъ, на фабрикахъ и заводахъ, въ театрахъ, циркахъ, ресторанахъ, гостинницахъ, училищахъ частныхъ и казенныхъ, конторахъ, на вокзалахъ жел. дорогъ, пароходныхъ пристаняхъ, казармахъ, ночлежныхъ пріютахъ, богадѣльняхъ, магазинахъ, въ мѣстахъ общественныхъ гуляній и пр., и пр., а равно въ случаяхъ, происшедшихъ въ подвалахъ, амбарахъ, лѣстницахъ и чердакахъ домовъ, и въ случаяхъ, когда пострадавшій внѣ дома, до прибытія кареты общества, былъ временно перенесенъ на частную квартиру.

Врачи общества не будутъ выѣзжать: а) къ пьянымъ, поскольку они не получили болѣе или менѣе серьезныхъ поврежденій, и

б) на частныя квартиры, за исключеніемъ случаевъ, угрожающихъ жизни пострадавшихъ и требующихъ немедленнаго пособія. Сюда относятся: отравленія, удушенія (угаръ), тяжелыя пораненія, сильные обжоги, самоубійства, случаи, вызванные паденіемъ потолковъ, угрожающія жизни придавленія, послѣдствія взрыва газа, пораженія электрическимъ токомъ, укуса бѣшеными животными и т. п.

За оказанную помощь и перевозку внезапно заболѣвшаго или пострадавшаго отъ несчастнаго случая общество никакой платы не взимаетъ, не взирая на степень состоятельности пострадавшаго.

Нельзя не привѣтствовать возникновенія въ г. Кіевѣ такого крайне необходимаго учрежденія и не пожелать, чтобы и другіе русскіе города скорѣе послѣдовали прекрасному примѣру Кіева и организовали у себя подобныя же общества.

Между врачемъ и паціентомъ у насъ еще не установились нормальныя отношенія. Врачъ и паціентъ если не враги, то и не друзья. Врачъ желаетъ побольше взять и съ этой цѣлью нерѣдко «затягиваетъ» болѣзнь,—а паціентъ—поменьше дать. О взаимныхъ недоразумѣніяхъ врачей и паціентовъ между собою много уже писали. Пресса и публика—не на сторонѣ врачей...

Въ настоящее время выдвинутъ на сцену новый вопросъ: врачъ г. Вересаевъ, въ своихъ «Запискахъ врача», сказалъ: «Я лично не обращусь за помощью къ только что кончившему курсъ врачу, не лягу подъ ножъ хирурга, дѣлающаго первую операцію, не позволю дать своему ребенку новаго мало испытаннаго средства». Кромѣ упрека докторамъ въ ихъ малой подготовкѣ къ медицинской дѣятельности, онъ бросилъ имъ упрекъ въ отсутствіи у нихъ *не медицинской, а человѣческой этики*. Въ своихъ талантливо написанныхъ «Запискахъ» онъ снялъ густое покрывало съ нашего медицинскаго сословія и представилъ его во всей неприглядной наготѣ. Картина вышла поразительная и удручающимъ образомъ дѣйствующая на публику.

Врачи, съ проф. Вельяминовымъ во главѣ, яростно напали на г. Вересаева. Вельяминовъ выступилъ съ грозной филиппикой противъ друга человѣчества, не склоннаго считать болящихъ и недугующихъ профанами въ вопросахъ, которые касаются ихъ собственной жизни. Но нападенія г. Вельяминова болѣе грозны и шумны, чѣмъ дѣйствительны для того, чтобы опровергнуть высказанную г. Вересаевымъ правду.

Что бы ни говорили господа профессора, но книга г. Вересаева — правдивая и печальная книга о нашихъ медикахъ и медицинской наукѣ. Талантливый авторъ, приподнявши вуаль, которымъ защищается наша медицинская корпорація, не ду-

малъ ронять ни престижъ докторовъ, ни авторитетъ медицинской науки. Онъ хотѣлъ только указать на «обратную сторону медали»— на недостатокъ опытности и знанія у самихъ врачей, и на несовершенства медицинской науки. Отъ указанія недостатковъ кого либо и пробѣловъ въ чемъ либо—только выигрываетъ дѣло истины. Врачамъ остается немножко подтянуться, пообчиститься и не такъ своекорыстно относиться къ паціенту и его карману. Честные врачи, преданные своему дѣлу, будутъ благодарны г. Вересаеву, указавшему на пробѣлы въ самомъ медицинскомъ образованіи и на недостатки въ корпоративной этикѣ нашихъ врачей.

Финляндцы продолжаютъ бойкотировать... въ концѣ-концовъ— самихъ себя. Въ «Финляндской Газетѣ» сообщается, какъ отнеслись нѣкоторые землевладѣльцы боргосской общины къ весьма важному запросу высочайше утвержденной комисіи (подъ предсѣдательствомъ ген.-лейт. Шипова, въ составѣ членовъ: сенатора Энсберга и выборгскаго губернатора ген.-м. Рехенберга) по устройству быта безземельнаго населенія. Комисія, въ одномъ изъ своихъ засѣданій, постановила разослать чрезъ губернаторовъ въ сельскія общины вопросные листы для заполненія ихъ свѣдѣніями, необходимыми въ видахъ характеристики экономическаго положенія безземельнаго класса. Вмѣсто того чтобы дать точные и добросовѣстные отвѣты на отдѣльные пункты доставленныхъ имъ вопросныхъ листковъ, нѣкоторые землевладѣльцы боргосской общины сочли нужнымъ ограничиться протестомъ противъ дѣятельности комисіи по устройству безземельнаго населенія и выраженіемъ недовѣрія къ правительству и его намѣреніямъ вообще. Всѣ отзывы доставлены на одинаковыхъ печатныхъ листкахъ, очевидно заготовленныхъ ранѣе.

Предсѣдатель боргосской общины донесъ нюландскому губернатору:

«Все, что было возможно, я сдѣлалъ, ибо графы 1—7 вопросныхъ листовъ заполнены на основаніи поголовныхъ списковъ 1901 года; больше я ничего не могу сдѣлать, такъ какъ мнѣ отказываются дать всѣ прочія свѣдѣнія»; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представляетъ четыре печатныхъ листка, напечатанныхъ въ типографіи «акціонернаго общества книжной и газетной печати въ Борго» и подписанныхъ шестьюдесятью двумя землевладѣльцами, слѣдующаго содержанія:

«Нижеподписавшіеся отказались представить общинной управѣ свѣдѣнія о нашемъ хозяйствѣ и пр., которыя признаетъ нужными комисія для изслѣдованія положенія неосѣдлаго населенія

края; конечно, отъ имени комисіи утверждалось, что «эти свѣдѣнія не будутъ употребляться для цѣлей обложенія и отнюдь не для проведенія передѣла земли, ни для другой подобной мѣры». Но тотъ противозаконный способъ, которымъ высшее управленіе краемъ въ послѣдніе годы велось во многихъ отношеніяхъ, въ связи съ роковыми повелѣніями, воспослѣдовавшими вопреки торжественно утвержденной конституціи страны, кореннымъ образомъ поколебали довѣріе къ справедливости и благимъ намѣреніямъ правительства. Пока не будетъ возстановлена строгая законность во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни, тщетно будутъ обращаться за добровольнымъ содѣйствіемъ вообще готовыхъ къ услугамъ гражданъ, особенно если результатъ ихъ труда можетъ быть примѣненъ для темныхъ и враждебныхъ цѣлей (?!) Частное хозяйство составляетъ для каждаго гражданина страны область, въ которой онъ по закону имѣетъ право пользоваться полнымъ домашнимъ покоемъ, и теперь болѣе чѣмъ когда либо мы считаемъ долгомъ оградить этотъ покой. Объ этомъ своемъ мнѣніи мы находимъ нужнымъ по дружески сообщить общинной управѣ».

«Фактъ присылки печатныхъ отвѣтовъ даетъ поводъ предполагать, что таковые были составлены кѣмъ-то раньше и затѣмъ уже разосланы для подписи крестьянамъ, можетъ быть, давшимъ ихъ даже подъ нѣкоторымъ давленіемъ. Невольно приходитъ мысль о вліяніи въ данномъ случаѣ крупныхъ тузовъ-землевладѣльцевъ боргосскаго и сосѣдняго перновскаго округовъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются фамиліи: барона ф. Борна, графа Крейца и др.

«Конечно, подобнаго рода циркулярный, на сторонѣ подготовленный, отвѣтъ 64 землевладѣльцевъ края изъ числа 117,704 можетъ имѣть лишь значеніе единичнаго возмутительнаго проявленія преступной агитаціи; но въ то же самое время этотъ фактъ указываетъ на возможность вреднаго вліянія агитаціи на доселѣ вѣрный, спокойный финскій народъ.

«Что общественное мнѣніе финляндской окраины не только не раздѣляетъ подобнаго взгляда агитаторовъ,—добавляетъ «Финлянд. Газ.»—но, наоборотъ, осуждаетъ его, доказываютъ появившіяся уже на столбцахъ мѣстныхъ газетъ осужденія поступка боргосской общины».

Агитація подобнаго сорта безтактна уже потому, что мѣшаетъ улучшенію положенія наиболѣе бѣдствующей части финляндскаго населенія.

«Кому неизвѣстно,—спрашиваетъ «Финл. Газ.»,—тяжкое положеніе финляндскихъ безземельцевъ, предъ коимъ блѣднѣетъ крѣпостное право, сорокъ лѣтъ назадъ отмѣненное въ коренной имперіи

державною волею императора Александра II? Безпріютное, необезпеченное положеніе этой многочисленной группы населенія края, бросая мрачную тѣнь на общественный строй Финляндіи, вмѣстѣ съ тѣмъ въ высокой степени неблагопріятно отзывается и на экономическомъ состояніи края, внося неуравновѣшенность въ хозяйственныя условія населенія и создавая контингентъ лицъ, вынужденныхъ искать работы и хлѣба внѣ предѣловъ родины, въ далекой Америкѣ и вообще на чужбинѣ. Но въ то самое время, когда монаршею волею положено твердое начало улучшенію и упроченію быта безземельнаго населенія, мѣстные агитаторы и лица, поддающіяся ихъ вліянію, вмѣсто того чтобы идти навстрѣчу правительственнымъ мѣропріятіямъ и, содѣйствуя имъ, сдѣлать себѣ изъ нынѣшнихъ безземельцевъ полудрузей,—дѣлаютъ все, что могутъ, дабы *продлить кабалу*, можетъ быть и приносящую отдѣльнымъ лицамъ или группамъ тѣ или другія эгоистическія выгоды, но крайне вредную для всего края».

Нѣтъ сомнѣнія, что это невыгодно собственникамъ, особенно господамъ крупнымъ помѣщикамъ, но дерзкій протестъ пахнетъ не одною только «невыгодою»... Этимъ мелкимъ, но систематическимъ выходкамъ долженъ быть положенъ предѣлъ.

Для нашихъ жидовъ нѣтъ ничего святаго на Руси—ни въ искусствѣ, ни въ наукѣ, ни въ литературѣ. Тургеневъ, Толстой, Достоевскій,—по мнѣнію еврея Волынскаго,—все это ничтожества, о которыхъ не стоитъ и говорить. Русскіе журналы... но изъ нихъ одинъ только былъ *честный* и порядочный журналъ, редактированный самимъ Волынскимъ—это покойный «Сѣверный Вѣстникъ», утверждавшій, что жиды должны составлять у насъ «государство въ государствѣ». Остальные русскіе журналы—никуда не годятся. «Сѣв. Вѣстн.» былъ единымъ стражемъ правды и честности. Изъ русскихъ газетъ, въ Петербургѣ—только одна *честная* по направленію. Это—«Новости» реббе Нотовича. Правда, о «Новостяхъ» г. Волынскій прямо ничего не сказалъ, но это само собою разумѣется по его вкусамъ...

Все это онъ повѣдалъ предъ московской публикой въ качествѣ «сверхъ-критика». Въ Москвѣ онъ прочиталъ лекцію о современной русской беллетристикѣ, причемъ,—какъ свидѣтельствуетъ «Русское Слово»,—всѣхъ писателей уподобилъ самоварамъ, вливающимъ въ рѣку русской беллетристики свои струи.

«Перебирая ихъ въ отдѣльности, онъ даетъ парадоксальную оцѣнку каждаго, дѣлаетъ «переоцѣнку писателей». Чеховъ, по его словамъ,—врачъ, тонко, деликатно, любящей рукой, вскрывающій живыя немочи современнаго русскаго человѣка. Короленко—либе-

ральный протестантъ, быстро достигшій своей извѣстности и застывшій на опредѣленной высотѣ. Гаршинъ—геніальный безумецъ, стоящій на границѣ между Толстымъ и Достоевскимъ. М. Горькій—быстро достигъ апогея славы и уже склоняется на убыль. Каковъ онъ въ жизни, таковъ и въ искусствѣ. Его дарованіе—дикое, чуждое всякой разсудочности; иногда въ немъ просыпается что-то злое, зловѣщее, крики и краски ницшеанства. Минскій—родоначальникъ русскихъ декадентовъ съ ихъ философіей раздвоенія. Мережковскій—какъ флюгеръ, вращается по волѣ вѣтровъ, дующихъ въ разныя стороны и съ разныхъ сторонъ. Лекторъ хлестко разноситъ этого писателя за его «Леонардо да-Винчи», произведеніе, сшитое изъ клочковъ различныхъ авторовъ, безъ ссылки на нихъ. Этотъ писатель—декадентъ разсудочный. Гиппіусъ, въ противовѣсъ ему,—декадентка ощущенія. Ея писанія—паутина ощущенія; въ нихъ глубоко спрятанная фальшь. Соллогубъ—еще болѣе сильный декадентъ ощущенія, чѣмъ Гиппіусъ. Эти писатели шлютъ «основныя струи». «Боковыя струи» шлютъ Ясинскій, Немировичъ-Данченко, Гнѣдичъ и «фатоватый писатель» Авсѣенко. Михайловъ—русскій Шпильгагенъ; по словамъ лектора, «хорошо, что онъ былъ, и хорошо, что выбылъ». Боборыкинъ—русскій европеецъ съ моментальнымъ фотографическимъ аппаратомъ: «хорошо, что былъ, но хорошо, еслибы немного поугомонился».

Московская публика встрѣтила лекцію «сверхъ-критика» свистками и шиканьемъ. Отряхнувши московскій прахъ, развязный критикъ поѣхалъ пожинать лавры въ Ригу. Тамъ лекція его была принята сочувственно: его поддержали многочисленные рижскіе жиды.

Говоря о Волынскомъ, какъ о развязномъ «сверхъ-критикѣ», мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ о П. И. Вейнбергѣ, только что опраздновавшемъ 50-лѣтній юбилей своей литературной дѣятельности.

Что изъ себя представляетъ П. И., какъ литературный дѣятель? Какія его заслуги въ литературѣ? На эти вопросы затруднятся, намъ кажется, отвѣтить даже его поклонники и почитатели, такъ шумно и съ такой помпой отпраздновавшіе его юбилей. П. И. Вейнбергъ—какой-то коми-вояжеръ отъ литературы при похоронахъ писателя, при встрѣчахъ и проводахъ выдающихся русскихъ дѣятелей; онъ *непремѣнно* читаетъ свое стихотвореніе на студенческихъ концертахъ. И только! Въ этой лишь роли онъ и извѣстенъ громадному большинству русской интеллигентной публики. Представители депутацій говорили и прославляли его за то, что онъ много перевелъ со всѣхъ языковъ на русскій языкъ... Но, положа

руку на сердце, развѣ кто либо рѣшится сказать, что г. Вейнбергъ—безукоризненный переводчикъ?! *Переводы* его увѣковѣчены покойнымъ Курочкинымъ, сказавшимъ о нихъ: «Самый удачный изъ *переводовъ* Вейнберга—это *переводъ* его изъ Петербурга въ Варшаву... въ редакцію «Варшавскаго Дневника».

Его попытки сдѣлаться «ученымъ» совершенно не удались. Его «Историческія пѣсни объ Иванѣ Грозномъ», — магистерская диссертація,—плохой, никуда негодный трудъ. Въ «Новостяхъ» помѣщено письмо г. Вейнберга, въ которомъ онъ самъ говоритъ о себѣ:

«Мнѣ всегда немного смѣшно, когда меня называютъ «нашимъ маститымъ поэтомъ». Ну, какой же я поэтъ? За все время моей литературной дѣятельности я перевелъ изъ иностранныхъ писателей очень много: скорѣе двѣсти листовъ, чѣмъ сто. И за то же время, какъ я вижу теперь, когда собралъ все вмѣстѣ, мои оригинальныя произведенія не займутъ и пятнадцати листовъ. Кѣмъ я былъ? Я былъ рядовымъ солдатомъ въ родной (?) словесности, работникомъ, честно дѣлавшимъ свое дѣло, но не давшимъ ничего новаго, не указавшимъ новыхъ путей, не открывшимъ новыхъ горизонтовъ. Можетъ быть, я могъ сдѣлать больше. Но я не сдѣлалъ. Я размѣнялся на мелочи (вѣрно!). Я переводилъ, увлекался театромъ, писалъ юмористическія стихотворенія, влюблялся, ухаживалъ. Я устраивалъ литературные вечера и торжественные обѣды (это—главное!). Я пускался, не обладая ни малѣйшей дѣловой практичностью, въ литературныя предпріятія, въ издательство журналовъ. Предпріятія кончались плачевно. Я долгіе годы потомъ долженъ былъ работать, чтобы погасить долги. Увлекаемый постоянно своимъ темпераментомъ въ разныя направленія, я не создалъ ни въ одной области ничего крупнаго. То же, что съ литературой, было и съ наукой. И ей я не смогъ отдаться вполнѣ и всецѣло. Я около десяти лѣтъ читалъ въ петербургскомъ университетѣ лекціи по исторіи иностранныхъ литературъ. Я былъ приватъ-доцентомъ, и курсъ былъ необязательнымъ. Зная строй нашего университетскаго преподаванія, вы поймете, что это значитъ. И все таки аудиторія не оставалась пустой, и я видѣлъ въ ней представителей всѣхъ факультетовъ. И тутъ представлялась возможность болѣе крупной серьезной дѣятельности. Но и этой возможностью я не могъ воспользоваться, и не сталъ ученымъ. Разбросавъ свои скромныя дарованія по всѣмъ областямъ искусства, науки, литературы, я ни въ одной не создалъ ничего цѣльнаго. Остаются переводы. Правда, я очень много перевелъ. Но вѣдь я не былъ первымъ,—и другіе переводили также и лучше. Если въ этой части моей дѣятельности видѣть заслугу — то вѣдь

это заслуга рядоваго солдата. Ну, да, я старый солдатъ, я пятьдесятъ лѣтъ работаю и, начиная съ драмы Жоржъ-Зандъ—я переводилъ и Гёте, и Гейне, и Шиллера, и Шекспира, и Краледворскую рукопись. Если ужь непремѣнно хотятъ найти за мной заслуги, чтобы оправдать мой юбилей (!) — пусть ищутъ ихъ лучше хотя бы въ публичныхъ лекціяхъ. Десятка полтора лѣтъ тому назадъ, я первый началъ чтеніе цѣльныхъ связныхъ курсовъ въ Петербургѣ. Затѣмъ я предпринялъ поѣздки по провинціи. Въ этомъ дѣлѣ, дѣйствительно, я могу считаться начинателемъ. Оно привилось; теперь лекціи читаются вездѣ; есть даже общество, организующее такія чтенія. Что я пользуюсь извѣстной популярностью, этого нельзя отрицать. Но она есть скорѣе—слѣдствіе моего характера, чѣмъ моихъ литературныхъ заслугъ. Я всегда любилъ общество. Я любилъ собирать поэтовъ, писателей, артистовъ въ дружный кружокъ. Я старался сблизить литературу съ публикой, литераторовъ—между собою. Но вождемъ партіи, направленія, я никогда не былъ (еще бы!). И въ этой сферѣ я былъ только рядовымъ солдатомъ. И очень старымъ солдатомъ, это правда».

Намъ кажется, что мы не ошибемся, если скажемъ, что популярность П. И. Вейнберга и успѣхъ юбилея, отпразднованнаго съ такою помпой, лежитъ не въ немъ самомъ и зависитъ не отъ его переводовъ, а... отъ милостей, пролитыхъ на него, за добрую службу, «Восходомъ», «Новостями» и т. п. органами юдофильской прессы, въ глазахъ которой самая скромная посредственность возводится чуть не въ геніи.

Недавно въ Москвѣ и Кіевѣ произошли двѣ крайне неприличныхъ демонстраціи, устроенныхъ частью учащейся молодежи по адресу извѣстнаго славянскаго дѣятеля, редактора журнала «Славянскій Вѣкъ», д-ра Вергуна. Поводомъ къ манифестаціи послужила его рѣчь: «Зарубежная Русь и славянство на порогѣ XX в.», сказанная имъ въ Кіевѣ, въ мѣстномъ отдѣленіи славянскаго благотворительнаго общества, и въ Москвѣ, въ аудиторіи Историческаго музея, въ пользу московскаго славянскаго вспомогательнаго общества. Относительно славянъ Австро-Венгріи д-ръ Вергунъ высказалъ слѣдующее:

«Великій русскій народъ, какъ древній богатырь, стоитъ, опираясь одной ногой на горы Кавказа, а другой—на Карпаты. Подъ ногой, упирающейся въ Кавказъ, земля трещитъ и чувствуется великая мощь и сила. Другая же нога богатыря изранена, отъ нея отрублены три пальца: Русь галицкая, Русь буковинская и Русь угорская, или венгерская».

Очертивъ вкратцѣ событія зарубежной Руси, приведшія ее къ современному печальному положенію, лекторъ коснулся тяжелаго экономическаго положенія сельскаго населенія Галицкой Руси и отмѣтилъ усилія, употребляемыя поляками для порабощенія русскаго населенія. Особенную бурю негодованія вызвали его объясненія эпитетовъ: «русинъ» и «русинскій», созданныхъ поляками вмѣсто «русскій».

Лекція Вергуна была грубо прервана. Раздались пронзительные свистки. Большинство аудиторіи, однако, аплодировало. Учащаяся молодежь еще усиленнѣе начала свистать.

Лектору, все таки, удалось окончить лекцію, хотя все время не прекращались свистки, движеніе стульями и топанье ногами.

Въ Москвѣ лекція д-ра Вергуна встрѣчена спокойнѣе, хотя при объясненіи словъ «русинскій» и «русинъ» тоже раздалось нѣсколько свистковъ.

Слово «русинъ»—не русское слово. Можетъ быть, его измѣнили не поляки,—хотя это всего вѣроятнѣе,—но оно выдумано во всякомъ случаѣ не самимъ народомъ Галицкой Руси, а его врагами, съ цѣлью создать этнографическую пропасть между народами Россіи и Галицкой Руси. Попытка объяснить происхожденіе слова «русинъ»—не болѣе какъ теоретическая попытка, но у насъ и за такую теоретическую попытку можно нарваться на крупную не пріятность...

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

И СМѢХЪ, И ГОРЕ.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

и ородческіе «національнизмы», сживающіе со свѣту русскую національность.—лумленіе надъ нашимъ патріотизмомъ во имя «гуманности», «либерализма» и «общечеловѣческихъ идеаловъ».—Конецъ жидовско-космополитическому маскараду!—Продолжающійся расколъ между талмудистами.—Раввинъ Якринъ и его новыя разоблаченія. — Ненависть къ «гою» подъ фальшиво-гуманной фразеологіей.—Кагалъ *лапсердачный* и кагалъ *фрачный*.—Который изъ нихъ хуже? — «Русское Собраніе», какъ попытка сконцентрировать наши общественныя силы.—Недостатокъ иниціативы и узость программы.—Намѣреніе обойтись безъ Петра Великаго въ развитіи русскаго самосознанія.—Пресса предъ судомъ К. П. Побѣдоносцева. — «Чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись».—Необходимость поставить прессу на надлежащую высоту въ политическомъ и нравственномъ отношеніи. — Честный журнализмъ и журнальная проституція.—Привилегія для жидовскихъ изданій.

I.

Мы говорили уже въ предъидущемъ фельетонѣ, что среди разгулявшихся у насъ инородческихъ «національнизмовъ» все тѣснѣе и тяжелѣе становится жить одной — номинально-господствующей—русской національности, создавшей все это громадное міровое государство и оскудѣвшей въ самомъ своемъ центрѣ, на благо и процвѣтаніе инородческихъ окраинъ...

Если послушать нашихъ кагальныхъ публицистовъ, — всѣхъ этихъ реббе-бенъ-Перевертовичей и Прохвостовичей,— то всей центральной исторической Руси на роду написано вытаскивать горячіе каштаны изъ печки для лакомства

«двунадесяти языкъ», проживающихъ на нашей необъятной территоріи, а самому питаться мякиной и всяческими отбросами, падающими съ инородческой трапезы. Для этихъ инородцевъ приспособляются преимущественно и улучшенные пути сообщенія, и разработка нашихъ неистощимыхъ народныхъ богатствъ, и развитіе торгово-промышленныхъ отношеній, и ресурсты финансоваго кредита, и обиліе источниковъ высшаго образованія (о чемъ говоритъ въ «Отголоскахъ» одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ).

Самой позорной кличкой, въ устахъ Перевертовичей и Прохвостовичей, является кличка русскаго націоналиста, русскаго (избави Богъ!) *патріота*, дерзающаго заботиться о кровныхъ интересахъ своего народа, объ его экономическомъ и нравственномъ благосостояніи, объ его естественномъ и законномъ вліяніи на историческія судьбы сплоченнаго имъ государственнаго организма. Во имя «гуманности» (только по отношенію къ инородцамъ, преимущественно жеко всесвѣтнымъ паразитамъ-жидамъ); во имя «либерализма», *освобождающаго* отъ всякой государственной сдержки разнузданные апетиты инородческихъ проходимцевъ; во имя якобы «общечеловѣческихъ идеаловъ», пригодныхъ только для никогда не существовавшей зоологической разновидности «общечеловѣка», — подъ кличкой котораго прячется опять-таки тотъ же инородецъ, — намъ предлагаютъ отрѣшиться нàчисто отъ «ветхаго русскаго человѣка» и, окунувшись въ жидовской миквѣ, выйти оттуда ...рабомъ израиля.

Но обрѣзанные и прокаженные публицисты,—въ нѣжномъ союзѣ съ проснувшимися и усердно подталкиваемыми національными вожделѣніями всяческихъ инородцевъ,—очевидно «считаютъ безъ хозяина», и ихъ счеты могутъ быть признаваемы обязательными только для нихъ самихъ. У русскаго же народа, слава богу, сохраняется въ его глубочайшихъ нѣдрахъ и непоколебимая вѣра въ великое будущее нашего отечества, и здоровый осмысленный патріотизмъ, и все проясняющееся сознаніе путей, которыми намъ слѣдуетъ идти впередъ къ задачамъ политическаго и общественнаго прогресса, не имѣющаго ничего общаго съ сепаратистическими своекорыстными стремленіями инородческихъ группъ.

Къ счастію, эти своекорыстныя стремленія, прикрываемыя

разными истрепанными лохмотьями «жалкихъ словъ», начинаютъ понемногу обнаруживаться во всей своей гнусной срамотѣ. Разоблаченія начались съ самаго зловреднаго вида инородческаго національнзма — талмудическо-жидовскаго. Во враждебномъ намъ лагерѣ нашлись, наконецъ, люди, вспомнившіе, что они живутъ въ Россіи, питаются ея соками и не смѣютъ грызть своими зубами насыщающую ихъ грудь, проповѣдуя какое-то варварски - надменное отношеніе къ кореннымъ обитателямъ пріютившей ихъ страны. Такой смыслъ имѣютъ дальнѣйшія діатрибы раввина Якрина, находящія себѣ мѣсто, конечно, не въ петербургскихъ или одесскихъ «Новоштяхъ», а въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» и въ «Могилевскихъ Губ. Вѣдомостяхъ», не состоящихъ на побѣгушкахъ у жидовскаго кагала.

Изъ новыхъ статей раввина Якрина оказывается вполнѣ яснымъ, что офиціально уничтоженные (еще въ 1844 г.) кагалы [1]) благополучно существуютъ у насъ во всемъ Сѣверо-западномъ краѣ, также какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, и что ютятся они, подъ другимъ именемъ, возлѣ жидовскихъ синагогъ съ ихъ якобы-благотворительными учрежденіями, «божничными дозорами», погребальными и иными «братствами» и бет-динскими управленіями, практикующими средневѣковый застѣночный судъ, съ лишеніемъ огня и воды. Подъ жесточайшимъ нравственнымъ и экономическимъ игомъ этой законопреступной банды продолжаетъ пребывать все жидовское «быдло» (рабочій скотъ), изнывая въ такомъ нечеловѣческомъ состояніи, о какомъ могли имѣть понятіе только негры южныхъ штатовъ Сѣверной Америки, до ихъ освобожденія великодушнымъ правительствомъ Авраама Линкольна.

Разница — и притомъ вовсе не къ лучшему — состоитъ только въ томъ, что *кагалъ лапсердачный* замѣнился *кагаломъ фрачнымъ*, который дѣйствуетъ съ такою же точно нетерпимостью во всѣхъ случаяхъ, гдѣ, по его мнѣнію, замѣшана «честь израиля». Приносить жалобу на постановленія этого синедріона, съ его новѣйшими Аннами и Каіафами, просто немыслимо, въ виду тѣхъ губительныхъ средствъ, кото-

[1]) См. «Государство въ государствѣ», стр. 121.

рыми они располагаютъ для уничтоженія противника. «Прежде всего,—такъ раскрываетъ кагальныя крапленыя карты неумолимый раввинъ, повидимому, отрекшійся отъ сообщества съ кагальными фрачниками, у которыхъ фракъ является единственнымъ признакомъ «культурности», — *жалобщикъ или протестантъ получитъ отъ всего фрачнаго кагала регламентацію «доносчика», «вреднаго члена общины»*, выносящаго соръ изъ избы и позорящаго весь израиль. Фрачный кагалъ не наложитъ на такого доносчика херема (проклятія) но *немедленно пошлетъ на непокорнаго десятокъ доносовъ*, смѣшаетъ съ грязью его доброе честное имя и оборудуетъ такъ, что *все кругомъ отвернется отъ него, какъ отъ зачумленнаго*. Поноситель-де израиля... какъ же съ нимъ имѣть дѣло? И *творятся безнаказанно возмутительныя вещи*: фабрикуются — буквально фабрикуются — метрики; умышленно перепутываются имена и фамиліи при метрическихъ записяхъ исключительно для того, чтобы *за «исправленіе» ихъ сдирать съ бѣдняковъ не три, а десять шкуръ*; отдается въ солдаты сынъ бѣдной вдовы, единственный ея кормилецъ, лишь потому, что она не смогла дать безсердечному метрикописцу, — сирѣчь казенному раввину, — потребованную имъ сумму. По той же причинѣ налагаются на десятки семействъ штрафы за неявку къ призыву лицъ, давнымъ давно мирно покоящихся въ землѣ. Родныя дочери являются въ пачкотнѣ современныхъ метрикописцевъ, по выдаваемымъ ими «документамъ», родными сестрами своихъ же родныхъ отцовъ! Вмѣсто того чтобы, согласно требованію закона, «направлять евреевъ къ соблюденію нравственныхъ обязанностей», современные метрикописцы *направляютъ членовъ своей общины давать ложныя показанія и подтверждать ихъ ложными присягами* (!!!). Въ синагогахъ, вмѣсто молитвы, *проповѣдуются, обсуждаются и разрѣшаются такія вещи, которымъ почетное мѣсто удѣляетъ уложеніе о наказаніяхъ»*.

II.

Когда мы своевременно раскрывали въ «**Наблюдателѣ**» всѣ эти безобразныя стороны кагальнаго самоуправленія или, точнѣе, возмутительнѣйшаго *самоуправства*, обрѣзанная и

прокаженная пресса сплошною стѣною вставала противъ насъ, обвиняя въ «фальсификаціяхъ», «фанатизмѣ» и «ретроградствѣ». Но шила, — даже въ непроницаемомъ жидовскомъ мѣшкѣ, — нельзя утаить, и его отравленное остріе должно было раньше или позже выглянуть на свѣтъ божій, не смотря на весь гвалтъ, поднимаемый Аннами и Каіафами.

Послѣ всѣхъ разоблаченій послѣдняго времени, — между прочимъ, и послѣ откровенныхъ, честныхъ заявленій раввина Якрина,—нашъ читатель невольно вспомнитъ прекрасно мотивированное мнѣніе бывшаго члена главнаго управленія по дѣламъ печати В. Я. Фукса, тридцать лѣтъ тому назадъ доказывавшаго, съ неопровержимыми фактами въ рукахъ, что дальнѣйшее существованіе еврейскаго «самоуправленія» ведетъ у насъ къ систематическому подтачиванію всѣхъ существенныхъ началъ государственнаго строя, экономическаго порядка и общественной нравственности. Еврейскій москитъ ведетъ невозбранно, во всѣхъ европейскихъ государствахъ, допустившихъ его присутствіе, одно и то же разрушительное дѣло, какое велъ нѣкогда въ Рѣчи Посполитой,—т. е. *выѣдаетъ все внутреннее содержаніе* осаждаемыхъ имъ стѣнъ, оставляя только призрачную внѣшнюю скорлупу, готовую рухнуть при первомъ порывѣ даже не особенно бурнаго вѣтра...

Оказывается несомнѣннымъ—и нечего повторять въ тысячный разъ одни и тѣ же доказательства! — что жидовскій кагалъ, давнымъ давно отмѣненный de jure законодательнымъ порядкомъ и въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ, и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, и въ Сѣверо-западномъ, и въ Юго-западномъ краю, не только существуетъ тамъ de facto во всей своей красѣ,—какъ существовалъ въ оны дни, по донесенію генерала Каховскаго, — съ тѣми же беззаконными формами; но съ учрежденіемъ «всемірнаго израильскаго союза» перекинулъ еще свои варварскія функціи чуть ли не во всѣ углы земнаго шара...

Какъ правъ былъ сѣдлецкій губернаторъ С. С. Громека, когда въ запискѣ, поданной имъ въ комисію при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, характеризовалъ такимъ образомъ *живучесть еврейскаго самоуправленія*: «Безнаказанность придаетъ самоуправленію *большую силу въ глазахъ еврейскаго народа и ведетъ къ еще бо́льшему обособленію евреевъ* и разъеди-

ненію съ окружающимъ кореннымъ населеніемъ. Евреи принимали всѣ благодѣянія правительства, клонившіяся къ уравненію правъ, и не исполняли ни одного приказанія и запрещенія, направленныхъ противъ обособленія и другихъ вредныхъ дѣйствій общины [1]). Власть положительно убѣждалась, что **раввины разбираютъ контробандныя дѣла,** устанавливаютъ сдѣлки между контробандистами и *сами принимаютъ въ нихъ участіе;* что раввины *нарушаютъ законы о бракахъ и присвоиваютъ себѣ власть гражданскихъ трибуналовъ*» [2]).

«Раввины и старѣйшины общества—продолжаетъ авторъ цитированной записки—легко заправляютъ массою, *подготовленною согласно ихъ цѣлямъ*, и еслибъ выдался изъ массы ослушникъ, то противъ него найдется много средствъ сильныхъ и дѣйствительныхъ. Раввину со старшинами, съ кагаломъ и бет-диномъ (тайнымъ судилищемъ) стоитъ только *изречь херемъ* (т. е. произнести проклятіе и отлученіе отъ общества)—и *масса задавитъ своего злосчастнаго собрата, а власть законная не въ силахъ охранить угнетеннаго* (любопытное признаніе со стороны представителя законной власти!). Въ крайнемъ случаѣ, у кагала есть ходатаи, вооруженные сильными аргументами, *хотя бы и сотнями тысячъ рублей* (извѣстно, что для удаленія Державина былъ собранъ жидами, съ цѣлью подкупа, милліонъ рублей):—кагалу это ничего не стоитъ, **и масса даетъ ему золото, не подозрѣвая, что покупаетъ для себя кандалы**» (!!).

Если сопоставить то, что говорилъ тридцать лѣтъ тому назадъ даровитый и проницательный администраторъ Царства Польскаго, съ тѣмъ, что считаетъ нужнымъ сообщить нынѣ одинъ изъ возмущенныхъ членовъ кагальной организаціи,—то смыслъ получится совершенно аналогическій. Раввинъ

---

[1]) Совершенно тотъ же взглядъ на своекорыстное примѣненіе равноправности въ племенныхъ интересахъ одного израиля, ко вреду для цѣлаго государства, выражаетъ и фельдмаршалъ Бергъ въ своей запискѣ, напечатанной въ этой же книгѣ «*Наблюдателя*». Недаромъ и Государственный Совѣтъ обращалъ вниманіе всѣхъ министерствъ на необходимость разрушить еврейскую сплоченность.

[2]) «Государство въ государствѣ», стр. 63. Записка эта, внесенная въ комисію губернаторомъ Громекою, была составлена, по его порученію, совѣтникомъ губ. правленія г. Преображенскимъ,—какъ видно, большимъ знатокомъ еврейскаго вопроса, изучившимъ его въ «чертѣ осѣдлости».

Якринъ замѣчаетъ только, что къ херему и прибѣгать не надо, чтобы стереть съ лица земли непокорнаго евреи-бунтаря: это ужь ultima ratio, къ которому прибѣгаютъ въ исключительныхъ случаяхъ. И безъ того, любители—на словахъ—«прогресса», «свободы мысли», «вѣротерпимости» и «гуманности» дохнуть не дадутъ свему отщепенцу!..

Итакъ, въ теченіе свыше четверти столѣтія, кагалъ не только не ослабѣлъ въ своей закулисной дѣятельности,—одинаково зловредной и для государства, и для общества, и для русскаго народа, и для самой еврейской массы,—но получилъ еще въ этой игрѣ десятки очковъ впередъ. Мудрено ли, что у насъ опять зародились толки о настоятельной необходимости—обуздать своекорыстные апетиты «религіозно-политической касты», весьма быстро продолжающей, въ прежнемъ направленіи, свою разрушительную работу.

III.

Безцеремонный напоръ всяческихъ «національнизмовъ» и «патріотизмовъ»,—едва ли не по числу племенъ, населяющихъ Россію,—вызвалъ, par contre coup, возникновеніе у насъ въ Петербургѣ особаго центра, подъ названіемъ «Русскаго собранія», призваннаго будить, направлять и расширять русское національное самосознаніе...

Какъ ни странно, на первый взглядъ, существованіе на Руси спеціально *русскаго* собранія, — когда всѣ общественныя собранія должны бы носить общій характеръ господствующей въ государствѣ національности,—но приходится примириться съ этимъ новѣйшимъ *гетто*, которому еще нужно защищать и укрѣплять свое мѣсто на государственной территоріи, сплошь заполоненной иноплеменными лагерями. О законныхъ правахъ *русскаго государственнаго языка* на всемъ пространствѣ имперіи у насъ, напр., можно только лепетать съ большою осторожкою, и даже эстонцы въ двухъ шагахъ отъ Петербурга,—не говоря уже о самодовлѣющемъ «финскомъ государствѣ»,—выдвигаютъ противъ него привилегію своего совсѣмъ не культурнаго жаргона. Языкъ Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Достоевскаго и другихъ корифеевъ русскаго слова все еще

считается недостойнымъ замѣнить собой даже мелкіе идіомы нашей разношерстной иноплеменности. То, что́ и заявить не рѣшатся даже въ колоніяхъ Франціи и Англіи, то съ апломбомъ проповѣдуется на русскомъ государственномъ материкѣ, въ самой метрополіи...

Понятно, что, при всей ограниченности и даже оскорбительной скромности задачъ «Русскаго собранія», его возникновеніе было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ всѣмъ русскимъ обществомъ, еще не зараженнымъ жидовскимъ «космополитизмомъ» по отношенію ко всѣмъ другимъ національностямъ... кромѣ іудейской, долженствующей сохраняться, какъ нѣкій драгоцѣнный консервъ, во всей своей талмудической чистотѣ и неприкосновенности, по глаголу «всемірнаго израильскаго союза». Число членовъ собранія, съ разныхъ концовъ Россіи, быстро достигшее тысячи человѣкъ, доказываетъ ясно это сочувствіе къ основной идеѣ новаго собранія, помимо ограниченности ея временнаго осуществленія, быть можетъ, вызванной нѣкоторыми преходящими условіями мѣста и времени...

Но сочувствіе русскаго общества,—надо сказать правду,—нѣсколько охладѣло послѣ первыхъ шаговъ «Русскаго собранія» по открывшемуся для него пути. Во-первыхъ, заправилы собранія сами добровольно съузили свою, и безъ того неширокую, программу и обнаружили недостаточно иниціативы въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Вмѣсто крупныхъ вопросовъ «національнаго самосознанія», они предпочли остановиться на мелкихъ аксесуарахъ, въ родѣ возстановленія древнихъ «охабней» и «кокошниковъ», а изъ всѣхъ нашихъ окраинъ, нуждающихся въ распространеніи русской цивилизаціи и культуры, предпочли остановиться на среднеазіатскихъ владѣніяхъ.. Спора нѣтъ, и эти владѣнія должны подлежать нашей государственной ассимиляціи, но не могутъ же они выдвигаться на первый планъ въ этой общей культурной работѣ. Есть предметы, ближе лежащіе и болѣе настоятельно требующіе къ себѣ и государственной заботливости, и общественнаго вниманія!

Въ нашу редакцію, напр., поступило множество писемъ и словесныхъ запросовъ: намѣрено ли «Русское собраніе» поставить на обсужденіе *еврейскій вопросъ*, — самый опасный

изъ всѣхъ инородческихъ «гордіевыхъ узловъ», опасный именно тѣмъ, что онъ не обведенъ никакими *территоріальными границами* и ширится на всемъ пространствѣ русской имперіи подъ облыжными кличками и съ тщательно скрываемыми племенными притязаніями. Поводовъ къ постановкѣ этого вопроса на открытое общественное обсужденіе и искать нечего: они представляются чуть не на каждомъ шагу и въ отмѣченныхъ печатью разнообразныхъ племенныхъ проявленіяхъ одного и того же характера, и въ цѣлой книгѣ **„Государство въ государствѣ“**, — представляющей плодъ долговременнаго изученія этого вопроса въ его отдаленной исторіи, и въ современномъ положеніи,—и въ недавнемъ учрежденіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особой комисіи для урегулированія еврейскихъ дѣлъ, по примѣру таковой же комисіи 70-хъ годовъ, съ работами которой мы уже ознакомили нашихъ читателей.

«Русскому собранію» нужно только проявить извѣстную энергію и надлежащее пониманіе этого вопроса, служащаго заразною почвою для возникновенія всѣхъ другихъ сепаратистическихъ національнизмовъ, благодаря своей хорошо вооруженной позиціи и видимой безнаказанности своихъ антигосударственныхъ и антисоціальныхъ вожделѣній.

Но на эти запросы мы не могли дать никакого удовлетворительнаго отвѣта или, пожалуй, могли бы дать только въ отрицательномъ смыслѣ...

Немало удивились также многочисленные члены этого «русскаго» центра, когда на одномъ изъ его вечеровъ раздались рѣзкія осужденія дѣятельности Петра Великаго, виновнаго, будто бы, чуть ли не въ *убіеніи* русской національности. Одному изъ членовъ собранія понадобилось даже энергически возражать противъ такого безтактнаго обвиненія, доказывающаго, что въ средѣ этого собранія многія лица все еще продолжаютъ смотрѣть на реформу Петра глазами стараго московскаго славянофильства. Эта точка зрѣнія, имѣвшая нѣкогда свое оправданіе, — какъ противовѣсъ легкомысленному идолопоклонству передъ Западной Европою,—давно уже отжила свое время или, лучше сказать, сведена къ разумному синтезу съ такъ называемымъ «западническимъ» направленіемъ Кавелинымъ, княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, В. Г.

Бѣлинскимъ въ его позднѣйшихъ статьяхъ, наконецъ, А. И. Герценомъ. Было бы очень жаль, еслибы русское собраніе стало упорствовать въ своемъ «отрицаніи» Петра, такъ какъ, вслѣдъ за этимъ отрицаніемъ, ему слѣдовало бы *отлучить* и Пушкина, — этого вѣщаго барда величайшаго изъ монарховъ,—который поставилъ въ заслугу Петру именно то, что онъ

«не презиралъ страны родной—
Онъ зналъ ея предназначенье».

А, за изгнаніемъ изъ вратъ эдема Петра Великаго и Пушкина, что же останется отъ нашего «національнаго самосознанія»? Два-три члена собранія въ боярскихъ шапкахъ и охабняхъ, что ли?!

Въ разъясненіи всѣхъ жгучихъ вопросовъ нашего національнаго самосознанія большую услугу могла бы оказать русскому обществу стойкая, самоотверженная и сильная національная печать; но, къ сожалѣнію, она у насъ почти совершенно отсутствуетъ, и стогна ежедневной и ежемѣсячной журналистики почти сплошь наполняются фальсифицированными продукціями сомнительнаго общественнаго значенія. Всѣ эти продукціи давнымъ-давно пригоняютъ насъ къ мысли, что спасеніе Россіи состоитъ—въ прививкѣ къ намъ фальшиваго буржуазнаго парламентаризма съ его «парламентскимъ большинствомъ», оправдывающимъ всякое экономическое и нравственное насиліе надъ народомъ, съ его якобы «отвѣтственными», а въ сущности вполнѣ безнаказанными министерствами, съ обезземеленіемъ и обатрачиваніемъ трудящейся массы въ кабалѣ у капитализма; гибель же наша заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ развитіи народнаго самосознанія и основныхъ началъ нашего государственнаго, экономическаго и религіозно-нравственнаго быта...

Такую именно прессу, очевидно, и имѣетъ въ виду К. П. Побѣдоносцевъ, когда шлетъ ей рѣзкіе укоры въ своемъ «Московскомъ Сборникѣ». Сѣтуя на то, что современная газета отучаетъ людей отъ серьезнаго мышленія (упрекъ, который сдѣлалъ ей нѣкогда и Золя) авторъ прибавляетъ: «Пускай бы еще предлагались однѣ новости: — нѣтъ, *онѣ предлагаются въ особливой формѣ*, окрашенной особливымъ мнѣніемъ, соединеннымъ съ безъименнымъ, но очень рѣшитель-

нымъ «сужденіемъ». «Признавая все удобство и пользу отъ распространенія массы свѣдѣній и отъ обмѣна мыслей и мнѣній путемъ газеты, — заканчиваетъ г. Побѣдоносцевъ эту нелестную характеристику,—нельзя не видѣть и того вреда, который происходитъ для общества отъ безграничнаго распространенія газеты; нельзя не признать съ чувствомъ нѣкотораго страха, что *въ ежедневной печати* скопляется какая-то роковая, *таинственная разлагающая сила*, нависшая надъ человѣчествомъ».

Но слѣдуетъ, однако, различать вещи. Если упреки К. П. Побѣдоносцева вполнѣ справедливы по отношенію къ той — преимущественно жидовской — прессѣ, которая смотритъ на свою общественную задачу съ такою же точно развязностью, какъ на биржевую игру, ростовщичество или торговлю живымъ товаромъ, — то они отнюдь не могутъ касаться сохранившихся еще и въ Западной Европѣ, и у насъ ежедневныхъ газетъ съ идейной программой, съ опредѣленною политической физіономіей того или другаго характера. Такою честною идейною газетою была, напр., «Daily News» подъ руководствомъ Гладстона, «République Francaise» въ рукахъ у Гамбетты, «Libre Parole», вдохновляемая честнымъ патріотомъ Дрюмономъ и, конечно, стоящая поперекъ горла всѣмъ жидовскимъ гешефтмахерамъ и ихъ креатурамъ. Такою же газетою были у насъ и «Московскія Вѣдомости» во времена Каткова, когда ему дана была возможность свободно высказывать свои взгляды, не боясь цензурныхъ тисковъ. Можно причислить сюда и «Голосъ», не смотря на многія его уступки и уклоненія подъ вѣяніемъ минуты.

Но у насъ наибольшей свободой въ пропагандѣ своихъ спеціальныхъ «идей» пользовались зачастую иноплеменные органы, рекламировавшіе только свои узенькіе своекорыстные интересы и даже имѣвшіе наглость выдавать ихъ за послѣднее слово человѣческаго прогресса и за обязательную программу для нашего отечества.

На сторонѣ этой прессы и въ Западной Европѣ очутилась уже политическая и—главнымъ образомъ—финансовая сила, пригнетающая честный и независимый образъ мыслей. «Со ступеньки на ступеньки» пресса и низошла на степень про-

ститутки или приживалки банкирскихъ домовъ. Но нельзя отчаиваться въ ея возрожденіи, благо и при такомъ положеніи въ ней сохранились еще и твердые характеры, и ясные умы...

Ефимъ Простосердовъ.

Тревожное время.

Тревожное время настало
Для нашей отчизны святой:
Муть въ жизни—на мѣсто кристалла;
Въ промышленномъ дѣлѣ—застой;
Въ гоньбѣ за копѣйкою лишней
Теряемъ мы крошки стыда...
Одинъ только знаетъ Всевышній,
Куда мы идемъ, господа!

Глядимъ мы съ лицомъ невеселымъ,
Какъ (родины древній недугъ)
По градамъ, деревнямъ и селамъ
Свирѣпствуетъ «красный пѣтухъ»;
Какъ сушь истребляетъ хлѣба́ намъ,
Какъ вѣсть о злодѣйствахъ жида
Намъ въ уши гудитъ барабаномъ...
Куда мы идемъ, госнода?

Пожарное дѣло въ столицѣ
Огромныхъ потребуетъ тратъ.
Когда жъ наша дума проспится?
Уже ль Петербургъ такъ богатъ,
Чтобъ лѣтомъ горѣть неустанно,
Какъ мелкіе всѣ города?
Скажите же мнѣ безъ обмана,
Куда мы идемъ, госнода?

Я съ чувствомъ обиды не слажу!..
Газету лишь въ руки возьмешь—
Наткнешься на дерзкую кражу,
Иль наглый, открытый грабежъ.

Растутъ, какъ грибы, преступленья!
Преступниковъ нѣтъ и слѣда...
Мои разрѣшите сомнѣнья:
Куда мы идемъ, господа?

Читатель—грусти, не грусти ты—
Но правды не спрячешь подъ спудъ:
На биржѣ «дѣльцовъ» аппетиты—
Что годъ, прогрессивно растутъ.
Высоко задравъ свои морды,
Колеблятъ они безъ труда
Бумаги, стоявшія твердо...
Куда жь мы идемъ, господа?!

Хмурый Бардъ.

Назрѣвшій вопросъ.

Пресловутый «еврейскій вопросъ»
Будитъ въ насъ интересъ съ каждымъ днемъ;
Гдѣ бы только вамъ быть ни пришлось—
Всюду толки ведутся о немъ!
Публицистовъ у насъ цѣлый рой
Разбираетъ его вкось и вкривь,
И въ салонахъ beau monde'a порой
Вы услышите слово: «juif»...

За годами проходятъ года,—
Хоть и надо бы быть намъ умнѣй,—
Муку терпитъ народъ отъ жида
Съ каждымъ годомъ сильнѣй и сильнѣй.
Намъ его появленье грозитъ
Разростаньемъ преступнѣйшихъ дѣлъ,
И на нашихъ глазахъ паразитъ
Кіевъ, Харьковъ—оѓадить успѣлъ...

Гдѣ ни явится жидъ, въ свой чередъ,
Моментально тамъ, волей судьбы,
Разоряясь, бѣднѣетъ народъ,
Преступленья растутъ, какъ грибы!..
Къ плутнямъ чувствуя вѣчную страсть,
Жидъ сроднился съ презрѣньемъ людскимъ,
И, подчасъ, полицейская власть
Равнодушна къ дѣяньямъ такимъ...

Но и этого мало жиду,
Мало воплей народныхъ и слезъ!—
Поднятъ (къ общему всѣхъ насъ стыду)

Былъ на «съѣздѣ актерскомъ» вопросъ,
Чтобъ могли всѣ актеры-жиды
Жить въ любыхъ городахъ на Руси...
Отъ нашествія этой орды
Милосердый Господь насъ спаси!!!

Невскій Житель.

«Кагальному фрачнику».

Врагъ честнаго труда, защитникъ всякой мрази,
Скажи: зачѣмъ на свѣтъ ты порожденъ судьбой?
Иль злющій сатана, въ мучительномъ экстазѣ,
Хотѣлъ предъ Богомъ Силъ похвастаться тобой?!

Каранмъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Только ТРИ рубля въ годъ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РОДНАЯ РѢЧЬ“

надающійся въ Москвѣ подъ редакціей Ѳ. Н. Берга, бывшаго 10 лѣтъ редак. „Нивы“.

Въ 1902 г. «Родная Рѣчь» будетъ выходить по прежнему въ видѣ тройнаго изданія: еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, еженедѣльной политической и общественной газеты и ежемѣсячныхъ литературныхъ книгъ, охватывая всѣ вопросы текущей жизни, подбирая среди массы событій все важное, нужное и интересное.

Въ 1902 году подписчики получатъ: 50 №№ иллюстрированнаго журнала, 50 №№ политической газеты, 12 большихъ книгъ.

Содержаніе ежемѣсячныхъ книгъ въ 1902 году составятъ: собраніе сочиненій В. А. Жуковскаго и М. Н. Загоскина.

Независимо отъ этого, всѣ годовые подписчики получатъ безплатно

„ИСТОРІЯ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ“

въ 3-хъ большихъ томахъ съ портретами: Годунова, Шуйскаго, Лжедимитрія, Минина и др.

Такимъ образомъ подписчикамъ «Родной Рѣчи» представляется возможность безплатно обогатить свою библіотеку крайне интересными и цѣнными сочиненіями поэтическаго, беллетристическаго и историческаго характера.

Съ января 1902 года въ журналѣ будутъ печататься статьи Константина Петровича Побѣдоносцева.

Въ журналѣ и газетѣ попрежнему будутъ принимать участіе извѣстные писатели: С. Ф. Шараповъ, гр. Е. А. Саліасъ, Н. И. Мердеръ, Н. Н. Кашкинъ, А. В. Кругловъ, А. И. Елпшевъ, И. С. Чехъ, А. Г. Брилліантовъ, А. А. Осиповъ и др.

Подписная цѣна на журналъ «Родная Рѣчь» съ приложеніемъ газеты и 12 книгъ съ пересылкой на годъ три руб.; на четыре мѣсяца (16 №№ журнала, 16 №№ газеты, 4 книги) одинъ руб.

Редакція и контора журнала „Родная Рѣчь“: Москва, Рождественка, Варсонофьевскій пер., д. № 4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ НА

ОЛОНЕЦКІЯ

ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

«Олонецкія Губернскія Вѣдомости» въ 1902 году будутъ выходить по расширенной программѣ, три раза въ недѣлю, причемъ особое вниманіе обращено на неоффиціальную часть. Всѣ выдающіяся событія мѣстной и отечественной жизни, все, представляющее интересъ въ литературномъ или научномъ отношеніяхъ, вопросы народнаго образованія, дѣятельность общественныхъ учрежденій, прошлая и настоящая жизнь губерніи въ историческомъ, топографическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ и пр., все это будетъ находить мѣсто въ неоффиціальной части и сообщаемо съ возможною тщательностью и полнотою.

Подписка принимается въ г. Петрозаводскѣ при Губернскомъ Правленіи.
Подписная цѣна на годъ—5 р., на полгода—3 р.

Редакторъ С. Левитскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

на ежедневную газету общественной жизни, политики, литературы и торговли

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой на домъ въ ОРЛѢ и пересылкой въ другіе города.

НА ГОДЪ 7 РУБЛЕЙ,

на 11 мѣс.	6 р. 50 к.	на 5 мѣс.	3 р. 50 к.
» 10 »	6 » — »	» 4 »	3 » — »
» 9 »	5 » 50 »	» 3 »	2 » 40 »
» 8 »	5 » — »	» 2 »	1 » 70 »
» 7 »	4 » 50 »	» 1 »	— » 90 »
» 6 »	4 » — »	» 1/2 »	— » 50 »

ПОДПИСКА СЪ ПЕРЕНОСОМЪ НА СЛѢДУЮЩІЙ ГОДЪ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

Для удобства подписчиковъ подписка принимается и съ разсрочкой, съ платою не менѣе какъ 1 рубль въ мѣсяцъ до выплаты всей суммы; обязательно при первомъ же взносѣ дѣлать надписи въ письмѣ — «въ разсрочку», иначе газета будетъ высылаться лишь до того срока, по который внесены деньги.

Для ознакомленія №№ газеты высылаются безплатно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ТОЛЬКО СЪ 1 И 16 ЧИСЛА КАЖДАГО МѢСЯЦА.

Плата за объявленія за каждую строку петита въ 35 буквъ, въ одинъ столбецъ, или за занимаемое мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 коп. и въ слѣдующіе разы 5 коп. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя 20 разъ, дѣлается уступка—10%, 30 разъ—15%, 40 разъ—20%, 50 разъ—25%, 60 разъ—30%, отъ 70—100 разъ — 40%, не менѣе 100 — 150 разъ, — уступка 50%. За адресы, въ 5 строкъ на 1-й страницѣ газеты 10 р. въ годъ — 150 разъ; 6 р. — за 75 разъ; 4 р.—за 38 разъ и 2 р.—за 15 разъ. За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1000 экз., или по 50 к. за 100 экз.

За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщить прежній адресъ. Копейки могутъ быть высылаемы марками.

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ, ОБЪЯВЛЕНІЙ И РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА ГАЗЕТЫ ПРОИЗВОДИТСЯ:

ВЪ ОРЛѢ—въ конторѣ «Орловскаго Вѣстника», Зиновьевская улица, домъ № 2-й и въ отдѣленіи ея—Московская улица, аптекар. магазинъ Полякъ.

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

ВЪ ЕЛЬЦѢ — на Соборной ул., домъ Маличкина, бывшій Пантелеевыхъ рядомъ съ Преображенской церковью; В. Д. Лукашовъ; **ВЪ БРЯНСКѢ**—Авиловская ул., домъ Сурнина, А. К. Федоровъ.

ТОЛЬКО РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА ГАЗЕТЫ:

ВЪ МОСКВѢ—Петров. лин. кн. торг. Анисимова; **ВЪ ЕЛЬЦѢ**—у газетчика М. И. Давыдова; **ВЪ БРЯНСКѢ** — въ библ. г. М. И. Юдина и г. Ѳедорова; **ВЪ КАРАЧЕВѢ**—въ магазинѣ А. Н. Хализева; **ВЪ ЛИВНАХЪ**—библіотека г. Крафтъ; **ВЪ БОЛХОВѢ** — Ново-Московск. апт. Р. Г. Вольперта; **ВЪ РОСЛАВЛѢ** — писчебумаж. маг. Д. В. Рафаилова; **ВЪ ЛИПЕЦКѢ**—книжн. магазинъ А. И. Полянскаго.

Редакторъ-издатель *А. И. Аристовъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

на еженедѣльную политическую, общественную и литературную газету

ОТГОЛОСКИ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ VII-й).

Цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой **3 руб.**

И ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ VIII-й).

(**Цѣна на годъ** съ доставкой и пересылкой **3 руб.**).

Адресъ редакціи обоихъ изданій С.-Петербургъ, 6-я Рождественская, 10.

Лица, подписывающіяся на оба изданія, платятъ за годъ съ дост. и пер. 5 р. на 8 м. 4 р. на 6 м. 3 р. на 4 м. 2 р.

Въ программу газеты «ОТГОЛОСКИ» входятъ всѣ обычные отдѣлы политическихъ, общественныхъ и литературныхъ газетъ, а именно руководящія статьи всякаго рода, фельетонъ, романы, разсказы и очерки, обзоръ мнѣній и отзывовъ печати, внутреннее и иностранное обозрѣніе, хроника русской и заграничной жизни, обзоръ открытій и изобрѣтеній, театръ и музыка, справочныя свѣдѣнія—торговыя, биржевыя и пр. Отвѣты редакціи. Объявленія.

Редакція ставитъ своей задачей давать въ сжатомъ, но живомъ и общедоступномъ изложеніи и въ извѣстномъ освѣщеніи систематическій обзоръ всѣхъ важнѣйшихъ новостей въ области политики и общественной жизни, а также мнѣній и отзывовъ печати по текущимъ вопросамъ за недѣлю. Изданію придана серьезная постановка. Газета ведется въ прогрессивно-національномъ направленіи и предназначается преимущественно для лицъ, не имѣющихъ возможности или времени слѣдить за ежедневными изданіями и разбираться въ массѣ важныхъ и неважныхъ сообщеній, разнообразныхъ слуховъ и толковъ, отрывочныхъ и невыясненныхъ, а часто и противорѣчивыхъ извѣстій, сообщаемыхъ ежедневной прессой. Особенное вниманіе обращено на сообщенія изъ провинціи, силами которой питаются наши центры, умственный и моральный ростъ которой составляетъ такое замѣтное явленіе въ наши дни.

«ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» заключаетъ въ себѣ обзоръ всѣхъ выдающихся и наиболѣе интересныхъ новинокъ русской литературы въ области беллетристики и науки, важнѣйшихъ журнальныхъ статей и лучшихъ изъ вновь выходящихъ книгъ. Задача изданія—помочь читающей публикѣ разобраться въ массѣ печатнаго матеріала, появляющагося на книжномъ рынкѣ и и въ періодической печати.

Чрезъ редакцію газеты «Отголоски» и журнала «Литературное Обозрѣніе» можно выписывать слѣд. книги, составленныя И. В. Скворцовымъ: Въ области практической философіи, ц. 60 к. Записки по педагогикѣ ч. I. Общая педагогика 8-е изданіе, ц. 1 р. Ч. II-я. Дидактика 2-е изд., ц. 75 к. (складъ въ маг. Думнова). Русская исторія ч. I. (до Іоанна III), ц. 1 р. Статьи и изслѣдованія по вопросамъ политики, общ. жизни и литературы, ц. 1 р. Обзоръ исторіи крестьянъ на Руси, ц. 40 к.

Редакторъ-издатель **И. В. Скворцовъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

НА ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ:

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

1) «Церковный Вѣстникъ»—еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

2) «Христіанское Чтеніе»—ежемѣсячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.

Въ качествѣ *приложенія* къ журналамъ, редакція издаетъ:

Полное Собраніе Твореній св. Іоанна Златоуста

въ русскомъ переводѣ, на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (около 1,000 страницъ убористаго, но четкаго шрифта), вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за **ОДИНЪ РУБЛЬ**, а подписчики на одинъ журналъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ, всѣ подписчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ пріобрѣсть полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцовъ церкви, — собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библіотеку богословской литературы ея золотаго вѣка.

Въ 1902 г. будетъ изданъ **ВОСЬМОЙ ТОМЪ** въ двухъ книгахъ, въ который войдутъ Бесѣды на ЕВ. ІОАННА.

Новые подписчики, желающіе имѣть и ПЕРВЫЕ СЕМЬ ТОМОВЪ, могутъ получить ихъ по уменьшенной цѣнѣ, именно—по два рубля за томъ, а въ изящномъ англійскомъ переплетѣ—по 2 р. 50 коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

а) *Отдѣльно* за «Церковный Вѣстникъ» 5 (пять) руб.; съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—6 р. 50 к.; за «Христіанское Чтеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—6 р. 50 к.

б) *За оба журнала* 8 (восемь) руб.; съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—9 (девять) руб., съ пересылкой.

Цѣна за границей:

За оба журнала 10 (десять) руб.; съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—11 р. 50 к.; за каждый журналъ *отдѣльно* 7 (семь) руб.; съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—9 рублей.

За изящный англійскій переплетъ прилагать 50 коп.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ Редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ».

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (*Невскій пр., 182 кв. 1*), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при «Церковномъ Вѣстникѣ»; *въ Москвѣ* подписка принимается въ Отдѣлѣ по распространенію духовно-нравственныхъ книгъ (*Петровка, Высокопетровскій монастырь*).

Редакторъ проф. А. Лопухинъ.

Открыта подписка на 1902 годъ

(XX годъ изданія)

на ежедневную политическую, экономическую и литературную газету

ЮЖНАЯ РОССІЯ

бывш. („ЮЖАНИНЪ“).

Газета издается по слѣдующей программѣ:

1) Офиціальный отдѣлъ. 2) Руководящія статьи по экономическимъ, политическимъ, земскимъ, сельско-хозяйственнымъ и юридическимъ вопросамъ. 3) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства». 4) Земскій отдѣлъ. 5) Провинціальная жизнь. 6) Хроника. 7) Наша печать. 8) Мѣстная хроника. 9) Письма въ редакцію. 10) Фельетоны общественные, научные, критическіе и литературные. 11) Театръ и музыка. 12) Наука, искусство и литература. 13) Судебная хроника. 14) Корреспонденціи. 15) Иностранныя извѣстія. 16) Заграничная жизнь. 17) Спортъ, смѣсь и шахматы. 18) Торговыя свѣдѣнія (по телеграфу и телефону). 19) Справочный листокъ. 20) Объявленія.

Форматъ газеты нѣсколько увеличенъ.

Условія подписки на газету «Южная Россія»:

Съ доставкой на домъ, въ городѣ и пересылкой иногороднимъ.		Безъ доставки и пересылки.	
На годъ	8 р. — к.	На годъ	7 р. — к.
» 11 мѣсяцевъ	7 » 50 »	» 11 мѣсяцевъ	6 » 50 »
» 10 »	7 » — »	» 10 »	6 » 10 »
» 9 »	6 » 40 »	» 9 »	5 » 60 »
» 8 »	5 » 80 »	» 8 »	5 » 10 »
» 7 »	5 » 20 »	» 7 »	4 » 60 »
» 6 »	4 » 50 »	» 6 »	4 » — »
» 5 »	4 » — »	» 5 »	3 » 75 »
» 4 »	3 » 25 »	» 4 »	3 » — »
» 3 »	2 » 75 »	» 3 »	2 » 50 »
» 2 »	2 » — »	» 2 »	1 » 80 »
» 1 »	1 » 20 »	» 1 »	1 » — »

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 50 коп. въ мѣсяцъ. Подписка принимается только съ 1-го и 15-го чиселъ мѣсяца и не можетъ переходить черезъ январь 1903 г.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы, если объ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: въ два срока: съ доставкою: къ 1-му января—4 р. 50 к. и къ 1-му мая—3 руб. 50 к., безъ доставки: къ 1-му января — 4 р. и къ 1-му мая — 3 р.; въ три срока: съ доставкою: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—3 р. и къ 1-му іюня—2 р.; безъ доставки: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—2 р. и къ 1-му іюня—2 р.

Подписка принимается: въ г. Николаевѣ (Херс. губ.): въ конторѣ «Южной Россіи», уголъ Соборной и Спасской и въ конторѣ объявленій Л. А. Каменера, уг. Спасской и Рождественской, д. Циглера, въ г. Кременчугѣ: у А. М. Михилевича, Большая Мѣщанская, д. Петрунькина, № 68 (противъ торговыхъ бань Сандомирскаго), въ С.-Петербургѣ и Москвѣ: въ конторахъ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К°.

Редакторъ-Издатель С. П. Юрицинъ.

Открыта подписка на 1902 годъ
НА
РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ
18-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ОБЩЕПОЛЕЗНОЕ изданіе съ рисунками и чертежами въ текстѣ образцовъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, приспособленій и пр. предметовъ по различнымъ ремесламъ, а также кустарнымъ и мелкимъ фабрично-заводскимъ производствамъ, съ подробными описаніями и наставленіями, къ нимъ относящимися. При этомъ въ общепонятномъ изложеніи даются надлежащія описанія, указанія и рецепты практическаго свойства. «РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА» необходима спеціальнымъ школамъ, технику, ремесленнику, кустарю, торговцу, сельскому хозяину, любителю ремеслъ и потребителямъ ремесленныхъ издѣлій, т. е. во всякомъ семействѣ. Кромѣ множества разнообразнѣйшихъ чертежей и рисунковъ, въ «Ремесленной Газетѣ» будетъ помѣщенъ рядъ описаній: различныхъ ремесленныхъ производствъ, новѣйшихъ изобрѣтеній, усовершенствованій, выставокъ, музеевъ, образцовыхъ ремесленныхъ и техническихъ школъ, частныхъ промышленныхъ мастерскихъ и пр. Кромѣ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ сообщеній о различныхъ заграничныхъ новостяхъ, редакція будетъ давать БЕЗПЛАТНО отвѣты и совѣты на запросы гг. подписчиковъ, относящіеся до ихъ спеціальности. Получая всѣ извѣстнѣйшія иностранныя изданія по различнымъ ремесламъ, Редакція располагаетъ лучшими изъ помѣщенныхъ въ нихъ статей и рисунковъ и даетъ возможность своимъ подписчикамъ пользоваться массою полезнаго, необходимаго и дорогого (многимъ недоступнаго) матеріала за крайне дешевую цѣну.

КАЖДЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧИТЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА: а) 50 №№ «Рем. Газ.», содержащихъ до 1000 статей со множествомъ рисунковъ въ текстѣ и приложеніяхъ, б) иллюстрированный настѣнный календарь и в) ДВѢНАДЦАТЬ слѣдующихъ премій-сборниковъ, составленныхъ изъ новѣйшихъ лучшихъ образцовъ:

Примѣч. Эти новые сборники, вмѣстѣ съ изданными въ предшествующіе годы, могутъ составить рѣдкія и богатыя собранія рисунковъ и чертежей образцовыхъ издѣлій по всѣмъ ремесламъ.

1) Сборникъ рисунковъ мебели, столярныхъ и проч. издѣлій. 1-я серія. 2)—тоже—2-я серія. 3) Сборникъ рисунковъ мягкой мебели. 4) Сборникъ рисунковъ драпировокъ для оконъ, дверей и пр. 5) Сборникъ рисунковъ токарныхъ и рѣзныхъ работъ. 6) Сборникъ ажурныхъ (выпиловочныхъ) и т. п. работъ. 7) Сборникъ плотничныхъ и т. п. работъ—дверей, воротъ, оградъ и пр. 8) Сборникъ рисунковъ желѣзныхъ воротъ, оградъ и пр.—1-я серія. 9) тоже—2-я серія. 10) Сборникъ разнаго рода слесарныхъ и т. п. работъ. 11) Сборникъ рисунковъ экипажей. 12) Сборникъ рисунковъ ювелирныхъ издѣлій изъ серебра, золота и пр.

Примѣчаніе. Эти сборники въ отдѣльной продажѣ будутъ стоить каждый по 1 руб. (съ перес.). Каждый подписчикъ всегда можетъ не соотвѣтствующій его нуждамъ сборникъ продать лично, или при посредствѣ мѣстнаго книжнаго магазина, спеціалисту по соотвѣтствующему ремеслу. Кромѣ того, будутъ приложены къ «Рем. Газ.» образцы новѣйшихъ мужскихъ модъ всѣхъ сезоновъ и образцы модной обуви мужской и женской (отдѣльно они стоютъ за границей до 15 р.). *Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе №№.* **Подписная цѣна: 6 р. въ годъ** съ пересылкой и доставкой, за полгода 3 руб.

Полные экземпляры «Рем. Газ.» со всѣми приложеніями за 1886 г. по 10 р., а за 1887, 1889, 1890, 1891, 1892, (безъ книгъ) 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900 г. и 1901 г. высылаются по 5 р. Экземпляры за 1885 и 1888 гг. всѣ разошлись. «Рем. Газ.» рекомендована г. Министромъ Народ. Просвѣщенія: 1) для техническихъ и ремесленныхъ училищъ—мужскихъ и женскихъ; 2) для городскихъ и сельскихъ училищъ; 3) для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также 4) для библіотекъ реальныхъ училищъ.

Адресъ редакціи: Москва, Долгоруковская улица, домъ № 71.

Редакторъ-Издатель Ученый Инженеръ-Механикъ *К. А. Казначеевъ.*

ГОДЪ XVIII.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1902** ГОДЪ

на издающуюся въ городѣ Ставрополѣ-Кавказскомъ общественно-литературную и политическую газету

„Сѣверный Кавказъ“

(съ Октября 1901 г. форматъ газеты увеличенъ)

выходящую три раза въ недѣлю — по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ — и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго она носитъ.
Въ промежуточные дни—среду, пятницу и воскресенье выходятъ

ТЕЛЕГРАММЫ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Съ доставкой и пересылкой. На годъ 5 р. 50 к. на полгода 3 р. на 3 мѣсяца 1 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ 60 к. Безъ доставки и пересылки На годъ 4 р. 50 к. на полгода 2 р. 50 к. на 3 мѣсяца 1 р. 50 к. на мѣсяцъ 50 к.

Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками.

Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей. Адресъ: Ставрополь-Кавказскій, редакція «СѢВЕРНАГО КАВКАЗА». Телеф. № 36. Пріемъ объявленій: въ Ставроп.-Кавк. въ ред. и тип. «СѢВЕРНАГО КАВКАЗА»; въ Москвѣ и Петербургѣ въ конт. Торг. Дома *Л.* и *Э. Метцль* и К°.

Издатель В. В. Беринъ. Редакторъ Д. И. Евсѣевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1902** ГОДЪ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ПЕРМСКІЙ КРАЙ“.

Газета издается въ г. Перми и выходитъ ежедневно за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ; въ эти послѣдніе дни подписчикамъ разсылаются телеграммы «Россійск. Телегр. Агентства». *Собственные корреспонденты имѣются во всѣхъ городахъ и многихъ селахъ и заводахъ Пермской и Вятской губ., а также въ Петербургѣ, Москвѣ и губернскихъ городахъ.*

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 6 р., 11 мѣс.—5 р. 50 к., 10 мѣс.—5 р., 9 мѣс.—4 р. 50 к., 8 мѣс.—4 р., 7 мѣс. 3 р. 50 к., 6 мѣс.—3 р., 5 мѣс.—2 р. 50 к., 4 мѣс.—2 р., 3 мѣс.—1 р. 80 к., 2 мѣс.—1 р. 20 к., 1 мѣс.—60 к. Допускается разсрочка на льготныхъ условіяхъ. Подписываться можно на всѣ сроки, НО НЕ ИНАЧЕ, КАКЪ СЪ 1-го ЧИСЛА КАЖДАГО МѢСЯЦА. Учителямъ народныхъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ и законоучителямъ этихъ училищъ, при годовой подпискѣ на газету, предлагается скидка 20%, съ разсрочкой уплаты подписной суммы въ теченіи 5 мѣсяцевъ.

Плата за объявленія и публикаціи: впереди текста — 15 коп., послѣ текста—5 коп. за строку. За годовыя, полугодовыя и многократныя объявленія значительная скидка по соглашенію.

Редакція и контора газеты: Пермь. Пермская ул. № 59.

Редакторъ-издатель С. А. Басовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ НА
ЖУРНАЛЪ ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ И ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

XXII годъ. **„ОСКОЛКИ“** XXII годъ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И ПРИ ПОСТОЯННОМЪ УЧАСТІИ
Н. А. ЛЕЙКИНА.

Улыбка и смѣхъ—рѣдкіе гости въ наше время тоски и уныніи. Смѣхъ, это—лучъ солнца въ сумракѣ общественной вялости и тьмы. Смѣхъ будитъ жизнерадостность, вселяетъ бодрость въ духъ человѣка. Смѣхъ веселитъ. Но смѣхъ и казнитъ.

„Осколки“ откликаются на всѣ вопросы дня и явленія минуты, посвящая свое вниманіе и столицѣ, и провинціи, подхватывая на лету настоящее, не забывая прошлаго и даже предсказывая будущее! Вмѣсто безплатной преміи, подписчики журнала „ОСКОЛКИ“ получаютъ хорошее расположеніе духа, а это стоитъ дороже всякихъ иныхъ премій.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:		БЕЗЪ ДОСТАВКИ И ПЕРЕСЫЛКИ:	
На годъ	9 р.	На годъ	8 р. —
На полгода	5 »	На полгода	4 » 50
На три мѣсяца	3 »	На три мѣсяца	2 » 50
За границу на годъ	10 »		
» » » ½ года	6 »		

Допускается разсрочка подписной платы по личному соглашенію подписчика съ Главной Конторой журнала «Осколки». Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журнала «Осколки» въ С.-Петербургѣ (Спасская ул., д. № 17).

Редакторы-Издатели: Н. Лейкинъ и Р. Голике.

---

35 годъ ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ XXXV г.

„ДОНЪ“
(ВЪ ВОРОНЕЖѢ)
НА 1902 ГОДЪ.

Тридцать пятый годъ изданія.

Со 2-го февраля 1902 года газета «Донъ» начинаетъ 35-й годъ своего изданія. Просуществовавъ такой долгій срокъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціальнаго района, отголоскомъ котораго она служила больше трети столѣтія; поэтому, открывая подписку на 1902 годъ, редакція ограничивается лишь указаніемъ этого факта, безъ всякихъ обѣщаній: что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты — то будетъ сдѣлано.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На полгода.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкой въ Воронежѣ	6 руб.	3 р. 50 к.	2 р. — к.	— р. 75 к.
Съ пересылкой въ другіе города	7 »	4 » — »	2 » 50 »	1 » — »

Ред.-Издатель *В. Веселовскій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

КУРСКІЯ

ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

Неофиціальная часть „ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ будетъ издаваться, какъ и въ 1901 г., по слѣдующей программѣ:

1) Руководящія статьи по вопросамъ мѣстной общественной жизни и дѣятельности. 2) Сообщенія о дѣйствіяхъ Правительства и распоряженіяхъ губернскаго начальства. 3) Мѣстная хроника. 4) Областная хроника. 5) Заслуживающія вниманія читателей извлеченія изъ газетъ и журналовъ, столичныхъ и провинціальныхъ. 6) Внутреннія извѣстія. 7) Судебная хроника. 8) Заграничныя извѣстія. 9) Театръ и музыка. 10) Смѣсь. 11) Фельетоны. 12) Справочный отдѣлъ. 13) Телеграммы отъ «Россійскаго Телеграфнаго Агентства» — какъ политическія, такъ и торгово-промышленныя и биржевыя.

Въ настоящемъ году редакція «КУРСКИХЪ ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ» приняла всѣ зависящія отъ нея мѣры къ расширенію и увеличенію всѣхъ отдѣловъ газеты, обращая особое вниманіе на сообщеніе свѣдѣній, касающихся Курскаго края.

ПОДПИСКА принимается: въ Курскѣ—въ редакціи и въ типографіи при Губернскомъ Правленіи, а въ уѣздныхъ городахъ—у мѣстныхъ исправниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой въ городѣ Курскѣ и пересылкой по почтѣ: на годъ 4 р., на 9 мѣс.—3 р. 50 к., на 8 мѣс.—3 р., на 6 мѣс.—2 р. 50 к., на 4 мѣс.—2 р., на 3 мѣс.—1 р. 50 к., на 1 мѣс.—60 к.

Объявленія принимаются въ типографіи Губернскаго Правленія.

Редакторъ *С. П. Корниловъ.*

Открыта подписка на **1902** г. на еженедѣльную финансово-экономическую, торговую и промышленно-техническую газету

„ПРОМЫШЛЕННЫЙ МІРЪ“.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ **III-й**.

Газета „Промышленный Міръ“ выходитъ еженедѣльно, въ объемѣ около 3 листовъ текста, и содержитъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Правительственныя распоряженія. II. Статьи, обзоры и корреспонденціи по финансово-экономическимъ и торгово-промышленнымъ вопросамъ. III. Хроника. IV. Кредитъ и банковое дѣло. V. Акціонерное дѣло. VI. Фабрично-заводскій отдѣлъ. VII. Горное дѣло. VIII. Хлѣбная торговля и мукомольная промышленность. IX. Страховое дѣло. X. Пути сообщенія, тарифы, фрахты. XI. Обзоръ печати и библіографія. XII. Вопросы и отвѣты (практическія свѣдѣнія, указанія и сообщенія промышленнымъ дѣятелямъ). XIII. Политехника. XIV. Объявленія.

Редакція газеты „Промышленный міръ“ относится съ полнымъ безпристрастіемъ ко всякому обоснованному мнѣнію по вопросамъ нашего экономическаго быта. Столбцы газеты открыты какъ для представителей экономической науки, такъ и для просвѣщенныхъ практическихъ дѣятелей, которые прямо заинтересованы въ томъ, чтобы нужды разныхъ отраслей торгово-промышленной дѣятельности своевременно останавливали на себѣ вниманіе общества и правительства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой и доставкой: на годъ—10 руб., полгода—5 руб. и четверть года—3 руб. Подписка принимается въ конторѣ редакціи: **С.-Петербургъ, Коломенская ул., д. № 1 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.** Подписывающіеся на весь 1902 г. получаютъ газету въ теченіе ноября и декабря 1901 г. **БЕЗПЛАТНО.** Пробные №№ высылаются по первому требованію **БЕЗПЛАТНО.**

Редакторъ-Издатель *А. С. Залшупинъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

Журналъ, посвященный всѣмъ вопросамъ, относящимся до благотворительности и общественнаго призрѣнія. Органъ Вѣдомства дѣтскихъ пріютовъ. Журналъ издается Центральнымъ Управленіемъ дѣтскихъ пріютовъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, подъ редакціею дѣйств. статск. совѣтника Евгенія Севастьяновича Шумигорскаго.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками объемомъ не менѣе трехъ печатныхъ листовъ. — Подписная цѣна за годовое изданіе, съ доставкою и пересылкою, три рубля. — Доходъ отъ изданія, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, обращается въ пользу дѣтскихъ пріютовъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.—Подписка принимается въ редакціи (С.-Петербургъ, Казанская ул., 7).— Статьи для напечатанія и всѣ запросы, касающіеся журнала, должны быть адресуемы исключительно въ редакцію. — Редакція для личныхъ объясненій открыта, исключая воскресные и праздничные дни, ежедневно отъ 2 до 3 час. пополудни.—Отдѣльные №№ продаются по 30 коп.—Лица, желающія получить «Вѣстникъ Благотворительности» за 1897, 1898 и 1899 гг., могутъ присылать свои требованія въ редакцію съ приложеніемъ трехъ рублей. Число экземпляровъ за 1897 г., оставшіеся въ редакціи, крайне ограничено. — Объявленія принимаются за строчку, или занимаемое ею мѣсто, по 15 коп.

Программа.

I. **Офиціальный отдѣлъ.** Распоряженія Правительства, II. **Спеціальный отдѣлъ,** посвященный дѣятельности Вѣдомства дѣтскихъ пріютовъ и другихъ благотворительныхъ учрежденій. III. **Литературный отдѣлъ.** Разработка всѣхъ вопросовъ благотворительности и общественнаго призрѣнія, очерки русскихъ и заграничныхъ учрежденій, литература, журналистика и хроника русской и иностранной благотворительности. IV. **Объявленія.**

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Казанская ул., 7.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 годъ НА ДВА ИЗДАНІЯ:

XX годъ изданія XX

НОВОСТИ ДНЯ

ежедневная газета, съ еженедѣльными иллюстрированными листами на злобу дня съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, выдвигаемыхъ текущими событіями. Въ теченіе года—свыше 400 портретовъ, художественно исполняемыхъ, какъ наши читатели могутъ судить по иллюстрированнымъ листамъ прошлыхъ лѣтъ. Газета отводитъ на своихъ столбцахъ мѣсто всему выдающемуся въ русской и заграничной жизни, отмѣчая событія въ возможной полнотѣ и въ яркой, живой и общедоступной формѣ. Помимо обширной хроники, въ «НОВОСТЯХЪ ДНЯ» помѣщаются ежедневно многочисленныя телеграфныя сообщенія и корреспонденціи отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ Петербурга, изъ провинціи и крупнѣйшихъ заграничныхъ центровъ, — изъ Парижа, Берлина, Лондона, Нью-Іорка и друг.

Подписная цѣна: въ годъ—8 р., 6 мѣс.—5 р., 3 мѣс.—3 р., 1 мѣс.—1 р.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

X год изданія. **СЕМЬЯ** X год изданія.

«СЕМЬЯ» выходитъ по слѣдующей программѣ: 1) изящная литература: романы-повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія, драматическія произведенія, оригинальныя и переводныя; 2) научныя обозрѣнія и критика: литературная, театральная, художественная и музыкальная; 3) историческіе очерки и путешествія; 4) біографіи; 5) спортъ всѣхъ видовъ; 6) изобрѣтенія, хозяйственныя свѣдѣнія, моды, смѣсь; 7) задачи, шарады, ребусы, игры, ноты; 8) почтовый ящикъ; 9) снимки съ картинъ современныхъ художниковъ; 10) иллюстраціи ко всѣмъ отдѣламъ. Портреты выдающихся дѣятелей. Рисунки, объясненія къ рисункамъ. Виньетки и пр.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой 3 р.; «Новости дня» и «Семья» 11 р.

Адресъ: *Москва, Красныя ворота, соб. домъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1902** ГОДЪ (XIV г. изданія)

на большую ежедневную, политическую, общественную и литературную газету, съ еженедѣльными иллюстрированными добавленіями,

РУССКІЙ ЛИСТОКЪ

(XIV годъ изданія).

Свои корреспонденты имѣются во многихъ городахъ Россіи и за границей—въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Софіи, Римѣ, Женевѣ и др., а въ случаяхъ важности командируются спеціальные корреспонденты. (Въ истекшемъ году было послано 6 кор.—въ Данцигъ, Реймсъ и Дюнкирхенъ на торжества, въ Брюссель—на конгрессъ, Боснію и Герцеговину—во время смутъ).

Обширность программы «РУССКАГО ЛИСТКА» даетъ возможность предложить читателямъ большое обиліе самаго разнообразнаго матеріала. Ежедневно въ фельетонахъ помѣщаются лучшіе романы, повѣсти, историческія и научныя статьи.

Иллюстрированныя добавленія, извѣстныя по своей художественности, въ 1902 г., какъ было и въ истекшемъ 1901 г., будутъ выходить **ЕЖЕНЕДѢЛЬНО** и за годъ составятъ объемистый томъ съ массою рисунковъ, портретовъ, модъ и т. п. Всѣ болѣе крупныя событія дня иллюстрируются фотографическими снимками нашего фотографа.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

8 р.

съ доставкой и пересылкой:

на годъ . . . . 8 р.	на 3 мѣс. . . . 2 р. 50 к.
„ 6 мѣс. . . . 4 р. 50 к.	„ 2 „ . . . 1 р. 70 к.
„ 4 „ . . . 3 р. 30 к.	„ 1 „ . . . — „ 90 к.

8 р.

При годовой подпискѣ допускается разсрочка: при подпискѣ—**5** р. и къ 1 іюля—**3** р. или при подпискѣ **3** р., къ 1 апрѣля — **3** р. и къ 1 іюля — **2** р. Кромѣ того, допускается особая разсрочка по **1** руб. въ мѣсяцъ — въ теченіе 8 мѣсяцевъ, считая съ января.

Адресъ главной конторы: МОСКВА, Мясницкая, д. № 20.

Свои отдѣленія—въ Москвѣ, Петербургѣ, Тулѣ, Калугѣ и Рязани.

Редакторъ-издатель ***Н. Л. Кавецкій.***

Открыта подписка на 1902 годъ

на литературную, политическую, общественную и комерческую газету

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

выходящую въ г. Казани ежедневно, кромѣ дней послѣ праздничныхъ.

Двадцатый годъ изданія.

Основная задача газеты: — возможно полное изученіе мѣстнаго камско-волжскаго раіона и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Въ городѣ съ дост.:	Въ городѣ безъ дост.:	Иногородн. съ перес.
На 12 мѣс.	6 р. 25 к.	7 р. — к.	9 р. — к.
» 11 »	5 » 75 »	6 » 50 »	8 » 50 »
» 10 »	5 » 25 »	6 » — »	8 » — »
» 9 »	4 » 75 »	5 » 50 »	7 » 25 »
» 8 »	4 » 25 »	5 » — »	6 » 50 »
» 7 »	3 » 75 »	4 » 50 »	5 » 75 »
» 6 »	3 » 25 »	4 » — »	5 » — »
» 5 »	2 » 75 »	3 » 50 »	4 » 25 »
» 4 »	2 » 25 »	3 » — »	3 » 50 »
» 3 »	1 » 75 »	2 » 25 »	2 » 75 »
» 2 »	1 » 20 »	1 » 50 »	2 » — »
» 1 »	0 » 60 »	0 » 75 »	0 » 75 »

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: для иногородныхъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 р.; для городскихъ — 2 р., 1 марта 2 р., 1 іюня 2 р. и 1 августа 1 р. Всѣ годовые подписчики, подписавшіеся на 1902 г. безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету безплатно со дня подписки до 1-го января 1902 года.

38-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. ПОДПИШИТЕСЬ НА ЖУРНАЛЪ

„БУДИЛЬНИКЪ“

и его СМѢХЪ.—Это лучшія средства отъ скуки и нравственныхъ болѣзней!..

Девизъ журнала — лѣчить, смѣясь... — Еженедѣльный визитъ «Будильника» оставляетъ рецептъ (№ журнала), въ которомъ имѣется: Шесть страницъ раскрашенныхъ каррикатуръ и рисунковъ на серьезныя и шутливыя темы, посвященныя героямъ и злобамъ дня, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи. Примѣчаніе. — Кромѣ хромо-литографскихъ рисунковъ, въ «Будильникѣ» недавно введены (новость!) и цинкографическія клише. Шесть страницъ юмористическаго текста, въ прозѣ, стихахъ, разсказахъ (съ иллюстраціями) на житейскія, политическія и общественныя темы столицъ и провинціи. Въ приложеніи, кромѣ піесъ и разсказовъ, новый отдѣлъ: «Забавы и развлеченія». *Примѣчаніе.*—Лѣченіе «водой» совершенно исключено. Для провинціи, страдающей часто отъ длинныхъ рукъ и застоя, «Будильникъ» является лучшимъ «лѣчебникомъ», причемъ интересные «больные» фотографируются. «Будильникъ», балуя своихъ годовыхъ подписчиковъ, предлагаетъ въ 1902 г. премію:

„ЗЕРКАЛО КАВКАЗА“.

Роскошный альбомъ картинъ съ текстомъ, въ 4-хъ отдѣлахъ, знакомящій съ внѣшнимъ видомъ и внутреннимъ значеніемъ Кавказа. Всѣ картины большаго формата и сняты съ натуры тифлис. фотографомъ Д. И. Ермаковымъ. Болѣзнь вѣка—безденежье—принята во вниманіе «Будильникомъ»—и для «больныхъ карманомъ» допускается разсрочка: 5 р. при подпискѣ и 5 р. 1-го іюня 1902 г. Пробный № «Будильника» съ подробнымъ объявленіемъ высылается за три 7-ми коп. марки. Подписка (на годъ, съ премiей—10 р.; безъ преміи—9 р.) принимается въ Главной Конторѣ журнала «Будильникъ»: въ Москвѣ, Тверская, домъ Спиридонова.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

Въ истекшемъ году «ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ» занялъ совершенно новое положеніе, получивъ право изданія его безъ предварительной цензуры.

Въ программу «ВИЛЕНСКАГО ВѢСТНИКА» входитъ, между прочимъ, обозрѣніе внутренней жизни Россіи на всемъ необъятномъ пространствѣ нашего отечества и иностранной политики государствъ всего міра.

Мы широко воспользуемся даннымъ намъ правомъ для выполненія просвѣтительныхъ задачъ печати въ интересахъ истины, законности и согласованія особыхъ мѣстныхъ условій съ общерусской жизнью. Мы дадимъ свободный доступъ на страницы «Виленскаго Вѣстника», безъ религіозныхъ и національныхъ различій, всѣмъ, желающимъ принять участіе во всестороннемъ обсужденіи вопросовъ, имѣющихъ общественный интересъ, и удѣлимъ мѣсто разнымъ заявленіямъ и сообщеніямъ, отмѣчающимъ какъ свѣтлыя, такъ и темныя стороны общественной жизни, оберегая неприкосновенность частныхъ лицъ, при строгомъ сохраненіи инкогнито корреспондирующихъ и сотрудничающихъ, въ случаѣ ихъ желанія.

Въ газетѣ «Виленскій Вѣстникъ» обязательно печатаются, на основаніи 11 п. прил. къ 318 ст., т. 1-й, ч. 2-я учр. прав. сен. изд. 1892 г., всѣ безъ исключенія казенныя объявленія по девяти губерніямъ Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго края, преимущественно о торгахъ и хозяйственныхъ операціяхъ. Эти объявленія, согласно закону, равносильны объявленіямъ, печатаемымъ въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ».

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ, подписавшіеся на газету въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника» съ 1-го января, получатъ безплатно газету съ 1-го декабря 1901 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Съ доставкою въ Вильнѣ. На годъ **6** руб., на 6 мѣс. **3** руб., на 3 мѣс. **1** руб. **50** коп., на 2 мѣс. **1** руб. на 1 мѣс. **60** коп. Съ пересылкой въ другіе города: На годъ **8** руб., на 6 мѣс. **4** руб., на 3 мѣс. **2** руб., на 2 мѣс. **1** руб. **50** коп., на 1 мѣс. **1** руб. За границу—**12** р.

Допускается разсрочка: Годовымъ подписчикамъ: иногородн. при подпискѣ **3** р., 1 мая **3** р., и 1 сентября **2** р., городскимъ—по соглашенію. НАРОДНЫМЪ УЧИТЕЛЯМЪ: на годъ **6** р.: 1 янв.—**2** р., 1 мая—**2** р. и 1 сент.—**2** р. Подписка принимается въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника», на Большой ул., въ д. Фіорентини, гдѣ редакція.

Редакторъ-издатель *П. Бывалькевичъ.*

СЪ СЕНТЯБРЯ ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА IV-й ГОДЪ
(съ октября 1901, по октябрь 1902)
Ежемѣсячнаго иллюстрированнаго изданія:

ИСКУССТВО
и
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ,

выходящаго безъ предварительной цензуры подъ ред. Н. П. СОБКО,
съ однотонными и многоцвѣтными снимками въ текстѣ и на особыхъ листахъ

Съ 1901 г. журналъ печатается въ собственной типографіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ за 24 №№ съ особыми приложеніями (въ общемъ до 1000 стр. текста и около 500 снимковъ): безъ дост. 8 р.; съ дост. и перес. 10 р.; за гран. 12 р. Разсрочка допускается на условіи взносовъ: 1) по 5 руб. въ полугодіе (въ сентябрѣ и въ февралѣ); 2) по четвертямъ года—по 3 руб. при подпискѣ и въ началѣ 2-го полугодія (въ февралѣ) и по 2 руб. черезъ три мѣсяца послѣ 1-го и послѣ 2-го взноса; 3) помѣсячно (исключительно для городскихъ подписчиковъ)—по 2 р. при подпискѣ и по 1 р. въ теченіе слѣдующихъ 6-ти или 8-ми мѣсяцевъ. Въ отдѣльной продажѣ—по 1 р. за книгу журнала и по 25 к. за № «Хроники» безъ перес. Пробная книжка высылается лишь по присылкѣ 1 р., съ наложеніемъ почтовыхъ расходовъ на самую отправку, причемъ рубль этотъ зачисляется впослѣдствіи при подпискѣ на журналъ. Тисненыя коленкоровыя съ кожаными корешками покрышки обходятся по 1 руб. на каждый томъ безъ перес. Иногородные подписчики, во избѣжаніе излишнихъ проволочекъ въ доставкѣ подписки черезъ книжные магазины, благоволятъ обращаться преимущественно въ Главную Контору: С.-Петербургъ, Почтамтская, 13.

Книгопродавцамъ и учащимся дѣлается уступка отъ 40 до 60 коп. съ годоваго экземпляра, смотря по роду подписки.

За перемѣну адреса взимается 50 коп. деньгами или почт. марками.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные экземпляры первыхъ 3-хъ лѣтъ журнала того же наименованія продаются по 10 р., съ перес. по 12 р.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

НА 1902 ГОДЪ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го числа** каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по **30 к.** съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 г.

(Подписной годъ считается съ 1 ноября 1901 г. по 1 ноября 1902 г.).

ГОДЪ ИЗДАНІЯ XVII-й.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“

Журналъ практическаго сельскаго хозяйства и домоводства, съ рисунками и чертежами.

Подъ редакціей Члена Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества **Ф. С. ГРУЗДЕВА.**

Журн. «СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ» выход. еженедѣльно по пятницамъ и издается при ближайшемъ участіи выдающихся научныхъ дѣятелей и извѣстныхъ спеціалистовъ и практиковъ по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, по слѣдующей программѣ:

Правительственныя распоряженія. Сельско-хозяйственная экономія. Полеводство и луговодство. Садоводство, табаководство, виноградарство и огородничество. Лѣсоводство. Животноводство. Пчеловодство и шелководство. Рыбоводство. Спортъ и охота. Сельско-хозяйственная технологія, архитектура и механика. Корреспонденціи. Внутренняя и иностранная хроника. Вопросы и отвѣты. Библіографія. Торговля. Домоводство. Спросъ, предложенія и полезные адресы. Объявленія.

Поставивъ главною цѣлью распространять полезныя свѣдѣнія по сельскому хозяйству, пригодныя для хозяевъ-практиковъ, редакція «Сельскаго Хозяина» обращаетъ особое вниманіе на отдѣлъ «вопросовъ и отвѣтовъ», дающій нашимъ г.г. подписчикамъ возможность не только удовлетворять своей любознательности и получать обстоятельныя свѣдѣнія по интересующимъ ихъ вопросамъ, но и разрѣшать всякія недоразумѣнія между хозяевами и торговыми фирмами. Практичность и удобоприменимость помѣщаемыхъ въ «Сельскомъ Хозяинѣ» статей будетъ, по прежнему, стоять у насъ на первомъ планѣ.

Всѣ подписчики получатъ въ теченіе года **БЕЗПЛАТНО**, безъ всякой доплаты за пересылку, слѣдующія приложенія:

Два тома Сельско-Хозяйств. Энциклоп.: **Уставъ сельскаго хозяйства и положеніе о наймѣ на сельскія работы. Законы и судебная практ. о сельск. хозяйствѣ. Практич. руковод. Сост. Н. Растеряевъ. Уборка и сохраненіе кормовыхъ средствъ. — Д-ра К. Бемера. Перев. съ нѣм., подъ редакціей и съ дополненіями проф. И. О. Широнихъ.** (Книга заключаетъ въ себѣ описаніе способовъ уборки, приготовленія, сохраненія и оцѣнки различныхъ видовъ сѣна, приготовленія и употребленія силосованнаго корма, уборки и сохраненія корнеплодовъ). Трудъ д-ра Бемера въ обработкѣ проф. Широнихъ является первой попыткой—собрать въ одной книгѣ все, что было сказано наукой или практикой по данному предмету.

Календарь-Альманахъ (справочная книжка для сельскихъ хозяевъ на 1902 г.).

Архитектурные проэкты городскихъ и сельско-хозяйственныхъ построекъ.

Различн. сельско-хозяйственныя съмена.

Въ журналѣ «Сельскій Хозяинъ», кромѣ чертеж. и рис. разн. машинъ, растеній и пр., будутъ помѣщ. рис. домашнихъ животныхъ съ поясните. текст.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: { **5** РУБ. на годъ. безъ дост. въ Спб. **6** РУБ. съ дост. въ Спб. и пер. по всей Рос. Имп. **3** РУБ. **50** к. на полгода.

За печатаніе объявленій взим. за строку мелк. шрифта въ одинъ столб. 10 к.

Экземпляры журнала «Сельскій Хозяинъ» за прежніе годы продаются по 5 р.

Подписка приним. въ Главн. Конторѣ Редакціи журн. «СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ»:

С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, собств. домъ. Издатель П. П. Сойкинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1902** г. НА

„СУДЕБНУЮ ГАЗЕТУ“

еженедѣльная газета, безъ предварительной цензуры,

съ безплатнымъ приложеніемъ Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената.

ПРОГРАММА: 1) РУКОВОДЯЩІЯ СТАТЬИ: обсужденіе правит. узаконеній и распоряженій по вопросамъ, касающимся всѣхъ областей права, судопроизводства, судоустройства и тюрьмовѣдѣнія; разсмотрѣніе кассаціонныхъ рѣшеній Правительствующаго Сената и пр.

2) ВНУТРЕННЯЯ ХРОНИКА: новыя узаконенія и распоряженія правительства, касающіяся всѣхъ областей права, судопроизводства, судоустройства и тюрьмовѣдѣнія; движеніе по государственной и общественной службѣ лицъ, принадлежащихъ къ судебному сословію; кассаціонныя рѣшенія Правительствующаго Сената, отчеты судебныхъ засѣданій, корреспонденціи изъ Россіи.

3) ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА: обзоръ текущихъ иностранныхъ законодательствъ, новости изъ юридическаго міра, выдающіеся процессы.

4) БИБЛІОГРАФІЯ: разборъ русскихъ и иностранныхъ юридическихъ книгъ и статей періодическихъ изданій.

5) ФЕЛЬЕТОНЪ: Замѣчательныя рѣчи юридическаго содержанія; біографіи выдающихся дѣятелей на юридическомъ поприщѣ.

6) СПРАВОЧНЫЙ ЛИСТОКЪ: бюллетени судебныхъ мѣстъ, засѣданія ученыхъ обществъ и т. д.

7) ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ: отвѣты редакціи научнаго характера по всѣмъ вопросамъ судопроизводства и судоустройства и тюрьмовѣдѣнія, отвѣты по вопросамъ, касающимся лично редакціи.

8) ЮРИДИЧЕСКАЯ АРЕНА: здѣсь будутъ печататься вопросы и отвѣты на оные со стороны читающей публики.

«Судебная газета» будетъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, давать на своихъ страницахъ критическое обсужденіе законовъ, какъ дѣйствующихъ уже, такъ и вновь публикуемыхъ, причемъ для болѣе яркаго освѣщенія достоинствъ и недостатковъ отечественнаго права—матеріальнаго и процессуальнаго—будетъ держаться сравнительнаго метода изложенія, приводя постановленія передовыхъ иностранныхъ законодательствъ.

ПРОСИМЪ ОБРАТИТЬ ОСОБЕННОЕ ВНИМАНІЕ НА СЛѢДУЮЩЕЕ:

Въ каждомъ № **«Судебной газеты»** подписчики получаютъ за недѣлю раньше списокъ всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію по всѣмъ Департаментамъ Правительствующаго Сената и Общаго Собранія и, тотчасъ по опубликованіи, всѣ свѣдѣнія объ уничтоженіи довѣренностей, объ узаконеніяхъ и о лицахъ, признанныхъ со стороны судовъ по всей Россіи несостоятельными и о подъопечныхъ лицахъ, циркуляры Министр. Юстиціи и Министр. Внутр. Дѣлъ, воспослѣдовавшіе по соглашенію съ Министр. Юстиціи,—то есть пользуются такимъ матеріаломъ, который, въ отдѣльности взятый, стоитъ въ 3—4 раза дороже самаго изданія **«Судебной газеты»**.

СООБЩЕНІЕ СПРАВОКЪ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ и всѣхъ другихъ Департ. Сената производится безплатно въ почтовомъ ящикѣ редакціи только для годовыхъ подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ всю сумму сполна, притомъ не болѣе 3—4 раза въ годъ.

ПОДПИСЧИКАМЪ ВЪ РАЗСРОЧКУ И НА СРОКИ справки сообщаются на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЖЕЛАЮЩІЕ получить справку по почтѣ, не дожидаясь выхода газеты, прилагаютъ 2 руб. за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получить ее по телеграфу прилагаютъ еще стоимость телеграммы.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ: разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ, сообщеніе совѣтовъ, указаній и т. п. производится или въ отдѣлѣ «Отвѣты редакціи» или письменно по почтѣ, въ обоихъ случаяхъ на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЦѢНА: на годъ 7 р., за границу 10 р. въ годъ.

За границу подписка въ разсрочку не принимается. Разсрочка въ платежѣ годовой подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 4 рубля, а остальные 3 рубля не позже 1-го мая. При просрочкѣ втораго взноса, высылка газеты съ 1-го мая прекращается.

Редакторъ-издатель Ф. В. де-Веки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ главной конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Надеждинская улица, № 25 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

VI годъ изданія.

„ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

(политическая, научная, литературная и торгово-промышленная газета)

ВЫХОДЯЩАЯ въ ОДЕССѢ

ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ ВЪ ТЕКСТѢ

(рисунки событій дня, портреты общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. п.).

За пять лѣтъ существованія «Южное Обозрѣніе» вполнѣ выяснило свою идейную программу и заняло опредѣленное мѣсто въ ряду русскихъ газетъ.

Ставя на первомъ планѣ интересы трудящихся классовъ, мы всегда признавали, что всѣ отдѣльныя племенныя и національныя группы, живущія въ Россіи, являются вполнѣ равноправными членами одной великой культурной семьи.

По возможности въ каждомъ № «Южнаго Обозрѣнія» помѣщается беллетристическое произведеніе (разсказъ, повѣсть, романъ) русскихъ или иностранныхъ авторовъ.

Подписная цѣна на газету „ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Въ Одессѣ съ дост. на домъ	на годъ 6 р.		На города (съ пер.)	на годъ 8 р.	
» »	6 мѣс. 3 р. 50 к.		» »	» 6 мѣс. 4 р.	
6 Р. » »	3 » 1 » 80 »		» »	» 3 » 2 »	8 Р.
» »	1 » — » 60 »		» »	» 1 » 1 »	

Допускается разсрочка платежа.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Одессѣ, въ главной конторѣ газеты «Южное Обозрѣніе», при типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная ул., соб. домъ.

Редакторъ *Н. П. Цакни.*

Издатель *І. М. Бейленсонъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ на ДУХОВНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СТРАННИКЪ“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

„ОБЩЕДОСТУПНОЙ БОГОСЛОВСКОЙ БИБЛІОТЕКИ“

и новой серіи богословско-апологетическихъ трактатовъ.

Духовный журналъ «Странникъ» будетъ издаваться въ 1902 году по прежней широкой программѣ, обнимающей весь кругъ движеній богословско-философской мысли и церковно-общественной жизни, интересамъ которой онъ неослабно служитъ въ теченіе болѣе сорока лѣтъ.

1) При редакціи духовнаго журнала «Странникъ» издается «Общедоступная Богословская Библіотека» въ качествѣ безплатнаго приложенія. 2) Въ нее входятъ лучшія и капитальнѣйшія произведенія русской и иностранной богословской литературы по всѣмъ отраслямъ богословскаго знанія. 3) Ежегодно издается по два тома отъ 40 до 45 и болѣе печатныхъ листовъ въ томѣ, — всего около 1,500 страницъ убористаго, но четкаго шрифта, такъ что подписчики нашего журнала, ежегодно получая по два тома лучшихъ произведеній русской и иностранной богословской литературы, безъ обремененія себя пріобрѣтутъ цѣлую библіотеку этихъ произведеній.

Въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ выхода «Общедоступной Богословской Библіотеки», подписчиками получены слѣдующія цѣнныя изданія: а) «Православное Собесѣдовательное Богословіе» придворнаго протоіерея *І. В. Толмачева*. б) «Исторія Христіанской Церкви въ XIX вѣкѣ», въ двухъ томахъ (Православный востокъ и иносл. западъ) съ иллюстраціями. в) «Православная Богословская Энциклопедія» или Богословскій энциклопедическій словарь. Въ 1902 г. подписчики журнала получатъ 3-й и 4-й томы «Православной Богословской Энциклопедіи» (на буквы В, Г, Д и Е), за которыми въ свое время не замедлятъ послѣдовать и другіе.

Кромѣ того, съ 1902 г. редакція приступаетъ къ новой серіи богословско-апологетическихъ трактатовъ подъ общимъ заглавіемъ: «Христіанство, Наука и Невѣріе», имѣющихъ своею цѣлью защиту христіанства противъ новѣйшаго невѣрія во всѣхъ его видахъ. Ежегодно будетъ издаваться по одному выпуску въ 10—12 печ. листовъ (около 200 страницъ) въ каждомъ. Въ 1902 г. будетъ данъ крит. разборъ извѣстныхъ лекцій *А. Гарнака* «Сущность Христіанства». Журналъ по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ 10 — 12 и болѣе печатныхъ листовъ (до 200 стр. въ книжкѣ).

Цѣна: а) въ Россіи за журналъ «СТРАННИКЪ» съ приложеніемъ двухъ томовъ «Общедоступной Богословской Библіотеки» и одного вып. богословско-апологетическихъ трактатовъ восемь (8) рублей съ пересылкой и доставкой, б) *за границей*: 11 рублей съ пересылкой.

Примѣчаніе: а) Въ отдѣльной продажѣ для неподписчиковъ цѣна «Общед. Богосл. Библіотеки» 2 р. 50 к. за томъ, а съ перес. 3 р. б) Желающіе имѣть выпуски «Библіотеки» въ изящномъ англійскомъ переплетѣ благоволятъ прилагать по 50 к. за выпускъ. в) *Новые подписчики*, желающіе получить уже вышедшіе восемь выпусковъ «Библіотеки» (четыре тома «Православнаго Собесѣдовательнаго Богословія», два тома «Исторіи Христіанской Церкви» и два тома «Православной Богословской Энциклопедіи»), при выпискѣ всѣхъ прилагаютъ по 1 р. за томъ, а при выпискѣ на выборъ—по 1 р. 50 к. г) Въ виду связанныхъ съ изданіемъ приложеній большихъ расходовъ, редакція вынуждена печатать ихъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, и поэтому подписчикамъ на льготныхъ условіяхъ будетъ выдавать только по 1 экземпляру. За второй и слѣдующій экземпляры подписчики платятъ по 2 р. 50 коп. за экземпляръ безъ пересылки и 3 р. съ пересылкой, въ англійскомъ переплетѣ— 3 р. 50 к. съ пересылкой.

Адресоваться: Въ редакцію журнала «СТРАННИКЪ» *С.-Петербургъ, Невскій пр. д. № 182.* Городскіе СПБ. подписчики благоволятъ обращаться въ контору редакціи—Телѣжная ул., д. № 5.

За редактора, издатель проф. *А. Лопухинъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ (изд. XVII годъ)

еженедѣльный иллюстрированный журналъ

съ ежемѣс. литерат. приложеніями.

Одобренъ всѣми вѣдомствами.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ИЗДАНІЕ П. П. СОЙКИНА

Одобренъ всѣми вѣдомствами.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи

Отца Іоанна Кронштадтскаго,

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ представляетъ собою единственный въ Россіи иллюстрированный журналъ **ДЛЯ СЕМЕЙНАГО** религіозно-нравственнаго **ЧТЕНІЯ**; по богатству же, разнообразію и занимательности содержанія и художественности рисунковъ его можно сравнить съ лучшими отечественными изданіями.

ПОДПИСЧИКИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1902 ГОДА ПОЛУЧАТЪ:

52 **иллюстр. №№**. большаго форм. до 2000 столбцовъ, съ рисунк. изъ исторіи русск. народа и русск. правосл. церкви.

12 **ежемѣсячныхъ книгъ**, объемомъ свыше 2000 стр., заключ. въ себѣ: историч. повѣсти и разск., описанія святынь и т. п. и

КРОМѢ ТОГО, БУДЕТЪ ВЫДАНО БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ

картина извѣстнаго художника-профессора О. А. БРУНИ.

МОЛЕНІЕ О ЧАШѢ.

исполнена НА МЕГАЛЛѢ, въ 18 красокъ, ВЪ РЕЛЬЕФНОЙ РАМѢ.

Въ 12 книгахъ „РУССКАГО ПАЛОМНИКА" будетъ дано.

1) Святитель Алексѣй. Историческая повѣсть. *П. А. Россіева.* 2) Довмонтовъ мечъ. Историческая повѣсть. *Вл. П. Лебедева.* 3) Очерки изъ русской духовной жизни XVIII вѣка. *Е. Поселянина.* 4) Пути Провидѣнія. Пов. изъ временъ Константина Великаго. Пер. съ англ. *В. Н. А.* 5) За крестъ и вѣру. Историческая повѣсть. *А. И. Красницкаго.* 6) Фелинисъ. Повѣсть изъ исторіи гоненія христіанъ при Домиціанѣ. Гено. Переводъ *И. В. Новгородской.* 7) Исторія Россіи для народа (съ иллюстраціями). *А. Н. Сальникова.* 8—9) Мученики. Церковно-историческая повѣсть. Кн. I—II *Ф. Шатобріана.* Переводъ *А. С. Мерказиной.* 10) Буръ-Ань. Повѣсть изъ древне-зырянской жизни. *Н. М. Лебедева.* 11) Предъ разсвѣтомъ. Историческая повѣсть. *А. И. Лаврова.* 12) Путемъ неисповѣдимымъ. Историческая повѣсть изъ жизни патріарха Филарета Никитича. *Вл. П. Лебедева.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ со всѣми приложеніями остается прежняя: **РУССКІЙ ПОЛОМНИКЪ** **пять** руб. за годъ безъ доставки; съ доставкою и пересылкою по всей Россіи **шесть** руб. За границу **восемь** руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 апр. 2 р. и къ 1 іюля остальные.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная ул., № 12, собств. домъ.

Отдѣленіе конторы Спб., Невскій пр., № 96, уг. Надеждинской.

СОДЕРЖАНІЕ № 1-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

Стран.

I. Отецъ и сынъ. Повѣсть М. Бовскаго 11
II. Искушеніе. Стихотвореніе Л. Н. Афанасьева 129
III. Среди эстонскихъ городовъ и курортовъ. В. Е. Бѣлинскаго 130
IV. Голоса ночи. Стихотвореніе Н. Хлыстова 179
V. Въ погонѣ за карьерой. Повѣсть Н. П. Языкова . . . 180
VI. Провинціальная жизнь. Х. 222
VII. Волна. Стихотвореніе Д. Ратгауза. 247
VIII. Таинственное преступленіе. Романъ Жоржа Онэ . . . 248
IX. На чужбинѣ. Стихотвореніе А. Ф. Мейснера. 291
X. Типы и картинки парижской жизни. А. П. Плетнева . 292
XI. Желаніе. (Стихотвореніе Насръ-Эддина, персидскаго шаха). Н. Бахтина 301
XII. Жгучій вопросъ въ нашей арміи. Б—ва. 302
XIII. Ночь на морѣ. Стихотвореніе С. 305
XIV. Евреи въ Царствѣ Польскомъ. (Записка бывшаго намѣстника, фельдмаршала графа Θ. Θ. Берга, поданная имъ въ Комисію объ устройствѣ евреевъ, при министерствѣ Вн. Дѣлъ) 306
XV. Н. А. Добролюбовъ. (*Съ портретомъ*) 316

Современное Обозрѣніе.

XVI. Политическая хроника 1
XVII. Новыя книги. 15
XVIII. Отголоски. (Корреспонденція «Наблюдателя»): 1) О потребностяхъ нашего народнаго просвѣщенія; 2) Одесскіе лицедѣи 22
XIX. Наши внутреннія дѣла 30
XX. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) «И смѣхъ, и горе». (Литературныя и общественныя замѣтки). Ефима Простосердова 46
2) Стихотворенія: Хмураго Барда, Невскаго Жителя и Караима 58
XXI. Объявленія . . . . . 1—19

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

„ГОСУДАРСТВО ВЪ ГОСУДАРСТВѢ“.

(КЪ ИСТОРІИ ЕВРЕЙСКАГО ВОПРОСА ВЪ РОССІИ И ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ).

Сборникъ статей А. П. ПЯТКОВСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ:

1) Евреи въ Россіи отъ древнихъ временъ до конца царствованія Екатерины II-ой, 2) Новое оружіе противъ еврейскаго обмана, 3) Плоды «еврейской равноправности» въ Западной Европѣ, 4) Борьба русскаго правительства съ кагаломъ, 5) Расширеніе еврейской гегемоніи въ Европѣ при парламентскомъ режимѣ, 6) Наше національное самосознаніе и жидовскій маскарадъ въ разныхъ костюмахъ, 7) Коренная ошибка нашего законодательства по еврейскому вопросу, 8) Столѣтіе жидовской равноправности во Франціи, 9) Вторичное осужденіе Дрейфуса, 10) Отголоски «дрейфусіады» во Франціи и въ Россіи, 11) *Европейская* пресса, обратившаяся въ *еврейскую*, 12) Повтореніе минскаго бенефиса въ Шкловѣ, 13) Еврейскія звѣзды и еврейскій «херемъ», 14) Еврейская цензура въ прессѣ и театрѣ, 15) «Контробандисты» на сценѣ Малаго театра, 16) Сіонистское государство въ будущемъ и въ настоящемъ, 17) По Евангелію и по шулханъ-аруху, 18) Усовершенствованный видъ крѣпостнаго права, 19) Шулханъ-арухъ, какъ гражданскій и политическій кодексъ евреевъ (съ подлинными изъ него цитатами).

Отзывы: въ «Свѣтѣ», «Новомъ Времени», «Виленскомъ Вѣстникѣ», «Судебной Газетѣ», «Русскомъ Паломникѣ», «Могилевскихъ Г'уб. Вѣдомостяхъ», «Православной Буковинѣ» (въ Австріи) и др. газетахъ.

Цѣна книги: **1** р. **50** к., перес. за **2** ф. Выписывающіе изъ Главной Конторы «**Наблюдателя**» за простую пересылку не платятъ. Заказной бандеролью—1 р. 60 к.; наложен. платежемъ—1 р. 70 к. Книгопродавцы пользуются уступкою сообразно количеству затребованныхъ экземпляровъ (отъ **15** до **50** к. съ экз.).

Всѣ прежнія изданія Редакціи: «**Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія**, монографіи *А. П. Пятковскаго* 2 изд.; **Живые вопросы**, *Его же;* **Гансъ-Филинъ**, романъ *Ф. Шпильгагена;* «**Серапись**», историч. романъ *Георга Эберса* и др. уже распроданы, и Главн. Контора проситъ не обращаться съ требованіями на нихъ.

Редакторъ-издатель **А. П. Пятковскій.**

Открыта подписка, на **1902** г., на литературно-политическій журналъ:

Годъ XXI **„НАБЛЮДАТЕЛЬ“** Годъ XXI

Вступивъ въ двадцать первый годъ своего существованія, журналъ издается подъ прежней редакціей, въ томъ же *прогрессивно-національномъ* направленіи.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» выходитъ ежемѣсячно, **безъ предварительной цензуры**, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ, съ *иллюстраціями* въ текстѣ.

Годовая цѣна: 12 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою иногороднымъ; за границу — 14 р. **За полгода:** 6 руб. съ доставкою и пересылкою въ Россіи; за границу — 7 р. **За три мѣсяца:** 3 руб. съ доставкою и пересылкою въ Россіи; за границу — 4 руб. **За одинъ мѣсяцъ:** 1 р. съ перес. въ Россіи; за границу—1 р. 50 к. Гг. служащимъ допускается разсрочка (мѣсячная и по третямъ), но не иначе, какъ за поручительствомъ г.г. казначеевъ. *Книгопродавцамъ уступка—50 коп. съ годоваго экз. При подпискѣ полугодовой, уступки не полагается.*

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи: Ямская ул., близъ Владимірской церкви (уголъ Свѣчнаго пер.), д. № 24/9. и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала на почту *только передъ лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ*, а потому и проситъ г.г. подписчиковъ адресоваться *непосредственно* въ Главную Контору, *во избѣжаніе замедленій и неисправностей въ высылкѣ журнала.*

Изданная Редакціей книга: **«Князь В. Ѳ. Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ»**, литературныя характеристики, **А. П. Пятковскаго**, съ 2 портр., *изд. 3-ье*, одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. *для ученическихъ библіотекъ средн. учебн. заведеній* и допущена въ *безплатныя народныя читальни.* (Отношеніе Департамента нар. пр., отъ 5 дек., за № 33,337).

Редакторъ-Издатель А. П. ПЯТКОВСКІЙ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

Stanford University Libraries
3 6105 004 945 635

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD AUXILIARY LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-9201
All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

28D MAY 13 1994

JUN 0 1 1994